РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 5.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ, объявленіе о Русскомъ Архивѣ прежнихъ годовъ).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Θ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Θ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ старой записной книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Θ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. — Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Θ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ старой записной книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

2.

РУССКІЙ АРХИВЪ

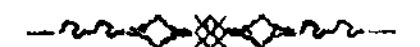
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

(1876).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1876.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

ПИСЬМО ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРЛОВА ЧЕСМЕНСКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Изъ Пизы въ С.-Петербургъ въ 1774 году.

Милостивый государь мой Григорій Александровичъ [1]).

Имѣлъ удовольствіе два письма, чрезъ курьеровъ, отъ васъ получить, одно Іюля отъ 29-го, а другое Августа отъ 12-го чиселъ, за что васъ нижайше благодарю. Поздравляю съ выгоднымъ и полезнымъ миромъ, такъ какъ соотчича и вѣрнаго слугу всемилостивѣйшей нашей Государыни. Тожъ и всѣхъ съ онымъ поздравляю, кто честно думаетъ и кто вѣрно объ ономъ старался. Теперь поздравляю васъ я персонально съ чиномъ генералъ-аншефа и со всѣми врученными вамъ легкими командами. Желаю, чтобъ вы и впредъ навсегда милость государскую носили.

Такъ какъ вы писали, что ея величеству угодно было писать самой ко мнѣ, я и получилъ милостивѣйшія повелѣнія и наставленія. Прошу васъ мое рабское и всеусерднѣйшее почтеніе повергнуть къ священнымъ стопамъ всемилостивѣйшей нашей Государыни. Что̀ жъ принадлежитъ до ввѣренныхъ мнѣ здѣсь командъ, то я всѣ мои силы и возможности употреблю, какъ возможно, чтобъ оныя благополучно возвратились въ свое Отечество, о чемъ отъ меня въ Архипелагъ уже и писано, съ подтвержденіями. И на первой случай назначены порты, въ которые имъ можно входить, поправляться и всѣмъ нужнымъ исправляться; тожъ и нужда онаго потребовала, чтобы въ здѣшнихъ гаваняхъ держать карантины. Зная жъ всегда вашу ко мнѣ любовь, въ такомъ случаѣ не могу вамъ о себѣ много добраго сказать; и никто столько нерадъ миру, какъ я: потому-что болѣзненные во мнѣ припадки совсѣмъ мое тѣло разрушили и всю силу отняли такъ, что я едва ль нахожу въ себѣ способность какую-нибудь службу впредъ нести, потому что недѣлю кажусь быть здоровъ, а двѣ и три недѣли меня разные припадки угнетаютъ, и особливо во внутренности множество обструкціевъ чувствую, хотя и всѣ способы противу онова употребляю приниманіемъ лекарствъ и черезъ день ѣзжу въ бани. Только со всѣмъ онымъ почти облегченія никакого себѣ не чувствую, а единая только надежда впредъ Божеское спасеніе и милость государская. Я жъ остаюсь вашъ, государя моего, покорный и вѣрный слуга

Графъ Алексѣй Орловъ.

1774-го года Сентября 25.
Изъ Пизы.

P. S. Что̀ вы пишете о полку Преображенскомъ, что вы объ немъ ваше попеченіе имѣете и постараетесь упущенное возставить, о томъ

---

[1]) Въ то время, когда писано это письмо, Потемкинъ еще не имѣлъ титуловъ: Россійское графство онъ получилъ въ слѣдующемъ (1775) году.

я нимало не сумнѣваюсь; и осталось мнѣ только радоваться, что я товарища хорошаго и попечительнаго имѣю. И я во всемъ полную надежду на васъ имѣю и желаю вамъ всякаго счастія и благополучія. Нижайше благодарствую, что вы обѣщаете меня увѣдомлять, какъ о посольствѣ [2]), такъ и о прочихъ дѣлахъ. Чтò жъ вы пишите о Пугачевѣ, что посланной казакъ Перфильевъ съ товарищи своими обѣщался его выдать и съ сообщниками первоначальными его, я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, еслибъ оной злодѣй былъ искорененъ какимъ бы нибудь образомъ. А лучше бъ желалъ, если бъ оной въ живѣ былъ пойманъ и, какъ возможно, продолжительную и примѣрную казнь надъ нимъ сдѣлать должно. Я все еще подозрѣваю и причины имѣю подозрѣвать, не Французы ли этой шуткѣ причина. Я, въ бытность мою въ Петербургѣ, осмѣлился докладывать; но мнѣ не вѣрили. А вотъ теперь еще стали и насъ пробовать о вѣрности, о чемъ я и въ теперешнемъ случаѣ ея величеству доносилъ [3]). И такъ, буде бы оной злодѣй пойманъ былъ, не дурно бы было распросить его о всѣхъ обстоятельствахъ, и нѣтъ ли при немъ кого изъ чужестранныхъ? А какъ вы на мѣстѣ, то можете лучше дѣло знать и по оному поступать. Я только то знаю, что для нашего Отечества великіе недоброхоты Французы.

(Изъ дѣлъ князя Потемкина, оп. 194. св. 32, изъ № 3).

Примѣчаніе. Письмо это важно потому, что касается той эпохи царствованія императрицы Екатерины II, когда она наиболѣе была озабочена внѣшними и внутренними дѣлами государства. Графы Орловы, сослуживъ для нея важную службу во время восшествія ея на престолъ и въ началѣ ея царствованія, сходили со сцены, и съ первыхъ мѣсяцевъ 1774 года во главѣ дѣлъ является князь Потемкинъ. Между тѣмъ отзывъ графа Орлова, что въ бунтѣ злодѣя Пугачева есть важная доля происковъ Французскаго двора, также заслуживаетъ вниманія.

Григорій Александровъ.

*

Объ отношеніяхъ братьевъ Орловыхъ къ Потемкину племянникъ и біографъ послѣдняго, графъ А. Н. Самойловъ, передаетъ между прочимъ слѣдующее. Лишившись одного глаза, Потемкинъ долго не показывался ко двору и въ обществѣ. Ходили слухи, будто онъ прикидывается больнымъ и нарочно носитъ на глазу повязку. Графы Григорій и Алексѣй Орловы вызвались предъ Государыней съѣздить къ нему. Орловы вошли къ Потемкину въ спальню невзначай и разными дверьми. „Теска (сказалъ ему графъ Григорій Григорьевичъ), Государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотрѣть". Потемкинъ сталъ отнѣкиваться. Тогда могучій Алексѣй Орловъ зашелъ сзади, схватилъ Потемкина поперекъ и держалъ, пока Григорій Орловъ снималъ повязку и удостовѣрялся, что на глазу дѣйствительное бѣльмо. „Ну, теска, мнѣ не такъ про тебя говорили, и всѣ сказывали, что ты проказничаешь. Изволь одѣться: Государыня приказала привезти тебя къ себѣ" (Р. Архивъ 1867, стр. 603). *П. Б.*

---

[2]) Т. е. о пересылкѣ съ Турціею послами.

[3]) На чтó тутъ намекается, намъ пока неизвѣстно.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Нижеслѣдующія письма и бумаги (историческая важность ихъ, кажется, не требуетъ поясненія) сохранились въ подлинникахъ, въ семейномъ архивѣ княгини Маріи Александровны Мещерской, родной правнуки графа П. И. Панина, оказавшаго Россіи величайшую услугу укрощеніемъ Пугачевщины. Услуга эта могла подвергаться сомнѣнію лишь въ сочиненіяхъ поверхностныхъ, какова напримѣръ книжка „Графы Панины" (1863), П. С. Лебедева, случайно встрѣтившаго важныя историческія бумаги, которыя онъ истолковалъ по первому впечатлѣнію, не имѣя возможности оцѣнить ихъ въ настоящемъ ихъ смыслѣ, такъ какъ тогда разработка Екатерининскаго вѣка еще только начиналась. Упоминаемъ о книжкѣ Лебедева, потому что она довольно распространена; но не одинъ онъ считалъ и изображалъ графовъ Паниныхъ своекорыстными честолюбцами, которые будто становились Екатеринѣ и Потемкину поперекъ дороги и возбуждали противъ нихъ великаго князя Павла Петровича: такое мнѣніе выражено во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ. Нареканія эти опровергаются окончательно письмами, которыя мы теперь печатаемъ, и въ особенности письмомъ Потемкина къ графу П. И. Панину. Сыновья Петровскаго генерала, дѣятели Елисаветинскаго времени, братья Панины конечно могли относиться къ Екатерининскому царствованію наблюдательно и не примыкали къ числу восторженныхъ ея поклонниковъ. Графъ Никита Ивановичъ содѣйствовалъ возведенію Екатерины на престолъ, но полагалъ, что она будетъ править Россіею до совершеннолѣтія *своего сына*. Приверженность графа Никиты Ивановича къ его царственному воспитаннику нельзя зачислять ему въ вину. Графъ Петръ Ивановичъ, бывшій правитель Пруссіи и генералъ-губернаторъ Кенигсбергскій, могъ считать себя недостаточно награжденнымъ за взятіе Бендеръ и, живучи въ отставкѣ, въ словоохотливой Москвѣ, могъ увлекаться пылкостью своего характера и гласно выражать неудовольствіе противъ правительства и противъ разныхъ злоупотребленій, которыхъ и въ Екатерининское время было немало. Государственныя заслуги и чистота побужденій давали ему возможность открыто заявлять свои сужденія; онъ спорилъ съ Екатериною въ Сенатскихъ засѣданіяхъ и вообще былъ извѣстенъ благородною независимостью мнѣній. Но какъ скоро являлась нужда государственная, оба брата Панины, забывали личныя неудовольствія и служили Государынѣ *вѣрою и правдою*.

Въ разгаръ Пугачевщины, лѣтомъ 1774 года, 53-лѣтній герой Кунерсдорфской баталіи (въ которую Фридрихъ Великій съ отчаянія думалъ лишить себя жизни) и недавній (1770) покоритель Бендеръ, графъ П. И. Панинъ, съ многочисленнымъ семействомъ своимъ, проживалъ на покоѣ въ Москвѣ, на Мясницкой, въ домѣ своемъ (нынѣ принадлежащемъ г. Бутенопу). Москвою правилъ младшій сподвижникъ его по Семилѣтней войнѣ, другъ графовъ Орловыхъ, князь М. Н. Волконскій. Императрица приказывала ему наблюдать за графомъ Панинымъ: очевидно, на нее дѣйствовали его рѣзкіе отзывы. Графъ Панинъ отдѣлывалъ себѣ дачу Михалково близъ Петровскаго-Разумовскаго и отстраивалъ въ ней подобіе *Бендерской* крѣпости. Клевета и услужливая сплетня не щадили прямодушнаго генерала. Какая-то Наталья Пассекова (дальняя родственница его супруги) посылала о немъ тайные доносы въ Петербургъ и дошла до того, что увѣряла, будто Московскій мятежъ 1771 года произошелъ по наущенію графа Панина. Екатерина съ презрѣніемъ отвергла эту

клевету; тѣмъ не менѣе ея письма къ Московскому главнокомандующему свидѣтельствуютъ, что сужденія графа Петра Ивановича, которыя конечно отзывались въ многочисленномъ кругу тѣсно съ нимъ связанныхъ родственныхъ семействъ, князей Куракиныхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Репниныхъ и пр., тревожили ее. Къ чести князя Волконскаго надо сказать, что въ донесеніяхъ своихъ онъ старался успокоивать Государыню (Осмнадцатый Вѣкъ, кн. 1-я). Тѣмъ временемъ положеніе первопрестольной столицы, „сего обширнаго селенія", было ужасно: Москва только что начинала оправляться послѣ бунта и моровой язвы, и теперь ей грозила участь Казани, взятой и сожженной Пугачевымъ. Московская чернь еще съ весны толковала о скоромъ прибытіи государя Петра Ѳедоровича. 22 Іюля, Екатерина, въ собраніи Государственнаго Совѣта, „объявила свое намѣреніе самой ѣхать для спасенія Москвы и внутренности Имперіи, требуя и настоя съ великимъ жаромъ, чтобы члены Совѣта сказали ей каждый о томъ свое мнѣніе". „Безмолвіе между нами было великое (писалъ объ этомъ засѣданіи графъ Н. И. Панинъ своему брату въ Москву). Я тутъ увидѣлъ до самой крайности безмолвное духовъ порабощеніе. Наконецъ Государыня ко мнѣ одному обратилась и съ большимъ вынужденіемъ требовала, чтобъ я ей сказалъ, хорошо или дурно она сіе сдѣлаетъ. Мой отвѣтъ былъ, что не только не хорошо, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости всей Имперіи; что когда она такимъ образомъ займется безпосредственно волненіемъ одной столь презрительной черни, тогда начнется неизбѣжно разрушеніе и погибель всей Россійской Монархіи, и что не можетъ быть истиннаго сына Отечества, который бы хотѣлъ дожить до сего злоключительнаго пункта. Ея Величество тутъ съ чувствительнымъ движеніемъ доказывала, какую пользу произвесть можетъ ея повсюду присутствіе и весьма противъ меня подкрѣпляема была новымъ нашимъ фаворитомъ (т. е. Потемкинымъ). Старый *) (князь Г. Г. Орловъ) съ презрительною индиферентностью все слушалъ, ничего не говорилъ и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ. Окликанные дураки Разумовскій и Голицынъ твердымъ молчаніемъ отдѣлались. Скаредный Чернышовъ (графъ Иванъ?) трепеталъ между фаворитами, въ полслова раза два вымолвилъ, что самой ей ѣхать вредно, и спѣшилъ записывать только имена тѣхъ полковъ, которымъ къ Москвѣ маршировать вновь повелѣно. Вице-канцлеръ (кн. А. М. Голицынъ) одинъ по своей способности мои разсужденія открыто подкрѣплялъ. Забылъ было сказать о дуракѣ Вяземскомъ. Ему полюбились манифесты и Казанскихъ дворянъ вооруженія, и потому представлялъ только, чтобъ и то и другое на Москвѣ сдѣлано было. Ты легко, мой любезный другъ, изъ сего познаешь, какъ мой духъ распаленъ былъ. Совѣтъ кончился тѣмъ, чтобъ обождать Румянцова курьера съ заключеніемъ мира, котораго однакоже такъ скоро заключить конечно не можно. Между тѣмъ я рѣшился на слѣдующій поступокъ. Послѣ обѣда взялъ новаго фаворита особенно и, облича дерзость его мыслей, которой ни лѣта, ни практика ему не могутъ дозволить и повторя резоны мною сказанные, угрожающіе разрушеніемъ Имперіи, объявилъ ему, что на отвращеніе сего я рѣшился ѣхать противъ Пугачева или отвѣтствовать за тебя, мой любезный другъ, что ты, при всей своей дряхлости, возьмешь на себя спасать Отечество, хотя бы то надобно было тебя на носилкахъ нести, если только Государыня того желаетъ, или же она никого лучше тебя избрать не можетъ, и чтобъ онъ пошелъ съ симъ моимъ объявле-

---

*) Т. е. прежній фаворитъ; лѣтами онъ еще былъ не старъ.

ніемъ къ Ея Величеству. Я скоро потомъ вошелъ самъ къ ней и тоже самое пересказалъ. Излишне будетъ подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые при томъ происходили, а довольно только сказать, что Государыня, будучи весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась предо мной, что она никогда не умаляла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя Отечества не спасетъ, что она съ прискорбіемъ тебя отъ службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать къ настоящему дѣлу по тому одному, что ты уже вышелъ изъ службы, и что наконецъ съ чувствительною радостію теперь слышитъ мое обнадеживаніе, что ты не отречешься въ семъ бѣдственномъ случаѣ еще служить ей и Отечеству. Вотъ, мой любезный другъ, каковымъ образомъ жребій твой рѣшился". (Сборн. Имп. Р. Истор. Общества, VI, 74—76).

Племянникъ Потемкина, графъ А. Н. Самойловъ передаетъ это событіе нѣсколько въ иномъ видѣ. По его словамъ, Потемкинъ, „яко безпристрастный патріотъ, ходатайствовалъ у Императрицы о препорученіи истребленія мятежа извѣстному мужу, отличному по заслугамъ и твердости духа, графу П. И. Панину. Но чтобъ и Монархиня не вынуждена была вызовомъ его на служеніе Отечеству, то Григорій Александровичь, соглася графа Никиту Ивановича Панина писать о томъ къ его брату, отправилъ съ тѣмъ нарочнаго чиновника и съ своимъ словеснымъ препорученіемъ и убѣжденіемъ, чтобы онъ, яко ревностный сынъ Отечества, просилъ Государыню всеподданнѣйшимъ отзывомъ о желаніи его служить и быть полезнымъ государству" (Р. Арх. 1867, стр. 1022). Упоминаемый здѣсь чиновникъ, отправленный къ Потемкину въ Москву изъ Петергофа, и былъ самъ графъ А. Н. Самойловъ. По своему тогдашнему положенію онъ не могъ знать это дѣло во всей точности, и слѣдов. разсказъ графа Н. И. Панина не подлежитъ сомнѣнію; а что Потемкинъ долженъ былъ уговаривать Государыню, чтобы она преодолѣла свои чувства относительно графа П. И. Панина, о томъ свидѣтельствуетъ ея записка къ Потемкину: „Господинъ графъ Панинъ изъ братца своего пзволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи. Если я сіе подпишу, то сама нималѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю". (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ. XIII, 420). И однако 29 Іюля 1774 г. Екатеринѣ пришлось подписать почти неограниченное полномочіе графу П. И. Панину и передать въ его распоряженіе цѣлый обширный край Россіи; въ сравненіи съ Бибиковымъ, онъ получилъ меньшую власть только въ томъ отношеніи, что Секретная Коммисія была выдѣлена изъ подъ вѣдѣнія главнокомандующаго и поручена родственнику и однофамильцу Потемкина *).

Державинъ не даромъ назвалъ Екатерину Фелицею, т. е. удачливою. Какъ и у многихъ великихъ людей, въ дѣйствіяхъ Екатерины мы видимъ, что счастливый случай и удача шли на встрѣчу ея душевной твердости и тонкимъ предначертаніямъ. Назначеніе графа Панина въ данномъ случаѣ было самое счастливое: еще живучи въ отставкѣ, графъ Панинъ вооружалъ своихъ дворовыхъ людей и намѣревался идти съ ними на встрѣчу Пугачевскимъ шайкамъ, въ случаѣ ихъ приближенія къ Москвѣ. Вельможи обращались къ нему за совѣтомъ, какъ имъ быть и спрашивали, что́ онъ намѣренъ дѣлать.—„Умереть!" отвѣчалъ имъ израненный от-

*) См. напечатанныя Я. К. Гротомъ бумаги Панина въ Зап. Акад. Н., т. III, № 4, стр. 8.

ставной генералъ. Понятно, что такой человѣкъ, получивъ власть, тотчасъ же оживилъ умы и положилъ конецъ колебаніямъ и сомнѣніямъ.

Читатели познакомятся теперь съ этимъ достопамятнымъ человѣкомъ въ его откровенныхъ письмахъ къ старшему и почитаемому брату. Русскіе люди прошлаго и нынѣшняго вѣка, принимаясь за перо, нерѣдко становились на реторическія ходули; но въ данномъ случаѣ сущность дѣлъ и отношеній явственно выступаетъ изъ-за фразъ и широковѣщательныхъ разглагольствій. *П. Б.*

I. Письма графа П. И. Панина къ брату его графу Никитѣ Ивановичу.

1.

Москва, 1774 года Іюля 21 дня.

Отъ графа Өедора Алексѣевича Апраксина [1]) письмо по его меня просьбѣ симъ препровождаю къ вамъ, милостивый мой другъ и любезный братецъ. Желая сердечно, чтобъ нашло оно васъ въ добромъ здоровьѣ и въ наилучшихъ удовольствіяхъ послѣдствіемъ полученнаго столь славнаго и полезнаго мира. Не надобно только, драгоцѣнный другъ, погрузиться по оному и по пораженію подъ Казанью Пугачева въ радости и веселія до тѣхъ поръ, чтобъ изъ памяти хотя на одинъ часъ выпустить, что сей злодѣй еще не истребленъ, что онъ по многимъ подобнымъ пораженіямъ все возстановляется, что отъ руки его мучительски умерщвляются дѣды и братія наши и что кровь согражданъ нашихъ не престаетъ невинно проливаться. А всего хуже, что духи отъ упоеннаго яду не только не вытрезвливаются, но еще сильнѣе упоеваются и размножаются.

2.

Москва, 1774 года Іюля 23 дня.

Послѣ какъ я сочинилъ на прошедшей почтѣ письмо къ вамъ, мой милостивый другъ и драгоцѣнный братецъ, лишь сѣлъ за обѣдъ, то пришла ко мнѣ лихорадка и такъ жестоко меня била близъ часа, какъ я оной во всю жизнь свою никогда не имѣлъ; потомъ до другаго дни продолжился великій жаръ съ ломомъ въ головѣ и волнованіемъ во всемъ во мнѣ летучей подагры. Со вчерашняго утра и по теперешнее не имѣю я въ себѣ другаго какъ великую слабость и нѣсколько тѣхъ же волнованій; но, чтобы иногда лихорадка мнѣ послѣ полудни не попрепятствовала, то я теперь же изготовилъ къ препровожденію въ милостивое ваше покровительство возвращающагося отсель нашего внука князь Александра Ивановича Лобанова [2]). Непристойно мнѣ вмѣщать мое у васъ за него заступленіе, по тому самому кровному и въ васъ съ нимъ какъ во мнѣ обязательству, кое не можетъ, кажется, въ доб-

---

[1]) 1733—1789. Родственникъ графовъ Паниныхъ черезъ князей Куракиныхъ.

[2]) Т. е. внучатнаго племянника. Князь А. И. Лобановъ-Ростовскій род. въ 1754, ум. 1830 г.

родѣтельной душѣ и само о немъ столько же какъ во мнѣ предстательства не дѣлать: то я представлю вамъ, драгоцѣнный другъ, одно только сіе. Неужели то непремѣнно надобно, по особливому долгу человѣчества и добродѣтели, чтобы самые ближніе къ вамъ, а паче когда они еще въ точной вашей командѣ, не только другихъ не превосходили, но съ ними не равнялись и отъ всѣхъ тѣхъ отставали, кто только самою какою нибудь дальностію прилѣплены къ людямъ знатныхъ степеней? Ежели это такъ, то нельзя не сказать, чтобъ жребій нашъ не былъ всѣхъ несчастнѣе: потому что время никогда не стоитъ, но съ нимъ лѣта проходятъ и вѣкъ у всякаго сокращается, и по моему примѣчанію, въ теперешнемъ состояніи сего внука нашего была бъ лучшая къ нему милость и обрадованіе нашей сестры, если бы онъ могъ быть помѣщенъ въ гвардію. Я прошу только того вашего, милостивый другъ, о немъ вниманія, что оба тѣ изъ нихъ наши внучата, кои были подъ моимъ начальствомъ и не перешли подъ ваше, далеко уже его теперь превзошли, а онъ подъ вами остается все тѣмъ же, чѣмъ отъ меня выступилъ, когда между тѣмъ и солдатскія дѣти по канцеляріямъ нижнихъ генераловъ не только до капитанскихъ, но и до штабъ-офицерскихъ чиновъ многіе достигли. Сіе не можетъ мать его не огорчать, а слезы оной не уязвлять обремененной уже старостію сестры нашей [3]).

Для любопытнаго прочтенія вашего, драгоцѣнный другъ, включаю я здѣсь полученныя мною вчерась изъ Казани два письма. Изъ нихъ увидите вы, какъ злодѣй при всякихъ его пораженіяхъ не ужасается тотчасъ опять самъ на побѣдителей нападать и находитъ способы весьма скоропостижно силу свою умножать (а онъ уже теперь перешелъ Волгу на нашъ берегъ), и какъ шуринъ мой Петръ Алексѣевичъ [4]) резервъ въ зàмокъ ввелъ, а не по веревкѣ черезъ стѣну встащилъ, какъ здѣсь проѣзжій курьеръ разгласилъ.

3.

Москва, 1774 года Іюля дня.

Вручитель сего представитъ вамъ, милостивый мой другъ и любезный братецъ, чрезъ Ивана Демидовича посланныхъ съ нимъ изъ

---

[3]) Княгини Александры Ивановны Куракиной (1711—1786), дочь которой кн. Екатерина Александровна (1735—1802) была за мужемъ за княземъ Ив. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ (ум. 1791). Княгиня Александра Ивановна была на много лѣтъ старше обоихъ своихъ братьевъ. По мужу своему, родному племяннику царицы Евдокіи Ѳедоровны, она принадлежала къ самой родовитой знати того времени. Эта почтенная вдова (проживавшая въ нынѣ полуразрушенномъ домѣ въ глубинѣ огромнаго двора, на нижней Лубянской площади, противъ извѣстнаго дома Шипова и въ виду новостроящагося Музея) была средоточіемъ безчисленной родни. Родство и кумовство конечно давали нерѣдко поводъ къ злоупотребленіямъ; но въ тоже время тѣсныя семейныя и родовыя связи представляли собою великую общественную и обязательную силу, въ нашъ вѣкъ, подобно многимъ нравственнымъ силамъ прошлаго времени, совершенно ослабленную.

[4]) Татищевъ, извѣстный Мартинистъ, родной братъ первой супруги графа П. И. Панина.

Москвы двухъ жеребцовъ: темногнѣдаго, полученнаго мною съ завода графа Алексѣя Григорьевича, и свѣтлогнѣдаго, родившагося на томъ нашемъ Орловскомъ заводѣ, который теперь переводится къ вамъ въ Вяземскія вотчины. Да приказано жъ ему, слѣдуючи чрезъ оныя вотчины, принять и привести къ вамъ вороночалаго тамошняго жеребца, о которомъ вы мнѣ прежде приказывали. Желаю сердечно, чтобъ Орловскаго заводу жеребецъ, которому только нынѣ четыре года, показался передъ вашими глазами столько, сколько онъ мнѣ съ здѣшними конскими охотниками показался быть достоинъ ѣздить вамъ на немъ самимъ. Можетъ быть и я, также какъ другіе, по самолюбію ослѣпился; но мнѣ кажется, какъ и здѣшніе знатоки утверждали, что за диковинку въ Россіи выродилась такъ во всѣхъ статьяхъ Аглицкая лошадь.

4.

Москва, 1774 года Августа дня.

Милостивый мой другъ и любезный братецъ. Изъ многаго уже я примѣчалъ, а сегодня полученное мною съ нашими внучатами ваше откровенiе [5]) утвердило меня во всей точности, что жребій службы обоихъ насъ непремѣнно преположилъ воздавать нашей истинной непорочности, безпредѣльной вѣрности къ Государямъ и Отечеству, усерднѣйшему рвенію о ихъ цѣлости и безвредности, самыми наитруднѣйшими и опаснѣйшими насъ обремененіями. Вижу я и чувствую во всемъ пространствѣ, какое критическое положеніе въ стеченіи разныхъ обстоятельствъ теперь обоихъ насъ поставило; больше всего въ томъ меня поражаетъ ваше тяжкое онаго восчувствованіе. Пожалуйте, драгоцѣнный другъ, мужайтесь и крѣпитесь къ сохраненію единственно своего здоровья. О братѣ своемъ иного не заключайте, что онъ всего ужасается только издали, а при настояніи самыхъ и величайшихъ угроженій, никогда не допуститъ себя отвратить отъ единожды принятыхъ и до смерти сохраняемыхъ своихъ правилъ, чтобы соблюсти всегда истинную свою вѣрность къ Государю, безпреминовенное усердіе къ Отечеству и неповрежденіе собственной чести и репутаціи, оставляя впрочемъ съ собою быть, чтó Вышнему Промыслу угодно. При сихъ единственно правилахъ буду я способствоваться преподанными вашими въ ономъ письмѣ мнѣ совѣтами, вслѣдствіе которыхъ вы найдете желаемое вами, въ приложеніяхъ у сего, съ моимъ на оное отвѣтомъ. Сверхъ того имѣю я съ вами, любезный другъ, о слѣдующемъ еще побесѣдовать, для чего и отправилъ сіе къ вамъ съ внукомъ нашимъ, княземъ Лобановымъ, который охотно взялся сдѣлать еще сію скоропостижную къ вамъ и обратно переѣздку, давъ ему при томъ и реляцію къ Ея Величеству по моему теперь настоящему [6]) служенію. Изъ того приложенія вы сами, мой другъ, усмотрите, что нѣтъ ни малѣйшаго отношенія на мою волю остав-

---

[5]) Это письмо есть отвѣтъ на приведенное выше письмо графа Никиты Ивановича. [6]) Т. е. которое настоитъ, предстоитъ.

лять князя Щербатова [7]), какъ и многаго прочаго Совсѣмъ онъ того въ себѣ не имѣетъ, въ чемъ Григорій Александровичъ [8]) вамъ на него ссылался.

Пожалуй, любезный другъ, паче всего разрѣшите меня съ симъ вручителемъ, черезъ кого можно по теперешнимъ обстоятельствамъ и какимъ образомъ удобнѣе мнѣ бы посылать свои реляціи. Я до сѣхъ поръ такъ поступалъ, что настоящую одну реляцію, адресовавъ въ собственныя руки, во особливомъ пакетѣ препроводилъ къ вашему наставленію, чрезъ кого оную подать; на собственноручное первое письмо, послѣдуемое письмомъ ко мнѣ отъ Григорья Александровича, отвѣтствовалъ письмомъ же, препровождаемымъ въ его пакетѣ для поднесенія, кое включено было подъ вашимъ адресомъ; а на полученное съ стафетою, на кое вы въ послѣднемъ ссылаетесь, отвѣтствовалъ письмомъ же на нарочномъ стафетѣ въ собственныя руки [9]).

Прилагаю я при семъ прожектъ сочиненному мною для обнародованія извѣщанію противу злодѣя Пугачева. Составлялъ я его какъ мнѣ лучшая моя мысль предсказывала такимъ слогомъ, какъ бы могло внятнѣе быть послѣдней черни, на озлобленіе его во оной и на отвращеніе ея отъ него, преполагая издать его печатнымъ въ трехъ врученныхъ мнѣ губерніяхъ, и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ войски мнѣ порученныя сего злодѣя преслѣдуютъ.

Пожалуй, любезнѣйшій другъ, возврати его мнѣ какъ можно поспѣшнѣй съ симъ же вручителемъ, котораго можете независимо отъ другихъ отправить какъ нашего внука, присыланнаго отъ меня для нѣкоторыхъ закупокъ (а по тому случаю и дана ему была реляція), препроводя оное сочиненіе вашими перемѣнами или утвержденіемъ, по собственному вашему внимательному разсмотрѣнію.

Не сомнѣваюсь я никакъ, чтобъ могло повстрѣчаться какое затрудненіе во взятьи мнѣ съ собой отсель медика и аптеки съ лекаремъ. А какъ здѣсь находящійся подъ вѣдомствомъ Медицинской Канцеляріи докторъ Герасмусъ, изъ особливаго усердія, собственною волею на то ко мнѣ представился, естьли вы только находящагося теперь въ Петербургѣ доктора Аша (зависящаго своимъ дѣломъ, какъ онъ сказываетъ, отъ васъ единаго) поспѣшно разрѣшите отъ онаго и отпустите въ Москву, дабы онъ Герасмусъ могъ ему здѣшнихъ своихъ паціентовъ до возвращенія своего вручить.

Извлеките себя, дорогой другъ, изъ безпокойства о любезной моей Марьѣ Родіоновнѣ [10]): ея истинное добродѣтельное ко всему

---

[7]) Князя Ѳ. Ѳ. Щербатова, неудачливаго предводителя войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева. По смерти Бибикова онъ былъ назначенъ предводительствовать только временно, безъ большихъ полномочій. [8]) Потемкинъ. [9]) Вся эта переписка обнародована покойнымъ графомъ В. Н. Панинымъ въ Сборникѣ Импер. Русскаго Историческаго Общества, въ томѣ VI-мъ, а упоминаемое ниже извѣщаніе, напоминающее намъ мѣры графа Муравьева 1863 года, напечатано въ академич. изданіи сочиненій Державина, V, 288. [10]) Урожденная Вейдель, вторая супруга графа П. И. Панина.

расположеніе и самоё себя прежде еще вашего письма поставило въ то, что она, примѣтивъ изъ первой депеши тожъ самое чтò вы, отложила поѣздку свою въ Петербургъ до лучшаго времени. А намѣреніе ко оному было наше съ ней общее, въ разсужденіи какъ той пристойности, чтобъ принести благодареніе за избраніе меня, быть очевидицею всего противъ меня поведенія, пользоваться съ вами свиданіемъ, представить вамъ нашихъ дѣтей, привить большому оспу и разрѣшиться съ лучшею безопасностію отъ своей зачеишейся беременности. Но теперь я хотя и на заочность, однакожъ со всѣмъ тѣмъ поручаю ее въ ваше дружеское попеченіе, ничѣмъ нераздѣльно какъ себя собственно и съ тѣмъ, что и она сама прилѣплена къ вамъ душою и сердцемъ не меньше какъ я.

5.

Москва, 1774 года Августа 3 дня.

Напослѣдокъ, драгоцѣнный мой другъ и милостивый братецъ, все обыкновенное, по нашему общему съ вами въ службѣ жребію, со мной совершилось. Я вчерась предъ полуднемъ получилъ чрезъ господина гвардіи капитана Лунина всѣ извѣстныя вамъ, частію имянныя повелѣнія, препорученія и снабженія. Не имѣю я нужды воображать и представлять вашему, дорогой другъ, проницанію и кажется мнѣ необходимому сочувствію всего того со мною, чѣмъ я теперь сталъ быть объятъ и какому бремени и жребію подвергнулись остатки дней живота моего, обремененные увѣчною дряхлостію и наступающею уже старостію. Я безмолвственно отвращаю мои глаза отъ всего прочаго кромѣ единственныхъ: чести и вѣрности къ Отечеству и къ Государынѣ, повелѣвающихъ слѣдовать долгу истинной службы, поручая свой жребій во власть Всевышняго на излеченіе ранъ страждущаго Отечества. Изъ копій здѣсь включенныхъ, какъ съ реляціи къ подношенію вашему симъ препровожденной, такъ съ письма къ доставленію Григорію Александровичу и со включеннаго въ него къ Ея Величеству, равнымъ образомъ и съ указу даннаго въ Военную Коллегію и въ Сенатъ равнаго содержанія о возложенной на меня сей экспедиціи, усмотрите вы, любезной другъ, во всемъ пространствѣ все настоящее существо моего вступленія къ распоряженіямъ, и образъ обращеннаго вниманія на важность порученнаго мнѣ дѣла и на предписаніе о моемъ вступленіи во отправленіе сей только коммиссіи. Пришелъ жребій, дорогой другъ, всему тому безмолвственно преклониться; но вопіетъ человѣчество о незамолчаніи предъ вами для полезнаго и безъ упущенія времени употребленія въ мою пользу о слѣдующемъ:

1-е. Расторженную почти по половинѣ всего государства столь важную экспедицію, очень непонятно какъ возможно съ надобною поспѣшностію въ потребную связь привести, не имѣя кругъ себя ни штатныхъ людей, а и полную мочь такую, противу которой собственноручное противорѣчіе ознаменовано. Слѣдовательно и остается пользоваться ею въ набираніи необходимо потреб-

ныхъ орудій въ тѣхъ только врученныхъ мнѣ губерніяхъ, въ которыхъ ихъ нѣтъ, не имѣя къ тому нигдѣ, кромѣ какъ развѣ на самомъ краю производимыхъ теперь злодѣйскихъ поисковъ, никакого соединеннаго корпуса, ниже и такого прикрытія, за которымъ бы по утвержденнымъ позиціямъ возможно было главному военачальнику доѣхать и туды между чернью, зараженною духомъ во всемъ способствовать и все предавать бунтовщикамъ. Нѣтъ мнѣ никакихъ средствъ выѣхать отсель прежде, пока разосланные съ повелѣніями моими во всѣ мѣста вчерась же курьеры ко мнѣ возвратятся и дадутъ мнѣ привезенными извѣстіями настоящее спознаніе о избраніи удобнѣйшаго мнѣ мѣста къ всеобщему распоряженію и ополченію противу главныхъ силъ и самоличности государственнаго врага, и пока же не прибудетъ сюда столько полковъ, изъ которыхъ бы возможно было мнѣ взятымъ удѣленіемъ не обнажить сего города отъ поиску злодѣйскаго и внутренней въ черни разглашающейся къ тому готовости. Да и сверхъ всего того изъ отставнаго бытія надобно мнѣ все передѣлать и приготовить къ полевому содѣйствію и ко оставленію жены и дѣтей на отлучное пребываніе. Ко всему тому пожаловано мнѣ пять тысячь, да на канцелярскіе и чрезвычайные расходы токмо столько же [11]). Но на послѣднее, кажется, востребуется несравненно болѣе. Не предписано мнѣ и о столовыхъ деньгахъ, какъ я уже въ прежней службѣ три раза получалъ со отправленіемъ всегда моего служенія со особливою пользою и съ споспѣшествованіемъ къ славѣ Ея Величества; то неужли-то, при теперешнемъ меня избраніи къ столь трудному и важному государственному служенію, лишатъ и сего вспоможенія, безъ котораго всеконечно братъ вашъ принужденъ будетъ умножить и ввергнуть въ долги приготовляющійся къ сиротству свой домъ и дѣтей, неудобь имъ сносимые? Съ нетерпѣніемъ остается ожиданіе мое тщетнымъ обѣщаннаго отъ васъ дополненія на мое первое отправленное чрезъ васъ къ Ея Величеству письмо и къ вамъ собственно внушеніе. Счастливъ я буду, естьли оно хотя чѣмъ нибудь облегчитъ мое теперешнее внутреннее себя заниманіе.

2-е. Припадки извѣстные вамъ моихъ увѣчныхъ болѣзней, всякій разъ угрожающихъ смертію безъ помощи надежныхъ медиковъ и лекарствъ, при неимѣніи которыхъ и не можетъ мнѣ о себѣ ничто лучшее предвозвѣщаться какъ второй томъ покойнаго Александра Ильича ко ознаменованію случившагося тому мѣста подобнаго Бугульмѣ. Къ предупрежденію чего исходатайствуйте вашимъ возможнымъ предстательствомъ, чтобъ я могъ безъ предосужденія взять отсель при себѣ доктора, штабъ-лекаря и аптеку. Когда вамъ, любезной другъ, случай представился вовлечь брата вашего въ сіе положеніе, то не пощадите возможности и трудовъ вашихъ исходатайствовать и доставить ему всѣ необходимо-потребныя вспоможенія и снабженія.

---

[11]) *Зап. Ак. Наукъ*, т. III, № 4, стр. 7.

6.

Москва, 1774 года Августа 10 дня.

Препровождаю съ нашимъ князь Степаномъ Борисовичемъ [12]) настоящую мою реляцію къ вашему, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, наставленію, чрезъ кого и какимъ образомъ ее доставить ему до собственныхъ рукъ, какъ я до сихъ поръ еще ни въ наставленіи объ томъ, ни на что другое, по моимъ къ вамъ письмамъ не имѣю ничего въ полученіи послѣ доставленнаго мнѣ съ Лобановымъ вашего письма.

Ему жъ поручилъ я подъ руководствомъ вашимъ доставить и отправленное мое письмо Григорью Александровичу, со вложеннымъ поздравительнымъ Ея Величеству о мирѣ, о торжествѣ котораго вчерась ужъ здѣсь получено высочайшее ея повелѣніе, и въ отвѣтъ весьма короткаго, полученнаго мною отъ него въ 9 день сего мѣсяца, а писаннаго еще 2-го числа.

Настоящія мои реляціи не могу ужъ я себѣ представлять, чтобъ проходили вашего свѣдѣнія, хотя по конференціи; въ томъ заключеніи о теперешнемъ существѣ настоящаго моего дѣла я относусь къ вамъ на сію послѣднюю.

Князь Степана Борисовича избралъ я къ сей посылкѣ въ семъ намѣреніи, что не предвижу ни пользы, ни чести, ни выгоды войтить ему ко мнѣ въ прежнее при своемъ генералѣ званіе, къ такому на меня возложенному дѣлу, кое при самомъ начатіи обращается въ сыскную разбойникамъ экспедицію. И естьли бы ему необходимо ѣхать со мной было надобно, то не инако какъ развѣ на своемъ иждивеніи по собственному усердію и желанію молодому офицеру научаться всему тому, что̀ можетъ по военному ремеслу случаться. Но гораздо бъ полезнѣе и удобнѣе для него я поставлялъ вступить ему теперь генеральсъ-адъютантомъ къ князь Николаю Васильевичу [13]), или по послѣдней мѣрѣ, когда сей употребленъ будетъ въ посольство, быть употреблену же къ оному посольству.

Князя Лобанова я полагаю взять къ себѣ въ должность флигель-адъютанта, для того, что сіе можетъ ему доставить скорѣе капитанскій чинъ и настоящее мѣсто дворянину службы. Пожалуйте, драгоцѣнный другъ, скажите мнѣ скорѣй ваше объ нихъ обоихъ преположеніе; я на случай, естьли князь Степану Борисовичу непремѣнно при мнѣ быть надобно, сдѣлаю распоряженіе такое, чтобъ онъ въ то мѣсто ко мнѣ поѣхалъ, которое я установлю главнымъ моимъ плацъ-дармомъ ко отпраленію моего служенія.

7.

Москва, 1774 года Августа 13 дня.

Вчерась по утру получилъ я чрезъ капитана гвардіи Галахова собственноручнымъ отъ Ея Величества предписаніемъ по нынѣш-

---

[12]) Куракинымъ, тоже внучатнымъ племянникомъ графа Панина.

[13]) Репнину, женатому на внучатной племянницѣ графа Панина, княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

нему моему служенію новую экспедицію, къ произведенію которой онъ капитанъ и употребленъ [14]). Не сомнѣваюсь я, чтобъ вы, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, не получили хоть по отбытіи его объ оной свѣдѣнія. Меня крайне оскорбляетъ, что такія отправленія минуютъ и того, чтобъ вы мнѣ съ ними сказывали хоть о своемъ состояніи. Прошедшую ночь принужденъ я сему капитану, весьма строптиво отправленному, дѣлать отъ себя отправленіе, хотя въ тожъ время Марья Родіоновна обливалась слезами, а мое сердце терзалось чувствіемъ умирающаго меньшаго сына моего, который хотя еще насъ себя и не лишилъ, но, кажется, что больше борется съ смертію, нежели подаетъ надежды ко оживленію. Нельзя однакожъ мнѣ было освободить себя и отъ того, чтобъ сего нарочнаго вручителя не экспедировать сегодня жъ съ реляціею до собственныхъ Ея Величества рукъ, какъ для увѣдомленія по той господина Галахова экспедиціи, такъ и по существу настоящаго и отъ разныхъ мѣстъ сообщеннаго положенія, требующаго отвсюду поспѣшной моей помощи, а происходимаго не только изъ дѣйствій самаго государственнаго злодѣя, но и изъ посѣяннаго имъ чрезъ оглашенія прельщаемаго яда во всей нашей черни.

По послѣдней мѣрѣ не сомнѣваюсь я, чтобъ настоящія мои реляціи съ ихъ приложеніями могли проходить вашего, любезный другъ, свѣдѣнія, хоть по конференціи [15]), для того и по сей послѣдней я отношусь вамъ на нее собственно.

Безпокоитъ меня, между прочимъ и то, что я по моей обыкновенной чистосердечной предъ Государемъ откровенности не послѣдую другимъ въ томъ, чтобъ не наносить неудовольствія непріятными и огорчительными приношеніями. Я въ томъ почитаю, дорогой другъ, сущую измѣну и нанесеніе величайшей Отечеству вредности, дабы сокровеніемъ настоящихъ приключеній отдалять отъ тѣхъ способій, которыхъ настоящее отвращеніе государственнаго вреда всегда требуетъ. Кажется теперь и по возложенному на меня дѣлу открывается, подобно какъ и въ несчастное язвою пораженіе, что скрытіемъ и утаеніемъ того, что̀ въ самое себя объявленіе требуетъ скоропостижныхъ и самыхъ строгихъ способій къ пресѣченію, распространили до столь чувствительнѣйшей степени, которая еще гораздо больше окажется, когда о всемъ изъ того нынѣ происходимомъ настоящія освѣдомленія соберутся. Пожалуй, драгоцѣнный другъ, сколько возможно охраняй отъ клеветниковъ и злотолкователей противу меня. Въ сей чистосердечной откровенности утверждаю, что я никакими лжами и утаеніями съ пользою служить не могу.

---

[14]) Говорится объ извѣстномъ обманномъ предложеніи казака Трифонова выдать Пугачева. Все это дѣло велось черезъ князя Орлова. Екатерина ухватилась за предложеніе Трифонова съ горячностью, чтобы дѣйствовать мимо графовъ Паниныхъ.

[15]) Конференціею графъ Панинъ зоветъ (по старой памяти Елисаветинскаго времени) тогдашній Государственный Совѣтъ, одно изъ засѣданій котораго описано его братомъ (см. выше, стр. 8).

Съ величайшимъ смущеніемъ не дождусь я еще и теперь никакой отъ тебя отповѣди, ниже и никакого извѣстія не токмо на отправленіе мое съ нашимъ Лобановымъ, ниже и на курьера, прежде его отправленнаго. Прекрайне буду я оскорбленъ, естьли вы меня въ томъ же недоумѣніи допустите выѣхать и отсель, что̀ всеконечно въ концѣ сей недѣли я сдѣлать долженъ.

8.

Москва, 1774 года Августа 15 дня.

Прискорбное мое предугаданіе, вижу, милостивый другъ и любезный братецъ, со мною совсѣмъ сбывается, что я отсель выѣзжаю безъ полученія отповѣди ни на что, не только отъ двора, ниже и отъ васъ собственно, хотя уже бы могли два курьера, отъ меня къ вамъ посланные, по теперешній часъ ко мнѣ возвратиться. Сіе я пишу сегодня ввечеру, чтобы бюро свое совсѣмъ закрыть, а самому завтра на разсвѣтѣ выѣхать. Естьли вы, мой дорогой другъ, отпускаете меня съ такою безъизвѣстностію, частію и по собственной вашей медленности или нераченію, то согрѣшаете непростительно. Кромѣ того я теперь разстаюсь съ прелюбезнѣйшею женою, прилѣпленною ко мнѣ всею душою и истинною добродѣтелію. Она чувствуетъ, что отпускаетъ меня къ преодолѣнію того, на что̀ бы составъ человѣческій, и неразрушенный такими увѣчными болѣзнями съ приближеніемъ старости, могъ бы быть недостаточенъ, остается беременною во окруженіи дѣтей въ младенческомъ состояніи [16]). Меньшой изъ нихъ нашъ сынъ припадкомъ младенческимъ четвертые уже сутки какъ борется между животомъ и смертію. Она горестное свое пораженіе раздѣляетъ на то и на другое. Нельзя, любезный другъ, и мнѣ сего не чувствовать наисильнѣйшимъ образомъ, присовокупляя еще страждущую сестру нашу отчаяніемъ по приближеніи къ концу своего вѣка больше со мной не видѣться. Со всѣмъ тѣмъ я съ свѣтомъ вдругъ завтра отсель ѣду, посвящая себя въ служеніе своему Отечеству, какъ бы то кѣмъ развращаемо ни было. Въ сихъ сильнѣйшихъ моихъ чувствіяхъ и разныхъ воображеніяхъ я мысленно объемлю твою шею. Говорю прости, любезнѣйшій другъ, еще на дальнѣйшее отстояніе. Тебѣ въ призрѣніе поручаю я на всякой случай дѣтей моихъ; будь имъ вмѣсто меня отцомъ, а въ Марьѣ Родіоновнѣ вручаю вамъ себя самого. Всѣ къ ней отъ васъ дѣянія принимать я буду мнѣ собственными; она всеконечно того достойна и оное заслуживаетъ не по единому совершенно добродѣтельному ко мнѣ прилѣпленію, но по самой искреннѣйшей привязанности и преданности къ вамъ, любезный другъ, собственно, и по расположенію души своей въ правилахъ самой истинной добродѣтели и чести. Я увѣренъ, когда бъ случай пришелъ вамъ съ нею ближе и подолѣ быть, то бъ вы всеконечно отдали ей справедливость и обратили бъ къ ней всю драго-

---

[16]) У графа П. И. Панина, отъ двухъ браковъ, было 22 человѣка дѣтей, изъ коихъ только двое выросли: графъ Никита Петровичъ, родившійся въ 1771 г. въ Харьковѣ, и Софья Петровна Тутолмина.

цѣнность души вашей. Сего я отъ васъ, любезный другъ, и испрашиваю къ ней всѣмъ моимъ братствомъ и дружбою.

Со вручителемъ сего отправилъ я къ наставленiю и вамъ врученiю послѣднюю изъ здѣшняго мѣста мою реляцiю со многими приложенiями къ точному означенiю всей картины моего нынѣшняго дѣла и государственнаго приключенiя [17]. Пространство оныхъ обнадеживаетъ меня тѣмъ паче, что не можетъ оно миновать просмотрѣнiя въ конференцiи. Я для того на нихъ къ вамъ только ссылаюсь. А включаю здѣсь единственно копiю съ письма отъ меня, съ нимъ же отправленнаго къ Григорiю Александровичу. Всѣмъ своимъ курьерамъ даю я прогоны съ возвратомъ, въ томъ намѣренiи, чтобъ вамъ, дорогой другъ, была удобность при замедленiи дворскаго отвѣта возвращать нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ едиными вашими меня увѣдомленiями. Инако же буду я, повидимому, погруженъ въ невѣдѣнiе не только на мои приношенiя, но и о состоянiи вашемъ, что̀ конечно предускоритъ положить меня въ гробъ и въ чемъ вы противу обличенiя совѣсти вашей никогда оправдаться не можете. А потому я сего жестокаго жребiя отъ васъ себѣ ожидать и не позволяю. Какъ не подоспѣлъ отвѣтъ вашъ, милостивый мой братъ, на сообщеннный къ вамъ прожектъ моему изданiю! А въ другомъ мѣстѣ кромѣ здѣшняго мнѣ уже бы не было гдѣ напечатать, для того я оный въ той точности, какъ къ вамъ посылалъ, здѣсь уже напечаталъ и, переѣхавъ Оку, буду его повсемѣстно издавать [18].

9.

1774 года Августа 25 дня, село Ухолово, лежащее на половинѣ дороги между Переславля Рязанскаго и Шацка.

Послѣ отправленнаго послѣднимъ къ вамъ, милостивый мой другъ и драгоцѣнный братецъ, теперь работая безперерывно двои сутки собственною диктатурою въ разныя мѣста и по разнообразнымъ дѣламъ, получилъ первой случай съ возвращающимся курьеромъ къ князь Михаилу Никитичу [19] послать мою депешу ко двору чрезъ его сiятельство, писанную отъ сего жъ числа и заслуживающую вашего министерскаго вниманiя. Естьли вы ее къ прочтенiю своему испросить можете, то я, на оную сославшись, не имѣю уже ни силы, ни времени иного вамъ, драгоцѣнный другъ, сказать кромѣ: я здоровъ. Духъ брата твоего, утвердясь совершенно, никогда не упадетъ ни отъ чего подъ тѣмъ, что̀ на него возлагаетъ сущая вѣрность къ владѣющей Государынѣ и къ Отечеству. Мерзитъ онъ всесовершенно, слыша скаредное оному низложенiе и въ другихъ, а чаетъ, что и въ нихъ главная причина тому нечистота души и похищенное погруженiе себя чрезъ роскоши и великолѣпiя въ долги, совсѣмъ погубляющiе ихъ при лишенiи себя руки протекцiи. Братъ

---

17) Сборникъ Имп. Ист. Общ., т. VI, стр. 104.

18) Напечатанъ въ сочиненiяхъ Державина, изд. Грота, т. V, стр. 288.

19) Волконскому, Московскому главнокомандующему.

твой ни тому, ни другому никогда не былъ и не будетъ причастенъ; положить ему животъ въ законномъ служеніи своей Государынѣ и Отечеству—лучшее его, особливо при приближеніи старости, есть услажденіе. Еслибъ ты, любезный другъ, могъ видѣть теперь стеченіе отвсюду собратій нашихъ къ твоему брату, оживотворившихся его приближеніемъ и признающихъ возвращеніе своей жизни отъ его руки, то бъ извѣстная мнѣ душа твоя особливо еще признала, что недостойны мы по нашимъ жребіямъ инако жить какъ только съ бодрствующимъ духомъ, а и умирать уже съ сладостію.

Любезныя ваши письма послѣднія я имѣю два сего мѣсяца отъ 15 и 19 чиселъ; за нихъ я васъ съ мысленнымъ душевнымъ объятіемъ благодарю наичувствительнѣйше. Скажите пожалуйте Денису Ивановичу [20]), что я и его послѣдними имѣю въ полученіи отъ 12 и 19 чиселъ. По первому все мнѣ возможное къ сдѣланію изыскивать лучшей удобности не премину, а отвѣтствовать на нихъ оставляю до перваго отъ меня курьера.

10.

1774 году Августа 28 дня. Шацкъ.

Препровождая симъ въ собственныя руки Ея Величества мою реляцію, ссылаюсь вамъ, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, на оную, естьли можете къ прочтенію испросить, на письмо мое къ Григорью Александровичу и на здѣсь вложенное къ Денису Ивановичу, также и на копіи подъ литерами А. Б. В. и съ полученныхъ мною послѣднихъ рапортовъ съ приложеннымъ допросомъ отъ полковника Михельсона и съ сообщенія Воронежскаго губернатора. Надѣюсь, все оно проницанію вашему, любезный другъ, покажетъ во всей точности картину и моего въ вышней степени критическаго теперь положенія, и существо нашихъ малодушныхъ отдаленныхъ начальниковъ. Когда уже за двумя рѣками Медвѣдицею и Хопромъ коменданты трепещутъ въ крѣпостяхъ отъ отнятія у нихъ казаками и крестьянами оныхъ, когда губернаторы по тому разсылаютъ только денно и нощно курьеровъ, чтобъ полевые генералы съ пѣхотою одного полку поспѣвали чрезъ 400 верстъ такихъ комендантовъ избавлять, когда такъ называемыя полевыя команды съ осмью пушками отдаютъ себя казакамъ и крестьянамъ въ полонъ, и когда на вѣрность нашихъ Донцовъ нельзя полагаться и напослѣдокъ когда же въ здѣшнемъ краю и на Дону столько токмо хлѣба, что развѣ злодѣямъ яко передовымъ достанется на пропитаніе, а издали куда везти и гдѣ магазейны заготовлять, еще положить нельзя: то подумайте сами, чѣмъ душа брата вашего должна быть теперь наполнена! Благодарю Вышнему Существу, что только духъ его не упадаетъ и здоровье сносно.

---

[20]) Фонъ-Визину.—Къ сожалѣнію, его переписка за это время съ графомъ Панинымъ не сохранилась.

11.

1774 году Августа 30 дня. Шацкъ.

Ночесь полученный рапортъ отъ полковника Михельсона, что по приближеніи его къ злодѣю, начавшему свое покушеніе на Царицынъ, побѣжалъ онъ тотъ моментъ внизъ по Волгѣ къ Астрахани, препроводилъ я съ сегоднишнею реляціею ко всемилостивѣйшей Государынѣ, о врученіи которой прошу васъ, милостивый другъ и драгоцѣнный братецъ, дать наставленія подателю сего. Я, сославшись на оную и на отправленное къ вамъ мое со вчерашнимъ курьеромъ письмо, то только скажу, что теперь отсель выѣзжаю.

Письмо къ князю А. Б. Куракину.

1774 году Августа 30 дня. Шацкъ.

Хотя по отнимаемому у меня времени теперешнимъ неотлагаемымъ моимъ служеніемъ не успѣлъ я еще на послѣднее ваше, любезный князь Александръ Борисовичъ, письмо ничего сказать; но надѣюсь, что настоящій мой тѣмъ отвѣтъ, что въ тожъ время приказалъ Ивану Григорьевичу переслать требованную вами 1000, не меньше пріятенъ вамъ онаго быть могъ и не меньше служитъ ко удостовѣренію, что никакое обремененіе не пресѣкаетъ моего усерднаго попеченія о вашихъ, любезный другъ, дѣлахъ, и что оному еще пріятнѣе будетъ получать мнѣ въ дальнѣйшемъ теперь отсутствіи любезную вашу переписку, потому что я всеконечно есмь и во всякомъ мѣстѣ непремѣнно пребуду вашъ, мой драгоцѣнный другъ, и проч.

12.

Керенскъ. 1774 Сентября дня.

Нѣсколько часовъ послѣ отправленнаго письма моего къ вамъ, милостивый другъ и дорогой братецъ, въ препровожденіе маіора со извѣстіемъ о доскональномъ разбитіи злодѣя Пугачева, почувствовалъ я подагрическій припадокъ въ лѣвомъ вертлугѣ наиживѣйшимъ образомъ, а распространившись оный и на всѣ кишки держалъ меня до самаго почти вечера того дни при самыхъ дверяхъ гроба. Способомъ лекарствъ и .... напослѣдокъ возвратился я опять къ моему служенію и теперь къ первому съ вами, любезный другъ, симъ бесѣдованію.

Два ваши письма имѣю я послѣдними пущенныя минувшаго мѣсяца, одно отъ 22-го, а другое безъ числа, но съ нарочно отъ васъ отправленнымъ. За нихъ, драгоцѣнный другъ, а еще больше за ваши утѣшительныя къ моей Марьѣ Родіоновнѣ, о которыхъ она мнѣ съ великою радостію отозвалась, благодарю я васъ вседушевно.

Съ офицерами моими, отъ васъ возвратившимися, Змѣевымъ и Ховринымъ, Ея Величество своеручнымъ ко мнѣ письмомъ, между прочими благоугодными отзывами по моему служенію, напослѣдокъ

весьма милосердо изволила меня обнадеживать своею высочайшею милостію по моимъ заслугамъ не только мнѣ, но и дому моему.

30,000 рублевъ въ золотѣ переслано ко мнѣ на чрезвычайные расходы.

О протчихъ, какъ Григорій Александровичъ отозвался, изволите усмотрѣть изъ вложеннаго здѣсь его письма.

Всякаго патріотическій духъ не могъ не поразиться наичувствительнѣйше свѣдѣніемъ о опасной болѣзни столь заслуженнаго мужа графа Румянцова, особливо еще при такой большой нуждѣ въ его государству окончательномъ служеніи; но что̀ до Крыма касается, то думаю я, что князь Долгоруковъ развелся безъ всякаго мирнаго разрыву, потому что послѣднимъ ко мнѣ письмомъ извѣстилъ онъ о такихъ изъ войска своего сюда отрядахъ, каковыхъ бы ему безъ онаго сдѣлать никакъ было нельзя.

Радуюсь я сердечно, что назначенное отбытіе двора въ Москву съ 15 будущаго Декабря подаетъ мнѣ пріятную надежду съ вами тамъ, любезный другъ, свидѣться; потому что, кажется, теперь, по разбитіи главныхъ силъ бунтовщика и почти всѣхъ уже здѣшнихъ шаекъ, могу я преположительно основывать себя на зимнюю позицію въ Синбирскѣ, какъ въ срединѣ мѣстъ, требующихъ моего повсемѣстнаго обозрѣнія и вспоможенія, откуда, естьли только подагра не воспрепятствуетъ, безъ сомнѣнія можно будетъ въ Москвѣ зимой мнѣ побывать. Дай Богъ только, чтобъ сіе благополучно сбылось.

13.

1774 года Сентября 2 дня. Керенскъ.

Спѣша теперь отправленіемъ ко двору сего вручителя со увѣдомленіемъ, что злодѣй Пугачевъ на голову побитъ и что доставлена мнѣ надежда ожидать его всякую минуту къ себѣ либо живымъ, либо мертвымъ, не хочу оставить безъ увѣдомленія о томъ и васъ, милостивый мой другъ и драгоцѣнный братецъ. А время не позволяетъ ничѣмъ другимъ къ вамъ распространяться кромѣ моего вседушевнаго благодаренія за любезное ваше письмо, полученное съ Змѣевымъ, за преположеніе ваше, много меня одолжающее, о еженедѣльномъ ко мнѣ по пятницамъ отправленіи, которому я во всемъ по волѣ вашей и соотвѣтствовать буду, и за присланныя два сѣдла. Да забылъ было еще сказать, что и въ здѣшней окрестности разбита однимъ моимъ отрядомъ одна бунтовщичья шайка, до 600 человѣкъ состоящая, убитъ ея самъ предводитель болѣе нежели со 100 человѣками и отнято у нихъ 13 пушекъ, набранныхъ сею скопившеюся шайкою по всѣмъ здѣшнимъ городамъ и помѣщичьимъ домамъ, кои они раззорили.

14.

1774 года Сентября 10 дня, изъ монастыря Казанскія Богоматери при Нижнемъ Ломовѣ.

Между послѣдне-отправленнаго моего письма къ вамъ, милостивой мой другъ и драгоцѣнный братецъ, 6-то числа нынѣшняго мѣ-

сяца, не имѣю я еще отъ васъ въ полученіи требующаго новаго отвѣта, а въ томъ положеніи скажу вамъ только сіе.

Здоровье мое теперь въ обыкновенномъ своемъ состояніи; я вчерашній только день сюда перенесся, отъ средины самаго пущаго въ здѣшнемъ краю произведенія по всей окрестности бунтовщичьихъ злодѣяній, на которой задержаться былъ принужденъ цѣлую недѣлю для того, что отъ Ея Величества мнѣ самымъ первымъ предметомъ предписано, чтобъ впередъ угроженіе отъ бунтовщиковъ Москвѣ мѣста совсѣмъ не имѣло, то дабы изъ той средины ихъ сборища пресѣчь мнѣ всю возможность скопившимся уже было въ окрестности оной многочисленнымъ бунтовщичьимъ шайкамъ покуситься опять въ заду войскъ на Москву.

Моими отрядами оныхъ въ то пребываніе разбито шесть, а во всѣхъ въ нихъ, безъ увеличенія сказать можно, было коли не болѣе, то конечно не менѣе 8000 человѣкъ, которые, подвигаясь весьма жилыми мѣстами до Москвы, конечно бы возросли до ужаснаго числа, и раздулись бы искры, положенныя во всей тамошней черни.

Сколь же оныя шайки были дерзновенны и до какого безстрашія духи здѣшней черни возведены, изволите изъ сего заключить.

Шайка бунтовщиковъ, собравшаяся и похитившая городъ Наровчатъ, разбита моимъ отрядомъ въ сорока только верстахъ отъ того мѣста моего пребыванія, гдѣ предъ глазами ихъ сообщниковъ многимъ смертныя казни и тѣлесныя наказанія, сводимымъ изъ разныхъ мѣстъ, производимы были, и когда я изъ того города потомъ ужъ выѣхалъ, то холопъ барской, видѣвшій всѣ тѣ ужасы, не отвратился однакожъ, будучи посланъ отъ своего помѣщика въ деревню, напасть на первострѣтившагося дворянина съ ножемъ и въ томъ поиманный ко мнѣ на дорогѣ представленъ. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ теперь ободряюсь, любезный мой другъ, доброю надеждою желаемый конецъ тому сдѣлать, по тѣмъ начавшимся опытамъ, что зачали уже и изъ отдаленныхъ тѣхъ селеній, до которыхъ мои употребляемыя средства достигли, присылать съ повинными и съ поиманными собственно собою зачинщиками и подсыльными къ ихъ возмущенію, поставляя въ знакъ заслуженной своей отъ Ея Величества казни по моимъ повелѣніямъ при своихъ селеніяхъ висѣлицы, глаголи [21]) и колесы на казнь себя собственно, естьли они впередъ дерзнутъ нарушить въ чемъ нибудь подданническое свое законной Государынѣ повиновеніе, начальствамъ и собственнымъ владѣльцамъ. Да и перворазносимый въ черни слухъ, что братъ дядьки Цесаревича ѣдетъ съ войскомъ встрѣчать Петра Третьяго, нынѣ уже перемѣнился въ тотъ, что когда дядьки Цесаревича братъ ѣдетъ противъ, казнитъ и наказываетъ вѣрующихъ въ Петра Третьяго, то конечно это не онъ, а совершенно измѣнникъ и самозванецъ Пугачевъ.

---

[21]) Длинный шестъ съ перекладиною въ верхнемъ концѣ, для повѣшанія, имѣющій видъ буквы Г.

Какія о семъ государственномъ врагѣ послѣднія получилъ я свѣденія, оное изволишь увидѣть, любезный другъ, изъ вложенныхъ трехъ копій съ рапортовъ. Другой объявившійся было Петръ Третій въ Воронежской губерніи, дворцовый крестьянинъ, уже пойманъ и по повелѣнію моему оставленъ прикованнымъ къ стѣнѣ, будучи присланъ отъ команды, въ Тамбовской канцеляріи. О немъ я и о протчемъ многомъ любопытномъ препроводилъ сегодня двѣ реляціи Ея Величеству при письмѣ къ Григорью Александровичу, какъ и послѣднее отъ Государыни своеручное письмо получилъ я препровожденное отъ него же. Пріятно бъ мнѣ было, естьлибъ оныя могли вы испросить къ вашему прочтенію.

Отсель завтра я выступя пойду чрезъ Пензу прямо къ рѣкѣ Волгѣ, направляю себя ко оной для ближайшаго полученія мнѣ открытія, куда обратиться по обстоятельствамъ гоняющихъ моихъ изо всѣхъ мѣстъ войскъ врага Пугачева по степи за оною рѣкою. Дай Богъ, чтобы онъ въ тѣже сѣти, кажется уже неизбѣжныя, попалъ, какъ означенный ему подражатель.

15.

Пенза, 1774 году Сентября 14 дня.

Препровождая симъ словеснаго и ближняго ко мнѣ Петра Михайловича Лунина, увѣдомителя васъ, милостивой мой другъ и драгоцѣнный братецъ, ссылаюсь на него о всемъ моемъ теперешнемъ состояніи и положеніи купно съ тою реляціею, которую онъ везетъ и коя заслуживаетъ любопытства на испрашиваніе и ваше ея прочтеніе.

16.

1774 году Сентября 22. Пенза.

Получа вечоръ отъ васъ, милостивой мой другъ и драгоцѣнный братецъ, третьяго, возвращаю симъ втораго, и какъ въ день торжества высочайшей коронаціи Ея Величества, то поутру и спѣшу въ церковь, зачѣмъ и принужденъ мою любезную съ вами бесѣду по всей возможности сократить.

Поздравляю васъ, сердечной другъ, какъ съ сегоднишнимъ днемъ коронаціи, такъ и со вчерашнимъ вашего тезоименитства; желаю душевно, чтобъ вы оные провождали до самой поздней древности во всякомъ удовольствіи. Благодарствую попремногу за ваше дружеское письмо отъ 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, вечоръ со онымъ полученное. Что и до сихъ поръ я ничего еще ко двору не отправилъ въ подтвержденіе принесеннаго мною чрезъ князя Лобанова, въ томъ не сомнѣвайтесь, потому что время еще недоставало мнѣ онаго и самому получить: для того что поимка злодѣя произошла на степи за триста верстъ отъ Яика, куда онаго предателя повезли и куда, по полученному о томъ извѣстію, князь Голицынъ хотя и поспѣшилъ, но степью и безъ перемѣны на изнуренныхъ лошадяхъ, а и оттуда съ такъ весьма дальняго разстоянія и почти половину все степью жъ на неперемѣнныхъ ло-

шадяхъ, и ко мнѣ сюда другой вѣдомости по сегоднишній день подоспѣть никакъ еще было нельзя. Кромѣ жъ и поимки сего язвительнѣйшаго и опаснѣйшаго врага Отечества нашего, извольте, любезной другъ, съ вѣроятностію утверждать, что братъ вашъ, всѣ уже вожженные сего злодѣя въ государствѣ бунты до того пресѣкъ и утушилъ, что развѣ маленькія искры кое-гдѣ дымятся, да и тѣ весьма скоро перестанутъ не только воспламеняться, но и куриться. Съ сей стороны я весьма уже спокоенъ и надеженъ; но во вновь возложенномъ на меня попеченіи о прокормленіи здѣшняго края народа, совсѣмъ противно: потому, слыхалъ ли кто, что уже и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, яко въ первомъ получившемъ съ поля жатву, покупать народъ здѣсь принужденъ къ своему пропитанію полынь до сорока алтынъ, а дубовые желудки до полутора рублей четверть? Вотъ, дорогой другъ, плоды роскоши и возвышенныхъ доходовъ, что и въ первой мѣсяцъ неурожая, въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ, почти нѣтъ ни у кого запаснаго хлѣба [22]). Я васъ благовременно предваряю, а скоро и ко двору писать буду, чтобъ назначенныя войски на зимнія квартеры оставить лучше прозимовать въ Польшѣ и въ Бѣлой Россіи. Мнѣ уже конечно не только умноженіе воинскихъ силъ будетъ ненадобно, но я послалъ поворотить назадъ слѣдующія ко мнѣ отъ Смоленска пѣхотныя восемь ротъ.

Весьма, драгоцѣнный другъ, печальны обстоятельства Крымскія; Боже помоги вамъ оныя сколько возможно преобразить въ лучшее для Имперіи нашей состояніе и славу.

Огорчила жъ меня пребезмѣрно смерть сына нашего князя Николая Васильевича [23]). Не знаю, за что Промыслъ Вышній столь немилосердъ нынѣ къ нашему Отечеству, что кто не разсказами, а вещію служитъ Отечеству и охраняетъ его отъ бѣдственныхъ насыланій, тѣхъ поражаетъ Онъ наичувствительнѣйшими разными и такими ударами, что удивительно какъ ихъ человѣчество сноситъ.

Ожидаю я маіора Дуве со удивленіемъ, какъ потому, что такого немолодаго мужика столь скоро возвращаютъ на вторичное весьма трудное перенесеніе курьерской поѣздки на такъ дальнюю и по великой распутицѣ дорогу, а не меньше того и потому, что мнѣ ужъ примѣчается о пріѣздѣ его принятіе весьма обыкновенное и не сходствуетъ нимало съ тѣмъ какъ бы кто пришедши, сказалъ, что сильнѣйшій государства непріятель, потрясшій престоломъ, разбитъ предъ вратами резиденціи и вся угрожающая опасность опровергнута. Ко оному, кажется мнѣ, весьма близка привезется имъ вѣдомость, потому что случай ея пресѣкъ совсѣмъ начатое уже пере-

---

[22]) По этому поводу графъ Панинъ испросилъ у Государыни денегъ, устроилъ на нихъ казенные хлѣбные амбары и строго запретилъ возвышать назначенную цѣну, пригласивъ кромѣ того имущихъ людей уступать свои избытки по сходной цѣнѣ. Муку велѣно было продавать на правомъ берегу Волги по 2 р. 70 к., а на лѣвомъ по 1 р. 80 к. (См. Словарь Бантыша-Каменскаго).

[23]) Репнина. Это былъ единственный его законный сынъ.

хожденіе къ злодѣю не только станицами и командами казаковъ, но ротами артиллерійскихъ и батальонами гарнизонныхъ служителей; да и снялись съ шеи веревки, такъ сказать, почти со всего Россійскаго дворянства. Я конечно не ошибаясь скажу, что онаго теперь ужъ погублено руками своихъ подданныхъ больше числомъ, нежели пало ихъ въ обѣ послѣднія войны [24]). Видно, любезный другъ, что отъ Творца вселенной только надобно ожидать на все то правосуднаго воззрѣнія. Пребывай съ Богомъ!

17.

Изъ Саранска, 27 Сентября 1774.

Вечоръ сюда пріѣхавъ, сегоднешній день и весь вечеръ былъ я загруженъ дѣлами и письмами, милостивой мой другъ и драгоцѣнный братецъ, и сбираюсь еще до свѣту отсель на почтовыхъ выѣхать въ Синбирскъ; но какъ между тѣмъ пріѣхалъ вашъ четвертый отправленный, то я и не хочу упустить, чтобъ третьяго отсель еще не возвратить къ вамъ и симъ приступаю къ отвѣту на полученное со онымъ ваше, любезный другъ, письмо, пущенное отъ 19-го числа нынѣшняго мѣсяца. Но прежде того скажу: окованый злодѣй Пугачевъ уже на здѣшней сторонѣ рѣки Волги, и я надѣюсь черезъ два дни получить его въ свои руки.

Всѣ внутреннія его бунтовщичьи шайки досконально истреблены, и осталось только управиться мнѣ съ Киргизъ-Кайсаками и Башкирцами, кои однакожъ уже начинаютъ противъ прежняго гораздо усмиряться. Но больше всего смущаетъ меня теперь одно пропитаніе, возложенное на меня, здѣшняго края, къ чему предстоятъ трудности превеликія.

О отысканіи дѣвки Анны Александровны урожденной Паниной, а по замужству Бахметевой, оказавшей толикую вѣрность къ своей госпожѣ, я сегодня жъ съ случившимися курьерами писалъ какъ равномѣрно и по письму графини Марьи Александровны далъ повелѣніе шефу Пензенскаго уланскаго корпуса, который теперь того города уже и воеводою, чтобъ онъ все требованное лучшимъ образомъ исполнилъ. Ей буду я отвѣтствовать изъ Синбирска.

Никогда я, любезный другъ, вашихъ присыланныхъ ни одного не задерживалъ и задерживать не буду долѣе, какъ другой на его мѣсто пріѣдетъ, какъ и теперь не осталось у меня никого кромѣ сегодня пріѣхавшаго, а изъ первыхъ два отправлены уже прежде, а третій съ симъ.

18.

Синбирскъ, 1774 году Октября 1 дня.

Сегодня, милостивой мой другъ и драгоцѣнный братецъ, достигнулъ я здѣшняго города. Въ тожъ время пришелъ въ мои руки адской извергъ Пугачовъ. Отвѣдалъ онъ отъ распаленной на его зло-

---

[24]) Т. е. въ Семилѣтнюю и Турецкую?

дѣянія моей крови нѣсколько пощечинъ, а борода, которою онъ Россійское государство жаловалъ, довольнаго дранья [25]). Онъ принужденъ былъ пасть предъ всѣмъ народомъ скованный на колѣни и велегласно на мои вопросы извѣщать и признаваться во всемъ своемъ злодѣяніи. Я теперь, спѣша принести мое увѣдомленіе Ея Величеству, нѣсколько замедлившееся по моему сюда проѣзду, не имѣю времени, ни силы уже, работавши въ ономъ и другомъ цѣлыя половину дни и ночи, а пріѣхавъ съ дороги, какъ только возблагодарить васъ, драгоцѣнный другъ, за послѣднее ваше письмо, отъ 17 минувшаго мѣсяца мною полученное. Деревни графа Шувалова я до письма еще вашего возвратилъ въ прежнее повиновеніе и принудилъ снести растащенные собственными его крестьянами деньги и хлѣбъ; но онъ бы пожаловалъ не прогнѣвался, что попу его отрубилъ голову, у нѣсколькихъ сдѣлалъ поменьше ушей и почесалъ у многихъ спины, а при деревнѣ поставилъ всѣ пріуготовленія для смертной казни, что̀ я со всѣми тѣми дѣлаю, которые сопричащалися измѣнническому бунтованію. Пребывай съ Богомъ! Мнѣ пора спать.

19.

1774 года Октября 9 дня. Синбирскъ.

За послѣднее ваше письмо, драгоцѣнный другъ и любезный братецъ, благодарю я васъ покорно. Радуюсь сердечно, что счастливой успѣхъ моихъ подвиговъ произвелъ у васъ хотя радость, естьли не иное что; а могъ бы я считать, что по послѣдней мѣрѣ хотя вамъ, коли не мнѣ, тотчасъ будетъ объявлено благоволеніе за мои сколь ни маловажные труды, но такіе, въ которые ѣхать всякой столько страшился, что носилъ надѣтую на себя отъ измѣнника петлю, нежели отваживался идти противъ него и попускаться въ средину собственныхъ своихъ возмутителей и предателей. Но оставя сіе, вы, мой другъ, до сѣхъ (поръ) еще ничего не сказали, понравилась ли вамъ пересланная мною съ заводу Московскаго лошадь столько, сколько она мнѣ показалась въ сравненіи съ лошадью, съ нею же отправленною изъ весьма славнаго Ор-

---

[25]) Объ этомъ же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ писалъ графъ Панинъ въ Москву къ князю М. Н. Волконскому. Проводомъ къ такому обращенію была дерзость Пугачова. Когда онъ былъ приведенъ въ первый разъ къ графу, то на вопросъ: какъ онъ смѣлъ поднять оружіе *противъ него*, отвѣчалъ: „что̀ дѣлать, ваше сіятельство, когда ужъ воевалъ противу Государыни!" (Записки Державина, изд. Я. К. Грота, стр. 515). Жизнь графа Панина въ Симбирскѣ довольно подробно описана Державинымъ. „Графъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную галлерею, гдѣ уже было нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ. Онъ былъ въ сѣроватомъ атласномъ, широкомъ шлафрокѣ, во Французскомъ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами" (тамъ же, стр. 515 и 516). Также одѣвался по утра̀мъ и князь Кутузовъ въ 1812 г. (см. Записки Шишкова, Берлинское изданіе). Читатели Записокъ Державина помнятъ, какъ въ обращеніи съ Державинымъ выразился надменный, пылкій и въ тоже время чрезвычайно благородный и великодушный нравъ графа Панина.

ловыхъ завода. Пожалуйте, мнѣ объ ней скажите ваше заключеніе и можетъ ли она быть достойна подъ собственное ваше сѣдло?

Сегодня отправилъ я ко врученію Ея Величеству съ симъ подателемъ сдѣланные распросы злодѣю Пугачеву, при чемъ вручителя господина полковника Юрья Богдановича Бибикова препоручалъ я въ монаршее призрѣніе съ напоминаніемъ прежнихъ и съ засвидѣтельствованіемъ подъ моимъ начальствомъ новыхъ его заслугъ. Пожалуй, милостивый другъ, помогите ему, естьли въ чемъ можете, а ему уже и обѣщанія были.

Григорья Александровича предварилъ я съ нимъ же копіею на портретѣ съ злодѣева оригинала; естьли вы любопытны его харю поскорѣй спознать, то можете его тамъ увидѣть. Но надобно и въ злодѣйствѣ дать ему ту справедливость, что духъ имѣетъ онъ бодрый, которой бы могъ быть весьма полезенъ, естьли бы обращаемъ былъ не во зло, а въ добро.

Услаждаю и я себя, мой любезный другъ, радостнымъ и скорымъ васъ объятіемъ, естьли что особливое въ томъ не попрепятствуетъ. Я скоро буду просить и дозволенія о пріѣздѣ въ Москву къ прибытію туды двора.

20.

Синбирскъ. 1774 года Октября дня.

Между симъ и послѣднимъ моимъ письмомъ, отправленнымъ къ вамъ, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, получилъ я ваши два любезныя письма, пущенныя, первое прошедшаго мѣсяца 30-го, а послѣднее нынѣшняго отъ 3-го чиселъ. На нихъ, къ моему душевному васъ за оныя возблагодаренію, не имѣю ничего теперь другаго присовокупить, кромѣ, что радуюсь я тому, что хотя и вамъ достаточное удовольствіе за мою услугу оказали, когда я собственно до сихъ поръ онаго еще не имѣю и никогда за ваши столь много весьма важныя оказанныя не имѣлъ же. Не знаю, любезный другъ, какихъ еще вы ожидаете отъ меня внутреннихъ устройствъ? Мнѣ кажется, для которыхъ неустройствъ я отправился, то оныя всѣ въ свое прежнее теченіе приведены тѣмъ, что бунтовщичьи скопища, сколь они ни многочисленны были, всѣ безъ изъятія разбиты и низложены, бунтовщикъ пойманъ, возмущенное въ черни неповиновеніе законной власти приведено повсюду, конечно, въ то безмолвственное повиновеніе, что уже повсюду пріемлются по прежнему разсылаемые съ повелѣніями ободренные разсыльщики со всякимъ подобострастіемъ и послушаніемъ; канцелярское и ихъ служителей многоможіе, во мздоимствахъ и въ пригибаніи всѣхъ дѣлъ отъ истинны къ случаямъ сильныхъ, воспріяло жъ прежнюю свою силу и теченіе. Но чтобъ сіе брату вашему передѣлывать, то надобно всему оному напередъ перемѣниться не въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ съ казначеями и управителями, но въ ихъ источникахъ, до которыхъ можно напередъ самому десять разъ шею сломить, не исправя въ томъ ничего. Въ разсужденіи сего, пожалуйте уже и перестаньте преполагать меня къ тому способ-

нымъ орудіемъ; но приготовляйтесь не помѣшкавъ помогать мнѣ къ возвращенію въ то мое послѣднее состояніе, въ коемъ я и теперь еще существительно состою и изъ коего бралъ я на рамена свои то единое бремя, которое, Богу благодареніе, самымъ дѣйствомъ уже и исполнилъ.

Теперь всякій день трепещетъ душа моя, чувствуя въ себѣ всегдашнія подагрическія движенія, чтобъ здѣсь оными не только не повергнуться въ мучительное страданіе, но и не лечь бы въ гробъ. Затѣмъ пребывайте съ Богомъ!

21.

Синбирскъ. Октября 27 дня 1774 г.

Симъ не распространяюсь я ни о чемъ другомъ, кромѣ что очень трудно или совсѣмъ нельзя сдѣлать тому совершенной порядокъ въ пользу другаго и другихъ, кому собственно ни порядка, ни справедливости не изъявляется. По вложенной запискѣ вашей о Пензенскомъ подьячемъ велѣлъ я выправиться, и что̀ можетъ мнѣ быть непредосудительно, то сдѣлаю съ нимъ всеконечно. Впрочемъ, ссылаюсь я и прошу внимательнаго вашего выслушанія въ письмѣ моемъ къ вамъ, сегодня жъ писанномъ къ Денису Ивановичу и приложеніи ко оному.

22.

Синбирскъ. Ноября 4 дня 1774.

По вашимъ, милостивый мой другъ и драгоцѣнный братецъ, такимъ коротенькимъ письмамъ, какое я и вчерась отъ васъ получилъ и какое не вмѣщается въ мои чувства, чтобъ могло имѣть мѣсто въ истинныхъ дружескихъ одного къ другому чувствіяхъ, при такомъ положеніи, какое вамъ обо мнѣ извѣстно, долженъ бы и я возбранить себѣ отнять изъ вашихъ другихъ пріятнѣйшихъ обращеній время на прочтеніе отъ меня какъ развѣ только двухъ строкъ. Однакожъ, любезный другъ, простите мнѣ оное теперь хотя за то одно, что оно можетъ быть будетъ послѣднее и, безъ негодованія прочтя копію, вложенную здѣсь, съ нынѣ отправленной моей реляціи, войдите хотя въ то чувство, что и заводитель всей коммерціи Киргизской и Оренбургской Неплюевъ задолженъ тамъ былъ вмѣсто ссылки. Бѣглецъ и скаредъ Волковъ [26]), отъ эшафота вами сохраненный, равно и Ададуровъ, въ ссылку посланный же [27]), не допустили задлить себя тамъ. Собственная сестра наша получила тамъ свой гробъ [28]). Представленная моя служба на пресѣченіе ліющейся

---

[26]) Извѣстный Дм. Вас. Волковъ, генералъ-губернаторъ Оренбургскій, дѣйствительно находился въ бѣгахъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, что̀ не помѣшало ему быть тогда же секретаремъ Конференціи; но какое въ дѣлѣ Волкова принималъ участіе графъ Н. И. Панинъ, намъ покамѣстъ неизвѣстно.

[27]) Василій Евдок. Ададуровъ, попечитель Московскаго университета при Екатеринѣ, былъ нѣкогда сосланъ въ Казань по дѣлу канцлера Бестужева.

[28]) Анна Ивановна (1717—1745), супруга Оренбургскаго губернатора И. И. Неплюева, сестра графовъ Паниныхъ.

крови всего роду нашихъ дворянъ и ко извлеченію ихъ, въ коемъ числѣ и вы сами находитесь, изъ подъ сентенціи заключенной на истребленіе всѣхъ ихъ злодѣемъ съ Россійскою чернью и къ возвращенію нашей законной Обладательницѣ возглашенія въ церквахъ, изъятой тѣмъ же государственнымъ злодѣемъ чуть не повсемѣстно во всѣхъ здѣшнихъ трехъ губерніяхъ, въ чемъ мнѣ хотя ничто другое, а единое счастіе предуспѣло: то почему жъ бы могъ я справедливо избранъ быть на замѣну Неплюева, Ададурова и Волкова, къ положенію себя съ равною безвредностію своей сестры въ гробъ? И что же бы могло меня удобнымъ сдѣлать быть обращену въ провіантмейстеры для покупки хлѣба тому народу, котораго первой нашъ съ вами злодѣй уже дѣйствительно ввергль своимъ нерачѣніемъ не только въ голодную, но и претерпѣваемую отъ наготы смерть [29]? Развѣ для того, чтобъ и оное нерадѣніе погруженныхъ въ сластолюбіе и праздность людей получило удобный видъ, къ возвлеченію на меня предъ государствомъ въ томъ вины? Неужьли то, любезный другъ, и сіи всѣ соображенія не произведутъ въ васъ прямо дружескихъ ко мнѣ воображеній и чувствъ, съ тѣми, ежели можно, а не съ такою холодностію, съ какою маленькія свои по мнѣ писмецы изволите отправлять? Прошу я по оной моей реляціи вашего вспоможенія и меня съ первымъ курьеромъ увѣдомленія, особливо развѣдавъ все удобьвозможными средствами, что̀ можетъ воспослѣдовать по моему просительному письму о дозволеніи пріѣхать въ Москву, отправленному съ предъидущимъ курьеромъ. Не огорчайтесь, любезный другъ, отъ словъ огорченнаго сердца. Вспомните себя самого, когда вы подавали о себѣ собственно письмо къ Петру Третьему [30]. Затѣмъ пребывайте съ Богомъ! Я съ послѣдней минуты жизни, естьли хотя оная неминуема мнѣ будетъ опредѣлена и въ здѣшнемъ краю, то пребуду всегда неотмѣнно и сердцемъ и душею.

23.

Синбирскъ. 1774 году Ноября 5 дня.

Изъ совокупившихся двухъ при мнѣ почталіоновъ одного съ симъ къ вамъ, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, возвращаю. Теперь, по недавнему моему къ вамъ пространному отправленію съ послѣднимъ ко двору курьеромъ, не имѣю ничего по моему служенію, кромѣ какъ о себѣ собственно сказать. Вчерась я точно такъ, какъ было въ Керенскѣ, чуть не умеръ, съ тою одною розницею, что боль зачалась въ правомъ, а не лѣвомъ вертлугѣ и, обуявши всю внутреннюю наимучительнѣйшимъ образомъ, не держала больше какъ часа два; послѣ осталась и теперь продолжается слабость съ такимъ во всемъ корпусѣ чувствіемъ, какъ будто верхо̀мъ почту скакалъ, а боли подагрическія мечутся изъ одного мѣста въ другое. Я не знаю, любезнѣйшій другъ, какіе то новые припадки со

---

[29]) Рѣчь идетъ конечно о генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ.

[30]) Обстоятельство въ жизни графа Н. И. Панина доселѣ неизвѣстное.

мной начали дѣлаться; но примѣчаю, что естьли они хоть сутки внутреннюю мою такъ подержатъ, то пережить будетъ нельзя. Зачинаніе оба раза ихъ было весьма странное: напередъ восчувствую больше нежели обыкновенно въ другіе дни подагрическія летучія перехожденія изъ одного мѣста въ другое; послѣ того вдругъ сдѣлается боль въ вертлугѣ и во мгновеніе ока какъ тамъ увеличится, такъ и обойметъ всю внутреннюю до несносности. Въ то время пресѣкутся обыкновенныя боли подагрическія во всѣхъ мѣстахъ такъ, какъ будто ихъ никогда не бывало; но сколь скоро нутреннее страданіе совсѣмъ минетъ, то опять оныя и зачнутъ летать во всемъ корпусѣ изъ одного мѣста въ другое. Изъ чего, кажется, любезный другъ, иного заключить нельзя, что самые подагрическіе соки тогда падаютъ на внутренность мою. Изъ того можете вы себѣ и представить, сколь далеко прекращеніе жизни твоего брата, особливо при движеніяхъ, приводящихъ не только подагрическія и душевныя, но и всей крови волнованія до самой вышней степени.

Все сіе, кажется, довольно представитъ вамъ, любезный другъ, сколь къ великому меня одолженію можетъ послужить вспомоществованіе на высвобожденіе меня въ прежнюю мою уединенную и покойную жизнь и сколь я онымъ долженъ собственно своему человѣчеству и невиннымъ женѣ и дѣтямъ.

24.

Синбирскъ. 1774 году Ноября 10 дня.

Возвращая съ симъ послѣдняго у меня остававшагося изъ почталіоновъ вашихъ, мой милостивый другъ и дорогой братецъ, не имѣю себѣ никакой отповѣди еще на отправленіе мое ко двору и съ полковникомъ господиномъ Бибиковымъ; не имѣя жъ и отъ васъ, любезный другъ, на что̀ бъ я уже не отвѣтствовалъ, не имѣю теперь я отъ себя вамъ другаго сказать кромѣ, что братъ твой третьяго дни въ ночь новымъ третьимъ и такъ уже скорымъ послѣ втораго припадкомъ чуть было не умеръ. Зачался онъ въ седьмомъ часу ввечеру, а уступать сталъ въ осьмомъ по утру, мучивъ всю внутреннюю мою до самой послѣдней несносности. Я не знаю, дорогой другъ, чему такіе припадки мнѣ приписывать, но ощущаю, что конечно не на долго меня съ ними станетъ, и не наслѣдствовалъ ли я оные отъ нашего отца. Вспомни, мой другъ, какую онъ жизнь велъ, и можетъ ли она быть сообразна съ теперешнимъ моимъ положеніемъ. Богу благодареніе, отъ вчерашняго утра по сѣхъ поръ не чувствую я тѣхъ мучительныхъ болей, но однакожъ они, отзываяся повсемѣстно въ моемъ корпусѣ, отзываются нѣкогда и во внутренности моей, а слабость въ себѣ имѣю гораздо немалую.

25.

Синбирскъ. 1774 году Ноября 15 дня.

Вмѣсто обыкновеннаго почталіона получилъ я съ гвардіи сержантомъ Ермолаевымъ любезное письмо ваше, милостивой мой другъ

и дорогой братецъ, пущенное отъ 1-го числа нынѣшняго мѣсяца съ приложенною при немъ выпискою изъ Коллегіи вашей о Киргизъ-Кайсакахъ. Я, не имѣя теперь при себѣ отъ васъ кромѣ онаго сержанта присланнаго, не имѣя же ни нужды, ни пристойности дворъ утруждать столь часто какъ прежде курьерами, потому особливо, что я отъ него не имѣю никакого себѣ предложенія съ самаго доставленія увѣдомленія ему о полученіи въ здѣшнемъ городѣ уже поиманнаго злодѣя, посылаю сіе, любезной другъ, чрезъ Москву при отправляющихся колодникахъ для доставленіи оттуда къ вамъ со обыкновенною почтою.

Благодарствую васъ, сердешной другъ, вседушевно за оное ваше письмо. Прости пожалуй огорченному сердцу проскочившія изъ него противу желанія своего слова; душевно бы я желалъ быть такъ нечувствителенъ и терпѣливъ, какъ вы меня научаете; но, признаюсь, гдѣ дѣло идетъ до чести и презрѣнія меня, тутъ я оныхъ имѣть никакъ не могу. Да нельзя вамъ и самимъ предо мною скрыться, чтобъ вы собственно сами въ таковыхъ приключеніяхъ не были мнѣ же подобны. Да и быть тому инако нельзя, потому что мы, конечно, безъ сомнѣнія, произошли изъ одной крови; розница между нами во ономъ только та, какъ и во всякомъ недостаточномъ человѣчествѣ, что постороннее приключеніе, особливо въ дальнемъ и долговремянномъ отсутствіи, гораздо меньше производитъ чувства и движенія, нежели въ собственномъ своемъ. Да и въ томъ, любезнѣйшій другъ, нѣкоторая жъ розница, что ваши дѣла и приключеніи кабинетны, въ спокойной и выгодной, хотя и для одного тѣлеснаго состоянія, жизни, но мои всегда предъ глазами нѣсколькихъ тысячъ людей, и со всегдашнимъ изнуреніемъ сколько душевнымъ, столь еще сугубѣе и тѣлеснымъ. И въ послѣднемъ сверхъ всего того не имѣю я ни одной минуты въ жизни, чтобъ не чувствовалъ безвыходной боли, единственно только съ перемѣною по мѣстамъ, больше или меньше меня поражающей и убивающей. Такимъ образомъ, драгоцѣнный другъ, могутъ, кажется, истинныя въ васъ ко мнѣ братство и дружба простить меня въ нетерпѣливости по нынѣшнему моему положенію.

Выписку отъ васъ приложенную я въ тоже время прочелъ, о которой вы мнѣ въ письмѣ хотя и сказали, что посылаете для единаго моего свѣдѣнія, но тутъ же пріобщенная изъ Коллегіи вашей такъ называемая цыдула извѣщаетъ меня, что Коллегія остановилась дать свои резолюціи Киргизъ-Кайсацкому хану и Оренбургскому губернатору за тѣмъ будто, что между вступленіемъ въ нее отъ губернатора о ихъ положеніи порученъ моему начальству сей край, то дабы не разойтиться съ средствами, мною предпринимаемыми; слѣдовательно не только гдѣ въ другихъ правительствахъ, но и въ самой вашей Коллегіи уже слагается на мою шею всей здѣшней, столь обширной, страны всякія тѣ дѣла и приключеніи, которыми кто изъ оныхъ себя либо обременять не хочетъ, либо по ненадежности въ успѣхѣ ищетъ отвѣтъ свой на другаго сложить. Правительствующій Сенатъ и всѣ прочія Коллегіи ко мнѣ также

все оному подобное перекруживаютъ, не представляя никто себѣ, что я не состою ни въ государственномъ штатѣ, ни штабовъ, ни канцелярій для управленія такой обширности не имѣю, и никто ни откуда, кому что̀ во бдѣнiи по государственной службѣ препоручено, не доставлялъ мнѣ еще никакихъ изъ своихъ архивъ свѣдѣній; а у меня только самыхъ бездѣлицъ не достаетъ, то есть, что я совсѣмъ ничего не знаю: съ какимъ намѣреніемъ, что̀ на тѣхъ отдаленныхъ границахъ и во вновь населяемыхъ мѣстахъ учреждаемо было, чѣмъ границы ихъ охранялись, какія происшествія были отъ прилежащихъ къ нимъ сосѣднихъ народовъ въ обыкновенное государственное теченіе; а наконецъ и все оное ни самаго малѣйшаго сопряженія не имѣетъ съ тѣмъ государственнымъ бунтомъ, на служеніе противъ котораго я себя представилъ и которой мною совсѣмъ пресѣченъ, со всемилостивѣйшимъ отъ Ея Величества обнадеживаніемъ имѣть въ памяти мою въ томъ службу. Слѣдовательно, любезной другъ, безъ особливаго меня наказанія, развѣ по неизвѣстному мнѣ собственно какому либо преступленію, кажется, нѣтъ другой справедливости, какъ ожидать на мою просьбу всемилостивѣйшаго дозволенія мнѣ прибыть въ Москву, а потомъ возвратиться въ прежнее мое уволенное уже отъ службы положеніе. Но я, какъ выше сказалъ, не только на мое объ ономъ прошеніе, но и ни на что другое отповѣди на мои приношенія еще не получалъ. Пожалуй, драгоцѣнный другъ, употребите всю вашу прилежность ко исходатайствованію мнѣ означеннаго дозволенія, тѣмъ наипаче, что теперешнее мое состояніе здоровья изъ послѣднихъ моихъ писемъ особливо вамъ извѣстно, и я всякую минуту трепещу, ожидая лечь неподвижно въ постелю; при чемъ до отчаянности устрашаютъ бывшія мои внутри боли, кои я теперь по временамъ въ томъ мѣстѣ праваго вертлуга по нѣскольку чувствую, изъ котораго оныя разливались на всю внутренность мою.

26.

Синбирскъ, Ноября 18 дня 1774.

Препровождаю въ милость и покровительство ваше, любезный мой другъ и драгоцѣнный братецъ, вручителя сего Польскаго региментаря господина Пулавскаго. Онъ, будучи въ Казанѣ плѣннымъ, когда оной городъ злодѣями посѣщаемъ былъ, сражался въ защищеніи его, и по засвидѣтельствованiи ко двору отличной его при томъ храбрости Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, велѣно было ему объявить чинъ нашей службы прапорщика; но то его не застало за отлучкою при деташаментѣ полковника Михельсона, въ слѣдъ за злодѣями, при которомъ онъ во всѣхъ со оными сраженіяхъ засвидѣтельствованъ господиномъ Михельсономъ въ отличной храбрости. Возвратясь оттуда, въ бытность при мнѣ, оказалъ похвальное во всемъ поведеніе и испросилъ отъ меня препровожденія къ стопамъ той великой Монархини, въ служеніе которой имѣлъ онъ счастіе сражаться и отъ которой объявлено ему озна-

ченное монаршее благоволеніе. Къ тому намѣренію я спрепроводилъ его особливымъ письмомъ къ Григорію Александровичу. Отъ васъ, драгоцѣнный другъ, испрашиваю привѣтливаго ему себѣ пріему и въ возможномъ воспомоществованіи сообразнаго и съ региментарскимъ чиномъ и съ его родомъ, нынѣ особливо въ обществѣ Польскомъ вошедшемъ въ отмѣнное почтеніе.

27.

Синбирскъ, Ноября 19 дня 1774.

Сколько бъ я, драгоцѣнный другъ, ни напрягалъ моихъ силъ не брать ничего на сердце свое, такъ какъ вы мнѣ совѣтуете; но того уже мнѣ сдѣлать по врожденнымъ моимъ и укоренившимся свойствамъ никакъ невозможно, какъ и не могутъ же воображенія мои послѣдовать вашимъ тѣмъ заключеніямъ, что замолчаніе противу меня, на всѣ безъ изъятія послѣ полученнаго извѣстія о дѣйствительномъ полученіи въ мои руки злодѣя и промедленіе отвѣтомъ на мой отпускъ происходятъ не отъ однаго общаго во всѣхъ вещахъ пренебреженія, но конечно съ какими либо другими особливыми преположеніями. Я по твоему совѣту останусь еще на нѣсколько дней въ терпѣливомъ ожиданіи дозволенія къ ѣздѣ моей въ Москву; но естьли того не получу, то пришлю формальное прошеніе о увольненіи меня въ прежде свободное состояніе, пожалованное уже мнѣ за первыя мои службы. Естьли бы вы, милостивый другъ, всѣ тѣ мои реляціи и письма читали, которыя во все послѣдованіе были отъ меня отправлены, то сами бъ признали, что нельзя не дать мѣста движенію по онымъ во всякой душѣ, которая не имѣетъ особливыхъ въ себѣ противу меня преграждeній. По прежнему вашему письму и съ просьбы господъ Васильчиковыхъ извѣстный подьячій произведенъ мною секретаремъ въ Пензу.

28.

1774 Ноября 28 дня. Синбирскъ.

Благодарю особливо за изреченія, изъявившія мнѣ непотушенную еще моимъ долговременнымъ отсутствіемъ и, можетъ быть, врожденною нетерпѣливостію, приверженность дружеской и братской вашей ко мнѣ души. Моя собственно уязвила себя наичувствительнѣйшимъ пораженіемъ въ томъ, что нетерпѣливыми своими противу васъ, любезный другъ, изреченіями нанесла вамъ умноженіе оскорбительнаго всегда и безъ того частаго вашего пораженія. Прости, драгоцѣнный другъ, оное моей врожденной совсѣмъ несходной съ вашею нетерпѣливости. Я съ всею душою радъ послѣдовать въ томъ вашему примѣру; но сіе уже совсѣмъ не въ моей волѣ, и естьли бъ я былъ въ томъ инаковъ, то не могъ бы я быть конечно тѣмъ, чтò я есмь, и нельзя бъ мнѣ было никакъ попускаться въ то, во что нетерпѣливость моя къ общему служенію меня вовлекала и въ чемъ я теперь чрезъ оную себя нахожу. Естьли бъ я, мой любезный другъ, былъ терпѣливѣе, то конечно былъ бы и сохраннѣе въ моемъ здоровьѣ и удержнѣе отъ тѣхъ ощутительныхъ безплод-

ныхъ поверженій себя во опасность жизни и въ бѣдственныя отъ онаго вовлеченія дому моего. Но что жъ, драгоцѣнный другъ, дѣлать? Надобно уже оканчивать свой жребій по врожденнымъ свойствамъ, съ тѣмъ однакожъ сладчайшимъ моимъ утѣшеніемъ, что слѣдствіями оныхъ я ежели не споспѣшествовалъ, то никогда конечно не повреждалъ славы носимаго едино съ вами имяни и единокровія. Да и будетъ мое до послѣдняго издыханія стараніе, чтобъ сохранить его въ цѣлости по всей моей возможности.

Преподанное ваше въ ономъ письмѣ, любезный другъ, утѣшительное обнадеживаніе о непрепятственномъ послѣдованіи дозволенія къ моему въ Москву пріѣзду и ко оказательствамъ противу заслугъ мною предвѣдѣннымъ, поставило меня въ нѣкоторое ласкательное и терпѣливое онаго ожиданіе; но прости, любезнѣйшій другъ, что, по многимъ уже случившимся практическимъ опытамъ, не могу я совсѣмъ извлещи себя изъ подозрительнаго безпокойства, чтобъ и въ томъ, также какъ и во многомъ другомъ прежде, не были мы усыпляемы единственно притворными обласканіями. Что жь дѣлать? Повинуюсь вашему дружескому совѣту и стану онаго еще нѣсколько дней съ терпѣливостію ожидать. Богу благодареніе, теперь я въ обыкновенномъ здоровья моего состояніи. Здѣшнія дѣла, отъ стороны всѣхъ безъ изъятія бунтовщичьихъ народовъ, меня оставляютъ совсѣмъ покойно; но отъ стороны голоду людямъ и скоту угрожаюсь отъ времени до времени все болѣе. Вамъ, любезный другъ, надобно знать и чувствовать во всемъ пространствѣ, что нутренность нашего безсчастнаго Отечества не только въ трехъ губерніяхъ, мнѣ порученныхъ, но и въ прилежащихъ къ нимъ—Воронежской, Бѣлогородской, Слободской и во всей Украинѣ отъ сего приключенія возвѣщаетъ ужасъ, подъемлющій волосы у всякаго благомыслящаго сына Отечества. Надобно полагать, конечно, что счастливы будутъ, когда до новаго урожая хлѣба двѣ трети имперіи, а всякой помѣщикъ, имѣющій въ семъ краю свои деревни, хотя половину только доходовъ получить могутъ; слѣдовательно, другъ сердечный, все помышленіе должно обращено быть единственно на сокращеніе обходимыхъ расходовъ. Боже, не накажи насъ, чтобъ и въ будущій годъ могъ сдѣлаться еще хлѣбный неурожай; а и безъ онаго уже сіе неизбѣжно, что во многихъ уѣздахъ людямъ будетъ знатной уронъ отъ голоду и что въ здѣшнемъ краю большая половина оржаныхъ полей не посѣяна, а на яровыя сѣмянъ доставать не будетъ. За симъ пребывайте съ Богомъ. Тотъ часъ почту́ я теперь за наисчастливѣйшій, въ которой могу, существительно васъ обнявъ, подтвердить, не только словами, но и самымъ дѣломъ, что я всегда всѣмъ сердцемъ и душою вѣрный подданный владѣющей Государынѣ, усердный сынъ Отечества и вашъ вездѣ непремѣнно.

29.

Синбирскъ, Декабря 1 дня 1774 года.

Симъ препровождаю къ вамъ, милостивый мой другъ и драгоцѣнный братецъ, господина оберъ-квартермистра Германа, яко весьма

3*

достойнаго и знающаго офицера, а ко мнѣ особливо привязаннаго человѣка. Пожалуйте, пріимите его ласково и будьте ему покровителемъ.

30.

Синбирскъ, Декабря 5 дня 1774 г.

Сего вручителя отправилъ я съ отвѣтною реляціею на послѣдне полученное отъ Ея Величества всемилостивѣйшее письмо съ весьма достаточнымъ и довѣреннымъ разрѣшеніемъ всѣхъ и подробностей изъ моихъ принесеній, съ присовокупленіемъ благоволительнаго указа ко мнѣ собственно и ко всему подчиненному мнѣ войску, коего, естьли не видали вы, милостивый мой другъ и дорогой братецъ, включаю я здѣсь копію. Дальное съ вами, мой любезный другъ, бесѣдованіе оставляю до скораго съ вами свиданія, къ тоторому имѣя уже дозволеніе, сбираюсь выѣхать отсель, естьли буду все въ такомъ здоровья состояніи какъ теперь, послѣ 15-го числа нынѣшняго мѣсяца. Боже допусти меня безпрепятственно въ ваши дружескія объятія.

Прости мнѣ, любезный другъ, что въ сегоднишнемъ моемъ письмѣ къ Григорью Александровичу помѣстилъ я и ваше имя въ общую мою съ нимъ издѣвку такими словами: „меня уже удивляетъ до крайности, какимъ образомъ васъ и братца моего внутренность ваша не попрекаетъ и не стыдитъ, что при Монархинѣ, толиками трудами себя обременяющей, въ дѣлѣ служенія, мнѣ порученнаго, вы находите средства сокращаться въ перепискѣ со мною такими предѣлами, кои составляютъ старинную нашу пословицу, *что и комаръ носу не замочитъ*; сіе оставлялъ я моему малоглаголованію къ изустному переговору при свиданіи съ вами, всемилостивѣйше мнѣ теперь отъ Ея Величества дозволенномъ". Употребилъ я имя ваше, любезный другъ, конечно не по существу моего истиннаго о васъ въ томъ заключенія, но чтобы нѣсколько издѣвочную пилюлю пообзолотить. Васъ о томъ предваряю къ случаю изготовленія себя на разговоръ объ оной матеріи.

31.

Синбирскъ, Декабря 12 дня 1774 г.

Благодарствую васъ, милостивый другъ и дорогой братецъ, за послѣднее ваше любезное мнѣ письмо, полученное съ почталіономъ отъ 30-го минувшаго мѣсяца. Теперь, возвращая прибывшаго предъ нимъ съ отправленнымъ сегодня моимъ ко двору курьеромъ съ тѣми вѣдомостьми и съ краткими изъ оныхъ сочиненіями, которыхъ отъ меня требовали по запискѣ о лютѣйшихъ въ государствѣ злодѣяніяхъ Пугачева и о касательностяхъ до освященій церковныхъ, скажу вамъ только: Богу благодареніе! Я въ обыкновенномъ здоровья моего состояніи. Естьли что особливое не воспрепятствуетъ, то надѣюсь выѣхать отсель къ Москвѣ 17-го числа нынѣшняго мѣсяца. Вы какъ мнѣ не сказали о назначеніи дни къ выѣзду двора, ни о вашемъ намѣреніи предъ онымъ ли, или послѣ выѣздъ свой полагаете, то теперь я и не знаю, кто изъ насъ кого въ Москвѣ

предварить. Ласкаюсь однимъ только тѣмъ, что скоро достигну до моего искренне дружескаго васъ объятія.

Оскорбило меня крайне извѣстіе о несчастливомъ приключеніи жалости дойстойному нашему князю Кантемиру, тѣмъ еще сугубѣе, что безпокоюсь крайне по беременности моей жены, что можетъ случиться при толикомъ ея огорченіи, какъ по любви своего брата, такъ болѣе имѣя передъ глазами своими его мать, къ которой она очень привязана и которая чуть только вышла изъ опасной болѣзни, живучи въ ея домѣ *). Богу только свѣдущу, что можетъ отъ онаго произойти съ толико безсчастною матерью. Вотъ, дорогой другъ, плоды сильныхъ напряженій въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ къ скоропостижному достиженію до счастія и необузданности во всѣхъ своихъ замышленіяхъ и похотѣніяхъ. Покажи сіе отъ меня нашему Куракину, что я совѣтую ему особливо устрашиться таковымъ примѣромъ.

32.

Москва, 30 Декабря 1774.

Что пріѣхалъ я въ Москву въ день Рождества Христова, о томъ надѣюсь вы, любезный другъ и милостивый братецъ, уже извѣщены по моему требованію чрезъ почту, того же дни, господиномъ здѣшнимъ почтъ-директоромъ. Я, продолжаясь въ изнеможеніи отъ дороги и своихъ припадковъ, сегодня только отправилъ включенное къ Григорью Александровичу съ нарочною штафетою, содержаніе котораго, такъ какъ и все мое теперешнее положеніе, изволите вы, мой любезный другъ, усмотрѣть изъ пріобщенной здѣсь съ онаго копіи, къ чему я совокупляю только сіе.

Пожалуйте, вложенное письмо доставьте вѣрно къ Григорію Александровичу, а и сами по содержанію онаго сдѣлайте способное употребленіе противу того, что я не нашелся отъ болѣзни въ состояніи быть въ зачавшемся сегодня здѣсь государственномъ собраніи по дѣлу злодѣя Пугачева.

Въ поспѣшности моей, съ тягчайшимъ преодолѣніемъ всякихъ наивеличайшихъ трудностей по моимъ увѣчнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, было между главными побужденіями, чтобъ не потерять ни одной минуты въ самомъ скорѣйшемъ васъ, любезный другъ, моемъ братскомъ объятіи по столь долговременной нашей разлукѣ, сопряженной, по разнообразнымъ поразительнымъ обстоятельствамъ, со истребленіемъ нашихъ жизненныхъ силъ и съ приближеніемъ не чрезъ долгое время разлучиться и навсегда. Но теперь нашелъ себя совсѣмъ тѣмъ ожидать еще моего съ вами толь вождѣленнаго свиданія, по видимому не меньше какъ развѣ чрезъ мѣсяцъ; слѣдовательно на то только, что естьли мое положеніе не перемѣнится, что въ самое свиданіе наше надобно мнѣ уже будетъ собираться и опять къ разлученію, Богу свѣдущу уже на сколько.

*) Это былъ полковникъ князь Дмитрій Константиновичь (1749—1820), по матери своей (Софьѣ Богдановнѣ, урожденной Пассекъ) двоюродный братъ графини М. Р. Паниной. Въ чемъ состоялъ его проступокъ, доселѣ не разъяснено. О немъ см. въ Запискахъ В. В. Пассека въ Р. Архивѣ 1863.

33.

Москва, 28 Генваря 1775 года.

Смущенъ будучи последними известіями, что вы, мой милостивый другъ и дорогой братецъ, за болезненнымъ головы вашей припадкомъ отменили намереніе въ назначенный день выехать изъ Петербурга, безпокоюсь теперь крайне ведать о вашемъ состояніи, и для того вручителя сего едущаго въ Петербургъ просилъ отдать въ руки ваши сіе письмо. Васъ же прошу, известите меня хотя съ нарочною штафетою какъ о вашемъ здоровье, такъ и къ которому времени вы въ Москву пріездъ свой полагаете. А что̀ до меня собственно, то я, выехавъ для встречи Ея Величества въ соборъ, простудился и теперь не выезжаю, въ разсужденіи припадковъ моихъ, изъ дому. Марья же Родіоновна моя и дети, равно и сестрица наша, благодаря Бога здоровы.

II. Письма князя Г. А. Потемкина къ графу П. И. Панину.

1.

Получено 2 Августа (1774) въ 11 часовъ въ Москве.

„Сіятельнейшій графъ, милостивый государь.

Въ проездъ мой чрезъ Москву слышалъ я отъ вашего сіятельства, что вы желали бъ охотно принять команду войскъ, отряженныхъ противъ бунтовщика и государственнаго злодея Пугачова. По смерти общаго нашего пріятеля, Александра Ильича, обстоятельства тамошнихъ делъ и съ успехами, сто̀ль худы сделались, что уже однимъ оружіемъ кончить не надежно; а нуженъ мужъ, испытанный въ искусстве и ревности, могущій возстановить порядокъ, обратить каждаго къ своей должности и, словомъ, вложить душу въ разстроенный народъ.

Сіи качества, соединенныя въ особе вашей, подали мне поводъ, при нонешнихъ обстоятельствахъ, открыть Ея Величеству желаніе ваше, въ чемъ подтвердилъ предъ Ея Величествомъ его сіятельство братецъ вашъ. Я благонадеженъ, что ваше сіятельство сей мой поступокъ вмените въ пріятную для себя услугу. Я опустился на сіе еще больше темъ, что мне известна безпредельная ваша верность къ Монархине. Господинъ капитанъ гвардіи Лунинъ, съ которымъ посланы къ вамъ указы, желаетъ быть при васъ; будьте къ нему милостивы. Ежели братъ мой генералъ-маіоръ Потемкинъ освободится отъ порученныхъ ему комиссій, то покорно прошу взять его въ дежурные генералы. Вы конечно будете имъ довольны, милостивый государь. Ежели я найдусь къ чему ни есть вамъ потребенъ, не щадите меня: я всякое ваше приказаніе съ охотою исполню. Не нарядилъ я къ вамъ гвардіи офицеровъ, не зная, нужны ли. Ежели вы оныхъ желаете, то прошу мне объявить. Я съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнейшій слуга Г. Потемкинъ.

Іюля 29 (1774). Петергофъ.

P. S. Ея сіятельству милостивой государынѣ графинѣ Марьѣ Родіоновнѣ приношу мое почтеніе".

2.

Получено Марта 3 дня 1775 года.

Какъ господинъ генералъ-маіоръ Волковъ опредѣленъ къ командованію всѣхъ въ начальствѣ моемъ состоящихъ, поселенныхъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ и состоитъ нынѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ предводительствѣ вашего сіятельства, то я за должность поставляю, во первыхъ симъ рекомендовать его въ милостивое вашего сіятельства покровительство, какъ усерднѣйшаго и испытаннаго мною въ храбрости и службѣ генерала, оказаніемъ къ которому вашего благоволенія обяжете ваше сіятельство истиннымъ признаніемъ самого меня, съ симъ же совокупно рекомендую и полки поселенные; во вторыхъ покорнѣйше прошу вашего къ начальникамъ деташаментовъ предложенія, чтобъ отряженные предъ симъ къ сторонѣ Оренбурга Бахмутскаго гусарскаго полку съ премiеръ-маіоромъ Штеричемъ эскадроны, гдѣ бы оные по обстоятельствамъ тамошнихъ дѣлъ деташированными ни находились, о всемъ до службы и благосостоянія ихъ касающемся представляли къ нему. Сію употребляемую просьбу заключу я тѣмъ неисходнымъ изъ души моея къ вамъ почитаніемъ и преданностію, съ коими и проч.

Октября 2 дня 1774-го года. С.-Петербургъ.

3.

„Препровождаю у сего къ вамъ Ея Величества письмы. При томъ имѣю честь донести, что прибывшіе отъ васъ съ извѣстіемъ всемилостивѣйше пожалованы: господинъ Лунинъ полковникомъ, князь Лобановъ въ гвардію капитаномъ-поручикомъ, а Ларіоновъ армейскимъ капитаномъ. Мы всѣ наполнены радостью, что злодѣй дошелъ до конца. Покорнѣйше прошу сдѣлать мнѣ чувствительную милость неоставленіемъ моихъ поселенныхъ полковъ и чтобъ они были въ командѣ у генералъ-маіора Волкова. Я съ отличнымъ почтеніемъ и проч."

4 Октября (1774. Спб.).

4.

Обращенные изъ Смоленска разныхъ полковъ восемь ротъ, для многихъ весьма нужныхъ причинъ, долженствуютъ неминуемо расположены быть въ Москвѣ. Въ разсужденіи чего, ваше сіятельство покорнѣйше прошу, естьли они въ недальномъ разстояніи отъ Москвы нынѣ расположены, то обратите ихъ туда, употребя въ мѣсто ихъ весь остатокъ Нарвскаго пѣхотнаго полку, находящійся въ Москвѣ. Симъ способомъ обоюдная послѣдуетъ польза, какъ для Нарвскаго полку соединеніемъ всего онаго вмѣстѣ, такъ и для тѣхъ остальныхъ ротъ, что удобнѣе и скорѣе къ полкамъ своимъ соединятся; не меньше оныя нужны въ Москвѣ и для того, что многія изъ нихъ въ формирующійся драгунскій полкъ упо-

треблены будутъ. Симъ же употребляю покорную мою къ вашему сіятельству просьбу о увѣдомленіи меня, какіе именно полки изъ числа предводительствуемыхъ вами войскъ назначивать изволите къ пребыванію управляемаго вашимъ сіятельствомъ края и въ какихъ точно мѣстахъ, дабы тѣмъ способнѣе можно было обратить излишнія за симъ расположеніемъ полки и опредѣлить мѣста къ ихъ пребыванію. Сіе оканчиваю я препорученіемъ себя и проч.

Октября 19 дня 1774 года.

Получено 31-го Октября 1774-го.

5.

При семъ имѣю честь препроводить на всѣ вашего сіятельства къ Ея Императорскому Величеству донесенія высочайшія ея повелѣнія, содержаніе и пространство которыхъ, а особливо, что Ея Величество въ сочиненіи всѣхъ ихъ на черно сама трудиться изволила, достаточны ко изъявленію вашему сіятельству причины такъ долгаго оныхъ на донесеніи ваши промедленія. При чемъ, ваше сіятельство покорно прошу о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, какіе именно полки изъ состоящихъ въ предводительствѣ вашемъ на операціи противъ Киргизовъ и Башкиръ и къ пребыванію въ томъ краю полагать изволите, дабы излишнія за тѣмъ войски, какъ для выгоды въ продовольствіи ихъ, такъ и для того, чтобъ не обнажить совсѣмъ здѣшняго края, можно было обратить внутрь государства.

Ноября 20-го дня 1774 года.

6.

Я не могу довольно рекомендовать въ милостивое вашего сіятельства покровительство господина генералъ-маіора Волкова и всѣхъ состоящихъ въ предводительствѣ вашемъ команды моея поселенныхъ въ Новороссійской губерніи войскъ, которыя по новости ихъ заведенія чрезъ всю минувшую войну отъ домовъ своихъ будучи удалены и необычайными походами изнурены, домы же ихъ отъ Запорожцевъ немалое разореніе получили. Удостойте ихъ, милостивый государь, правосуднаго вашего уваженія и подайте имъ возможную къ возстановленію ихъ въ желаемое состояніе руку помощи, во всегдашнее признаніе не только ихъ, но и того, который съ душевнымъ къ вамъ почитаніемъ и проч.

Ноября 20 дня 1774 года.

7.

Получено 19 Декабря 1774, отвѣтствовано 30.

Ея Императорскому Величеству благоугодно было пикинерныхъ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ, за оказанную ими во время минувшей войны Отечеству службу, удостоить сравненіемъ въ чинахъ съ армейскими, во исполненіе чего Государственная Военная Коллегія и предоставила сей разборъ учинить мнѣ. А какъ изъ числа оныхъ находятся подъ предводительствомъ вашего сіятельства, въ командѣ господина генерала-маіора Волкова, два пикинер-

ные полка, то препровождая при семъ къ нему ордеръ, ваше сіятельство покорно прошу, по содержанію онаго, позволить ему, собравъ послужные о всѣхъ штабъ и оберъ офицерахъ списки, представить ко мнѣ.

Декабря 2 дня 1774 года.

8.

По словесному моему съ вашимъ сіятельствомъ условію, отправилъ я Бахмутскаго гусарскаго полку господина преміеръ-маіора Штерича въ Новороссійскую губернію для выбора, въ учреждаемой при дворѣ Ея Императорскаго Величества гусарскій эскадронъ, ста тридцати человѣкъ гусаръ, покорнѣйше прося ваше сіятельство, чтобъ, во время сего отсутствія его отъ эскадроновъ, препоручить оные находящемуся при нихъ того полку секундъ-маіору.

Февраля 24 дня 1775 года.

9.

Получено 28 Февраля (1775), писано тогожъ числа.

На почтеннѣйшее вашего сіятельства отъ 25-го числа сего мѣсяца письмо симъ въ отвѣтъ служу, что какъ въ скорѣйшемъ соединеніи учрежденныхъ изъ легкихъ полевыхъ командъ баталіоновъ высочайшая Ея Императорскаго Величества состоитъ воля, сколько въ разсужденіи многаго числа излишнихъ по штату тѣхъ командъ унтеръ-штабныхъ чиновъ, болѣе къ отягощенію, нежели къ пользѣ служащихъ, такъ напротивъ того и для сбереженія самой казны, изъ которой до шестидесяти тысячъ излишняго противъ нынѣ полагаемыхъ баталіоновъ ежегодно выходитъ,—то и поставляю себѣ долгомъ ваше сіятельство покорнѣйше просить, чтобъ о ускореніи таковымъ двухъ легкихъ полевыхъ командъ въ одинъ баталіонъ соединеніемъ, также составленіемъ драгунскихъ эскадроновъ и егерскаго баталіона ввѣренной начальству вашему части генералитету изволили отъ себя сдѣлать предписаніе, съ тѣмъ, что естьли бы до открытія будущей кампаніи соединить ихъ удобности не было, то по крайней мѣрѣ, расчисливъ всѣ чины по сему новому положенію и исключа изъ оныхъ излишнихъ противъ баталіоннаго числа, опредѣлить ихъ въ другіе полки.

Что̀ принадлежитъ до производженія сверхъ-комплектнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ жалованья, то на оное послѣдовала высочайшая Ея Величества воля, согласно съ учиненнымъ отъ вашего сіятельства къ высочайшему ея лицу представленіемъ.

Февраля 28 дня 1775 года.

10.

Получено 6 Марта 1775 г.

На почтеннѣйшія вашего сіятельства письма минувшаго мѣсяца отъ 15 и 28 чиселъ, о награжденіи отличившихся мужествомъ и усердіемъ во время злодѣйскаго бунта разныхъ чиновъ, въ отвѣтъ служить честь имѣю, что я, по особливой моей къ вашему сіятель-

ству преданности, принимая всегда съ отмѣннымъ уваженіемъ таковыя одобренія въ соотвѣтственность желанія вашего о исходатайствованіи имъ справедливаго награжденія, не премину приложить своего старанія.

Марта 4-го дня 1775 года.

11.

Получено того же числа.

Ея Императорское Величество высочайше указать мнѣ соизволила сообщить къ вашему сіятельству высочайшую ея волю, чтобы сдѣланный отрядъ войскъ противъ Киргизцевъ чрезъ нарочно отправленнаго отъ васъ удержать и въ случаѣ, естьли бы тотъ посланный съ повелѣніемъ симъ пріѣздомъ своимъ до начатія поиску ускорить не могъ, то по крайней мѣрѣ приказать, не продолжая далѣе поисковъ своихъ, возвратиться въ свои мѣста и находиться для загражденія границы до особливаго вашего на то повелѣнія. Я, по искренней моей къ вашему сіятельству преданности, долженъ открыть мысль мою, что такъ слабый деташментъ, употребленный въ сіе важное дѣло, не токмо содѣйствіемъ своимъ по толь обширнымъ мѣстамъ желаемаго намѣренія достигнуть не можетъ, но, и обезсиляся безплодными поисками, затруднитъ тѣмъ самымъ на будущее время настоящія въ томъ предпріятія; а особливо, что произведеніе сего въ дѣйство требуетъ прибавленія большаго числа конныхъ и свѣжихъ войскъ, потому что сумнѣваюсь я, чтобъ тамошняя конница весьма трудными своими движеніями не была изнурена.

Марта 6 дня 1775 года.

12.

Получено Марта 9, писано того же числа.

Имѣя надобность до господина преміеръ-маіора Шевича, находящагося въ Бахмутскомъ гусарскомъ полку подъ предводительствомъ вашего сіятельства, симъ покорнѣйше прошу приказать съ возможнымъ поспѣшеніемъ слѣдовать ему въ Москву и явиться у меня.

Марта 9 дня 1775 года.

13.

Въ сходственность прежняго моего вашему сіятельству донесенія имѣю честь почтеннѣйше увѣдомить, что изъ рекомендованныхъ отъ вашего сіятельства войска Донскаго полковниковъ, Луковкина о награжденіи чиномъ армейскаго подполковника, представлено отъ меня съ прописаніемъ его долговременной и похвальной службы въ Государственную Военную Коллегію; прочимъ же тремъ, Янову, Вуколову и Лощилину, по содержанію высочайше конфирмованнаго минувшаго Февраля 15 дня о войскѣ Донскомъ штату, въ сравненіе прежде пожалованнымъ таковымъ же полковникамъ за ихъ ревностную и усердную службу, объявилъ я чины преміеръ-маіорскіе. О Еловайскомъ же уповательно ваше сіятельство извѣстны, что онъ, по имянному Ея Императорскаго Величества указу, пожало-

ванъ полковникомъ и войска Донскаго наказнымъ атаманомъ. Что же касается до прочихъ онаго войска чиновъ, удостоенныхъ за усердную и вѣрную свою службу справедливаго вашего одобренія, на сіе вашему сіятельству почтеннѣйше объявляю, что всѣмъ имъ пожалованы будутъ, такъ какъ и прежде, золотыя сабли.

Марта 23 дня 1775 года.

Получено 24 числа.

14.

На почтеннѣйшее вашего сіятельства ко мнѣ писаніе симъ покорнѣйше отвѣтствовать честь имѣю, что ко воспомоществованію Вольскому войску въ претерпѣнномъ онымъ отъ Калмыкъ разореніи не оставлю я употребить всѣ тѣ способы, какіе только лучшими и полезнѣйшими признаю; чтожъ касается до представленныхъ отъ вашего сіятельства къ награжденію разныхъ чиновъ, то всѣмъ имъ, а особливо капитану Ейбоженкову, яко удостоившемуся отличнымъ усердіемъ своимъ и ревностію отмѣннаго вашего сіятельства благоволенія, не премину я стараться о исходатайствованіи имъ воздаянія, какого вѣрная служба ихъ и отличныя каждаго особо заслуги, запечатлѣнныя высокимъ вашего сіятельства одобреніемъ, достойны.

Марта 24 дня 1775 года.

Получено того же числа.

15.

Получено Мая 4 дня 1775 года.

Имѣвъ счастіе докладывать Ея Императорскому Величеству по письму вашего сіятельства и подносить къ высочайшему ея прочтенію заготовленныя отъ васъ господину генералу-поручику Суворову о Оренбургской экспедиціи пограничныхъ иновѣрческихъ дѣлъ резолюціи, которыя Ея Императорское Величество соизволила найдтить достаточными.

Мая 1-го дня 1775 года.

16.

Получено 6 Мая 1775 года.

Имѣвъ честь изъяснить, по письму вашего сіятельства, мысль мою о господинѣ генералъ-маіорѣ Чорбѣ, что не имѣетъ онъ ни малѣйшей причины жаловаться на судьбу свою, всегда ему благодѣтельствовавшую, дополняю къ тому, что по вступившему въ Коллегію о взысканіи съ него въ Харьковской гусарскій полкъ за разныя утраченныя и негодныя къ употребленію вещи, въ томъ числѣ за удержанныя полковыя серебрянныя литавры и трубы, также взятыя имъ отъ командированнаго изъ полку для подряду вещей поручика Бородаевскаго девять сотъ шестьдесятъ три рубля съ копѣйками, а всей суммы подлежащей ко взысканію 11,693 рубли 32 копѣйки, не оставитъ Коллегія по поданному отъ него объясненію сдѣлать справедливое разсмотрѣніе и, какъ онъ состоитъ уволеннымъ уже отъ службы, то и дозволитъ ему ѣхать въ деревни его или куда онъ самъ пожелаетъ.

Мая 5-го дня 1775 года.

17.

Получено 29-го къ вечеру.

Покойнаго генералъ-маіора Краснощокова жена, присланнымъ ко мнѣ письмомъ, усильно проситъ объ отпускѣ къ ней сына ея полковника Краснощокова, прописывая, что по совершенной ея старости и болѣзнямъ, находясь при концѣ жизни своей, опасается, чтобъ оставшее имѣніе за отсутствіемъ его не было растащено.

А какъ онъ состоитъ въ командѣ вашего сіятельства, то покорнѣйше прошу для отправленія его въ Черкаскъ приказать ему явиться у меня; къ командованію же полкомъ его имѣетъ предстать къ вамъ онаго же войска полковникъ Исаевъ.

Мая 24 дня 1775 года.
Село Братовщино.

18.

Получено 13-го того же мѣсяца.

Состоящій при Царицынской линіи войска Донскаго атаманъ Перфиловъ рапортуетъ ко мнѣ, что прошлаго 1774-го за Ноябрь, Декабрь и сего 775-го годовъ за Генварь, Февраль, Мартъ и за половину Апрѣля мѣсяцевъ, за неимѣніемъ въ Царицынскихъ магазинахъ овса, его старшинскимъ и казачьимъ лошадямъ фуража въ производствѣ не было. Почему казаки и принуждены покупать овесъ на свои собственныя деньги; а у иныхъ, по неимуществу, отъ безкормицы и частыхъ почтовыхъ разгоновъ, лошади пришедъ въ худобу пали, которыя покупая на мѣсто оныхъ большею частію въ долгъ, доведены до такого убожества, что не только поправить свое состояніе, но и долговъ отплатить сдѣлались уже не въ силахъ. А потому означенный атаманъ Перфиловъ и проситъ о выдачѣ въ Царицынѣ какъ ему, такъ и командѣ за показанное время по такимъ цѣнамъ, какія по справкѣ въ прошедшую зиму тамъ были, оныхъ фуражныхъ денегъ учинить разсмотрѣніе. Я, находя сіе представленіе весьма нужнымъ, потому паче, что видя совершенный чрезъ то неполученіе фуража ихъ недостатокъ и разореніе, за нужно почелъ о семъ ходатайствовать у вашего сіятельства, яко главнаго тѣхъ мѣстъ начальника, покорнѣйше прося о дачѣ въ томъ кому слѣдуетъ вашего повелѣнія.

Іюня 9 дня 1775 года.

ГРАФЪ И ГРАФИНЯ СѢВЕРНЫЕ ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ.

Въ Русскомъ Архивѣ было уже помѣщено нѣсколько извѣстій, относящихся къ путешествію по Европѣ, совершенному великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгинею Маріей Ѳеодоровною въ 1781 — 1782 гг. Читатели въ особенности припомнятъ разсказъ о пребываніи высокихъ путешественниковъ въ Венеціи, переданный авторомъ „Записной книжки" на основаніи неизданныхъ записокъ графини Хотекъ, бывшей свидѣтельницею пышной встрѣчи Русскихъ гостей въ столицѣ Адріатики (Р. Арх. 1873 г., 1968—1976). Теперь мы помѣщаемъ извѣстія о пребываніи великаго князя Павла и его супруги въ Нидерландахъ. Разсказъ о поѣздкѣ ихъ по Австрійскимъ Нидерландамъ есть переводъ статьи знатока Бельгійскихъ архивовъ, члена Бельгійской академіи наукъ, Гашара, помѣщенной въ Бюллетенѣ этой академіи за 1872 годъ [1]): въ этомъ году Бельгійская академія праздновала свой столѣтній юбилей, и это обстоятельство, подавшее поводъ къ составленію исторіи академіи, побудило г. Гашара написать нижеприводимую статью. Свѣдѣнія же о пребываніи графа и графини Сѣверныхъ въ Голландіи изложены въ донесеніи А. И. Моркова, занимавшаго должность посланника Русскаго посольства при Генеральныхъ Штатахъ.

Составляя свою статью, г. Гашаръ, повидимому, не былъ знакомъ съ любопытными записками подруги дѣтства великой княгини—баронессы Оберкирхъ, которая сопровождала Марію Ѳеодоровну въ путешествіи по Нидерландамъ и оставила нѣсколько замѣтокъ объ этомъ времени въ своихъ мемуарахъ [2]). Но, при переводѣ статьи г. Гашара не оказалось надобности пополнять ее изъ дневника г-жи Оберкирхъ, такъ какъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г. (517—526) уже былъ помѣщенъ въ извлеченіи важнѣйшій изъ ея разсказовъ объ одномъ эпизодѣ, относящемся до пребыванія графа и графини Сѣверныхъ въ Брюсселѣ. Въ заключеніи замѣтимъ, что счетъ дней означенъ г. Гашаромъ по новому стилю.

Л. Майковъ.

I. Въ Австрійскихъ Нидерландахъ.

Три государя могущественной Россіи посѣтили въ разное время Бельгію: Петръ Великій въ 1717 г., Павелъ I, будучи еще великимъ княземъ, въ 1782 году и Александръ I въ 1815. Я намѣренъ въ послѣдствіи разсказать подробно посѣщеніе Петра Великаго; я собралъ для этой цѣли многочисленные матеріалы. Если же я предпосылаю этому повѣствованію извѣстіе о путешествіи Павла I, то по той именно причинѣ, что съ этимъ послѣднимъ связывается событіе, замѣчательное въ исторіи нашей (Бельской) академіи и заслуживающее воспоминанія въ то время, когда мы готовимся праздновать столѣтній юбилей этого учрежденія.

---

[1]) Bulletins de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. XLI-me année. 2-me serie, t. XXXIII, 131—141.

[2]) Mémoires de la baronne d'Oberkirch sur la Cour de Louis XVI et la société française avant 1789, publiés par le comte de Montbrison. Paris 1853. 2 vol.

30-го Сентября 1781 года великаго князя цесаревичь, единственный сынъ Петра III и Екатерины II и его супруга, великая княгиня Марія Ѳеодоровна рожденная принцесса Виртембергская, выѣхали изъ императорской резиденціи—Царскаго Села въ путешествіе, въ теченіе котораго они предполагали посѣтить, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, нѣкоторую часть Европы. Прежде всего они посѣтили Вѣну и пробыли здѣсь довольно долго [1]. 4-го Января 1782 года они покинули эту столицу и отправились въ Италію. Они провели нѣкоторое время въ Венеціи, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Миланѣ и Туринѣ. 18-го Мая они прибыли въ Парижъ и провели здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Великій князь желалъ видѣть Брестъ, какъ главный морской арсеналъ Франціи. По осмотрѣ его, графъ и графиня Сѣверные отправились въ Нидерланды.

Во всѣхъ посѣщенныхъ ими странахъ, графъ и графиня привлекали къ себѣ общее сочувствіе, возбуждаемое не только ихъ высокимъ положеніемъ, но и качествами, имъ свойственными. Павелъ, при большомъ умѣ, обладалъ способностью вѣрно постигать идеи и быстро охватывать всѣ стороны предмета и различныя обстоятельства [2]. Великая княгиня была прекрасна собою и обладала разнообразными познаніями: она занималась живописью и музыкой; въ Вѣнѣ, при посѣщеніи императорскаго фарфороваго завода, она набросала на чашкѣ рисунокъ и наложила на него краски, возбудивъ тѣмъ удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ [3]. Съ этими разнообразными талантами Марія Ѳеодоровна соединяла любезность и самую привлекательную кротость; болѣе же всего уваженіе и сочувствіе къ ней внушалось ея привязанностью къ супругу [4]. При томъ, и графъ, и графиня очень желали многое видѣть, многому научиться и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе [5].

„Путешествіе великаго князя и великой княгини“, писалъ Іосифъ II къ своему брату Леопольду,—„событіе весьма замѣчательное. Для пользы государства, для всякаго, кто думаетъ о благѣ Отечества, коему онъ обязанъ своимъ благосостояніемъ, вовсе не безразлично, чтобы ихъ императорскія высочества были довольны всѣми тѣми выраженіями дружбы, какія они встрѣтятъ повсюду, гдѣ есть представители нашей фамиліи или ея родственники, дабы общее единеніе всей фамиліи въ своихъ убѣжде-

---

[1] Въ числѣ подробностей пребыванія графа и графини Сѣверныхъ въ Вѣнѣ отмѣтимъ одну, заслуживающую упоминанія по своей необыкновенности. Совѣтникъ фонъ-Кемпеленъ, Венгерецъ по происхожденію, изобрѣлъ автоматъ, который игралъ въ шахматы; 7-го Декабря великая княгиня пожелала сыграть партію съ этимъ автоматомъ. Неизвѣстно однако, кто выигралъ. (L'Esprit des Gazettes, t. IV, p. 203).

[2] Такъ именно выражается, говоря о немъ великій герцогъ Леопольдъ въ письмѣ, отъ 5-го Іюня 1782-года, къ своему брату Іосифу II (Joseph und Leopold von Toscana, ihr Briefwechsel von 1781 bis 1790, кавалера *фонъ-Арнета*. Wien, 1872, т. I, стр. 116).

[3] Esprit des Gazettes, т. IV, стр. 191.

[4] Въ вышеупомянутомъ письмѣ Леопольдъ отдаетъ справедливость прекраснымъ свойствамъ великой княгини. Герцогъ Саксенъ-Тешенскій, познакомившись съ нею въ Брюсселѣ, отзывается о ней столь-же благопріятно (Maria-Christina, Erzherzogin von Oesterreich, соч. *Адольфа Вольфа*, т. I, стр. 200).

[5] Записка Іосифа II, посланная великому герцогу Леопольду 12-го Января 1782 (Joseph und Leopold и пр., т. I, стр. 333).

ніяхъ относительно ихъ и всей Россіи не оставило въ нихъ нималѣйшаго сомнѣнія о прочности и постоянствѣ нашихъ чувствъ къ нимъ, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущее" [6]).

Согласно съ такимъ взглядомъ, Іосифъ, во время пребыванія графа и графини Сѣверныхъ въ Вѣнѣ, не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы быть пріятнымъ. По примѣру императора, и королева Каролина въ Неаполѣ, великій герцогъ Леопольдъ въ Тосканѣ, эрцгерцогъ Фердинандъ въ Миланѣ, Марія-Антуанетта въ Версали, старались всячески угодить имъ. Знаменитые путешественники должны были ожидать того же вниманія, той же предупредительности въ отношеніи къ нимъ и въ Нидерландахъ, которыми управляли сестра королевъ Французской и Неаполитанской—эрцгерцогиня Марія-Христина, совмѣстно съ своимъ супругомъ, герцогомъ Саксенъ-Тешенскимъ Альбрехтомъ.

Графъ и графиня Сѣверные должны были прибыть въ Нидерланды чрезъ Дюнкирхенъ и Фюрнъ. Едва эрцгерцогиня и герцогъ Альбрехтъ получили извѣстіе о приближеніи ихъ къ границамъ, какъ переѣхали для встрѣчи гостей въ Остенде, въ сопровожденіи графа фонъ-Штаренберга, полномочнаго министра императора. Городъ Остенде, и хотя и много выигравшій въ теченіе Американской войны, далеко не представлялъ въ то время тѣхъ удобствъ, которыми обладаетъ нынѣ; тамъ было всего двѣ порядочныя гостинницы: la Conciergerie de la maison de ville и la Cour impériale. Та и другая были заняты для Русскихъ гостей и ихъ свиты; эрцгерцогиня и ея супругъ помѣстились въ домѣ, занимаемомъ комендантомъ, графомъ Риндемаулемъ. Въ Остенде не было хорошей воды для питья: ее привезли изъ Виннендаля. Приняты были мѣры, чтобы проѣздъ великаго князя и княгини не встрѣтилъ никакого препятствія или замедленія. Такъ какъ станціи между Фюрномъ и Брюсселемъ не были снабжены достаточнымъ количествомъ лошадей [7]), то всѣ мѣстныя земскія и городскія управленія, по пути слѣдованія высокихъ путешественниковъ, были обязаны пополнить недостающее число. Фюрнское начальство распорядилось исправленіемъ дороги, по которой слѣдовало проѣзжать, въ предѣлахъ его округа [7]).

8-го Іюля 1782 года графъ и графиня Сѣверные переѣхали границу Нидерландовъ; въ Фюрнѣ ихъ встрѣтилъ графъ фонъ-Штаренбергъ и привѣтствовалъ отъ имени эрцгерцогини и ея супруга. Къ вечеру они прибыли въ Остенде и помѣстились въ гостинницѣ la Conciergerie. Едва вошли они въ отведенные для нихъ аппартаменты, какъ эрцгерцогиня Марія-Христина и герцогъ Альбрехтъ посѣтили ихъ.

Свита графа и графини состояла изъ 60 человѣкъ, между которыми находились князь А. Б. Куракинъ, племянникъ графа Панина (сопровождавшій ихъ по личной преданности и пользовавшійся полнымъ ихъ довѣріемъ), графъ Н. И. Салтыковъ, генералъ-адъютантъ императрицы, князь Н. Б. Юсуповъ, великій любитель древностей, искусствъ и художествъ, и полковникъ Х. Бенкендорфъ.

9-го числа графъ и графиня Сѣверные отдали визитъ эрцгерцогинѣ и герцогу Альбрехту. Затѣмъ они отправились всѣ вмѣстѣ на платформу,

---

[6]) Joseph und Leopold von Toscana, и пр., т. I, стр. 332.

[7]) Для поѣзда великаго князя съ супругою требовалось 500 лошадей.—Въ день ихъ прибытія въ Парижъ, 18-го Мая, почтовое движеніе для другихъ путешественниковъ было пріостановлено.

[8]) Свѣдѣнія изъ королевскихъ архивовъ.

съ которой открывался видъ на море, на портъ, на маякъ и на работы по расширенію гавани. Затѣмъ они отправились въ шлюбкахъ на Шликенскія шлюзы. Здѣсь ожидали ихъ суда для переѣзда въ Гентъ. По прибытіи въ главный городъ Фландріи, они посѣтили театръ. На слѣдующій день они осматривали соборъ и исправительное заведеніе.

Послѣ обѣда они выѣхали въ Брюссель. Для нихъ было приготовлено помѣщеніе въ дворцѣ; но высокіе путешественники не принимали подобныхъ приглашеній ни въ одной изъ посѣщенныхъ ими странъ; поэтому и въ Брюсселѣ они помѣстились въ гостинницѣ Belle-Vue.

Послѣ того какъ они расположились тамъ, эрцгерцогиня и ея супругъ, возвратившіеся изъ Гента одновременно съ ними, заѣхали за ними, чтобъ отправиться вмѣстѣ въ театръ [9]). Распространившееся въ публикѣ извѣстіе, что высокіе гости почтятъ спектакль своимъ присутствіемъ, привлекло въ театръ значительное количество зрителей; при вступленіи ихъ въ королевскую ложу, публика встрѣтила ихъ продолжительными восклицаніями.

11-го числа Марія-Христина и герцогъ Альбрехтъ, въ сопровожденіи графа Штаремберга, возили высокихъ гостей въ соборъ св. Гудулы, въ женскій монастырь, богадѣльню Béguinage и на одну изъ важнѣйшихъ кружевныхъ фабрикъ. Въ соборѣ кардиналъ Франкенбергъ, архіепископъ Мехельнскій, встрѣтилъ ихъ во главѣ своего капитула. Въ тотъ же день осмотрѣнъ былъ монетный дворъ. Выслушавъ объясненіе всего процесса монетнаго дѣла и по выбитіи многихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, высокіе путешественники подошли къ медальному чекану, и здѣсь старшій граверъ Теодоръ фанъ-Беркель выбилъ передъ ними и представилъ имъ медаль, приготовленную въ честь ихъ [10]). По осмотрѣ монетнаго двора, великій князь съ великою княгиней и эрцгерцогиня съ супругомъ отправились на катанье. Тогда любимымъ гульбищемъ Брюссельцевъ была Зеленая Аллея (Allée Verte), нынѣ совсѣмъ забытая; на этотъ разъ она имѣла блестящій видъ по множеству и богатству собравшихся экипажей. Вечеромъ во дворцѣ былъ пріемъ, балъ и ужинъ.

Знакомство съ лицами, отличавшимися въ разныхъ странахъ по своимъ познаніямъ, составляло предметъ особаго любопытства для графа и графини Сѣверныхъ. Они выразили желаніе присутствовать въ засѣданіи Императорско-королевской академіи наукъ и словесности, которая, будучи учреждена всего за десять лѣтъ передъ тѣмъ, успѣла однако пріобрѣсти себѣ уваженіе ученой Европы. Было однако вакаціонное время; но академія была созвана въ чрезвычайное собраніе. Зданіе это нахо-

---

[9]) Въ упомянутой выше запискѣ, Іосифъ писалъ своему брату: „Великій князь не танцуетъ; великая княгиня танцуетъ, но безъ особеннаго увлеченія; поэтому балы интересуютъ ихъ лишь какъ удобный случай для того, чтобы видѣть дворянство. Музыка, повидимому, доставляетъ удовольствіе ихъ императорскимъ высочествамъ; а равно и хорошій спектакль, особенно если онъ не слишкомъ диненъ и не затягивается до поздняго времени“.

[10]) Вотъ описаніе этой медали:

На одной сторонѣ, обращенное вправо, грудное изображеніе великаго князя и великой княгини. Кругомъ надпись: PAUL. PETROW. ET MAR. FEDOROWNA MAGNI RUTHEN. DUCES. На обрѣзѣ: T. V. B. (Theodore Van-Berckel). На оборотѣ: инструменты наукъ и искусствъ, аттрибуты торговли и военнаго дѣла, рогъ изобилія и пр. Надпись въ трехъ строкахъ: BRUXELLIS. MENSE JUL. MDCCLXXXII. Діаметръ медали: 40 миллиметровъ.

дилось въ улицѣ Изабеллы и было разрушено въ началѣ нынѣшняго столѣтія, чтобы дать мѣсто площадкѣ; тамъ стоитъ нынѣ статуя генерала Белліара. Въ зданіи этомъ находилась и королевская библіотека, которую Марія Терезія открыла для общаго пользованія; въ той самой залѣ, гдѣ помѣщались книги, происходили и засѣданія академіи. 12-го Іюля графъ и графиня, вмѣстѣ съ эрцгерцогинею и ея супругомъ, отправились въ академію; при выходѣ изъ кареты ихъ встрѣтилъ графъ фонъ-Штарембергъ, протекторъ академіи, и ея президентъ де-Крумпиненъ, канцлеръ Брабанта, во главѣ всѣхъ членовъ. Послѣ того какъ великій князь и великая княгиня заняли мѣста въ залѣ засѣданій, непремѣнный секретарь академіи [11]) обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

„Въ то время какъ славнѣйшія страны Европы изъявляли чрезвычайное удовольствіе по случаю присутствія двухъ путешествующихъ особъ, кои подъ скромнымъ прозвищемъ сокрыли свое высокое имя и подъ простою внѣшностью удивительныя дарованія, Нидерланды питали живѣйшее желаніе пріобщиться всеобщей радости. Нынѣ желанія эти исполнились, и Брюссель можетъ присовокупить свои клики къ восторгамъ Вѣны, Рима и Парижа.

„Когда мы, трудящіеся подъ покровительствомъ просвѣщеннаго государя и его довѣренныхъ намѣстниковъ для преуспѣянія словесности и наукъ, увѣдомились, что ваши высочества удостоиваютъ сіи послѣднія своимъ милостивымъ воззрѣніемъ, что вы изволите посвящать имъ минуты вашего драгоцѣннаго досуга, что вы обогащаете чертоги ваши обширными книгохранилищами и роскошными собраніями, въ коихъ натура и художества являютъ свои чудеса, сердца наши открылись для радости, и мы прославили время, въ кое живемъ: въ сей день, когда ваши высочества изволите отстранять блескъ, окружающій ваши августѣйшія главы, да пріидете въ наше собраніе, ни единый отъ насъ, вдохновленный вашимъ присутствіемъ, не можетъ не возчувствовать, того мужества и того жара, кои ваши высочества одни и способны вселить.

„Могущественный монархъ, и что̀ болѣе сего, великій мужъ, коего слава будетъ жить въ равнинахъ Бельгійскихъ столь же долгое время, какъ и въ предѣлахъ его обширной имперіи, создалъ впервыя особый родъ соревнованія, дотолѣ невѣдомый государямъ. Онъ благоволилъ возсѣсть на ряду съ учеными мужами, поучался и трудился вкупѣ съ ними и поучалъ ихъ въ свой чередъ. Нѣкоторая знаменитая академія хранитъ плоды его генія. Наша академія въ то время еще не существовала; но, видя присутствующими здѣсь толь славныхъ друзей науки, особъ толь великихъ и любезныхъ толикому числу народовъ, она не имѣетъ нужды питать сожалѣніе. Она сохранитъ въ сердцѣ своемъ многоцѣнный даръ сего посѣщенія и, исполненная удивленія и благодарности, занесетъ въ скрижали свои тотъ почетъ, коего нынѣ удостоена.“

Президентъ представилъ высокимъ гостямъ три тома записокъ академіи, вышедшихъ до тѣхъ поръ; казначей поднесъ имъ жетоны, которые раздавались членамъ академіи; жетоны эти были милостиво приняты какъ графомъ и графинею Сѣверными, такъ и эрцгерцогиней и ея супругомъ.

Три новые мемуара были внесены въ это засѣданіе: первый—Дерошемъ, подъ заглавіемъ: „Dissertation sur l'état militaire dans les Pays-Bas sous le gouvernement des ducs et des comtes, dépuis l'année 1100

---

[11]) Іоаннъ Де-Рошъ (Des Roches), занявшій эту должность въ 1776 году, послѣ Жерара.

jusqu'au règne de la maison d'Autriche, vers la fin du quinzième siècle" (Разсужденіе о положеніи военнаго дѣла въ Нидерландахъ подъ управленіемъ герцоговъ и графовъ, съ 1100 г. до воцаренія Австрійскаго дома въ концѣ XV в.); второй—аббатомъ Манномъ (Mann), подъ заглавіемъ: „Vue générale des derniers progrès des sciences académiques et de ce que reste à faire pour les amener de plus en plus vers leur perfection" (Общій очеркъ новѣйшихъ успѣховъ наукъ и того что̀ еще остается сдѣлать для ихъ полнаго совершенства); и третій—маркизомъ де Шателеромъ (de Chasteler): „Réflexions sur les troubles des Pays-Bas sous le gouvernement de Marguerite de Parme" (Разсужденія о волненіяхъ въ Нидерландахъ во время управленія Маргариты Пармской). По указанію графини Сѣверной [12], г. де Крумпиненъ прочелъ второй изъ названныхъ мемуаровъ. Затѣмъ, по закрытіи засѣданія, великій князь и великая княгиня разсматривали драгоцѣннѣйшія рукописи библіотеки [13]. Остальная часть утра была посвящена осмотру каретныхъ мастерскихъ знаменитаго фабриканта Симонса. Затѣмъ, по примѣру предшествовавшаго дня, при дворѣ былъ большой обѣдъ, послѣ котораго эрцгерцогиня и ея супругъ отвезли своихъ гостей въ театръ. Вечеръ заключился прогулкою въ воксалъ, садъ котораго былъ иллюминованъ.

13 Іюля гости оставили Брюссель. Эрцгерцогиня и ея супругъ проводили ихъ до Антверпена и тамъ показали имъ главныя церкви, академію живописи, художественныя собранія многихъ частныхъ лицъ, портъ и замѣчательнѣйшія зданія. 14-го Марія-Христина и Альбрехтъ простились съ великимъ княземъ и великою княгинею, которые отправились въ Голландію.

По поводу пребыванія великаго князя Павла Петровича въ Брюсселѣ, историкъ Маріи-Христины, Адамъ Вольфъ, сообщаетъ одну странную подробность: онъ приводитъ письмо принца Альбрехта, въ которомъ сказано, что великій князь питалъ увѣренность, что ему грозитъ со временемъ отравленіе [14].

Въ Голландіи графъ и графиня Сѣверные не преминули посѣтить Сардамъ, гдѣ Петръ Великій, въ 1697 году, учился кораблестроенію. Они желали видѣть тѣ два элинга, на которыхъ основатель могущества Россіи работалъ простымъ плотникомъ, и домъ, въ которомъ онъ жилъ: въ этомъ домѣ жилъ тогда внукъ того хозяина, который отдавалъ его въ наймы царю. Великій князь и великая княгиня осмотрѣли домъ въ подробности и, покидая его, оказали скромному поселянину знаки своей щедрости.

Изъ Генеральныхъ Штатовъ великій князь и великая княгиня отправились, черезъ Мастрихтъ, въ Спа, гдѣ эрцгерцогиня Марія-Христина и принцъ Альбрехтъ снова встрѣтились съ ними. Здѣсь также хранились

---

[12]) Такъ сказано въ *Gazette des Pays-Bas*, 18-го Іюля 1782 года. По журналу засѣданія и по протоколу совѣщаній академіи, чтеніе мемуара аббата Манна было „потребовано ихъ королевскими высочествами", то есть, эрцгерцогинею и ея супругомъ. Эти два извѣстія не такъ разногласятъ между собою, какъ кажется съ перваго взгляда: согласно условіямъ приличій, эрцгерцогиня и ея супругъ не могли не спросить мнѣнія своихъ высокихъ гостей на счетъ выбора чтенія.

[13]) Mémoires de l'Académie, t. IV, journal des séances, p. XLIII.

[14]) Er hatt immer die Idee, dass er einmal vergiftet wird..." Maria-Christina, Erzherzogin von Oesterreich, I, стр. 200.

воспоминанія о пребываніи Петра Великаго: въ 1717 г. этотъ государь пилъ воды Геронстерскаго ключа, которыя принесли ему большую пользу; великій князь и великая княгиня съ живѣйшимъ любопытствомъ прочли надпись съ гербомъ царя, напоминавшую объ этомъ событіи. Множество принцевъ, принцесъ и знатныхъ особъ находились въ это время въ Спа, а потому и празднества, данныя здѣсь по поводу прибытія Русскихъ гостей, были очень блестящи.

Проведя два дня [15] въ этомъ прелестномъ городѣ, графъ и графиня Сѣверные направились въ Германію. Изъ Франкфурта они проѣхали черезъ Страсбургъ въ Монбельяръ, гдѣ ихъ ожидало Виртембергское герцогское семейство. Въ Сентябрѣ они посѣтили Штутгардтъ. Затѣмъ они останавливались на нѣкоторое время въ столицѣ Австріи. Наконецъ, 1-го Декабря они возвратились въ Петербургъ. Путешествіе ихъ продолжалось 14 мѣсяцевъ.

II.

Въ Голландіи.

Донесеніе А. И. Маркова.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Въ бытность ихъ императорскихъ высочествъ въ Бриселѣ, Генеральные Статы учинили имъ чрезъ пребывающаго тамо своего посланника барона Гопа формальное приглашеніе посѣтить ихъ области, а принцъ и принцесса Оранжскіе таковое-жъ съ своей стороны учинили приглашеніе письмами, съ нарочно туда отправленнымъ двора ихъ камергеромъ графомъ Гейденомъ. Слѣдуя предпринятому намѣренію, ихъ императорскія высочества оставили Брисель въ прошлую суботу, то есть 2 (13) сего мѣсяца и прибыли того-жъ дня въ Антверпенъ, гдѣ имѣли свой ночлегъ. На другой день, отобѣдавъ вмѣстѣ съ ихъ королевскими высочествами эрцъ-герцогинею Австрійскою и принцомъ Саксъ-Тешенскимъ, которые ихъ до помянутаго мѣста препроводили, отправиться изволили въ путь и того-жъ вечера прибыли въ Мордеку, гдѣ, сѣвъ на высланныя отъ здѣшняго адмиралтейства яхты, прибыли сюда водою въ семь часовъ пополудни, останавливаясь дорогою въ Ротердамѣ и Дельфтѣ для осмотрѣнія примѣчательнаго въ сихъ двухъ мѣстахъ. Въ первомъ изъ оныхъ встрѣчены были ихъ свѣтлостями статъ-гальтеромъ и его супругою, кои намѣрены были ѣхать до самаго Мордека, но по точному желанію ихъ императорскихъ высочествъ отъ онаго воздержались. Спустя часъ по прибытіи, ихъ императорскія высочества изволили поѣхать въ домъ статъ-гальтера, куда собрались пребывающіе здѣсь иностранные министры и знатнѣйшіе чины придворные, которые имѣли честь быть имъ представлены. Потомъ былъ концертъ и ужинъ. Вчера по утру ихъ императорскія высочества въ провожденіи принца и принцессы Оранжскихъ изволили осматривать кабинетъ натуральной исторіи и живописи и другія достойныя любопытства вещи. Обѣдать изволили у статъ-гальтера вмѣстѣ съ главными чинами правительства, а изъ иностранныхъ министровъ кро-

---

[15]) 22-е и 23-е Іюля.

мѣ насъ двухъ никого не находилось. По полудни въ 6-ть часовъ были въ спектакелѣ, а вечеръ препроводили опять у статъ-гальтера, гдѣ былъ великолѣпный ужинъ въ построенныхъ залахъ въ лѣсу, иллюминованномъ разными огнями; послѣ ужина былъ балъ, чѣмъ и заключилось все сіе празднество. Сего дня въ восемь часовъ по утру, ихъ императорскія высочества изволили отправиться сухимъ путемъ черезъ Лейденъ и Гарлемъ въ Амстердамъ. Правительство сего послѣдняго города поручило особенно своему пансіонеру просить ихъ императорскихъ высочествъ о посѣщеніи онаго. Словомъ, всемилостивѣйшая государыня, вездѣ и во всемъ соблюдены были почтеніе и отличности, должныя сану сихъ знаменитыхъ путешествователей и совершенно соотвѣтствующія величеству и славѣ всеавгустѣйшей ихъ матери и приносимымъ ей столь справедливо отъ всѣхъ народовъ любви и благоговѣнію.

Наканунѣ отъѣзда ихъ императорскія высочества изволили вручить чрезвычайному посланнику князю Голицыну слѣдующія при семъ два письма для доставленія вашему императорскому величеству. Онъ-же, отправясь въ слѣдъ за ихъ высочествами, возложилъ на меня исполненіе сего долга.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ

Аркадій Морковъ *).

Гага, 6 (17) Іюля 1782 года.

Получено 23 Іюля 1782.

(*Сообщено покойнымъ княземъ М. А. Оболенскимъ, племянникомъ графа А. И. Моркова*).

---

*) Въ Голландіи тогда находилось два Русскихъ посланника: князь Д. А. Голицынъ и товарищъ его А. И. Морковъ.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Императоръ Наполеонъ провелъ тревожную ночь въ Петровскомъ подъѣздномъ дворцѣ. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшійся передъ нимъ пожаръ. „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія", произнесъ онъ наконецъ [1]). „Императоръ былъ доволенъ, занявъ Москву, говоритъ одинъ изъ бывшихъ тогда при немъ секретарей; но конечно онъ не скрывалъ отъ себя, чего не доставало для полнаго его торжества: въ это время Бернадотъ долженъ бы былъ уже занять Петербургъ, а Турки Крымъ" [2]).

Таковы именно были первоначальныя предположенія Наполеона; но его собственная неудачная политика въ отношеніи къ Швеціи и Турціи разстроила эти планы. О мирѣ, заключенномъ Россіею съ Портою въ Букарештѣ и о союзѣ съ Швеціею Наполеонъ узналъ уже находясь въ Россіи. Занятіемъ Москвы онъ еще надѣялся достигнуть своей цѣли, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ предполагалъ и желалъ, и заключить съ нею миръ, поразивъ ужасомъ ее и ея Императора. Но пожаръ Москвы, совершенно для него неожиданный, спуталъ всѣ его разсчеты и предположенія. Въ рѣчи своей, при открытіи Законодательнаго Собранія, въ началѣ 1813 г., вызывая Францію на новыя чрезвычайныя пожертвованія для продолженія войны, онъ увѣрялъ, что въ Россіи ему пришлось восторжествовалъ надъ всѣми затрудненіями, и „даже пожаръ Москвы, въ четыре дня уничтожившій труды и издержки 40 поколѣній, нисколько не измѣнилъ благопріятнаго положенія дѣлъ" [3]); но въ самой Москвѣ и потомъ на островѣ Св. Елены онъ думалъ иначе. „Нельзя было предвидѣть возможность сожженія Москвы", говорилъ онъ, оправдывая этимъ неудачу похода, который считалъ онъ наиболѣе обдуманнымъ, разсчитаннымъ и соображеннымъ изо всѣхъ своихъ походовъ [4]).

Могъ-ли Наполеонъ не понять значенія Московскаго пожара, когда его поняла вся Европа, лишь только узнала о немъ? Поняла и Франція. „Невозможно (доносилъ ему въ это время Фіеве изъ Парижа) описать того изумленія и ужаса, которые произвела въ Парижѣ вѣсть о пожарѣ Москвы. Давно уже народы позабыли о войнѣ, доводимой до крайности. Нашему времени суждено все исчер-

---

[1]) C.-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, ч. II, гл. VII, стр. 59.

[2]) B. Fain, Manuscrit de 1812, ч. II, стр. 55.

[3]) Рѣчь 13 Февраля 1813 г. (н. ст.) у Тьера, Hist. de l'Empire, кн. XXIX.

[4]) Montholon, Mémoires etc. въ Bibliothèque militaire, изд. 1840, стр. 405.—Las-Cases, Mémorial de S-te Hélène, т. II, стр. 142—145.

пать, все довести до крайности, и это событіе безъ сомнѣнія нанесетъ сильный ударъ высокому идеалу воинской славы. Какъ наши предки возставали противъ религіознаго фанатизма, такъ наши потомки будутъ возставать противъ фанатизма военнаго; по крайней мѣрѣ въ настоящее время кончено всякое увлеченіе. Время, прошедшее съ тѣхъ поръ какъ бюллетень принесъ эту вѣсть, до сихъ поръ не ослабило силы произведеннаго впечатлѣнія. Это такое событіе, котораго послѣдствія неисчислимы, и чѣмъ болѣе въ него вдумываешься, тѣмъ болѣе открываются новые виды. Послѣ чувства состраданія къ жителямъ этого несчастнаго города, первая мысль была о нашей арміи, вдругъ потерявшей всѣ средства, которыя она надѣялась тамъ найти. Собранная воедино, она не можетъ въ этомъ климатѣ воспользоваться спокойствіемъ въ промежутокъ времени между двумя кампаніями. Извѣстія, полученныя послѣ этого бюллетеня, нѣсколько ослабили опасенія. Намъ даютъ надежду, что Французскія войска найдутъ достаточно средствъ для того, чтобы безъ особенныхъ лишеній дождаться новой кампаніи. Если-бы сбылась эта надежда! Теперь уже не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, что эта война окупаетъ сама себя; теперь дѣло не въ деньгахъ: затронуты слишкомъ важные вопросы, и всякій бюллетень, изъ котораго узнали-бы, что наши солдаты въ теплѣ, одѣты и сыты, произвелъ бы гораздо больше впѣчатлѣнія на всѣхъ, нежели извѣстія о побѣдахъ... Съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ обратили вниманіе на полуправительственную газетную статью, въ которой за пожаръ Москвы не обвиняютъ императора Александра. Это объяснили тѣмъ, что императоръ не потерялъ еще надежды на миръ. Разрушеніе столицы еще можетъ быть приписано порыву народа, который рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ подчиниться игу побѣдителя. Это чувство, нѣкогда общее всѣмъ свободнымъ народамъ, выразившееся теперь во всей силѣ въ странѣ мало образованной, приводитъ въ изумленіе. Если-бы Москва была сожжена по приказанію императора Александра, то онъ могъ бы оправдать себя передъ исторіею, дѣйствуя послѣдовательно и не входя ни въ какіе переговоры о мирѣ. Въ такомъ случаѣ онъ станетъ высоко въ памяти потомковъ. Въ противномъ случаѣ, если онъ согласится на миръ, то и теперь, и въ послѣдствіи, какъ передъ своими подданными, такъ и передъ Европою, онъ остался бы зажигателемъ. Благоразумное устраненіе его участія въ этомъ событіи свидѣтельствуетъ, что еще не утрачена надежда на миръ, но оно еще не ручается за то, доживемъ ли мы до него“ [5])?

Со вступленіемъ въ Кремль, т. е. съ 3 Сентября и во все пребываніе въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ не далъ ни однаго приказанія, не продиктовалъ ни однаго военнаго предписанія. Очевидно,

---

[5]) Correspondance et relations de I. Fiévée avec Bonaparte, Paris 1837, т. III, стр. 239—246. Письмо XC, Октябрь 1812. Фьеве, въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная съ консульства, былъ кореспондентомъ Наполеона и сообщалъ ему свѣдѣнія о направленіи общественнаго мнѣнія.

онъ такъ былъ пораженъ неожиданнымъ для него событіемъ, что недоумѣвалъ, что̀ дѣлать и на что̀ рѣшиться. Такое состояніе духа и выражалось въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ.

Въ слѣдъ за Наполеономъ и его свитою выступили изъ Москвы гонимыя пожаромъ войска. Вокругъ Петровскаго дворца устроились бивуаки корпуса Итальянскаго короля. Туда, вслѣдъ за войсками, подъ ихъ охрану, сбѣжалась и большая часть иностранцевъ, особенно Французовъ и даже нѣкоторые изъ Русскихъ. Въ этомъ числѣ находилась и г-жа Оберъ-Шальме, владѣтельница модной тогдашней гостинницы и богатаго магазина различныхъ предметовъ роскоши. (Мужъ ея былъ высланъ въ числѣ другихъ гр. Ростопчинымъ на баркѣ въ Казань). Магазинъ Оберъ-Шальме [6]) служилъ сборнымъ мѣстомъ для всего высшаго и богатаго Московскаго общества, привлекаемаго туда роскошными товарами. На другой день пребыванія въ Петровскомъ дворцѣ, узнавъ, что г-жа Оберъ-Шальме находится также на бивуакахъ, Наполеонъ, въ шесть часовъ утра, вызвалъ ее къ себѣ. Вмѣстѣ съ присланнымъ за нею адъютантомъ она отправилась во дворецъ, въ чемъ была, на первыхъ попавшихся дрожкахъ. У дворцоваго подъѣзда ее встрѣтилъ Мортье, герцогъ Тревизскій, предложилъ ей руку, довелъ до большой залы и впустилъ туда. Императоръ Наполеонъ ожидалъ ее, стоя въ амбразурѣ окна. Лишь только она вошла, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами: „Вы очень несчастливы, какъ я слышалъ; вы потерпѣли значительныя потери?“—„Да, государь, отвѣчала она, мое состояніе, простиравшееся до 600 тысячь рублей, погибло въ этой катастрофѣ, и я должна болѣе 300 тысячь. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы защитите меня отъ преслѣдованія моихъ кредиторовъ“. Успокоивъ ее милостивыми обѣщаніями, онъ перевелъ разговоръ на другой предметъ. Онъ сталъ распрашивать ее о настроеніи умовъ въ Россіи, о способахъ управленія, которое онъ намѣревался устроить въ Москвѣ, выражая желаніе, чтобы оно наиболѣе соотвѣтствовало нравамъ жителей. Между прочимъ онъ спросилъ ее: „Что̀ вы думаете о предположеніи освободить Русскихъ крѣпостныхъ людей? — „Если ваше величество позволите мнѣ откровенно выразить мое мнѣніе въ отношеніи къ этому предмету, отвѣчала Оберъ-Шальме, то я смѣю замѣтить, что можетъ быть одна треть изъ нихъ пойметъ это благодѣяніе; двѣ другія не поймутъ даже, о чемъ имъ говорятъ“.—„Но рѣчи и примѣръ первыхъ увлекутъ за собою и остальныхъ“, возразилъ Наполеонъ. „Ваше величество можете ошибиться, продолжала Француженка: здѣсь не то, что̀ въ полуденной Европѣ. Русскій недовѣрчивъ, его трудно расшевелить. Дворяне не замедлятъ воспользоваться минутою колебанія, и эти новыя идеи будутъ представлены какъ безбожныя и нечестивыя. Увлечь ими чрезвычайно будетъ трудно, даже невозможно“ [7]).

---

[6]) Помѣщался между Тверской и Большой Дмитровкой, въ Глинищенскомъ переулкѣ, въ домѣ нынѣ принадлежащемъ г-ну Обидину.

[7]) Chev. d'Yzarn, Relation etc. стр. 14—15; Arm. Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 73—75. Черновыя письма къ

Выслушавъ такое разсужденіе, Наполеонъ понюхалъ табаку, что̀ служило признакомъ неудовольствія; но, отпуская г-жу Оберъ, благосклонно обѣщалъ ей свое покровительство.

Взглядъ Наполеона на женщинъ, совершенно сходный со взглядомъ на нихъ Мусульманскихъ народовъ, извѣстенъ, и онъ не скрывалъ его. Совѣтоваться съ женщинами, хотя бы умными и образованными, было совершенно противно его нраву. Онъ не совѣтовался ни съ кѣмъ, особенно въ то время, когда достигъ до крайней степени величія. „Усиліе достигнуть Москвы истощило всѣ его воинскіе способы, говоритъ одинъ изъ его спутниковъ, очевидецъ происшествій. Москва составляла послѣдній предѣлъ его предположеній, цѣль всѣхъ его стремленій, и Москва изчезаетъ! Что̀ предпринять? Въ это-то время такому рѣшительному (décisif) генію пришлось колебаться. Онъ, который въ 1805 году вдругъ и окончательно покинулъ всѣ приготовленія у Булоня для высадки въ Англію, стоившія столькихъ издержекъ, покинулъ для того, чтобы неожиданно истребить Австрійскія войска, обозначивъ напередъ, поименно всѣ переходы войскъ въ Ульмской кампаніи до самаго Мюнхена, точно такъ какъ они были потомъ приведены въ исполненіе; этотъ человѣкъ, который годъ спустя, диктовалъ въ Парижѣ съ тою же непогрѣшимостью всѣ переходы войскъ до Берлина, опредѣлялъ напередъ день своего вступленія въ столицу и назначалъ туда своего губернатора,—онъ былъ теперь смущенъ и нерѣшителенъ. Никогда онъ никому не сообщалъ о своихъ самыхъ смѣлыхъ предположеніяхъ; его министры, самые приближенные, узнавали о нихъ только въ видѣ предписаній о приведеніи ихъ въ исполненіе. И вотъ онъ вынужденъ совѣтываться, испытывать нравственныя и физическія силы его окружающихъ“.

Изъ всевозможныхъ предположеній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ конечно только одно могло соотвѣтствовать его гордынѣ, это идти впередъ, продолжать наступательныя дѣйствія: всѣ другія показались бы отступленіемъ, неудачею всего похода и поколебали бы обаяніе, которое внушалъ его военный геній. На разложенныхъ въ его кабинетѣ картахъ Россіи, онъ со всею подробностью размѣтилъ булавками съ разноцвѣтными головками походъ на Петербургъ. Онъ продиктовалъ уже первоначальныя приказанія и сообщилъ нѣкоторымъ изъ маршаловъ о своихъ намѣреніяхъ. Это сообщеніе поразило ихъ; одинъ только молодой вице-король Итальянскій сочувствовалъ мысли своего вотчима, всѣ другіе были противъ нея. Этотъ новый походъ, все болѣе и болѣе удалявшій ихъ отъ Франціи, представлялся имъ новымъ рядомъ утомительныхъ трудовъ и превратностей. „Идти снова впередъ на Сѣверъ, предаваясь на волю случая, идти на встрѣчу зимѣ, которая и такъ не замедлитъ наступить, тогда какъ намъ нуженъ миръ, во чтобы то ни стало, хотя бы пришлось его просить на колѣняхъ“. Такъ разсуждали всѣ вое-

---

Наполеону г-жи Оберъ-Шальме хранятся въ ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба. Въ нихъ она проситъ его о покровительствѣ по имуществу и объ опредѣленіи сыновей ея въ Лицей.

начальники Наполеона; но, говоритъ одинъ изъ его тогдашнихъ секретарей, „никто изъ особаго уваженія не рѣшался это выразить ему самому“. Они говорили ему, что для войскъ необходимъ покой, что необходимо время для излеченія раненыхъ или отправленія ихъ въ Смоленскъ, что Москва подъ пепломъ своихъ развалинъ еще представляетъ достаточно средствъ для продовольствія на нѣкоторое время, а уцѣлѣвшій отъ огня Кремль и многіе дома—для помѣщенія. Надо попытать переговоровъ о мирѣ и если бы они не удались, то отступать во всякомъ случаѣ на Югъ, чтобы истребить боевые и продовольственные запасы въ Калугѣ и Тулѣ.

Мысль о заключеніи мира составляла цѣль Наполеона, и занятіемъ Москвы онъ надѣялся достигнуть этой именно цѣли, какъ постоянно достигалъ ея, занимая столицы другихъ Европейскихъ государствъ. Въ порывѣ негодованія на Русскихъ за то, что не дождался торжественной встрѣчи съ ключами города, что нашелъ Москву оставленную жителями, онъ ожесточился и сосредоточилъ свою злобу на личности гр. Ростопчина, котораго осыпалъ ругательствами. Онъ отдалъ приказъ грабить столицу и создалъ планъ похода на Петербургъ. Походъ этотъ, при нѣсколько хладнокровномъ соображеніи, конечно представлялся совершенно невозможнымъ въ виду способовъ, которыми могъ располагать въ это время Наполеонъ и которые хорошо были извѣстны его маршаламъ. Его войска, достигнувъ Москвы, истратили большую часть боевыхъ запасовъ; новые обозы изъ Смоленска еще не подошли; запасовъ продовольствія, фуража и одежды давно не существовало, и его войска вошли голодныя въ столицу. Нужно было много времени для приведенія ихъ въ такое положеніе, чтобы они могли двинуться въ новый, продолжительный походъ. Возможно-ли было оставить въ тылу всю Русскую армію, очистивъ Москву и уведя съ собою всѣ войска? Числительная сила войскъ была ли такова, чтобы можно было раздѣлить ихъ и оставить сильный аріергардъ для удержанія за собою Москвы? Наполеонъ не могъ не знать положеніе своихъ войскъ. Онъ зналъ его не хуже своихъ маршаловъ, хотя можетъ быть и не предвидѣлъ еще, какое разрушительное дѣйствіе произведетъ на нихъ, какъ въ военномъ, такъ и нравственномъ отношеніи, дозволенный грабежъ столицы. Окружавшимъ его боевымъ сотрудникамъ, предлагавшимъ войти въ мирные переговоры, въ которыхъ они видѣли единственное средство спасенія, онъ отвѣчалъ: „Вы полагаете однакоже, что тѣ, которые рѣшились сжечь Москву, могутъ заключить миръ черезъ нѣсколько дней послѣ этаго? Если тѣ, на которыхъ упадетъ обвиненіе за это событіе, имѣютъ силу въ кабинетѣ Александра, то всѣ ваши надежды останутся тщетными... Впрочемъ надо, чтобы выяснились обстоятельства“. „Онъ уступилъ совѣтамъ своихъ боевыхъ товарищей“, замѣчаютъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ его современники-очевидцы. Онъ уступилъ роковой силѣ совершившихся событій (прибавимъ мы), не отказываясь отъ своихъ предположеній, но отсрочивая ихъ исполненіе до тѣхъ поръ, пока не выяснятся обстоятельства

неожиданныя и потому *неясныя* для него, или лучше сказать поразительную *ясность* которыхъ онъ желалъ не только скрыть отъ другихъ, но даже отъ самаго себя [8]).

Бивуаки Французскихъ войскъ, окружавшіе Петровскій дворецъ, занимали значительное вокругъ него пространство и простирались до Тверскихъ воротъ. Кромѣ корпуса Итальянскаго вице-короля, тамъ находилась и часть гвардіи, выведенная изъ города, и толпилось множество несчастныхъ обитателей Москвы, по преимуществу иностранцевъ и особенно Французовъ. Послѣ очереди для грабежа, назначенной для каждаго корпуса войскъ, солдаты продолжали грабежъ тайно, уходя изъ лагеря, преимущественно по ночамъ. Сухая и ясная погода благопріятствовала пребыванію подъ открытымъ небомъ, хотя прохлада Сентябрьскихъ ночей и давала себя чувствовать непривычнымъ къ Московскому климату иностранцамъ. Но съ 5-го Сентября пошелъ сильный дождь, продолжавшійся два дня. Онъ укротилъ силу пожаровъ, но умножилъ неудобства бивуачной жизни.

Наполеонъ рѣшился возвратиться въ Кремль. По дорогѣ, между бивуаками и по улицамъ Московскимъ, онъ въ первый разъ увидалъ, въ какомъ положеніи находятся его войска. „Никогда не забудется то странное зрѣлище, какое представлялъ лагерь вокругъ Петровскаго дворца, говоритъ современникъ-очевидецъ. Тамъ, въ Англійскомъ саду, находились разные штабы, входившіе въ составъ главной квартиры; генералы помѣщались въ зданіи фабрикъ, лошади стояли въ аллеяхъ. Непрерывно солдаты возвращались съ грабежа изъ Москвы и продавали награбленныя вещи. Къ довершенію странности, они были одѣты въ разнообразныя платья, какія только находили“ [9]). Другой свидѣтель, описывая этотъ въѣздъ Наполеона въ опустошенную Москву, говоритъ: „Лагерь былъ расположенъ на поляхъ, покрытыхъ липкою и холодною грязью; повсюду горѣли большіе костры, въ которыхъ огонь поддерживался мебелью

---

[8]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 93—97; C.-te Segur, Hist. de Napoléon etc. т. II., стр. 60—63. Тьерь говоритъ: „Ce projet est rapporté, mais entièrement défiguré dans le récit de m-r Fain. Il est rapporté à une date qui ne peut être la véritable, car m-r Fain prétend que l'empereur le conçut et l'arrêta au château de Petrowskoe, où il séjourna pendant l'incendie de Moscou du 16 au 19 Septembre. Or, il existe dans les archives et dans la correspondance de Napoléon un exposé de ce plan divisé en titres et articles, comme un projet de loi. Ce document porte la date d'Octobre, sans désignation du jour. (Hist. de l'Empire, кн. XXVI)“. Конечно тотъ планъ, на который указываетъ знаменитый историкъ, выработанъ гораздо послѣ пребыванія Наполеона въ Петровскомъ дворцѣ; но онъ выражалъ свое намѣреніе идти на Петербургъ еще тамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не одинъ Fain, но и Сегюръ. Этотъ планъ доказываетъ только, что эта мысль занимала долго Наполеона, и весьма понятно почему. Если нельзя дѣйствовать наступательно, то надо было отступать. Ничто такъ не было противно Наполеону, по свидѣтельству самаго г. Тьера, какъ мысль объ отступленіи.

[9]) Duc de Fezensac, Souvenir etc., стр. 265.

изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дверьми изъ богатыхъ домовъ. Вокругъ огней, на постилкахъ изъ мокрой соломы, прикрытыхъ утлыми навѣсами изъ нѣсколькихъ досокъ, толпились солдаты; а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли на креслахъ или лежали на роскошныхъ, покрытыхъ шелковыми матеріями, диванахъ. Ноги у нихъ были закутаны кашемировыми шалями, дорогими Сибирскими мѣхами и Персидскими золотыми матеріями. На серебряныхъ блюдахъ они ѣли какую-то черную похлебку, пересыпанную золою, кровавую и полуизжаренную конину. Странная смѣсь обилія и недостатка, богатства и грязи, роскоши и бѣдности“ [10]).

Подвигаясь далѣе, поѣздъ Наполеона встрѣчалъ толпы солдатъ, обремененныхъ добычею или гнавшихъ передъ собою, какъ вьючныхъ животныхъ, Русскихъ людей, которые едва не падали подъ тяжестью ноши. Городъ представлялъ новое поражающее зрѣлище. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія зданія, но повсюду груды обгорѣлыхъ дымившихся развалинъ. Обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ указывали направленіе бывшихъ улицъ. По этимъ развалинамъ скитались ограбленные жители, едва разными отрепками прикрывая наготу и отыскивая пищи, а ихъ грабители отыскивая добычи. „Императоръ увидалъ, что все его войско разсѣялось по городу“, говоритъ графъ Сегюръ, находившійся въ его свитѣ. Движеніе его поѣзда на каждомъ шагу впередъ затрудняли толпы мародеровъ или возвращавшихся съ добычею, или шедшихъ на новый грабежъ, толпы солдатъ собравшихся у отверстій погребовъ, у дверей домовъ и церквей, пощаженныхъ огнемъ. Трудно было пробираться по улицамъ, по которымъ были разбросаны обгорѣлые обломки зданій, всевозможная мебель и домашняя утварь, выброшенная изъ домовъ или оставленная грабителями, которые захватывали все, что̀ попадалось подъ руки, но потомъ бросали, находя другую болѣе цѣнную добычу. „При въѣздѣ Наполеона, говоритъ Русскій свидѣтель (плѣнный, находившійся въ его свитѣ въ качествѣ путеводителя), многіе изъ жителей Московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствій отъ нашествія на нихъ иноплеменниковъ, увидавъ издали многочисленную свиту, убѣгали прочь. Другіе посмѣлѣе отваживались украдкою выглядывать изъ за обвалившихся стѣнъ. Наконецъ, въ одномъ переулкѣ близь Охотнаго ряду, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человѣкъ въ 40, на которыхъ отъ страху, голода и холода едва осталось подобіе человѣческое, выждавъ приближеніе свиты къ переулку, падаетъ среди грязи на колѣни, простираетъ къ иноплеменному государю руки, вопіетъ о претерпѣнномъ ими грабежѣ и конечномъ раззореніи и проситъ пощады и хлѣба! Но сей жестокій человѣкъ, поворотивъ лошадь свою вправо, не удостоилъ ихъ своего взгляда; но только приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его узнать, о чемъ они просятъ“ [11]). Приказаніе это получилъ одинъ изъ его переводчиковъ

---

[10]) C.-te Segur, Hist. de Napoléon etc. т. II, стр. 63—64.
[11]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 37—38.

Делорнь. Подъѣхавъ къ толпѣ, онъ вскрикнулъ: „А, г. Бестужевъ, въ какомъ положеніи я васъ вижу!“—„Такова судьба войны“, отвѣчалъ ему Бестужевъ, ограбленный почти до нага вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. „Гдѣ же ваша жена, ваши дѣти?“ спрашивалъ Делорнь. „Вы ихъ видите“, указывая на нихъ, отвѣчалъ Бестужевъ. „Жена въ рубищѣ, а дѣти босы, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ“. „О Боже“! воскликнулъ Делорнь, и на его глазахъ показались слезы. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ онъ приказалъ одному полковнику штаба князя Невшательскаго, фонъ Зейленъ-Нивельту, именемъ императора, взять меня подъ свое покровительство. Полковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близь монастыря, бывшій князя Одоевскаго, а нынѣ Дурновой“ [12]).

Наполеонъ осматривалъ хладнокровно, а иногда и съ восторгомъ поля сраженій, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, покрытыя тысячами убитыхъ и раненыхъ; но едвали онъ испытывалъ тѣже чувства, когда смотрѣлъ на сожженную и ограбленную Москву и ея обитателей. Если не Русскіе, въ числѣ которыхъ онъ подозрѣвалъ поджигателей, то во всякомъ случаѣ иностранцы и преимущественно Французы не могли не возбудить въ немъ участія къ ужасному положенію, въ которомъ они находились. Дѣйствительно, по въѣздѣ въ Москву, онъ поручилъ устроить и обезпечить ихъ существованіе особому чиновнику [13]), который и помѣстилъ многихъ изъ нихъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ у Красныхъ воротъ и снабжалъ продовольствіемъ. Другіе были помѣщены въ домѣ Медицинской Академіи, недалеко отъ нея въ домъ Давыдова; иные нашли пріютъ въ церкви св. Людовика и въ домѣ гр. Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ, гдѣ помѣщался Мюратъ. Въ тоже время имъ предложили должности въ канцеляріяхъ войскъ, съ хорошимъ жалованьемъ.—Что̀ касается до Русскихъ, то первымъ распоряженіемъ Наполеона было учрежденіе военнаго суда надъ поджигателями.

Съ первыхъ двухъ дней по вступленіи непріятелей въ Москву, между ними уже разнеслась молва о томъ, что Русскіе намѣрены сжечь столицу. Ихъ же соплеменники, обитатели Москвы, устрашенные ожиданіемъ такого бѣдствія, сообщали имъ объ этомъ. Усилившіеся пожары, на третій день вступленія, заставили ихъ придать вѣру такимъ сообщеніямъ, справедливость которыхъ подтверждалась для нихъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что они не нашли пожарныхъ трубъ и узнали, что трубы вывезены по распоряженію гр. Ростопчина. Всѣ лица, принадлежавшія къ великой арміи Наполеона и записавшія свои воспоминанія объ этомъ походѣ, увѣряютъ, что многіе изъ зажигателей были пойманы на самомъ мѣстѣ преступленія, по взгляду Французовъ. На другой день послѣ занятія

---

[12]) Чтенія въ и. Москов. обществѣ исторіи и древн. 1859, кн. 2, отд. V, стр. 171—172.

[13]) Это былъ auditeur du conseil d'état Busch (Fain, Manuscrit, т. II, стр. 98—99; Surrugues, Lettres, стр. 22; Chev. d'Yzarn, Relation etc. стр. 27—28).

Москвы Французами, когда войска, окружавшія городъ, начали вступать въ него, нѣкоторые изъ офицеровъ корпуса вице-короля Итальянскаго, входившаго въ Тверскую заставу, проникли до Кремля. Въ это время уже горѣлъ Гостинный дворъ, и солдаты его грабили. На ихъ вопросы о пожарѣ гвардейскіе солдаты отвѣчали: „Вчера мы вошли въ Москву, а сегодня утромъ начался пожаръ. Сначала мы принялись тушить его, предполагая, что онъ произошелъ вслѣдствіе неосторожности нашихъ бивуаковъ; но теперь мы отказались отъ этого, потому что узнали, что губернаторъ, оставляя городъ, велѣлъ его жечь и, чтобы лишить насъ возможности тушить пожары, велѣлъ вывезти изъ города всѣ пожарныя трубы“ [14]). Наполеонъ въ это время также приписывалъ пожаръ случайностямъ. Но и до него дошли слухи о томъ, что Русскіе намѣреваются сжечь городъ. Эти слухи страшно раздражили непріятельскихъ солдатъ: пожаръ вырывалъ у нихъ изъ рукъ добычу и квартиры, на которыя они разсчитывали, и они безпощадно убивали всякаго, кого подозрѣвали въ поджогѣ. Стоило много трудовъ, говоритъ одинъ Французъ, свидѣтель происшествій, спасать Русскихъ отъ солдатской ярости [15]).

Этихъ-то мнимыхъ, а вмѣстѣ съ ними быть можетъ и дѣйствительныхъ, поджигателей судила коммисія, составленная, по приказу Бертье, подъ предсѣдательствомъ генерала Лауера, главнаго судьи арміи (grand prévot de l'armée). Сентября 12 (24)-го коммиссія уже объявила и напечатала пофранцузски и порусски свой приговоръ отъ имени императора и короля (au nom de l'empereur et roi). Въ этомъ приговорѣ, составленномъ съ явнымъ желаніемъ показать, что при этомъ дѣлѣ были соблюдены всѣ обряды правосудія, пространно изложено, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ преднамѣреннымъ, и подсудимые исполнили только приказанія Московскаго генералъ-губернатора. За тѣмъ повторяется сказаніе, сочиненное напуганнымъ воображеніемъ Московскихъ Французовъ и другихъ иностранцевъ. „Коммиссія убѣдилась, что Русское правительство, предчувствуя конечно опасность войны, въ которую вступило и невозможность воспрепятствовать Французской арміи занять Москву, уже три мѣсяца тому назадъ рѣшилось употребить для своей защиты чрезвычайныя средства пожара и разрушенія, отвергаемыя образованными народами. Съ этою цѣлію оно воспользовалось предложеніями одного доктора Шмидта, Англичанина, называвшагося Нѣмцемъ, механика и машиниста по ремеслу. Вызванный въ Россію, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ прошлаго Мая мѣсяца и, послѣ нѣсколькихъ тайныхъ переговоровъ съ представителями власти, былъ помѣщенъ въ домѣ Воронцова, въ шести верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, куда отправленъ былъ отрядъ изъ 160 человѣкъ пѣхоты и 12-ти драгуновъ съ тою цѣлію, чтобы охранять таинственныя дѣянія Шмидта и преграждать доступъ къ нему любопытнымъ. Всѣмъ извѣстно, что

---

[15]) B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 89.

[14]). Labaume, Relation de la campagne de 1812, r. V, стр. 198.

онъ строилъ воздушный шаръ огромныхъ размѣровъ, въ которомъ предполагалось помѣстить разрушительную машину (une machine exterminatrice) и которымъ, по его увѣренію, онъ могъ управлять какъ угодно. Недѣли за двѣ до вступленія Французской арміи въ Москву, въ село Воронцово было послано семь большихъ бочекъ пороху съ фейерверками, которые работали по указаніямъ доктора Шмидта. Но доказано, что приготовленіе шара было только выдумкою, и въ Воронцовѣ занимались исключительно приготовленіемъ зажигательныхъ снарядовъ и машинъ, и всѣ издержки на эти приготовленія оплачивало Русское правительство". За тѣмъ слѣдуютъ обвиненія противъ гр. Ростопчина, которыя заявлялъ еще прежде самъ Наполеонъ въ бюллетеняхъ великой арміи [16]). Послѣ сраженія при Бородинѣ, говорится въ бюллетенѣ, гр. Ростопчинъ рѣшился сжечь столицу. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ выпустить около 800 преступниковъ изъ острога и ямы съ тѣмъ, чтобы они подожгли городъ черезъ 24 часа послѣ вступленія въ него Французовъ. Чтобы руководить ихъ дѣйствіями, многіе офицеры и военные чины получили приказаніе переодѣтыми оставаться въ Москвѣ; а чтобы лишить всѣхъ способовъ противодѣйствовать пожару, гр. Ростопчинъ приказалъ вывезти изъ города, въ самый день вступленія Французовъ, пожарныя трубы всѣхъ двадцати частей столицы съ ихъ принадлежностями". „Зажигательные снаряды всякаго рода, какъ разложенные въ разныхъ домахъ, такъ и найденные у поджигателей, не оставляютъ *никакого сомнѣнія* (сказано въ приговорѣ), что сожженіе было дѣломъ преднамѣреннымъ и заранѣе приготовленнымъ", и для бо́льшаго еще удостовѣренія въ этомъ приводится слѣдующій отрывокъ изъ одной афишки самаго гр. Ростопчина: „Вооружитесь чѣмъ ни попало, особенно вилами, которые особенно пригодны противъ Французовъ, потому что они не тяжелѣ соломеннаго сно́па; если же не побѣдимъ ихъ, то *сожжемъ ихъ* въ *Москвѣ*, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее". Дѣйствительно, въ одномъ изъ своихъ объявленій (30 Августа) графъ Ростопчинъ говорилъ, что противъ Французовъ „всего лучше вилы-тройчатки, Французъ не тяжелѣ снопа ржанаго"; но послѣднихъ строкъ приведенной въ приговорѣ выписки не находится ни въ одной изъ Ростопчинскихъ афишъ. Вѣроятно, судной коммисіи это объявленіе было доставлено во Французскомъ переводѣ съ прибавкою, не существующею въ подлинникѣ.

Первоначально произведено было слѣдствіе, допрошены всѣ подсудимые, свидѣтели, осмотрѣны всѣ поджигательные снаряды, и составленъ обвинительный актъ. Въ засѣданіи коммисіи были прочитаны всѣ относящіяся къ слѣдствію обвиненія и оправданія виновныхъ. Потомъ предсѣдатель велѣлъ караульнымъ ввести подсудимыхъ, „которые были введены безъ стражи и оковъ" (libres et sans fers), говоритъ приговоръ. Объявивъ имъ, въ чемъ они обви-

---

[16]) Бюллетени отъ 17 и 20 Сентября, а приговоръ коммиссіи состоялся 24 Сент. н. ст.

няются и выслушавъ по одиночкѣ заявленія и доказательства свидѣтелей и самихъ обвиняемыхъ, предъявивъ имъ вещественныя доказательства поджоговъ, отобранныя у нихъ самихъ и найденныя въ домахъ и выслушавъ обвинительный актъ съ заключеніями, предсѣдатель спросилъ подсудимыхъ, не могутъ ли они что̀ прибавить въ свою защиту и, послѣ отрицательнаго съ ихъ стороны отвѣта, велѣлъ удалить ихъ. Всѣ обряды были соблюдены; но изъ приговора не видно только, были ли у подсудимыхъ защитники и что̀ говорили сами подсудимые въ свое оправданіе. Коммисія даже и не объявила имъ своего приговора, по которому 10 человѣкъ были приговорены къ смерти, а 16 къ тюремному заключенію въ Москвѣ. Дочь помощника квартальнаго надзирателя, котораго семейство пріютилось въ Страстномъ монастырѣ, въ то время десятилѣтняя дѣвочка, разсказывала въ послѣдствіи: „Однажды видѣла я, какъ народъ сбѣгался на площадь, и Французовъ много нашло. Я стою и смотрю. Чтожъ, это они злодѣи притащили нашихъ вѣшать; зажигателей видишь поймали. Какіе зажигатели! Однаго-то я узнала: изъ Корсаковскаго дома дворовый, старикъ слѣпой. Сбыточно-ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу! А хватали кто подъ руку попался и кричали, что зажигатели. Какъ накинули имъ веревки на шеи, взмолились они сердечные. Многіе изъ нашихъ даже заплакали, а у злодѣевъ не дрогнула рука. Повѣсили ихъ, а которыхъ разстрѣляли, вишь для примѣру, чтобы другіе на нихъ казнились. Я все смотрѣла и не смѣла отъ страха пошевельнуться, ни духъ перевести“ [17]). По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, и въ послѣдствіи разстрѣливали многихъ, и конечно безъ суда [18]). Озлобленные за пожаръ Москвы Французы каждаго военнаго подозрѣвали въ поджигательствѣ и даже носившихъ бороду считали переодѣтыми казаками. Одинъ изъ ихъ офицеровъ разсказываетъ, что много Русскихъ солдатъ бродило по улицамъ. „Я собралъ до 50 человѣкъ и отвелъ въ штабъ. Генералъ, которому я доносилъ объ этомъ, сказалъ мнѣ, что я могъ бы ихъ разстрѣлять и что онъ позволяетъ такъ поступать въ послѣдствіи. Но я не злоупотреблялъ его довѣріемъ. Не трудно понять, какими несчастіями и безпорядками сопровождалось наше пребываніе въ Москвѣ. Каждый офицеръ, каждый солдатъ могъ бы много разсказать примѣровъ. Одинъ офицеръ нашелъ Русскаго, скрывавшагося въ развалинахъ; онъ объяснилъ ему знаками, что готовъ ему покровительствовать и взялъ его съ собою. Но ему поспѣшно надо было куда-то отнести приказъ. Встрѣтивъ другаго офицера, который шелъ впереди своего взвода, онъ передалъ ему Русскаго, говоря: „Я вамъ поручаю его“ (je vous recommande monsieur). Этотъ офицеръ, не понявъ въ чемъ дѣло, принялъ его за зажигателя и велѣлъ разстрѣлять [19]).

---

[17]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 53; Русск. Вѣстникъ 1872, Ноябрь, стр. 269.

[18]) B. B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 99—100.

[19]) D. Fezensac, Souvenirs etc., стр. 268. Онъ былъ въ это время полко-

Кто сжегъ Москву? Французы-ли, вторгнувшіеся въ столицу, или сами Русскіе? Стòитъ въ этомъ вопросѣ слово Москва замѣнить названіемъ любой изъ Европейскихъ столицъ, чтобы изумиться передъ странностью такого вопроса. Такое явленіе, какъ сожженіе столицы, средоточія народной жизни, съ существованіемъ которой тѣсно соединены самыя важныя стороны жизни самаго народа, не можетъ совершиться тайкомъ и подать поводъ къ такому вопросу въ исторіи новѣйшаго времени. Между тѣмъ этотъ вопросъ возбужденъ и считается даже неокончательно разрѣшеннымъ. Поэтому невозможно его обойти; но прежде нежели приступить къ его разрѣшенію, необходимо разъяснить, какимъ образомъ могъ возникнуть подобный вопросъ.

Мысль о томъ, что гр. Ростопчинъ былъ главнымъ виновникомъ сожженія Москвы пустилъ въ ходъ Наполеонъ, постоянно въ своихъ произведеніяхъ искажавшій современную ему исторію. Еще прежде тѣхъ обвиненій, которыя выражены въ протоколѣ слѣдственной и судной коммисіи, осудившей Московскихъ зажигателей, онъ выражалъ тѣже обвиненія въ своихъ бюллетеняхъ и за тѣмъ повторялъ ихъ впослѣдствіи, осыпая всевозможною бранью гр. Ростопчина, называя его то Геростратомъ, то Маратомъ. Пожаръ Москвы былъ однимъ изъ роковыхъ событій въ судьбѣ Наполеона. За нимъ послѣдовали его бѣгство изъ Россіи, погибель великой арміи и рядъ другихъ происшествій, окончавшихся разрушеніемъ построеннаго имъ политическаго зданія Европы и ссылкою его самаго. Конечно этотъ пожаръ возбудилъ всеобщее вниманіе Европы; имя графа Ростопчина получило громкую извѣстность повсюду, и особенно въ Англіи его произносили съ восторгомъ. Громкая Европейская извѣстность льстила самолюбію гр. Ростопчина, и онъ десять лѣтъ хранилъ упорное молчаніе, не выражая согласія съ обвиненіемъ, но и не отрицая его справедливости. Это молчаніе укрѣпило такое мнѣніе въ общемъ сознаніи Европы, которая опередила въ этомъ случаѣ мнѣніе Россіи. Даже Французы считали подвигъ гр. Ростопчина внушеннымъ пламенною любовію къ Отечеству, хотя и варварскимъ по ихъ мнѣнію, но высокимъ и оправданнымъ происшествіями того времени, когда дѣло шло о спасеніи Отечества. Но въ то время, когда въ слѣдъ за вѣстью о вступленіи Французовъ въ Москву разнеслась другая о пожарѣ, уничтожившемъ древнюю столицу, по всей Россіи естественно пробѣжала мысль, что Французы сожгли Москву. Этому вѣрили всѣ, до самаго императора, кромѣ тѣхъ однакоже, которые оставались въ Москвѣ и находились въ Тарутинскомъ лагерѣ. Раздраженный этимъ государь писалъ къ наслѣдному Шведскому принцу про Наполеона, что „онъ не нашелъ никакихъ сокровищъ въ Москвѣ, которыми надѣялся воспользоваться, ни мира, который надѣялся предписать, и велѣлъ сжечь эту прекрасную столицу, представ-

---

вымъ командиромъ въ корпусѣ маршала Нея. Le Cointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 126.

ляющую теперь груды пепла и развалинъ“ [20]). Слухи объ оставленіи Москвы и пожарахъ въ ней уже дошли до Стокгольма, когда Бернадотъ получилъ письмо Государя. „Это происшествіе, отвѣчалъ онъ, прискорбно не только для вашего величества, но и для вашихъ союзниковъ и друзей; поэтому вы можете быть увѣрены, какое я принимаю въ немъ участіе. Императоръ Наполеонъ, приказавъ сжечь Москву, совершилъ варварскій поступокъ, вслѣдствіе котораго съ ужасомъ отвернутся отъ него современники и который покроетъ его позоромъ въ глазахъ потомковъ. Съ военной точки зрѣнія онъ ничего не выигралъ, а съ точки зрѣнія нравственности и политики, онъ только далъ понять, до какого иступленія можетъ доходить его характеръ. Такое приказаніе, отданное хладнокровно, показываетъ, что онъ понялъ всю опасность своего положенія, разсчитывалъ сильно подѣйствовать на Русскій народъ и принудить ваше величество къ заключенію мира“ [21]). Бывшій маршалъ императора Наполеона очень хорошо зналъ его личныя свойства и полагалъ, что онъ способенъ доходить до всякого иступленія. Это и оправдалось въ послѣдствіи, когда, по отступленіи изъ Москвы, Наполеонъ поручилъ маршалу Мортье взорвать Кремль и сжечь всѣ оставшіяся послѣ пожара зданія. Но именно потому, что этотъ поступокъ, по замѣчанію Бернадота, въ военномъ отношеніи не доставлялъ никакихъ выгодъ, Наполеонъ не поддался бы увлеченію, какъ человѣкъ, обладавшій вмѣстѣ съ тѣмъ способностью холоднаго разсчета и не терявшій этой способности особенно въ положеніяхъ опасныхъ. Передъ вступленіемъ въ Москву, онъ запретилъ грабежъ своимъ войскамъ и не отмѣнилъ этаго запрещенія, убѣдившись даже, что она оставлена жителями. Если вѣрить словамъ, сказаннымъ Мюратомъ генералу Милорадовичу, онъ не предполагалъ даже облагать Москву военною контрибуціею. Ему нуженъ былъ миръ, который только и могъ вывести его изъ затруднителлнаго положенія, которое безъ сомнѣнія онъ понималъ. Чѣмъ великодушнѣе онъ поступилъ бы съ древнею столицею Русскаго народа, тѣмъ съ большею надеждою онъ могъ бы на него расчитывать. Наконецъ ему необходимо было обезпечить, хотя на первое время, продовольствіе для голодавшихъ его войскъ, дать имъ возможность отдохнуть отъ изнурительнаго похода и привести ихъ въ порядокъ, усталыхъ и обносившихся. Поэтому, когда по утру послѣ первой ночи, проведенной въ Кремлевскомъ дворцѣ, ему сказали о пожарахъ, онъ приписывалъ ихъ неблагоразумію солдатъ; но, припомнивъ доходившіе уже до него слухи, что Русскіе намѣревались сжечь Москву, онъ пришелъ въ ужасъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ задумалъ походъ на Петербургъ; но, отказываясь отъ этаго намѣренія по совѣту своихъ боевыхъ сотрудниковъ, предъявлявшихъ ему невозможность дальнѣйшихъ походовъ и требовавшихъ заключенія мира, онъ от-

---

[20]) Письмо 19 Сент. 1812 г.

[21]) Письмо изъ Стокгольма 10 Окт. н. ст. 1812 г.

вѣчалъ: „Вы полагаете, что люди, способные сжечь Москву, могутъ черезъ нѣсколько дней вступить въ мирные переговоры?“ Могъ ли онъ рѣшиться на такую мѣру, которая, по его мнѣнію, отдаляла и, можетъ быть, совершенно отстраняла возможность заключить миръ? Если императоръ Наполеонъ не давалъ и не могъ давать приказанія сжечь Москву, то еще менѣе могло быть побудительныхъ причинъ къ такому поступку со стороны его войскъ. Конечно отъ ихъ неосторожности могли произойти мѣстные пожары; но съ ними легко бы справилось многочисленное войско, особенно если бы пожарныя трубы не были вывезены изъ Москвы. Если же невозможно допустить предположенія, что Французы сожгли Москву; то самъ собою выходитъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто ее сжегъ, и остается только опредѣлить, какая доля участія въ этомъ событіи принадлежитъ графу Ростопчину?

Послѣ извѣстія о потерѣ Смоленска, гр. Ростопчинъ писалъ къ кн. Багратіону: „Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ Отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ. А если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя Русскому правилу: не доставайся злодѣю!—обратитъ городъ въ пепелъ. Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба: ибо онъ найдетъ угли и золу“. Князь Багратіонъ читалъ нѣколькимъ лицамъ письмо гр. Ростопчина, и объ его намѣреніи сжечь Москву ходили слухи въ главной квартирѣ нашихъ войскъ. За нѣсколько дней до Бородинской битвы, Д. В. Давыдовъ слышалъ, какъ кн. Багратіонъ читалъ такое письмо Ланскимъ и такъ передаетъ его содержаніе: „Я полагаю, что вы будете драться прежде, нежели отдадите столицу. Если вы будете побиты и пойдете къ Москвѣ, я выйду къ вамъ на подпору съ 100,000 вооруженныхъ жителей; и если тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы одинъ пепелъ достанется“ [22]). Обѣщавъ князю Кутузову привесть въ подкрѣпленіе войскамъ до 80 тысячь вольныхъ дружинъ, сверхъ составляемаго правительствомъ народнаго ополченія, онъ въ письмахъ къ кн. Багратіону увеличиваетъ ихъ число до 100,000 и опредѣляетъ, что они составятся изъ Московскихъ жителей.

Еще въ то время, когда наши войска, отступая отъ Смоленска, пришли къ Вязьмѣ, 15 Августа, по свидѣтельству очевидца, когда у кн. Багратіона собралось много офицеровъ первой арміи, которые просили перевести ихъ къ нему во вторую, во время разговора о современныхъ обстоятельствахъ, зашла рѣчь и о возможности оставленія Москвы. Кн. Багратіонъ сказалъ: „Я не думаю, что Французы войдутъ въ Москву; но знаю навѣрное, что если слу-

[22]) Сочиненія Д. В. Давыдова, ч. I, стр. 8.

чится это несчастіе, то они найдутъ пепелъ и развалины столицы“ [23]). Если кн. Багратіонъ читалъ письмо гр. Ростопчина нѣкоторымъ лицамъ, то конечно оно было извѣстно и самому главнокомандующему. Извѣстіе о ста тысячахъ вооруженныхъ добровольныхъ ратниковъ подтверждало ему только то, что̀ прежде писалъ ему самому гр. Ростопчинъ; но рѣшимость его сжечь Москву передъ вступленіемъ въ нее непріятеля, конечно, должна была внушить кн. Кутузову важныя опасенія: Русскія войска могли оказаться въ такомъ положеніи, что за ними бы находился непріятель, слѣдовавшій по пятамъ, а впереди горѣвшая столица. Одного этаго обстоятельства было бы уже достаточно для того, чтобы объяснить, почему передъ совѣтомъ въ Филяхъ, за нѣсколько часовъ до оставленія Москвы, кн. Кутузовъ говорилъ, какъ увѣряетъ гр. Ростопчинъ, что не оставитъ Москву безъ боя [24]). Туже мысль о сожженіи Москвы и тогда же гр. Ростопчинъ выразилъ принцу Евгенію Виртемберскому, прибавивъ, что онъ подаетъ этотъ совѣтъ, какъ частный человѣкъ, а не какъ Московскій генералъ-губернаторъ [25]). А. П. Ермолову онъ выражалъ удивленіе, за чѣмъ кн. Кутузовъ усиливается удерживать Москву и прибавилъ: „Если и безъ сраженія вы оставите Москву, то увидите ее за собою пылающею“ [26]). Онъ считалъ себя полновластнымъ властителемъ Москвы, забывая о законѣ, что въ лицѣ главнокомандующаго выражается верховная власть въ военное время, въ тѣхъ губерніяхъ и сосѣднихъ съ ними, которыя служатъ поприщемъ военныхъ дѣйствій.

До полученія записки кн. Кутузова, въ которой тотъ объявлялъ объ оставленіи Москвы, гр. Ростопчинъ „1 Сентября, въ 9 часовъ пополудни (какъ доносилъ исправлявшему должность министра полиціи Вязмитинову Московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ) далъ приказаніе изготовить всю полицейскую команду съ одними пожарными трубами къ выступленію въ походъ, по первому повелѣнію“. Послѣ полученія записки отъ кн. Кутузова, онъ „въ 11 часовъ вечера (продолжаетъ Ивашкинъ) приказать мнѣ изволилъ, чтобы отправиться всѣмъ непремѣнно 2-го числа по полуночи въ 3 часа изъ столицы въ городъ Владиміръ, перебивъ въ теченіи то-

---

[23]) Кн. Н. Б. Голицынъ, состоявшій въ штабѣ кн. Багратіона. Русс. Инвалидъ, 1846 г. № 270 и его-же Souvenirs et impressions d'un officier russe, pendant les campagnes de 1812, 1813 et 1814, СПБ. 1849, стр. 10.

[42]) Въ 1814 г. Апр. 28-го, гр. Ростопчинъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: On me paye d'ingratitude, parce que Koutousow a insinué, après avoir abandonné la ville de Moscou pendant la nuit, que c'etait à cause de moi et que je lui avais promis 300,000 combattans, tandis qu'il n'a pas voulu employer les 119,000 h. de la milice que j'avais formée aux environs de Moscou et qui pouvaient rejoindre l'armée avant même la bataille de Borodino. (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 319). Извѣстно, что Московскія дружины дѣйствовали при Бородинѣ.

[25]) Helldorff, aus dem Leben des Pr. Eugen v. Würtenberg, ч. II, стр. 59.

[26]) Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 209.

5*

го времени всѣ бочки съ простымъ виномъ, на баркахъ и въ питейныхъ домахъ находящіяся“ [27]). Въ тоже время гр. Ростопчинъ призвалъ полицейскаго чиновника Вороненку, который пользовался его довѣріемъ, „въ 5 часовъ по полуночи, и поручилъ ему отправиться на винный и мытный дворы, въ комиссаріатъ и на запоздавшія выходомъ казенныя и частныя барки у Краснаго Холма и Симонова монастыря и, въ случаѣ внезапнаго вступленія непріятельскихъ войскъ, стараться истреблять все огнемъ, что̀ мною и было исполняемо въ разныхъ мѣстахъ по мѣрѣ возможности, въ виду непріятеля, до 10 часовъ вечера; а въ 11-мъ часу изъ Замоскворѣчья, переплавясь верхомъ вплавь рѣку ниже Данилова монастыря, около двухъ часовъ пополуночи я соединился съ нашимъ архіергардомъ“, говоритъ Вороненко [28]).

Приведенныя свидѣтельства доказываютъ, что графъ Ростопчинъ не только желалъ лучше сжечь Москву, нежели отдать ее въ руки врагамъ, но и принималъ участіе въ пожарахъ, начавшихся послѣ вступленія Французовъ. Приказаніе, отданное Вороненкѣ, и вывозъ пожарныхъ трубъ объ этомъ свидѣтельствуютъ. „Я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды (писалъ онъ впослѣдствіи) и 96 трубъ, наканунѣ входа непріятеля въ Москву. Былъ также корпусъ офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ командахъ, и я не счелъ приличнымъ оставлять ихъ для услугъ Наполеона, удаливъ уже изъ города всѣ гражданскіе и военные чины“ [29]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и пожарныя команды съ офицерами слѣдовало вывести изъ столицы, но не пожарныя трубы, которыя и по цѣнности, какъ казенное имущество, не представляли важности; а можно бы спасти что нибудь поважнѣе, напр. оставшіеся въ Москвѣ трофеи нашихъ прежнихъ войнъ. Цѣль, съ которою вывезены трубы, очевидна. Графъ Ростопчинъ принималъ участіе въ пожарахъ; но не въ той однако же мѣрѣ, какъ обвиняетъ его приговоръ Французской судной ком-

---

27) Рапортъ ген. майора Ивашкина изъ Владиміра 27 Сент. 1812 г. Вольцогенъ разсказываетъ: „Около 11 часовъ Барклай проѣхалъ съ свитою (въ которой находился и разскащикъ) Рогожскую заставу. Гр. Ростопчинъ присоединился къ намъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Коломенской дороги мы замѣтили толпу солдатъ, сопровождавшихъ обозъ. Когда обозъ приблизился, я увидалъ, что это были пожарныя трубы. Удивленный я спросилъ Ростопчина, зачѣмъ ихъ вывезли? „На это я имѣю свои причины; впрочемъ я ничего не взялъ изъ Москвы, кромѣ лошади, на которой ѣду и одежды, которая на мнѣ, отвѣчалъ онъ“. Нельзя не усомниться въ этомъ показаніи Вольцогена, какъ и во многихъ другихъ его свидѣтельствахъ. Въ тотъ часъ, на который онъ указываетъ, гр. Ростопчинъ еще находился въ Москвѣ, и поѣзда трубъ по Владимірской дорогѣ нельзя было видѣть съ Рязанской, если бы даже онъ выѣхалъ изъ Москвы и позднѣе 3-хъ часовъ утра, какъ распорядился гр. Ростопчинъ. Можетъ быть, Вольцогенъ имѣлъ подобный разговоръ съ нимъ; но едва ли видѣлъ, какъ увозили трубы. V. Volzogen, Mémoiren, стр. 156.

28) Показаніе его 1836 г. Іюня 7-го.

29) Правда о пожарѣ Москвы, въ изд. Смирдина, стр. 211 и 265.

миссіи надъ зажигателями. На чемъ этотъ приговоръ основанъ? На признаніяхъ подсудимыхъ и показаніяхъ свидѣтелей, но ни тѣхъ, ни другихъ не находится въ приговорѣ; между тѣмъ совершенно такія же обвиненія противъ гр. Ростопчина сохранились въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Французовъ и другихъ иностранцевъ, находившихся въ то время въ Москвѣ и бывшихъ свидѣтелями-очевидцами пожаровъ. Гр. Ростопчинъ, говорятъ они, тайно подготовлялъ разрушительные снаряды для поджоговъ на особой фабрикѣ, распуская слухъ, что тамъ приготовляютъ воздушный шаръ для погибели непріятеля. Наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву онъ выпустилъ изъ острога преступниковъ, обѣщавъ имъ полное прощеніе, но съ тѣмъ однакоже, чтобы они зажгли въ разныхъ мѣстахъ городъ, когда вступятъ въ него непріятели. Онъ роздалъ имъ зажигательные снаряды, каждому далъ особую марку, по которой они могли узнавать одинъ другаго и поручилъ ихъ руководству въ этомъ дѣлѣ полицейскихъ чиновниковъ. „Спокойно они ходили по улицамъ, говоритъ одинъ изъ этихъ иностранцевъ, между Французскими солдатами, скрывая подъ кафтанами зажигательныя ракеты и горшки, наполненные воспламеняющимся составомъ. Встрѣчалось ли имъ открытое окно или они полагали, что ихъ никто не замѣтитъ, они подбрасывали эти горшки. Горшокъ разбивался отъ паденія, по соприкосновеніи съ воздухомъ находившагося въ этихъ горшкахъ состава, и огонь съ быстротою охватывалъ окружающіе предметы. Они повсюду, гдѣ возможно, подбрасывали эти горшки, и дѣйствіе ихъ на дома, большею частію деревянные, было ужасно. Ловко обманывая бдительность непріятелей, эти зажигатели тайно запасались ими въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ приготовляли. Съ острожниками соперничали въ смѣлости и ловкости полицейскіе солдаты, свободно ходившіе повсюду, переодѣтые въ крестьянское платье. Иногда эти зажигательные снаряды падали съ верху на дома, пущенные по воздуху, иногда съ колоколенъ и башенъ. Одни утверждаютъ, что о замыслѣ сжечь столицу графъ Ростопчинъ никому не говорилъ, кромѣ однаго близкаго семейства; другіе напротивъ разсказываютъ, что слухи давно ходили о рѣшеніи общемъ лицъ высшаго сословія“ [30]).

Эти сказанія послужили главнымъ основаніемъ для приговора судной коммиссіи надъ поджигателями. Но строгая бдительность полиціи гр. Ростопчина надъ Французами, Московскими обывателями, публичныя наказанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, ссылка на баркѣ въ Казань 43 человѣкъ, возбудили въ нихъ такой страхъ, что они были увѣрены, что лишь только прекратится дѣятельность правительства въ городѣ, они сдѣлаются жертвами народной ненависти,

---

[30]) Arm. Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, гл. XIV и XV; M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 10 и др.; Ab. Surugues, Lettres etc. стр. 16; Le Cointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 114 и др.; B. B... ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 66—70; Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 186 и слѣд.

возбужденной гр. Ростопчинымъ. Передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву ихъ волновали тѣже самыя чувства, какія волновали Русскихъ обывателей Москвы, послѣ выхода изъ ней Наполеона, пока еще оставались Французы въ Кремлѣ: они были увѣрены, что ихъ всѣхъ перебьютъ. Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ естественно могли составиться фантастическія сказанія о пожарѣ Москвы. Безъ сомнѣнія, сказанія эти отличаются такимъ свойствомъ; но подобныя сказанія образуются и на почвѣ дѣйствительности и могутъ заключать въ себѣ долю правды. Конечно гр. Ростопчинъ не заготовлялъ зажигательныхъ снарядовъ для сожженія Москвы; но шаръ, приготовленный Леппихомъ, долженъ былъ съ воздушной высоты бросать разрушительные снаряды на непріятельскія войска. Вѣроятно они приготовлялись также и очень легко могли попасть въ послѣдствіи въ руки поджигателей. Острожники, не смотря на положительныя увѣренія гр. Ростопчина, который дѣйствительно распорядился объ ихъ удаленіи изъ Москвы, не всѣ были удалены, и часть осталась въ Москвѣ; они были выпущены на свободу или вышли сами изъ тюремъ, которыхъ никто не охранялъ. Не представлялось никакой нужды составлять изъ нихъ особую шайку, давать каждому условные знаки. Опытные преступники между собою сами составили бы шайку и конечно приняли бы участіе въ поджогахъ, хотя исключительно изъ корыстныхъ цѣлей. Но справедливо замѣчаетъ графъ Ростопчинъ: „Для чего было устраивать фабрику зажигательныхъ веществъ? Солома, сѣно были бы гораздо удобнѣе для зажигателей, чѣмъ фейерверки, съ которыми обходиться слѣдовало съ осторожностью, которые трудно было скрыть, а еще труднѣе дѣйствовать, людямъ къ тому непривычнымъ“ [31]). Не подлежитъ сомнѣнію, что такой фабрики, на которой приготовлялись бы разрушительныя снаряды для сожженія Москвы, никогда не существовало и что не было нужды въ нихъ для этой цѣли. Но у Леппиха они приготовлялись для другой, неудавшейся цѣли, и поджигатели могли ими воспользоваться. Вопросъ заключается лишь въ томъ, случайно ли они попались подъ руки или кто нибудь указалъ на нихъ?

Въ 1822 году кн. Н. Б. Голицынъ находился въ Парижѣ и часто посѣщалъ графа Ростопчина. Онъ старался узнать подробности о пожарѣ Москвы и часто заводилъ объ этомъ рѣчь; графъ Ростопчинъ каждый разъ отклонялъ разговоръ и переходилъ къ другимъ предметамъ. Но однажды онъ разговорился по поводу воздушнаго шара Леппиха. „Что̀ касается до этого шара, то это глупость, говорилъ онъ, которая могла занимать только тѣхъ, которые способны вѣрить во все чудесное. Но приготовленіе этаго, какъ говорили, разрушительнаго шара (ballon destructeur) доставило бы мнѣ средство возобновить, но въ бо̀льшихъ размѣрахъ, во время сраженія подъ Москвою то, что̀ было въ Сарагоссѣ. Мысль о томъ, что ее сдадутъ безъ выстрѣла никогда не приходила мнѣ въ голову.

---

31) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 206 и 261.

Я не считаю себя хорошимъ тактикомъ; но мой долгъ состоялъ въ томъ, чтобы похоронить себя подъ развалинами столицы и превратить ее въ разрушительный адъ для Французскихъ войскъ. Мнѣ удалось возбудить духъ Московскаго народонаселенія; съ нимъ я многое бы сдѣлалъ, если бы мнѣ дали возможность дѣйствовать. Въ такомъ случаѣ, съ факеломъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, во главѣ моего преданнаго народонаселенія, я показалъ бы, что Русскіе умѣютъ защищать свои очаги (ses foyers). Это дѣйствіе было бы ужаснѣе, нежели воздушное путешествіе. Если бы я думалъ о немъ, то справедливо могли бы полагать, что мой мозгъ не въ порядкѣ“ [32]).

Десять лѣтъ послѣ совершившихся событій гр. Ростопчинъ говорилъ о своемъ намѣреніи защищать Москву отъ Французовъ, точно также какъ говорилъ въ 1812 году и съ тѣмъ же мечтательнымъ увлеченіемъ. Что̀ касается до изобрѣтенія Леппиха, то онъ дѣйствительно разочаровался въ немъ, не за долго впрочемъ до оставленія Москвы; но съ помощію какого-же Московскаго народонаселенія онъ думалъ защищать столицу, не собравъ и не приготовивъ тѣхъ 100 или 80 тысячь защитниковъ, о которыхъ онъ съ такою рѣшительностію писалъ кн. Кутузову и кн. Багратіону? Онъ дѣйствительно намѣревался сжечь столицу до вступленія въ нее непріятеля, какъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ писалъ кн. Багратіону и какъ потомъ объяснялъ самому императору въ донесеніяхъ, писанныхъ въ Сентябрѣ. „Я въ отчаяніи, писалъ онъ, что кн. Кутузовъ измѣннически поступилъ со мною (qu'il ait agi en traître vis-à-vis de moi); потому что, не имѣя способовъ защитить городъ, я долженъ бы его сжечь, чтобы лишить Бонапарта славы взять его, ограбить и потомъ предать пламени. Я бы отнялъ у Французовъ плодъ ихъ похода. Я бы заставилъ ихъ убѣдиться, что они лишились всякихъ сокровищъ и показалъ бы имъ, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло“ [33]). Ровно черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ императору, увѣдомляя его объ оставленіи Москвы Наполеономъ и повторяя свои упреки Кутузову: „Онъ писалъ мнѣ до 30 Августа и говорилъ, что будетъ драться. 1-го Сентября, когда я увидался съ нимъ, онъ повторилъ мнѣ тоже самое, прибавляя: я и въ улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ, а въ 8 ч. вечера онъ прислалъ мнѣ пресловутое письмо, въ которомъ просилъ проводниковъ черезъ городъ, увѣдомляя, что оставляетъ его съ крайнимъ сожалѣніемъ. Если бы онъ мнѣ объявилъ объ этомъ за два дня, я бы его сжегъ, выгнавъ напередъ жителей, и возмущеніе въ войскахъ Наполеона было бы послѣдствіемъ при видѣ объятаго пламенемъ города, который обѣщанъ былъ имъ въ добычу. Съ этою цѣлію я ничего не вывозилъ изъ моихъ двухъ домовъ, чтобы имѣть право сказать потомъ, что я рѣшился на гораздо бо̀льшія пожерт-

---

[32]) Русскій Инвалидъ 1846 г. № 270.

[33]) Письмо 13-го Сентября 1812 г. Пахра, въ 35 верстахъ отъ Москвы, на старой Калужской дорогѣ.

вованія, нежели другія лица. Москва погубила Бонапарта; но ея сдача есть пятно, а тогда это было бы славнымъ дѣломъ" [34]).

Графъ Ростопчинъ могъ привести свое намѣреніе въ дѣло и сжечь столицу, еслибъ дѣйствительно за два дня увѣдомилъ его князь Кутузовъ, что защищать ее не будетъ; но по этому-то онъ его и не увѣдомилъ. Когда онъ получилъ его записку, обозы нашей арміи уже начинали проходить чрезъ Москву, и въ слѣдъ за нею почти весь слѣдующій день продолжалось ихъ движеніе; а въ слѣдъ за арміей, даже смѣшиваясь съ нашимъ аріергардомъ, входили непріятельскія войска. Въ это время конечно уже не было времени жечь Москву. „Лечь подъ ея развалинами, защищая ее во главѣ вѣрнаго ему Московскаго народонаселенія", гр. Ростопчинъ не могъ, потому что не подготовилъ защитниковъ столицы. Не успѣвъ привести въ исполненіе этаго предположенія, въ послѣдствіи, когда только что начались пожары, онъ писалъ Государю: „2-го Сентября ночью начался пожаръ лавокъ и хлѣбныхъ магазиновъ, находившихся у стѣнъ Кремля. Французы или Русскіе воры произвели этотъ пожаръ; но я болѣе склоненъ вѣрить тому, что ихъ подожгли сами ихъ сторожа, побуждаемые Русскимъ правиломъ: не доставайся врагу. 3-го утромъ огонь показался во многихъ мѣстахъ и, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, усиливался и свирѣпствовалъ въ продолженіи 48 часовъ" [35]). Въ это время графъ Ростопчинъ очень хорошо зналъ, кто жжетъ Москву; потому что по его порученію Вороненко поджигалъ склады и магазины *во многихъ мѣстахъ*, какъ онъ свидѣтельствуетъ самъ. Хотя въ послѣдствіи, во время своего пребыванія въ Москвѣ, онъ говорилъ и даже печаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, что сожгли Москву Французы [36]); но эти заявленія возможно бы объяснить тѣмъ, что онъ не желалъ противорѣчить общему мнѣнію, распространенному въ то время въ Россіи, что Французы сожгли Москву, и думалъ отклонить упреки тѣхъ изъ Московскихъ обывателей, которые потеряли все свое имущество и въ этомъ обвиняли его. Но туже самую мысль онъ выражалъ въ частной перепискѣ, не предназначавшейся для оглашенія, въ перепискѣ съ гр. С. Р. Воронцовымъ, находившимся въ Лондонѣ. Поручая вниманію гр. Ростопчина однаго Англійскаго капитана, отправлявшагося въ Россію въ началѣ 1813 года, гр. Воронцовъ писалъ ему: „Онъ ѣдетъ, чтобы вблизи посмотрѣть на народъ, который превзошелъ всѣ современные и прежніе народы сво-

---

[34]) Письмо 13 Октября 1812 г. изъ Владиміра.

[35]) Письмо 8-го Сентября 1812 г., деревня Кутузово, въ 34 верстахъ отъ Москвы на Тульской дорогѣ.

[36]) Русс. Вѣстникъ 1813 г. №. 5, стр. 65—75, письмо гр. Ростопчина къ С. Н. Глинкѣ. Это мнѣніе и самимъ издателемъ повторялось во многихъ статьяхъ и во всѣхъ журналахъ того времени. Русс. Вѣстн. 1813 г. № 1, стр. 7—15, № 3, стр. 6—19, № 4, стр. 65—74, №. 5, стр. 15—26, 1814 г. кн. 10, стр. 8; Сѣверн. Почта 1812 г. №№, 69, 76; Сынъ Отечества 1812 г. № 1, стр. 1—17, № 12 стр. 253—258. Ср. Русскіе и Наполеонъ Бонапарте М. 1813, стр. 71 и слѣд. Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ, М. 1814, ч. 1. стр. 88—95.

имъ великодушіемъ, доблестью, постоянствомъ и любовію къ Отечеству. Къ кому лучше могу направить его, какъ не къ тому, кто былъ главною причиною, вызвавшею эти доблести? Они существовали въ душѣ народа, какъ огонь существуетъ во всякомъ веществѣ и особенно въ селитрѣ, углѣ и сѣрѣ; но въ ихъ соединеніи онъ оставался бы на всегда, если бы прикосновеніе искры не вызвало его могучаго проявленія. Вы были этою благотворною искрою, возбудивъ возвышенный характеръ моихъ дорогихъ соотечественниковъ, Русскихъ по крови, говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдывающихъ одну вѣру. Я ни съ кѣмъ не могу васъ сравнить кромѣ кн. Пожарскаго, но вашъ подвигъ былъ еще труднѣе". Графъ Ростопчинъ, отвѣчая на это письмо, писалъ: „Наполеонъ предалъ городъ пламени для того, чтобы имѣть предлогъ допустить свои войска ограбить его" и, отклоняя отъ себя похвалы гр. Воронцова, говоритъ далѣе: „Вы хвалите мою любовь къ Отечеству; но сколько же лицъ, которыя превзошли меня! Крестьяне, которые сами жгли свои избы; отецъ приведшій ко мнѣ двухъ сыновей и отдававшій ихъ на защиту Отечества; старуха, приведшая ко мнѣ двухъ сыновей и внука и говорившая имъ: „да будете вы прокляты, если не истребите злодѣевъ"; одинъ слуга, выстрѣлившій въ Мюрата на Арбатѣ, полагая, что это Бонапартъ и убившій какого-то полковника; крестьянка, которая зажгла домъ въ той мысли, что тамъ ночуетъ это чудовище. Двое послѣднихъ поплатились жизнью за свою преданность. Вотъ герои! Позавидуемъ имъ и будемъ считать себя счастливыми, что принадлежимъ къ ихъ соотечественникамъ. Я вознагражденъ уже тѣмъ, что имѣлъ счастіе исполнить мой долгъ" [37]).

Но всѣ эти свѣдѣнія хранились въ тайникахъ нашихъ архивовъ и только въ недавнее время начали мало по малу появляться на свѣтъ; между тѣмъ извѣстія, пущенныя въ ходъ бюллетенями Наполеона, подтверждаемыя разсказами всѣхъ возвратившихся на родину чиновъ его великой арміи и особенно Французами, бывшими Московскими обывателями, укоренились въ общественномъ мнѣніи Европы. Имя гр. Ростопчина неразрывно соединилось съ великою жертвою, принесенною Русскимъ народомъ для спасенія Отечества, съ пожаромъ древней столицы. Его имя, не безъ нѣкотораго ужаса, внушаемаго величіемъ жертвы, но и съ уваженіемъ, произносилось повсюду и особенно въ Англіи, заматарѣлой въ ненависти къ Наполеону, на судьбу котораго это событіе имѣло роковое вліяніе. Переселившись за границу въ 1815 году и видя повсюду и особенно въ Парижѣ (гдѣ прожилъ около семи лѣтъ), что его имя соединяется постоянно съ пожаромъ Москвы, онъ упорно молчалъ, когда заходила о томъ рѣчь и переводилъ разговоръ на другіе предметы, своимъ молчаніемъ подкрѣпляя укоренившееся мнѣніе. Д. П. Бутурлинъ, приготовляя къ изданію исторію войны 1812 г.

---

[37]) Письмо гр. Воронцова 7-го Марта 1813 г. изъ Лондона. Отвѣтъ гр. Ростопчина 28 Апр. 1813 изъ Москвы. Архивъ Кн. Воронцова, т. VIII, стр. 316, 517.

и приписывая пожаръ Москвы, распоряженіямъ правительства и графа Ростопчина, посылалъ свою рукопись къ нему въ Парижъ и просилъ дополнить ее. „Но графъ, говоритъ Бутурлинъ, кажется, еще не спѣшитъ сказать *свою правду* и возвратилъ мнѣ мою записку безъ всякихъ замѣчаній“ [38]). Такимъ образомъ и между Русскими и иностранными писателями этотъ вопросъ считался рѣшеннымъ и не возбуждалъ споровъ. Графъ Ростопчинъ, быть можетъ дѣйствительно или увлекаясь тою славою, которою онъ пользовался въ чужихъ краяхъ именно вслѣдствіе того, что его имя соединяли съ пожаромъ столицы или, что̀ вѣроятнѣе, не желая возбуждать литературныхъ споровъ, въ которыхъ былъ бы вынужденъ и самъ принять участіе, не только не рѣшался сказать послѣдняго слова о своемъ участіи въ этомъ происшествіи, но даже поддерживалъ, по видимому, общее мнѣніе. Когда въ Англійскихъ журналахъ въ 1822 году появилось извѣстіе, что Серъ Робертъ Вильсонъ былъ въ 1812 году въ Москвѣ и „помогалъ графу Ростопчину привести въ исполненіе задуманное имъ намѣреніе сжечь столицу“, онъ немедленно помѣстилъ опроверженіе. „Я увидалъ въ первый разъ Вильсона въ главной квартирѣ на р. Пахрѣ, слѣдовательно ему поздно было и безполезно помогать мнѣ“ [39]). Но иногда случалось графу Ростопчину, въ увлеченіи разговора, выражать о томъ свое мнѣніе. Въ 1817 г. въ Баденѣ, гдѣ онъ пользовался водами (по разсказу Фарнгагена-фонъ-Ензе, который тамъ познакомился съ нимъ), однажды вечеромъ у Тетенборна, онъ началъ насмѣхаться надъ тѣми, которые воображаютъ, что возможно сжечь огромный городъ, какъ на театральной сценѣ сгараетъ Персеполисъ отъ руки Таисы. „Я поджогъ духъ народа, говорилъ онъ, и этимъ страшнымъ огнемъ легко зажечь множество факеловъ“. За тѣмъ онъ объяснилъ, какія принималъ мѣры, какъ генералъ-губернаторъ: велѣлъ вывезти пожарныя трубы, открылъ тюрьмы и вообще распоряжался съ тою цѣлію, чтобы Французамъ оставить не городъ, наполненный всѣми средствами для существованія, а мѣсто запустѣнія, и наконецъ рѣшительный примѣръ, который онъ далъ самъ, когда сжегъ свой домъ въ подмосковной деревнѣ. „Онъ послѣдовательно излагалъ свои взгляды, говоритъ Фарнгагенъ, побудительныя причины своихъ дѣйствій, свои ощущенія и признавался, что въ то время онъ вовсе не обращалъ вниманія на цѣну имуществъ, когда погибало Отечество“ [40]). Въ семейной перепискѣ съ дочерью, въ одномъ изъ писемъ 1816 г., онъ говоритъ: „Но всего смѣшнѣе, что моя такъ называемая знаменитость основана на Московскомъ пожарѣ, событіи, которое я подготовилъ, но вовсе не приводилъ въ исполненіе (événement que j'ai préparé, mais que j'ai été bien loin d'effectuer),

---

[38]) Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1824, т. 1, стр. 369 и слѣд.

[39]) Britich Monitor 7 Октября 1822 г.

[40]) Varnhagen v. Ense, Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, 2 B. Leipzig, 1842, стр. 171 и слѣд.

и никто не говоритъ ни слова ни о томъ, что народонаселеніе Москвы постоянно сохраняло спокойствіе, ни о героизмѣ народа" [41]).

Если сопоставить всѣ эти показанія съ тѣми, которыя гр. Ростопчинъ изложилъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ Парижѣ въ 1823 году „Правда о Московскомъ пожарѣ", то нельзя не замѣтить, что сочиненіе это весьма близко къ правдѣ. Между тѣмъ лишь только появилось оно въ печати, то удивило не только Русскихъ, но даже иностранцевъ, и никого не убѣдило: въ Парижскихъ повременныхъ изданіяхъ появились о немъ отзывы, въ которыхъ выразилось это удивленіе. „Общее мнѣніе не только во Франціи, но и повсюду (говорилось въ нихъ) приписывало сожженіе Москвы гр. Ростопчину, по приказанію правительства. И какъ могли мы въ этомъ усумниться? Всѣ наши бюллетени это говорили,—свидѣтельство весьма полновѣсное; всѣ разсказы объ этомъ времени постоянно повторяли тоже самое; никогда ошибка не была болѣе извинительна. Но вотъ наконецъ появилась Правда о Московскомъ пожарѣ. По милости этой книжки, одною ложью будетъ менѣе въ исторіи". Гр. Ростопчинъ увѣряетъ, что пожаръ Москвы не былъ его дѣломъ, что онъ не задумалъ его и не приготовилъ. Мы должны этому вѣрить, его свидѣтельство не можетъ быть заподозрѣно. Всѣмъ извѣстно, какія были послѣдствія этого достопамятнаго происшествія и какое оно имѣло вліяніе на судьбы Европы. Самые просвѣщенные умы считали его не только главнѣйшею причиною спасенія Россіи, но и паденія Наполеона. Въ заревѣ Московскаго пожара уже виднѣлась св. Елена... Гр. Ростопчинъ вѣрно замѣчаетъ, что нельзя бы не гордиться по справедливости такимъ подвигомъ; но въ тоже время нельзя и не согласиться съ нимъ, что, объявляя намъ истину о пожарѣ Москвы, онъ разрушилъ до основанія свою славу и, говоря его словами, отказался отъ лучшей роли въ событіяхъ того времени. Многіе другіе, находясь въ такомъ положеніи, не поспѣшили бы просвѣтить общее мнѣніе, столь положительно утвердившееся, и охотно пользовались бы честью, которую съ такимъ безкорыстіемъ отклоняетъ отъ себя гр. Ростопчинъ, который, „никогда не присвоивая себѣ чужихъ правъ", не хочетъ, чтобы продолжали указывать на него: вотъ кто сжегъ Москву и спасъ свое Отечество. Эта слава ему не принадлежитъ; онъ отдаетъ ее тѣмъ, которые съ бо́льшимъ правомъ могутъ ею пользоваться. Но общее любопытство не удовлетворено: хотятъ, и это желаніе очень естественно, знать, кто же сжегъ Москву? Не гр. Ростопчинъ, мы въ этомъ совершенно убѣждены. Но кто же!" Естественно отклоняя мысль, что Москву могъ сжечь Наполеонъ и тѣмъ погубить самого себя, сочинитель статьи выбираетъ нѣсколько показаній изъ сочиненія самаго гр. Ростопчина, которыя приводятъ его къ тому заключенію, что сами Русскіе сожгли свою столицу [42]). Маркизъ Шамбре, по поводу сочиненія котораго гр. Ростопчинъ издалъ свою Правду,

---

[41]) Гр. Сегюръ, Vie du c-te Rostopschine, Paris, 1871, стр. 240.

[42]) Gazette de France, 1823 г., №. 125, lundi 5 Мая.

немедленно отвѣчалъ, опровергая его доводы и приводя разсказы свидѣтелей-очевидцевъ о поджигателяхъ, которые говорили, что имъ *велѣно* было поджигать [43]). Изданы были вновь письма аббата Сюрюга, которыя прежде появились въ немногихъ экземплярахъ. Д. П. Бутурлинъ оставилъ безъ измѣненія и во второмъ изданіи своего сочиненія прежнія соображенія о пожарѣ Москвы, но прибавилъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе. „То что̀ написано мною о Московскомъ пожарѣ было сообщаемо сочинителемъ гр. Ростопчину, которому онъ для просмотра послалъ записку, послужившую основаніемъ для его сочиненія. Но, кажется, графъ не спѣшилъ высказаться, потому что онъ возвратилъ эту записку безъ всякихъ замѣчаній. Послѣ этаго какъ же можно было предвидить, что, спустя 10 лѣтъ, онъ совершенно иначе представитъ дѣло и обнародуетъ свою Правду? Странно было бы не повѣрить великодушной, хотя и запоздалой, искренности человѣка, который самъ сходитъ съ высоты историческаго дѣятеля, чтобы скрыться въ толпѣ; но положительныя однакоже свидѣтельства не даютъ сочинителю возможности сомнѣваться, что пожаръ Московскій былъ приготовленъ и исполненъ Русскими правительственными лицами. Поэтому, чтобы примирить разныя мнѣнія, остается только предположить, что въ числѣ подчиненныхъ графа Ростопчина были въ это время люди съ сильнымъ характеромъ, которые дѣйствовали на свой страхъ. Оставаясь при этомъ мнѣніи, сочинитель не счелъ нужнымъ исправлять текстъ своего сочиненія, потому что происшествіе въ немъ разсказано вѣрно; но считаетъ лишь нужнымъ предварить читателя, чтобы похвалы гр. Ростопчину, выраженныя имъ неправильно, они отнесли къ этимъ лицамъ“ [44]).

Такимъ образомъ до сихъ поръ вопросъ былъ поставленъ такъ: или Французы сожгли Москву по *повелѣнію* Наполеона, или Русскіе по *распоряженію* своего правительства. Намъ кажется, что такая ложная постановка вопроса единственно и затрудняетъ его рѣшеніе и возбуждаетъ различныя мнѣнія, которыхъ примирить между собою нельзя. Французскій критикъ книжки гр. Ростопчина о пожарѣ Москвы, котораго мнѣнія мы привели выше, весьма справедливо замѣчаетъ: „Гр. Ростопчинъ удивляется, что его имя повторялось въ бюллетеняхъ, какъ необходимая принадлежность Московскаго пожара, какъ припѣвъ о Мальборугѣ въ извѣстной пѣснѣ. Это составляетъ новое доказательство невиновности Наполеона въ происшествіи, не соотвѣтствовавшемъ его видамъ; но почему же ему нужно было избрать жертвою своего гнѣва именно графа Ростопчина, который, кажется, не очень доволенъ этимъ предпочтеніемъ? Причину весьма легко угадать: графъ Ростопчинъ былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, его имя по необходимости должно было представиться прежде всѣхъ; всякій другой,

---

[43]) Réponse à la brochure de m-r le c-te Rostopschine intitulée: La vérite sur l'incendie de Moscou (M. de Chambray) Paris. 1823 г.

[44]) Hist. militaire etc. т. I, гл. V, стр. 368—369.

кто бы ни былъ на этомъ мѣстѣ, вмѣсто графа, удостоился бы той же чести". Дѣйствительно графа Ростопчину и нельзя было бы удивляться, что его имя въ общемъ мнѣніи Европы связалось неразрывно съ пожаромъ Москвы на основаніи *ложнаго* предположенія, будто Москва была сожжена по *распоряженію* правительства. При этомъ предположеніи естественно, что лицо гр. Ростопчина должно было выдвинуться впередъ. Едва ли нужно доказывать, что такого распоряженія не было, и гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ лично, а не какъ представитель правительства. Но графъ Ростопчинъ въ своей Правдѣ отказывается и отъ этого. Онъ не упоминаетъ о своемъ приказаніи, данномъ Вороненкѣ, отрицаетъ существованіе разрывныхъ снарядовъ, присутствіе колодниковъ въ Москвѣ, увѣряетъ, что частные пожары въ Москвѣ, въ которыхъ могли быть виновны столько же Русскіе, какъ и Французы, не могли распространиться на весь городъ по причинѣ множества садовъ, пустырей и бульваровъ и такую мѣру, какъ сожженіе Москвы, считаетъ ужасною, жестокою и неблагоразумною. Распространеніе пожаровъ онъ приписываетъ единственно случайному обстоятельству, т. е. необыкновенно сильному вѣтру. „Дурно сдѣлаютъ, если мнѣ не повѣрятъ, потому что я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли этой эпохи и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости; но я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить исторіею".

Много разъ приводя разсказы гр. Ростопчина изъ его записокъ о 1812 годѣ, мы указывали, что онъ приписывалъ себѣ такія мнѣнія и взгляды, которыхъ онъ не имѣлъ во время совершавшихся событій и которыя могли образоваться у него гораздо послѣ. Тѣмъ же свойствомъ отличается и его Правда. Онъ говоритъ, на примѣръ, что должно бы остановить его въ предположеніи сжечь Москву важное соображеніе, „а именно: чтобы тѣмъ не заставить Наполеона принудить къ сраженію князя Кутузова послѣ оставленія Москвы, потому что всѣ выгоды такого сраженія были на сторонѣ Французовъ, имѣвшихъ двойное число воиновъ въ сравненіи съ Русскимъ войскомъ, которое было обременено ранеными и частію народонаселенія, вышедшаго изъ Москвы". Такъ могъ думать князь Кутузовъ въ то время; а не графъ Ростопчинъ, который упрекалъ его именно за то, что онъ не дѣйствуетъ наступательно на непріятеля, упрекалъ не только въ письмахъ, которыя онъ писалъ въ то время къ частнымъ и правительственнымъ лицамъ, но и передъ Государемъ, считая силы непріятеля незначительными и разстроенными. Его Правда была дѣйствительно правдою, но только для него однаго, способнаго поддаваться увлеченію настоящаго до такой степени, что все прошлое или исчезало изъ его воспоминаній, или принимало совершенно иной характеръ [45]).

Но кто же сжегъ Москву?

Первые пожары произведены были полицейскимъ чиновникомъ Вороненкою, исполнявшимъ приказанія гр. Ростопчина, который, въ

---

[45]) Правда и пр. стр. 201--203, 208, 254.

роятно для облегченія совершить опасное (почти въ виду непріятеля) предпріятіе, указалъ ему на разрывные снаряды, приготовленные Леппихомъ для воздушнаго шара. Вороненко исполнилъ приказаніе по мѣрѣ возможности, оставаясь въ Москвѣ до 8 часовъ вечера, т. е. до того времени, когда не только ее заняли непріятельскія войска, но ихъ авангардъ уже расположился за Рогожскою заставою. Князь Кутузовъ, извѣстясь, что не успѣли спасти отъ непріятеля коммиссаріатскія барки, которыя шли позади барокъ съ артилерійскими запасами, по мелководью и тяжести груза остановившимися у Москвы, велѣлъ ихъ сжечь и потопить [46]). Это порученіе съ успѣхомъ исполнено было капитаномъ артиллеріи Фигнеромъ [47]). Еще до вступленія въ Москву непріятеля, говоритъ гр. Ростопчинъ, „въ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми изъ простаго народа, мнѣ приходилось слышать слѣдующее выраженіе, когда они съ грустью заявляли опасеніе, что Москва можетъ достаться въ руки непріятеля: лучше ее сжечь! Во время моего пребыванія въ главной квартирѣ кн. Кутузова, я видѣлъ многихъ Москвичей, спасшихся изъ столицы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами сожгли свои дома“ [48]). Это послѣднее показаніе подтверждаютъ и другіе свидѣтели-очевидцы. „Бывшіе въ Тарутинскомъ лагерѣ конечно помнятъ, точно также какъ и я помню, говоритъ И. П. Липранди, что Московскіе выходцы разсказывали, какъ они сами и другіе Москвичи поджигали свои дома и лавки передъ тѣмъ, чтобы уйти изъ ней“ [49]). Полковникъ Кроссаръ, находившійся въ Тарутинскомъ лагерѣ, разсказываетъ, что на другой день послѣ оставленія Москвы, нѣсколько нашихъ офицеровъ обѣдали у графа Строгонова, и князь Дмитрій Владиміровичь Голицынъ часто выражалъ сожалѣніе, что не пришла ему въ голову во̀-время слѣдующая мысль: „Я сожалѣю только объ одномъ, что при выходѣ изъ Москвы мы сами не подожгли нашихъ домовъ“ [50]). По возвращеніи въ Москву въ Октябрѣ 1812 года, графъ Ростопчинъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пожарѣ. Вотъ что между прочимъ онъ говоритъ:

„Въ Москвѣ есть цѣлая улица съ каретными лавками, въ которой живутъ одни только каретники. Когда армія Наполеона вошла

---

[46]) Мнѣніе Госуд. Совѣта 7-го Мая 1817 г. п. 4. Комиссаріатскія вещи, вывезенныя на 1700 подводахъ, были спасены; но изъ „числа полученныхъ комиссаріатомъ барокъ (23-хъ), шедшія впереди артилерійскихъ три барки спасены и находившіяся въ нихъ вещи сданы въ армію; прочія же барки, слѣдовавшія позади артилерійскихъ и задержанныя ими, коихъ по сей причинѣ не было никакой возможности спасти отъ непріятеля, по повелѣнію покойнаго генералъ-фельдмаршала кн. Кутузова Смоленскаго, сожжены и потоплены“.

[47]) Записки артилериста, т. I, стр. 172—175, 206—209.

[48]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 212—213.

[49]) Война 1812 г. замѣчанія на сочиненіе г. Богдановича, 1869 г., 2-го отдѣла, стр. 167 и его же: нѣкоторыя замѣчанія о гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. СПБ. 1855, стр. 167—192.

[50]) Mémoires militaires et histor. m. IV, гл. 44, стр. 370.

въ городъ, то многіе генералы и офицеры бросились въ этотъ кварталъ и, обошедши всѣ лавки онаго, выбрали себѣ кареты и замѣтили ихъ своими именами. Хозяева, по общему между собою согласію, не желая снабдить каретами непріятеля, зажгли всѣ свои лавки. Одинъ купецъ, ушедшій съ своимъ семействомъ въ Ярославль, оставилъ домъ на попеченіе племянника. По возвращеніи полиціи въ Москву, этотъ племянникъ пришелъ объявить ему, что семнадцать мертвыхъ тѣлъ находятся въ погребѣ его дяди, и вотъ какъ онъ разсказывалъ объ этомъ. На другой день по входѣ непріятеля въ городъ, четыре солдата пришли къ нему; осмотря домъ и не найдя ничего что̀ могли-бы съ собой унести, они сошли въ погребъ и нашли тамъ сотню бутылокъ вина и, давши разумѣть знаками племяннику купца, чтобъ онъ ихъ поберегъ, возвратясь опять ввечеру, въ сопровожденіи тринадцати другихъ солдатъ, зажгли свѣчу, принялись пить и потомъ уснули. Молодой Русскій купецъ, видя ихъ погруженныхъ въ пьяный сонъ, вздумалъ ихъ умертвить. Онъ заперъ погребъ, завалилъ его каменьями и убѣжалъ на улицу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, размысливъ хорошенько, что эти семнадцать человѣкъ могли бы какимъ нибудь образомъ освободиться изъ своего заточенія, встрѣтиться съ нимъ и его убить, онъ рѣшился зажечь домъ, что́ и исполнилъ посредствомъ соломы. Два человѣка, одинъ дворникъ г. Муравьева, а другой купецъ, были схвачены при зажиганіи своихъ домовъ и разстрѣляны" [51]). Италіянецъ граверъ, проживавшій въ это время въ Москвѣ, разсказываетъ, что идя, по Басманной къ Ильинскимъ воротамъ, „увидалъ, какъ изъ дома кн. Куракина вышелъ управляющій съ четырьмя лакеями, которые палками гнали передъ собою пьянаго человѣка въ бѣломъ армякѣ. Онъ держалъ въ рукѣ шапку полицейскаго и радостно кричалъ: „какъ хорошо горитъ!" Люди кн. Куракина объяснили, что онъ только что поджегъ домъ, и они ведутъ его къ Французамъ, которыхъ и встрѣтили у горѣвшаго дома кн. Трубецкаго. Французскіе солдаты немедленно его разстрѣляли [52]).

Молодой 16 лѣтній мальчикъ, изъ духовнаго семейства, разсказывалъ: „Между нашими, т. е. оставшимися въ Москвѣ Русскими, распространился слухъ, что полицейскіе, переодѣтые въ зипуны, ходятъ по улицамъ и поджигаютъ". „Страшно было, разсказываетъ остававшаяся въ Москвѣ въ то время молодая дѣвушка изъ купеческаго семейства: наши жгли Москву". „Какъ начались пожары, говоритъ крѣпостной человѣкъ г. Соймонова, остававшійся въ домѣ своего помѣщика, такой страхъ насъ пробралъ! Говорили, что свои

---

[51]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 213—215.

[52]) Воспоминанія Вандрамини. Венеціанецъ Vandramini жилъ въ домѣ кн. М. П. Голицына, во флигелѣ, выходившемъ на Старую Басманную и гравировалъ картины его галлереи. О немъ упоминаетъ г-жа Фюзиль, нашедшая у него пріютъ. Его воспоминанія напечатаны въ Economiste Belge 1864, а переводъ въ Русскомъ Инвалидѣ того же года №№ 28, 29, 30 и 31.

жгутъ Москву, чтобы Бонапарта изъ нея выгнать. Правда или нѣтъ, того я не знаю; но что нашъ домъ подожгли, то это вѣрно“ [53]).

Послѣ изложенныхъ свидѣтельствъ возможенъ ли вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву? Тотъ, кто имѣлъ на это право, тотъ кто жегъ, начиная съ Смоленска, всѣ свои города, села и деревни и даже поспѣвавшій въ полѣ хлѣбъ, лишь только проходили Русскія войска и приближался непріятель, — Русскій народъ въ лицѣ всѣхъ сословій и состояній, не исключая и лицъ облеченныхъ правительственною властію, въ числѣ которыхъ былъ и графъ Ростопчинъ. „Москва, изъ своего пепла возставшая, говоритъ одинъ изъ боевыхъ дѣятелей 1812 г., прекрасная, богатая, новою вѣчною славою великой жертвы озаренная, конечно всегда будетъ помнить вмѣстѣ съ цѣлой Россіей свои дни скорби и запустѣнія, но помнить съ тѣмъ, чтобы гордиться ими: ибо пожаръ ея, надъ головой вторгнувшагося въ нее врага зажженный, если былъ дѣломъ *немногихъ*, то былъ мыслію *всѣхъ*. И съ нею вмѣстѣ обращались въ прахъ и всѣ надежды завоевателя на миръ и на побѣду“ [54]).

Выпровожденные на баркѣ изъ Москвы Ростопчинымъ Французы мирно плыли во время пожаровъ Московскихъ уже по Окѣ и находились недалеко отъ Касимова. Нѣсколько дней сряду ихъ поражало огромное зарево. Имъ не приходило на мысль что̀ означаетъ это необыкновенное явленіе; но оно было въ той сторонѣ, гдѣ по ихъ предположенію должны находится воюющія арміи, и забота объ оставленныхъ въ Москвѣ семействахъ возбуждала ихъ любопытство узнать его значеніе. Они часто причаливали къ берегу для прогулокъ и для пріобрѣтенія припасовъ продовольствія. При первомъ причалѣ, они увидали мужика, который шелъ по направленію къ нимъ и громко пѣлъ пѣсню. „Мы поспѣшили, говоритъ одинъ изъ этихъ невольныхъ плавателей, распросить его что̀ значило это огненное небо, на которое мы съ безпокойствомъ смотрѣли нѣсколько дней сряду. „Это зарево, отвѣчалъ онъ имъ съ насмѣшливымъ добродушіемъ, указывая пальцемъ на Сѣверъ; это зарево показываетъ уваженіе Русскихъ къ вашему Наполеону и Французскимъ войскамъ, которыя хотятъ зимовать въ Москвѣ; теперь становится уже холодно, и вотъ они затопили дома“ [55]).

„Простой мужикъ такъ говорилъ, восклицаетъ Французъ. Какой предметъ для размышленій!“

---

[53]) Г. Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 60, 92, 103.

[54]) Графъ П. Х. Граббе, изъ Памятныхъ Записокъ отечеств. войны, стр 85; Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 215.

[55]) Arm. Domergues, la Russie etc. т. 1, стр. 309—310.

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ ВЪ АНГЛІЮ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову *).

1.

Спб. 10 Ноября 1796.

Нынѣшнее утро я припадалъ къ стопамъ Государя, благодаря его за то, что онъ васъ пожаловалъ полнымъ генераломъ [1]). Онъ самъ сказалъ мнѣ, что это пожалованіе совсѣмъ вскружило мнѣ голову. Онъ знаетъ все, чѣмъ я вамъ обязанъ. Онъ уважаетъ васъ. Ему очень пріятно, что онъ выразилъ вамъ свою благосклонность. О, благодѣтель мой, какъ я былъ счастливъ, какъ я и теперь счастливъ! Слеза, пролитая мною на эту бумагу, да изгладитъ изъ вашей памяти огорченія, которыя были причинены вамъ несправедливостью [2]).

Милости и благодѣянія; пламенное желаніе быть любиму. Зубовъ оставленъ при всѣхъ своихъ мѣстахъ. Брату его Николаю пожа-

---

*) См. 1-ю книгу Р. Архива 1876 года, гдѣ помѣщены письма того же лица, въ царствованіе Екатерины II-й и общее предисловіе къ нимъ. *П. Б.*

[1]) Императоръ Павелъ первоначально былъ благорасположенъ къ графу С. Р. Воронцову потому уже, что сей послѣдній нѣкогда служилъ сподвижникомъ фельдмаршала графа Румянцова и заявлялъ особенное уваженіе къ его доблестямъ, не смотря на то, что Задунайскій герой находился въ полу-опалѣ; у Павла же Петровича, до вступленія его на престолъ, бывали тайныя пересылки съ графомъ Румянцовымъ (См. Разсказы Кутлубицкаго въ Р. Архивѣ 1866, стр. 1307). Кромѣ того, Государю и тогдашнимъ дѣятелямъ было извѣстно, какъ самостоятельно держалъ себѣ нашъ Лондонскій посолъ относительно послѣдняго фаворита князя Зубова. Словоохотливый графъ Ростопчинъ, будучи ежедневнымъ собесѣдникомъ и докладчикомъ, конечно не скрывалъ своей преданности къ Воронцову, которую онъ возымѣлъ со времени своего пребыванія въ Англіи. Напомнимъ читателю, что Автобіографическая Записка гр. Воронцова съ разсказомъ о томъ, какъ онъ пострадалъ за приверженность къ Петру III-му, тогда еще не была получена гр. Ростопчинымъ.—Заслуги сего послѣдняго въ царствованіе Павла еще не оцѣнены и нерѣдко подвергаются голословному осужденію. Несомнѣнно однако, что графъ Ростопчинъ служилъ неутомимо и приверженъ былъ къ Государю неуклонно. Онъ оставался, за исключеніемъ весьма короткаго промежутка, главнымъ, часто негласнымъ, дѣятелемъ цѣлые 50 мѣсяцевъ этого чрезвычайнаго царствованія, и только съ его высылкою въ Москву дѣла приняли невозможный ходъ. Всѣ пружины правительственной машины сдѣлались ему коротко знакомы, и этимъ если не оправдываются, то объясняются многія черты его послѣдующей дѣятельности и въ 1812 году. *П. Б.*

[2]) Эти обстоятельства будутъ разъяснены въ одной изъ книгъ Архива Князя Воронцова. *П. Б.*

лованъ Андреевскій орденъ. Заботливость, вниманіе. Графъ Николай Салтыковъ и князь Репнинъ—фельдмаршалы, вицеканцлеръ назначенъ канцлеромъ, графъ Безбородко возведенъ въ первый классъ съ званіемъ фельдмаршала. Этотъ годъ не будетъ рекрутовъ. Уничтожатъ хлѣбную подать [3]). Прощайте. Напишите мнѣ поскорѣе и изложите подробнѣе ваши мысли. Сообщите ваши намѣренія и чего вы желаете.

Бумаги Маркова опечатаны. Государь хочетъ разсмотрѣть сношенія со Швеціею. Онъ уже сказалъ, что любитъ военное дѣло, но войну ненавидитъ. Да утвердитъ его Богъ въ этихъ намѣреніяхъ!

2.

25 Февраля 1797 г. Спб.

Сегодня я получилъ ваше письмо и тетрадь, которой я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Не съумѣю какъ выразить вамъ мою признательность за этотъ чрезвычайный знакъ вашей довѣренности. Графа Безбородки сегодня не было у Государя; поэтому я ѣздилъ къ нему освѣдомиться касательно содержанія вашего письма. Я прежде ничего не зналъ, что у васъ отнято имѣніе и былъ изумленъ неправдою и всевластіемъ князя Потемкина, передъ которымъ нѣмѣли законъ и честность. Надо надѣяться, что царствованіе нашего великаго Государя заставитъ позабыть о несправедливостяхъ предыдущаго царствованія. Мнѣ кажется, что коронація представитъ къ тому удобный случай, такъ что я почти увѣренъ въ успѣхѣ, тѣмъ болѣе, что графъ Безбородко расположенъ оказать вамъ услугу. Я поспѣшу сообщить вамъ эту добрую вѣсть и нетерпѣливо жду дня, когда въ числѣ многихъ благодѣяній наиболѣе заслуженное будетъ оказано моему благодѣтелю.

1-е Марта Дворъ переѣзжаетъ въ Павловское и останется тамъ дней на десять. Государя сопровождаютъ [4]) немногіе. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь, приказавъ, чтобъ я съ графомъ Безбородкою ѣхалъ съ нимъ, и даже въ одной съ нимъ каретѣ. Вы меня огорчаете, говоря, что у меня недостанетъ времени для того, чтобы писать къ вамъ. Если бы у меня не было минуты свободной въ теченіи дня, то я лучше не стану спать, а не лишу себя этого наслажденія. У меня много дѣла, потому что на моихъ рукахъ вся воинская часть. Я долженъ разсылать всѣ приказы Государя [5]) и получаю всѣ рапорты для представленія и прочтенія ему. Зная по опыту, какъ ма-

---

[3]) Въ послѣдній годъ Екатерининскаго царствованія устроены были по всей Россіи склады хлѣба со взиманіемъ податей натурою, что̀ повело къ великимъ неустройствамъ и злоупотребленіямъ, живая картина которыхъ начертана А. Т. Болотовымъ въ его книгѣ: „Памятникъ претекшихъ временъ“, изд. П. С. Киселева. М 1875.

[4]) Т. е. въ Москву, на коронацію. *П. Б.*

[5]) Тетрадь съ этими приказами, разсылаемыми ежедневно во всѣ концы Россіи, писанная во многихъ случаяхъ графомъ Ростопчинымъ, будетъ издана въ Р. Архивѣ. *П. Б.*

ло можно имѣть довѣрія къ секретарямъ, я дѣлаю все самъ, а секретари только переписываютъ и держатъ въ порядкѣ книги. Я измѣнилъ образъ жизни: обѣдаю всегда дòма, ухожу въ 4 часа и возвращаюсь въ 9. Разобравъ бумаги къ слѣдующему дню, въ 10 часовъ ложусь спать. Встаю въ 5½ часовъ, а въ 6¼ я уже у Государя, при которомъ остаюсь почти до часу по пополудни, занимаясь разсылкою приказовъ и чтеніемъ всего поступающаго по военной части. Бываютъ минуты, когда мнѣ тяжело не видать жены и прекраснаго моего малютку; но долгъ прежде всего, и лучшая для меня награда въ томъ, что труды мои угодны Государю.

Жена моя останется здѣсь. Она займется устройствомъ дома, и потомъ весною привьетъ оспу ребенку. Ей пришлось бы совершить путешествіе въ Москву и обратно одной; а въ Москвѣ, при моихъ занятіяхъ, мнѣ приходилось бы видѣть ее лишь урывками. У нея тамъ нѣтъ знакомыхъ, а по отбытіи Императора она должна бы была ѣхать назадъ. Его Величество предполагаетъ 2-го Мая отправиться въ Казань, а оттуда въ Пензу, Рязань, Тулу, Калугу и черезъ Смоленскъ возвратиться въ Петербургъ. Двое великихъ князей должны сопровождать его, а остальные члены царскаго семейства будутъ дожидаться его въ Павловскѣ.

Вы меня спрашивали о презрѣнномъ Эстергази. Онъ у себя въ деревнѣ. Нѣкоторыя изъ его земель возвращены прежнему владѣльцу, ограбленныя возмутительнѣйшимъ образомъ. Эстергази получилъ за то другія земли, и даже въ бòльшемъ количествѣ. Ему велѣно не показываться въ Петербургъ. Онъ написалъ къ Государю письмо, въ которомъ говорится о тяжбѣ и о томъ, что онъ возлагаетъ надежду на Государя. Его Величество приказалъ мнѣ сдѣлать на этомъ письмѣ нижеслѣдующую помѣту и скрѣпилъ ее своею подписью: „Тяжба должна вестись обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ; а чтó касается до моей милости, то ея лишаются посредствомъ дурнаго образа дѣйствій".

Я былъ увѣренъ, что вы огорчитесь кончиною великаго полководца [6]). Императоръ приказалъ, чтобы вся армія носила по немъ трауръ въ теченіи трехъ дней. Вы знаете, что графъ Суворовъ вынудилъ Государя, неприличіями и странными письмами, которыя онъ къ нему писалъ, дать ему отставку. Все спокойно внутри страны; злоумышленники между крестьянами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уступили увѣщаніямъ, въ другихъ силѣ. Виною глупость губернаторовъ, которые заставляли крестьянъ присягать на вѣрность, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Возмите на себя порученіе, очень для меня важное. Васъ такъ знаютъ въ Англіи. Постарайтесь достать къ веснѣ двухъ хорошихъ лошадей и отправьте ихъ въ Петербургъ. Денегъ не жалѣйте. Если лошади будутъ хороши, я ихъ представлю Государю и отошлю къ вамъ деньги, какъ только вы напишете.

---

[6]) Графа Румянцова.

Кончаю письмо, потому что уже полночь, а мнѣ хочется еще до выѣзда изъ дому прочитать вашу исторію [7]). Чтеніе ея требуетъ тишины и ночнаго спокойствія. И такъ я еще побуду съ вами и узнàю много мнѣ неизвѣстнаго.

Чувствую всю цѣну вашей довѣренности и горжусь ею.

3.

9 Апрѣля 1797 г. Москва [8]).

Я не стану повторять вамъ того, чтò князь Безбородко навѣрное уже сказалъ вамъ по случаю милостей, полученныхъ вами. Желательно, чтобъ Императоръ, исправляя ошибки своей матери, награждалъ васъ за оказанныя ей услуги. Я, къ сожалѣнію, чрезвычайно занятъ дѣлами въ настоящую минуту и не имѣю досуга пространно бесѣдовать съ вами. Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что на васъ имѣютъ виды для воспитанія великаго князя Николая и что васъ, по прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ, ожидаетъ эта трудная задача. Я смертельно скучаю, привыкши жить вмѣстѣ съ женою и видѣть моего маленькаго сына. Тоска меня гнететъ въ немногія свободныя минуты, которыя остаются мнѣ въ теченіи дня и которыя я провожу у себя въ комнатѣ.

Я прочелъ это письмо, которое вы называете длиннымъ, и желалъ бы списать оное своею рукою, дабы передать потомъ моему сыну и внушить ему благоговѣніе къ вашимъ добродѣтелямъ. Я оставилъ это письмо Рожерсону [9]) для доставленія вамъ по вѣрной оказіи. Привыкши говорить съ вами вполнѣ откровенно, я не скрою отъ васъ, что князь Безбородко сдѣлалъ большія неловкости. По проискамъ негодяевъ, его окружающихъ, онъ выхлопоталъ чинъ тайнаго совѣтника нѣкоему мерзавцу **, своему управляющему, да великолѣпное имѣніе въ 850 душъ и орденъ Св. Екатерины своей любовницѣ госпожѣ Л***, распутной женщинѣ; а мужъ ея получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Вообще, всѣ эти великіе господа ведутъ себя дурно. Можно быть эгоистомъ, но не должно огорчать людей, которые, по чувству ли чести или по глупости, поступали какъ добрые простяки относительно тѣхъ, кому считали себя обязанными. Легко забыть непріятное положеніе, но не слѣдуетъ его возобновлять. Наконецъ, позабыли о 5 и 6 числахъ Ноября мѣсяца прошлаго года; имѣютъ великодушнаго и милосердаго Императора вмѣсто неумолимаго судьи, и сочли глупцами тѣхъ, кто служилъ ему вѣр-

---

7) Т. е. Автобіографическую Записку, напечатанную въ первой книгѣ Р. Архива сего года. *П. Б.*

8) Писано на четвертый день послѣ коронаціи. Графъ Воронцовъ получилъ между прочимъ обширныя помѣстья въ Финляндіи, доставшіяся потомъ его дочери, леди Пемброкъ. *П. Б.*

9) Извѣстный докторъ Рожерсонъ былъ другомъ братьевъ графовъ Воронцовыхъ. Здѣсь говорится о той же Автобіографической Запискѣ, писанной своеручно и возвращенной назадъ въ Лондонъ. *П. Б.*

но, когда всѣ прочіе, въ ослѣпленіи, удалялись отъ него или оказывали ему неуваженіе [10]).

4.

3 Іюня 1797, Сарское Село.

Императоръ возвратился 27-го, и я очень нездоровъ. Вотъ уже цѣлая недѣля какъ я страдаю желчною лихорадкою и очень слабъ. Князь Безбородко тоже сильно хвораетъ запущенною простудою. Благодаря Бога, я вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Не могу болѣе писать, ибо у меня кружится голова. Прощайте.

5.

18 Іюня 1797 г. Павловскъ.

Конечно, въ теченіи 32 лѣтъ, т. е. съ минуты моего рожденія, никогда еще я не испытывалъ четверти часа такого мучительнаго ожиданія, какъ третьяго дня, до окончанія чтенія вашей депеши, въ которой вы извѣщаете о замедленіи прибытія нашего флота [11]).

Вы послѣдовали благородному движенію, вы предались ему достойнымъ образомъ, вашъ поступокъ былъ одобренъ. Благомыслящіе Англичане должны поклоняться вамъ. Но со всѣмъ тѣмъ меня охватила такая дрожь и такой страхъ, что я вамъ описать не могу. Я знаю, что Императоръ желаетъ прекратить всякое сообщеніе съ зачумленными революціей, и въ этомъ отношеніи вашъ поступокъ могъ показаться ему рискованнымъ и даже слишкомъ смѣлымъ. Благодареніе Богу, на это дѣло взглянули такъ, какъ слѣдовало. Вамъ воздана была должная похвала. Кавалеръ Витвортъ приходилъ сегодня благодарить за помощь, оказанную вами Англіи. Выраженіе его благодарности, очень естественной, было принято милостиво, и я, вмѣстѣ со всѣми любящими васъ, радуюсь неосновательности нашихъ опасеній.

Я совершенно выздоровѣлъ, но еще слабъ. Моя жена живетъ въ Сарскомъ Селѣ, гдѣ у нея прекрасное помѣщеніе. Я пріѣзжаю сюда ежедневно въ 6 часовъ утра и остаюсь до 6 часовъ вечера. Потомъ удаляюсь къ себѣ и провожу остатокъ дня съ женою и нашимъ маленькимъ сыномъ, который начинаетъ много говорить и очень меня любитъ. Гвардія почти вся возвратилась изъ Москвы, и по одному батальону отъ каждаго полка квартируетъ здѣсь для карауловъ. Въ Петровъ день будетъ здѣсь большое празднество, послѣ котораго уѣдутъ въ Петергофъ, а 5-го числа изъ Кронппта-

---

[10]) Здѣсь, что ни слово, то намекъ, весьма ясный читавшему Записку графа Ростопчина о первыхъ дняхъ царствованія Павла, напечатанную въ VIII книгѣ Архива Князя Воронцова. *П. Б.*

[11]) Въ Русскомъ Архивѣ 1875 (кн. I-я) напечатано нѣсколько записочекъ императора Павла къ адмиралу Макарову, начальнику эскадры, находившейся въ Англіи. Бывши при Екатеринѣ генералъ-адмираломъ только по имени, Павелъ, по воцареніи, горячо принялся за морскую часть. Это увлеченіе простыло вслѣдствіе недоконченнаго плаванія къ Ревелю на фрегатѣ Масонскаго названія „Эммануилъ". Подробности см. въ Запискахъ адмирала Шишкова. *П. Б.*

та отправятся моремъ въ Ревель. Полагаютъ, что эта поѣздка продлится двѣ недѣли. Императоръ очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Новоприсоединенная Польша представляетъ прекраснѣйшую страну. Правда, крестьяне всегда останутся въ бѣдности отъ угнетенія заимодавцами, которые заставляютъ ихъ работать вмѣсто уплаты, и отъ Жидовъ, которые вовлекаютъ ихъ въ неоплатные расходы и поятъ въ долгъ. Горожане, за исключеніемъ Вильны и деревень, нисколько не пострадали отъ войны и бывшаго грабежа. Дворяне очень довольны, что подвластны Русскому правительству, ибо Прусскій король притѣсняетъ ихъ соотечественниковъ возмутительнымъ образомъ, и своими поборами доказываетъ имъ, что они его подданные.

Войска еще не обмундированы по новому образцу, но уже обучены, и очень хорошо, если принять во вниманіе краткость времени. Изъ нашихъ людей все можно сдѣлать, и нѣтъ надобности говорить вамъ объ этомъ.

Князь Р*** — великій покровитель Польскаго люда; но какъ этотъ сѣверный Танкредъ сдѣлался низкимъ льстецомъ, то онъ лобызаетъ прахъ передъ всѣми, у кого предполагаетъ власть или вліяніе. Вы уже знаете, что Кочубей назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а Тамара получитъ его мѣсто въ Константинополѣ. Это назначеніе, по мнѣнію кн. Безбородки, приблизитъ Кочубея къ Императору и дастъ ему возможность сдѣлаться лично извѣстнымъ, отчего онъ много выиграетъ. Князь Безбородко все болѣнъ и остается въ городѣ для леченія. У него рожа на ногѣ, и онъ не можетъ ходить. Я завтра поѣду въ городъ и намѣренъ повидаться съ нимъ, чтобъ переговорить о нашихъ опасеніяхъ, все по поводу вашей депеши. Императоръ здоровъ и дѣлаетъ большія прогулки, когда это дозволяютъ погода и дѣла. Жаль, что ему не даетъ покоя...., которая вмѣшивается въ дѣла, суетится, сплетничаетъ, окружаетъ себя Нѣмцами и дозволяетъ негодяямъ ее обманывать. На дняхъ она выхлопотала г-ну Шуазель-Гуффье двѣ тысячи душъ за то, что онъ поднесъ ей нѣсколько рисунковъ и наговорилъ приторныхъ любезностей. Она, для бо̀льшей увѣренности въ успѣхѣ, вступила въ союзъ съ г-жею Нелидовою, которую справедливо ненавидѣла, и которая сдѣлалась ея близкимъ другомъ съ 6-го Ноября плошлаго года. Насъ трое или четверо, нетерпимыхъ этими особами: ибо мы служимъ одному только Императору; а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали-бы устранить князя Безбородку и замѣнить его княземъ Александромъ К...., глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ всего военнаго вѣдомства князя Репнина, и управлять всѣмъ черезъ своихъ приверженцевъ. Таковъ замыселъ князя К.... (Алексѣя), величайшаго негодяя, грабителя, который все путаетъ и всего проситъ, съ невозмутимою наглостью. Отъ этого у него развилась жолчь, но это ни къ чему не ведетъ кромѣ барышей для докторовъ.

6.

12 Ноября 1797 г. С.Петербургъ.

Я два раза пытался писать къ вамъ, но почта создана не для меня. Мое перо похоже на тѣхъ лошадей, которыя, закусивъ удила, мчатся впередъ, готовыя сломать себѣ шею. Вотъ ѣдетъ одинъ изъ моихъ егерей, вотъ и письмо. Фигаро говоритъ: Небо покровительствуетъ невинности; а я скажу—благодарности.

Императоръ возвратился въ городъ 6-го числа. Онъ съ сожалѣніемъ покинулъ Гатчино: эта мѣстность очень украшена имъ, и дѣйствительно великолѣпна. Но осеннее время и дурная погода заставили вспомнить о Петербургѣ. На другой день обѣдали и ночевали въ Сарскомъ Селѣ, куда Его Величество отправится въ началѣ Апрѣля, ибо Императрица должна разрѣшиться отъ бремени [12]) въ концѣ Февраля. Здѣшній дворецъ омеблированъ очень роскошно, но не съумѣли согласовать подробности обстановки. Императоръ занимаетъ комнаты покойной Императрицы. Онъ имѣетъ обѣденный столъ на 12 приборовъ съ главными (чуть не сказалъ великими) лицами двора, выходитъ въ 7 часовъ вечера, иногда позже, и ужинаетъ съ своимъ семействомъ и довольно многочисленнымъ обществомъ. Еженедѣльно будутъ два спектакля, и по одному концерту и балу.—Нельзя себѣ представить, не видавши, чѣмъ сдѣлалась наша пѣхота, въ теченіи одного года. Я видѣлъ [13]) ту, которая стòила стольких трудовъ покойному Прусскому королю, и увѣряю васъ, что она уступила бы нашей. Не могу сказать того же о кавалеріи: вы знаете, какъ трудно нашимъ сдѣлаться хорошими всадниками. Императоръ, для утвержденія штатовъ арміи и, въ особенности, расходовъ на ея содержаніе, назначилъ коммиссію, которая собирается у великаго Князя Александра, подъ его предсѣдательствомъ. Она состоитъ изъ генераловъ Ламба, Вязмитинова, Буксгевдена, Кушелева (моряка), генералъ-прокурора и государственнаго казначея барона Васильева. Хотя Императоръ опредѣлилъ 20 милліоновъ на содержаніе арміи, но придется прибавить еще 10 милліоновъ.

Князь Безбородко продолжаетъ пользоваться большимъ значеніемъ и старается, по обыкновенію своему, какъ можно менѣе заниматься дѣлами. Если онъ не перестанетъ собирать картины, то его галерея, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ; ибо она уже стòитъ ему около 250.000 рублей и содержитъ нѣсколько образцовыхъ произведеній. Вице-канцлеръ [14]) расплывается въ любезностяхъ и ведетъ реестръ благодарственнымъ отзывамъ и хвалебнымъ заявленіямъ, присылаемымъ ему со всѣхъ сторонъ Нѣмецкими учеными и студентами. Братъ его хочетъ все

---

[12]) Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, родившимся 28 Генваря 1798 года. *П. Б.*

[13]) Во время путешествія по Пруссіи въ 1786 году. *П. Б.*

[14]) Т. е. князь А-ъ Б. Куракинъ, воспитанникъ Лейденскаго университета. *П. Б.*

дѣлать одинъ, или покрайней мѣрѣ казаться такимъ. Кочубей долженъ пріѣхать въ Мартѣ мѣсяцѣ. У него маленькій тайный врагъ въ лицѣ г-на Обрѣзкова, бывшаго секретаремъ князя Безбородки, а нынѣ состоящаго при Императорѣ. Это маленькое существо боится, что Кочубей вытѣснитъ его, и хлопочетъ о его помѣщеніи гдѣ-нибудь еще до пріѣзда сюда.—Мы ожидаемъ принца Конде. Его сынъ пріѣдетъ весною, а внукъ начальствуетъ корпусомъ, который расположится въ нашихъ новыхъ областяхъ вдоль Днѣстра. Наилучшее для насъ пріобрѣтеніе въ этомъ корпусѣ, это инженерные офицеры и хирурги; что̀ касается прочихъ, то они—круглыя невѣжды, которые, вмѣсто того чтобъ быть учениками, корчатъ изъ себя учителей.—Король Польскій окружаетъ себя подобіемъ двора, даетъ цаловать руку бывшимъ подданнымъ и подписываетъ заемныя письма заднимъ числомъ, отъ прошлаго года, для того, чтобъ Императоръ заплатилъ по нимъ. Нѣкто Воотъ, Голландецъ, главный прикащикъ Гопа, скупаетъ всѣ эти заемныя письма и сдѣлаетъ выгодное для себя дѣло. Онъ пользуется особеннымъ покровительствомъ Императрицы, черезъ посредство Николаи, котораго этотъ Воотъ плѣнилъ любезностями, краснобайствомъ, обѣдами и проч. Николаи, поэтъ и добрый малый, выдержалъ бы напоръ; но Николаи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ Святыя Анны первой степени, поддался искушенію. Притомъ, онъ не Русскій, а даже между нами такъ мало людей, любящихъ свое Отечество и Государя, который осы́палъ и осыпаетъ насъ милостями. Меня огорчаютъ, меня дѣлаютъ несчастнымъ всѣ эти неблагодарные, а теперь почти только однихъ такихъ и можно видѣть. За то я никуда не хожу. Остаюсь во дворцѣ съ 6 часовъ утра, работая съ Императоромъ, или одинъ, а въ полдень возвращаюсь къ себѣ, и болѣе уже не выхожу, кромѣ случаевъ прибытія курьера, или присылки отъ Е. И. В.—Ему льстятъ, но его не любятъ. У него милліоны подданныхъ, а преданныхъ ему людей мало. Дай Богъ, чтобъ ему не понадобились ихъ усердіе и кровь ихъ.

Наши фельдмаршалы заняты различно: князь Репнинъ освѣдомляется, кто въ милости при дворѣ, кто въ опалѣ; Каменскій колотитъ офицеровъ и кусаетъ солдатъ; Салтыковъ, президентъ, размышляетъ, выйдти ли ему въ отставку; другой Салтыковъ барышничаетъ лошадьми въ Кіевѣ; графъ Пушкинъ—ничего не дѣлаетъ.

7.

14 Января 1798 г. С.Петербургъ.

Новаго ничего нѣтъ, кромѣ истинно-французскаго примѣра неблагодарности со стороны принца Конде. Ему, для начала, дали 20.000 рубл. на серебро, домъ графа Чернышева и дачу на Петергофской дорогѣ; назначили ему съ семействомъ 70.000 р. ежегоднаго содержанія, и этотъ человѣкъ имѣлъ наглость спросить Императора, не будетъ-ли ему еще чего, и не забываютъ-ли, что онъ Бурбонъ. Съ нимъ обращаются невнимательно; но какъ это своего рода проходимецъ, герой и Французъ, то какъ-нибудь справится. Его величество король, повелитель его, скоро пріѣдетъ на жительство въ Митаву, гдѣ ему назначено пребываніе.

8.

22 Декабря 1798 г. С.Пбургъ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ отъѣзда курьера и приблизительно разсчитываю время, когда вы можете получить добрыя вѣсти, которыя онъ везетъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что Лондонскій дворъ поспѣшитъ принять условія, на которыхъ Императоръ такъ чистосердечно приглашаетъ его къ участію въ войнѣ противъ проклятаго племени. Сколько можно полагаться на расположеніе Европейскаго двора, Берлинскій, повидимому, вступаетъ искренно въ союзъ, и я думаю, что это очень благоразумно со стороны Прусскаго короля, владѣнія котораго въ сильной мѣрѣ подверглись нравственному зачумленію; а война, имѣющая столь важную цѣль, можетъ произвести только добро, либо доставленіемъ выгодъ странѣ, либо занимая собою умы. Надѣюсь, что все это уладится. Но главное и труднѣйшее, это Вѣнскій дворъ. Никогда между частными лицами не бывало такой недобросовѣстности, никогда не терялось столько времени въ недоумѣніи. Я склоненъ вѣрить, что, вопреки собственнымъ выгодамъ, не смотря на предполагаемый бракъ эрцгерцога-палатина съ великою княжною Александрою, они согласятся заключить отдѣльный миръ съ Франціею, лишь бы имъ предоставлены были нѣкоторыя льготы. Впрочемъ, мы съ возвращеніемъ курьера узнàемъ ихъ рѣшительную волю и намѣренія; ибо графу Разумовскому предписано, изложивъ Австрійскому министерству виды Императора, потребовать точнаго отвѣта для сообщенія, а въ случаѣ отказа дать почувствовать, что могутъ обойтись и безъ нихъ. Эта великая политическая наука не представляетъ ничего лестнаго для человѣческаго сердца и ума. При нашемъ дворѣ поступаютъ такъ честно, даже слишкомъ, а наши союзники только хитрятъ и стараются тормозить все, что̀ можно бы сдѣлать для блага Европы и даже человѣческаго рода.

Командиромъ дѣйствующаго корпуса будетъ князь Сергѣй Голицынъ [14]), который и поступилъ недавно вновь на службу. Дождутся отвѣта Берлинскаго двора и свѣдѣній о принятыхъ вами мѣрахъ, дабы выступить, смотря по обстоятельствамъ, куда укажутъ надобность и польза дѣла.

Князь Безбородко уѣхалъ вчера въ Москву. Онъ предполагаетъ пробыть тамъ до 20 Января. Это его конёкъ, и вы знаете, кàкъ онъ пристрастенъ къ мелочамъ [15]). Г. Кочубей управляетъ Коллегіей въ его отсутствіи. Такъ какъ Безбородкѣ болѣе нечего желать и лѣнь имъ овладѣваетъ, то, для благовиднаго предлога, онъ прикидывается недовольнымъ, говоря, что пришлетъ изъ Москвы письмо съ просьбою объ отставкѣ или подастъ такую просьбу по возвращеніи сюда. Не думаю, чтобъ его намѣреніе было окончательнымъ, ибо одно управленіе почтою составляетъ статью, недозволяющую

---

[14]) Князь Сергѣй Ѳедоровичь. См. ниже, на стр. 145, въ его бумагахъ.

[15]) Князь Безбородко отстроивалъ себѣ домъ въ Москвѣ, нынѣшнее Техническое Училище въ Нѣмецкой Слободѣ. *П. Б.*

помышлять объ оставленіи службы, когда нельзя дать отчета въ милліонахъ. Ему хотѣлось бы, чтобъ Императоръ либо не принялъ его просьбы, либо вновь призвалъ его, торжественно, по минованіи нѣкотораго времени. Но какъ въ просвѣщенной публикѣ всему находятъ причину, то все это мнимое неудовольствіе кн. Безбородки взвалили на меня, приписывая мнѣ виды на должность вице-канцлера, канцлера, и проч. Я имѣлъ объ этомъ продолжительный разговоръ съ Кочубеемъ; ибо насколько я равнодушенъ къ толкамъ публики, настолько дорожу мнѣніемъ людей, которыхъ уважаю. Я не могъ говорить Кочубею ни о поведеніи, ни о странныхъ поступкахъ его дяди (я уважаю его родственныя чувства), но я распространился о себѣ, и мое оправданіе ограничивается двумя пунктами. Я не намѣренъ быть вице-канцлеромъ, ибо не желаю этого мѣста и не столь безразсуденъ, чтобъ домогаться главнаго завѣдыванія дѣлами, когда едва только ознакомился съ ними. Время и послѣдствія лучше всего покажутъ, думаю ли я то, что̀ говорю. Я служу Императору съ неутомимымъ усердіемъ по долгу чести, воодушевляясь вѣрностью моей присягѣ и благодарностью за его милости. Онъ мой Государь, а я родился его подданнымъ. Предоставляю времени, исторіи и врагамъ его произнести надъ нимъ судъ; но я удерживаю за собою право давать самому себѣ отчетъ въ моемъ поведеніи, и поэтому обдумываю малѣйшіе свои поступки.

Вотъ знакъ благоволенія, оказанный Императоромъ. Посылаю вамъ списокъ командоровъ, произведенныхъ вчера съ совершеніемъ блестящаго обряда. Не могу достаточно нахвалиться поведеніемъ генералъ-прокурора Лопухина. Этотъ человѣкъ не знаетъ ни чванства, ни тщеславія, и притомъ такъ несчастливъ въ своемъ семействѣ! Какое жалкое положеніе для отца! Его жена—бездѣльница послѣдняго разряда. Она не обнаруживаетъ никакого желанія копить, но пользуется всѣмъ, по мѣрѣ силъ. Мнимый другъ г-на Лопухина, князь Гавріилъ Гагаринъ, никакъ не можетъ добиться того, чтобъ быть порядочнымъ человѣкомъ, и презрѣніе, заслуженное его прежнимъ поведеніемъ, имѣетъ вліяніе на малѣйшія обстоятельства, касающіяся его особы.

Гр. Сергѣй [16]) поссорился съ гр. Завадовскимъ по поводу облигацій Банка князя Куракина. Онъ не привыкъ видѣть, чтобы съ публикой обращались, какъ со сволочью и злоупотребляли именемъ Императора. Онъ спрашивалъ этихъ господъ: „Что̀ мнѣ дѣлать съ этою толпою, которая нахлынетъ, требуя отъ меня ассигнацій, какъ вы объявили на всю Россію?“ Ему отвѣчали: „Вамъ остается только ихъ прогнать“.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[16]) Т. е. графъ С. П. Румянцовъ.

ЖУКОВСКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

1827 годъ. Май. Іюнь.

I.

Жуковскій не долго былъ въ Парижѣ: всего, кажется, недѣль шесть. Не за веселіемъ туда онъ ѣздилъ и не на радость туда пріѣхалъ. Ему нужно было тамъ ознакомиться съ книжными хранилищами, съ нѣкоторыми учеными и учебными учрежденіями и закупить книги и другія спеціальныя пособія, для предстоящихъ ему педагогическихъ занятій. Онъ былъ уже хорошо образованъ, умъ его былъ обогащенъ свѣдѣніями; но онъ хотѣлъ еще практически доучиться, чтобы правильно, добросовѣстно и съ полною пользою руководствовать ученіемъ, которое возложено было на отвѣтственность его. Собственные труды его, въ это такъ сказать приготовительное время, изумительны. Сколько написалъ онъ, сколько начерталъ плановъ, картъ, конспектовъ, таблицъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ! Бывало, придешь къ нему въ Петербургѣ: онъ за книгою и дѣлаетъ выписки, съ карандашемъ, кистью или циркулемъ, и чертитъ, и малюетъ историко-географическія картины, и такъ далѣе. Подвигъ, терпѣніе и усидчивость по истинѣ, не нашего времени, а Бенедиктинскіе. Онъ наработалъ столько, что изъ всѣхъ работъ его можно составить обширный педагогическій архивъ. Въ эти годы, вся поэзія его, вся поэзія жизни сосредоточилась, углубилась въ эти таблицы. Не даромъ-же онъ когда-то сказалъ:

„Поэзія есть добродѣтель!"

Сама жизнь его была вполнѣ выраженіемъ этого стиха. Зиму 1826 года провелъ онъ, по болѣзни, въ Дрезденѣ. Съ нимъ были братья Тургеневы Александръ и Сергѣй. Сей послѣдній страдалъ уже душевною болѣзнью, развившейся въ немъ отъ скорби, въ слѣдствіе несчастной участи, постигшей брата его, Николая. Всѣ трое, въ Маѣ 1827 года, отправились въ Парижъ, гдѣ Сергѣй вскорѣ и умеръ.

Связь Жуковскаго съ семействомъ Тургеневымъ заключена была еще въ ранней молодости. Безпечно и счастливо прожили они годы ея. Все, казалось, благопріятствовало имъ: успѣхи шли къ нимъ на встрѣчу, и они были достойны этихъ успѣховъ. Вдругъ разразилась гроза. Въ глазахъ Жуковскаго опалила и сшибла она трехъ братьевъ, трехъ друзей его. Одинъ осужденъ законами и въ изгнаніи. Другой умираетъ пораженный скорбью, но почти безсо-

знательною жертвою этой скорби. Третій, Александръ, нѣжно любящій братьевъ своихъ, хоронитъ одного и, по обстоятельствамъ служебнымъ и политическимъ, не можетъ ѣхать на свиданіе съ оставшимся братомъ, который, сверхъ горести утраты, могъ себѣ еще попрекать, что онъ былъ невольною причиною смерти любимаго брата. Жуковскій остается одинъ сострадателемъ, опорою и охраною несчастныхъ друзей своихъ.

Въ письмахъ своихъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ онъ живо и подробно описываетъ тяжкое положеніе свое. Онъ не скрываетъ близкихъ и глубокихъ связей, соединяющихъ его съ Тургеневыми. И должно замѣтить: дѣлаетъ онъ это не спустя нѣсколько лѣтъ, а такъ сказать по горячимъ слѣдамъ, въ такое время, когда непріятныя впечатлѣнія 14-го Декабря и обстоятельствъ съ ними связанныхъ могли быть еще живѣе. И все это пишетъ онъ не стѣсняясь, ничего не утаевая, а просто отъ избытка сердца, и потому что онъ знаетъ свойства и душу той, къ которой онъ пишетъ. Вообще переписка Жуковскаго съ Императрицею и Государемъ, когда время позволитъ ей явиться въ свѣтъ, внесетъ богатый кладъ, если не въ офиціальныя, то въ личныя и нравственныя лѣтописи наши. „Нѣсть бо тайно еже не явится". Когда придетъ пора этому явленію, и то чтò пока еще почти современно перейдетъ въ область исторической давности, офиціальный Жуковскій не постыдитъ Жуковскаго-поэта. Душа его осталась чиста и въ томъ, и въ другомъ званіи. Пока можно сказать утвердительно, что никто не имѣлъ повода жаловаться на него, а что многимъ сдѣлалъ онъ много добра. Разумѣется, въ новомъ положеніи своемъ Жуковскій могъ изрѣдка имѣть и темныя минуты. Но когда-же и гдѣ и съ кѣмъ бываютъ вѣчно ясные дни? Особенно, такія минуты могли падать на долю Жуковскаго въ средѣ, въ которую нечаянно былъ онъ вдвинутъ судьбою. Впрочемъ не все тутъ было дѣломъ судьбы, или случайности. Призваніемъ своимъ на новую дорогу Жуковскій обязанъ былъ первоначально себѣ, то есть личнымъ своимъ нравственнымъ заслугамъ, дружбѣ и уваженію къ нему Карамзина и полному довѣрію Царскаго семейства къ Карамзину. Какъ-бы то ни было, онъ долго, если не всегда, оставался новичкомъ въ средѣ, опредѣлившей ему мѣсто при себѣ. Онъ вовсе не былъ честолюбивъ, въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Онъ и при дворѣ все еще былъ „Бѣлева мирный житель". Отъ него все еще пахло, чтобы не сказать благоухало, сельскою элегіей, которою началъ онъ свое поэтическое поприще. Но со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ щекотливъ, иногда мнителенъ: онъ былъ цвѣтокъ „не тронь меня"; онъ иногда приходилъ въ смущеніе отъ малѣйшаго дуновенія, которое казалось ему неблагопріятнымъ, именно потому, что онъ не родился въ той средѣ, которая окружала и обнимала его, и что онъ былъ въ ней пришлый и такъ сказать чужеземецъ. Онъ, для охраненія личнаго достоинства своего, бывалъ до раздражительности чувствителенъ, взыскателенъ, можетъ быть, иногда и не кстати. Переписка его, въ свое время, все это выскажетъ и обнаружитъ. Но между тѣмъ и докажетъ она, что всѣ эти *маленькія смущенія* были мимолетны. Искренняя,

глубокая преданность съ одной стороны, съ другой уваженіе и сочувствіе были примирительными средствами для скораго и полнаго возстановленія случайно или ошибочно разстроеннаго равновѣсія.

Мы выше уже сказали, что печальны и тяжки были впечатлѣнія, которыя встрѣтили Жуковскаго въ Парижѣ, въ этой всемірной столицѣ всѣхъ возможныхъ умственныхъ и житейскихъ развлеченій и приманокъ. Вотъ что писалъ онъ Императрицѣ:

Je passerai tout le mois de Juin à Paris; mais je sens que je ne profiterai pas autant de mon séjour, que je l'aurais pu faire avant notre malheur (т. е. смерти Тургенева). Говоря о собственномъ расположеніи своемъ въ эти дни грусти, онъ прибавляетъ: c'est comme une maladie de langueur, qui empêche de prendre aucun intérêt à ce qui vous entoure [1]).

Между тѣмъ жизнь беретъ, или налагаетъ свое. Движеніе шумъ и блескъ жизни пробуждаютъ и развлекаютъ человѣка отъ горя. Онъ еще груститъ, но уже оглядывается, слышитъ и слушаетъ. Внѣшніе голоса отзываются въ немъ. Жуковскій кое-что и кое-кого видѣлъ въ Парижѣ: и видѣлъ хорошо и вѣрно. Не смотря на недолгое пребываніе, онъ понялъ или угадалъ Парижъ. Онъ познакомился со многими лицами, между прочими, съ Шатобріаномъ, съ Кювье, съ философомъ и скромнымъ, но прекрасно-дѣятельнымъ филантропомъ Дежерандо. Но болѣе, кажется, сблизился онъ съ Гизо. Посредниками этого сближенія могли быть Александръ Тургеневъ и пріятельница Гизо, графиня Разумовская (иностранка). Впрочемъ самая личность Гизо была такова, что болѣе подходила къ Жуковскому, нежели многія другія извѣстности и знаменитости. Гизо былъ человѣкъ мысли, убѣжденія и труда: не рябилъ въ глаза блесками Французскаго убранства. Онъ былъ серьезенъ, степененъ, протестантъ вѣроисповѣданіемъ и всѣмъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ. Первоначальное образованіе свое получилъ онъ въ Женевѣ. Землякъ его по городу Ниму, извѣстный булочникъ и замѣчательный и сочувственный поэтъ, Ребуль, говорилъ мнѣ: и по слогу Гизо видно, что онъ прошелъ чрезъ Женеву. Гизо былъ человѣкъ возвышенныхъ воззрѣній и стремленій, свѣтлой и строгой нравственности и религіозности. Среди суетливаго и лихорадочнаго Парижа, онъ былъ такое лице, на которомъ могло остановиться и успокоиться вниманіе путешественника, особенно такого, какимъ былъ Жуковскій. Какъ политикъ, какъ министръ, почти управляющій Франціею, онъ могъ ошибаться; онъ ставилъ принципы, не въ мѣру выше дѣйствительности, а человѣческая натура и слѣдовательно человѣческое общество такъ несовершенны, такого слабаго сложенія, что грубая дѣйствительность, le fait accompli, совершившееся событіе налагаютъ свою тяжелую и побѣдоносную руку на принципы, на всѣ логиче-

---

[1]) Т. е. я проведу весь Іюнь мѣсяцъ въ Парижѣ, но чувствую, что пребываніемъ моимъ я не воспользуюсь, какъ бы я это сдѣлалъ до нашего несчастія. Это въ родѣ разслабляющей болѣзни, которая не дозволяетъ принимать какое нибудь участіе въ томъ, что̀ дѣлается вокругъ.

скіе расчеты ума и нравственныя начала. Но проигравъ политическую игру, онъ за карты уже не принимался: онъ уединился въ своемъ достоинствѣ, въ своихъ литтературныхъ трудахъ, въ своей семейной и тихой жизни. Не то что̀ бойкій и богатый блестящими способностями соперникъ и противникъ его по министерской и политической дѣятельности: тотъ также проигрался, но, находчивый и особенно искательный, онъ однакоже не могъ найти себѣ достойное убѣжище въ самомъ себѣ. Вертлявый, легко мѣняющій убѣжденія свои, онъ снова началъ играть по маленькой, чтобы отыграться и кончилъ тѣмъ, что связался съ политическими шулерами и опять доигрался до новаго проигрыша, до новаго паденія. Другія видныя лица въ Парижѣ, также не могли особенно привлечь Жуковскаго. Шатобріанъ, не смотря на свои геніальныя дарованія, былъ-бы для него слишкомъ напыщенъ и постоянно въ представительной постановкѣ. Поэтъ Ламартинъ, тогда еще не политикъ, не рушитель старой Франціи и не рѣшитель новой, былъ какъ-то сухъ, холоденъ и чопоренъ. По крайней мѣрѣ таковымъ показался онъ мнѣ, когда позднѣе познакомился я съ нимъ. Малыя сношенія мои, также позднѣе, съ Гизо были однакоже достаточны, чтобы объяснить и оправдать въ глазахъ моихъ сочувствіе къ нему Жуковскаго.

II.

Мы сказали выше, что Жуковскій, хотя и мимоходомъ, но ясно и вѣрно разглядѣлъ Парижъ. Выберемъ нѣкоторыя отмѣтки изъ дневника его.

Камера депутатовъ. Равель, предсѣдатель, благородная, красивая наружность. Предсѣдательствуетъ съ большимъ достоинствомъ и отмѣннымъ навыкомъ. Засѣданіе было не весьма интересно. Взошелъ на каѳедру Себастьяни. Онъ ужасно декламировалъ и декламируя горячился. Il parle en acteur. Отъ непривычки къ дебатамъ (преніямъ) Французы видятъ въ трибунѣ сцену, въ себѣ актеровъ, а въ посѣтителяхъ партеръ. Нѣтъ ничего столь мало убѣдительнаго, какъ пышное краснорѣчіе. Одна ясность, одно краснорѣчіе положительное и самобытное (l'éloquence des choses), одно вдохновеніе вспыхнувшее разомъ и неподготовленное, могутъ произвести дѣйствіе и, что̀ называется, de l'effet. Тѣже недостатки, которые господствуютъ въ палатѣ депутатовъ, поражаютъ васъ и въ театрѣ. Съ другой стороны, казалось-бы, что Французы рождены для публичныхъ преній. Никто не ловитъ на лету такъ легко, какъ Французъ, каждую мысль, каждое слово. Я это часто замѣчаю на улицѣ. Спросишь прохожаго о чемъ нибудь: тотчасъ готовъ отвѣтъ, самый короткій, ясный и приличный. Les Français pourraient être très-éloquents, si le désir de produire de l'effet ne détruisait pas l'effet (Французы могли-бы быть очень краснорѣчивы, если бъ желаніе метить на *эффектъ* не убивало эффекта)". Замѣчаніе остроумное и глубоко-вѣрное.

Далѣе: „Сей даръ быстрой понятливости и живой воспріимчивости составляетъ главную принадлежность характера ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ недостатковъ. Натура, при этомъ, какъ будто

лишила ихъ потребности углубляться въ предметы, потому что они такъ легко постигаютъ и схватываютъ ихъ. Надобно имѣть большой навыкъ слушать и удерживать въ памяти слышанное, чтобы съ пріятностью слѣдовать за дебатами. Я очень многаго не слыхалъ, многаго и не слушалъ, а смотрѣлъ на слушающихъ. Изъ министровъ были Виллель, Корбьеръ, Пэроне и Шаброль. На сторонѣ министровъ большинство. Но не смотря на то, во время засѣданій, имъ крѣпко достается: въ глаза судятъ ихъ безъ пощады. Эти часы должны быть для нихъ тяжелы; но, кажется, они къ этой пыткѣ уже привыкли".

„Не смотря на свой Гасконскій выговоръ, Виллель говоритъ пріятно, ибо просто, и рѣдко позволяетъ себѣ фразы. Его антагонистъ (Гидъ-де Нёвиль) горячился какъ ребенокъ".

„Бенжаменъ Констанъ напоминаетъ Фридриха *). Прекрасный профиль, худощавъ, нѣсколько неуклюжъ, говоритъ безъ претензіи, но хорошо, ибо также не дѣлаетъ фразъ".

„Былъ у Дежерандо. Онъ живетъ въ глухомъ переулкѣ. Горница, въ которой мы были, весьма небольшая; стѣны покрыты рисунками видовъ изъ Италіи. Есть и картины, между коими особенно замѣтны Волхвы и Святое Семейство Перужжіо". (Жуковскій былъ страстный любитель и хорошій знатокъ живописи. Эта любовь встрѣчается и сильно отзывается въ поэзіи его: живописное выраженіе его всегда вѣрно и превосходно). „На столѣ стоитъ прекрасный бюстъ хозяина, работы Кановы, и бронзовой Наполеона, также Кановы. Дежерандо, лице добраго философа. Нѣсколько разсѣянъ и задумчивъ, привлекательной внѣшности. Онъ повелъ насъ въ школу глухо-нѣмыхъ. Пробыли въ ней слишкомъ короткое время: съ охотою Тургенева (Александра) торопиться нельзя ничего видѣть и слышать. Вотъ въ какомъ порядкѣ устроиваются отношенія между наставниками и воспитанниками. Начальныя основанія: языкъ движеній и соединеніе понятій съ письменными знаками. Сами воспитанники выдумываютъ свои знаки. Понятія о временахъ: знакъ рукою впередъ—будущее; знакъ рукой предъ собою—настоящее: знакъ рукою за себя—прошедшее. Въ высшихъ классахъ сами воспитанники помогаютъ учителямъ и служатъ монитерами. Но, что̀ меня наиболѣе поразило, то была дѣвушка глухо-нѣмая отъ рожденія и ослѣпшая на 13-мъ году. Теперь ей болѣе 13-ти лѣтъ. Въ этомъ состояніи полнаго *одиночества*, она не только сохранила первыя воспоминанія, но и пріобрѣла новыя понятія. Она счастлива внутреннею жизнью, которая вся религіозная. Правда, она окружена такими людьми, которые могутъ съ нею выражаться посредствомъ осязанія и которымъ можетъ она знаками сообщать мысли свои и отвѣты. Дежерандо взялъ ее за руку. Она его узнала въ минуту и выразила знаками, положивъ руку на сердце, что это онъ. Спросили, любитъ-ли ее Дежерандо. Она отвѣчала утвер-

---

*) Т. е. живописца Фридриха, которому Жуковскій покровительствовалъ.

дительно и прибавила, что сама очень любитъ его. Я взялъ ее за руку. Спросили: Кто? Она отвѣчала, что не знаетъ. Знаками сказали, что я учитель Великаго Князя Наслѣдника Русскаго престола. Она поняла.—Спрашивается: что̀ бы она была, есть-ли бы не пользовалась 13 лѣтъ зрѣніемъ? Теперь предметы имѣютъ для нея нѣкоторую форму; тогда эту форму сообщило-бы ей воображеніе. Они не были-бы сходны съ существеннымъ; но все каждый предметъ имѣлъ-бы свой отдѣльный, ясный знакъ, и все-бы могъ существовать языкъ для выраженія мысли, ощущенія: ибо языкъ есть выраженіе внутренней жизни и отношеній къ внѣшнему. Здѣсь торжествуетъ душа".

„Былъ на лекціи Вильменя. Превосходно о Генріадѣ и Эпопеѣ. Ораторъ говорилъ о другихъ эпическихъ поэтахъ, представляя ихъ исторію и исторію ихъ генія: изобразилъ то чѣмъ Вольтеръ не былъ и то чѣмъ онъ былъ. Превосходное изображеніе Данте и Камоэнса. Сравненіе Вольтера съ Луканомъ (Латинскій поэтъ, авторъ поэмы: Фарзалія). Вильмень говоритъ: эпическая поэма есть выраженіе мысли всего народа, цѣлой эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее твореніе великаго генія. Происхожденіе Генріады, не вѣкъ Генриха IV, а Вольтеровъ вѣкъ".

„Поутру писалъ къ Императрицѣ. Обѣдалъ у Гизо.—Французы умѣютъ схватывать смѣшное и выражать его. Они этимъ наслаждаются. Мистификація есть важное дѣло для Француза, но онъ незлостно-насмѣшливъ (malicieux). У насъ десятой части нельзя того сдѣлать, что̀ дѣлаютъ здѣсь, не бывъ осмѣяннымъ". (Разумѣется, Жуковскій говоритъ здѣсь не о нравственныхъ поступкахъ, а объ ежедневныхъ явленіяхъ жизни: chez nous on cherche à tourner en ridicule. Ici on est bienveillant: on n'attaque que la prétention). Вотъ также вѣрная и схваченная на лету замѣтка.

Парижъ самый гостепріимный, снисходительный городъ. Хозяева даютъ гостямъ полную волю жить какъ угодно и дѣлать что угодно. Не то что въ Англіи и особенно въ Лондонѣ. Парижъ издавна такое скопище иностранцевъ и заѣзжихъ, что онъ успѣлъ ко всѣмъ и ко всему приглядѣться. Послѣ Лондона, едва-ли не Петербургъ самый взыскательный и самовластительный городъ. Мы иностранцевъ любимъ и во многомъ подражаемъ имъ, простой народъ также къ нимъ привыкъ; но мы вообще готовы подсмѣивать ихъ, во всѣхъ обычаяхъ и повадкахъ, которые еще не успѣли у насъ обрусѣть и получить право гражданства. Французъ человѣкъ веселый; Русскій насмѣшливый. Французъ иногда осмѣиваетъ, но потому, что онъ смѣется; Русскій смѣется потому, что онъ осмѣиваетъ. Но пойдемъ опять въ слѣдъ за Жуковскимъ.

„Поутру въ засѣданіи полиціи исправительной (police correctionnelle). Дѣло студентовъ медицины. Предсѣдатель Дюфуръ. Вопросы неясные и сбивчивые. Тонъ грубый. Образъ распросовъ очень пристрастенъ. Неприличіе смѣшивать политическое съ полицейскимъ. Краснорѣчіе Французовъ всегда *тенденціозно*".

Жуковскій въ Парижѣ усердно посѣщалъ театры. Онъ вообще любилъ театръ, а въ Парижѣ театръ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь способствуетъ изученію народа, нравовъ, обычаевъ, уровня умственныхъ и духовныхъ силъ и свойствъ современнаго общества. Сказано было, что литтература выраженіе общества; это такъ, но не вполнѣ и не всегда. Театръ скорѣе имѣетъ право присвоить себѣ это опредѣленіе. Литтература говоритъ, драма дѣйствуетъ. Литтература картина, театръ зеркало. Это особенно примѣняется къ Парижу. Въ старину, Расинъ геніально выразилъ царствованіе Людовика XIV-го съ пышностью его, рыцарствомъ, поклоненіемъ женщинъ, со всею его царедворческою обстановкою. Въ вѣкъ Вольтера драма была преимущественно философическая. Нынѣ Корнели, Расины, Мольеры не родятся. Есть таланты въ обращеніи, но эти монеты до потомства не дойдутъ: онѣ не обратятся въ медали. Нѣтъ уже классическаго чекана, а романтическаго и не бывало. Драмы В. Гюго пародія на романтизмъ. Парижскій театръ нынѣ есть что-то въ родѣ café chantant. А между тѣмъ все Парижское народонаселеніе живетъ утромъ политическими журналами, а вечеромъ спектаклями. Одинъ изъ главныхъ представителей нынѣшняго театра, Дюма-сынъ, все вертится около женщинъ полусвѣта, или полумрака, и около седьмой заповѣди. И не такъ, какъ дѣлали старики добраго минувшаго времени, чтобы посмѣяться и поповѣсничать, а съ доктринерскою важностью, съ тенденціозностью, съ притязаніями на ученье новой нравственности. Уморительно-скучно въ исполненіи: уморительно смѣшно въ преднамѣреніи.

Вотъ нѣкоторыя театральныя выдержки изъ дневника Жуковскаго. Кажется, чуть-ли не въ первый день пріѣзда его былъ онъ во Французской оперѣ. „Давали La prise de Corinthe, оперу Россини. Музыка оперы прекрасная, но не новая: все слышанное въ другихъ операхъ его. Пѣніе Французовъ, послѣ Итальянцевъ, кажется крикомъ; въ ихъ пѣніи болѣе декламаціи: все что мелодія—крикъ. Но я слушалъ съ удовольствіемъ пѣвца Нурри. Въ игрѣ Французовъ вообще замѣтно желаніе производить эффектъ жестами и ихъ разнообразіемъ. У Нѣмцевъ иногда слишкомъ явное стараніе рисоваться, но игра ихъ вообще проще. Французы скрываютъ свое кокетство лучше, но за то они безпрестанно на сценѣ. Все картина".

„Балетъ Joconde. Танцы прелестны, но болѣе всего апплодируютъ сильнымъ прыжкамъ".

„Во Французскомъ театрѣ Адамитъ и Зенобія (трагедія старика Кребиньона, переведенная у насъ, кажется, Висковатовымъ: „Висковатый предъ Кребильономъ виноватый", сказалъ во время оно В. Л. Пушкинъ). Трагедія теперь въ упадкѣ. Дюшенуа произвела надо мною непріятное впечатлѣніе. Она старуха. И не могу вообразить, чтобы когда нибудь могла быть великою актрисою". (Мнѣніе Жуковскаго не соглашается здѣсь съ общимъ Парижскимъ и почти Европейскимъ мнѣніемъ. Дюшенуа не красива была собою, а между тѣмъ, по отзыву многихъ, соперничала съ красавицею Жоржъ, и въ нѣкоторыхъ роляхъ даже побѣждала ее. Жуков-

скій въ молодости былъ поклонникомъ актрисы Жоржъ, во время бытности ея въ Москвѣ. Можетъ быть, не хотѣлъ онъ и не могъ измѣнить своимъ прежнимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ). „Да въ трагедіяхъ Французскихъ нельзя быть *актеромъ* (то есть *дѣйствующимъ лицемъ*, хотѣлъ сказать Жуковскій). Все дѣло состоитъ въ декламаціи стиховъ, а не въ изображеніи всего характера съ его *нюансами*, ибо такихъ характеровъ нѣтъ въ трагедіяхъ Французскихъ. Ихъ лица суть не что иное какъ представители какой нибудь страсти. Какъ въ басняхъ Левъ представляетъ мужество, Тигръ жестокость, Лисица хитрость, такъ напримѣръ Оросманъ, Ипполитъ, Орестъ представляютъ любовь въ разныхъ выраженіяхъ; но характеръ человѣка тутъ не видѣнъ. Отъ этого великое однообразіе въ піесахъ и въ игрѣ актеровъ. Актеръ дóлженъ много творить отъ себя, чтобы дать своей ролѣ что нибудь человѣческое. Таковъ былъ одинъ Тальма. За трагедіей слѣдовала забавная комедія: Le jeune mari. Въ комедіи Французы не имѣютъ соперниковъ. Удивительный ensemble“.

Нельзя вниманію не остановиться на меткомъ и бѣгломъ, но глубоко обдуманномъ сужденіи о Французскомъ театрѣ вообще, и о Французской трагедіи въ особенности. Какъ жаль, что Жуковскій не имѣлъ времени или охоты посвятить себя трудамъ и обработкѣ критики. Изъ него вышелъ-бы первый, чтобы не сказать единственный учитель нашъ въ этой важной отрасли литтературы, которая безъ нея почти мертвый, или неоцѣненный капиталъ.

„Меропа. Засталъ послѣднюю сцену и не пожалѣлъ. M-lle Duchenois не говоритъ моему сердцу. Дебютантъ Varlé (кажется такъ, въ рукописи не хорошо разберешь) въ ролѣ Эгиста—несносный крикунъ. За то и партеръ безъ вкуса. Апплодируютъ тому чтò надобно освистывать. Исмена была какъ бѣшеная въ описаніи того, чтò происходило во храмѣ, чтò совершенно противно натурѣ. А партеръ все таки хлопаетъ, ибо каждый стихъ отдѣльно былъ выраженъ съ пышностью. Франція не имѣетъ трагедіи; она во гробѣ съ Тальмою: онъ одинъ оживлялъ пустоту и сухость напыщенныхъ Французскихъ трагедій“. О Тальмѣ Жуковскій говоритъ на основаніи общихъ отзывовъ и сужденій о превосходной и новыми понятіями обдуманной игрѣ этого актера. Застать его онъ уже не могъ: Тальма умеръ въ 1826 году.

Возвращаясь къ несочувственнымъ впечатлѣніямъ Жуковскаго, скажу и я, по воспоминаніямъ молодости, что игра актрисы Дюшенуа могла и не нравиться Жуковскому, особенно въ ролѣ Меропы, потому что m-lle Georges была великолѣпна именно въ этой ролѣ.

(Хотя и не совсѣмъ кстати, а не могу утерпѣть, не передать здѣсь одно преданіе. Одна Московская барыня, восхваляя Жоржъ, говорила, что особенно поражена она была вдохновеніемъ и величавостью ея, когда въ ролѣ Федры сказала она:

Mérope est à vos pieds).

„Давали La dame blanche. Музыка Боельдьё прелестная, но піеса глупая“.

„Театръ Федо. L'amant jaloux. Музыка Гретри. (Представленная въ первый разъ въ 1778 г.). Музыка еще не устарѣла“.

„Въ Théâtre Français: Le Cid. Почтенный старикъ Корнель. Простота и сила его стиховъ. Нѣтъ характера. Одни отрывки. Всѣ говорятъ поочереди. Многое прекрасно, часто не къ мѣсту. Послѣ комедія: Les trois quartiers. Простодушіе Жоржеты, благородная вѣжливость графини, пошлость негоціанта, безцеремонность банкира (ton dégagé), пошлость и плоскость выскочки (parvenu), гибкость прихлебателя (la souplesse du parasite), все было выражено въ совершенствѣ. Смотрѣть и слушать истинное наслажденіе“.

Этимъ заключимъ мы выдержки изъ Парижскаго дневника Жуковскаго. Разумѣется, видѣлъ онъ все что только достойно вниманія: библіотеки, музеи, картинныя галлереи; тутъ онъ съ любовью смотритъ и записываетъ все, что̀ видѣлъ — зданія, храмы, различныя учрежденія и проч. Дневникъ его не систематическій и не подробный. Часто отмѣтки его просто колья, которые путешественникъ втыкаетъ въ землю, чтобы означить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которыя записываетъ онъ для памяти, чтобы послѣ на досугѣ развить и пополнить. Можетъ статься, Жуковскій имѣлъ намѣреніе собрать когда нибудь замѣчанія и впѣчатлѣнія свои и составить изъ нихъ нѣчто цѣлое. Не рѣдко встрѣчаются у него отмѣтки такого рода: „у Свѣчиной: разговоръ о Пушкинѣ“. „Съ Гизо о Французскихъ мемуарахъ“. Тутъ-же: „Онъ вызвался помочь мнѣ въ пріисканіи и покупкѣ книгъ“. „Разговоръ о политическихъ партіяхъ: крайняя лѣвая сторона подъ предводительствомъ Лафайета, Лафита, Бенжаменъ-Констана. Крайняя правая сторона: аристократія согласна сохранить хартію, но съ измѣненіями. За республику большая часть стряпчихъ, адвокатовъ, врачей, особенно въ провинціи“.

Иногда ограничивается онъ именными списками. Напримѣръ:

„Обѣдъ у посла. Комната съ Жераровыми амурами (Gerard знаменитый Французскій живописецъ). Портретъ Государя Доу. Великолѣпный обѣдъ. Виллель, Дамасъ, Корбьеръ, Клермонъ-Тоннеръ, Талейранъ; фельдмаршалъ Лористонъ, Папскій нунцій, весь дипломатическій корпусъ; изъ Русскихъ: Чичаговъ, Кологривовъ (братъ кн. Александра Николаевича Голицына), кн. Лобановъ (вѣроятно извѣстный нашъ библіофилъ и собиратель разныхъ коллекцій), Диковъ, князья Тюфякинъ, Долгоруковъ, графъ Потоцкій“.

Жуковскій не лѣнивъ былъ сочинять, но писать былъ лѣнивъ, напримѣръ письма. Работа, рукодѣлье писанія были ему въ тягость. Съ начала велъ онъ дневникъ свой довольно охотно и горяче; но позднѣе этотъ трудъ потерялъ прелесть свою. Замѣтки его стали короче, а иногда и однословны. Это очень понятно. Кажется, надобно имѣть особенное сложеніе, физическое и нравственное, совершенно особую натуру, чтобы постоянно и акуратно вести свой дневникъ, изо дня въ день. Не каждый одаренъ свойствомъ пріятеля Жуковскаго, Александра Тургенева: этотъ прилежно записывалъ каждый свой шагъ, каждую встрѣчу, каждое слово имъ слы-

шанное. Къ нему также примѣняется мѣткое слово Тютчева о другомъ нашемъ любознательномъ и методическомъ пріятелѣ: „Подумаешь, что господь Богъ поручилъ ему составить инвентарій мірозданія". Въ журналахъ-фоліантахъ, оставленныхъ по себѣ Тургеневымъ, вѣроятно можно было-бы отыскать много поясненій и пополненій къ краткому дневнику Жуковскаго.

Выписываемъ еще одну замѣтку, которая не вошла въ рамы вышеприведенныхъ выдержекъ; но она, кажется довольно оригинальна.

„Палерояль есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Это образчикъ всей Французской сивилизаціи, всего Французскаго характера. Взгляни на афиши и познакомишься съ главными нуждами и сношеніями жителей; взгляни на товары—получишь понятіе о промышленности; взгляни на встрѣчающихся женщинъ и получишь понятіе о нравственной физіономіи. Колонны Палерояля, оклеенныя афишами, могутъ познакомить съ Парижемъ. Удивительное искусство привлекать вниманіе размѣщеніемъ товаровъ и даже наклейкою аффишъ".

Совершенно вѣрно и понынѣ. Французы мастера хозяйничать и устраиваться дòма. Они, кажется, вѣтренны; но порядокъ у нихъ, часто ими разстроенный, снова и скоро возстановляется, по крайней мѣрѣ въ вещественномъ, внѣшнемъ отношеніи. Послѣ Іюльской революціи 30-го года, Пушкинъ говорилъ: „Странный народъ! Сегодня у нихъ революція, а завтра всѣ столоначальники уже на мѣстахъ, и административная махина въ полномъ ходу".

Поговорка: товаръ лицемъ продается, выдумана у насъ, но обращается въ дѣйствительности у Французовъ. Въ торговлѣ примѣняется она у насъ только къ обману и къ надувательству; но вообще она мертвая буква. Мы и хорошее не умѣемъ приладить къ лицу. О худомъ и говорить нечего: мы не только не способны скрасить его, а еще угораздимся показать его хуже чѣмъ оно есть.

Быть въ Парижѣ, посѣщать маленькіе театры и не затвердить нѣсколько каламбуровъ, дѣло не сбыточное. Вотъ и ихъ занесъ нашъ путешественникъ въ свой дневникъ. Для соблюденія строгой точности и мы впишемъ ихъ въ свои выдержки.

Въ комедіи: Глухой или полная гостинница, актеръ спрашиваетъ:

Que font les vaches à Paris?
—Des vaudevilles (des veaux de ville).
Quel est l'animal le plus âgé?
—Le mouton, car il est l'ainé.
(*laine*, шерстистый)".

Жуковскій не пренебрегалъ этими глупостями. И самъ бывалъ въ нихъ искусникъ.

Теперь заключимъ переборку нашу выпискою, въ которой показывается не Парижскій Жуковскій, а просто человѣкъ. Вся замѣтка не многословная, но знаменательная и характеристическая:

„*Споръ съ Тургеневымъ и моя безсовѣстная вспыльчивость*".

За что былъ споръ, неизвѣстно; но по близкому знакомству съ обоими, готовъ я поручиться, что задирщикомъ былъ Тургеневъ. Жуковскій, въ увлеченіи пренія, иногда горячился; но Тургеневъ, безъ прямой горячности въ спорѣ, позволялъ себѣ сознательно и умышленно быть иногда задорнымъ и колкимъ. Онъ, какъ будто, признавалъ эти выходки принадлежностями и обязанностями независимаго характера. Эта стычка между пріятелями не могла, разумѣется, оставить по себѣ злопамятные слѣды. Но покаяніе добраго и мягкосердаго Жуковскаго въ *безсовѣстной вспыльчивости* невольно напоминаетъ мнѣ басню Лафонтена, въ переводѣ Крылова: Моръ Звѣрей. Смиренный и совѣстливый Волъ кается:

„Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ".

Теперь придется и мнѣ сдѣлать предъ читателемъ маленькую исповѣдь, какъ для очистки своей совѣсти, такъ въ особенности для очистки Жуковскаго. Нѣкоторыя изъ бѣглыхъ замѣтокъ его писаны на Французскомъ языкѣ. Впрочемъ ихъ немного. Не знаю, какъ и почему, въ работѣ моей, переводилъ я ихъ иногда на бѣло порусски. Нечего и говорить, что я строго держался смысла подлинника; но, вѣроятно, выражалъ я этотъ подлинникъ не такъ, какъ-бы выразилъ его самъ Жуковскій. Въ томъ нижайше каюсь.

Дневникъ Жуковскаго кое-гдѣ иллюстрированъ рисунками или набросками пера его: такъ, напримѣръ Théâtre Français и другіе очерки, которые трудно разобрать. Вообще Жуковскій писалъ, хотя и некрасиво, но четко, когда прилагалъ къ тому стараніе; но про себя писалъ онъ часто до невозможности неразборчиво.

Князь Вяземскій.

Гомбургъ предъ высотами
Февраль 1876.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. С. ХОМЯКОВѢ.

По поводу напечатаннаго въ Русскомъ Архивѣ письма А. С. Хомякова къ графу Ростовцову объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи (1876, I, 277—296), въ памяти моей возникла во всей своей цѣльности привлекательная и обаятельная личность Алексѣя Степановича, въ знаменательное для Россіи время послѣ Крымской войны, въ дни вѣнчанія на царство Государя, въ пору намѣчавшихся преобразованій, для которыхъ добрый и бодрый труженикъ внесъ въ область Русской мысли столько свѣтлыхъ лучей, но которыхъ осуществленія ему не судилъ Богъ дождаться (Хомяковъ умеръ 23 Сентября 1860).

Кто изъ насъ не помнитъ его оживленной бесѣды, его быстрыхъ, всегда мѣткихъ отзывовъ, его живаго, всегда, даже въ шуткѣ, осмысленнаго и властнаго слова; его милаго, умнаго лица, такъ свѣтло выглядывавша-

го изъ подъ спутанной прически, поверхъ коричневаго халата, часто открывавшагося при быстрыхъ движеніяхъ, сопровождавшихъ бойкую рѣчь; подвижность его чертъ, эту хорошую его улыбку и добро-смѣющіеся глаза.

Хорошъ онъ былъ въ Августѣ и Сентябрѣ 1856 г., когда звучала, звѣнѣла, дробилась и лилась его рѣчь въ маленькомъ кабинетѣ, въ обществѣ со всей Россіи собравшихся людей, легко дышавшихъ въ очищенномъ Крымскою грозою воздухѣ, вѣровавшихъ и убѣжденныхъ въ близости всего добра, осуществившагося въ двадцать протекшихъ съ того времени лѣтъ. Въ этотъ маленькій кабинетъ Хомяковскаго дома на Собачьей площадкѣ приливалъ въ то время весь дѣловой умъ Русской земли. *Крѣпостники* и *Декабристы*, которыхъ Хомяковъ считалъ впрочемъ солидарными между собою; *Тотлебенъ*, съ разсказомъ о корпусномъ начальникѣ, нашедшемъ свою часть разстроенною послѣ войны, въ смыслѣ фронта, и увѣрявшемъ, что вотъ теперь-то начинается служба, и что онъ всѣхъ ихъ подтянетъ; *князь В. И. Васильчиковъ*...; *Н. В. Шеншинъ*, съ впечатлѣніями Финляндскихъ шкеръ и Севастополя и съ постоянной сердечной заботой кому нибудь оказать пользу; Графъ *А. К. Толстой*, съ повѣствованіемъ о неудачной просьбѣ оставить ему, при свитскихъ аксельбантахъ, ополченскій кафтанъ. Взрывъ хохота при разсказѣ милаго хозяина о томъ, какъ графъ *А. А. Закревскій* прислалъ отобрать отъ него подписку, чтобы онъ не являлся въ публику въ неприличномъ нарядѣ (ген. губернаторъ разумѣлъ отечественную одежду, которую такъ уважалъ, за ея климатическую пригодность, Алексѣй Степановичъ). Преосв. *Иннокентій* Херсонскій съ ясною и изящною рѣчью о необходимости разумныхъ дѣйствій по отношенію къ придунайскимъ старообрядцамъ, при отходѣ отъ насъ всего Придуная.... Въ живописныхъ народныхъ одеждахъ послы отъ Болгарскихъ поселеній, стоившихъ столько пота и крови, а намъ столько заботъ и денегъ и оторванныхъ отъ Русскаго владѣнія вмѣстѣ съ придунайскою Бессарабіей, вмѣстѣ съ крѣпостями, взятыми Суворовымъ, вмѣстѣ съ памятникомъ близъ Волканешти, воздвигнутымъ побѣдѣ графа Румянцева. *Кто-то* изъ Виленскихъ помѣщиковъ, увѣрявшій, что крестьянъ нужно освободить безъ земли, ибо безъ пролетаріата не разовьется въ Россіи сельское хозяйство, при чемъ онъ совершенно степенно доказывалъ, что мужику большой надѣлъ будетъ обременителенъ и что мужикъ долженъ непремѣнно ѣсть хлѣбъ съ мякиною: ибо, при неимѣніи мяса, мякина совершенно его замѣнитъ, заключая въ себѣ достаточное количество фосфорина.

Я далеко убѣжалъ съ воспоминаніями, но они не безъ связи съ тѣмъ, что мнѣ особенно напомнило напечатанное въ Русскомъ Архивѣ письмо А. С. Хомякова объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи.

Шла зима 1857—1858 года. По всей Россіи уже разнесся благовѣстъ Высочайшихъ рескриптовъ либеральнѣйшимъ Виленчукамъ, по поводу высказаннаго ими черезъ В. И. Назимова желанія освободить крестьянъ отъ подданства (и отъ земли). За Вильною высказался Петербургъ. Въ Москвѣ праздновались высочайшіе рескрипты. Помнится, время было ужасно похоже на Свѣтлое Воскресенье. Движеніе въ городѣ, и ѣзда, и разговоры были чрезвычайные.

У В. А. Кокорева былъ данъ памятный обѣдъ, первый торжественный обѣдъ съ рѣчами. На этотъ обѣдъ повезъ меня Алексѣй Степановичъ и, познакомивъ съ хозяиномъ, сталъ (какъ теперь помню, возлѣ двери въ столовую) знакомить съ бывшимъ Декабристомъ М. М. Нарышкинымъ, только что возвратившимся изъ долгаго отсутствія.

Въ большомъ кабинетѣ, обращенномъ въ столовую, ярко освѣщенную, съ портретами, въ цвѣтахъ, Государя Императора и Государя Цесаревича, длинный, покоемъ, обѣденный столъ, сверкавшій серебромъ и хрусталемъ. Чуть ли не съ перваго кушанья Шампанское, заздравія и рѣчи. Рѣчи М. П. Погодина, А. И. Кошелева, Ю. Ѳ. Самарина, А. Н. Карамзина, самаго хозяина, и другихъ, и другихъ. На право отъ меня сидѣли князь Ю. А. Оболенскій, Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ и потомъ новый мой знакомый Михаилъ Михаиловичъ Нарышкинъ, который, по часту, перегнувшись чрезъ раздѣлявшихъ насъ собесѣдниковъ, подъ шумъ говора, обращалъ ко мнѣ свою живописную рѣчь, полную воспоминаній объ обстоятельствахъ тридцатилѣтней жизни въ далекой ссылкѣ, при чемъ онъ указывалъ на великую разницу въ общественныхъ условіяхъ тогда и теперь, и вспоминалъ съ грустію о умершихъ сожителяхъ, не дождавшихся зари наступавшаго дня. И, при одномъ изъ самыхъ восторженныхъ заздравій В. А. Кокорева, старецъ-Нарышкинъ протянулъ ко мнѣ, чрезъ сосѣдей насъ раздѣлявшихъ, свой бокалъ, приглашая выпить „въ память тѣхъ, которые были родителями мысли, нынѣ получающей право гражданства и готовой осуществиться“.—Полно, полно, дядюшка, остановилъ его Алексѣй Ивановичъ: вовсе не того хотѣли они тогда.—„Да и не могли додуматься до земельнаго надѣла (подхватилъ Алексѣй Степановичъ) люди, знакомые съ одною безземельною, *мякинною* свободою, образцовъ коей они насмотрѣлись въ Конгресовкѣ и въ ея воспріемницѣ отъ латинства—Европѣ“.

Дня чрезъ два, утромъ, пришелъ я къ Алексѣю Степановичу и засталъ его лежащимъ.

„Я провелъ безсонную ночь (началъ онъ тотъ же часъ); думалъ, думалъ, и дошелъ почти до лихорадки. Все сочинялъ манифестъ, который бы я, на мѣстѣ верховной власти, издалъ по случаю освобожденія крестьянъ. Я началъ бы такъ: „Дворянство проситъ освободить крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ... Оно, понимаете, и не проситъ вовсе о томъ; но вотъ гдѣ проявляется польза и сила самодержавія. Верховная власть спасаетъ свое вѣрное дворянство отъ всякихъ случайностей и ставитъ его на ноги, ставитъ его высоко въ глазахъ его собственныхъ, и въ глазахъ всего земства“. И Хомяковъ принялся, съ цифрами и доводами, излагать весь планъ одновременнаго, безпереходнаго состоянія—ибо слово *переходъ* можетъ темныхъ людей ввести въ заблужденіе (пояснялъ онъ, щурясь въ усмѣшку),—планъ скораго и осторожнаго перевода всѣхъ крестьянъ изъ состоянія крѣпостнаго въ состояніе свободныхъ общинныхъ землевладѣльцевъ, съ удовлетвореніемъ помѣщика соотвѣтственною выкупною суммою. „И землевладѣніе, понимаете, да еще и общинное, необходимо, чтобы избавить крестьянъ отъ искушенія мякинной свободы, а насъ всѣхъ отъ исключительно-грошовыхъ отношеній къ освобождаемому крестьянству“...

Я слушалъ, слушалъ и, вспомнивъ все огромное большинство „непросящихъ“, замѣтилъ: „А развѣ васъ не тревожитъ мысль о противодѣйствіяхъ, недовольствѣ, опасности“?..

—Противодѣйствіе? Недовольство?—И Хомяковъ всѣмъ лицомъ засмѣялся. „Случалось вамъ вѣрно въ хорошее Октябрьское утро наѣзжать рысака? Вспомните: по гладкой, замерзшей полевой дорогѣ, сильно влача бѣговыя дрожки, полнымъ ходомъ несется красивый, гордый своимъ бѣгомъ рысакъ. Звонко, въ ладъ, безъ перебоя, отбиваютъ его копыта по твердой почвѣ. Впереди, за канавою, на озими, скрипитъ зубами, жуя сочную зелень, стадо барановъ. Заслышавъ бѣгъ, все стадо поднимаетъ

и поворачиваетъ головы, продолжая жевать; выступаетъ передовой, и тоже жуя, и тоже испуганно глядя на приближающагося красавца, безсознательно топаетъ ножкой; и все стадо, въ ладъ, принимается топать ножками. Уже рысакъ давно промчался, а бараны все еще глядятъ ему во слѣдъ, жуютъ, жмутся другъ къ дружкѣ, и все топаютъ, топаютъ... топаютъ"....

А. Рачинскій.

Москва, 18 Апрѣля 1876.

ЕЩЕ О ДНЕВНИКѢ ХРАПОВИЦКАГО.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

Благодарю васъ за отповѣдь вашу о Дневникѣ Храповицкаго. Но позвольте высказать и разномысліе съ вами касательно того обстоятельства, что будто бы первый издатель, Свиньинъ, печаталъ Дневникъ съ *черновыхъ замѣтокъ Храповицкаго.* Нѣтъ, я вполнѣ убѣжденъ, что Свиньинъ печаталъ по той же самой рукописи, по которой напечатано мое изданіе. Разница только въ томъ, что Свиньинъ не стѣснялся *исправлять* тѣ мѣста, которыя ему казались непонятными, отчего и произошли разнорѣчія съ моимъ изданіемъ. Чтò же касается до возможности существованія черновыхъ замѣтокъ, то это мы знали и „безъ трудолюбиваго изыскателя", якобы достигшаго „весьма важнаго и несомнѣннаго вывода". Но вѣдь эти черновыя замѣтки не дошли до насъ. Само собою разумѣется, еслибы я ихъ имѣлъ, то и сличилъ бы съ бѣловою рукописью. Засаривать же изданіе измышленіями Свиньина и послѣдующихъ переписчиковъ и такъ называемыхъ критиковъ, я счелъ неприличнымъ, хотя сличеніе съ двумя прежними изданіями мною сдѣлано и хранится въ моихъ бумагахъ. Самъ г-нъ Брикнеръ намъ наглядно показываетъ, какъ образуются варьянты въ копіяхъ противъ подлинника. Возмемъ примѣръ изъ его послѣдней брошюры. Въ подлинникѣ стоитъ (подъ 29 Маемъ, 1789 г.) „*Готшесантъ*"; но историкъ Шведской войны находитъ это мѣсто несуществующимъ и съ важностью замѣчаетъ: „Въ изданіи г. Барсукова „*Готшезантъ*", мѣсто, „котораго не достаетъ въ объяснительномъ указателѣ и *какъ, кажется,* „*вообще въ Географіи.* Въ изданіи Свиньина и Геннади правильно *Готландъ.* „Разумѣется, г. Барсуковъ, относящійся къ дѣлу изданія механически, „опять станетъ оправдываться тѣмъ, что-дескать въ подлинникѣ такъ. „Но не слѣдуетъ ли въ подобныхъ случаяхъ *исправлять* такіе lapsus ca„lami Храповицкаго?" Чтò же оказывается? Въ очень распространенномъ Географическомъ Словарѣ Риттера (Leipzig, 1848) всякій можетъ найти это несуществующее въ Географіи мѣсто: *Gotska-Sandoë*, schwedische Insel, *bei Gottland*, mit zwei kl. Orten. Я. К. Гротъ написалъ мнѣ это мѣсто пошведски: *Gottsjosand*; *sjo* произносится какъ *ше*, и выдетъ „*Готшесантъ*", какъ стоитъ въ моемъ изданіи. Вотъ вамъ и исправляй подлинникъ! Я уже не стану говорить о другихъ Брикнеровскихъ варьянтахъ, какъ напр. Колпинскій караванъ, Бильярдная комната, банкиръ и пр. и пр.

Николай Барсуковъ.

7 Апрѣля 1876 Спб.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Θедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Θедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Θ. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. И. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Θ. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ съ предисл. *Н. А. Елагина.* — Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго.*—Неизданные стихи *Θ. И. Тютчева.*—Еще стихи *Θ. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Аксакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается исключительно въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Вагановa.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ 6.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ, о Русскомъ Архивѣ прежнихъ годовъ).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча.—Записки графа І. И. Ростовцева.— Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

БУМАГИ КНЯЗЯ СЕРГѢЯ ѲЕОДОРОВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Бумаги князя Сергѣя Ѳеодоровича Голицына доставлены въ Русскій Архивъ роднымъ и старшимъ въ родѣ правнукомъ его, княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, нынѣ командиромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Они сохранились въ переплетенныхъ тетрадяхъ, приведенныя въ порядокъ еще въ 1810 году старшимъ сыномъ перваго владѣльца ихъ, княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ.

Читатели Русскаго Архива уже нѣсколько знакомы съ княземъ С. Ѳ. Голицынымъ по письмамъ къ нему графа Г. И. Чернышева, писаннымъ въ 1790 году, во время осады Измаила и напечатаннымъ въ 1871 году нашего изданія. Князь Сергѣй Ѳедоровичъ, прямой правнукъ славнаго боярина, дядьки Петра Великаго, князя Бориса Алексѣевича, по происхожденію своему и по родственнымъ связямъ, принадлежалъ къ замѣтнѣйшимъ лицамъ Русскаго общества во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Онъ родился 20 Августа 1748 года отъ статскаго совѣтника, президента Ямской Канцеляріи, князя Ѳедора Сергѣевича (1714—1770) и графини Анны Григорьевны Чернышовой. Знатность старинная соединялась тутъ съ новою знатью, созданною переворотомъ Петровскаго преобразованія: Чернышовы, дѣти денщика Петра Великаго, при Елисаветѣ были людьми близкими къ царскому семейству, по связи матери ихъ (ур. Ржевской) съ преобразователемъ: въ потѣхахъ его она принимала видное участіе. Въ прошломъ столѣтіи, старой допетровской знати приходилось обновляться брачными союзами съ людьми новыми, которые поднялись по службѣ или по близости къ Петру Великому: Румянцовы и Чернышовы роднятся съ Голицыными, Суворовы съ Прозоровскими, Панины съ Куракиными, Олсуфьевы съ Салтыковыми и пр.

Родство много тогда значило, а безпрестанныя войны подавали случай отличиться, воспитывая бодрость и молодечество въ боярскихъ правнукахъ. Къ этимъ преимуществамъ происхожденія въ князѣ С. Ѳ. Голицынѣ присоединялись прекрасныя личныя качества. Онъ былъ храбръ, добродушенъ, гостепріименъ, отличный товарищъ, добрый начальникъ. При Екатеринѣ, родной племянникъ графа Захара, президента Военной Коллегіи, быстро пошелъ по службѣ, и мы видимъ его премьеръ-маіоромъ Преображенскаго полка, въ которомъ полковникомъ была сама Государыня. Когда графъ Чернышовъ сошелъ со сцены и отправился управлять Бѣлоруссіею, счастливая судьба дала князю С. Ѳ. Голицыну новаго еще болѣе сильнаго покровителя въ князѣ Потемкинѣ, на любимой племянницѣ котораго онъ женился (1778). Вторая Турецкая война проявила блестящія и самостоятельныя воинскія его дарованія: онъ главный участникъ Мачинской побѣды и главный подручникъ князя Репнина. Съ симъ послѣднимъ пришлось ему потомъ дѣйствовать въ Польшѣ, во время конвульсивныхъ движеній ея, кончившихся взятіемъ Праги. При Александрѣ Павловичѣ князь Голицынъ былъ генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края. Во время народнаго ополченія 1806 года онъ завѣдывалъ цѣ-

лымъ округомъ; а въ 1809 году, во время междоумочной войны съ Австріей, былъ главнокомандующимъ. Внезапная кончина застигла его въ этомъ званіи, 10 Генваря 1810 года, въ Галиціи, въ городѣ Тарнополѣ. Похороненъ онъ рядомъ съ супругою своею Варварою Васильевной въ Саратовской губ., Балашевскаго уѣзда, въ селѣ Зубриловкѣ.

Историкъ, желающій ближе всмотрѣться въ то время, къ которому принадлежала дѣятельность князя С. Ѳ. Голицына, найдетъ въ нижеслѣдующихъ бумагахъ нѣкоторыя любопытныя и характерныя черты. *П. Б.*

БУМАГИ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Ея Императорское Величество, въ знакъ высочайшаго своего благоволенія къ трудамъ и подвигамъ вашимъ, во время осады и на штурмѣ Очаковскомъ оказаннымъ, всемилостивѣйше пожаловать вамъ соизволила шпагу золотую съ бриліантами, которую симъ имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству съ желаніемъ новыхъ вамъ въ предстоящую кампанію успѣховъ и со увѣреніемъ объ отличномъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ пребываетъ

вашего сіятельства
милостивый государь мой
покорнымъ слугою
„князь Потемкинъ-Таврическій“.

№ 327. 1 Маія 1789 года.

Его сія-ву князю Голицыну.

II.

Божіею милостію, мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая

Нашему генералу-порутчику князю Голицыну.

Усердная ваша служба и отличная храбрость, оказанная вами, когда вы по переходѣ со ввѣреннымъ вамъ корпусомъ за Дунай, разбили войска Турецкія, завладѣли и разбили назначаемое для стана визирскаго мѣсто Городчинъ, нанесши великій уронъ непріятелю, взявъ въ полонъ трехъ-бунчужнаго пашу со многими другими чиновниками и получа въ добычу пушки и знатное количество разныхъ воинскихъ снарядовъ; а сверхъ того сдѣлали храбрыя распоряженія, успѣхомъ увѣнчанныя, ко овладѣнію укрѣпленіемъ на острову предъ самымъ Браиловымъ всею бывшею тутъ артиллеріею и съ истребленіемъ войскъ, тамъ находившихся, учиняютъ васъ достойнымъ военнаго нашего ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, на основаніи установленія его. Мы васъ кавалеромъ сего ордена большаго креста втораго класса всемилостивѣйше пожаловали и, знаки его при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены мы впрочемъ, что вы, получа сіе со стороны нашей

ободреніе, потщитеся продолженіемъ ревностной службы вашей вящше удостоиться монаршаго нашего благоволенія.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 3 дня 1791 года.

„Екатерина“.

Его сіятельству князю С. Ѳ. Голицыну

III.

Божіею милостію, мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая,

Нашему генералу-порутчику князю Голицыну.

Усердная ваша служба и труды, понесенные вами въ командованіи однимъ изъ отдѣленныхъ корпусовъ противу мятежниковъ Польскихъ, наипаче же въ очищеніи отъ нихъ Курляндіи и Самогиціи и въ возстановленіи тамъ спокойствія, обращаютъ на себя наше вниманіе и милость. Мы, желая изъявить оныя предъ свѣтомъ, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ ордена нашего Равноапостольнаго князя Владиміра большаго креста первой степени, котораго знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны нашей одобреніе, потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоиться монаршаго нашего благоволенія.

Въ Санктпетербургѣ Октября, 26-го дня 1794 года.

„Екатерина“.

„Графъ Александръ Самойловъ“

Письма графа П. С. Потемкина [1]).

1.

Всякій случай, представляющій мнѣ способъ на изъявленіе вамъ моего усердія, есть для меня удовольствіе; а потому охотно исполняю я желаніе вашего сіятельства въ разсужденіи привоза на линію вина. Но какъ уже прежде подано было доношеніе на десять тысячъ ведръ, то не могъ я болѣе для васъ предложить какъ на двадцать тысячъ ведръ, о чемъ и въ Казенную Палату отъ меня предложеніе послано, на сей же годъ отъ шести до десяти тысячъ.

Письмо ваше къ Александру Николаевичу [2]) оставилъ я у себя, и какъ уповаю, что онъ къ 26 числу изъ Грузіи возвратиться не замѣшкаетъ, уповаю, прибывъ сюда, и написать къ вамъ отвѣтъ и самъ въ Москву отправиться.

Сожалѣю крайне, что письмо̀ княгини Варвары Васильевны ко мнѣ не прислано. Подноситель сего увѣрилъ меня, что она въ Москвѣ, а потому и я не писалъ къ ней. Увѣрьте пожалуста княгиню, что я съ чистосердечной дружбой и привязанностью къ ней всегда остаюсь.

---

[1]) Обычные нача́ла и концы писемъ для краткости опускаются.

[2]) Самойлову

Узнавши, что препоручила она здѣшнихъ овецъ достать, отдалъ я Ивану тридцать овецъ. Желаю, чтобъ съ моей руки заводъ умножился.

Лошадь, о коей ваше сіятельство пишите, хотя не по мнѣ, однакоже не остановлюсь и при наступленіи весны отправлю. Сказать однакожъ правду, завидной нѣтъ.

19-го Октября 1784 года.

2.

Недавно только возвратился въ Екатериноградъ: шатался, такъ сказать, по линіи.

Объ отводѣ назначенныхъ дачъ не замедлю я предложить, какъ скоро господа сенаторы отъѣдутъ изъ Саратова [1]).

О капитанѣ Кернѣ представилъ въ Сенатъ, а между тѣмъ велѣлъ его допустить къ должности. Съ наичувствительнымъ признаніемъ видѣлъ я заключеніе письма вашего и увѣряю съ моей стороны о совершенной моей искренности. Мало тѣ меня знаютъ, кто заключаетъ обо мнѣ инако. Я пріятностію всегда поставляю себѣ вашу дружбу и могу удостовѣрить, что всегда оную сохраню къ вамъ.

20 Апрѣля 1787 года.

3.

Изъ Бендеръ получа сегодня курьера, извѣстился, что король Прусской съ Богемскимъ королемъ и Турками заключили миръ. Часть уступлена Галиціи обратно Польшѣ; съ Турками тѣжъ границы, кои были до войны. Объ насъ ничего не сказано, а королю Прусскому Польша ни Данцига, ни Торна не отдала.

Г-нъ Нассо [2]) надѣлалъ пропасть не только дурачествъ, но и вреда. Мы потеряли, какъ сказываютъ, добрую часть флотиліи, множество офицеровъ и нѣсколько тысячъ нижнихъ. Литта и Паленъ ему представляли, чтобъ не ходить; но онъ ихъ не послушалъ. Я прошу о семъ молчать, ибо и въ Бендерахъ только шепчутъ.

Князь [3]) выѣхалъ уповательно изъ Бендеръ 3-го числа. Онъ не очень былъ здоровъ. Ея Величество изволила прислать къ нему золотой дежене.

Сказавъ о Европейскихъ обстоятельствахъ, обращусь о своихъ. Посты отъ меня внизъ по Пруту поставлены, и послѣдніе въ Тульчѣ, въ 15 верстъ отъ Галаца. Вчерашнюю ночь непріятель на сей постъ дѣлалъ покушеніе, но ничего не сдѣлавъ уѣхалъ. Нужно узнать, откуда онъ пріѣзжалъ, о чемъ свѣдѣнія сего дня получить надѣюсь.

Оберъ-квартермистръ, посыланной отъ меня въ Галацъ, доноситъ, что между Тульчешти и Галаца есть мѣсто весьма свободное къ

---

1) Т. е. графъ А. Р. Воронцовъ и Нарышкинъ.

2) Т. е. принцъ Нассау.

3) Т. е. князь Потемкинъ, двоюродный братъ пишущаго.

проѣзду изъ за Прута. Прикажите казакамъ въ Галацахъ, чтобъ они были осторожны, или бъ на ночь изъ Галаца выѣзжали: ибо въ темную ночь могутъ быть отрѣзаны. Я надѣюсь, что вы примите отъ меня сіе въ цѣнѣ моей къ вамъ искренней привязанности.

5-го Августа 1790 года. Фальчи.

4.

Отправя къ вашему сіятельству полкъ Витебской, на другой день перейду Прутъ. Ко мнѣ въ корпусъ на мѣсто двухъ полковъ отъ меня взятыхъ войдетъ Екатеринославской егерской корпусъ; но гдѣ онъ, я еще не знаю.

По ордеру его свѣтлости вижу, что онъ отъѣзжаетъ на 10-ть дней, и въ отсутствіи его армія поручена князю Н. В. Репнину.

Изъ Петербурга имѣю извѣстіе, что г-нъ Нассо такъ чисто надурачился, что всѣ наши большія флотскія побѣды обратились въ ничто: потерялъ до 50 судовъ и до 5-ти тысячъ человѣкъ съ премножествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ; а что̀ всего болѣе, всѣ великіе прожекты на истребленіе флота Шведскаго тѣмъ уничтожились. На сухомъ пути Шведовъ на одномъ посту нѣсколько побили.

7-го Августа 1790 года. Фальчи.

5.

Я весьма доволенъ, что, будучи другъ друга ближе, чаще буду имѣть ваши увѣдомленія.

О здѣшнемъ сообщу, что послѣ сдѣланной демонстраціи Измаилу, непріятеля нигдѣ не видно; разъѣзды доходятъ за 8-мь верстъ отъ крѣпости и никого не встрѣчаютъ.

7-го числа овладѣли наши ретраншаментомъ при Киліи, приступомъ. Дѣло было жарко; наши въ одной колоннѣ погорячились, подбѣжали близко къ крѣпости, встрѣчены картечами и замѣшались. Тутъ говорятъ, что оставили было пушку. Почтенной старикъ Иванъ Ивановичъ *) самъ кинулся удержать. Пушка удержана, но старикъ раненъ въ лѣвую титьку, и пуля прошла въ правую лопатку насквозь.

Бригадиръ Шереметевъ раненъ пулею въ ногу и картечью. Херсонскаго полку маіоръ убитъ. Уронъ нашъ состоитъ: убитыхъ 113 человѣкъ, раненыхъ 270 человѣкъ. Непріятельской уронъ весьма великъ. Теперь готовятъ батареи, брешъ-батарея заложена на осадныя пушки, отъ стѣны въ 80-ти саженяхъ. Вотъ все, что̀ я новаго знаю. И. В. Гудовичъ принялъ команду отъ Ивана Ивановича.

Прошу покорно увѣдомлять, что̀ у васъ случится.

9-го Октября 1790. Лагерь при лиманѣ Ялпухъ.

6.

Письмо вашего сіятельства отъ вчерашняго числа я сей часъ имѣлъ удовольствіе получить и въ туже минуту отправилъ къ М.

---

*) Меллеръ? *П. Б.*

Л. Кутузову письмо для доставленія съ нарочнымъ къ Василію Васильевичу [1]). Я послалъ бы отъ себя нарочнаго, но какъ корпусъ мнѣ порученный послѣ завтра обратится къ Пруту, а отрядъ Кутузова обратится къ Киліи, то комуникація наша прервется.

Объ Киліи ничего болѣе не слышно какъ только что брешъ-батарея окончена 10-го числа и что суда Турецкія, кои намъ болѣе всего вредятъ, умножились; ожидаютъ нашей флотиліи, но она еще не вошла.

Я писалъ уже къ вашему сіятельству, что старикъ Иванъ Ивановичъ жизнь свою кончилъ и тѣло его повезено въ Херсонъ. Бригадиръ Шереметевъ тяжело раненъ.

Александръ Николаевичъ [2]) въ тотъ день былъ главнѣйшею дѣйствующею особою; но, слава Богу, при многой опасности онъ остался цѣлъ.

14-го Октября 1790 года. Лагерь на Ялпухѣ.

7.

Не долго будучи въ сосѣдствѣ вашемъ, иду опять къ Ялпуху, имѣя повелѣніе отъ его свѣтлости дѣлать Измаилу демонстраціи и удерживать помощь къ Киліи.

Вы, уповаю, уже извѣстны о преславной побѣдѣ, одержанной надъ Турками у Кубани при Невинномъ мысѣ, гдѣ генералъ-маіоръ Германъ разбилъ армію подъ начальствомъ сераскера Батанъбея, получа въ добычу весь его лагерь, болѣе 30 пушекъ, и самаго сераскера со всею его свитою взялъ въ плѣнъ. Я имѣю повелѣніе съ пушечной пальбою принести благодареніе Богу, что̀ исполню по приходѣ къ Ялпуху.

Флотилія наша скоро войдетъ въ Дунай, и тогда рѣшительное будетъ съ Киліею. Графу Ивану Петровичу отдана армія Двинская въ начальство. Князь Юрій Владиміровичъ и баронъ Игельстромъ въ его командѣ, и они будутъ относиться къ его свѣтлости.

Уповаю также извѣстно вамъ, что Ея Величество пожаловала его свѣтлости большую дачу на Донцѣ.

Братъ мой Михаило Сергѣичъ скоро будетъ.

18-го Октября 1790-го.

8.

Покорнѣйше благодарю за присланныя извѣстія. Кажется, что силы непріятельскія въ Измаилѣ увеличены, такъ какъ и число пушекъ. Третьяго дня вышелъ изъ Измаила изъ отпадшихъ Запорозцовъ на отрядъ М. Л. Кутузова и показалъ, что число всѣхъ на все менѣе 15 тысячъ и что тѣ, коихъ присылаютъ сверху, паки уходятъ.

Что Килія сдалась на капитуляцію, о томъ я ваше сіятельство увѣдомилъ. Изъ сообщенія моего увидите, что гарнизонъ Килій-

---

[1]) Энгельгардту.

[2]) Графъ Самойловъ.

ской сегодня или завтра придетъ въ Измаилъ. Число онаго было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Флотилія наша близко Дуная, но какъ близко не знаю, а только мнѣ свѣдомо, что Головатый 20-го числа былъ въ Киліи.

24-го Октября 1790 года.

9.

Благодарю покорно за письмо вашего сіятельства; ничего не могу сообщить кромѣ, что мы здѣсь въ совершенной неизвѣстности. Пріѣзжающіе изъ Бендеръ сказываютъ, что его свѣтлость сегодня изъ Бендеръ въ Яссы отправится и будто князь Николай В. Репнинъ назначается къ Измаилу; но первое утверждаютъ, а о послѣднемъ говорятъ по слухамъ.

Изъ Киліи увѣдомляютъ, что флотилія наша при устьѣ Дуная, гдѣ были на берегахъ построены непріятельскія двѣ батареи, одна о 7-ми и другая о 6-ти пушекъ; что подполковникъ Рибасъ посланъ былъ сдѣлать десантъ съ 600-ми и что онъ, раздѣливъ команду на двѣ колонны, одну въ командѣ М. Каховскаго и 2-ю въ командѣ М. Юрковскаго, обѣими батареями овладѣлъ.

Здѣсь непріятеля не видно. Партіи доѣзжаютъ за 5-ть верстъ къ Измаилу, никого не встрѣчаютъ.

1-го Ноября 1790.

10.

Что лодку взяли у Рени съ тремя Турками, то правда; но такая малость не стоила, чтобъ я съ нарочнымъ васъ увѣдомилъ.

Объ судахъ, кои прошли изъ Измаила мимо Галацъ, имѣлъ я третьяго дня увѣдомленіе, но въ рапортѣ мною полученномъ сказано было только 16 судовъ; я не могу приписать оное причинѣ отходу ихъ изъ Измаила, какъ и они, узнавъ, что наша флотилія въ устьи Дуная, благовременно отошли или за войскомъ отправлены. Здѣсь о флотиліи нашей, съ тѣхъ поръ какъ взяты сдѣланнымъ отъ насъ десантомъ двѣ Турецкія батареи въ устьѣ Дуная, ничего не слышно. Погода здѣсь довольно жестока и еслибъ не было камыша, много бъ было нужды.

Отъ стороны Измаила такъ тихо, какъ будто бъ въ немъ войска не было.

7-го Ноября 1790.

P. S. Въ послѣднихъ извѣстіяхъ, которыя сообщилъ мнѣ графъ А. В. Суворовъ сказано: Турки въ Браиловѣ, услыша, будто графъ Суворовъ наводитъ чрезъ Серетъ мосты, такъ оробѣли, что тысяча человѣкъ янычаръ ушли за Дунай. Паша велѣлъ пробовать мины, которая подъ воротами, велѣлъ взорвать, но она никакого дѣйствія не сдѣлала и когда онъ инженера хотѣлъ повѣсить, сей нашелъ средство уйти за Дунай.

11.

Господинъ Ахматовъ имѣлъ подъ Тулчей съ Турецкими судами дѣло: 13 судовъ прогнаты и ушли, семь сожжено, а четыре нами взяты въ добычу. Турки такъ симъ дѣломъ были испуганы, что крѣпость Тульчу кинули, все селеніе вокругъ оной зажгли и сами ушли въ горы, и послѣ сего крѣпость нашими занята.

Третьяго дня въ Измаилѣ слышна была большая ружейная стрѣльба, а по рапорту отъ Ренъ, видя, что 32 судна прошло вверхъ Дуная, заключаю, не было ли у нихъ бунта.

Что въ Бендерахъ веселятся, имѣютъ большую причину. Повсюду Богъ благословляетъ оружіе наше и ежели возмемъ Измаилъ, (о чемъ теперь мыслить можно), то будетъ наипреславная кампанія.

Братъ мой еще не бывалъ. Говорятъ, что въ Россіи такая распутица, какой никогда не бывало.

Что Александръ Николаевичъ отпущенъ, о томъ и здѣсь слышно; а что войска отъ Киліи идутъ обратно, тутъ прибавлено. Повелѣніе было идти къ Бендерамъ Екатеринославскому гранадерскому и орденскому полкамъ, всѣмъ легкоконнымъ и осадной артилеріи; но послѣдняя, можетъ быть, обратится паки по случаю взятія Тульчи.

10-го Ноября 1790-го.

12.

Покорнѣйшую приношу благодарность за увѣдомленіе о дѣлѣ при Галацахъ, которое весьма хорошо.

Вчера была жестокая пушечная пальба къ сторонѣ Исакчи. Посланной отъ меня на берегъ Дуная донесъ, что къ вечеру строеніе около Исакчи горѣло, а сегодня слышно четыре удара, и уповательно, что оная подорвана.

Братъ мой въ Бендеры пріѣхалъ, а Татьяна Васильевна еще осталась въ Елизабетъ-градѣ.

14-го Ноября 1790 году.

P. S. Секретно до меня дошло свѣдѣніе, что Осипъ М. Рибасъ представилъ его свѣтлости, чтобъ ему зимовать не въ Киліи, а въ устьѣ Дуная, и при томъ даютъ знать заключеніе, что отъ его свѣтлости будетъ повелѣніе флотиліи бомбардировать Измаилъ, а также должно думать, что и насъ подвинутъ къ Измаилу.

13.

Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что флотилія наша, одержавъ надъ непріятелемъ побѣду, Исакчей овладѣла. Осипъ Михайловичъ Рибасъ увѣдомляетъ меня, что въ крѣпости множество пушекъ, всякихъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, судовъ взято большихъ 2, лаксоновъ 8-мь, потоплено и сожжено 22. Исакча нами занята, а флотилія при оной, а лагерь на мысу острова Чатала.

Сію минуту получилъ письмо ваше и извѣстіе, за которое покорно благодарю. Кажется, Измаилъ не въ лучшихъ обстоятельствахъ,

какъ были прошлаго году Бендеры, и Порта увидитъ, что надежда ея на короля Прусскаго не процвѣла.

14 Ноября 1790 года. Лагерь при лиманѣ Ялпухъ.

14.

Письмо вашего сіятельства отъ 23-го числа получилъ въ минувшую ночь; благодаря покорно за оное. Пользуюсь тѣмъ, что вы учредили посты, чтобъ увѣдомить васъ, что мы до сихъ поръ въ положеніи *in statu quo*. Желалъ бы я усердно, чтобъ васъ съ корпусомъ подвинули, но кажется время поздно. Третьяго дня взятой Турокъ объявляетъ, что въ крѣпости людей много, духу много, провіянту и пороху много, однако жители и самъ паша отъ сдачи города не прочь, ежели бъ Татарскіе султаны и пришлыя войска не воспрещали.

Іосифъ М. Рибасъ вчера у меня былъ. Его предположеніе сдѣлать приступъ. Я, не имѣя на сіе повелѣніе его свѣтлости, не могу безъ точнаго повелѣнія о семъ и разсуждать. Отъ меня онъ поѣхалъ къ Ивану В. Гудовичу.

Время стало столь дурно, что людямъ вытерпливать весьма трудно.

P. S. Вчера здѣсь слышны были пушечные выстрѣлы отъ стороны Галаца. Прошу увѣдомить, Турки-ли къ Галацу приходили, или наши подходили къ Мачину.

P. S. Вы удивитесь, что въ томъ же письмѣ извѣщу васъ, что мы всѣ отошли отъ Измаила и все кончено. Лишь только изготовилъ я письмо сіе, какъ привезъ ко мнѣ сообщеніе И. В. Гудовича Александръ Николаевичъ. Оно содержало положеніе общее, куда однако я не былъ приглашенъ; дѣло состояло въ томъ, чтобъ немножко пострѣлять и снять батареи. Вотъ все что произошло: не сожалѣйте, что вы не были участникомъ.

26 Ноября 1790.

15.

Покорнѣйше благодарю за письмо ваше и за увѣдомленіе. Здѣсь графа Александра Васильевича съ часу на часъ во всѣхъ мѣстахъ ожидаютъ; но, видя изъ письма вашего противное, не могу согласить сіе съ повелѣніемъ, изъ Бендеръ присланнымъ.

Графа Григорья Ивановича Чернышова по желанію вашему не удержу, но кажется естьли что̀ предпринять противу Измаила, то спѣшить надо; ибо стужа, слякоть и снѣгъ не меньше вредны, какъ и непріятель. Я слышу, что въ другихъ корпусахъ хлѣба не весьма достаточно, да и у меня только на двѣ недѣли осталось, хотя ожидаю подвозу; опасаюсь времени.

1-го Декабря 1790. Лагерь недалеко Измаила.

16.

Его свѣтлость изволитъ прибыть въ Измаилъ въ сію ночь и, какъ думаютъ, пробудучи два дня, изволитъ отправиться отсель въ Яссы, для чего учреждены отъ меня отсель по дорогѣ на стан-

ціяхъ по 15-ти лошадей и по двѣнадцати козаковъ для конвою; далѣе жъ сего учредить мнѣ не можно. Прошу покорно ваше сіятельство приказать учредить въ Семенештахъ, въ Станилештахъ и въ Козмештахъ на станціяхъ по тому же числу лошадей и по двѣнадцати козаковъ для конвою.

Письма разныхъ лицъ Екатерининскаго времени.

Милостивый государь мой князь Сергій Ѳедоровичъ!

Отъ возвратившагося моего курьера изъ Москвы извѣстяся, что ваше сіятельство благополучно въ оную прибыли и при томъ при отправленіи сего курьера оказали вашу, милостивый государь мой, ко мнѣ пріязнь въ узнаніи пути его свѣтлости: спѣшу, возблагодаря покорнѣйше за сіе, поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ и подтвердить наилестнѣйшія удостовѣренія мои о непрерывности душевной моей къ вамъ приверженности, въ доказательство которой дѣятельно прошу васъ приказывать мнѣ по деревнямъ вашимъ въ Калужской губерніи *), дабы имѣлъ я случай, исполняя угодное вамъ, доказывать, коль истинно и совершенно есть мое къ вамъ почитаніе, съ каковымъ и преданностію моею имѣю честь всегда быть и пр.

Михайла Кречетниковъ.

Калуга. Марта 20-го 1784 года.

*

Бендеры. 1790 году, Ноября 23 дня.

Милостивый государь мой, князь Сергій Ѳедоровичъ.

Хотя ваше сіятельство и совсѣмъ излѣнились и не хотите къ намъ писать, по крайней мѣрѣ, увѣдомить о состояніи вашего здоровья, и естьли надежда васъ скоро здѣсь увидѣть, чего особливо я очень и очень желаю, но кажется еще нѣсколько недѣль я лишенъ буду этого удовольствія, ибо у насъ никакого нѣтъ слуху ни о зимнихъ квартирахъ, ни объ ополченіи.

Чтожъ касается до главной квартиры, то думаю, что оная перенесется къ будущему мѣсяцу въ Яссы, куда мнѣ очень не хочется ѣхать; но боюсь, что буду принужденъ, ибо у насъ, послѣ отданнаго приказу о продолженіи во всю зиму нынѣшней кампаніи, никто еще объ отпускѣ и не зачиналъ просить и по видимому нѣтъ надежды, чтобъ скоро исполнили. Тѣмъ времемъ однакожъ мы живемъ довольно весело. Разнаго рода собранія продолжаются у князя довольно часто; число дамъ у насъ прибавилось пріѣздомъ Татьяны Васильевны, которою здѣсь всѣ очень довольны, ибо она со всѣми очень учтива. Михаилъ Сергѣевичъ на сихъ дняхъ ѣдетъ на нѣсколько дней къ Павлу Сергѣевичу и по возвращеніи оттуда тотчасъ поѣдетъ въ Петербургъ. Вотъ все, что̀ есть у насъ интереснаго.

---

*) Кречетниковъ былъ тогда Калужскимъ намѣстникомъ.

Теперь остается вамъ сказать объ игрѣ. Я съ начала кампаніи былъ въ выигрышѣ почти 100,000; въ Сентябрѣ всѣ было оныя проигралъ назадъ, но теперь опять всѣ возвратилъ и съ большими процентами, и кажется уже эту кампанію въ проигрышѣ не буду. Василій Васильевичъ всякій день дѣлаетъ банкъ и кромѣ меня и князь Николая Сергѣевича всѣхъ объигриваетъ, то есть Головина, генерала Косиковскаго, Рохманова, Разумовскаго, который былъ въ выигрышѣ до 60,000, но кажется что уже теперь своихъ не досчитается, и князь Василій Васильевичь, который третьяго дня пропонтировалъ 5000, очень крехтитъ по своей непривычкѣ къ оному. Вотъ вамь положеніе всѣхъ нашихъ понтеровъ.

Возвратившійся отъ васъ вашъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что у васъ великой недостатокъ въ чаю, почему при семъ и посылаю къ вамъ два фунта, которымъ, кажется, вы будете довольны; прислалъ бы и больше, но какъ теперь вся провизія приходитъ къ окончанію, то у меня у самаго осталось только по два фунта каждаго; есть здѣсь продажный, но очень дуренъ.

За такое предлинное письмо прошу отписать хотя двѣ строки и увѣдомить: избавились ли вы отъ своей лихорадки, и скоро ли мы васъ увидимъ.

Ѳедоръ Киселевъ *).

Два письма Суворова.

1.

„При деревнѣ Градешти, Августа 16 дня 1790 года".

Милостивый государь мой князь Сергѣй Ѳедоровичъ!

Съ великою радостію и удовольствіемъ ваше сіятельство поздравляю съ заключеннымъ со Шведами миромъ. Даруй Боже, чтобъ сіе начало вездѣ произвело спокойствіе. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ моимъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

„Г. Александръ Суворовъ-Рымникскій".

2.

„Милостивый государь мой князь Сергѣй Ѳедоровичъ!

Ваше сіятельство съ побѣдою непріятеля и взятіемъ Мачина имѣю честь поздравить. Весьма радуюсь сему и желаю далѣе продолжать благополучно дѣйствія ваши со всякими успѣхами.

Вручителя сего г-на маіора Ламберта, нынѣ вступившаго въ службу нашу, честь имѣю рекомендовать продолженію милостей вашихъ, какъ человѣка новаго, ищущаго сего. Пребываю" и пр.

Апрѣля 20-го дня 1791 года. Санктпетербургъ.

*

1791 году, Марта 24 дня. Москва.

Здравствуйте, моя душа, князь Сергій Ѳедоровичъ. Съ наступающимъ праздникомъ васъ поздравляю; желаю его вамъ весело и здорово провести. Прошедшій мы были вмѣстѣ; очень жаль, что и нын-

*) Ѳедоръ Ивановичъ Киселевъ, дѣдъ-дядя графа Павла Дмитріевича Киселева.

че не также случилось. Теперь начну писать здѣшнія новости; какія соберу, всѣ скажу. Пріѣхала сюда Лизавета Михайловна Черкесова и сказывала, что готовится славный въ Петербургѣ праздникъ у князя, и всѣ будутъ тутъ награжденія за Измаилъ. Еще новая въ Петербургѣ свадьба, только тайна: младшая дочь кн. Натальи Петровны за графа Строганова; Брюсова за Шувалова; а здѣсь вѣрной Львовъ женится на Замятиной. Потемкинъ Павелъ Сергѣичъ живетъ здѣсь съ женой и какъ молъ странно одѣвается и безстыдно, что гадко глядѣть; очень манерится, но никто не смотритъ. Самойловъ напротивъ очень учтивъ и ласковъ ко всѣмъ. Давыдовъ вашъ назначенъ въ губернаторы въ Курскъ, а Сергѣй Лаврентьевичъ, сказываютъ, сюда; только думаю, что послѣднее несправедливо. Сказываютъ, что купили Петербургскій домъ графа Кирилы Григорьевича за 350 тысячь и пожаловали князю Григорью Александровичу.—Княгиня ****ва въ Петербургѣ никуда не выѣзжаетъ съ тѣхъ поръ, какъ князь пріѣхалъ, и князь Василій отпущенъ въ отпускъ на десять мѣсяцовъ и какъ жена родитъ, то будутъ въ Москву. Жена его призналась своей матери, что она мужа своего ненавидитъ и чувствуетъ къ нему отвращеніе и гадость; при томъ божилась, что ни въ кого не влюблена; а эти вѣсти я слышала отъ Лизаветы Михайловны, и она ихъ выдаетъ за вѣрныя. Насъ нынче здѣсь родныхъ съѣхалось много: Черкесова, Салтыкова, Авдотья М. Бѣлосельская, обѣ мои сестры и братъ съ женою. И такъ, мой голубчикъ, еще больше мытарства и фальши прибавилось; какъ бы я ото всего сердца всѣхъ ихъ на тебя на одного перемѣнила! Старушка наша очень слаба, и я боюсь, чтобъ вскрытіе рѣкъ не окончило ея жизни; жалко видѣть, какъ она мучится и удивительное терпѣнье имѣетъ. Еще вѣсти, которыя сію минуту узнала, что Поповъ женится на Демидовой, Александра Григорьевича дочери. Болѣе вѣстей никакихъ нѣтъ и затѣмъ письмо мое кончу. Прости, мой голубчикъ; дай Боже, чтобы ты былъ здоровъ и веселъ. Пожалуста не забывай и люби вѣрную вамъ къ услугамъ

Авдотью Лунину.

Петръ Михайловичь, Лизавета М. и Анна Николаевна вамъ кланяются, а я мысленно васъ цѣлую.

Адресъ: „Его с. м. г. моему князь С. Ѳ. Голицыну, господину генералъ-поручику и кавалеру, находящемуся въ загранишной арміи, въ городѣ Ясахъ".

*

Храбрый, славный и прелюбезный мой Голицынъ. Какъ мнѣ жаль, что я, живя въ Россіи близъ году, тебя не имѣлъ сердечнаго удовольствія видѣть и пожить съ тобою. Это письмо пишу единственно для того, чтобъ тебѣ мое чувствованіе сказать и тѣмъ какъ будто себя облегчить. Отдастъ тебѣ оное Дмитрій и Сергѣй Павловичи Татищевы; прошу ихъ подъ свое покровительство взять. Они оба премилые и предостойные молодцы, привязанные къ службѣ чрезвычайно; теорій довольно, кажется, имѣютъ а практики военной подъ твоимъ предводительствомъ желаютъ научиться. Они

же сыновья Марьи Яковлевны, матери пренѣжнаго сердца, преумной и тебя, на ровнѣ съ своимъ братомъ, Ильей Яковлевичемъ Аршеневскимъ, любящей и расхваляющей. Я наканунѣ своего отъѣзда въ новое свое мѣсто, въ Италію. Прощай, братецъ; дай-то Господи, чтобъ мы скорѣе увидѣлись. Григорій Ивановичъ посулилъ мнѣ свято прислать Турецкую лошадь, но до сихъ поръ ничего не вижу. Прошу припомнить княгинѣ твоей мое сердечное почтеніе. Жена моя спитъ, стало не кланяется; а въ тебя еще все влюблена. Прощай. Второй изъ Татищевыхъ очень иногда смѣшенъ; но онъ застѣнчивъ: надобно его растолкать. Прощай, желаю тебѣ здоровья, новыхъ лавровъ и признанія за оные. А я объ себѣ скажу, что нахожусь въ совершенномъ забвеніи; а не могу, можетъ, отъ глупаго самолюбія признаться, что того достоинъ. Князь, кажется, совсѣмъ меня позабылъ. Прощай.

Князь А. Бѣлосельскій.

Москва. 4-го Августа 1791 г.

*

Милостивый государь мой, князь Сергій Өедоровичъ.

Хотя предъ симъ ваше сіятельство и назначены были къ войскамъ команды господина генерала-аншефа и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, но Ея Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобъ вы находились подъ командою господина генерала аншефа и кавалера князя Николая Васильевича Репнина, коему высочайше поручено начальство надъ войсками въ Литвѣ расположенными; вслѣдствіе чего имѣете согласно сему всевысочайшему соизволенію отправиться теперь въ Ригу къ нему г. генералъ-аншефу.

„Графъ Н. Салтыковъ"!

№ 826. Апрѣля 21 дня 1794 года.

*

Милостивый государь мой, князь Сергѣй Өедоровичъ!

Твердо надѣясь на дружбу вашего сіятельства, препоручаю въ милость и покровительство ваше племянника моего маіора Василія Паскова, который по молодости лѣтъ проступился, какъ о семъ къ вамъ Александръ Николаевичъ конечно писать изволилъ. Подайте ему случай все сіе заслужить; а я надѣюсь, что онъ стараться будетъ выполнить на него возложенное какъ храброму офицеру должно, и я ласкаю себя, что вашему сіятельству онъ извѣстенъ со стороны службы, при взятіи штурмомъ города Измаила; а въ разсужденіи скораго его отправленія по почтѣ прошу покорно, если вамъ возможно, снабдить его верховою служивою лошадью и тремя повозочными, а я съ благодарностію вамъ возвращу. Исполненіемъ сей моей просьбы обяжете къ крайней благодарности того, который съ отличнымъ почтеніемъ и приверженностію пребудетъ навсегда вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Петръ Пассекъ.

Отъ 13 Сентября 1794 года. Санктпетербургъ.

Милостивый государь мой князь Сергѣй Ѳедоровичъ.

Почтенное письмо вашего сіятельства, коимъ изволили рекомендовать г-на Фелькерзама, имѣлъ я честь получить. Чѣмъ пріятнѣе для меня всякій случай къ оказанію моей готовности дѣлать вамъ угодное, тѣмъ прискорбнѣе мнѣ, что не въ состояніи удовлетворить теперешнему вашему препорученію, поелику раздача Курляндскихъ арендъ не отъ меня зависитъ, да при томъ же всѣ онѣ уже розданы. Впрочемъ не оставилъ я, чрезъ вручителя мнѣ письма вашего, г-на маіора Брунова, дать совѣтъ г-ну Фелькерзаму къ удобнѣйшему достиженію желанія его.

Графъ И. Остерманъ.

Въ С. Петербургѣ. Декабря 31-го 1794.

*

Изъ Санктъ-Петербурга. Марта 6 дня 1791 г.

Дружеское твое письмо, наполненное искреннимъ доказательсвомъ доброжелательнаго твоего расположенія и желающаго всякаго блага дѣтямъ моимъ, зная сколь я къ нимъ привязанъ, я ихъ люблю, можешь себѣ представить, съ какою чувствительностію истинную твою дружбу принимаю; но какъ они еще изъ чужихъ краевъ не бывали, въ свою должность употреблены еще не были, бывъ озадачены чинами сверхъ моей, не только ихъ заслуги, мнѣ совѣстно еще было и подумать впередъ о ихъ выгодѣ по службѣ, и къ тому, какъ они уже не ребята и могутъ о своемъ состояніи по ихъ склонности въ своемъ отечествѣ и по незнанію обстоятельствъ и способностей своихъ, прямаго они еще положенія о себѣ взять не могутъ. И такъ, другъ мой, не хотя ихъ склонности и желанію своимъ усердіемъ препятствовать, дожидаюсь ихъ пріѣзду, который, ежели Богъ сохранитъ ихъ здоровыхъ, черезъ три и четыре мѣсяца. Желаю и льщусь ихъ увидѣть; впредь надѣюсь, ежели въ чемъ надобность будетъ къ ихъ выгодѣ, ты дружбой своей ко мнѣ, какъ прежде, такъ и въ ономъ случаѣ, помощью своей ихъ не оставишь.

Просилъ я тебя, братецъ, черезъ княгиню Варвару Васильевну, меня одолжить, ежели можно, купить не бережа деньги, для чего и не опредѣляемъ суммы, двухъ Горскихъ большаго росту лошадей для дѣтей и двухъ коней Донскихъ доброѣзжихъ для меня и чтобъ собой были не дурны. Также, ежели можно, двухъ Турецкихъ борзыхъ собакъ, по крайней мѣрѣ хотя одну сучку для породы, чѣмъ меня крайне одолжишь; надѣюсь, если тебѣ случай представится и способъ найдешь ихъ имѣть, непосредственными пользоваться буду.

Князь Владиміръ Голицынъ *).

*

Mon prince!

L'insurrection est répandue parmi nos paysans par les insurgés polonais. Plusieurs terres nobles en sont infectées, et également une de

*) Отецъ свѣтлѣйшаго князя, Московскаго генералъ-губернатора, Дмитрія Владиміровича Голицына.

mes terres principales, nommée Alschwangen. Je supplie beaucoup votre altesse de vouloir bien détacher un escadron des curassiers du régiment de Casan, auquel je joindrais dans ce cas quelque troupes de mon militaire à fin d'y rétablir l'ordre à l'exemple de Lieven-Bersen. Votre altesse en fera une grâce non seulement à moi, mais aussi à plusieurs personnes très-dignes et qui se sont toujours conduit très-conformement aux volontés suprèmes de l'auguste Souveraine de Russie. Il y a surtout du nombre des souffrants un m-r de Behr, président du district de Pitten, dont les paysans se sont permis les dernières insolences, sans que cependant ils ont la moindre raison de se plaindre, non plus que ceux d'Alschwangen. Ces derniers ont été fomentés par des émissaires polonais travestis, qui se sont mêlés parmi eux.

Pierre, duc de Courlande.

*

Mon prince!

Un moment après que je viens d'expédier ma lettre à votre altesse, je reçois la nouvelle, qu'il a été détaché un escadron du régiment de Casan pour se rendre à Wirben, terre appartenante à un m-r de Stromberg, où les paysans sont également en insurrection. Comme cependant cet escadron, commandé pour y rétablir l'ordre, ne manquera pas d'y remédier en peu de tems, je supplie votre altesse de vouloir bien lui faire parvenir les ordres nécessaires pour qu'il se rende de là à Alschwangen qui n'est éloigné que huit miles de Wirben pour le même effet, afin de prévenir à tems, autant que possible, les désordres ultérieurs.

Duc de Courlande.

Mitau, le 24 Juillet 1794.

*

Mon prince!

Trés-charmé d'avoir sçu trouver une occasion de prouver à votre altesse mon empessement à lui être utile, je ne manquerais pas de faire mon possible pour effectuer à la première diète imminente l'indigénat, qu'il lui a plû de souhaiter en Courlande, chose dont ses qualités émminentes ne me font prévoir aucune difficulté.

Pour aujourd'hui un petit objet économique me fait recourir à l'interposition de votre altesse en usant de l'autorité dont elle est revêtue, pour les districts voisins de Lithuanie. Quelques paysans de ma terre de Wurzau, ainsi qu'il fut un objet de commerce tout à fait libre cy-devant, venant de contracter des achats de blés et de foin à Szagarren et l'ayant même déjà payé en argent comptant, ont été empêchés d'exporter ces provisions par les officiers de la douane de Lithuanie, en alléguant que cette exportation a été défendue de la part de votre altesse. En considérant cependant l'ignorance de cette défense, ainsi que la disette extrême de ces gens, je prends la liberté d'adresser à votre alltesse l'intercession présente, en la suppliant de vouloir bien pour cette fois-cy les en dispenser, et donner les ordres aux

douaniers de Lithuanie de leur faire passer contre une attestation de la part de l'administration de la terre de Würzau les dites provisions de blé et de foin.

Duc de Courlande.

Wurzau, le 18 Janvier 1795.

*

„Служащаго подъ командою вашего сіятельства оберъ-провіантмейстера Зильбергарниша поручаю въ ваше покровительство. Тесть его г. Тамара, мой родственникъ и давній пріятель, а шурина его ваше сіятельство и сами знаете. Другъ вашъ Иванъ Самойловичь Рожерсонъ за него весьма вступается. Вотъ сколько причинъ убѣждаютъ меня, но главнѣйшая есть увѣреніе въ вашей ко мнѣ благосклонности, которую заслужить пріятнымъ себѣ ставлю долгомъ, пребывая и пр.

Графъ А. Безбородко".

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 14 1795.

БУМАГИ ПАВЛОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Государь Императоръ соизволилъ указать присланныхъ изъ Московскаго гарнизона девять человѣкъ опредѣлить въ роту Его Императорскаго Величества.

Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

№ 18. Ноября 11 дня 1796 года.

*

№ 132. Декабря 24 дня 1796 года.

Генералъ-лейтенанту князю Голицыну.

Государь Императоръ соизволилъ указать, дабы ваше сіятельство немедленно прибыть сюда изволили.

Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

*

Государь Императоръ, на желаніе ваше принесть благодарность за полученіе отставки, соизволилъ указать, что онъ, принимая ее, избавляетъ васъ отъ труда пріѣзжать сюда.

Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Сентября 16 дня 1797 года. Гатчино.

*

Его сіятельству отставному г-ну генералу отъ инфантеріи князю Голицыну.

Государь Императоръ указать соизволилъ вашему сіятельству объявить желаніе его васъ видѣть, равно и то, что имѣетъ въ васъ

нужду, признаваясь, что онъ скоростію своею нанесъ вамъ оскорбленіе.

„Генералъ-адъютантъ князь Голицынъ“ *).

Господину генералу отъ инфантеріи князю Голицыну.

С.Петербургъ. 1798 года Декабря 4-го дня.

*

Милостивый государь мой, князь Сергѣй Ѳедоровичъ!

Получа почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 21-го числа Ноября, я имѣлъ счастіе выраженное въ немъ докладывать Его Императорскому Величеству, и Государь Императоръ соизволилъ принять съ благоволеніемъ. Потомъ всепокорнѣйше представлялъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику о служащихъ въ Семеновскомъ полку двухъ вашего сіятельства сыновьяхъ, объ отпускѣ коихъ на два года Великій Князь обѣщалъ испросить позволеніе, что̀ и весьма нужно въ разсужденіи ихъ молодости. Будучи извѣщенъ, что ваше сіятельство въ скорости изволите сюда пріѣхать, весьма обрадованъ, что буду имѣть случай лично свидѣтельствовать ту чистосердечную приверженность, каковую по благорасположенію ко мнѣ вашего сіятельства ощущаю и съ коею на всегда, какъ неменѣе и съ истинною преданностію, имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

„баронъ фонъ-деръ-Паленъ“.

Декабря 4-го дня 1798 года. С. Петербургъ.

*

Государь Императоръ соизволилъ приказать сего Декабря 17-го дня при паролѣ отдать, что ваше сіятельство принимаетесь опять въ службу съ прежнимъ старшинствомъ, о чемъ вашему сіятельству объявляю, равно и повелѣніе Его Величества вамъ сюда пріѣхать немедленно.

Генералъ-адъютантъ князь Голицынъ.

*

Mon prince!

Ayant des papiers à vous communiquer par ordre de S. M. I. l'Empereur, je vous prie de vouloir, si cela vous convient, passer chez moi sur les onze heures de ce matin. Cette lecture prendra une demi-heure de temps au plus.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus parfaite, mon prince, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Rostopsin.

du 30 Décembre 1798.

---

*) Князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, старшій сынъ князя Сергѣя Ѳедоровича, попавшій въ милость къ Павлу.

*

Государю Императору угодно, чтобъ ваше сіятельство сего дня, откланяясь у парада, отправились къ вашему мѣсту.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Растопчинъ.

7-е Января 1799-го. С.Петербургъ.

*

Государь Императоръ соизволилъ указать сообщить вашему сіятельству, что мушкатерской Дурасова полкъ, назначенной въ корпусъ вамъ ввѣренной, вышелъ изъ непремѣнныхъ его квартиръ 28 минувшаго Декабря, а мушкатерской Тучкова 1-го полкъ, для занятія квартиръ вышедшихъ полковъ изъ Литовской дивизіи, выступилъ 27-го того же Декабря.

Генералъ-адъютантъ князь Голицынъ.

Генваря 3-го дня 1799-го года.

*

Государь Императоръ указать соизволилъ сообщить вашему сіятельству, чтобы, по сдачѣ командованія корпуса Высочайше вамъ ввѣреннаго, вы отправились ближайшимъ трактомъ въ деревни ваши.

Генералъ-адъютантъ Ливенъ.

Генваря 27-го дня 1799-го года. С.Петербургъ.

*

Его сіятельству г-ну генералу отъ инфантеріи князю Голицыну.

Государь Императоръ указать соизволилъ сообщить вашему сіятельству, чтобы вы, при отправленіи своемъ изъ ввѣреннаго вамъ корпуса въ свои деревни, взяли изъ числа бывшихъ при вашемъ сіятельствѣ фельдъ-егерей одного съ собою до оныхъ, и по прибытіи отправили бъ его сюда, а прочихъ оставить при генералѣ отъ кавалеріи Нумсенѣ.

Генералъ-адъютантъ Ливенъ.

Генваря 28 дня 1799-го года. С. Петербургъ.

*

Милостивый государь мой князь Сергій Өедоровичъ!

По жалобѣ вашего сіятельства на Нижегородское Губернское Правленіе въ томъ, что оно учинило публикаціи въ вѣдомостяхъ о продажѣ 62 душъ изъ Нижегородскихъ вашихъ деревень, въ удовлетвореніе иска банкира Сутерланда, по таковому векселю, который данъ въ Страсбургѣ, гдѣ ваше сіятельство никогда не бывали, требовалъ я отъ Нижегородскаго губернатора объясненія, по какому поводу тамошнее правленіе предполагаетъ продать изъ вашего имѣнія 62 души, и получилъ нынѣ отъ него увѣдомленіе, что сіе учинено было со стороны его въ слѣдствіе сообщенія Санктпетербургскаго Губернскаго Правленія. Но поелику отъ вашего сіятельства въ Ноябрѣ мѣсяцѣ подано въ Нижегородское Губернское Правленіе объясненіе, которымъ опровергаете сей искъ Сутерланда, то оное продажею Нижегородскихъ крестьянъ вашихъ нынѣ остановилось, и какъ скоро совершенно изыскано будетъ, на

кого именно должно пасть то взысканіе, по оправданіи вашемъ, то безъ сомнѣнія рѣшится и кончится съ поспѣшностію причиненное вамъ напрасно безпокойство, о чемъ не премину я убѣждать кого слѣдуетъ. Въ прочемъ и пр.

Петръ Обольяниновъ.

№ 3 Генваря 1 дня 1801 года.

Его сіят-ву князю Голицыну Кіевской губер. въ селѣ Козацкомъ.

*

Сдѣлать по присылаемой формѣ имянной списокъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку господамъ полковникамъ и вручить оной присланному отъ меня человѣку.

Александръ.

Въ лейбъ-гвардіи Преображенской полкъ.

Сего 28 Декабря (1796).

*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

1-е Его Императорское Величество указать соизволилъ, чтобъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитанъ порутчикъ Купреяновъ 4-ой ѣхалъ въ городъ Минскъ для обученія Ростовскаго Мушкатерскаго полка, въ слѣдствіе чего господинъ генералъ, снабдя его нужною инструкціею, извольте его немедленно отправить и велѣть явиться къ генералу лейтенанту Хрущову.

2-е Его Императорское Величество приказалъ, чтобы вы сдѣлали подрядъ шляпамъ на Преображенской полкъ, примѣчая, чтобы туліи были какъ возможно вострѣе и поля подлиннѣе, которыя привезя несвязанныя въ Петербургъ меня рапортовать.

Городъ Несвижъ. Маія 11-го дня 1797 года.

Александръ.

*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Его Императорское Величество согласился на представленіе ваше, чтобъ переходъ сдѣлать изъ Тосны въ Ижору, а изъ Ижоры въ Павловское. Іюня 9-го дня 1797 года.

Александръ.

*

Князь Сергій Ѳедоровичъ.

Его Императорское Величество указать соизволилъ, чтобы квартиргеры его баталіона были отправлены завтра изъ Ижоры въ Павловское тотчасъ по вступленіи баталіона въ Ижору. Баталіону же расположить такъ свой маршъ изъ Ижоры, чтобы онъ пришелъ въ деревню Липицу (гдѣ поворотъ съ Московской дороги въ Павловское) 13-го числа въ 7-мь съ ½ часовъ поутру, гдѣ и ждалъ бы пріѣзда Государя въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ шелъ.

Іюня 11-го числа.

Александръ.

*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Государь мнѣ приказалъ у васъ спросить, для чего вы лично его не рапортовали о причинѣ ареста порутчика Розермана?

Петергофъ, Іюля 15-го дня 1797 года.

Александръ.

*

Князь Сергій Ѳедоровичъ.

Получилъ я отношеніе ваше касательно до моихъ требованій изъ Военной Колегіи, на которое отвѣтствую вамъ, что полки гвардіи, состоя нынѣ подъ вѣдомствомъ помянутой Колегіи, всѣ наши требованія должны отъ нея дѣлаться. Но я только тѣ вещи требовалъ, которыя я нахожусь уже не въ состояніи построить, издержавъ на полкъ болѣе 100.000 рублей, какъ то: палатки, башмаки, рубашки и шинели. Впрочемъ я повелѣнія вамъ никакого на оное дать не могу, Преображенской полкъ состоя подъ особымъ начальствомъ самого Государя.

Александръ.

Іюля 19 дня.

*

Въ Петергофѣ, Іюля 21-го 1797-го.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ. Представленный отъ васъ воинскій судъ, произведенный въ ордонансъгаузѣ гвардіи Преображенскаго полку надъ подпорутчикомъ Розерманомъ, возвращается при семъ съ наддраніемъ: во первыхъ потому, что въ воинскомъ уставѣ точное есть положеніе на преступленія того рода, въ какомъ Розерманъ оказался, вмѣсто чего сентенціею, по неположенію будтобы въ воинскихъ артикулахъ наказанія, предоставлено сіе вышнему сужденію, за что презусу и ассесорамъ сего воинскаго суда сдѣлайте выговоръ; а во вторыхъ и для того, что дѣло сіе по окончаніи его должно препроводить для ревизіи и заключенія въ генералъ-аудиторіатъ.

Павелъ.

*

Отданный при паролѣ отъ Его Императорскаго Величества сего 23-го Іюля приказъ, въ которомъ и прописано, чтобъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка баталіоны генералъ маіоровъ Козлятева и Свѣчина должны выступить въ городъ Павловское сего Іюля 24-го дня такъ, чтобы въ немъ быть 25-го числа въ 7 часовъ утра. Чрезъ что въ свѣдѣнію вашего сіятельства здѣсь предлагаю.

Константинъ.

№ 152. ч. 23 Іюля 1797 года. Петергофъ.

Генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

*

Князь Сергій Θедоровичъ.

Я присылаю къ вамъ коляску для привозу пяти музыкантовъ баталіона Его Величества. Наши войски отмѣнно благополучно вошли. Что-то будетъ далѣе? Пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательной

Александръ.

P. S. Комисію вашу исполнилъ, которая довольно, кажется, хорошо была принята.

Городъ Павловскъ. Іюля 26-го 1797 года.

*

Милостивый государь мой князь Сергѣй Θедоровичъ.

Въ исполненіе желанія вашего я докладывалъ Государю о вашемъ отпускѣ до Сентября и отставкѣ послѣ онаго, на что онъ изволилъ согласиться и оно уже въ приказѣ отдано сего дня, а генералу маіору барону Аракчееву приказано принять полкъ, какъ старшему. Сожалѣю весьма, что симъ случаемъ лишусь удовольствія быть въ такомъ частомъ сношеніи съ вами, какъ прежде и пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательной

Александръ.

Августа 10-го дня.

*

Господину генералу отъ инфантеріи и кавалеру князю Голицыну.

Высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказомъ, отданнымъ при паролѣ сего Августа 10-го числа, объявлено, что вы по желанію вашему въ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего года отъ службы уволены будете. Командованіе жъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ поручается старшему по васъ генералъ-маіору барону Аракчееву, въ силу котораго Высочайшаго повелѣнія и имѣете, господинъ генералъ, лейбъ-гвардіи Преображенской полкъ сдать генералъ-маіору барону Аракчееву, которому о принятіи онаго отъ меня повелѣніе послано. Августа 11-го дня 1797 года. № 1348.

Александръ.

*

С.-Петербургъ. 27-го Генваря 1799 года.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ! По полученіи сего повелѣваю вамъ сдать командованіе корпуса, вамъ порученнаго, генералу отъ кавалеріи Нумсену, равно и всѣ повелѣнія и инструкціи вамъ по оному данныя.

Павелъ.

*

Mon prince.

La lettre que vous avez bien voulu me faire passer m'est exactement parvenue. Je suis on ne peut plus sensible à la confiance que vous voulez bien avoir en moi et je vous prie d'être assuré que je tâcherai de m'en rendre digne. Le récit de vos malheurs m'a touché

on ne peut d'avantage, et je suis au comble de ma joie d'avoir trouvé l'occasion d'en parler à Sa Majesté l'Empereur. Je lui ai fait le portrait de l'état malheureux dans lequel vous vous trouvez; je lui ai parlé de vos deux fils malades qni sont exclus du service; je crois m'être apperçu que Sa Majesté ne sera point inexorable.—Enfin, mon prince, entre nous soit dit, je crois que si vous mettiez aux pieds du Souverain un tableau fidèle des revers, que vous avez essuyé, Sa Majesté daignera vous soulager. Je vous prie donc, mon prince, de me prévenir du départ de votre requête pour qu'à mon tour je puisse prendre mes mesures.

Agréez l'hommage des sentimens trés distingués, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, mon prince, votre très-humble et très-obéissant serviteur.

Comte de Pahlen.

à S. Pétersbourg, ce 2 Janvier 1801.

БУМАГИ АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Князь Сергѣй Θедоровичь. Поздравленіе отъ васъ мнѣ принесенное и желанія, его сопровождающія, пріемлю я съ признательностію и удовольствіемъ. Служба ваша и дарованія всегда будутъ привлекать особенное мое уваженіе. Удовлетворяя желанію вашему мнѣ донесенному, вмѣстѣ съ симъ далъ я Кіевскому военному губернатору повелѣніе о свободномъ пропускѣ дѣтей вашихъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательный.

Александръ.

Въ С. П. Бургѣ. Апрѣля 11-го 1801 года.

*

Милостивый государь мой князь Сергій Θедоровичъ!

По Высочайше данному мнѣ повелѣнію, имѣя нужду объясниться съ вашимъ сіятельствомъ, покорнѣйше прошу удѣлить свободную минуту увидѣться со мною, во ожиданіи чего имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Дмитрій Трощинскій.

Іюля 3 1801.

*

Князь Сергій Θедоровичь, въ доказательство особливаго вниманія моего къ усердной вашей службѣ доставляю вамъ при семъ алмазные знаки ордена Святаго Александра Невскаго, пребывая впрочемъ вамъ благосклонный

Александръ.

Въ Москвѣ. Сентября 15-го 1801 года.

*

Князь Сергѣй Θедоровичъ! Просимое вами дозволеніе быть зрителемъ ревю Прусскихъ войскъ, поелику не зависитъ отъ моей еди-

ной воли, но и отъ согласія его величества короля Прусскаго: то и не могу я иначе удовлетворить сему желанію вашему, какъ предварительно снесясь о семъ, что̀ и прикажу сдѣлать моему министерству; и естьли дозволеніе таковое послѣдуетъ, я тогда васъ увѣдомлю, считая нужнымъ васъ предварить, что вамъ должно будетъ появиться тамъ въ мундирѣ, дабы перемѣна одежды не подала виду къ какимъ либо толкованіямъ и не склонила бы подозрѣнія, что вы находитесь тутъ для особыхъ какихъ либо примѣчаній. Пребываю въ впрочемъ вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С. П. Бургѣ. Маія 6-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Өедоровичъ. Располагая предпринять небольшое путешествіе, вѣроятно буду я и въ Ригѣ, и на таковый случай желалъ бы я, чтобъ вы генералу отъ кавалеріи графу фонъ-деръ-Палену приличнымъ образомъ почувствовать дали, что лучше бы ему на время проѣзда моего отлучиться въ деревни или въ иное мѣсто, что̀ въ настоящее годовое время можетъ онъ учинить безъ всякой непріятной для него огласки. Пребываю вамъ благосклоннымъ. Васъ же прошу равномѣрнымъ образомъ сохранить оное въ тайнѣ *).

Александръ.

Въ С. П. Бургѣ. Маія 10-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Өедоровичъ. Поручивъ вамъ словесно по пріѣздѣ моемъ сюда изъявить рыцарству, магистратамъ и всѣмъ жителямъ губерніи Лифляндской особливую признательность мою за оказательства привязанности, мнѣ оказанныя, нынѣ при отъѣздѣ моемъ сугубое нахожу удовольствіе возобновить имъ чрезъ посредство ваше тѣже чувствованія и мое къ нимъ благорасположеніе. Благоденствіе Россіянъ было и пребудетъ постоянно главнымъ предметомъ моихъ стараній. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ Ригѣ. Маія 26-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Өедоровичъ. Желая дать вамъ опытъ особливаго моего благоволенія и наградить службу вашу, препровождаю у сего знаки ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, повелѣвая вамъ возложить оные на себя. За удовольствіе почитаю дать вамъ сей знакъ моего благорасположенія во время настоящаго вашего начальства. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ Митавѣ. Маія 27-го 1802 года.

---

*) Собственноручно.

*

Господинъ генералъ отъ инфантеріи князь Голицынъ. Съ удивленіемъ усмотрѣлъ я изъ донесенія вашего отъ 15-го Іюля, что вы сами собою уволили въ отпускъ Таврическаго гранодерскаго полку маіора Герздорфа, хотя небезъизвѣстно вамъ должно быть, что безъ повелѣнія моего никто отпущенъ быть не можетъ; то прошу васъ впередъ во всемъ руководствоваться продписаніями моими, чѣмъ избавите меня неудовольствія дѣлать вамъ подобныя сему замѣчанія, маіору же Герздорфу предпишите явиться въ полкъ и коли по болѣзни неспособенъ продолжать службу, то увѣдомите меня.

„Александръ“.

Въ С. Петербургѣ. Іюля 23-го 1802 года.

*

Князь Сергѣй Ѳедоровичъ! Письмо ваше, содержащее въ себѣ жалобу на Кіевское Губернское Правленіе, я въ свое время получилъ.

Тогда какъ вы занимаетесь пользами Отечества, собственныя ваши пользы я пріемлю въ особенную мою защиту: онѣ будутъ ограждены отъ всѣхъ неправыхъ притязаній.

Я приказалъ немедленно всѣ обстоятельства дѣла вашего представить на мое усмотрѣніе, и по существу его не оставлю отдать вамъ полную справедливость и удовлетвореніе. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Александръ.

Въ С. П.-бургѣ. 19 Октября 1809.

*

Съ совершеннымъ удовольствіемъ исполнилъ я порученіе вашего сіятельства, представивъ Государю Императору письмо ваше съ жалобою на Кіевское Губернское Правленіе. Изъ Высочайшаго рескрипта, вмѣстѣ съ симъ слѣдующаго, усмотрѣть изволите участіе, съ коимъ оно принято. Между тѣмъ велѣно тотчасъ дѣло сіе изъ Сената взять и, внеся въ Комитетъ Министровъ, представить оное на усмотрѣніе Его Величеству. Я поставляю себѣ обязанностію наблюсти, чтобъ доведено оно было къ концу и чтобъ несправедливости, кои и прежде мнѣ были извѣстны, сколь можно скорѣе и рѣшительнѣе были пресѣчены.

Всѣ случаи, гдѣ могу я оправдать довѣріе ко мнѣ вашего сіятельства, для меня драгоцѣнны.

М. Сперанскій.

20 Октября 1809.

Письмо безъ подписи.

Душа моя, князь Сергій Ѳедоровичъ. Я молю Бога только, чтобъ чѣмъ нибудь могла я которому нибудь изъ твоихъ любезныхъ сыновей доказать всю свою привязанность и благоугодность, ко-

торую я чувствую за всю твою ласку и любовь къ себѣ въ бытность мою здѣсь. Скажу тебѣ, батюшка, что мы оба дни безъ тебя были у колодца, танцовали тамъ и безъ тебя; но не повѣришь, какъ безъ тебя скучно и пусто, и все не такъ, какъ при тебѣ. Въ банкъ играли въ той комнатѣ, гдѣ бывали при тебѣ музыканты. Жиды входятъ въ залу; видимъ, что то, да не то. Пріѣхала изъ Митавы лечиться сюда mad. l'abbesse Чеглокова. Князь Сергѣй здоровъ и процвѣтаетъ; мы у него чай пили вчера изъ его славнаго самовару; ведетъ себя хорошо, какъ и при тебѣ, къ намъ очень ласковъ и всѣмъ намъ очень милъ. Сегодня графиня Зубова имянинница, обѣдала у насъ; а мы у ней вчера обѣдали; ѣдетъ она завтра на одинъ день въ Руендаль. Старая графиня пріѣхала сюда и ждутъ сегодня Ник. Алекс. жену. Вчера курьеръ пріѣхалъ отъ Буманжене; все также Финкирхенша ревнуетъ красотѣ графинѣ Зубовой, и не можно не ревновать: вчера была какъ Жидовочка, вся въ жемчугѣ, и хороша какъ ангелъ, и ласкова къ намъ ко всѣмъ. Онѣ ужасно какъ въ ней ищутъ: все думаютъ, что Валеріянъ дѣло ихъ сдѣлаетъ въ Сенатѣ; а ты больше всѣхъ ихъ знаешь—сдѣлается или нѣтъ; да оно все, кажется, можно. Прости, батюшка, душа моя, Христосъ съ тобой; дай Богъ тебѣ здоровья и благополучно объѣздить свою губернію. Ужасно люди здѣсь всѣ тебѣ благодарны, кто отъ тебя зависитъ. Вотъ, мой голубчикъ, прямое счастіе я почитаю на свѣтѣ, что эдакъ быть любиму, какъ ты ото всѣхъ, кто тебя знаетъ. Вариньку мою прекрасную и милушку я цѣлую сто разъ. Князю Григ. усердно кланяюсь и всѣхъ трехъ всѣмъ сердцемъ моимъ люблю. Прощай, мой милый князь; будь веселъ и доволенъ. Баронъ все также, какъ и при тебѣ былъ; мы всѣ здоровы. Maman vous envoye deux cents roubles, mon cher oncle et vous prie de les faire changer pour des berlinky et de les lui envoyer le plus tôt possible.

*

Ваше сіятельство, милостивый государь, Сергѣй Ѳедоровичъ.

Бывъ болѣнъ, не надѣясь скоро выѣхать, спѣшу поздравить ваше сіятельство съ полученіемъ Монаршаго награжденія васъ за труды, желая отъ искренняго сердца въ скоромъ времени поздравить васъ генералъ-фельдмаршаломъ; а я бы только, чтобъ былъ тѣмъ счастливъ, чтобы былъ всегда подъ вашимъ начальствомъ.

Алексѣй Аракчеевъ.

10-го Апрѣля.

*

Москва, Маія 13 дня.

Не подумайте, мой милый князь Сергѣй Ѳедоровичъ, что я по отъѣздѣ вашемъ изъ Москвы сошла съ ума и въ безумствѣ моемъ предприняла писать къ вамъ письмо въ чаяніи получить на оное отъ васъ отвѣтъ. Извѣстная мнѣ ваша лѣнь, соединенная теперь со множествомъ дѣлъ, не позволяетъ мнѣ на этотъ счетъ заблуждаться; но я, бывъ убѣждена неотступной просьбой родни моей Катерины Александровны Муромцовой, должна была къ вамъ писать и всепокорнѣйше васъ просить сдѣлать милость взять къ вамъ

въ штатъ (если оно возможно) сына ея, Измайловскаго полку прапорщика Муромцова перваго, который на этомъ пунктѣ повредился, чтобъ служить при васъ, и меня, бабушку, непремѣнно заставилъ къ вамъ писать и васъ объ томъ просить. Но вы должны по привязанности моей къ вамъ быть увѣрены, что я никакой своей просьбой затруднять васъ не хочу; слѣдственно ежели вы сдѣлаете эту милость для Муромцова, то и присоедините сіе новое одолженіе ко всѣмъ тѣмъ, которыя вы привыкли мнѣ оказывать; ежели же и не сдѣлаете, то я нималехонько не огорчусь, потому что и прошу васъ по неотступнымъ и убѣдительнымъ просьбамъ всѣхъ родныхъ и пользуюсь симъ случаемъ, думая, что непротивно будетъ вамъ знать, что̀ со мной и со всѣми моими дѣлается. Скажу вамъ, что мы всѣ здоровы; въ концѣ нынѣшняго мѣсяца непремѣнно должна ѣхать въ Высокое, потому что братъ [1]) изъ Петербурга прямо туда ко мнѣ пріѣдетъ. Въ половинѣ зимы мы съ нимъ будемъ въ Москву; онъ по своимъ дѣламъ, а я по приданому Катинькиному, которой участь уже совсѣмъ рѣшена, но время свадьбы еще не назначено, пока не пріѣдетъ ея женихъ.—Вся семья Волкова по прежнему васъ любитъ, часто васъ вспоминаетъ и очень сожалѣетъ, что не знаетъ, когда опять васъ увидитъ; но Христосъ съ вами, будьте здоровы и во всемъ утѣшены и не забывайте всѣмъ сердцемъ преданную

Маргарету Волкову [2]).

Письма князя А. А. Прозоровскаго.

1.

Почтеннѣйшее и дружеское письмо вашего сіятельства отъ 15-го прошедшаго Іюня имѣлъ я честь и удовольствіе получить. Я всегда удостовѣренъ былъ совершенно въ истинной приверженности вашей къ Отечеству и любви къ Монарху, и что вы всегда готовы жертвовать своимъ покоемъ для пользы службы Государя Императора. Я и теперь повторяю, что у насъ пронесся было слухъ, будто бы вамъ предлагаемо было вступить паки въ службу, но что вы отъ того отказались. Безъ лести скажу вамъ, милостивый государь мой, что личные ваши достоинства и таланты заставляли меня желать имѣть васъ моимъ сослуживцемъ и раздѣлять ваши труды на пользу общую, какъ я о семъ и упомянулъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ моихъ донесеній Государю Императору.

Что̀ касается до сына вашего князя Ѳеодора Сергіевича, то на формальное отношеніе мое къ графу Николаю Петровичу Румянцову, въ коемъ просилъ я его исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о присылкѣ сына вашего ко мнѣ для употребленія его при

---

[1]) Родіонъ Александровичъ Кошелевъ.

[2]) Это—Маргарита Александровна Волкова, рожд. Кошелева, мать Марьи Аполлоновны, коей письма 1812 года напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 года. *П. Б.*

мнѣ, гдѣ признàю за полезное, получилъ я отъ графа Румянцова партикулярное письмо, въ коемъ пишетъ, что онъ пріостановилъ о томъ докладывать Его Императорскому Величеству для того, что изъ отзывовъ Государя Императора имѣлъ случай замѣтить, что Его Величество за излишнее почитаетъ умножать при арміяхъ число молодыхъ людей сего званія и степени. На сіе письмо отвѣтствовалъ я графу Николаю Петровичу отъ 24-го прошлаго Маія, что я счелъ полезнымъ просить объ опредѣленіи вашего сына при мнѣ, какъ во уваженіе собственно вашего желанія, такъ и потому, что молодыхъ людей надобно приготовлять къ государственному служенію, дабы они со временемъ могли заступать наши мѣста. Но на сіе не получилъ я еще отъ господина министра иностранныхъ дѣлъ никакого отзыва.

Въ лагерѣ при селеніи Канени. Августа 12 дня 1808 года.

2.

Почтенное и дружеское письмо вашего сіятельства, зачисленное Декабря минувшаго года, съ искреннимъ удовольствіемъ я получилъ.

Изъ онаго вижу я, что вы въ первыхъ числахъ сего Генваря назначаете отъѣздъ вашъ въ Кіевъ, а 17-го того же мѣсяца выѣхалъ изъ Кіева камергеръ графъ Браницкій и на сихъ дняхъ явился у меня. Я спрашивалъ его, въ Кіевѣ ли вы находитесь; въ отвѣтъ отъ него получилъ, что васъ тамъ нѣтъ: и для того, по неизвѣстности о мѣстѣ вашего пребыванія, отправлю сіе письмо къ Кіевскому гражданскому губернатору г-ну Панкратьеву и прошу его, если вы въ Кіевѣ, отдать вамъ оное, а если васъ тамъ нѣтъ, отправить его по почтѣ въ Санктъ-Петербургъ. Желалъ-бы я, чтобъ вы уже тамъ были: иногда женѣ моей могутъ быть нужны совѣты ваши, тѣмъ паче, что она любила покойнаго своего брата, и печаль еще продолжается въ ея чувствованіяхъ. Я къ ней уже писалъ, чтобъ она не такъ строго исполняла траурный этикетъ; ибо довольно и того, что сердце ея въ трауръ; а таковые этикеты тогда только полезны бываютъ, когда при дворѣ по чужестраннымъ покойникамъ употребляютъ трауръ: ибо отъ того находится экономія въ платьѣ. Впрочемъ опредѣляетъ она свадьбу дѣтей нашихъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ она меня о томъ и увѣдомляетъ; но для чего назначала она совершеніе брака въ Іюнѣ мѣсяцѣ, я не знаю. На дняхъ же ѣдетъ отъ меня курьеръ въ С.Петербургъ, то я ее спрошу, для чего она срокъ свадьбы назначила въ Іюнѣ, а притомъ усильно буду ее просить, чтобъ оная совершилась не позже Апрѣля.

Я васъ, милостивый государь мой, увѣрить могу, что и я ощущаю въ сердцѣ моемъ равное обрадованіе, что случай представился дочери моей сочетаться бракомъ съ сыномъ вашимъ, княземъ Ѳедоромъ Сергіевичемъ и войти въ ваше семейство; а дочь ко мнѣ пишетъ сими словами: „et j'entre dans la famille, qu'il est si „aisé d'aimer et de respecter et qui me témoigne déjà des bontés, „qui me touchent". И я конечно признателенъ по ея мнѣ объясненію,

и увѣренъ какъ въ томъ, что вы и княгиня ваша будете къ ней милостивы и дружны, такъ равно и въ томъ, что дочь моя по ея образу мыслей будетъ стараться быть того достойною. Князь Ѳедоръ Сергіевичъ, кромѣ всѣхъ околичностей, по ея характеру будетъ ею счастливъ; она и хозяйка. Не менѣе того увѣренъ я, что сынъ вашъ не будетъ ей дѣлать несчастія по благородному и воспитаніемъ въ немъ утвержденному чувствованію. Намъ съ вами осталось только желать благополучнаго окончанія совершенія брака любезныхъ нашихъ дѣтей; а князь Ѳедора Сергіевича буду я разумѣть и любить какъ сына. Свѣдавъ отъ жены моей, что Государь Императоръ далъ согласіе на бракъ дѣтей нашихъ, писалъ я Его Императорскому Величеству всеподаннѣйшее мое благодареніе и кстати просилъ о принятіи будущаго моего зятя въ Монаршую милость.

Въ благополучномъ городѣ Яссахъ, Генваря 26 дня 1809-го года.

P. S. Въ Турецiи бунты и междоусобія, что̀ намъ и благопріятствуетъ. Желать надобно, чтобы Гишпанскія дѣла продлились, дабы намъ кончить здѣсь свои. Полномочные Порты пріѣхали; однако, въ разсужденіи необычайной здѣсь зимы, долго ѣхали и теперь только достигли Виддина, и сюда скоро будутъ; я послалъ къ нимъ уже приставовъ. Начнется конгрессъ, но, кажется, будетъ безуспѣшенъ; надобно будетъ приниматься за ружье.—Армія у меня сильна и хороша; надобно только благословеніе Божіе, чтобы въ теченіи сего лѣта кончить съ Турками. Боюсь, что они не въ состояніи собрать арміи по плачевному сей державы положенію; она безъ ошибки спѣшитъ къ своему разрушенію; ибо не съ кѣмъ будетъ ни драться, ни миръ заключить, развѣ въ Константинополѣ миръ утвердить. — А наконецъ мнѣ все сдается, что намъ достанется послужить вмѣстѣ, если мои силы то позволятъ.

3.

Съ искреннимъ удовольствіемъ получилъ я дружескія письма вашего сіятельства, сперва одно отъ 8-го Апрѣля, а потомъ другое отъ 25-го Марта. Не имѣлъ я доселѣ времени на оныя отвѣтствовать, да и теперь крайне недосугъ; но какъ переписка съ вами есть пріятное для меня упражненіе, то хотя вкратцѣ буду отвѣтствовать на письма ваши по порядку ихъ отправленія. Хотѣлъ я было писать къ вамъ своею рукою, но нечеткость почерка моего побудила меня велѣть письмо сіе переписать.

На письмо отъ 25-го Марта. Лестно и пріятно для меня было читать, сколь счастлива дочь моя въ выгодныхъ на счетъ ея заключеніяхъ вашихъ. Устраняя даже слабость любви родительской, я сказать долженъ, что она счастливо родилась; а теперь, слыша о похвальномъ характерѣ князь Ѳедора Сергѣевича, я увѣренъ, что она симъ супружествомъ пріобрѣла новое счастіе, усугубленное еще благосклонностію къ ней вашею, княгини вашей и всего почтеннаго семейства вашего. Я же съ своей стороны принялъ зятя въ сыновья; ибо какъ дочь у меня одна, то мнѣ дѣлить нечего.

На письмо отъ 8-го Апрѣля. О совершенiи брака дѣтей нашихъ я уже извѣщенъ и молю Бога, что бы оный на всегда былъ благополученъ; тогда и мы оба счастливы будемъ.

Участiе, прiемлемое мною въ вашемъ сiятельствѣ, проистекаетъ отъ усердiя моего къ Монарху и Отечеству и отъ искренняго желанiя, чтобы въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ удержать Россiю Россiею, поелику то возможно; васъ же разумѣлъ и разумѣю я всегда имѣющимъ къ тому способности. Всѣмъ извѣстно, что̀ причинилъ прежнiй выборъ командующихъ. Министрамъ у двора надлежитъ теперь быть весьма проницательнымъ, дабы рѣшиться, къ которой сторонѣ пристать для сохраненiя государства; ибо всякая ошибка произведетъ вредъ невозвратимый. Надлежитъ взять въ примѣчанiе, что если Наполеонъ свергнетъ Австрiю, то останется Россiя одна, дабы бороться противу сего непримиримаго воина и самодержца почти цѣлыя Европы. Доселѣ Австрiйцы въ Германiи и въ Италiи больно бьютъ Французовъ; сiе достовѣрно; а я несчастливый предпринялъ штурмъ только на одинъ ретраншаментъ, и тотъ былъ весьма неудачливъ. Армiя противу прежняго имѣетъ недостатки, особливо въ опытныхъ генералахъ, коихъ у меня чрезвычайно мало, прочiе же только для вахтъ-параду хороши, а во время войны и двадцати верстъ съ отрядомъ послать ихъ не можно; при томъ полки смѣшаны съ Поляками, Чухнами и Курляндцами, такъ что прежними Русскими назвать ихъ нельзя, а во многихъ чиновникахъ только личина ложной храбрости и самохвальство. Теперь иду за Дунай, авось Богъ поможетъ исправить первое несчастiе. Надлежитъ жертвовать собою, чтобы доставить благоденствiе Россiи. Объ опредѣленiи вашемъ я уже нѣсколько времени знаю; здѣсь конечно вы бы надобны были; но постъ, вамъ ввѣренный по настоящей войнѣ между Австрiйцами и Французами, гораздо важнѣе.

Въ лагерѣ подъ крѣпостью Браиловомъ, Маiя 1-го дня 1809 года.

4.

Прежнее между нами родство, тѣснѣе еще связанное чрезъ посредство связи дѣтей нашихъ, усугубило и взаимныя дружескiя чувствованiя наши. Сiе самое и даетъ намъ свободу говорить другъ съ другомъ съ полною откровенностiю. Изъ всѣхъ писанiй вашихъ вижу я, что мы совершенно согласны въ образѣ заключенiй нашихъ на счетъ настоящаго критическаго положенiя Европы, въ которой Россiя, любезное Отечество наше, со временъ Петра Великаго заняла первое мѣсто; но съ кончиною Екатерины Вторыя таковая ея слава прекратилась. Всѣ происшествiя, съ того времени случившiяся, вамъ извѣстны. Теперь и послѣдняя преграда, раздѣлявшая насъ отъ всемiрнаго завоевателя, приближается къ паденiю, въ послѣдствiе чего уже Россiя должна будетъ приносить жертвы, или бороться съ самодержцемъ цѣлыя Европы. Начало несчастiя ея, какъ и вы заключаете, ознаменовано будетъ возстановленiемъ королевства Польскаго. Но кому сiе исправить, если уже не позд-

но; неужли графу Румянцову? Не имѣю я надобности описывать личныхъ его достоинствъ; они вамъ извѣстны: чего же тутъ добраго ожидать? Его конечно купить нельзя; но онъ не болѣе какъ un animal à manger du foin, и Коленкуръ имъ руководствуетъ по собственному произволу. Прочихъ министровъ вы также знаете.

Не соглашусь я однакоже съ сомнѣніемъ вашимъ, въ разсужденіи настоянія двора нашего къ заключенію перемирія между Австріею и Франціею. Я почти увѣренъ, что дѣйствительно писано было. Ибо когда положеніе Наполеона не весьма выгодно было, то имѣлъ онъ въ томъ крайнюю нужду; и такъ Коленкуръ приказалъ Румянцову написать, а сей послѣдній исполнилъ и употребилъ, можетъ быть, даже угрозы.

Я пользуюсь всѣми возможными случаями и даже всѣми мѣрами выискиваю оные, дабы безъ всякой воздержности обнаруживать двору нашему то, чего мы ожидать должны. Хотя мнѣ на сіе не отвѣчаютъ, однако же примѣчаю я, что начинаютъ у двора открывать глаза и видѣть, что союзъ съ Французами для насъ вреденъ; но не въ состояніи они основать плана къ полезной перемѣнѣ. Слѣдовательно все въ замѣшательствѣ, и они, не рѣшась ни на что, употребляютъ только самыя малыя и, можетъ быть, даже неприличныя интриги. Вотъ причина, по которой и вамъ не отвѣтствуютъ, ибо не знаютъ, чѣмъ рѣшиться. — Я, не смотря ни на что, пишу правду, почитая сіе обязанностію вѣрнаго сына Отечества. И вы весьма похвально дѣлаете, что на томъ же правилѣ себя основываете. Впрочемъ, какому бы правленію Россія ни подверглась, мы собственность свою удержимъ, хотя бы съ нѣкоторою перемѣною. Но Голштинскій домъ все потерять можетъ.

Теперь все зависитъ отъ важной и большой рѣшимости. По мнѣнію моему, должно пристать къ коалиціи и драться до послѣдняго человѣка, съ тѣмъ, дабы либо пріобрѣсть прежнюю славу Имперіи, либо потерять все. Пусть лучше имя Россіи исчезнетъ; ибо безъ того большая милость будетъ, если въ замѣну Польши велятъ намъ завоевывать земли въ Персіи и добираться до Индостана, дабы пользоваться тамошними богатствами, хотя натура земли полагаетъ непреоборимыя тому преграды. Наполеонъ не упуститъ сего изъ виду и не оставитъ сдѣлать столь выгодныхъ предложеній.

Въ разсужденіи дальнѣйшихъ моихъ военныхъ операцій, описалъ я все въ отношеніи моемъ къ вамъ, для чего и присовокупить здѣсь нечего. Скажу только то, что съ начала никакихъ наставленій мнѣ не давали; но въ послѣдствіи времени, и то недавно, начали оныя присылать, уповательно единственно для того, дабы потомъ военный министръ могъ приписать себѣ честь, что вездѣ и все по однимъ его распоряженіямъ дѣлается.

Со времени неудачливаго Браиловскаго штурма стеченіе многихъ несчастливыхъ и прискорбныхъ обстоятельствъ, встревоживъ чувствительность души моей, вмѣстѣ съ тѣмъ разстроили и физическій составъ тѣла. Наставшіе при томъ сильные жары и чрезвычайное занятіе безконечнымъ письмомъ еще болѣе меня ослабили, и я по-

лучилъ сильный поносъ, къ которому въ послѣдствіи времени присовокупились разные припадки, отъ подагрическихъ и гемороидальныхъ остротъ происходящіе. А какъ тѣлодвиженіе многократно въ жизни мнѣ помогало, то и предпринялъ я небольшое путешествіе, въ той надеждѣ, дабы симъ способомъ вылѣчиться. Хотя путешествіе мнѣ и не вредило, однако же силы мои день ото дня чувствительно убавлялись, такъ что я не только верхомъ ѣздить, но и пѣшкомъ ходить не могу. Видя себя по сему не въ состояніи продолжать командованіе арміею, я, по возвращеніи сюда, Іюля отъ 15-го, представилъ о томъ Государю Императору и просилъ о поспѣшнѣйшей присылкѣ мнѣ преемника. Признаюсь вамъ, милостивый государь мой откровенно, что я писалъ Государю, что я кромѣ васъ никого не знаю способнѣйшаго къ командованію здѣшнею арміею. Теперь, по благости Господней, древняя моя натура безъ лѣкарствъ начала одерживать верхъ надъ болѣзнію, и я чувствую себя лучше противу прежняго. Тѣмъ не менѣе однакоже не могу я еще питать себя совершенною надеждою выздоровѣть и пріобрѣсть въ скоромъ времени достаточныя силы, дабы предводительствовать войсками.

Въ благополучномъ городѣ Галацахъ, Іюля 23 дня 1809 года.

*

Confidentielle.

Mon prince!

Dans la lettre confidentielle que j'eûs l'honneur de vous adresser le 9 de ce mois, j'ai pris la liberté de vous observez, mon prince, „la „convenance que les sujets galliciens de mon auguste maître, qui voud„raient passer de ce côté-ci, se munissent de passeports de nôtre gou„vernement à Léopol ou des capitaines de cercles, pour les faire viser „par vos commandans militaires, même sous le rapport du fond qu'on „peut faire sur eux et dont vous, mon prince, et les généraux sous „vos ordres ne peuvent pas être si bien informés".

Dans la lettre en réponse à celle-la, dont vous m'avez honoré du 10 de ce mois, vous m'avez instruit, mon prince, de ce que vous avez écrit au général Mohr: „que vous ne mettriez aucune difficulté à nos „officiers de venir dans les parties occupées par troupes, si leurs af„faires particulières l'exigeaient et que vous leur donneriez volontiers „des passeports, si le général vous en demandait".

Je ne doute pas, mon prince, que vous n'ayez voulu étendre la même forme sur tous les voyageurs et qu'en l'adoptant, vous vous reserviez, comme de raison, de refuser des passeports pour ceux, que des raisons particulières, politiques ou militaires, à nous non-connues, ne vous permettâssent pas d'admettre.

Vous sentirez, mon prince, qu'outre que vous ne pouvez nous demander qu'une exacte réciprocité, que nous observerons soigneusement chaque fois que vous nous demanderez des passeports pour des Galliciens qui s'adresseront à vous pour cela et sur lesquels nos autorités en Gallicie vous auront fait leur rapport, ou pour des Russes d'après votre seul

désir, il peut y avoir des individus galliciens, que des raisons particulières nous empêcheraient d'admettre dans les circonstances actuelles, et dans ce cas se trouvent tous ceux qui ont pris part aux insurrections de manière ou d'autre, ou qui ont des rapports particuliers avec ceux qui y ont pris part.

Madame la comtesse Potoska, soeur du comte Paris, lequel se trouve d'été à la forteresse d'Olmülz pour l'insurrection de Sanok, était déjà venue une fois jusqu à Teschen, d'où elle à du retourner à Cracovie, lieu de sa demeure, et ses terres sont occupées actuellement par les troupes du duché de Varsovie dans le cercle de Lublin. Elle s'est adressée à moi et à d'autres pour pouvoir aller à Vienne; les ordres que nous avons ne nous ont pas permis de lui envoyer des passeports. Je ne sais, mon prince, comment elle a fait pour en obtenir un de vous avec lequel elle est arrivée ici hier. Je ne doute pas, mon prince, que vous trouverez tout simple, que je ne l'aye pas laissé passer outre et que je la fasse retourner à Cracovie; mais je m'empresse de vous en prévenir, pour obvier à tout faux rapport qui pourrait vous être fait à cet égard.

Monsieur le général-major comte de Sievers m'a fait l'honneur de m'écrire et de demander le passage sur la Vistule de $\frac{10}{m}$ mesures de charbon de terre pour Podgorie, pour les besoins des habitants sous l'entreprise d'un d'entre eux, Loeive Meier. Différentes demandes pareilles du commandant des troupes du duché de Varsovie et de particuliers, l'augmentation que s'en suivrait des galères prises de Cracovie et la facilité avec laquelle les objets passés sur la Vistule parviendraient à Cracovie, sont autant de raisons, qui m'ont fait hésiter à me rendre d'abord aux désirs de monsieur le contre de Sievers et qui m'obligent de prendre un systême fixe sur tout cela, en combinant dans l'époque actuelle les considérations militaires avec les rapports politiques.

Vons me permettrez, mon prince, d'en appeller ici à votre justice et à votre loyauté, pour rendre l'évacuation du cercle de Sandok entière et pour défendre que vos troupes ne continuent d'y faire des réquisitions qui par votre déclaration même ne sont motivées ni autorisées en aucune manière.

Vous paraissez, mon prince, avoir bien jugé l'approche du moment décisif; d'après des bruits il doit-être arrivé. Je suis cependant encore sans nouvelle officielle.

Prince de Didrichstein.

Biala, près Bielitz, ce 20 Octobre 1809 n. s.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Если императоръ Наполеонъ считалъ нужнымъ разстрѣливать и вѣшать поджигателей, то тѣмъ болѣе его заботы должны были обратиться на то, чтобы водворить порядокъ въ войскахъ, совершенно разрушенный дозволеннымъ грабежемъ и безнаказанными истязаніями и убійствами мирныхъ жителей Москвы. Одного переѣзда отъ Петровскаго парка до Кремля достаточно было для его зоркаго взгляда, чтобы замѣтить, что дисциплина въ его войскахъ совершенно разстроилась. Солдаты разныхъ корпусовъ дрались между собою изъ-за добычи, обворовывали другъ друга, не повиновались начальникамъ, видя, что многіе изъ офицеровъ также грабятъ, какъ и они, а генералы переѣзжаютъ изъ одного дома въ другой съ тѣмъ, чтобы въ новомъ помѣщеніи овладѣть новою добычею [1]). Свидѣтельства, конечно робкія, окружавшихъ Наполеона лицъ, если только онъ обращался къ нимъ, должны были подтвердить вѣрность этого взгляда. Онъ не могъ не замѣтить, что грабившіе Москву солдаты его арміи были большею частію пьяны: находя значительное количество винъ въ погребахъ, они тутъ-же распивали ихъ. Такое состояніе усиливало какъ безпорядочность, такъ и жестокость грабежа. Поэтому, пріѣхавъ въ Кремль, Наполеонъ немедленно приказалъ генералъ-интенданту великой арміи графу Дюма̀ собрать все оставшееся вино въ Москвѣ и помѣстить въ особыхъ магазинахъ: хлѣбное для правильной раздачи войскамъ, виноградное для употребленія въ госпиталяхъ. Но могъ ли быть исполненъ этотъ приказъ въ разгаръ грабежа? На другой же день маршалъ Бертье доносилъ императору (19 Сентября): „Графъ Дюма̀ мнѣ сообщилъ, что ваше величество приказали ему собрать все вино, которое еще можно найти въ погребахъ сгорѣвшихъ домовъ въ городѣ; но для того чтобы распоряженія, которыя по этому поводу будутъ сдѣланы, достигли цѣли, необходимо предписать герцогу Тревизскому, чтобы онъ распорядился прекращеніемъ грабежа съ завтрашняго же дня. Испрашиваю вашихъ приказаній" [2]). Вѣроятно Наполеонъ далъ согласіе на предложеніе Бертье, который въ тотъ же день писалъ маршалу Даву: „Императоръ прика-

---

[1]) Chev. d'Ysarn, Relation du sejour des Français à Moscou, стр. 26—27.

[2]) Подлинники, какъ этого письма, такъ и всѣхъ другихъ проказовъ, приводимыхъ далѣе безъ особыхъ указаній, находятся въ числѣ отбитыхъ у непріятеля бумагъ, въ Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба.

зываетъ, чтобы съ завтрашняго дня грабежъ былъ прекращенъ въ Москвѣ. Поэтому вы устроите нужное число патрулей изъ пѣхоты и кавалеріи, которые бы развели солдатъ къ ихъ корпусамъ и чтобы никто не смѣлъ отыскивать добычи ни въ погребахъ, ни въ домахъ. Вы примете мѣры, чтобы они не оставляли мѣстъ своего квартированія, и въ полдень, или въ три часа, или когда найдете удобнѣе, вы сдѣлаете перекличку и доставите мнѣ вѣдомости, чтобы его величество зналъ число войновъ, которыми онъ можетъ располагать. Это чрезвычайно важно". Наполеонъ вынужденъ былъ однакоже нѣсколько разъ повторять это приказаніе. На другой же день начальникъ его главнаго штаба опять писалъ маршалу Даву: „Императоръ съ неудовольствіемъ усматриваетъ, что, не смотря на приказъ, отданный вчера о прекращеніи грабежа, грабежъ производился сегодня точно въ такихъ же размѣрахъ, какъ и прежде. Я считаю нужнымъ повторить, что вы должны заставить уважать приказанія императора, удерживать солдатъ въ ихъ помѣщеніяхъ, поручить офицерамъ, чтобы они наблюдали за ними и наконецъ возстановить дисциплину и надлежащій порядокъ" *). На слѣдующій день Бертье пишетъ: „Императоръ не только желаетъ, чтобы грабежъ былъ прекращенъ въ Москвѣ, но чтобы не наряжали и партіями солдатъ для собиранія жизненныхъ припасовъ или другихъ предметовъ. Въ городѣ находится еще очень много солдатъ посланныхъ съ такими порученіями. Его величество запрещаетъ подобные наряды. Поэтому выдайте приказъ по вашему корпусу, чтобы никто по такому поводу не являлся въ городъ". Во исполненіе такихъ предписаній, отъ каждаго баталіона наряжались патрули изъ 15 человѣкъ солдатъ, съ офицерами, которые обязаны были прекращать безпорядки и забирать солдатъ, отлучившихся отъ полковъ. Мародеры изъ гвардіи являлись даже въ Кремль съ награбленною добычею. Сентября 17 (29) былъ выданъ новый приказъ за подписью маршала Бертье: „Не смотря на предписанія о прекращеніи грабежа, онъ все-таки продолжается въ нѣкоторыхъ частяхъ города; поэтому предписывается г.г. маршаламъ и корпуснымъ начальникамъ удерживать солдатъ въ границахъ назначенныхъ для нихъ мѣстъ пребыванія. Строго воспрещается давать позволеніе офицеру или солдату, одному или нѣсколькимъ, ходить по городу для отысканія муки, кожи или иныхъ предметовъ". Слово всевластнаго Наполеона сдѣлалось безсильно: до такихъ размѣровъ дошло разстройство его великой арміи. Изъ этого же приказа можно замѣтить, что начальники его войскъ оправдывались передъ нимъ тѣмъ, что солдаты нуждались въ хлѣбѣ и обуви, что необходимость вынуждала ихъ къ отысканію средствъ для существова-

---

*) Moscou le 20 Sept. 1812: L'empereur voie avec peine que malgré l'ordre donné hier d'arrêter le pillage on s'y est encore livré aujourd'hui, au moins autant qu'auparavant; je ne puis que vous rappeler que vous devez faire respecter les ordres de l'empereur, tenir les soldats dans leurs casernes, les faire surveiller par leurs officiers et rétablir enfin la discipline et le bon ordre.

нія. Въ первые дни грабежа, солдаты, утоляя лишь дневной голодъ и жажду, накидывались преимущественно на предметы цѣнные, и какой нибудь корпусъ, награбивъ множество золотыхъ и серебряныхъ вещей, дорогихъ мѣховъ и матерій, черезъ нѣсколько дней не имѣлъ пищи. Въ первое время они не ѣли ни икры, ни соленой и копченой рыбы, ни соленыхъ огурцовъ и кислой капусты, не пили простаго хлѣбнаго вина, достаточно упиваясь виноградными винами. Вышеназванною пищею поддерживали свое существованіе несчастные Русскіе обыватели Москвы [3]. Въ послѣдствіи, по мѣрѣ истощенія продовольствія, непріятели сдѣлались менѣе разборчивы; но когда состоялся приказъ, о которомъ идетъ рѣчь, они еще не дошли до такого состоянія, хотя многіе уже нуждались въ пропитаніи. Чтобы помочь этому, думали замѣнить безпорядочный грабежъ правильною раздачею необходимыхъ для солдатъ вещей и продовольствія изъ магазиновъ. „Такъ какъ безпорядокъ господствуетъ въ городѣ, то ни одинъ купецъ не торгуетъ законнымъ образомъ, и лишь маркитанты и солдаты позволяютъ себѣ торговать награбленными вещами, что̀ только поддерживаетъ безпорядокъ. Императоръ приказалъ главному интендантскому управленію собрать въ магазины все, что̀ оставлено въ городѣ жителями, которые бѣжали, бросивъ свое имущество. Онъ намѣренъ воспользоваться оставшимся имуществомъ для правильныхъ раздачъ войскамъ“. Войскамъ роздано было на пятнадцать дней водки; виноградное вино предназначалось для госпиталей, и запрещалось отыскивать продовольствія и грабить. „Прекращеніе грабежа и водвореніе порядка могли возвратить изобиліе въ эту столицу“, писалъ Наполеонъ. Губернатору города Москвы, герцогу Тревизскому, предписывалось отдать приказъ, чтобы караулы на заставахъ и разные посты и патрули въ городѣ забирали тѣхъ, которые будутъ продолжать грабить и чтобы всѣ маршалы приняли мѣры для защиты крестьянъ, „которые будутъ везти припасы и фуражъ въ Москву“.

Чтобы придать дѣйствительное значеніе всѣмъ этимъ мѣрамъ, приказъ князя Невшательскаго оканчивался слѣдующею угрозою: „Солдаты, которые будутъ пойманы и уличены въ грабежѣ, съ завтрашняго дня, т. е. съ 18 (30) Сентября, будутъ предаваемы военному суду и судимы по всей строгости законовъ“ [4]).

Можетъ быть, эти строгія предписанія, угроза судомъ, которая не рѣдко и приводилась въ исполненіе, уменьшили грабежъ; но вѣроятнѣе, что первоначальная безпощадная ярость грабежа затихла отъ того, что солдатамъ ничего не оставалось грабить. „Приказано было прекратить грабежъ“, говоритъ офицеръ Наполеоновой арміи, „но онъ продолжался во все пребываніе Французскихъ войскъ въ Москвѣ. Офицеры смотрѣли на это сквозь пальцы, и только немно-

---

[3]) B..ch., Hist. de la destruction de Moscou, стр. 103—104.

[4]) Русс. Архивъ 1864 г. изд. 2, стр. 835—838.

гіе изъ нихъ умѣли остановить его въ нѣкоторыхъ частяхъ города“ [5]).

Среди этихъ заботъ привести въ порядокъ войска, заботъ, поглощавшихся все вниманіе Наполеона, случилось происшествіе, которое смутило его и сильно возволновало всѣхъ его окружавшихъ. Съ 3-го Сентября авангардъ Французской арміи, подъ предводительствомъ Себастьяни, шелъ по пятамъ за удалявшимся войскомъ Кутузова, по Рязанской дорогѣ. Русскіе постоянно уступали ему мѣстности. Перейдя Москву-рѣку, достигнувъ г. Бронницъ, 8 Сентября, Французы замѣтили, наконецъ, что уже нѣсколько дней передъ ними находились только незначительные отряды казаковъ, которые въ этотъ день внезапно скрылись. Немедленно, 10 Сентября утромъ, былъ отправленъ офицеръ съ донесеніями къ маршалу Бертье. Въ тотъ же день посланный пріѣхалъ въ Москву, не встрѣтивъ никакихъ препятствій на пути и впущенъ былъ въ Кремль, гдѣ Наполеонъ дѣлалъ смотръ гвардіи. Бертье стоялъ возлѣ императора, и офицеръ долженъ былъ передать письмо Монтіону. „Между тѣмъ, разсказываетъ этотъ офицеръ, меня со всѣхъ сторонъ осыпали вопросами, гдѣ находятся войска, тотъ или другой корпусъ. Когда я объяснилъ, въ какомъ положеніи дѣла по Рязанской дорогѣ, что я ничего не знаю о другихъ корпусахъ и что мы слышали только отдаленную пушечную пальбу съ праваго фланга, всѣ выразили удивленіе, потому что многіе предполагали, что армія идетъ къ рѣкѣ Окѣ, преслѣдуя Русскихъ. Удивленіе возрасло, когда я сказалъ, что мы видѣли передъ собою лишь нѣсколько казачьихъ полковъ“. Между тѣмъ къ новопріѣзжему подошелъ Монтіонъ и спросилъ, гдѣ онъ оставилъ войска и что̀ они дѣлаютъ. Получивъ въ отвѣтъ, что авангардъ находится у Бронницъ и вчерашній день прошелъ въ бездѣйствіи, Монтіонъ спросилъ, знаетъ-ли онъ, какія непріятельскія войска находятся передъ ними?—Мы никого не видали, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ“, отвѣчалъ офицеръ. „Не полагаете ли вы, что эти вооруженные крестьяне предвѣщаютъ полное народное возстаніе?“ „Я не могъ отвѣчать удовлетворительно на этотъ вопросъ, разсказываетъ офицеръ, но присовокупилъ, что они гораздо смѣлѣе Испанскихъ гверильясовъ, хотя и хуже ихъ вооружены. Узнавъ, что они не терпятъ нужды въ провіантѣ и фуражѣ, Монтіонъ заключилъ разговоръ словами: „Скажите вашему генералу, что депеши, которыя вы привезли, представлены императору“ [6]).

Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ, въ тотъ же день пришло другое, о дѣйствіяхъ генералъ-маіора Дорохова на Можайской дорогѣ. Раннимъ утромъ 10 Сентября, одинъ изъ его отрядовъ въ селѣ Перкушковѣ напалъ на непріятельскій обозъ, ѣхавшій въ Москву подъ

---

[5]) Показанія майора Шмидта, тамъ же, стр. 820.

[6]) Этотъ офицеръ былъ Брандтъ, служившій прежде во Французскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Испаніи. Aus dem Leben des Gen. v. Brandt. Berlin, 1870 г., стр. 437—439.

значительнымъ прикрытіемъ и ночевавшій въ этомъ селѣ. Передъ разсвѣтомъ отрядъ ударилъ на деревню, взялъ въ плѣнъ двухъ капитановъ, 5 офицеровъ и 92 человѣкъ нижнихъ чиновъ и когда нѣкоторые изъ нихъ разбѣжались по избамъ и сараямъ, онъ зажегъ сіе послѣдніе и поднялъ на воздухъ 36 фуръ съ артилерійскими снарядами". Въ тоже время другой отрядъ напалъ на аріергардъ, прикрывавшій паркъ, который направлялся въ Москву, истребилъ его и взялъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 97 рядовыхъ, сжегъ также болѣе 20 фуръ съ снарядами. Тогда же получены извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ отрядовъ изъ корпуса Винцингероде по Тверской дорогѣ противъ Французскихъ фуражировъ [7]. „Мы потеряли слѣдъ Русскихъ войскъ", говорилъ Наполеонъ генералу Себастьяни, раздражаясь и осыпая его упреками [8]. Мюрату, находившемуся въ Москвѣ, немедленно поручено отправиться къ авангарду. Предполагая, что частые переговоры на аванпостахъ съ Русскими послужили поводомъ къ тому, что Себастьяни былъ обманутъ, Наполеонъ велѣлъ маршалу Бертье написать къ нему, что подъ страхомъ смертной казни запрещается входить въ переговоры съ Русскими аванпостами. „Его величеству угодно, писалъ Бертье, чтобы сносились съ непріятелемъ только ружейными и пушечными выстрѣлами" [9]. Въ слѣдъ за выѣздомъ Мюрата, Наполеонъ приказалъ кн. Понятовскому съ Поляками идти на Тульскую дорогу къ Подольску, а маршалу Бессьеру, герцогу Истрійскому, съ наблюдательнымъ корпусомъ, который немедленно былъ составленъ изъ частей разныхъ корпусовъ, на Калужскую дорогу къ Деснѣ. При общемъ разстройствѣ войскъ вслѣдствіе грабежа, Наполеонъ употребилъ всѣ годныя для боевой службы, чтобы разослать ихъ по разнымъ направленіямъ для узнанія, гдѣ именно находится Русская армія. Безпрерывно онъ диктовалъ самыя настоятельныя предписанія Мюрату, Бессьеру, Понятовскому; по нѣскольку разъ въ день приходилось маршалу Бертье писать къ нимъ [10]. Тревога Наполеона усиливалась опасеніями его маршаловъ и въ свой чередъ усиливала то мрачное настроеніе духа, въ которомъ они находились послѣ сожженія Москвы. „Имъ все казалось, и особенно со стороны Можайска, что Кутузовъ перерѣзалъ сообщенія Французской арміи", говоритъ одинъ изъ секретарей Наполеона [11]. На другой-же день по отъѣздѣ изъ Москвы, Мюратъ прислалъ императору полученное отъ Себастьяни донесеніе, въ которомъ тотъ настаивалъ, что Русская армія отступаетъ къ Рязани и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ составить сильный авангардъ подъ его начальствомъ и двинуться не-

---

7) Донесеніе ген. майора Дорохова кн. Кутузову отъ 10 Сент. Донесеніе кн. Кутузова императору отъ 11-го Сент.

8) B. Denniée, Itinéraire de l'emp. Napoleon, Paris, 1842 г., стр. 100.

9) Письмо Бертье къ Мюрату 22 Сент. и. ст. Fain, Manuscrit, стр. 177.

10) Fain, Manuscrit, стр. 177—183.

12) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 112—113; 180—181.

медленно противъ Русскихъ; но Мюратъ не раздѣлялъ этой мысли и предполагалъ, что кн. Кутузовъ отступилъ на Тульскую дорогу для прикрытія этого города. Наполеонъ находился въ недоумѣніи. Въ тотъ же день, ночью съ 23 на 24 н. ст., онъ писать Неаполитанскому королю: „Единственная цѣль, къ которой вы должны стремиться, заключается въ томъ, чтобы напасть на слѣды непріятеля. Меня увѣряютъ, что Кутузовъ черезъ Серпуховъ идетъ на Калугу. Обратитесь въ эту сторону".

Но болѣе всего смущали Наполеона дѣйствія нашихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. Онъ не могъ рѣшить, случайные-ли это набѣги небольшихъ отрядовъ и преимущественно казаковъ, или Русская армія идетъ наперерѣзъ его сообщеній и вызываетъ его на бой въ то время, когда онъ не можетъ противопоставить ей своихъ войскъ, совершенно разстроенныхъ и обремененныхъ награбленною добычею, когда онъ еще не привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ и не возстановилъ хотя бы до нѣкоторой степени дисциплины. Онъ ожидалъ разъясненій отъ маршала Бессьера, посланнаго имъ на Калужскую дорогу. Но первое донесеніе Бессьера не было успокоительно. Не доходя до Десны, онъ сообщалъ собранныя имъ свѣдѣнія о Русскихъ войскахъ и замѣчалъ, что „ничего нѣтъ удивительнаго, если старый Русскій генералъ, ускользнувъ отъ Неаполитанскаго короля, идетъ со всею арміею на перерѣзъ нашихъ сообщеній съ Смоленскомъ". Наполеонъ приказалъ написать отвѣтъ, что вся его армія готова выступить въ походъ и что онъ рѣшился отбросить Русскихъ за Оку, что онъ ожидаетъ только извѣстій отъ Бессьера и Мюрата, которыя укажутъ, куда направить движеніе войскъ, на Коломну, или на Тулу. „Сообщите намъ свѣдѣнія, какъ можно скорѣе", прибавлялъ Бертье, встревоженный постоянно приходившими извѣстіями объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. „Императоръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ васъ извѣстій", писалъ онъ въ тоже время Неаполитанскому королю. Слухъ о пораженіи отряда гвардейскихъ драгуновъ маіора Мартода, перехваченная Французская почта и два курьера съ депешами, распространили тревогу по всей Можайской дорогѣ, покрытой обозами и отсталыми. Наполеонъ немедленно отправилъ туда маіора Летора съ отрядомъ гвардейскихъ драгуновъ и въ слѣдъ за нимъ всю остальную дивизію генерала Сенъ-Сюльписа, предписывая маршалу Бессьеру скорѣе занять Десну, что́ по его предположенію должно было удалить Русскіе отряды съ этой дороги. Въ тотъ же день онъ поручилъ приказать генералу Бараге-д'Ильє въ Смоленскѣ и маршалу Жюно въ Можайскѣ, чтобы конница и артилерія, сопровождающія обозы, шли вмѣстѣ, не раздѣляясь ни подъ какими предлогами, чтобъ при остановкахъ составляли каре вокругъ обоза, чтобы начальникъ конвоя находился въ рединѣ и чтобы каждый конвой былъ подъ вѣдѣніемъ штабъ-офицера и состоялъ изъ полутора тысячи строевыхъ чиновъ, пѣхоты и конницы.

Неизвѣстность о движеніяхъ князя Кутузова продолжалась въ главной квартирѣ великой арміи до 14 Сентября ст. ст. Въ ночь

подъ этотъ день, получено было извѣстіе отъ Мюрата, что онъ дошелъ до Подольска, что Десна очищена Русскими и арміи Кутузова не находится у Красной Пахры. За тѣмъ пришли извѣстія объ отступленіи его аріергарда. На требованіе Неаполитанскаго короля о подкрѣпленіи находившагося подъ его начальствомъ авангарда маршалъ Бертье отвѣчалъ: „Императоръ далъ повелѣніе арміи быть готовою къ выступленію въ эту ночь (на 28 Сент. н. ст.) Впрочемъ (прибавлялъ онъ) извѣстія отъ маршала Бессьера ожидаются сегодня вечеромъ, и тогда императоръ рѣшитъ, нужно-ли двинуть армію“ [12]).

Усиливъ авангардъ, выдвинувъ на путь своихъ сообщеній сводный корпусъ Бессіера, едва ли могъ Наполеонъ, при томъ разстройствѣ, въ которомъ находились его войска, думать о томъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія и вызвать князя Кутузова на новый бой, какъ этого желалъ Неаполитанскій король. Для того нужно было: во 1-хъ, обезпечить путь своихъ сообщеній съ Можайскомъ и Смоленскомъ и во 2-хъ, убѣдиться въ томъ, не рѣшится-ли князь Кутузовъ на дѣйствія наступательныя. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, онъ долженъ былъ принять вызовъ и дать сраженіе. Но когда онъ убѣдился, что Русскія войска отступили къ Тарутину и укрѣпляютъ позицію, приготовляясь только отражать нападенія, что отрядъ Дорохова отступилъ съ Можайской дороги, что его сообщенія свободны и охраняются корпусомъ Бессьера, расположеннымъ у Горокъ: то цѣль его была достигнута. Онъ писалъ о своемъ намѣреніи выступить со всею арміею для того, чтобы придать бодрости духа своимъ маршаламъ и, распустивъ слухъ объ этомъ намѣреніи, принудить Русскія войска къ дальнѣйшему отступленію. Въ тоже время, когда онъ выражалъ эту мысль, обѣщая даже отбросить Русскихъ за Оку, онъ поручалъ написать Бессьеру: „Если непріятель остановится у Пахры, то императоръ намѣренъ выступить противъ него и дать сраженіе; но вѣроятно онъ не будетъ этого дожидаться, и вся цѣль его состоитъ лишь въ томъ, чтобы убѣдиться, вся ли наша армія находится передъ нимъ. Императоръ желаетъ избавить войска отъ новыхъ трудовъ и потому не двигать своей арміи противъ непріятеля. Увѣрьте всѣхъ, что его величество со всею арміею идетъ за вами“ [13]). Наполеонъ поручалъ также Бертье распространить слухъ, что ему чрезвычайно было бы пріятно, еслибъ Русская армія двинулась къ Можайску и такимъ движеніемъ поставила бы себя между двухъ его армій. Въ сущности же ему было пріятно то, что онъ могъ оставаться въ Москвѣ и употреблять мѣры къ приведенію въ порядокъ войскъ, которыя конечно, въ продолженіи 25 дней пребыванія, могли бы отдохнуть, еслибъ грабежъ не разстроивалъ ихъ совершенно.

---

[12]) Тамъ же, стр. 182—190; M. Chambray, Hist. de l'expédition de Russie, т. III, прилож., стр. 407—417.

[13]) Бертье маршалу Бессьеру отъ 27 Сент. н. ст. B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 185—189.

Въ избыткѣ удовольствія, Наполеонъ въ этомъ же письмѣ счелъ возможнымъ похвалить дѣйствія Русскаго главнокомандующаго. Вѣроятно Бессьеръ писалъ ему, что послѣ Бородинской битвы князю Кутузову совѣтовали отступить къ Калугѣ. Отвѣчая на это, Наполеонъ говорилъ: „Движеніе на Калугу было бы явнымъ приглашеніемъ Французской арміи идти на Москву. Кутузовъ поступилъ такъ, какъ и слѣдовало ему поступить, отступивъ къ Москвѣ. Эта мѣра была до такой степени хороша, что если бы начальникъ артилеріи генералъ Ларибуасьеръ показалъ въ своей вѣдомости на 25 т. пушечныхъ выстрѣловъ менѣе разрядовъ, то императоръ долженъ бы былъ остановиться (хотя поле для битвы представлялось чрезвычайно выгоднымъ), потому что нельзя было бы взять редутовъ безъ артилеріи, снабженной большимъ количествомъ зарядовъ".

Успокоившись отъ тревоги, причиненной неизвѣстностью, гдѣ находится Русская армія и опасеніемъ, чтобы она не вызвала его на новое сраженіе, Наполеонъ принялъ мѣры для водворенія порядка въ Москвѣ. Маршалъ Мортье, назначенный губернаторомъ Москвы, принялся дѣятельно за отправленіе своей новой должности. Устроено было полицейское управленіе, подчиненное ему. Лессепсъ, бывшій долго консуломъ въ Петербургѣ и вызванный во Францію въ 1811 году, былъ назначенъ начальникомъ муниципальнаго управленія, составленнаго изъ Московскихъ жителей, Русскихъ и иностранцевъ. Сентября 19-го (1 Октября н. ст.) онъ обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе, въ печатныхъ листахъ, слѣдующее *провозглашеніе*, на Французскомъ и Русскомъ языкахъ (proclamation).

„Жители Москвы! Ваши несчастія велики, но его величество императоръ и король желаетъ прекратить ихъ. Ужасные примѣры вамъ показали, какъ онъ наказываетъ неповиновеніе и преступленія. Приняты строгія мѣры для прекращенія безпорядковъ и возстановленія общей безопасности. Отеческое управленіе, составленное изъ васъ самихъ, будетъ вашею городскою управою (municipalité). Оно будетъ заботиться о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Ея члены будутъ отличаться красною лентою надѣтою черезъ плечо, а городской голова сверхъ того будетъ носить бѣлый поясъ. Но внѣ отправленій своей службы они будутъ носить перевязь на лѣвой рукѣ изъ красной ленты. Городская полиція возобновлена въ ея прежнемъ видѣ, и ея дѣятельностію введенъ уже лучшій порядокъ. Правительство избрало и назначило двухъ главныхъ коммисаровъ или полицеймейстеровъ и 20 частныхъ коммисаровъ или приставовъ въ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ будете узнавать по перевязи изъ бѣлой ленты на лѣвой рукѣ. Многія церкви различныхъ исповѣданій открыты, и въ нихъ безпрепятственно производится богослуженіе. Ваши сограждане ежедневно возвращаются въ свои жилища, и отданы приказанія, чтобы имъ, въ несчастномъ ихъ положеніи, оказывали должную помощь и покровительство".

„Такія мѣры приняты правительствомъ для того, чтобы возстановить порядокъ и облегчить ваше положеніе. Но чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы и вы приложили къ тому свои старанія, чтобы забыли, по возможности, тѣ несчастія, которыя вы претерпѣли, наполнили бы ваши души надеждою на участь менѣе суровую, чтобы вы были увѣрены, что неизбѣжная и позорная смерть ожидаетъ тѣхъ, которые бы осмѣлились покуситься на васъ лично или на ваши имущества

и не сомнѣвались наконецъ въ томъ, что они будутъ сохранены, потому что такова воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ".

„Солдаты и обыватели, какой бы народности вы ни были! Возстановите общественное довѣріе (la confiance publique), источникъ благоденствія государствъ; живите какъ братья, подавайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь вмѣстѣ, чтобы не дать ходу намѣреніямъ злыхъ людей; повинуйтесь гражданскимъ и военнымъ властямъ, и въ скоромъ времени перестанутъ литься ваши слезы".

Это воззваніе, подписанное „интендантомъ города и Московской провинціи" Лессепсомъ, распространенное по городу во множествѣ печатныхъ листовъ, должно было внушить нѣкоторую надежду несчастнымъ обывателямъ Москвы. Но суждено ли было осуществиться такой надеждѣ?

Когда задумали учредить полицію и городское управленіе, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ-Французъ, то первую не трудно было устроить, потому что не были строги въ выборѣ и потому что тѣ, которые принимали полицейскія должности, надѣялись защитить себя отъ грабежа и пріобрѣсти насущный хлѣбъ. На это рѣшились только тѣ, которые не имѣли никакихъ другихъ средствъ для существованія. Но трудно было устроить городское управленіе, потому что всѣ, кому предлагали въ немъ участіе, постоянно отказывались. Настойчивыя увѣренія, что ихъ обязанности будутъ заключаться только въ томъ, чтобы заботиться о поддержаніи порядка въ городѣ и опасеніе, что рѣшительнымъ отказомъ навлечешь на себя новыя бѣдствія, заставили нѣкоторыхъ, особенно изъ купцовъ, принять эти должности [14]). Разсказы современниковъ, вынужденныхъ принять участіе въ этомъ городскомъ управленіи, объясняютъ, какъ оно составлялось. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ ихъ домъ пришелъ Французскій офицеръ и потребовалъ одного изъ членовъ купеческаго семейства къ интенданту Лессепсу. Все семейство пришло въ ужасъ; но когда позванный купецъ явился къ Лессепсу, онъ объявилъ ему, что онъ избранъ въ муниципальное управленіе, гдѣ и долженъ занять свое мѣсто. „Я, выслушавъ приказаніе (пишетъ Московскій обыватель въ своихъ воспоминаніяхъ) просилъ его объ увольненіи, представляя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и восемь человѣкъ дѣтей и что часть нашего дома сгорѣла, и онъ весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ, что онъ уволить меня не можетъ, потому что я выбранъ не имъ, а самими Русскими. Я настоятельно повторилъ мою просьбу; онъ долго слушалъ и наконецъ, разсердившись, сказалъ: „Что же вы со мною разговариваете? Развѣ хотите, чтобы я о васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору Наполеону, который, въ примѣръ другимъ, прикажетъ васъ разстрѣлять?" Принудительное средство достаточно сильное, и привесть его въ исполненіе въ то время ничего не стоило Лессепсу: въ своей прокламаціи онъ прямо заявляетъ, что императоръ предаетъ позорной казни не только зажигателей, но и *ослушниковъ*

---

[14]) Chev. d'Ysarn, Relation du sejour des Français à Moscou, стр. 28.

его воли. Послѣ этого, говоритъ разскащикъ, „я уже не нашелся и не осмѣлился сказать ни слова. Лессепсъ, походя по комнатѣ, приказалъ мнѣ идти за собою и ввелъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ уже голова засѣдалъ съ своими товарищами. Имъ сказалъ, чтобы показали мѣсто и приказалъ мнѣ его занять, что̀ я и принужденъ былъ исполнить" [15]). Головою былъ назначенъ купецъ Находкинъ. Его также вызывали къ Лессепсу, который объявилъ ему, что онъ назначается городскимъ головою. Находкинъ отвѣчалъ: „Ваше превосходительство! Какъ честный человѣкъ, я долженъ прежде всего объявить вамъ, что никогда я ничего не сдѣлаю противъ моей вѣры и моего Государя". Лессепсъ, нѣсколько удивленный рѣшительностію Находкина, отвѣчалъ: „Вражда императора Наполеона съ императоромъ Александромъ до васъ не касается; ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ города". О самомъ Находкинѣ и его дѣятельности сохранили добрыя воспоминанія Московскіе обыватели того времени, какъ Русскіе, такъ и иностранцы. Въ товарищи ему были назначены именитый гражданинъ Ѳедоръ Фракманъ, купецъ Петръ Коробовъ и надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ [16]). Сей послѣдній, послѣ встрѣчи съ Наполеономъ, находился подъ охраною офицера Французскихъ войскъ, въ домѣ князя Одоевскаго у Петровскаго монастыря, когда, по приказанію императора, его потребовали къ коменданту города графу Мило̀, который съ запискою отъ себя отправилъ его къ маршалу Мортье. „Я не могу довольно похвалиться, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, привѣтливостью и ласкою этого маршала". Онъ спросилъ Бестужева, тотъ ли онъ самый, которому было поручено хранить архивы въ Кремлѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Мортье изъявилъ сожалѣніе къ его несчастному положенію, предлагалъ ему одежду и денегъ (которыхъ тотъ не принялъ), сказалъ ему объ учрежденіи городскаго управленія въ Москвѣ и объявилъ волю императора, чтобы онъ принялъ званіе товарища головы. „На первый разъ, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, я сдѣлалъ было отрицаніе мое отъ участія въ немъ; но маршалъ говорилъ, что это управленіе учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ считаютъ такое учрежденіе единственнымъ средствомъ защитить несчастныхъ моихъ соотечественниковъ отъ грабежа, насилій и обидъ; слѣдовательно и отклоненіе отъ участія въ исполненіи этого намѣренія, съ моей стороны, несправедливо". Къ тому же маршалъ прибавилъ, что онъ не рѣшится донести императору объ его отказѣ. Онъ показалъ ему наставленіе, данное этому управленію. Прочитавъ его, Бестужевъ согласился принять возла-

---

[15]) Записки Григорія Никитича Кольчугина, рукопись, сохранившаяся у внука его Московскаго книгопродавца Ивана Ивановича Кольчугина и съ просвѣщенною готовностью сообщенная имъ въ Русскій Архивъ.

[16]) Armand Domergues, La Russie pendant les guerres de la révolution et de l'empire, т. II, стр. 90 и слѣд.; Chev. d'Ysarn, Relation, стр. 28 и 29; Дѣло о лицахъ, принявшихъ должности отъ Франц. правительства, рѣшенное окончательно Госуд. Совѣтомъ 17-Мая 1815 г.

гаемыя на него обязанности, потому что не нашелъ въ немъ ничего противнаго совѣсти и сопряженнаго съ нарушеніемъ присяги" [17]).

Не одни Русскіе уклонялись отъ принятія должностей въ городскомъ управленіи, но и нѣкоторые изъ иностранцевъ, особенно эмигранты, старались не принимать въ немъ участія. Одинъ изъ такихъ эмигрантовъ, бывшій въ Русской службѣ, отставной поручикъ Д'Орреръ находился съ семействомъ въ Москвѣ. Ограбленный, какъ и всѣ другіе Москвичи, онъ нашелъ пріютъ и защиту въ домѣ, въ которомъ поселился генералъ Ванъ-Деденгъ, Голандецъ. Д'Орреръ нѣсколько сблизился съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ этомъ домѣ, генералъ, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, спросилъ: „Видились ли вы съ Лористономъ, Лессепсомъ или маршаломъ Мортье?" На отрицательный отвѣтъ Д'Оррера, генералъ замѣтилъ, что такимъ образомъ дѣйствій онъ сдѣлаетъ себя подозрительнымъ. „Я принялъ Русское подданство, присягалъ Русскому императору, а потому не могу считать себя Французомъ". „Это внушитъ еще сильнѣйшее подозрѣніе", сказалъ генералъ и вручилъ Д'Орреру письмо, говоря: „Доставьте его лично завтра въ 10 часовъ графу Дарю. Если не исполните этого порученія, то пеняйте сами на себя". На другой день Д'Орреръ отправился. Дарю принялъ его очень ласково и послѣ нѣсколькихъ любезныхъ выраженій спросилъ: какими способами возможно бы пріобрѣтать продовольствіе для войскъ?— „Не могу указать ни на какіе способы, отвѣчалъ Д'Орреръ, потому что Французскія войска продолжаютъ грабить окрестности столицы за своими аванпостами; изъ за Русскихъ же аванпостовъ очевидно не могутъ проходить продовольственные запасы въ Москву, потому что они ихъ не пропустятъ". „Вы не хотите сказать правду, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Дарю; вы жили долго въ Россіи, вы знаете Русскій языкъ, вы имѣете чинъ и орденъ: вамъ легко бы оказать намъ услугу. Вы будете потомъ раскаяваться, что отказываетесь это сдѣлать, потому что намъ очень хорошо извѣстно, что все ваше семейство принадлежитъ къ эмигрантамъ, а я полагаю, что вамъ извѣстны Французскіе законы противъ нихъ. Подите и подумайте" [18]).

Приходилось прибѣгать къ угрозамъ. Умѣли, однакоже, безъ особенныхъ затрудненій, устроить полицейское управленіе, которое все состояло изъ иностранцевъ, обывателей Москвы. Изъ нихъ многіе охотно принимали эти должности, чтобы избавиться отъ грабежа и пріобрѣсть насущный хлѣбъ, а нѣкоторые, конечно Французы, изъ увлеченія славою великаго полководца.

Военные начальники, сдерживавшіе солдатъ въ мѣстахъ, назначенныхъ имъ для пребыванія и посылавшіе постоянно патрули по городу, вмѣстѣ съ вновь учрежденною полиціею, должны были заботиться о прекращеніи грабежа. Обязанности городскаго управле-

---

[17]) Чтенія въ импер. обществѣ истор. и древностей 1859 г. кн. II, отд. V, стр. 170.

[18]) Записки Д'Оррера, рукопись.

нія состояли въ томъ, чтобы заботиться о пользахъ и нуждахъ несчастныхъ Русскихъ обывателей, какъ говорилъ Лессепсъ въ своемъ объявленіи. Но могло-ли оно исполнить возложенныя на него обязанности? Послѣ принятыхъ Наполеономъ мѣръ, повальный, безпощадный грабежъ дѣйствительно прекратился, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ начальники войскъ принимали строгія мѣры; но вообще грабежъ не прекращался, какъ свидѣтельствуютъ сами Французы и установленные ими полицейскіе чиновники. Спустя десять дней послѣ перваго приказа, запрещавшаго грабить и многихъ повтореній этого запрещенія, маршалъ Бертье писалъ, 30-го Сент. н. ст., герцогу Экмюльскому: „Садясь на лошадь, чтобы сопровождать императора, я увидалъ солдатъ, которые грабили и, подъѣхавъ къ нимъ, замѣтилъ въ ихъ числѣ одного съ капитанскими эполетами. Я велѣлъ привесть его ко мнѣ, и по допросу оказалось, что онъ вовсе не офицеръ, но переводчикъ генерала Морана (Morand) и что этотъ генералъ приказалъ ему носить эполеты. Я велѣлъ ему снять ихъ и спрятать въ карманъ, а самаго отправляю къ вамъ, чтобы вы подвергли его наказанію, какое сами признаете справедливымъ. Вы знаете, маршалъ, до какой степени заботится императоръ о возстановленіи порядка“. Въ тотъ же день вышло новое повелѣніе изъ главной квартиры, чтобы приказъ о запрещеніи грабежа читался въ продолженіи многихъ дней передъ ротами различныхъ корпусовъ. Свидѣтельства начальника главнаго штаба великой арміи подтверждаются донесеніями маршалу Мортье полицейскихъ чиновниковъ. „Часть моего округа, доносилъ 2 Окт. н. ст. своему начальству одинъ изъ нихъ, по имени Лалансъ, находящуюся за Яузою, постоянно грабятъ солдаты 3-го корпуса (маршала Нея), которые не только отнимаютъ у несчастныхъ, укрывающихся въ подвалахъ, все ничтожное имущество, которое у нихъ осталось, но имѣютъ жестокость наносить имъ раны саблями, какъ это я видалъ нѣсколько разъ. Раненные, которые помѣщены въ госпиталѣ Воспитательнаго Дома, выходятъ оттуда отнимать у Русскихъ набранную ими капусту и картофель“. „Обходя мой округъ, Якиманскую часть, доносилъ другой, 5 Окт. н. ст., около полудни, я вошелъ въ домъ купца Николая Филатова Глетчева и нашелъ въ немъ трехъ солдатъ гусарскаго полка, которые грабили. Будучи одинъ, а стража далеко, я не могъ ничего сдѣлать; но отнялъ у нихъ добычу и возвратилъ этому купцу. Въ это же время еще четыре солдата, и между ними одинъ гвардейскій гренадеръ, съ саблями на голо, вошли въ домъ дьякона церкви Успенія въ Казачьемъ и силою отняли у него и его семейства, состоящаго изъ 14-ти человѣкъ, послѣдніе два хлѣба“. „Отставнаго Русскаго сержанта обокралъ третьяго дня вечеромъ фурьеръ 10 роты гвардейской кавалеріи и взялъ четверть овса, 4 рубашки и двѣ пары чулокъ“. „Русскій сержантъ знаетъ мѣстопребываніе Французскаго солдата“, писалъ 9 Окт. н. ст. приставъ Прѣсненской части Мишель Маркъ. Приставъ Басманной части, Гюбертъ Дрозъ, извѣщалъ, отъ того же числа, что въ его округѣ „ничего нѣтъ новаго, исключая того, что солдаты воруютъ и грабятъ“ и черезъ нѣсколько дней: „воров-

ство и грабежъ продолжаются. Составилась цѣлая шайка грабителей въ нашемъ округѣ которую можно разогнать только значительною силою". Такія донесенія подавали Французскіе полицейскіе пристава въ послѣднихъ числахъ Сентября мѣсяца.

Между тѣмъ Наполеонъ въ тоже время говорилъ окружавшимъ его лицамъ: „Мы стараемся водворить порядокъ въ столицѣ". Этимъ стараніямъ препятствовали другія мѣры, имъ же самимъ принимаемыя. Разстройство его арміи было таково, что скоро прекратить его не представлялось возможности. Солдаты не слушались начальниковъ. Начальники не всегда рѣшались прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, видя, что солдаты дѣйствительно нуждаются въ средствахъ пропитанія и одеждѣ. Даже послѣ первыхъ дней всеобщаго грабежа, нѣкоторыя части войскъ не имѣли пропитанія, хотя у нихъ было много драгоцѣнныхъ вещей, дорогихъ матерій, сахару и чаю [19]). Неправильное распредѣленіе добычи въ первые дни послѣ грабежа, и потомъ постоянное уменьшеніе средствъ пропитанія, должны были поддерживать грабежи, а вмѣстѣ и разстройство Наполеоновой арміи. Если бы онъ привелъ въ исполненіе ту мѣру, которую намѣревался предпринять, т. е. правильную выдачу войскамъ провіанта, фуража и новое обмундированіе, то можетъ быть его строгіе и много разъ повторяемые приказы достигли бы цѣли. Но онъ едва могъ обезпечить существованіе одной гвардіи. Черезъ два дня по возвращеніи его въ Кремль, начальникъ его штаба Бертье, князь Невшательскій, представлялъ ему, что дивизія Пино̀, одна только изъ войскъ Итальянскаго вице-короля, нуждается въ продовольствіи и просилъ дозволенія выдать ей сто квинталовъ муки изъ запаснаго магазина Воспитательнаго Дома. На этомъ представленіи Наполеонъ написалъ одно слово: *отказать* (refuser). Маршалъ Мортье обращался къ нему съ такими же требованіями и получалъ такой же отказъ. „Мой братъ! (mon cousin)", писалъ Наполеонъ къ маршалу Бертье, „герцогъ Тревизскій требуетъ продовольствія для полицейскихъ чиновниковъ; онъ также требуетъ его для дѣтей Воспитательнаго Дома, еще требуетъ для Русскихъ, находящихся въ больницахъ, требуетъ и для больныхъ жителей, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Всѣ эти требованія совершенно законны, и ни одно не можетъ быть удовлетворено. Необходимо, чтобы Русское городовое управленіе образовало общество изъ Русскихъ и отрядами посылало ихъ по деревнямъ забирать продовольствіе, уплачивая за него деньги. Главный интендантъ будетъ давать деньги изъ тѣхъ суммъ, которыя я для этого предназначилъ. При городскомъ управленіи устроить складъ, изъ котораго это продовольствіе и будетъ выдаваемо для исчисленныхъ потребностей. Это общество (compagnie) можетъ называться полицейскимъ и, если это удастся, то впослѣдствіи можно составить еще три-четыре подобныхъ общества. Обходя окрестности города, они устроятъ такъ, чтобы привозилось сюда за деньги все необходимое для госпиталей.

---

[19]) D. de Fezensac, Souvenirs milit., стр. 268; Labeaume, стр. 237.

Вотъ единственный способъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Поговорите объ этомъ съ Лессепсомъ и чтобы, не теряя времени, приступили къ исполненію" 20).

Почему же Наполеонъ не разрѣшалъ выдачу продовольствія изъ составленныхъ по его предписанію генералъ-интендантомъ магазиновъ? Во всеуслышаніе Европы онъ говорилъ: „Хотя пожаръ убавилъ средства для содержанія войскъ; но, не смотря на то, ихъ найдено уже и открывается очень много. Огонь не коснулся погребовъ... Войска отдыхаютъ отъ усталости; они имѣютъ въ изобиліи хлѣбъ, картофель, капусту и другія овощи, свѣжую говядину, соленую провизію, вино, водку, сахаръ, кофе и вообще всякаго рода продовольствіе" 21). Но такъ говорилъ онъ въ бюллетеняхъ великой арміи, а между тѣмъ, по вѣдомости, представленной ему графомъ Дюма, онъ очень хорошо зналъ, сколько именно удалось собрать въ устроенные имъ склады оставшихся послѣ пожаровъ предметовъ продовольствія и обмундированія. Вѣдомость показываетъ, какое относительно незначительное количество собрано было хлѣба въ зернѣ, муки и фуража 22). Это обстоятельство вынудило Наполеона запретить выдачу для своихъ войскъ, не только для несчастныхъ Московскихъ обывателей. Онъ заставлялъ даже голодать свой авангардъ, передъ которымъ находилась вся Русская армія 23). При-

---

20) Chambray, Hist. de l'expédition en Russie т. III, прилож., стр. 406 и 424; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 135.

21) 19-ти bulletin de la grande armée. Moscou, 17 Sept. 1812.

22) Intendance générale.—Grande armée.

Tableau par aperçus des ressourses existantes après l'incendie dans la place de Moscou.

Grain-froment.	Farine	Gruau	Eau-de-vie		Fourrages		Bois et lumières	
			pentes	rations	sacs d'avoine	rations	stères	rations
18000 q-x.	8000	4000	4073000	65000000	8000	200000	36000	450000

Nota. Les équipages militaires ont transporté jusqu'à ce jour envers 8000 quintaux de farine du magasin des enfants trouvés au Kremlin.

Un magasin de farine contenant 1000 q. que S. M. a daigné faire connaître s'evacue sur le magasin placé près du lieu où on construit les fours, la quantité qu'il renferme n'est pas comprise dans les huit mille quintaux. Ne sont pas compris non plus 896 q. de farine chargés à Elbing qui viennent d'arriver dans la place; ils seront exposés au magasin de service courant près des fours.

Moscou, le 27 Sept. 1812.

Le général de division, conseiller d'etat, intendant-général.

C-te Dumas.

23) C-te Belliard, Mémoires т. I, Письмо Мюрата отъ 10-го Окт., стр. 112; Шамбре, т. II, стр. 205—206.

берегая эти запасы для будущихъ военныхъ движеній, онъ настаивалъ въ письмахъ изъ Москвы къ герцогу Бассано въ Вильну, чтобы какъ можно скорѣе доставлены были амуниція и обувь, заготовленныя въ Данцигѣ, о которыхъ онъ предполагалъ, что они доставлены уже въ Минскъ [24]).

Въ такомъ положеніи дѣлъ, конечно, ни вновь устроенная полиція, ни городовое управленіе не могли принести особенной пользы жителямъ и удовлетворять ихъ нуждамъ. Русскіе члены городскаго управленія, убѣдившись въ этомъ, избѣгали отправленія своей должности. На нихъ были возложены разныя порученія. Такъ Кольчугину предписано было, съ нѣкоторыми изъ другихъ членовъ, заботиться о возстановленіи въ церквахъ богослуженія и имѣть надзоръ за больными. По возращеніи въ первый разъ изъ присутствія, говоритъ Кольчугинъ, „мы положили избѣгать засѣданій, журналовъ не подписывать, а являться или передъ присутствіемъ, или послѣ его окончанія и давать о себѣ знать, что пошелъ въ такой-то приходъ или такую-то часть къ больнымъ или былъ тамъ-то". Но возложенныя обязанности могли служить предлогомъ; а „выполнить ихъ было невозможно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больные нигдѣ не были собраны вмѣстѣ. За недѣлю, или около того, до выхода Французовъ, по требованію Лессепса, городское управленіе назначило меня въ командировку, быть переводчикомъ при отрядѣ, который намѣрены были отправить для закупки хлѣба или фуражировки по окрестнымъ селеніямъ, вокругъ Москвы. Одинъ изъ хорошо знакомыхъ мнѣ членовъ правленія зашелъ и предупредилъ меня. Прежде всего представился ужасъ: если этотъ отрядъ встрѣтится съ Русскимъ, произойдетъ сраженіе, а пули и картечи не разбираютъ, что Русскій взятъ по волѣ или по неволѣ. За тѣмъ явилась мысль: участвовать въ продовольствіи непріятеля было бы противъ присягѣ Государю, противъ Отечества и совѣсти". Кольчугинъ притворился больнымъ и этимъ избавился отъ порученія. Инымъ удавалось, подъ разными предлогами, уклоняться отъ такихъ порученій; но другіе вынуждены были повиноваться приказаніямъ непріятеля; поддались и нѣкоторые крестьяне окрестныхъ деревень. Подмосковные жители с. Останкина пріѣхали въ Москву на 30 подводахъ съ овсомъ и мукою. У нихъ все было закуплено и заплачено за хлѣбъ; ихъ отпустили назадъ и поручали пріѣхать опять. Но едва они выѣхали за городъ, какъ на нихъ напали непріятельскіе солдаты, били, отняли лошадей, а крестьянъ возвратили въ Москву и заставили работать. Такой образъ дѣйствій конечно не могъ повадить крестьянъ привозить на продажу въ Москву свои сельскія произведенія, если бы даже и нашлись охотники. Но охотниковъ было немного. „Мы стояли у воротъ дома (разсказываетъ одинъ изъ иностранцевъ), вмѣстѣ съ полковникомъ Домономъ и двумя Французскими офицерами и увидали, что солдаты ведутъ къ намъ мужика. Онъ

---

[24]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 141—143.

былъ блѣденъ, слезы катились изъ глазъ, а въ рукахъ у него былъ печатный листъ бумаги. Онъ хотѣлъ говорить съ генераломъ; ему указали на полковника, которому онъ объяснилъ, что въ ихъ деревню были присланы печатныя объявленія на Русскомъ языкѣ, которыми крестьяне приглашались привозить всякіе припасы въ Москву съ обѣщаніемъ за все платить исправно. Мы съ братомъ, говорилъ бѣднякъ, повѣрили, нагрузили три воза и поѣхали къ Москвѣ; но подъ самымъ городомъ на насъ напали солдаты и ограбили. Братъ хотѣлъ защищать воза, и его убили. При этомъ онъ показалъ объявленіе, обагренное кровью его брата. Полковникъ обѣщалъ, разобравъ дѣло, строго наказать солдатъ, если они были изъ его полка и далъ ему денегъ; но не могъ возвратить брата. Разумѣется, слухъ объ этомъ распространился по окрестнымъ деревнямъ, и никто не сталъ возить припасовъ въ Москву" [25]). Если извѣстіе объ Останкинскихъ крестьянахъ и справедливо, то оно составляетъ исключительное явленіе [26]). Подражателей имъ не нашлось. „Французы, говоритъ одинъ изъ Русскихъ очевидцевъ-свидѣтелей, прокламаціею къ нашимъ поселянамъ приглашали ихъ привозить въ Москву ихъ произведенія, обѣщая имъ свободную продажу и всякое покровительство и защиту. Лессепсъ приглашалъ желающихъ ѣхать въ дальнія деревни покупать хлѣбъ на деньги, обѣщая имъ за эту услугу большія милости; но одинъ изъ Москвичей, вызвавшійся выполнить требуемое порученіе, поѣхалъ съ деньгами и, какъ увѣряютъ, назадъ не возвратился; другой едва отъ крестьянъ унесъ ноги; а изъ подъ-московныхъ крестьянъ никто съ произведеніями своими и глазъ въ Москву не показывалъ" [27]). Расплата фальшивыми Русскими ассигнаціями, которыя немедленно были оцѣнены по достоинству, также не могла привлечь продавцевъ [28]).

Въ такомъ положеніи дѣлъ, конечно ни Французскія войска не могли быть приведены въ порядокъ, ни обезпечены существованіе и безопасность Московскихъ жителей. Не смотря на ежедневные смотры войскамъ, которые дѣлалъ самъ Наполеонъ, не смотря на строгія предписанія его начальника штаба, даже въ самой гвардіи не удавалось водворить порядокъ. Дневные приказы маршала Лефевра могутъ служить тому доказательствомъ. „Императоръ чрезвычайно недоволенъ, писалъ онъ въ одномъ изъ нихъ, что, не взирая на строгія приказанія прекратить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающихся въ Кремль" [29]).

---

[25]) Воспоминанія о 1812 г. Вендрамини. Русс. Инвалидъ, 1864 г. № 30.

[26]) Русск. Архивъ 1864 г., стр. 796, Извѣстія изъ Москвы, 4.

[27]) Корбелецкій, Краткое повѣствов. о вторж. Французовъ въ Москву, стр. 80.

[28]) Bar. Peyrusse, Mémorial, стр. 107. Il a été versé dans une caisse par m. le grand-maréchal un million en roubles. Sa majesté a fixé a I fr. chaque rouble en papier. 1-e Octobre.

[29]) Ordre du jour du 21 Sept. 1812. L'empereur voit avec peine que les soldats destinés à la garde de sa personne, qui devraient conséquement donner dans toutes les circonstances l'exemple de l'ordre et du

Но запрещенія не дѣйствовали; спустя нѣсколько дней, въ началѣ Октября, тотъ же маршалъ писалъ въ приказѣ: „Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ возобновились сильнѣе нежели когда нибудь, вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня. Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ, что отборные солдаты, предназначенные охранять его особу, которые должны подавать другимъ примѣръ подчиненности, до такой степени не повинуются приказаніямъ, что разбиваютъ погреба и магазины, приготовленные для арміи. Они дошли до такой степени униженія, что не слушались часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, бранили ихъ и били [30]). Всѣ офицеры, всякихъ чиновъ, проходя съ войсками мимо императора, должны салютовать шпагою его величеству. Сегодня, на разводѣ, это не исполнялось. Герцогъ Данцигскій, поставляя на видъ офицерамъ такое неисполненіе обязанностей, предписываетъ начальникамъ всѣхъ частей войскъ, чтобы они наблюдали за порядкомъ службы" [31]). Если таково было положеніе гвардіи, получавшей (хотя и неправильно) выдачи провизіи, то другія войска безъ сомнѣнія находились еще въ худшемъ положеніи. Фуражировки въ окрестностяхъ Москвы, уже опустошенныхъ, мало доставляли способовъ пропитанія и притомъ были опасны. Вооруженные крестьяне и казаки истребляли фуражировъ, и немногіе изъ нихъ возвращались съ добычею. Ближайшія окрестности были скоро истощены совершенно; приходилось отправлять отряды въ болѣе отдаленныя мѣстности, гдѣ встрѣчали ихъ казаки вмѣстѣ съ вооружившимися крестьянами. Большая часть фуражировъ погибали, а нѣкоторые возвращались въ Москву, не находя ни хлѣба, ни фуража.

При ежедневныхъ перекличкахъ солдатъ, которыя обязаны были дѣлать офицеры, они замѣчали, какъ постоянно убывало число людей въ ихъ командахъ [32]). Лошади падали сотнями; едва-едва поддерживалась гвардейская конница; остальные почти всѣ должны были спѣшиться. Въ такомъ же положеніи находилась и артилерія. Наполеонъ употреблялъ всѣ способы, чтобы исправить положеніе дѣлъ: требовалъ, чтобы прислали ему 14 тысячь лошадей изъ Вильны, закупивъ ихъ въ Литвѣ, Варшавѣ, Эльбингѣ, Ганноверѣ и Берлинѣ, предписывалъ употреблять Русскихъ крестьянскихъ лошадей для артилеріи; но первая мѣра не могла быть исполнена вò-время, крестьянскихъ же лошадей можно было брать не иначе, какъ съ бою. Хотя солдаты и многіе изъ офицеровъ до послѣдняго времени вѣрили въ мудрость и счастіе своего предводителя, который можетъ вывести ихъ изъ всякаго затруднительнаго положенія [33]); но

---

subordination, s'oublient de commettre des pareilles fautes. Il en est qui ont enfoncé des caves et des magasins de farine que fesait garder l'intendant-général.

[30]) Ordre du jour du 29 Sept. 1812.

[31]) Ordre du jour du 6 Octobre 1812.

[32]) Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 239 и др.

[33]) Roos, Ein Jahr aus meinem Leben, Petersb. 1832, стр. 148.

эта вѣра въ лицахъ болѣе образованныхъ начинала разрушаться. Многіе офицеры и даже генералы были до такой степени необразованы, по свидѣтельству современника-очевидца и Француза, что о политическихъ дѣлахъ они разсуждали также, какъ и солдаты. Они упрекали Русскихъ, „зачѣмъ они сожгли такой прекрасный городъ. Мы бы нашли въ немъ хорошія зимнія квартиры, говорили они; у насъ у всѣхъ были деньги, мы бы ихъ истратили, жители возвратили бы такимъ образомъ назадъ все, что̀ съ нихъ взято было бы въ видѣ военной контрибуціи, и всѣ мы были бы счастливы". Но болѣе просвѣщенные легко соглашались съ иными взглядами на дѣло: они признавались, что въ самолюбіи Бонапарта причина всѣхъ золъ. Въ откровенныхъ разговорахъ они говорили о томъ, что „Франція совершенно разорена и что такой порядокъ дѣлъ не можетъ долго продолжаться" [34]). Что же послѣ этого могли говорить иностранцы, по неволѣ увлеченные Наполеономъ въ войну съ Россіею? Одинъ капитанъ Итальянской гвардіи, познакомившись съ Русскимъ семействомъ, которое было изъ духовнаго состоянія и въ которомъ можно было вести рѣчь полатыни, очень часто посѣщалъ его. Однажды онъ пришелъ въ особенно-грустномъ настроеніи духа и послѣ долгаго молчанія заговорилъ: „Хотя ваше положеніе ужасно, но я завидую вашей долѣ. Вы переносите свое несчастіе вмѣстѣ и въ своемъ Отечествѣ; а я разлученъ съ родными, удаленъ отъ прекрасной родины. Лѣтъ десять я служу во Французскихъ войскахъ, въ безпрерывныхъ походахъ по разнымъ государствамъ; съ оружіемъ въ рукахъ я гоняюсь за славою, которая увлекла насъ на вашъ далекій и страшный Сѣверъ, гдѣ, можетъ быть, непобѣдимую армію Наполеона ожидаютъ великія бѣдствія, среди вашихъ снѣговъ, при вашихъ морозахъ". Разсказы Русскаго семейства о нашей зимѣ особенно поражали воображеніе Итальянцевъ. „Мы не знаемъ ничего о вашей арміи, продолжалъ капитанъ; она скрыла свои силы, не даетъ сраженій и не проситъ мира, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вся наша армія и самъ Наполеонъ, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія. Армія голодаетъ и обносилась, солдаты ропщутъ, выходятъ изъ повиновенія, разбѣгаются по деревнямъ отыскивать пищу, и тамъ убиваютъ ихъ мужики. Начальники дѣйствуютъ не для общаго блага, а для своихъ выгодъ; нѣтъ единодушія, нѣтъ военныхъ порывовъ; всѣ впали въ уныніе и только въ какомъ-то ослѣпленіи ожидаютъ мира. Мнѣ же кажется, заключилъ капитанъ, что Русскій полководецъ разставилъ Наполеону сѣти, запуталъ его въ нихъ и хочетъ насъ взять живьемъ. Увидимъ, какъ мы выпутаемся; а мнѣ кажется, мы сидимъ въ западнѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ Русскою арміею".

Эти грустныя разсужденія Итальянца, какъ „животворная роса" подѣйствовали на его Русскихъ слушателей, которые, находясь въ Москвѣ, конечно ничего не знали о положеніи Россіи и нашихъ

---

[34]) Chev. d'Ysarn, Relation etc., стр. 39.

войскъ въ это время. „По уходѣ капитана, узнавъ, что Россія не только не ищетъ заключенія мира съ непріятелями; но можетъ быть ожидаетъ лишь удобнаго случая и времени, чтобы нанесть ему рѣшительное пораженіе, мы всѣ начали молиться Богу и просить о дарованіи Русскому воинству побѣды и одолѣнія на враговъ“ [35]).

Такое положеніе великой арміи, извѣстное всѣмъ начальникамъ, начиная съ офицеровъ и оканчивая маршалами, неужели оставалось неизвѣстнымъ императору Наполеону? Очевидно, онъ не могъ не знать о немъ; но онъ не хотѣлъ признаться въ этомъ окружавшимъ его лицамъ. Онъ какъ будто желалъ скрыть отъ нихъ, что̀ было имъ такъ хорошо извѣстно, можетъ быть потому, что желалъ скрыть отъ самаго себя. „Вмѣсто того, говоритъ одинъ изъ его офицеровъ, участникъ въ походѣ, чтобъ лично обозрѣть корпуса своихъ войскъ и убѣдиться, въ какомъ жалкомъ они находятся положеніи, онъ сидѣлъ запершись въ Кремлѣ, дѣлая только смотры гарнизонныхъ войскъ и поручая полковникамъ строго наблюдать порядокъ“ [36]). Ежедневные смотры, которые производилъ Наполеонъ въ самомъ Кремлѣ, конечно, если даже въ нихъ участвовала не одна гвардія, вообще находившаяся сравнительно съ другими въ бо̀льшемъ порядкѣ, но и армейскіе полки, не могли служить образцомъ того положенія, въ какомъ вообще находилось его войско. Для этихъ смотровъ выбирали лучшихъ людей, одѣвали ихъ и тщательно приготовляли. Наполеонъ охотно поддавался обману. На одномъ изъ такихъ смотровъ, онъ обратился къ графу Нарбонну: „Ну, что ска̀жете вы, любезный Нарбоннъ, о такихъ войскахъ, маневрирующихъ при такой хорошей погодѣ?“ „Государь, отвѣчалъ Нарбоннъ, я скажу только, что войска отдохнули и могутъ предпринять движеніе на зимнія квартиры въ Литву и Польшу, оставивъ Русскимъ Москву въ томъ видѣ, въ какой они сами ее привели“. Наполеонъ ничего не сказалъ на это, потому, конечно, что болѣе всего его раздражала мысль о необходимости отступленія и потому что самый его вопросъ былъ только отвѣтомъ на представленія окружавшихъ его лицъ о положеніи войскъ и о скоромъ наступленіи зимы [37]).

Невозможность рѣшиться на отступленіе, до такой степени не согласное съ его гордостью, съ успѣхами всей его боевой жизни, онъ оправдывалъ, не безъ основанія, тѣмъ, какое впечатлѣніе это отступленіе произведетъ на всю Европу и даже на самую Францію. Оно разсѣетъ обаяніе непобѣдимости, подъ которымъ находилась вся Европа и ослабитъ тѣ узы, въ которыхъ онъ держалъ другія государства и особенно Пруссію и Австрію. Между тѣмъ онъ сознавалъ невозможность наступательныхъ дѣйствій. Его неутомимая мысль озабочена была тѣмъ, чтобы придумать такой

---

[35]) Д. Рязановъ, Воспоминанія очевидца, стр. 205—207.

[36]) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 240.

[37]) Villemain, Souvenirs contemporains. M-r de Narbonne, ч. I, стр. 223—224.

способъ отступленія, который бы казался въ тоже время наступательнымъ дѣйствіемъ. Съ ужасомъ узнали маршалы, что императора вновь занимаетъ мысль о походѣ на Петербургъ. Но это предположеніе, обдуманное, обработанное и изложенное письменно, явилось уже въ совершенно иномъ видѣ, нежели прежде. Извѣстія, получаемыя Наполеономъ о дѣйствіяхъ кн. Шварценберга и Ренье, Сенъ-Сира и Макдональда, имѣли вліяніе на новую постановку вопроса о движеніи на Петербургъ. Еще въ Можайскѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинской битвы, Наполеонъ поручилъ Бертье написать приказъ маршалу Виктору, чтобы онъ двинулъ свой корпусъ, находившійся еще у Тильзита, къ Смоленску. „Непріятель, пораженный въ сердце, не будетъ заботиться объ окраинахъ; онъ употребляетъ всѣ способы, чтобы препятствовать намъ занять Москву и намѣревается также употребить всѣ способы, чтобы какъ можно скорѣе насъ оттуда выгнать“ [38]). Повторяя тѣже самыя слова, герцогъ Бассано, также по приказанію Наполеона, писалъ къ кн. Шварценбергу, что „императоръ совершенно убѣжденъ, что всѣ отряды, которые находятся у Мозыря и Кіева, двинутся къ Москвѣ и что вѣроятно послѣдуетъ за ними вся армія Тормасова“, которую и поручалъ ему преслѣдовать [39]). Корпусъ Виктора долженъ былъ составить резервъ великой арміи и быть наготовѣ, по первому призыву, двинуться къ Москвѣ. Такъ, еще до занятія Москвы, Наполеонъ заботился о подкрѣпленіяхъ для своей арміи. Эти заботы, по мѣрѣ его пребыванія въ Москвѣ, конечно не уменьшились; но въ тоже время и съ окраинъ приходили такія извѣстія, которыя не могли не возбудить его вниманія и не измѣнить первоначальныхъ предположеній.

По обыкновенію, сраженіе при Городечнѣ онъ провозгласилъ побѣдою, будто одержанною Саксонцами и Австрійцами надъ арміею Тормасова, потому только, что, удержавъ поле сраженія и успѣшно отразивъ всѣ нападенія, Русскій военачальникъ долженъ былъ отступить. Но Тормасовъ отступилъ на Кобринъ для того, чтобы сосредоточить силы и обезпечить продовольствіе войскъ въ странѣ, гдѣ начались уже волненія Поляковъ. Этимъ движеніемъ, сверхъ того, третья армія приближалась къ Дунайской. Въ концѣ Августа (29) она перешла на правый берегъ рѣки Стыри; а 7 Сентября начала подходить къ ней Дунайская армія, въ составѣ 35 т. съ 204 орудіями. Обѣ арміи, соединившись и превосходя числомъ непріятеля, перешли Стырь и начали наступательныя дѣйствія. Соединенному Австрійскому и Саксонскому корпусу приходилось отступать. Кн. Шварценбергъ давно предвидѣлъ этотъ случай, получа вѣрныя свѣдѣнія о заключеніи нами мира съ Турками и о движеніи арміи Чичагова на Волынь. Вмѣстѣ съ Ренье онъ увѣ-

---

[38]) Lettre de Napoléon au major-général, Mojaisk, le 11 Sept. 1812. M. Шамбре, Hist. de l'expédition de Russie, т. III., прил., стр. 403—404.

[39]) Письмо изъ Вильны 17-го Сент. н. ст. Von Welden, der Feldzug der Oestreicher gegen Russland in 1812. Wien, 1870, прилож. 19, стр. 138.

домлялъ объ этомъ маршала Бертье и герцога Бассано; но сначала они получали увѣренія, что эти слухи невѣрны, а потомъ что Дунайская армія вѣроятно двинется на подкрѣпленіе войскамъ Кутузова и наконецъ, что она такъ незначительна по количеству, что во всякомъ случаѣ нельзя опасаться большаго перевѣса силъ со стороны Русскихъ [40]). Въ концѣ Сентября Наполеонъ уже поручалъ начальнику своего штаба увѣдомить маршала Виктора, что онъ не даетъ ему окончательнаго назначенія потому, что это будетъ зависить отъ движенія Дунайской арміи. „Если она двинется къ Кіеву, для подкрѣпленія войскъ Кутузова, писалъ Бертье, то онъ, Викторъ, получитъ приказаніе идти на соединеніе съ великою арміею, по дорогѣ на Ельню и Калугу, или по иной. Если же, напротивъ, 20 тысячная Молдавская армія соединится съ Тормасовымъ и увеличитъ его боевыя силы до 40 тысячь, то нашъ правый флангъ, находящійся подъ начальствомъ Шварценберга, еще будетъ въ равныхъ съ нею силахъ, потому что у него около 40 т. Австрійцевъ, Поляковъ и Саксонцевъ. Впрочемъ я писалъ къ Австрійскому императору и просилъ его предписать корпусу Рейсса, находившемуся у Лемберга, сдѣлать движеніе къ Русскимъ границамъ и въ подкрѣпленіе Шварценбергу послать еще 10 т. войскъ. Между тѣмъ императоръ Александръ усиливаетъ гарнизонъ въ Ригѣ и корпусъ гр. Витгенштейна съ тою цѣлію, чтобы заставить Сенъ-Сира отступить отъ Полоцка, а герцога Тарентскаго (Макдональда) отъ Риги и Динабурга. Шварценбергъ, въ письмахъ отъ 24 Сентября, желаетъ доказать, что Молдавская армія, вмѣсто того чтобы идти къ Москвѣ, соединилась съ арміею Тормасова и усилила ее. Надо еще знать, что́ произойдетъ, и потому я желаю, чтобы маршалъ Викторъ расположилъ свой корпусъ между Смоленскомъ и Оршею и находился въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ герцогомъ Бассано съ тѣмъ, чтобы онъ могъ получать отъ него извѣстія, которыя приходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ и чтобы послать офицера, умнаго, смѣтливаго и скромнаго, къ Шварценбергу и Ренье, который бы узналъ отъ перваго о томъ что̀ происходитъ, а отъ Ренье о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ долженъ былъ имѣть главную квартиру въ Смоленскѣ и расположить свои войска такимъ образомъ, чтобы по первому приказу могъ или двинуться на помощь Шварценбергу и прикрыть Минскъ, если бы угрожала опасность нашимъ главнымъ сообщеніямъ и магазинамъ, или на помощь Сенъ-Сиру и прикрыть Вильну, или наконецъ къ Москвѣ для усиленія великой арміи“ [41]). Такое распоряженіе ставило корпусъ Виктора въ положеніе выжидательное и неопре-

---

[40]) Von Welden, der Feldzug der Oestreicher etc., стр. 42 и слѣд. прилож. № 20. Ср. Funck, Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im Jahre 1812, стр. 120 и слѣд.; Liebenstein, der Krieg Napoleons gegen Russland, II, стр. 155 и слѣд.

[41]) Предписаніе Бертье маршалу Виктору, Moscou le 6 Octobre 1812. Chambray, Hist. de l'expédition, т. III, прилож., стр. 420—424.

дѣленное; на его помощь расчитывали въ одно и тоже время какъ центръ Наполеоновыхъ войскъ, такъ и фланги, которые особенно нуждались въ ней. Соединеніе Дунайской арміи съ третьею западною, открывшихъ наступательныя дѣйствія, принудили къ отступленію корпусъ Шварценберга.

Не въ лучшемъ положеніи оказались въ тоже время и корпусà Удинò и Сенъ-Сира. Удино, нѣсколько разъ разбитый гр. Витгенштейномъ, былъ подкрѣпленъ корпусомъ Сенъ-Сира, состоявшимъ преимущественно изъ Баварцевъ. Этотъ корпусъ отъ переправы черезъ Нѣманъ до Бѣшенковичей, откуда онъ былъ двинутъ Наполеономъ, по соединеніи съ Удино, не былъ еще въ бою, но отъ голода и болѣзней потерялъ почти половину своего состава, и изъ 25 т., перешедшихъ Нѣманъ, въ немъ осталось только 13 т. изнуренныхъ ускоренными переходами солдатъ. Но приказаніе двинуться изъ Бѣшенковичей, по свидѣтельству Сенъ-Сира, было такъ настоятельно, что какъ будто угрожало какое нибудь бѣдствіе, и онъ двинулся, не дождавшись даже возвращенія отрядовъ, отправленныхъ для отысканія продовольствія [42]). По соединеніи корпусовъ Удино и Сенъ-Сира, они рѣшились дѣйствовать наступательно потому только, что были увѣрены, что самъ графъ Витгенштейнъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Вся цѣль этихъ дѣйствій заключалась въ томъ, чтобы остановить его наступательныя дѣйствія и поставить войска въ такое положеніе, чтобы они могли устроиться, отдохнуть и снабдить себя продовольствіемъ и особенно фуражемъ. Послѣ нѣсколькихъ упорныхъ сраженій Французы оставались въ Полоцкѣ и съ 11 Августа по самое начало Октября не предпринимали никакихъ дѣйствій. Такое положеніе этихъ войскъ, конечно, не соотвѣтствовало желаніямъ Наполеона. Хотя онъ и произвелъ въ маршалы Сенъ-Сира, и послѣ раны, полученной Удино, подчинилъ ему оба корпуса; но онъ желалъ наступательныхъ дѣйствій съ его стороны [43]), а между тѣмъ получалъ извѣстія отъ него, что войска его находятся въ такомъ положеніи, что безъ значительныхъ подкрѣпленій онъ не можетъ дѣйствовать наступательно. Получивъ извѣстія, что маршалъ Викторъ можетъ подкрѣпить его, но въ томъ случаѣ когда ходъ дѣлъ обозначится яснѣе и онъ получитъ прямое повелѣніе о томъ отъ самаго императора [44]), Сенъ-Сиръ обратился въ другую сторону.

Корпусъ Макдональда, состоявшій большею частію изъ Прусаковъ подъ начальствомъ ген. Граверта и предназначенный для осады Динабурга и Риги, перейдя Нѣманъ въ Тильзитѣ, около половины Іюля, приблизился къ Якобштату, угрожая съ одной стороны Динабургу, а съ другой Ригѣ и устроивая тамъ мосты на Двинѣ. Динабургская крѣпость въ это время не была отстроена; выведено было только мостовое укрѣпленіе, которымъ безъ сопротивленія

---

[42]) Sait-Syr, Mémoires, т. III, гл. 2, стр. 55—56.

[43]) Предписаніе маршала Бертье, Mojaisk, le 10 Sept. 1812.

[44]) Предписаніе маршала Бертье, Moscou, le 8 Oct. 1812.

овладѣлъ одинъ полкъ, посланный къ Динабургу маршаломъ Макдональдомъ, потому что Русскіе и не имѣли намѣренія защищать его. Такимъ образомъ вся задача для дѣйствій этого корпуса заключалась въ томъ, чтобы взять Ригу; но для этого необходимо было предпринять правильную осаду. Отразивъ вылазку Левиза, Макдональдъ оставался въ бездѣйствіи до конца Августа, ожидая назначеннаго для осады Риги парка. Въ половинѣ Мая (16) паркъ этотъ былъ отправленъ моремъ изъ Данцига, чрезъ Кенигсбергъ въ Тильзитъ и оттуда перевезенъ сухимъ путемъ въ Руенталь близъ Бауска (29 Авг.). Если бы въ это время Макдональдъ часть своего корпуса направилъ противъ Витгенштейна на содѣйствіе Сенъ-Сиру, то безъ сомнѣнія оказалъ бы ему значительную помощь. Но маршалы Наполеона дѣйствовали независимо одинъ отъ другаго, подчиняясь единственно ему самому; они заботились только какъ бы исполнить возложенныя на каждаго изъ нихъ обязанности. Графъ Витгенштейнъ предполагалъ именно движенія со стороны двухъ маршаловъ и потому такъ размѣщалъ свои войска, чтобы не дать имъ возможности соединиться вмѣстѣ и чтобы разбить каждаго изъ нихъ порознь [45]). Баварскій корпусъ по донесеніямъ Вреде и докторовъ, которымъ поручено было произвести изслѣдованіе, приходилъ къ совершенному разложенію. Сенъ-Сиръ писалъ къ Макдональду: „Вы, можетъ быть, удивитесь, что два соединенныхъ корпуса не могутъ выставить для военныхъ дѣйствій большаго числа войскъ; но вы не знаете, сколько трудовъ перенесли эти корпуса и до чего они доведены недостаткомъ продовольствія и болѣзнями, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого недостатка. Вамъ однимъ я прямо скажу: 6-й корпусъ не существуетъ; онъ не годенъ ни къ какой болѣе службѣ. Я считалъ бы себя счастливымъ, если бы онъ въ состояніи былъ защищать только своихъ больныхъ, которыми переполнены госпитали и домà въ Полоцкѣ, свой лагерь и больныхъ втораго корпуса, который одинъ можетъ только выставить отрядъ для соединенія съ вашими войсками“ [46]). „Если бы даже, отвѣчалъ Макдональдъ, я собралъ всѣ войска своего лѣваго фланга т. е. до 20 т.; то открылъ бы всю Курляндію, Самогитію и Нѣманъ для набѣговъ отрядамъ Рижскаго гарнизона, которые могли бы дѣйствовать и на правомъ берегу Двины. Такого предпріятія я ни предположить, ни исполнить не могу. Всѣ эти соображенія я имѣлъ честь сообщить м-лу Бертье, присовокупивъ, что вѣроятно онъ найдетъ благоразумнымъ, вообще не предпринимать осады Риги съ обоихъ береговъ, однимъ 10-мъ корпусомъ, безъ всякой поддержки. Мнѣ было тяжело высказать эту истину и показать, что силою самыхъ обстоятельствъ я осужденъ на бездѣйствіе и не могу ничего сдѣлать важнаго для службы его величества, ни въ отношеніи къ дѣйствіямъ противъ Витгенштейна, ни въ отношеніи къ осадѣ Риги“. Далѣе въ отвѣтѣ Макдональда Сенъ-Сиру

[45]) Донесенія гр. Витгенштейна отъ 21 и 31 Іюля; Сѣверн. Почта 1812 г. № 60.

[46]) Письмо м. Гувіона-Сенъ-Сира къ м. Макдональду изъ Полоцка 19 Сент. 1812.

читаемъ: „Я долженъ вамъ даже признаться, что опасаюсь за осадный паркъ; потому что гарнизонъ, также разсчитывающій на приближеніе зимы, можетъ дѣйствовать смѣлѣе и предпріимчивѣе“ [47]).

Маршалъ Макдональдъ опасался не безъ основанія. Вскорѣ попытка Штейнгеля захватить осадный паркъ доказала справедливость его опасеній. Хотя эта попытка и была неудачна, и Пруссаки заставили Штейнгеля возвратиться въ Ригу; но она доказала, что Русскіе *силою обстоятельствъ* не осуждены на бездѣйствіе, какъ Французскіе маршалы; а напротивъ, получивъ новыя подкрѣпленія и въ значительномъ количествѣ, намѣрены усилить свои дѣйствія.

Все это конечно было хорошо извѣстно Наполеону. Маршалы не только писали о томъ его начальнику главнаго штаба, но Сенъ-Сиръ посылалъ даже въ Москву одного изъ офицеровъ своего штаба, чтобы на словахъ объясниться во всѣхъ подробностяхъ. Что же могъ предпринять въ такомъ положеніи дѣлъ Наполеонъ? „Единственно наивозможно-скорое возвращеніе завоевателя, во главѣ своихъ войскъ, могло возстановить порядокъ дѣлъ“, говоритъ одинъ изъ историковъ его похода въ Россію [48]); но это значило бы начать отступленіе, о которомъ мысль приводила въ раздраженіе Наполеона. Требовалось немедленно усилить корпусъ Шварценберга, послать значительныя подкрѣпленія маршаламъ Макдональду и Сенъ-Сиру. Одинъ находившійся въ его распоряженіи корпусъ маршала Виктора не могъ въ одно и тоже время содѣйствовать великой арміи на случай ея отступленія и подкрѣплять трехъ предводителей отдѣльныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на Волыни, у Полоцка и Риги. Раздробить его на части и двинуть ихъ въ разныя стороны значило бы подвергнуть опасности каждую изъ этихъ частей и не оказать дѣйствительнаго пособія ни одному изъ отдѣльно дѣйствовавшихъ корпусовъ, хотя князь Невшательскій отъ имени императора и увѣдомилъ маршаловъ, что именно таково назначеніе корпуса Виктора [49]). Надѣяться на то, что Австрія и Пруссія пришлютъ новыя войска для подкрѣпленія своихъ корпусовъ, едва ли могъ Наполеонъ, начинавшій уже подозрѣвать двусмысленную политику своихъ союзницъ. „3-го Октября, послѣ безпокойно проведенной ночи, говоритъ графъ Сегюръ, императоръ Наполеонъ пригласилъ къ себѣ маршаловъ. „Войдите, говорилъ онъ, увидавъ

---

[47]) Письмо марш. Макдональда къ м. Сенъ-Сиру, Kalkamen, le 21 Sept. 1812; Saint-Cyr, Mémoires, т. III, стр. 100—111; и пролож. Völdendorf, Kriegsbegebenheiten der Bayern, т. III, стр. 101 и слѣд.; Михайловскій-Данилевскій, Сочиненія т. IV, гл. XVI и XVIII.

[48]) Chambray, Hist. de l'expédition etc., т. II, стр. 199.

[49]) Предписаніе Бертье маршалу Сенъ-Сиру изъ Москвы отъ 8-го Окт.; письмо герцога Бассано кн. Шварценбергу изъ Вильны отъ 3 Сент.; Saint-Cyr, Mémoires, т. III, стр. 306—307; V. Welden, der Feldzug der Oestreicher, стр. 131—132.

ихъ. Послушайте новыя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя я составилъ. Князь Евгеній (вице-король Итальянскій)— читайте" [50]).

Сущность этого новаго плана, котораго цѣль заключалась уже не въ томъ, чтобы завоевать вторую столицу Русской имперіи, но чтобы косвеннымъ путемъ, угрожая только Петербургу, *отступить* въ предѣлы Варшавскаго герцогства, состояла въ слѣдующемъ. Корпусъ Виктора, который Наполеонъ считалъ возможнымъ довести до 40 т. человѣкъ (присоединивъ къ нему части Вестфальскихъ, Польскихъ и Саксонскихъ войскъ и маршевые баталіоны, предназначенные для пополненія убыли въ войскахъ) предполагалось двинуть отъ Смоленска на дорогу къ Петербургу, черезъ Витебскъ и Великіе Луки. По соединеніи ихъ съ корпусомъ Сенъ-Сира и одною дивизіею отдѣленною отъ корпуса Макдональда, составилось бы войско въ 70 т., готовое двинуться на Петербургъ. Въ то время, когда выступилъ бы въ походъ Викторъ, самъ императоръ, съ гвардіею и корпусами вице-короля Итальянскаго и маршала Даву́, двинулся бы изъ Москвы на Сѣверо-западъ, чрезъ Воскресенскъ, Волоколамскъ, Зубцовъ и Бѣлый, также къ Великимъ Лукамъ, совершая такимъ образомъ почти параллельное движеніе съ дорогою въ Смоленскъ, въ разстояніи отъ нея около 50 и 60 верстъ. Въ тоже время маршалъ Ней началъ бы движеніе прямо по Смоленской дорогѣ на Можайскъ, прикрывая всѣ обозы. Въ Можайскѣ съ нимъ долженъ соединиться Мюратъ, ускользнувъ отъ Кутузова, и оба вмѣстѣ остановятся между Смоленскомъ и Витебскомъ. Наполеонъ полагалъ, что къ 3 (15) Октября всѣ колонны могли выступить, а чрезъ 10 или 12 дней похода его боевыя силы оказались бы въ слѣдующемъ положеніи: маршалъ Викторъ съ 70-ю т. былъ бы въ Великихъ Лукахъ и угрожалъ Петербургу, куда, въ виду этихъ силъ, Витгенштейнъ долженъ былъ отступать; самъ Наполеонъ, также съ 70 т., въ Велижѣ, имѣя возможность подкрѣпить его или, соединясь съ 30 тысячами корпусовъ Нея и Мюрата, дать отпоръ Кутузову, еслибъ онъ ихъ преслѣдовалъ. Опустошенная Смоленская дорога, конечно, не представила бы такихъ затрудненій для корпусовъ Нея и Мюрата, которые могли запастись частію продовольствія, какое могло бы представиться для всей арміи Наполеона. При томъ возможно было разсчитывать на то, чтобы выиграть нѣсколько переходовъ и тѣмъ избавиться отъ упорнаго преслѣдованія со стороны Русскаго главнокомандующаго [51]).

Молча выслушали военачальники новыя соображенія своего вождя. Несмотря на желаніе Наполеона увлечь ихъ величіемъ предстоявшаго подвига, они не только оставались равнодушны, но каждый старался отклонить его отъ приведенія его въ исполненіе,

---

[50]) Hist. de Napoléon et de la grande armée, кн. VIII, гл. IX, стр. 79 и слѣд.

[51]) Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVI.

представляя многочисленныя затрудненія. Знаменитый историкъ Наполеона называетъ этотъ новый планъ военныхъ дѣйствій геніальнымъ, какъ бы „вдохновеннымъ свыше", возможнымъ для исполненія. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Тьеръ прибавляетъ: „но все, даже самое лучшее, что̀ ни изобрѣталъ въ это время Наполеонъ не должно было удаваться, въ силу того положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, удалившись такъ далеко". На островѣ Святой Елены, Наполеонъ, доказывая геніальность всѣхъ своихъ военныхъ соображеній во время похода въ Россію, говорилъ: „Если бы это было въ Августѣ, а не въ Ноябрѣ, то̀ войска пошли бы на Петербургъ, а не отступили бы къ Смоленску" [52]). Изъ этихъ отзывовъ очевидно, что новый планъ военныхъ дѣйствій, не смотря на то, что въ немъ выразился геній великаго полководца, страдалъ однимъ недостаткомъ, а именно тѣмъ, что онъ *не былъ соображенъ съ обстоятельствами*. Самъ же онъ считалъ однимъ изъ важныхъ, основныхъ законовъ для военныхъ дѣйствій, чтобы планъ кампаніи былъ соображенъ съ обстоятельствами, „что на войнѣ только обстоятельства имѣютъ рѣшающее значеніе". Не въ такомъ положеніи были войска Наполеона, разстроенныя, обремененныя добычею, награбленною въ Москвѣ, чтобы въ это время года предпринимать отдаленные походы, которыхъ успѣхъ могъ зависить отъ быстроты движеній. Геніальность полководца, поставленнаго въ безвыходное положеніе, выразилась не столько въ составленіи этого плана, сколько въ томъ, что онъ, который такъ долго лелѣялъ эту мысль, такъ тщательно ее обработалъ, не только не настаивалъ на приведеніи ея въ исполненіе, выслушавъ возраженія своихъ боевыхъ сотрудниковъ, но немедленно отъ нея отказался, рѣшившись въ тотъ же день вступить въ непосредственныя сношенія съ Русскимъ императоромъ для заключенія мира [53]).

Между тѣмъ разстройство войскъ усиливалось болѣе и болѣе, потому что усиливалась главная причина этого разстройства—недостатокъ въ фуражѣ и продовольствіи. Лошади гибли сотнями, ежедневно; полумертвыя онѣ бродили по опустошеннымъ огородамъ, пустырямъ и пожарищамъ столицы; ихъ трупы валялись по улицамъ и наполняли зловоніемъ воздухъ. Солдаты разбѣгались по окрестностямъ для отысканія пропитанія и большею частію не возвращались болѣе: они гибли отъ рукъ вооруженныхъ крестьянъ, казаковъ и партизанскихъ партій, все ближе и ближе опоясывавшихъ Москву со всѣхъ сторонъ. Чтобы нѣсколько поднять упавшій духъ войскъ, распускались различные нелѣпые слухи. Говорили, что маршалъ Макдональдъ взялъ Ригу приступомъ, завладѣлъ Петербургомъ, въ тотъ самый день, когда Французы вошли въ Москву, и сжегъ его; что по дорогѣ

---

[52]) Mémoires de Napoléon écrits par Montholon, Biblioth. militaire, 1840, Paris, стр. 406. Планъ похода предложенъ былъ Наполеономъ въ Октябрѣ, но войска сосредоточились бы у Себежа и Великихъ Лукъ только къ Ноябрю.

[53]) Гр. Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 81—83.

отъ Вильны къ Смоленску слѣдуютъ многочисленныя войска и обозы съ зимнею одеждою для солдатъ, что маршалъ Викторъ ведетъ значительныя подкрѣпленія, и войска Наполеона къ будущей веснѣ сдѣлаются также многочисленны, какъ были при переходѣ черезъ Нѣманъ. Войска сохраняли еще вѣру въ Наполеона и полагали, что онъ все предвидитъ, обо всемъ заботится и всегда находитъ неожиданныя средства. То говорили, что императоръ Александръ скончался; то, что онъ удалился въ Казань, что извѣстіе о заключеніи мира съ Турками несправедливо, что Шведы, пришедшіе на помошь Русскимъ, узнавъ, что Французы взяли Москву, овладѣли Петербургомъ. „Если Русскіе (хвастались Французы) не заключатъ мира въ продолженіи зимы, то Наполеонъ прогонитъ ихъ въ Азію, возстановитъ Польшу, устроитъ особыя герцогства, Смоленское, Курляндское и Петербургское [54])".

Распуская невѣрные слухи, главный штабъ Наполеона и самъ онъ, въ свою очередь, получали невѣрныя свѣдѣнія о положеніи Русскихъ войскъ. Какъ въ первые дни занятія Москвы Французы потеряли слѣдъ отступавшей Русской арміи, такъ и въ послѣдствіи, за чертою аванпостовъ ихъ авангарда, передъ Тарутинскимъ лагеремъ, начиналась для нихъ невѣдомая страна (terra incognita), о которой они не могли получать никакихъ точныхъ свѣдѣній. При вступленіи въ Россію Наполеонъ полагалъ, что найдетъ шпіоновъ по преимуществу въ средѣ Поляковъ, которые могли знать страну, понимали Русскій языкъ и многіе даже хорошо говорили порусски. Управленіе этой частію онъ ввѣрилъ генералу Сокольницкому, который ему въ Парижѣ, въ одно время съ кн. Понятовскимъ, сообщалъ свѣдѣнія о Польшѣ и представлялъ соображенія о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. „Около 21 Сентября [55]), разсказываетъ одинъ изъ находившихся въ его штабѣ Польскихъ офицеровъ, къ этому генералу явился Полякъ и сказалъ, что онъ давнишній обыватель Москвы, а теперь только что пришелъ изъ лагеря Русскихъ войскъ. Онъ казался на видъ человѣкомъ порядочнаго общества и заявилъ о фланговомъ движеніи Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую и что Барклай-де-Толли послалъ его въ Москву развѣдать о положеніи Французской арміи и дальнѣйшихъ замыслахъ Наполеона. Въ удостовѣреніе онъ показалъ записку, въ которой рядъ вопросовъ будто бы написанъ былъ рукою самаго Русскаго генерала. Графъ Солтыкъ изъ этихъ вопросовъ припомнилъ только два, когда писалъ свои записки о походѣ 1812 года: имѣютъ ли на-

---

[54]) Chev. d'Ysarn, Relation etc, стр. 32 — 33; Показанія майора Шмидта, Русск. Архивъ 1864 г., стр. 812; Корбелецкій, Краткое повѣств. стр. 45; Записки D'Оррера, рукопись.

[55]) Графъ Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812 etc. Paris, 1836 г., стр. 311—314. Въ этотъ день, т. е. 9 Сент. ст. ст., наши войска подходили уже къ Красной Пахрѣ. Солтыкъ говоритъ неопредѣленно, *vers* le 21 Sept.; поэтому вѣроятнѣе, что Сокольницкій доставилъ это извѣстіе въ тоже время, какъ и Брантъ привезъ вѣсть о томъ, что Русскихъ войскъ уже нѣтъ на Рязанской дорогѣ, т. е. 22 Сентября. Иначе оно не было-бы такъ неожиданно для Наполеона.

мѣреніе Французы идти на Казань? Въ хорошемъ ли состояніи ихъ артилерійскія лошади? Но кажется достаточно и одного перваго вопроса, чтобы показать, что̀ это былъ шпіонъ. Сокольницкій поспѣшилъ увѣдомить Наполеона, который самъ продиктовалъ отвѣты на всѣ эти вопросы и отправилъ посланца въ Русскій лагерь. „Этотъ человѣкъ, возвратившись оттуда, представилъ полный докладъ императору, отправился назадъ и—не возвращался болѣе". Вообще Сокольницкій, по свидѣтельству того же офицера, былъ „еще менѣе счастливъ въ выборѣ другихъ эмиссаровъ". Къ нему явилась одна красивая дама, музыкантша, назвавшая себя Нѣмецкою баронессою, и предложила свои услуги; получивъ 4000 франковъ, она отправилась и не возвращалась болѣе назадъ.

Можетъ быть, недовольный услугами Сокольницкаго по этой части и вѣроятнѣе по принятому имъ правилу поручать за одними шпіонами наблюдать другимъ, Наполеонъ ввѣрилъ туже часть лейтенанту легкой гвардейской кавалеріи Вандерноту (Vandernott). Но сверхъ того сохранились извѣстія, что и маршалъ Даву принималъ участіе въ этой службѣ. Купецъ 3-й гильдіи Ждановъ, остававшійся съ семействомъ въ Москвѣ, отправился къ нему, чтобы выпросить пропускъ изъ Москвы (къ Даву многіе приходили съ этою цѣлію). Переводчикъ [56]), обратясь къ нимъ, спросилъ: у кого есть жена и дѣти, того отпустимъ и дадимъ билетъ. Эти билеты давались Русскимъ съ тѣмъ, чтобы въ окрестностяхъ они сами себѣ находили способы для пропитанія, но чтобы непремѣнно возвращались: съ этою цѣлью въ Москвѣ задерживали ихъ семейства. При этомъ хотѣли воспользоваться Ждановымъ, объявившимъ, что онъ Московскій старожилъ и у него здѣсь жена и двое дѣтей. Ему предложили 1000 червонцевъ и любой домъ въ Москвѣ, если онъ отправится въ Русскій станъ и разузнаетъ о количествѣ войскъ, о предводителяхъ, о томъ, пополнены ли полки послѣ Бородинской битвы и подходятъ ли новыя подкрѣпленія, что̀ говоритъ народъ о мирѣ. Если Русскія войска идутъ къ Смоленску, то поручалось немедленно возвратиться въ Москву и объявить обо всемъ. Ему велѣли наизустъ выучить вопросы и взяли назадъ бумагу. Придя на Русскіе аванпосты, Ждановъ разсказалъ все Милорадовичу и потомъ кн. Кутузову. Какъ ни заботила его участь семейства, однако онъ не рѣшился на измѣну. Фельдмаршалъ съ похвальнымъ отзывомъ отправилъ его въ Петербургъ [57]).

Жданову поручено было также говорить, что въ Москвѣ находившійся хлѣбъ весь уцѣлѣлъ отъ пожара и что Французы располагаютъ тамъ зимовать. Этотъ слухъ Наполеонъ распускалъ и между

---

[56]) Ждановъ называетъ его барономъ *Самсоновымъ*; при штабѣ Наполеона былъ c-te Samson, бригадный генералъ, chargé de la topographie et de l'historique; но едвали онъ зналъ порусски. Не Вансовичь ли это, дѣйствительно бывшій переводчикомъ Наполеона? Корбелецкій (стр. 18) называетъ его Вельсовичь.

[57]) Памятникъ Французамъ или приключенія Московскаго жителя П. Ж. СПБ. 1813 г., стр. 30—34; Анекдоты достопамятной войны Россіянъ съ Французами, СПБ. 1813 г., ч. I, стр. 108—115.

своими войсками, безъ сомнѣнія никогда не предполагая прибѣгнуть къ такой мѣрѣ. Но этому почти никто и не вѣрилъ изъ окружавшихъ его лицъ. Онъ же распускалъ этотъ слухъ съ одной стороны для того, чтобы возстановить порядокъ въ войскахъ, которыя, ожидая скораго оставленія Москвы, не заботились о своемъ устройствѣ; съ другой, чтобы скрыть настоящую причину, вслѣдствіе которой онъ укрѣплялъ Кремль, нѣкоторые изъ монастырей и большой острогъ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о Русскихъ войскахъ, зная усиливавшуюся постоянно народную и партизанскую войну вокругъ Москвы, онъ опасался внезапнаго нападенія со стороны Русскихъ, но конечно не желалъ признаться въ этихъ опасеніяхъ.

Чтобы заявить, такъ сказать, свою прочную осѣдлость на пепелищѣ Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развлечь офицеровъ и солдатъ, Наполеонъ, узнавъ, что въ числѣ Французовъ находившихся въ Москвѣ оказалось нѣсколько актеровъ и актрисъ, поручилъ префекту дворца де-Боссе устроить театральныя представленія. Въ Москвѣ находилась постоянная труппа Французскихъ актеровъ и актрисъ, которые давали представленія въ императорскихъ театрахъ. Въ нихъ являлась передъ Москвичами извѣстная г-жа Жоржъ и не менѣе извѣстный танцоръ Дюпоръ. Начальницею труппы была г-жа Аврора Бюрсе [58]), Bursay, главнымъ режиссеромъ ея братъ Арманъ Домергъ. Эта труппа, по случаю войны, прекратила свои представленія. Многіе изъ ея членовъ, которыхъ договоры окончились, уѣхали изъ Москвы; нѣкоторые еще оставались. Боссе пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ приказаніе императора открыть представленія. Ограбленные вполнѣ, явились къ нему остатки Французской труппы, въ странныхъ отрепьяхъ, а нѣкоторые въ полунаготѣ. Защита отъ грабежа и достаточное вознагражденіе естественно заставили ихъ повиноваться приказанію, противъ котораго и возражать было опасно. „Трудно было устроить театральныя представленія, говоритъ одна изъ актрисъ, въ городѣ совершенно разграбленномъ, гдѣ женщины не имѣли ни платьевъ, ни башмаковъ, а мущины ни одеждъ, ни сапоговъ, гдѣ не было гвоздей, чтобъ укрѣпить кулисы, не было масла для лампъ. Набрали въ солдатскихъ казармахъ лентъ и цвѣтовъ, и мы играли на дымящихся развалинахъ. Когда намъ объявили объ этомъ намѣреніи, я приняла его за шутку. Но это не была шутка. Мы играли до оставленія Французами Москвы, и Наполеонъ былъ очень щедръ въ отношеніи къ намъ. Императорскій театръ, построенный въ 1803 г. на Арбатской площади, сгорѣлъ; но у нѣкоторыхъ изъ богатыхъ помѣщиковъ были домашніе театры. Такой театръ нашелся въ великолѣпномъ домѣ Познякова на Никитской. Домъ уцѣлѣлъ отъ пожара, но былъ ограбленъ. Приступили немедленно къ поправленію театра; а между тѣмъ Боссе, при помощи г-жи Бюрсе

---

[58]) Г-жа Бюрсе, почти съ дѣтства, получила извѣстность въ Парижѣ четверостишіемъ къ Вольтеру, на которое онъ отвѣчалъ ей лестнымъ письмомъ въ стихахъ. 16-ти лѣтъ она вышла за мужъ за актера Бюрсе, 22-хъ лѣтъ овдовѣла. Она написала нѣсколько драматическихъ сочиненій и перевела драму Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“.

и другихъ актеровъ и актрисъ, составилъ репертуаръ. „По несчастію, оставались изъ актрисъ не самыя молодыя и красивыя, говоритъ одна изъ нихъ, и выборъ піесъ представлялъ немало затрудненій. „Надо играть „Островъ старухъ“ (L'île des vieilles), сказала я этимъ господамъ. Вотъ прекрасный случай вновь поставить на сцену эту піесу“. Она была однимъ изъ произведеній г-жи Бюрсе. Репертуаръ былъ составленъ, театральная зала приведена въ порядокъ; занавѣсъ, спитая изъ парчи, отдѣляла сцену отъ партера, который освѣщала большая взятая изъ церкви люстра; дорогая мебель набрана изъ домовъ частныхъ лицъ. Костюмы актеровъ и актрисъ, также какъ и убранство театра, показывали, при какихъ обстоятельствахъ онъ возникъ. „Понадобилась даже парча отъ священническихъ ризъ, клочки которыхъ солдаты промѣнивали за кусокъ хлѣба“. Черезъ три дня послѣ приказанія Наполеона, 25 Сентября н. ст., удалось открыть представленія двумя піесами, комедіею Мариво: „Игра любви и случая“, Jeu de l'amour et du hazard, и водевилемъ: „Любовникъ сочинитель и лакей“, L'amant auteur et valet [59]). Потомъ дано было еще десять представленій, продолжавшихся до самаго выхода Французскихъ войскъ изъ Москвы. Нѣкоторыя піесы, какъ Три Султанши, Разсѣянный Фигаро, Притворная Невѣрность, Стряпчій Посредникъ (Le procureur-arbitre), Проказы въ тюрьмѣ, Сидъ и Заира, особенно нравившіеся зрителямъ, повторялись по нѣскольку разъ. Но особенно восхищалъ ихъ дивертисментъ, состоявшій изъ танцевъ, въ которыхъ двѣ дѣвицы Ламираль исполняли Русскія пляски. „Это были настоящія Русскія пляски, говоритъ Боссе, а не такія какія мы видали въ большой оперѣ въ Парижѣ. Прелесть этой пантомимы состоитъ въ игрѣ плечь, въ движеніяхъ головы и всего тѣла“. Съ наступленіемъ ночи, въ то время когда сожженная Москва покрывалась мракомъ, среди коего кое-гдѣ тлѣвшійся еще подъ пепломъ огонь обозначался столбами дыма, когда между развалинъ бродили лишь немногіе томимые голодомъ и отыскивающіе пищи Русскіе или непріятельскіе грабители, домъ Познякова горѣлъ блестящими огнями, и освѣщенная Никитская была покрыта экипажами разнаго рода; вокругъ дома стояли стража, наряженная отъ разныхъ полковъ и множество бочекъ наполненныхъ водой: Французы опасались, чтобы и домъ Познякова не былъ подожженъ и строго его оберегали. Оркестръ былъ составленъ изъ полковыхъ музыкантовъ, но въ ихъ числѣ были и двое Русскихъ: первый скрипачь-солистъ Московскаго театра Поляковъ и віолончелистъ Татариновъ. Подслушавъ ихъ игру, Французы завербовали ихъ въ свой оркестръ. Партеръ занимали обыкновенно солдаты, и въ первыхъ рядахъ помѣщались заслуженные гвардейцы, украшенные Почетнымъ Легіономъ. Ложи наполняли офицеры разныхъ чиновъ, между которыми кое-гдѣ замѣчались и женщины, оставшіяся конечно въ Москвѣ Француженки. Цѣны за мѣста были умѣренныя. Часть изъ собранныхъ денегъ употреблялась на освѣщеніе

---

[59]) Афишка этого представленія напечатана (съ ошибкою въ числѣ дня) въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г., т. 2, стр. 268.

и отопленіе театра; а остальная раздѣлялась между артистами. „Генералы и маршалы, съ ихъ штабами, также постоянно посѣщали представленія, говоритъ Домергъ, какъ и солдаты. Въ темнотѣ ночи пробирались они туда по Московскимъ развалинамъ. Г-жи Домергъ и Бюрсе едва успѣвали собирать деньги, которыя они горстями сыпали на ихъ прилавокъ". Афиши были писанныя; не было входныхъ билетовъ, ни ихъ раздачи по обычаю; но при входѣ въ театръ платили деньги. „Герцогъ Тревизскій постоянно посѣщалъ представленія и входя клалъ на прилавокъ этихъ дамъ по цѣлой горсти пятифранковыхъ монетъ и рублей. Простые Французы платили также щедро и никогда не требовали сдачи. Даже солдаты платили дороже назначенной цѣны". (19) Октября еще было представленіе, и объявлены піесы назначенныя на другой день. „Возвратясь изъ театра, говоритъ г-жа Фюзиль, я приготовляла себѣ платье для роли Петрониллы, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ: „Что̀ вы дѣлаете!" „Вы видите, приготовляю платье къ завтрашнему вечеру", отвѣчала я. — „Позаботьтесь лучше приготовить ваши чемоданы къ завтрашнему утру, потому что мы въ два часа утра выступаемъ". Я была поражена, но послѣдовала совѣту. На другой день съ разсвѣтомъ дѣйствительно всѣ собрались выступать [60]).

Императоръ Наполеонъ слѣдилъ за успѣхами театра, но не бывалъ нъ немъ. Въ Кремлѣ не было представленій, но была устроена концертная зала, гдѣ пѣлъ Итальянскій пѣвецъ Тарквиніо, не давно пріѣхавшій въ Москву изъ Милана и игралъ пьянистъ Мартини, на которыхъ указала г-жа Бюрсе. Въ слушаніи этой музыки, въ прогулкахъ по городу, въ осмотрѣ зданій, заключались всѣ развлеченія Наполеона, конечно нисколько не развлекавшія его думъ, направленныхъ къ разрѣшенію неразрѣшимой по самой ея сущности задачи: полную неудачу похода представить великимъ успѣхомъ и ловко придуманнымъ движеніемъ выдти съ торжествомъ изъ безвыходнаго положенія. Опустѣлыя улицы Москвы, которыя едва можно было различать между грудами пепла и развалинъ и которыя представляли повсюду слѣды разрушенія, мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое шагами проходившихъ отрядовъ также видимо разрушавшагося войска, не могли не омрачать его. За завтраками онъ выслушивалъ доклады Боссе объ успѣхѣ театральныхъ представленій. Даже 7-го Октября, наканунѣ выхода изъ Москвы, онъ разсуждалъ съ нимъ о томъ, чтобы выписать изъ Парижа въ Москву нѣсколько актеровъ и актрисъ и составлялъ имъ списокъ. За тѣмъ онъ диктовалъ своимъ секретарямъ различныя предписанія начальнику своего штаба и другимъ лицамъ. Обѣды его длились подолгу, вопреки обычаю. Прежде онъ никогда не любилъ долго сидѣть за столомъ; но въ Москвѣ, какъ бы желая убить время,

---

[60]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou etc., стр. 22—23; Armand Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 96—100; Bausset, ancien préfêt de palais, Mémoires anecdotiques, т. IV, стр. 76 и слѣд.; B. Peyrusse, Memorial, стр. 103, 105, 108; B. Fain, Manuscrít de 1812, т. II, стр. 100. Ср. статью г. Кони въ Пантеонѣ Русск. театровъ 1840 г.

тяготившее его своею продолжительностію, онъ измѣнилъ этому обычаю [61]). По вечерамъ, окруженный свитою и военачальниками, ходя взадъ и впередъ по залѣ Кремлевскаго дворца, ярко освященной, съ растопленнымъ каминомъ, онъ, чтобы показать свою власть надъ обстоятельствами и силу духа, разсуждалъ о новыхъ литературныхъ произведеніяхъ и о театрѣ. Такъ, за нѣсколько дней до оставленія Москвы, подписавши декретъ [62]) объ устройствѣ театра, въ тотъ же вечеръ онъ обратился къ графу Нарбонну, говоря: „Я долженъ бы посовѣтоваться съ вами, любезный Нарбоннъ, прежде нежели подписать сегодняшній декретъ. Вы конечно въ молодости любили театръ и знакомы съ этимъ предметомъ. Но вы предпочитали комедію; а я, напротивъ, люблю трагедію, высокую, величественную, какою ея создалъ Корнель. Великіе люди въ ней вѣрнѣе изображаются, нежели въ исторіи; въ ней они выставлены въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они вынуждаются прибѣгать къ великимъ рѣшеніямъ; въ ней нѣтъ этихъ подробностей, приготовленій и соображеній, которыя очень часто невѣрно приписываются имъ историками. Всѣ эти человѣческія слабости, колебанія, сомнѣнія, должны исчезнуть въ героѣ. Это должна быть величавая статуя, глядя на которую не чувствуешь слабостей и препятствій тѣла. Это Персей, работы Бенвенуто-Челлини“. Онъ объяснялъ, почему преслѣдовалъ современныхъ драматическихъ писателей, обвиняя ихъ въ неумѣніи изображать великихъ людей новаго времени. „Надо, чтобы великіе короли были великими и на сценѣ. Отчего не возведутъ на нее Карла Великаго, Святаго Людовика, Филиппа-Августа? Я не отвергаю даже иностранныхъ предметовъ. Какую трагедію могъ бы даровитый писатель создать изъ Петра Великаго, этаго гранитнаго мужа, твердаго, какъ основанія Кремля, человѣка, который сотворилъ просвѣщеніе Россіи и ея вліяніе на Европу и который вынудилъ меня, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, предпринять эту ужасную экспедицію. Я прихожу въ изумленіе, когда думаю, что въ этомъ дворцѣ, 20 лѣтній Петръ, безъ совѣтниковъ, почти безъ образованія, въ виду гордой правительницы и старыхъ Русскихъ, захватываетъ власть и, замысливъ сдѣлать ее побѣдоносною и завоевательною, уничтожаетъ стрѣльцовъ. Какой примѣръ нравственной силы (d'autocratie morale)! Какъ бы хорошо видѣть на сценѣ, какъ молодой Петръ, котораго считали преданнымъ грубымъ удовольствіямъ, приводитъ въ исполненіе дѣло 18 Брюмера при своемъ дворѣ, посылаетъ въ монастырь гордую Софью и въ одно время создаетъ мирныя и боевыя учрежденія, начинаетъ войну, устраиваетъ армію и флотъ и строитъ новую столицу Россіи. Что̀ касается до особенностей его генія, то они никѣмъ не были поняты. Не замѣтили, что онъ пріобрѣлъ то, чего недостаетъ рожденнымъ на престолѣ, славу *но-*

---

[61]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, liv. VIII, глава XI, стр. 102—103.

[62]) Collection générale des lois, т. XII, стр. 257, decret de 15 Oct. 1812.

ваго человѣка, достигшаго до трона (la gloire de parvenu) со всѣми испытаніями, соединенными съ этою славою. Онъ добровольно сдѣлался артилерійскимъ лейтенантомъ, чѣмъ и я былъ. Это не была комедія. Онъ оставилъ страну, чтобы освободить себя на нѣкоторое время отъ короны, чтобы испытать жизнь частнаго человѣка и постепенно дойти до величія. Онъ самъ сдѣлалъ для себя то, что̀ дала мнѣ судьба. Вотъ что̀ выдвигаетъ его впередъ изъ ряда всѣхъ прирожденныхъ государей (les monarques de race). И не смотря на то, какое было испытаніе этому генію! Подумайте, такой человѣкъ на берегахъ Прута, во главѣ войскъ, имъ самимъ созданныхъ, допустилъ себя окружить Турецкой арміи, лишить способовъ продовольствія и едва не взять себя въ плѣнъ! Такія *необъяснимыя затмѣнія* случаются съ великими людьми. Это Цезарь, плохо начавшій дѣло и осажденный въ Александріи негодными Египтянами. Но Цезарь взялъ свое, отмстилъ имъ; великій человѣкъ всегда найдется, какъ послѣ ошибки, такъ и послѣ несчастія". Замѣчательное сужденіе Наполеона о Петрѣ Великомъ и о его положеніи при Прутѣ очевидно намекало на него самаго и на тогдашнее положеніе его дѣлъ.

Графъ Нарбоннъ, воспитанный въ высшихъ слояхъ общества дореволюціонной Франціи, пропитанный понятіями о внѣшнемъ лоскѣ просвѣщенія и полагавшій, что великіе люди въ новое время могутъ быть только между Французами, конечно не могъ понять Петра Великаго: въ его глазахъ онъ былъ варваръ и своими успѣхами обязанъ не столько своему генію, сколько ошибкамъ своихъ противниковъ. „Если бы Карлъ XII не вдался такъ далеко въ глубь Россіи, или отступилъ бы во̀-время, замѣчаетъ онъ, если бы онъ не продолжалъ своего нашествія даже зимою, когда сильные холода уничтожали сотнями его солдатъ на походѣ, то онъ никогда бы не былъ побѣжденъ; онъ прикрылъ бы Польшу и не далъ бы царю идти далѣе. Петръ былъ великъ вслѣдствіе ошибокъ своихъ противниковъ. Онъ побѣдилъ не тактикою и своимъ геніемъ, но силою климата своей страны. На это средство и теперь еще разсчитываютъ его потомки".

Хотя отзывъ Нарбонна вполнѣ соотвѣтствовалъ смыслу рѣчей Наполеона, но тотъ не любилъ, чтобы отгадывали его намѣренія, и съ живостію замѣтилъ: „Вижу, къ чему вы клоните рѣчь, любезный Нарбоннъ; вамъ говорятъ о театрѣ, а вы отвѣчаете политикою. Впрочемъ они часто соприкасаются другъ съ другомъ; но будьте покойны: мы не повторимъ ошибки Карла XII-го. Она записана въ исторіи для того, чтобы предостеречь насъ отъ нея. Надо было нѣсколько подождать здѣсь послѣдствій громовыхъ ударовъ Бородинской битвы и занятія Москвы. Я имѣлъ причины надѣяться на заключеніе мира; но заключимъ мы его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ есть предѣлъ нашему здѣсь пребыванію. Наши войска отдохнули и переустроены; время стоитъ хорошее, и мы имѣемъ возможность отойти къ Смоленску, соединиться на пути съ нашими подкрѣпленіями и расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Есть еще и другой способъ, который предлага-

етъ Дарю, а я называю его *львинымъ совѣтомъ*: собрать провизію, убить и посолить всѣхъ нашихъ лошадей, зимовать въ Москвѣ и весною начать вновь наступательныя дѣйствія. Но я не соглашаюсь съ этимъ предложеніемъ. Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ долго оставаться внѣ своего дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, нежели манитъ Петербургъ. Будьте довольны, любезный графъ: скоро уйдемъ *съ* миромъ или *безъ* него" [63]).

Такими рѣчами Наполеонъ желалъ отвлекать вниманіе и свое собственное и окружающихъ его лицъ отъ главнаго предмета заботъ. Въ такихъ разговорахъ коротàлъ онъ долгіе осенніе вечера Московской своей жизни. Но онъ не достигалъ цѣли. Окружавшія его лица только и думали о томъ, какъ бы скорѣе выбраться изъ Москвы; его же самаго волновало и раздражало напрасное ожиданіе мира и бѣдственное положеніе войскъ, которому помочь онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. „Его ночи были особенно тревожны", говоритъ гр. Сегюръ. Онъ проводилъ ихъ частію вмѣстѣ съ гр. Дарю, которому однако рѣшался повѣрять заботу о своемъ опасномъ положеніи. Перебирая различныя предположенія, чтобы выдти изъ этой опасности, онъ говорилъ ему: „Думаютъ, что дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы оставить Москву; а не соображаютъ того, что нуженъ мѣсяцъ, чтобы преобразовать армію и вывезти раненыхъ и больныхъ. Не оставить же ихъ въ добычу казакамъ! Это покажется не отступленіемъ, а бѣгствомъ (il paraîtra fuir). Что̀ заговоритъ Европа! Она завидуетъ мнѣ, ищетъ мнѣ соперника и подумаетъ, что нашла его въ лицѣ императора Александра. Какія могутъ тогда послѣдовать опасныя войны! Пусть же не порицаютъ моего бездѣйствія. Развѣ я не знаю, что Москва въ военномъ отношеніи ничего не значитъ? Но это не военная позиція, а политическая. Хотятъ видѣть во мнѣ только генерала, но я императоръ". Онъ старался доказать, что въ политикѣ никогда не слѣдуетъ отступать (reculer), никогда не признаваться въ своихъ ошибкахъ, но упорно идти впередъ [64]). Касательно переустройства войскъ, Наполеонъ безъ сомнѣнія очень хорошо понималъ, что въ томъ положеніи, въ какомъ они находились въ Москвѣ и передъ Тарутинскимъ лагеремъ, въ продолженіи еще мѣсяца они бы разстроились еще болѣе. Надежда придвинуть къ себѣ корпусъ маршала Виктора едва ли также могла его обольщать. У него просили подкрѣпленій и князь Шварценбергъ, и маршалы Сенъ-Сиръ и Макдональдъ. Получить же новые контингенты, сверхъ договоровъ, отъ Австріи и Пруссіи, безъ сомнѣнія, онъ не надѣялся. Но судьба раненыхъ и больныхъ дѣйствительно его озабочивала потому, что оставленіе ихъ въ Москвѣ послужило бы признакомъ не правильнаго даже отступленія, а просто бѣгства. Его чрезвычайно смутилъ отвѣтъ генералъ-интенданта на вопросъ: сколько

---

[63]) Villemain, M-r de Narbonne, стр. 225—230.

[64]) C-te Segur, т. II, стр. 93 и слѣд.

нужно употребить времени на ихъ вывозъ изъ Москвы?—Не менѣе сорока пяти дней, отвѣчалъ ему графъ Дюма [65]).

Бесѣдуя по ночамъ, съ глазу на глазъ, съ графомъ Дарю, Наполеонъ говорилъ ему, что пойдетъ на Кутузова, „чтобы разгромить его, или *обойти* и вдругъ повернуть на Смоленскъ“.—„Уже поздно, отвѣчалъ ему графъ Дарю: Русскія войска переустроены, наши ослабѣли, побѣда забыта. Лишь только войска будутъ обращены лицемъ къ Франціи, они разбѣгутся по частямъ: каждый солдатъ, обремененный добычею, будетъ спѣшить впередъ, чтобы продать ее во Франціи“.—„Что̀ же надо сдѣлать?“ воскликнулъ Наполеонъ. „Оставаться здѣсь, отвѣчалъ Дарю, сдѣлать изъ Москвы большой укрѣпленный лагерь и провесть въ немъ зиму“. Дарю былъ увѣренъ, что уцѣлѣвшія отъ пожара зданія и погреба доставятъ достаточное помѣщеніе и что можно запастись продовольствіемъ, убивъ всѣхъ лошадей и посоливъ ихъ мясо. „Весною наши подкрѣпленія и вся вооружившаяся Литва придутъ къ намъ на выручку. Соединившись съ ними, мы довершимъ побѣду“. Очевидно, графъ Дарю не зналъ положенія дѣлъ въ тылу великой арміи, которое Наполеонъ тщательно скрывалъ даже отъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ. „Это львиный совѣтъ“ (conseil de lion), отвѣчалъ послѣ нѣкотораго молчанія Наполеонъ. „А что скажутъ въ Парижѣ? Что̀ тамъ можетъ произойти, когда въ продолженіи шести мѣсяцевъ не будутъ имѣть отъ меня извѣстій? Нѣтъ, Францію не пріучишь къ моему отсутствію; а Пруссія и Австрія имъ воспользуются“ [66]).

Такъ проводилъ Наполеонъ послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ. Сонъ не успокоивалъ его волненій. „Его тревога выражалась порывами гнѣва, говоритъ гр. Сегюръ. Особенно это случалось утромъ, когда онъ вставалъ съ постели (à son lever). Окруженный предводителями войскъ, обращавшими на него пытливые взгляды, въ которыхъ онъ думалъ видѣть укоръ за его дѣйствія, онъ, суровымъ обхожденіемъ, нетерпѣливыми движеніями и рѣзкими, отрывочными выраженіями, казалось, хотѣлъ ихъ оттолкнуть отъ себя. По его блѣдному лицу можно было замѣтить, что его томила горькая истина его положенія, со всею ясностію представлявшаяся въ темнотѣ ночей“.

Въ то время, когда Наполеонъ проводилъ томительные дни и ночи, когда его офицеры и солдаты утѣшались представленіями

---

[65]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 147; C-te Mathieu Dumas, Souvenirs, т. III, стр. 456 и 457.

[66]) C-te Segur, т. II, стр. 100—102. Часто ссылаясь на Сегюра, мы не указываемъ на опроверженія его показаній генераломъ Гурго (Examen critique de l'ouvrage de c-te Segur, Bruxelles 1825 г.). Officier du palais, какъ въ насмѣшку называетъ его Гурго (т. е. maréchal des logis du palais, чѣмъ онъ былъ) постоянно находясь при Наполеонѣ, конечно зналъ болѣе, что̀ дѣлается въ его дворцѣ, чѣмъ officier d'ordonnance, чѣмъ былъ Гурго въ то время. Впрочемъ показанія графа Сегюра подкрѣпляются и многими другими.

въ театрѣ Познякова и катаньями съ публичными женщинами [67]), несчастные Русскіе обыватели Москвы испытывали утѣшенія инаго рода.

Русскіе члены муниципальнаго управленія, учрежденнаго въ Москвѣ, не могли облегчить ихъ бѣдствія, не могли ни доставить продовольствія, ни пріютить подъ кровы, ни оградить отъ насилій и грабительства. Имъ удалось, по мѣрѣ скудныхъ средствъ и возможности, оказать помощь только немногимъ; но они исполнили одну изъ возложенныхъ на нихъ объявленіемъ Лессепса обязанностей—способствовать открытію богослуженія въ нашихъ храмахъ, въ чемъ оказывали имъ содѣйствіе и нѣкоторые изъ Французскихъ военачальниковъ. Въ церкви Голицынской больницы постоянно производилось богослуженіе. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ оно началось вскорѣ послѣ пожаровъ, когда главная квартира маршала Даву́ помѣстилась на Дѣвичьемъ полѣ. „Что ни Воскресенье, что̀ ни праздникъ, у насъ была обѣдня въ соборной церкви, говоритъ современница-монахиня. Церковь мы всегда запирали, и ключь былъ у насъ. А въ другихъ-то они жили и съ своими мамзельками, потому что келій для нихъ было мало“. Въ Рождественскомъ монастырѣ начальникъ отряда, который былъ помѣщенъ въ немъ, также приглашалъ священника отправлять церковную службу, когда онъ обратился къ нему съ просьбою. По свидѣтельству современницы, находившейся въ этомъ монастырѣ, „священникъ говорилъ, что обѣдни, разумѣется, служить нельзя, потому—не ровёнъ часъ, можетъ они войдутъ въ храмъ во время совершенія таинства и какое кощунство сотворятъ, да и антиминсы спрятаны. Часы и вечерню можно бы каждый день служить“. Получивъ разрѣшеніе, обрадованный священникъ велѣлъ немедленно ударить въ колоколъ; но прибѣжалъ солдатъ и объявилъ, что генералъ проситъ: „нельзя ли звонить въ маленькой колоколъ, потому что онъ не выноситъ громкаго колокольнаго звона“. „Ну, что же, говоритъ батюшка, мы его безпокоить не станемъ“. И во все время, пока они стояли у насъ, ударяли по три раза къ часамъ и къ вечерни въ маленькой колоколъ. Служили въ Златоустовской церкви, и Французы бывали частенько на службѣ. Любопытно имъ видно было. Войдутъ, намъ поклонятся и смотрятъ. Иной разъ между собою пошепчутся, и стояли всегда прилично“. Грабежъ и оскверненіе храмовъ, постоянное кощунство надъ святынею, естественно возбуждали чувство опасенія не только со стороны священниковъ, но и прихожанъ. Они скрывали въ тайникахъ антиминсы отъ грабежа и поруганія. „Грабители подпоясывались ими и, находя, что они коротки, бросали потомъ“. Въ Зачатеевскомъ монастырѣ только на нѣсколько дней пожаръ и грабежъ прервали божественную службу; вообще же она продолжалась во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ. Игуменья и монахини возвратились въ сожженный и ограбленный монастырь въ день Рождества Богородицы (8 Сентября). „Въ честь

[67]) Воспоминанія очевидца, стр. 185—188.

праздника, по свидѣтельству монастырскихъ преданій, были отслужены всенощная и молебенъ. Съ 9-го числа священникъ служилъ каждое утро часы; но съ 22 числа, которое приходилось въ Воскресенье, онъ освятилъ обнаженный непріятелями престолъ, и совершена была литургія. Съ этого времени монахини, міряне поселившіеся въ монастырѣ и жители сосѣднихъ улицъ сходились на звонъ колокола, призывавшаго вѣрующихъ въ храмъ. Всѣ торопились, въ ожиданіи смерти, исполнить христіанскій долгъ; каждый день приходили къ священнику исповѣдники, за каждою обѣдней были причастники. Въ немногихъ церквахъ служили литургію; ихъ посѣщали пріютившіеся въ ближайшихъ къ нимъ окрестностяхъ обыватели Москвы; но многіе и не знали объ этомъ. Такъ разсказываетъ одна простая женщина, вышедшая изъ Москвы 1-го Октября на праздникъ Покрова, утромъ: „Слышимъ, ударяютъ къ заутрени; мы перекрестились и пошли. Заутрени ужъ служили и часы и вечерни; а обѣдни еще нигдѣ не служили, потому что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была въ тѣхъ, которыя остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ ни попадутся; поймаютъ дьякона вмѣсто попа, все равно, и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить: Французу все равно, ничего не понимаетъ. Такъ и начали служить въ церквахъ, гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ доволенъ, лишь бы только была служба; а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить!" Впрочемъ литургію нельзя было совершать не потому только, чтобы не нашлось священниковъ, но потому, что всѣ почти храмы, за немногими исключеніями, были осквернены, ограблены, престолы сдвинуты съ мѣстъ, не было ни утвари, ни другихъ принадлежностей для богослуженія. Гдѣ только было возможно, тамъ ожедневно совершалась даже литургія. Въ церкви Спасо-Преображенской, на Глинищахъ, протоіерей Семеновъ постоянно совершалъ литургію и исправлялъ требы. Точно также священники Троицкой церкви на Хохловкѣ и Петропавловской на Якиманкѣ „совершали богослуженіе съ разрѣшенія Французскихъ начальниковъ, но съ запрещеніемъ читать, послѣ сугубой эктеніи, молитву объ избавленіи отъ нашествія супостатовъ. Священники этихъ церквей ходили и въ окрестныя мѣста крестить младенцевъ, исповѣдывать тяжело больныхъ и напутствовать ихъ св. дарами" [68]). Въ

---

[68]) Воспоминанія очевидца, стр. 171; Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18—19, 124—126, 155—156; Русск. Архивъ 1871 г., № 6, стр. 0211; Записка о происшествіяхъ въ Московскихъ церкв. и монастыряхъ въ 1812 г. Аббатъ Сюрюгъ говоритъ: „On ne rencontrait aucun pope, on ne voyait aucun trace du culte réligieux. Le peuple, au milieu des horreurs de la calamité la plus désastreuse, n'avait pas même la consolation d'épancher ses peines aux pieds des autels et d'implorer la seule ressource qui reste aux malheureux. Les santinelles préposées à la garde d'Israel à la vue du danger s'étaient cachées ou avaient pris la fuite. Un seul

Москвѣ находился въ это время нечаянно попавшій въ плѣнъ протоіерей кавалергардскаго полка Гратинскій. Ограбленный почти до̀ нага, переходившій изъ одного дома въ другой, гонимый пожарами, онъ поселился наконецъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ на Мясницкой, вмѣстѣ съ двумя стами человѣкъ разоренныхъ Московскихъ обывателей. „Здѣсь, доносилъ онъ потомъ оберъ-священнику, въ облегченіе участи стенавшихъ подъ игомъ убійцъ и грабителей, рѣшился я просить позволенія открыть богослуженіе и отъ Французской полиціи получилъ его. Комендантъ города гр. Мильо далъ мнѣ билетъ и, для безопасности богослуженія, караулъ изъ двухъ солдатъ. Для богослуженія избралъ я верхнюю церковь св. Евпла. Сентября 15-го, въ день коронованія императора, при первомъ ударѣ колокола, при многочисленномъ стеченіи оставшагося въ Москвѣ народа, началъ я отправлять богослуженіе, послѣ котораго о здравіи монарха нашего и всего его семейства отправлено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Вся церковь омыта была слезами. Сами непріятели, смотря на вѣру и ревность Русскаго народа, едва не плакали. Въ самое короткое время, въ два дня служенія моего, усерднѣйшими христіанами были принесены въ церковь серебряные и вызолоченные сосуды, до 10 пудъ свѣчь и ладона, вина, муки на просфоры и довольное количество разной церковной утвари. Въ семъ храмѣ, до возвращенія въ Москву той церкви священника, каждый день отправляемо было мною богослуженіе“ [69]). Все что̀ могли спасти изъ предметовъ необходимыхъ для богослуженія отъ похищенія непріятелей ограбленные жители Москвы несли въ храмъ, призывавшій ихъ къ богослуженію торжественнымъ благовѣстомъ. Много разъ случалось имъ слыхать безпорядочный звонъ колоколовъ, которымъ потѣшались Французы [70]); но правильный звонъ, совершаемый *по чину*, производилъ на нихъ потрясающее дѣйствіе. Когда въ первый разъ по Замоскворѣчью раздался звукъ колокола, призывавшій къ богослуженію въ храмъ Петра и Павла, „около осьми часовъ утра (говоритъ современникъ-свидѣтель), мы услыхали отдаленный звонъ, и всѣ вопросительно взглянули другъ на друга, отгадывая его значеніе. Нѣкоторые думали, что это непріятели потѣшаются; но мой отецъ сказалъ, вни-

---

pope me consulta pour savoir s'il pouvait reprendre ses fonctions“. Это Гратинскій (Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 30—31). Тоже говоритъ и нѣкій Нѣмецъ B...ch: „Presque tous les monastères et les églises grecques avaient été abandonnées des prêtres et des religieux qui y vivaient. Le clergé catholique et les ministres n'eurent point la même terreur; on ne cite qu'un temple protestant qui fut délaissé“. (Hist. de la destruction de Moscou, стр. 123). Изложенныя въ нашемъ разсказѣ свидѣтельства избавляютъ насъ отъ нужды опровергать показанія этихъ двухъ свидѣтелей. О нихъ можно бы и не упоминать, если бъ нѣкоторые изъ Русскихъ писателей не придавали имъ вѣры (Исторія отечеств. войны г. Богдановича т. II, стр. 329 и Вѣстн. Европы 1872 г. Ноябрь, статья Д. Н. Свербеева).

[69]) Донесеніе протоіерея Гратинскаго 5 Дек. 1812 г. Русск. Архивъ, 1866, № 5, стр. 731—735.

[70]) Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 36.

мательно вслушавшись: „это не простой безпорядочный звонъ, но правильный благовѣстъ, въ одинъ колоколъ, которымъ православные сзываются на богослуженіе“. Наведя справки, удостовѣрились, что дѣйствительно благовѣстятъ въ церкви Петра и Павла. Священникъ этой церкви, гдѣ случайно остался неприкосновеннымъ одинъ изъ придѣловъ, получилъ разрѣшеніе отправлять богослуженіе и караулъ; но съ тѣмъ, чтобы звонъ производился одинъ разъ въ день, не ранѣе 8 часовъ утра. „Богомольцы, входя въ храмъ, разсказываетъ тотъ же очевидецъ, благоговѣйно крестясь, творили молитвы. Смотря на исхудалыя и блѣдныя лица, выражавшія совершенное истощеніе силъ, на рубища, на то, какъ они съ трудомъ передвигали ноги, выходя изъ своихъ жилищъ, какъ изъ норъ, изъ подваловъ и погребныхъ ямъ, ихъ можно было уподобить возставшимъ изъ гробовъ, вызваннымъ трубнымъ гласомъ, въ послѣдній день страшнаго суда. Съ радостнымъ трепетомъ, какъ божественнаго врачеванія, они ожидали начала службы. Молились одни, преклонивъ колѣна и простерши руки; другіе, упавъ съ рыданіями на помостъ, а иные—неподвижно устремивъ взоры на распятаго Спасителя. Когда передъ иконами были зажжены свѣчи, блескъ огня, какъ благодать, нисшедшая свыше, проникла богомольцевъ: всѣ воспрянули какъ бы отъ тяжкаго сна, одобрились духомъ, готовясь встрѣтить въ полночь грядущаго жениха. Наконецъ отдернулась завѣса, отворились царскіе врата, и священно-служители, въ полномъ облаченіи, вышли изъ алтаря. Священникъ несъ на головѣ крестъ и Евангеліе, дьяконъ со свѣчею въ лѣвой и съ кадиломъ въ правой. Народъ палъ ницъ. Выйдя на средину церкви и осѣняя крестомъ на четыре стороны, священникъ возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!“ Когда онъ положилъ крестъ на аналой, клиръ запѣлъ: „Кресту твоему поклоняемся, Владыко!“ Всѣ присутствовавшіе три раза поклонились въ землю. Во время водосвятія, когда пѣли: „Спаси, Господи люди твоя“, народъ, стоя на колѣняхъ, общимъ хоромъ вторилъ молитвѣ. Но когда запѣли: „Къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ“... весь храмъ огласился воплями и рыданіями. Матери, стоя на колѣняхъ, поднимая на рукахъ грудныхъ младенцевъ, взывали: „Пресвятая Дѣва, спаси невинныхъ дѣтей“. Во время литургіи, когда дьяконъ провозгласилъ: „елицы оглашенніи, изыдите“, молящіеся въ великое пришли недоумѣніе, замѣтя вдругъ трехъ непріятельскихъ солдатъ, въ синихъ мундирахъ, стоявшихъ на колѣняхъ и молившихся со слезами; но сомнѣніе изчезло, когда узнали въ нихъ единовѣрцевъ, Словаковъ. Много было причастниковъ. По окончаніи обѣдни, приложась къ кресту, окропленные святою водою, богомольцы разошлись, спокойны и довольны“.

Современникъ, котораго разсказъ мы привели почти подлинными его словами, весьма вѣрно заключаетъ, что его перо не въ силахъ выразить тѣхъ чувствъ, которыми преисполнены были несчастные жители Москвы [71]). Но какое же перо и можетъ ихъ выразить!

---

[71]) Д-ра Рязанова, Воспоминанія очевидца, гл. 21, стр. 199—204.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, еще замѣтно было въ обществѣ нашемъ, а особенно въ военной молодежи, нѣкоторое разгульное удальство. Англичане говорятъ: время деньги. Русскіе говорили: жизнь копейка. Историко-политическіе перевороты, перевороты довольно часто повторявшіеся и легко удававшіеся, оставили въ умахъ слѣды отваги и какого-то почти своевольнаго казачества въ понятіяхъ и нравахъ. Разумѣется, таково было не общее настроеніе; но привычки произвола не по всюду и не охотно подчинялись условіямъ и законамъ новаго порядка. Съ первыми годами царствованія императора Александра I, волненіе умовъ начало улегаться. Небо очищалось и прояснялось, но старыя дрожжи еще кое-гдѣ бродили. Политическихъ Орловыхъ на сценѣ уже не было; но Орловское молодечество, хотя уже отрекшееся отъ кулачныхъ боевъ, еще проглядывало въ нравахъ и обычаяхъ. Проказы гвардейскихъ офицеровъ въ Новой Деревнѣ и въ другихъ окрестностяхъ столицы пугали дамъ, проѣзжавшихъ по этимъ мѣстностямъ. Много забавныхъ, но немного-*скабрезныхъ* случаевъ и встрѣчъ бывало въ то время. Лучшіе, по рожденію и по положенію своему въ полку и въ обществѣ, офицеры отличались подобными похожденіями. Время шло, молодость перебѣсилась, и многіе изъ этихъ шалуновъ сдѣлались не только порядочными, но нѣкоторые и полезными людьми на поприщѣ гражданской и государственной дѣятельности. А все таки благочиніе цѣломудренной печати не позволяетъ, и по минованіи многихъ десятилѣтнихъ давностей, представить читателю, а тѣмъ паче читательницѣ, нѣкоторыя изъ этихъ проказъ во всей ихъ естественной и буквальной наготѣ. Выберемъ изъ этой эпохи другой примѣръ, болѣе удобный для разсказа, но все-же подкрѣпляющій вышеприведенныя соображенія наши.

Въ 1808 или 1809-мъ году, часть блестящей Московской молодежи, сливки тогдашняго отборнаго общества, собралась на обѣдъ пикникомъ въ Царицыно. Въ ожиданіи обѣда гуляли по саду. Въ числѣ прочихъ былъ Новосильцовъ (Сергѣй Сергѣевичь). Онъ имѣлъ при себѣ ружье. Пролетѣла птица. Новосильцовъ готовился выстрѣлить въ нее. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Гагаринъ (оба были военные) остановилъ его и говоритъ ему: „Что за важность стрѣлять въ птицу! Попробуй выстрѣлить въ человѣка.“—„Охотно, отвѣчаетъ тотъ; хоть въ тебя“.—„Изволь, я готовъ. Стрѣляй!“ И Гагаринъ ста-

новится въ позицію. Новосильцовъ цѣлитъ; но ружье осѣклось. Валуевъ, Александръ Петровичь, кидается, вырываетъ ружье изъ рукъ Новосильцова, стрѣляетъ изъ ружья, и выстрѣлъ раздался. Можно представить себѣ смущеніе и ужасъ зрителей этой сцены. Они думали сначала, что все это шутка и мало обращали на нее вниманіе. Но есть еще продолженіе этой сценѣ. Гагаринъ говоритъ Новосильцову: „Ты въ меня цѣлилъ: это хорошо. Но теперь будемъ цѣлить другъ въ друга; увидимъ, кто въ кого попадетъ. Вызываю тебя на поединокъ". Разумѣется, Новосильцовъ не отнѣкивается. Но тутъ пріятели вмѣшались въ наѣздничество двухъ отчаянныхъ сорванцевъ и на силу могли прекратить дѣло миролюбивымъ образомъ. Сѣли за столъ, весело пообѣдали, и вся честная компанія возвратилась въ городъ благополучно и въ полномъ составѣ. Бойцы, готовившіеся совершить убійство другъ надъ другомъ, остались по прежнему добрыми товарищами, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Разсказъ приведенный нами, разумѣется, случай частный и отдѣльный, но и въ немъ можно подмѣтить духъ и знаменіе времени.

*

Спрашивали ребенка: За чѣмъ ты солгалъ? Тебѣ никакой не было выгоды лгать. — Боялся, что не повѣрятъ мнѣ, если правду скажу.

*

Когда бываю въ Русскомъ театрѣ (этому давно) припоминаю отзывъ одного слуги. Баринъ, узнавъ, что онъ никогда не видалъ спектакля, отпустилъ его въ театръ. Любопытствуя провѣдать, какія вынесъ онъ впечатлѣнія, баринъ спросилъ его на другой день:

Ну, какъ понравился тебѣ театръ?

— Очень понравился, отвѣчалъ слуга.

— А что̀ именно и болѣе понравилось?

— Да все: тепло, свѣтло, люстра пребогатѣйшая, такъ и горитъ, народу много, ложи наполнены знатными господами и барынями, музыка играетъ. Праздникъ, да и только.

— Ну, а далѣе, какъ понравились тебѣ комедія и актеры?

— Да, признаться, когда занавѣсъ подняли, и начали актеры разговаривать между собою про дѣла свои, я и слушать ихъ не сталъ".

Этотъ простосердечный слуга едва-ли не вѣрнѣйшій и лучшій критикъ нашей драмматургіи.

*

Издатель журнала долженъ былъ Баратынскому довольно крупную сумму. Изъ деревни писалъ онъ должнику своему нѣсколько разъ о высылкѣ денегъ. Тотъ оставлялъ всѣ письма безъ отвѣта. Наконецъ Баратынскій написалъ ему такое, что̀ могло назваться ножемъ къ горлу. Журналистъ пишетъ ему: „Какъ вамъ несовѣстно сердиться за молчаніе мое? Вы сами литтераторъ и знаете, что мы народъ безпечный и на переписку лѣнивый".—„Да я вовсе и не

хлопочу, отвѣчаетъ Баратынскій, о пріятности переписки съ вами; держите письма свои при себѣ: они мнѣ не нужны, а нужны деньги, и прошу и требую ихъ немедленно".

*

Кто-то спрашиваетъ должника: Когда-же заплатите вы мнѣ свой долгъ?—Я и не зналъ, что вы такъ любопытны, отвѣчаетъ тотъ.

*

Чиновникъ Р. славился въ канцеляріи министерства красивымъ почеркомъ и надписываніемъ особенно важныхъ письменныхъ пакетовъ. N. N. говорилъ, что слѣдовало-бы предложить его въ Парижскую академію des inscriptions et belles lettres.

*

Спрашивали паломника, недавно возвратившагося изъ Палестины, какъ доволенъ онъ путешествіемъ своимъ? „Очень доволенъ, отвѣчалъ онъ: но непріятно, что вообще на Востокѣ нѣтъ порядочныхъ сливокъ, а особенно въ Іерусалимѣ. Послѣ многихъ поисковъ и трудовъ, нашелъ я наконецъ кое-какія сливки на Англійскомъ подворьѣ; да и тѣ, отъ дневнаго жара и отъ неимѣнія льда, совершенно скисались къ вечернему чаю. Такое лишеніе въ насущной потребности имѣетъ большое вліяніе на общее настроеніе духа. За то нельзя не отдать справедливости Виѳлеему и голубямъ его. Они необычайно вкусны. А что̀ всего удивительнѣе, очень порядочно изготовляютъ ихъ на монастырскихъ кухняхъ. Вообще, я очень радъ, что сподобился посѣтить святыя мѣста".

*

Между тѣмъ, другой паломникъ — а можетъ быть и тотъ-же — стоялъ однажды въ Виѳлеемѣ на плоской кровлѣ монастырскаго дома и любовался великолѣпною мѣсячною ночью, ночью, поистинѣ, восточною. Мѣсяцъ и звѣзды были невыразимо-свѣтлы, небо и воздухъ синевы необычайной. Все кругомъ было тихо до святости, до благоговѣнія. Въ воздухѣ и въ умѣ мелькали и слышались одни таинственные голоса неумолкаемыхъ преданій. Паломникъ представлялъ себѣ, что можетъ быть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, стоялъ за 1850 лѣтъ тому и любовался также подобною ночью современникъ, почти зритель событія, которое озарило благодатнымъ сіяніемъ одну изъ страницъ лѣтописи міра и человѣчества. Паломникъ говорилъ себѣ, что стоитъ при скромномъ родникѣ, изъ котораго разлились потоки свѣта и любви на грядущія поколѣнія, потоки, преобразившіе судьбы міра, еще до нынѣ не изсякшіе и благотворно разливающіеся. Посѣтителю этихъ мѣстъ не нужно особенной набожности, особеннаго вѣрующаго настроенія, чтобы увлекательно, почти безсознательно, подчинить себя всемогуществу преданій, которыя здѣсь струятся въ воздухѣ и всего тебя обхватываютъ, какъ этотъ тихій, теплый и глубоко-проникающій воздухъ. Даже не вѣрующій въ чудеса долженъ сознаться, что эта земля сокровищница и прорицательница чудесныхъ преданій. Здѣсь вѣковыя событія не смѣняются, не стираются съ лица земли и съ ис-

торіи новыми событіями мимотекущаго дня; здѣсь, какъ по глаголу Іисуса Навина, солнце остановилось въ теченіи своемъ, но солнце не единаго дня, а столѣтій. Здѣсь читаешь Евангеліе съ тѣмъ же любопытствомъ и вниманіемъ, какъ въ другихъ странахъ читаешь мѣстный дневникъ текущихъ происшествій и новостей. Все возбуждаетъ любознательность и отражается въ душѣ свѣжимъ, глубокимъ впечатлѣніемъ. Все здѣсь отзывается древностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ все постоянно, все вѣковѣчно и ново.

*

Съ людскою злобою еще какъ нибудь справишься, по крайней мѣрѣ на время; съ людскою глупостью невозможно. Она носитъ на лбу своемъ надпись Данта: оставь всякую надежду, если имѣешь дѣло до меня. Злоба—ухищреніе; можно перехитрить ее. Глупость—сила самородная и неодолимая. Злоба—крѣпость; но есть возможность и надежда сдѣлать въ ней проломъ. Глупость—голая, плѣшивая, большущая скала; нѣтъ къ ней приступа, не за что уцѣпиться. Попробуй взлѣзть на нее: неминуемо скатишься внизъ послѣ первой попытки.

*

М. Ѳ. Орловъ былъ прикомандированъ императоромъ Александромъ къ знаменитому генералу Моро, когда онъ изъ Америки пріѣхалъ въ нашу главную квартиру. Однажды утромъ Орловъ сидитъ передъ зеркаломъ и брѣется. Входитъ Моро, смотритъ на Орлова и говоря ему: „Да вы совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ держите бритву!", вырываетъ ее изъ руки Орлова и начинаетъ брить его. Ошеломленный Орловъ не зналъ, что́ и думать и какъ объяснить эту выходку. Послѣ спрашиваетъ онъ адъютанта Моро, что̀ это можетъ значить? Тотъ разсмѣялся и говоритъ: „Генералъ очень любитъ брить и полагаетъ, что никто лучше его не брѣетъ".

(Разсказано мнѣ Орловымъ).

Бываютъ-же такіе странные вкусы въ человѣческой натурѣ! Зналъ я одного барина, который, по любви къ искусству и изъ чести, выучился рвать зубы. Онъ никогда не выходилъ изъ дому безъ футляра съ зубными инструментами въ карманѣ, какъ другой безъ сигарочницы. Ко всѣмъ онъ въ зубы такъ и заглядывалъ. Бѣда тому, кто при немъ заикнется, что у него зубъ болитъ или болѣлъ: онъ такъ на него сей-часъ и кинется и съ инструментомъ въ ротъ залѣзетъ.

А царь Ѳедоръ, который любилъ звонить въ колокола? Одинъ нашъ поэтъ обезсмертилъ эту любовь въ поэмѣ своей и сказалъ:

Ѳедоръ
Звонилъ въ колокола:
Его любимая охота въ томъ была.

Кажется, въ этой-же поэмѣ, Полякъ старается совратить Русскаго боярина съ пути чести и вѣрности и увлечь его на свою сторону. Тотъ отговаривается и выставляетъ обязанности свои предъ Отечествомъ.

Отечество! Увы, что́ можетъ быть глупѣй?

возражаетъ Полякъ. N. N. говоритъ, что Гречу слѣдовало-бы взять этотъ стихъ въ эпиграфъ для журнала своего Сынъ Отечества.

Кто-то привѣтствовалъ выше помянутую поэму слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пожарскимъ, Мининымъ и взрывомъ силъ народныхъ
Отъ козней вражескихъ Россія спасена;
Но отъ стиховъ твоихъ эпически-негодныхъ
Ахъ, не спаслась она!

*

Алексѣй Михайловичь Пушкинъ расказываетъ, что изъ дома воспитательницы его Мелиссино старый слуга былъ отпущенъ на волю. Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣчаетъ онъ Пушкина и говоритъ: „Чтоже вы, баринъ, никогда къ намъ не пожалуете?“ Пушкинъ, воображая, что онъ при мѣстѣ въ какомъ нибудь клубѣ или въ гостинницѣ, спрашиваетъ его: „Да гдѣ-же ты теперь находишься?“—„Какъ-же, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ: вотъ уже третій годъ, что служу при Иверской“.

Онъ-же расказывалъ, что у какой-то провинціальной барыни убѣжала крѣпостная дѣвушка. Спустя нѣсколько лѣтъ, барыня проѣзжаетъ чрезъ какой-то уѣздный городъ и отправляется въ церковь къ обѣднѣ. По окончаніи службы, дьячекъ подноситъ ей просвиру. Барыня вглядывается въ него и вдругъ вскрикиваетъ: „ахъ, каналья, Палашка, да это ты?“ Дьячекъ въ ноги: „Не погубите, матушка! Вотъ уже четыре года что служу здѣсь церковникомъ. Буду за ваше здравіе вѣчно Бога молить“.

*

Дельвига знавалъ я мало. Болѣе зналъ я его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Едва-ли не Дельвигъ былъ, между пріятелями, ближайшая и постояннѣйшая привязанность его. А посмотрѣть на нихъ: мало было въ нихъ общаго, за исключеніемъ школьнаго товарищества и любви къ поэзіи. Пушкинъ искренно вѣровалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться съ нимъ. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, я постоянно жилъ въ Москвѣ. Когда пріѣзжалъ я на время въ Петербургъ, были мы съ нимъ, что̀ называется, въ хорошихъ отношеніяхъ, встрѣчаясь нерѣдко на пріятельскихъ литтераторскихъ обѣдахъ, вечеринкахъ. Но и тутъ казался онъ мнѣ мало доступенъ. Была-ли это въ немъ застѣнчивость, или нѣкоторая нелюдимость, объяснить я себѣ не могъ; но короткаго сближенія между нами не было. На сходкахъ нашихъ онъ мало вмѣшивался въ разговоръ, мало даже вмѣшивался въ нашу веселость. Во всякомъ случаѣ былъ онъ мало разговорчивъ: рѣчь его никогда не пѣнилась и не искрилась вмѣстѣ въ Шампанскимъ виномъ, которое у всѣхъ насъ развязывало языкъ. Спрашивали одного Англичанина, любитъ-ли онъ танцовать?—„Очень люблю, от-

вѣчалъ онъ, но не въ обществѣ и не на балѣ (jamais en société), а дома одинъ, или съ сестрою. Дельвигъ походилъ на этого Англичанина. Однажды убѣдился я въ томъ и имѣлъ возможность оцѣнить его и понять нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно провели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ. Мы ѣздили къ общему знакомому нашему обѣдать на дачу, верстъ за пятнадцать отъ Петербурга. Тутъ разговорился онъ. Я отыскалъ въ немъ человѣка мыслящаго, здраво и самобытно обдумавшаго многое въ жизни. Я удивился и обрадовался находкѣ моей. Между прочимъ разсказалъ онъ мнѣ планъ повѣсти, которую собирался писать. Планъ былъ очень оригинальный и совершенно новый, а именно разсказъ о домашней драмѣ, подмѣченной съ улицы. Ли́ца, имена, происхожденіе ихъ оставались тайною, какъ для читателей, такъ и для самого автора; но при этой тайнѣ выказывалась истина и подлинная, живая жизнь со всѣми своими переворотами, треволненіями, радостями и скорбью. Какъ мы уже замѣтили, авторъ не вводилъ читателей въ домъ дѣйствующихъ лицъ, и самъ не входилъ въ него, но все сквозь окна подсмотрѣлъ съ улицы, и вышелъ полный разсказъ, создалась полная повѣсть.

Вотъ какъ это было. Кто-то, пожалуй, самъ авторъ, нанялъ себѣ двѣ-три комнаты въ домѣ на Петербургской Сторонѣ. Онъ былъ человѣкъ озабоченный разными занятіями, часто долженъ былъ выходить изъ дому и домой возвращаться. Куда-бы онъ ни шелъ, онъ долженъ былъ проходить мимо одноэтажнаго низенькаго домика съ садикомъ. Домикъ не имѣлъ ничего замѣчательнаго, но какъ-то обратилъ на себя вниманіе сосѣда. Каждый разъ, что̀ онъ проходилъ мимо, а это случалось часто, онъ заглядывалъ въ окна; а какъ окна были низки, онъ могъ читать въ комнатахъ и въ томъ что̀ въ нихъ дѣлается, какъ въ открытой книгѣ. Жилецъ домика долженъ былъ быть и хозяинъ его, холостой, одинокой. Судя по первымъ впечатлѣніямъ, по усамъ его, по архалуку, по чапраку, прибитому къ стѣнѣ и по саблѣ на немъ повѣшенной, вообще по ухваткамъ его, можно было заключить достовѣрно, что онъ отставной кавалерійскій офицеръ, можетъ быть, бывшій Кавказецъ. Казался онъ уже немолодъ, но и нестаръ: походка бодрая, движенія свободныя, развязныя; лицо свѣтлое, еще довольно свѣжое и выражающее много простоты и добродушія. Сосѣдъ задалъ себѣ какъ будто задачу изучить его. Каждый разъ, что́ проходилъ мимо, онъ пристально вглядывался въ окошко. Замѣчаетъ онъ, что незнакомый хозяинъ началъ какъ-то опрятнѣе и щеголеватѣе одѣваться. Спустя нѣсколько дней, замѣтилъ онъ большое движеніе въ домикѣ: его обчищаютъ снаружи и внутри, обиваютъ стѣны новыми свѣтлыми бумажками, изукрашенными яркими гирляндами и какими-то фигурочками, чуть-ли не амурчиками съ крыльями и со стрѣлами. Изъ Гостиннаго Двора приносятся коврики, столовые часы, приносятся маленькіе клавикорды, различная мебель, и между прочимъ большая, краснаго дерева двуспальная кровать. Загадка начинаетъ разгадываться. Недѣли чрезъ двѣ въ домикѣ справляется

свадебный пиръ. Сосѣдъ нашъ еще медленнѣе, чѣмъ прежде, проходитъ мимо домика, еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ, даже съ нескромностью, проникаетъ глазами во внутренность комнатъ. Никакой добросовѣстный и хорошо оплаченный шпіонъ не могъ-бы слѣдить за лицемъ, на которое указало ему начальство, какъ онъ сторожитъ, допытываетъ этотъ домикъ и совершенно неизвѣстныхъ ему жильцовъ его. Да онъ и не хочетъ знать, кто они; а съ какимъ-то темнымъ предугадываніемъ ожидаетъ удобнаго случая, чтобы сами событія, сама жизнь открыли ему, кто и что́ они и что̀ будетъ съ ними. Какъ читатель, пристрастившійся къ чтенію романа, онъ не хочетъ, чтобы авторъ намекалъ ему заранѣе на дѣйствія и положеніе героевъ; онъ даже боится, что авторъ какъ нибудь проговорится и слишкомъ скоро укажетъ на развязку романа. Молодая хозяйка красива, стройна, одѣта всегда просто, но всегда со вкусомъ. Выраженіе лица ея живое, безпечное, веселое. На глаза она годами, по крайней мѣрѣ, пятнадцатью моложе мужа; но и мужъ какъ будто-помолодѣлъ, еще выпрямился и вторично расцвѣлъ. Медовые мѣсяцы проходятъ благополучно, во всей сладости, во всемъ благоуханіи своемъ. Супруги неразлучны; они милуются, цалуются; мужъ жену въ щеки и въ губы; она обыкновенно цалуетъ его въ лобъ: знакъ нѣжности и вмѣстѣ почтительности. Она разливаетъ чай и подноситъ чашку ему, прихлебнувъ ее немножко, чтобы знать, довольно-ли чай крѣпокъ и подслащенъ сахаромъ. Она оправляетъ трубку и подаетъ ему курить. Иногда садится она за клавикорды, играетъ и поетъ. Онъ, облокотясь на стулъ, слушаетъ со вниманіемъ, кажется умилительнымъ: переворачиваетъ листы нотной тетрадки. Часто по вечерамъ, поздней осенью и зимою, сидятъ они предъ каминомъ: онъ въ широкихъ креслахъ, она на стулѣ, почти не опираясь на спинку его. Она въ слухъ читаетъ ему газеты или книгу. Сосѣдъ все это видитъ. Онъ жалѣетъ, что еще не послѣдовалъ примѣру сосѣда своего и не обзавелся женкою и домикомъ. Между тѣмъ смутно ожидаетъ, что̀ будетъ впереди. Ожидалъ онъ недолго, то есть съ годъ не болѣе. Къ двумъ дѣйствующимъ лицамъ присоединяется третье: молодой офицеръ, наружности очень красивой. Бытъ и порядки въ домѣ не измѣнились: все идетъ по прежнему, только часто и все чаще и чаще пріемная комната оживляется присутствіемъ новаго лица. Гость и мужъ за чайнымъ столомъ бесѣдуютъ и покуриваютъ вмѣстѣ: одинъ трубку, другой сигару. Гость съ каждымъ разомъ засиживается долѣе и позднѣе, часовъ до одинадцати, однажды даже до половины двѣнадцатаго. Мужъ начинаетъ зѣвать; женѣ, по видимому, спать вовсе не хочется. Такъ тянулись дни довольно однообразно, въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ соглядатай нашъ замѣчаетъ, что въ домѣ идетъ какъ-то неладно. Мужъ нахмуренъ, въ лицѣ какъ будто похудѣлъ и пожелтѣлъ. У жены нерѣдко заплаканные глаза. Офицеръ все таки еще является, а иногда и по утрамъ; хозяйка и онъ сидятъ вдвоемъ; мужа, вѣроятно, нѣтъ дома. Вечеромъ всѣ три на лицѣ, но уже какъ будто не вмѣстѣ: хозяйка съ гостемъ въ одномъ углу комнаты; въ другомъ мужъ сидитъ за сто-

ломъ и раскладываетъ *пасьансъ*, а можетъ быть и гадаетъ. Чего тутъ загадывать? Тутъ шпіону нашему пришла необходимость выѣхать изъ Петербурга. Больно было ему оставить обсерваторію свою; больно было прервать чтеніе романа, который живо заинтересовалъ его. Мѣсяцевъ чрезъ семь возвращается онъ на свое жительство. Нечего и говорить, что, только отряхнувшись съ дороги, побѣжалъ онъ къ своей сторожкѣ. Смотритъ: хозяинъ дома такъ-же и тутъ-же, съ знакомою трубкою во рту. Но онъ, въ это короткое время, постарѣлъ десятью годами: осунулось лице, изнуренное и скорбное. Видно, что большое горе прошло по этому лицу и по этой жизни. Вдругъ изъ дверей показывается кормилица съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и проходитъ по комнатѣ. Хозяинъ, озлобленно взглянувъ на нихъ, что-то пробормоталъ сквозь зубы; по выраженію, по сморщившимся чертамъ лица, можно было догадаться, что слова были недобрыя: онъ скорыми шагами вышелъ изъ комнаты и сердито хлопнулъ дверью за собою.

Не помню, какъ намѣревался Дельвигъ кончить свою семейную и келейную драмму. Кажется, преждевременною смертью молодой женщины.

Разумѣется, въ этомъ бѣгломъ разсказѣ, въ этомъ сколкѣ, не упоминается о многихъ подробностяхъ и частныхъ случаяхъ, которые связывали эти сцены, наметанныя на живую нитку и пополняли накинутый рисунокъ. Не знаю, какъ вышла-бы повѣсть изъ подъ пера Дельвига; неизвѣстно и вышла-ли бы она, потому что Дельвигъ былъ, кажется, тугъ на работу; но въ первоначальной смѣтѣ своей, повѣсть очень естественна и вмѣстѣ съ тѣмъ очень занимательна и замысловата. Много тутъ жизни и движенія; подъ покровомъ тайны много истины. Все проходитъ тихомолкомъ, а слышишь голоса живые. Дельвигъ разсказалъ мнѣ свой планъ ясно, отчетливо и съ большимъ одушевленіемъ. Видно было, что эта повѣсть крѣпко въ умѣ его засѣла.—Въ эту-же поѣздку, рѣчь наша какъ-то коснулась смерти. Я удивился, съ какою ясною и спокойною философіею говорилъ онъ о ней: казалось, онъ ея ожидалъ. Въ словахъ его было какое-то предчувствіе, чуждое отвращенія и страха; напротивъ, отзывалось чувство не только покорное, но благопривѣтливое. Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ былъ лебединая пѣсня Дельвига: я выѣхалъ изъ Петербурга и болѣе не видалъ его, а онъ скоро за тѣмъ умеръ.

*

Вспоминаю, что у меня было еще два подобные, предсмертные разговора, тоже съ людьми мнѣ не особенно близкими. Это было, кажется, въ 1838 году. Во Франкфуртѣ на Майнѣ встрѣтился я съ Н., который возвращался въ Россію. Опять не знаю, какъ рѣчь зашла о смерти. Онъ говорилъ мнѣ, что смерти не боится, а боится одного: быть за живо погребеннымъ, и потому, не желалъ-бы умереть въ деревнѣ, въ отсутствіи домашнихъ своихъ. А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ за тѣмъ, онъ именно такъ и умеръ: въ деревнѣ, и, кажется, никого изъ семейства его не было при немъ. Во

Франкфуртѣ было мое послѣднее свиданіе съ нимъ, а мысли его о смерти—послѣднія слова, которыя слышалъ я отъ него.

Гораздо позднѣе, былъ у меня еще и третій разговоръ въ такой-же обстановкѣ. Въ какой-то праздничный, торжественный день, при многолюдномъ стеченіи разныхъ лицъ во дворцѣ, встрѣчаю С., только что возвратившагося изъ за границы. С. любилъ жизнь и, по своему, умѣлъ пользоваться ею. Онъ былъ богатъ, занималъ въ обществѣ довольно видное мѣсто, не тревожился загадочными задачами жизни, а скорѣе радѣлъ о житейскихъ задачахъ ея и рѣшалъ ихъ всегда удовлетворительно для себя. Мы тутъ обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими *шляпочными* словами. Но ни съ того, ни съ другаго—видно лице мое какое-то memento mori—разговоръ круто повернулъ на смерть. „Въ жизни и въ свѣтѣ, сказалъ онъ мнѣ, все довольно хорошо придумано и устроено; одно не хорошо: срокъ жизни слишкомъ коротокъ. Нужно было-бы дать человѣку прожить по крайней мѣрѣ лѣтъ двѣсти". Спустя нѣсколько дней, узнаю, что С. умеръ скоропостижно. Вотъ такъ кончилась и третья моя упокойная бесѣда.

*

Былъ въ Москвѣ всѣмъ извѣстный и во многихъ домахъ очень хорошо принятый Итальянецъ Осипъ Негри. N. N. говорилъ ему, что онъ и безъ спиртуозныхъ напитковъ всегда подъ хмелькомъ.—Какъ-же такъ? — Да, разумѣется: *vous êtes né gris* *).

Онъ-же ему: „Тебѣ никакъ нельзя пѣть дуэтъ съ красавицею твоею". (Онъ былъ влюбленъ въ пѣвицу изъ Итальянской оперы).—А почему-же?—„Потому, что ты вѣчно *Осиnъ*".

*

Есть у насъ пріятель; онъ, съ нѣкоторымъ заиканіемъ, говоритъ скороговоркою, а воображеніе его еще и языка скороговорчивѣе. Спрашиваютъ его: есть-ли лѣсъ въ купленной имъ подмосковной?—Какъ-же, отвѣчаетъ онъ: сорокъ четыреста четыре тысячи сорокъ тысячь десятинъ строеваго лѣса.—Мы думали, что онъ дойдетъ до четырехъ сотъ тысячъ десятинъ: да, какъ-то духу у него не хватило, и онъ остановился. Замѣтка для читающаго или для повторяющаго этотъ разсказъ: не надобно ставить запятыхъ между цыфрами ни письменно, ни устно; иначе пропадетъ вся прелесть этого crescendo.

*

Въ этомъ-же родѣ разсказывалъ Алексѣй Перовскій. Былъ ему хорошо знакòмъ одинъ зубной врачъ, не опровергавшій Французской поговорки: mentir comme un arracheur de dents (лгать какъ зубодёргъ). Однажды говоритъ онъ Перовскому: „На прошлой недѣлѣ вырвалъ я зубъ у стараго князя ***. Какъ думаете, чтò онъ далъ

---

*) Непереводимая игра звуковъ: вы рождены пьянымъ.

мнѣ за операцію"?—Перовскій, зная хорошо пріятеля своего, отвѣчаетъ ему: тысячу рублей.—Мало.—Три тысячи?—Мало.—Десять тысячъ?—Ошеломленный зубной врачъ, не посмѣлъ идти далѣе и сказалъ: да, именно десять тысячъ рублей, вы угадали. Но, одумавшись немножко, добавилъ: и еще подарилъ мнѣ славнаго рысака.

*

Къ празднику свѣтлаго воскресенія обыкновенно раздаются чины, ленты, награды лицамъ, находящимся на службѣ. Въ это время происходитъ оживленная мѣна поздравленій. Кто-то изъ подобныхъ поздравителей подходитъ къ Жуковскому во дворцѣ и говоритъ ему: нельзя-ли поздравить и ваше превосходительство?—Какъже, отвѣчаетъ онъ, и очень можно.—А съ чѣмъ именно, позвольте спросить?—Да со днемъ Святой Пасхи.

Жуковскій не имѣлъ опредѣленнаго званія по службѣ при дворѣ. Онъ говорилъ, что въ торжественно-праздничные дни и дни придворныхъ выходовъ онъ былъ *знатною особою обоего пола* (Извѣстное выраженіе въ официальныхъ повѣсткахъ).

*

Кривой К., послѣ долгаго разговора съ кривымъ О., сказалъ: Я очень люблю бесѣдовать съ нимъ съ глазу нà глазъ.

*

Замѣтка о N. N. Не знаю, проститъ-ли Богъ ему грѣхи его; но онъ не прощаетъ Богу ни малѣйшаго насморка своего.

*

Добрая старушка, довольная участью своею, говорила съ умиленіемъ: „Да будетъ Господь Богъ вознагражденъ за всѣ милости Его ко мнѣ".

*

Прогрессивные провинціалы—а есть такіе провинціалы и въ столицахъ—говорятъ съ ужасомъ, съ ожесточеніемъ, о нравахъ и обычаяхъ стараго времени, особенно проявлявшихся въ помѣщичьемъ быту. Боже сохрани защищать и оправдывать всѣ эти нравы и обычаи; но за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли на себѣ неблаговидные и предосудительные оттѣнки, почему предавать анаѳемѣ и тѣ обычаи, которые были чисто-комическаго свойства и невинно-забавны? Если все доводить до правильнаго и благочиннаго однообразія и благообразія, если хотѣть всю жизнь подчинить законамъ и условіямъ платонической академіи и платонической республики, то куда-же дѣнемъ мы смѣхъ, который также есть радостная и животворящая принадлежность жизни и человѣка? Не дай Боже заглушить, задушить въ насъ это физіологическое явленіе, которое служитъ намъ отдыхомъ и отрадою за слезы, проливаемыя нами тоже по законамъ натуры нашей и жизни. Я, по крайней мѣрѣ, не вхожу въ изступленіе при картинахъ имѣющихъ болѣе забавный, нежели порочный характеръ. Если умѣлъ бы я писать комедіи или романы, я дорожилъ-бы преданіями нашей старины: безъ

озлобленія, безъ напыщеннаго декламатерства, выводилъ-бы я на сцену нѣкоторыхъ чудаковъ, жившихъ въ удовольствіе свое, но впрочемъ не въ обиду другимъ. Старый бытъ нашъ имѣлъ свое драмматическое олицетвореніе, свое движеніе, свои разнообразныя краски. Имѣй я нужное на то дарованіе, я обмакивалъ-бы кисть свою не въ желчь; не съ пѣною во рту, а съ насмѣшливою улыбкою, растиралъ-бы я для картинъ своихъ свѣжія и яркія краски простосердечной шутки. Я возбуждалъ-бы въ читателяхъ и зрителяхъ симпатическій смѣхъ, потому что самъ давалъ-бы я имъ примѣръ не злостнаго, а искренняго и необиднаго смѣха. Я бѣгалъ-бы, чурался-бы отъ всякаго *тенденціоннаго* направленія, какъ отъ злаго наитія. Такъ, кажется, вообще поступалъ и Гоголь. Гдѣ въ художествахъ, въ литтературѣ, въ живописи является *тенденція*, съ притязаніями на учительство, тамъ уже нѣтъ ни натуры, ни искусства. Реальная правда въ созданіяхъ мысли и воображенія не можетъ быть живою правдою: она уже охолодѣвшій трупъ подъ лекарскимъ ножемъ, не въ театрѣ живыхъ людей, а въ *театрѣ анатомическомъ* по Французскому выраженію.

На примѣръ, былъ одинъ помѣщикъ, принадлежавшій довольно знатному роду, по воспитанію своему образованный. Когда бывалъ въ столицахъ, жилъ и дѣйствовалъ онъ какъ другіе въ средѣ ему подобающей; но столичная жизнь стѣсняла его.

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу,—

то есть въ село свое, говорилъ онъ про себя. И тамъ въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, на просторѣ, разыгрывались прирожденныя и таившіяся въ немъ наклонности, причуды и странности. Онъ любилъ, ему, по натурѣ его, нужно было чудачить, и онъ чудачествовалъ себѣ, въ свое удовольствіе. По преданіямъ стараго барчества, которыя могли быть ему нечужды, онъ дома завелъ обряды и этикетъ на подобіе любаго Нѣмецкаго курфиршества. Онъ составилъ свой дворъ изъ дворни своей. До учрежденія мундира онъ достигнуть не осмѣлился; но завелъ въ прислугѣ офиціальные жилеты разнаго цвѣта и покроя, которые, по домашнему значенію, равнялись мундирамъ. Жилеты были распредѣлены на разныя степени, по цвѣту и пуговицамъ. Онъ жаловалъ, производилъ, повышалъ, на примѣръ, Никифора въ такой-то жилетъ высшаго достоинства. Панкратій, за пьянство или за другой поступокъ, былъ разжалованъ въ жилетъ низшаго достоинства, со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Когда, по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, баринъ отправлялся въ церковь, дворовой штатъ его, по старшинству жилетовъ, становился въ двѣ шеренги на пути, по которому онъ изволилъ шествовать. Были дни, въ которые всѣ жилеты и всѣ находящіяся при нихъ юбки имѣли счастіе лобызать барскую ручку. Все дòма и въ домашнемъ быту подходило къ таковому порядку. Дни и часы были распредѣлены, какъ восхожденіе и захожденіе солнца, по календарю. *Хозяинъ музыку любилъ*, особенно Итальянскую. Это музыкальное дарованіе было родовымъ свойствомъ въ семействѣ его. Изъ крѣпостныхъ и взятыхъ во дворъ

голосовъ избирались всѣ возможные сопрано, контральто, теноры, баритоны, бассы, всѣ ступени со всѣми извилинами музыкальной лѣстницы. Изъ нихъ составлялись концерты, которые можно было слушать съ удовольствіемъ. Здѣсь, по уравненію званій, аристократическіе голоса барскихъ дѣтей сливались съ плебейными голосами челядинцевъ. Здѣсь баринъ былъ уже не баринъ, а подпѣвающій отецъ поющаго семейства. Въ селѣ своемъ подмѣтилъ онъ однажды попадью, которую можно было завербовать съ успѣхомъ въ вокальное общество. Началъ онъ и ее итальянизировать и заставлялъ пѣть аріи и дуэты изъ разныхъ Итальянскихъ оперъ-буффъ. Разумѣется, при томъ и принаряжалъ онъ ее въ приличные тому костюмы: шелковыя платья съ длинными шлейфами. Выписывалъ онъ для нея изъ Москвы тòки со всѣми возможными и невозможными перьями. Показалось ему, что она должна быть забавна верхомъ. И вотъ заказалъ онъ ей Амазонское платье и шляпку съ вздернутымъ вверхъ козыркомъ, посадилъ ее на коня и разъѣзжалъ съ ней по полямъ и по лѣсамъ. Слухи обо всемъ этомъ дошли до мѣстнаго архіерея. Онъ возъимѣлъ подозрѣніе, что тутъ кроется что-то недоброе. Онъ послалъ за попадьею. Явилась она. При видѣ ея, подозрѣніе разсѣялось. Онъ говоритъ ей: „Извини меня, матушка, что я тебя напрасно потревожилъ; мнѣ не такъ доложили. Ты такъ стара и некрасива, что грѣху поживиться тутъ нечѣмъ. Возвращайся съ Богомъ домой. Счастливый путь!“

Все это не просится-ли подъ кисть Русскаго Теньера, подъ перо Русскаго Лесажа (автора Жиль-Блаза), Русскаго Диккенса? Тутъ *стульевъ ломать* не нужно. Не нужно стучать и перомъ о бумагу, какъ кулакомъ. Пиши съ натуры; не черни ея, не клепли на нее, и выйдутъ картины, очерки забавныя, но миловидныя, и съ сатирическими оттѣнками. Литтература, ни въ какомъ случаѣ, не должна быть учрежденіемъ паралельнымъ уголовной палатѣ. А наша литтература все любитъ карать. Правда, что кому охота есть, легче быть подмастерьемъ палача, нежели талантливымъ живописцемъ.

*

Баронъ Мальтицъ *), Нѣмецкій поэтъ и Русскій дипломатъ, въ послѣдствіи времени нашъ повѣренный въ дѣлахъ при Веймарскомъ дворѣ, зять и другъ Ѳ. И. Тютчева, забавно разсказываетъ, при какой обстановкѣ получилъ онъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, первый знакъ отличія. Онъ былъ тогда секретаремъ при нашей миссіи въ Берлинѣ; посланникомъ былъ Алопеусъ. Министръ призываетъ его въ свой кабинетъ и торжественно обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Милостивый государь, нашъ августѣйшій властитель (notre auguste maître), всемилостивѣйшій государь Всероссійскій (empereur de toutes les Russies), въ непрестанной заботливости о благѣ подданныхъ и въ великодушномъ вниманіи къ заслугамъ

*) *Примѣчаніе.* Братъ его, нѣкогда посланникъ нашъ въ Гагѣ, былъ также Нѣмецкимъ поэтомъ, и между прочимъ дописалъ неконченную трагедію Шиллера: Димитрій Самозванецъ.

14*

усердныхъ служителей своихъ, благоволилъ пожаловать васъ, милостивый государь, кавалеромъ ордена святаго равноапостольнаго великаго князя Владиміра четвертой степени: это послѣдняя" (l'ordre du grand-duc, Saint Wladimir, égal aux apôtres, de la quatrième classe: c'est la dernière). Все это, разумѣется, было сказано на Французскомъ языкѣ.

*

Князь Гагаринъ (принадлежащій нынѣ къ ордену іезуитовъ) говорилъ объ N. N: „Съ нимъ бываютъ всегда такія радости, что както совѣстно поздравлять его съ ними. То поздно пожалованъ онъ знакомъ отличія, который давно ему слѣдовалъ; то, рожденіемъ внучки, рано пожалованъ онъ въ дѣдушки.

*

Въ старину говорили: въ Станиславѣ—мало славы; молись Богу за матушку Анну. (Слышано отъ Дмитрія Павловича Татищева).

*

Одинъ департаментскій чиновникъ никакъ свыкнуться не могъ съ выраженіемъ: „написать записку въ третьемъ лицѣ". Въ такихъ случаяхъ онъ докладывалъ начальству: „Не прикажете-ли написать записку отъ вашего превосходительства въ трехъ лицахъ?"

*

— „Какъ это такъ дѣлается, спрашивали N. N., что ты постоянно жалуешься на здоровье свое, вѣчно скучаешь и говоришь, что ничего отъ жизни не ждешь, а вмѣстѣ съ тѣмъ умирать не хочешь, и какъ будто смерти боишься?"—„Я никогда, отвѣчалъ онъ, и ни въ какомъ случаѣ не любилъ переѣзжать" (Je n'ai jamais aimé à déménager).

*

Крыловъ, какъ членъ старой Россійской Академіи, былъ недоволенъ хозяйственными и экономическими распоряженіями ея. Капиталъ, которымъ она владѣла, не употребляла она на пользу Русской словесности, не печатала полезныхъ и дешевыхъ книгъ, не изготовляла новыхъ, улучшенныхъ изданій нашихъ классическихъ писателей, не помогала молодымъ талантамъ. „Куда копите вы деньги свои? спрашивалъ онъ академическое правленіе. Развѣ на приданое Академіи, чтобы выдать ее за мужъ за Московскій Университетъ?" Свадьба не состоялась; но, послѣ смерти Шишкова, значительный академическій капиталъ былъ отобранъ. Богатая невѣста за мужъ не вышла, и какъ сиротка пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодованіи своемъ, иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованіемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой: она была основательницей Академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ Академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, лучше

было-бы не трогать Академіи, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все-же не совсѣмъ праздно просуществовала. Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями, можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику. Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литтературной дѣятельности. Впрочемъ, наша Академія тоже записала событіе въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго и получилъ золотую медаль изъ рукъ незлопамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился *съ новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія лицъ обоего пола. Чтеніе академика-Пушкина могло-бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней. Можно еще замѣтить, что не каждый членъ чисто-литтературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были-бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація.

*

Послѣ Крылова, какъ-то вспомнилось о Гнѣдичѣ. Впрочемъ они были пріятели и друзья. Дружба ихъ была, вѣроятно, основана болѣе на уваженіи другъ друга въ литтературномъ отношеніи, хотя дарованіе каждаго изъ нихъ было совершенно противоположно дарованію другаго: они пѣли не на одинъ ладъ. А вѣроятнѣе еще, короткая ихъ связь закрѣпилась общимъ сожительствомъ въ домѣ Императорской Библіотеки. Во всемъ быту, какъ и въ свойствѣ дарованія ихъ, выказывалась такая-же рознь. Крыловъ былъ неряха, хомякъ. Онъ мало заботился о внѣшности своей. Гнѣдичъ, испаханный, изрытый оспою, не слѣпой, какъ поэтъ, котораго избралъ онъ подлинникомъ себѣ, а кривой, былъ усерднымъ данникомъ моды: онъ всегда одѣвался по послѣдней картинкѣ. Волоса были завиты, шея повязана платкомъ, котораго стало-бы на три шеи. Не смотря на непригожество свое—прости мнѣ тѣнь его мою нескромность—онъ придавалъ себѣ всѣ притязанія и прихоти красавца: иначе не сталъ-бы онъ выказывать свое безобразіе, вставляя его въ изысканную и нарядную раму. Впрочемъ, театральная хроника стараго времени гласитъ, что и онъ имѣлъ дни своихъ любовныхъ успѣховъ и счастія. Во внутреннемъ бытѣ своемъ соотвѣтствовалъ онъ внѣшнему. Онъ былъ нѣсколько чопоренъ, величавъ; рѣчь его

звучала нѣсколько декламаторски. Онъ какъ-то говорилъ гекзаметрами. Впрочемъ это не мѣшало ему быть иногда забавнымъ разсказщикомъ и меткимъ на острое слово. Онъ слылъ хорошимъ чтецомъ; но въ чтеніи его, какъ и во всемъ прочемъ, было мало простоты и натуральности. Крыловъ, напротивъ, читалъ, по крайней мѣрѣ басни свои, безъ малѣйшаго напряженія: онѣ выливались изъ устъ его, какъ должны были выливаться изъ пера его, спроста, сами собою. Голосъ, дикція Гнѣдича были какъ будто подавлены платкомъ, который въ нѣсколько разъ обвивалъ шею его и горловые органы. Любезный и во многихъ отношеніяхъ почтенный Гнѣдичъ былъ короче знакомъ съ языкомъ Иліады, нежели съ языкомъ Петербургскихъ салоновъ, то есть съ Французскимъ. Но одѣтый по модѣ, хотѣлъ онъ и говорить по модѣ. И тутъ Французская рѣчь его была не только съ грѣхомъ пополамъ, но и до невозможности забавна. Однажды гдѣ-то хвалили красоту какой-то дѣвицы. Онъ вмѣшался въ разговоръ и густымъ голосомъ своимъ, сказалъ: Pour moi, ce n'est pas un bel visage, mais comme disent les Français, c'est une jolie figurlette.

Жуковскій жилъ одно время въ верхнемъ этажѣ Шепелевскаго дворца. Гнѣдичъ пришелъ къ нему. „Ты, кажется, мой Гнѣдко, (Жуковскій всегда такъ называлъ его) запыхался?“—Oui, отвѣчалъ онъ, j'ai *courmonté* votre escalier (вбѣжалъ на лѣстницу вашу).

Заключимъ свои, нѣсколько грѣшныя, сплетни словомъ истины, которое должно перевѣсить все, что̀ можетъ показаться насмѣшкою въ очеркѣ нашемъ. Гнѣдичъ въ общежитіи былъ честный человѣкъ; въ литтературѣ былъ онъ честный литтераторъ. Да, и въ литтературѣ есть своя честность, свое праводушіе. Гнѣдичъ въ ней держался всегда безъ страха и безъ укоризны. Онъ высоко дорожилъ своимъ званіемъ литтератора и носилъ его съ благородною независимостью. Онъ былъ чуждъ всѣхъ продѣлокъ, всѣхъ мелкихъ страстей и промышленностей, которыя иногда понижаютъ уровень, съ котораго писатель никогда не долженъ бы сходить. Онъ былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Крыловымъ, Батюшковылъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ, Плетневымъ, Тургеневымъ. Онъ былъ свой человѣкъ въ гостепріимномъ и литтературномъ домѣ А. Н. Оленина. Въ литтературѣ оставилъ онъ по себѣ трудъ и памятникъ капитальный. Его переводъ Иліады и Жуковскаго переводъ Одиссеи ничего равнаго себѣ не имѣютъ въ литтературѣ нашей. Они хотя нѣсколько восполнили классическій пробѣлъ, которымъ наша литтература прискорбно отличалась и отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ Европейскихъ литтературъ.

*

Когда князь Шаликовъ въ первый разъ представлялся Дмитріеву, онъ, входя въ комнату, сказалъ ему: mon général. Это тѣмъ было забавнѣе, что въ обстановкѣ Дмитріева не было ничего военно-генеральскаго, что тутъ являлся онъ не по дѣламъ службы, а по литтературнымъ, младшій къ старшему, и наконецъ, что Дмитріевъ не говорилъ иначе, какъ порусски, хотя зналъ хорошо Французскій

языкъ; а Шаликовъ, хотя и говорилъ на немъ, но довольно плохо. Въ старое время и въ началѣ столѣтія, въ нѣкоторыхъ слояхъ общества считалось какъ-то почтительнѣе и вѣжливѣе обращаться съ рѣчью на Французскомъ діалектѣ. Заговаривать порусски казалось слишкомъ запросто и фамиліарно. За то, какіе часто забавные промахи отпускались! Къ ошибкамъ на отечественномъ языкѣ оказывалось вообще болѣе терпимости. Свои люди сочтемся, или рука руку, а пожалуй языкъ моетъ. Высшая образованность въ обществѣ была воспитана на иностранной выдержкѣ. Въ старое время говорили порусски болѣе самоучкою. Да иначе и быть не могло. Учителей не было; Русскихъ воспитателей не было. Въ книгахъ для чтенія былъ большой недостатокъ. Хорошихъ словарей, общедоступной грамматики на лице также не оказывалось. Есть-ли они теперь въ удовлетворительномъ составѣ и видѣ? Право, сказать не умѣю. Лучшіе писатели наши прежняго времени сами вскормлены были на чужихъ хлѣбахъ. Но они чужой хлѣбъ перепекали въ своей родной печи, прибавляли къ ней муки своей, и, мало по малу, пошли въ ходъ и вошли въ славу Московскіе калачи и разныя сдобныя печенья.

*

Въ старое время была цѣлая устная литтература, литтература анекдотическая забавно-искаженной Французской рѣчи.—Чьи это портреты?—По середкѣ ma femme, а по бокамъ père d'elle и mère d'elle. А историческій и знаменитый *je* Ѳедора Петровича Уварова? Наполеонъ I, въ которомъ-то изъ сраженій, любовался Русскою кавалерійскою аттакою и, какъ разсказываютъ, воскликнулъ: браво! браво! Вырвавшійся крикъ изъ груди художника. Позднѣе, когда Уваровъ представлялся ему, Наполеонъ, вспомнивъ впечатлѣніе свое, спросилъ его: кто командовалъ Русскою кавалеріею въ такомъ-то дѣлѣ?—Je, Sire.

Тономъ пониже, но его-же. Въ сѣняхъ театра, при выкличкѣ каретъ полицейскимъ солдатомъ, онъ повторялъ: Pas ma, pas ma. Наконецъ провозгласили карету его: ma, ma, ma, воскрикнулъ онъ и выбѣжалъ изъ сѣней.

Барыня, довольно высокоименитая, была въ Римѣ и представлялась папѣ. Не знаю, целовала-ли она туфлю его святѣйшества; но извѣстно, что на какой-то вопросъ его, отвѣчала она: oui, mon papa.

Другая Русская путешественница, на представленіи Нѣмецкой королевѣ, говорила ей: Sirène, на томъ основаніи, что королю говорятъ: Sire.—Вольно-же Французскому языку не быть логически-послѣдовательнымъ!

Чрезъ какой-то губернскій городъ проѣзжалъ ученый путешественникъ, сильно рекомендованный изъ Петербурга мѣстному начальству. Губернаторъ рѣшился дать въ честь его обѣдъ; но на бѣду, онъ никакого иностраннаго языка не зналъ. Для того, чтобы помочь этому горю, выписали уѣзднаго предводителя, который былъ въ числѣ военныхъ гостей, посѣтившихъ Парижъ въ 1814 году и

поэтому прозванъ былъ въ уѣздѣ Парижаниномъ. Губернаторъ просилъ его заняться во время обѣда разговоромъ съ путешественникомъ и сказать нѣсколько приличныхъ словъ, когда будутъ пить за здравіе его. Нашъ Парижанинъ охулки на языкъ не положилъ. Въ витіеватой рѣчи онъ нѣсколько разъ выхвалялъ достоинства de l'illustre coupable du triomphe d'aujourd'hui (знаменитаго виновника нынѣшняго торжества).

Въ дѣтствѣ моемъ знавалъ я барина, который въ Русскую рѣчь—а онъ иначе какъ порусски не говорилъ—вклеивалъ поминутно слово, или вѣрнѣе звуки *мунштръ*. Кто-то спросилъ у него истолкованія этой странности.—„Въ молодости моей я совершенно владѣлъ Французскимъ языкомъ, но прожилъ двадцать лѣтъ въ деревнѣ и совершенно потерялъ навыкъ говорить на немъ. Одно только это слово осталось у меня въ памяти и невольно навертывается на языкъ". Кто-то предполагалъ, что вѣроятно когда нибудь жена, или одна изъ пріятельницъ назвала его *monstre*, и эта кличка однажды на всегда такъ и врѣзалась въ него.

Нѣмцы также произношеніемъ своимъ дѣлаютъ забавныя промолвки. Въ Москвѣ, на одной вечеринкѣ, хозяйка дома пригласила барона *** сѣсть за ужинъ; онъ извинялся и просилъ позволенія de *roter* au tour de la table (roder).

Дипломатъ, родомъ Венеціанецъ, въ Русской службѣ, чуть-ли не Мочениго, въ концѣ донесенія своего императрицѣ Екатеринѣ II, говорилъ: j'ai le bonheur d'être jusqu'à la mort attaché a la grande *potence* do votre majesté (potenza—держава).

Можно-бы собрать цѣлый фоліантъ подобныхъ археологическихъ и архаическихъ рѣдкостей. Эти промахи языка тѣмъ были забавнѣе, что Французскія слова вообще очень поддаются на двусмысленное значеніе. Нынѣ что-то и этого смѣха нѣтъ. Уста, чтобы не сказать губы, разучились смѣяться; они надулись и нахмурились. Одни щеголеватые фельетонисты и модные повѣствователи великосвѣтскихъ событій пробуждаютъ улыбку нашу, когда они, съ грѣхомъ пополамъ, испещряютъ Французскою мозаикою свой Русскій текстъ.

*

Мы сказали: *губы нахмурились*. Выраженіе совершенно правильное. На Польскомъ языкѣ сохранилось Славянское слово *хмура*, то есть облако, туча. Напрасно нѣтъ этого слова въ нашемъ академическомъ словарѣ. Вообще было бы нехудо пересмотрѣть повнимательнѣе лексиконы Польскаго языка. Въ нихъ, нѣтъ сомнѣнія, нашлось бы довольно словъ, которыя ускользнули изъ нашихъ, а на дѣлѣ принадлежатъ обоимъ языкамъ. Поляки могли-бы сдѣлать и у насъ подобный повальный обыскъ. Тутъ политическихъ перекоровъ бояться нечего. Никому не было-бы въ обиду: всѣ были-бы въ барышахъ.

*

Брюловъ говорилъ мнѣ однажды о комъ-то: „Онъ очень слезливъ, но когда и плачетъ, то, кажется, что изъ глазъ слюнки текутъ".

Мы съ нимъ прогуливались въ Римѣ и вышли за городскія стѣны, въ такъ называемую la campagna di Roma, Римскую равнину, Римскую степь. Ее воспѣвали поэты, живописцы старались воспроизводить ее въ картинахъ своихъ; путешественники любуются ея величавою и грустною прелестью. День тогда былъ пасмурный; а въ Римѣ нужны переливы сіянія. „Жаль, что нѣтъ солнца, сказалъ Брюловъ; будь оно, и все это предъ нами такъ-бы и запѣло“. Замѣчательно, что онъ свое поэтическое выраженіе заимствовалъ не изъ живописи, а изъ музыки.

Но вотъ слово его-же, которое такъ и носитъ отпечатокъ великаго живописца. Въ Петербургъ пріѣзжала Англичанка, извѣстная портретистика. Спрашивали Брюлова, что̀ онъ думаетъ о ней.

—Талантъ есть, сказалъ онъ, но въ портретахъ ея нѣтъ костей: все одно мясо.

*

Извѣстный П. И. Кутузовъ не всегда былъ сенаторъ и кураторъ. Было время, когда, въ молодости, былъ онъ кирасирскій маіоръ, или подполковникъ въ полку, квартирующемъ въ Москвѣ. У кого-то за городомъ былъ домашній спектакль. Кутузовъ участвовалъ въ немъ въ роли арлекина. Послѣ представленія спѣшитъ онъ въ городъ и какъ до него было только версты двѣ или три, онъ, не переодѣвшись, а закутавшись въ шинель, сѣлъ въ карету и поскакалъ въ Москву. Въ торопяхъ забылъ онъ одно: что передъ городомъ есть застава, и при ней неминуемая гауптвахта. Кажется, это было въ царствованіе императора Павла. Онъ подъѣзжаетъ; надобно выходить и записаться. Дѣло сдѣлано; шинель благополучно прикрыла всѣ грѣхи; но вотъ, какимъ-то неосторожнымъ движеніемъ проѣзжающаго, шинель распахнулась, и караульный видитъ въ кирасирѣ пестраго арлекина. Можно представить себѣ, что̀ за coup de théâtre! Какъ-бы то ни было, кирасиръ-арлекинъ провелъ ночь на гауптвахтѣ, а утромъ, съ поличнымъ подъ карауломъ, препровожденъ былъ къ начальству. Помню, какъ этотъ разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ, забавлялъ меня.

*

Одно время, проказники сговорились проѣзжать часто чрезъ Петербургскія заставы и записываться тамъ самыми причудливыми и смѣшными именами и фамиліями. Этотъ именной маскарадъ обратилъ вниманіе начальства. Приказано было задержать перваго, кто подастъ поводъ къ подозрѣнію въ подобной шуткѣ. Дня два послѣ таковаго распоряженія, проѣзжаетъ чрезъ заставу государственный контролеръ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ и рѣчисто, во всеуслышаніе, провозглашаетъ имя и званіе свое.—„Не кстати вздумали вы шутить, говоритъ ему караульный: знаемъ вашу братью; извольте-ка здѣсь посидѣть, и мы отправимъ васъ къ г-ну коменданту“. Такъ и было сдѣлано.

*

Въ старину, проѣздъ черезъ заставу былъ дѣломъ государственной важности не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ:

во Франціи и въ Германіи этотъ порядокъ соблюдался, можетъ быть, еще строже и докучливѣе, нежели у насъ. Такъ было и при императорѣ Александрѣ I. Волковъ (Александръ Александровичъ), хорошо знакомый Москвѣ, какъ полицмейстеръ, оберъ-полицмейстеръ, комендантъ и окончательно, какъ начальникъ Московскаго жандармскаго управленія—и во всѣхъ этихъ званіяхъ, равно любимый Москвичами и молодыми Московскими барынями—говорилъ мнѣ, что онъ нерѣдко имѣлъ личные доклады у Государя, и всегда все сходило съ рукъ благополучно. Одни представленія (въ званіи коменданта) рапортовъ императору Александру, во времена пребываній его въ Москвѣ, о военныхъ чинахъ, пріѣзжихъ и отъѣзжихъ, озабочивали его: не рѣдко бывали они поводомъ къ высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ. Государь имѣлъ необыкновенную память и смѣтливость. Казалось, что онъ знаетъ наизустъ фамиліи всего Россійскаго войска, кто въ какомъ полку и какого чина. Малѣйшая описка въ рапортѣ разомъ и прямо кидалась ему въ глаза. „Не подумай, Волковъ, сказалъ онъ однажды, что я придираюсь къ тебѣ“. При этихъ словахъ подошелъ онъ къ столу, выдвинулъ ящикъ и показалъ ему, въ какомъ порядкѣ лежатъ у него подобные рапорты. „Изъ трехъ моихъ столицъ, прибавилъ онъ, изъ Петербурга, Москвы и Варшавы“ *).

А сколько головоломнаго труда стоило Нѣмцамъ записываніе фамилій нѣкоторыхъ Русскихъ путешественниковъ! Ни понятіе ихъ, ни азбука, ни ухо, ни перо, не могли поддѣлаться подъ своенравную терминологію нашихъ родословныхъ граматъ и календарныхъ именъ. Послѣ многихъ, долгихъ и тщетныхъ усилій правильно записать въ книгѣ одну изъ такихъ тарабарскихъ для Нѣмца фамилій: Aber probiren sie noch ein Mal mit S. C. H., сказалъ писарю раздосадованный и выбившійся изъ силъ начальникъ.

Лучше всѣхъ отдѣлался въ подобномъ случаѣ Американецъ Толстой. Гдѣ-то въ Германіи оффиціально спрашиваютъ его: Ihr Character?—Lustig, отвѣчаетъ онъ.

*) Привычка Павловскаго времени, когда Государь былъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. *П. Б.*

ЕЩЕ О КРЕДИТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

Въ историческомъ очеркѣ кредитныхъ учрежденій Московскаго Воспитательнаго Дома было нами указано, что мысль объ учрежденіи Сохранной Казны возникла въ одно время съ мыслью объ учрежденіи Воспитательнаго Дома [1]). И дѣйствительно, Бецкій не считалъ даже и возможнымъ, существованіе Воспитательнаго Дома безъ кредитныхъ учрежденій, которыя онъ предполагалъ устроить при Воспитательномъ Домѣ. Если онъ, поднося на Высочайшее утвержденіе планъ Воспитательнаго Дома, не поднесъ одновременно и плана Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, то по всей вѣроятности потому, чтобы усложненіемъ проекта своего не возбудить недовѣрія къ его выполненію, или потому, что планъ тѣхъ кредитныхъ учрежденій не былъ еще достаточно разработанъ. Что Бецкій, представляя планъ Воспитательнаго Дома, имѣлъ уже въ виду устроить при немъ и кредитныя учрежденія для обезпеченія его существованія, очевидно изъ того, что онъ просилъ разрѣшенія представить и „способъ" для устройства Воспитательнаго Дома и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ, въ числѣ особыхъ привилегій, и разрѣшенія на пріемъ вкладовъ и выдачу ссудъ, т. е., на производство именно тѣхъ самыхъ операцій, которыя были впослѣдствіи дѣломъ Сохранной и Ссудной Казны, окончательно учрежденныхъ лишь въ 1772 году. Яснымъ указаніемъ на то, что ссуды выдавались до учрежденія Сохранной Казны, мы находимъ въ журналахъ Опекунскаго Совѣта. 3 Января 1769 года записано, на примѣръ, что выдано подъ имѣніе Московской губерніи, всего 483 душъ, правящему должность оберъ-прокурора 6 департамента Правительствующаго Сената, полковнику князю Петру Михайловичу Волконскому, девять тысячь рублей изъ указныхъ процентовъ на 5 лѣтъ, и 16 Іюля того же года, дана отсрочка въ платежѣ долга полковнику Титову, по займу его въ двѣ тысячи рублей, на 2 года, въ Муромскомъ уѣздѣ, въ с. Архангельскомъ, 100 душъ, по крѣпостной закладной.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны Бецкій говоритъ: „Въ Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома, Ваше Императорское Величество, между прочими богоугоднѣйшими предписаніями, повелѣть изволили быть при ономъ Вдовьей и Ссудной Казнамъ; также на поднесенномъ 31 Марта 1767 года докладѣ, испрашиваемую Опекунскимъ Совѣтомъ довѣренность, въ поручаемыхъ на сохраненіе отъ общества своихъ капиталахъ, высочайше утвердили". За тѣмъ: „А хотя изъ тѣхъ заведеній планъ Сохранной Казны еще и утвержденъ не былъ, однако же отдача отъ многихъ неизвѣстныхъ персонъ на сохраненіе въ оную немалыхъ суммъ съ запечатанными завѣщаніями, въ силу вышеприсаннаго доклада, начало свое воспріяла".

Здѣсь нелишнимъ будетъ припомнить въ краткихъ чертахъ исторію основанія Воспитательнаго Дома. Соболѣзнуя участи несчастныхъ дѣтей, рожденныхъ внѣ закона, Бецкій задумалъ основать и у насъ Воспитательный Домъ, „по примѣру, тѣхъ, которые имѣлъ онъ случай въ Голландіи, Франціи, Италіи и въ прочихъ мѣстахъ видѣть" [2]). Съ этою цѣлью, въ 1763 году, для, „невинныхъ дѣтей, которыхъ злосчастныя, а иногда и

---

[1]) См. Р. Архивъ 1876, кн. 1-я.

[2]) Госпиталь для бѣдныхъ въ Ліонѣ и госпиталь для бѣдныхъ родильницъ въ Касселѣ Бецкій считалъ образцовыми.

безчеловѣчныя матери покидаютъ, оставляютъ (или что̀ злѣе) и умерщвляютъ", Бецкій всеподданнѣйше просилъ императрицу Екатерину „дозволить ему всемилостивѣйше представить способъ не токмо къ доброму и полезному воспитанію сихъ бѣдствующихъ, но и ко отвращенію безчисленнаго множества убійствъ, которыя какъ надъ происшедшими уже на свѣтъ, такъ и надъ заключенными еще въ матерней утробѣ младенцами безчеловѣчно предпріемлются"

Планъ Учрежденія, поднесенный генералъ-поручикомъ Бецкимъ и разсмотрѣнный, по повелѣнію императрицы, княземъ Шаховскимъ, Панинымъ и графомъ Минихомъ, былъ конфирмованъ 26 Августа, а 1-го Сентября 1763 года воспослѣдовалъ именной указъ Сенату: обнародовать приложенный къ указу манифестъ и конфирмованные Ея Величествомъ доклады и планы о построеніи и учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома и объявить Бецкому, который былъ назначенъ главнымъ попечителемъ, „чтобъ онъ съ помощію Божіею приступалъ къ начинанію сего богоугоднаго дѣла". Въ манифестѣ было между прочимъ изображено: „Яко мы симъ же за себя и за Нашихъ Преемниковъ Россійской Императорской Короны обнадеживаемъ, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ на вѣки подъ особливымъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ".

Для Воспитательнаго Дома было отведено „мѣсто, называемое гранатный дворъ съ Васильевскимъ садомъ, подлѣ Москвы-рѣки, со всею около лежащею казенною землею и строеніемъ, купно съ отданною отъ адмиральтейства мельницею, что̀ на Яузѣ и старой городской стѣной для употребленія въ строеніе".

Планъ Бецкаго былъ задуманъ превосходно. Знакомясь съ нимъ, нельзя не отдать дани глубокаго уваженія административнымъ сособностямъ, многостороннимъ свѣдѣніямъ и свѣтлой, истинно-гуманной мысли Бецкаго. Съ какою предусмотрительностью, съ какимъ яснымъ пониманіемъ дѣла опредѣлено все до мельчайшихъ подробностей, начиная съ самой постройки Дома и до воспитанія и содержанія дѣтей и обхожденія съ родильницами. Ничего не забыто, ничего не упущено ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніи, съ самаго ранняго и до зрѣлаго возраста воспитанниковъ. Указаны обязанности не только начальствующихъ лицъ, чиновниковъ, приставниковъ, но даже каждаго лица изъ прислуги.

Ревниво оберегая интересы Воспитательнаго Дома и его учрежденій, Бецкій исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, чтобы главный попечитель, опекуны и за-опекуны, подвергавшіеся каждогодно въ 21 день Апрѣля (день рожденія Государыни) балотированію, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не служили, и выбалотированные вновь изъ прежнихъ мѣстъ служенія увольнялись, посвящая всю свою дѣятельность исключительно Воспитательному Дому и его учрежденіямъ. Кромѣ того, была установлена и особая форма присяги, „каковою обязываются главный попечитель, опекуны, за-опекуны и прочіе начальные чины при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ": „Я нижеподписавшійся, пріемля на себя, произвольно и по единому благонамѣренію къ пользѣ всего общества, званіе сопряженное съ самымъ дѣйствіемъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ, такъ какъ и обереженіе Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, съ прочею поручаемою довѣренностью, клянусь предъ истиннымъ и вѣдущимъ сердца̀ и помышленія человѣческая Богомъ, что долгъ сего моего званія наблюдать буду по точной силѣ разума учрежденнаго и Всемилостивѣйшею Монархинею Екатериною Второю конфирмованнаго въ трехъ частяхъ генеральнаго плана и сего установленія, яко непоколебимаго Дому

сему основанія, вѣдая по христолюбію, что оберегатели благословеннаго сего учрежденія, призирающіе, по слову Божію, на нища, сира и вдовицу, наслѣдятъ святилище Божіе. А ежели каковое либо учиню противу должности честнаго человѣка безсовѣстное поползновеніе, то тѣмъ самимъ являюся презритель сего моего обязательства, и нарицаю такое мое преступленіе истиннымъ святотатствомъ, за что не токмо подвергаю себя суду Божію и законамъ гражданскимъ съ строгимъ на мнѣ взысканіемъ, но и имя мое явлено да будетъ отъ собранія Опекунскаго Совѣта въ народѣ за едино съ церковнымъ татемъ. Въ запечатлѣніе сего моего клятвеннаго обѣщанія и обязательства, цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, подписавъ сію присягу собственною моею рукою съ приложеніемъ обыкновенной моей печати".

Хотя „каждый господинъ опекунъ" могъ получать „изъ экономической суммы сего Дома жалованья до 1000 рублей въ годъ, болѣе или менѣе по установляемому въ Совѣтѣ порядку"; но извѣстно, что этимъ никто изъ нихъ до послѣдняго времени не пользовался. „И тѣ сей трудъ", говорилъ Бецкій, „принимаютъ на себя единственно изъ любви къ Отечеству и по христіанскому сожалѣнію о бѣдныхъ". Первый почетный опекунъ, испросившій себѣ содержаніе въ три тысячи рублей былъ Н. Д. Ханыковъ. Вслѣдъ за нимъ сталъ получать на разъѣзды и князь Н. И. Трубецкой, бывшій послѣ князя Сергія Михайловича Голицына предсѣдательствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Нѣкоторые почетные опекуны служатъ и въ настоящее время безъ всякаго вознагражденія.

Гдѣ же Бецкій взялъ средства? Въ чемъ заключался его „способъ", чтобы привести въ исполненіе столь широко задуманный „планъ". Бецкій нашелъ эти средства, нисколько не отягощая государственной казны. Онъ не попользовался ни единой копѣйкой изъ нея. Мы видимъ, что онъ испросилъ только мѣсто для постройки, да кой-какія старыя строенія. О денежномъ пособіи отъ казны, при тогдашнемъ ея состояніи, онъ конечно не могъ и помыслить. Прежде всего онъ разсчитывалъ на благотворительность, которая должна была дать и дѣйствительно дала первоначальныя средства. Первыми благотворителями были Императрица и государь наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ „отъ собственныхъ своихъ комнатныхъ императорскихъ доходовъ". За тѣмъ, вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста, явились и пожертвованія частныхъ лицъ всѣхъ сословій. Въ числѣ первыхъ жертвователей мы видимъ герцогиню Гессенъ-Гомбургскую, урожденную княжну Трубецкую, сестру Бецкаго, извѣстнаго Французскаго публициста и философа Дидро, княгинь Голицыну и Дашкову, князей Куракина, Кантемира, Долгорукова, бригадира Бибикова, Прокофія Акинфіевича Демидова, П. О. Нащокина, купцовъ Телегина, Щурова, протоіерея Тимковскаго, игумена Джуревскаго, Нижегородскаго епископа Дамаскина (автора біографіи Ломоносова), Кіевскаго митрополита Самуила. Одни жертвовали съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы проценты съ внесенныхъ ими капиталовъ употреблялись на указанный вкладчиками предметъ, на устройство, напримѣръ, и содержаніе родильнаго госпиталя, на отправленіе за границу молодыхъ людей, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ, на покупку инструментовъ, книгъ, на раздачу пособій въ извѣстные или праздничные дни, на приданое бѣднымъ невѣстамъ и проч. Другіе жертвовали капиталы безусловно. За тѣмъ у Бецкаго былъ готовъ и проектъ тѣхъ кредитныхъ установленій, для которыхъ основнымъ капиталомъ должны были послужить и дѣйствительно послужили вклады благотворителей. Вотъ въ чемъ заключался „способъ", который Бецкій просилъ дозволенія представить для устройства, обезпеченія существованія и дальнѣйшаго развитія задуманныхъ имъ благотворительныхъ учрежденій. Мысль сочетать

банковыя операціи съ благотворительными учрежденіями была конечно своеобразна и, какъ оказалось, не только удобоисполнима, но и цѣлесообразна. Капиталъ, составившійся изъ подаяній и пущенный въ оборотъ, не только обезпечилъ существованіе Воспитательнаго Дома съ госпиталемъ для бѣдныхъ родильницъ, но далъ возможность, по мѣрѣ увеличенія средствъ отъ чистой прибыли, учредить и обезпечить существованіе и многихъ другихъ богоугодныхъ, учебныхъ и разныхъ благотворительныхъ заведеній, которыя составили потомъ отдѣльное вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.

И такъ выгоды отъ оборотовъ Сохранной Казны доставили возможность дать убѣжище покинутому младенцу [1]), несчастной родильницѣ, горемычной вдовѣ, престарѣлому инвалиду, такому пришельцу, умирающему, которому передъ смертью негдѣ было и голову приклонить [2]), врачевать болящаго, воспитывать дѣтей обоего пола и всякаго званія, образовать акушерку, давать приданое бѣдной невѣстѣ, пособіе впавшимъ въ нужду и облегчить предъ свѣтлымъ праздникомъ участь заключеннаго. Сохранной Казнѣ оставалось увѣнчать свою плодотворную дѣятельность участіемъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, именно участіемъ въ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Но коренныя преобразованія въ кредитныхъ установленіяхъ вызвали ликвидацію Сохранной Казны до Положенія 19 Февраля 1861 года. Состояніе оборотовъ Сохранной Казны, съ каждымъ годомъ значительно увеличивавшихся, допускало возможность этого участія. Мы приводимъ цифры оборотовъ Сохранной Казны за 1856 годъ, и именно за 1856 годъ, потому, что ликвидація Сохранной Казны началась уже съ 1857 года, такъ какъ уже съ 1857 года послѣдовали предварительныя распоряженія къ ограниченію и уменьшенію оборотовъ Сохранной Казны: съ 1 Января 1857 года вклады въ Сохранную Казну принимались только изъ 3 процентовъ, съ 1 Января 1860 года изъ 2-хъ, а съ 1 Марта 1861 вклады вовсе прекратились. Займы прекращены въ 1859 году. Затѣмъ вклады ея уменьшались обмѣномъ ея 2-хъ процентныхъ билетовъ на 4-хъ процентные государственные непрерывно-доходные билеты и потомъ на 5-ти процентные билеты Государственнаго Банка.

Вкладовъ, т. е. ввѣренныхъ ей на сохраненіе и обращеніе изъ 4-хъ процентовъ капиталовъ, въ 1856 году состояло (т. е., къ 1 Января 1857 года)

	Рубли	Коп.
Частныхъ лицъ извѣстныхъ:	169.692.297	00
„ „ неизвѣстныхъ.	99.817.549	63
Разныхъ обществъ и сословій	3.728.508	04
На вѣчное время	17.022.539	45

[1]) Послѣднія стѣснительныя мѣры относительно приносныхъ младенцевъ вызвали вновь подкидыванія младенцевъ, что̀ устранялось совершенно прежними правилами пріема младенцевъ въ Воспитательный Домъ.

[2]) Маріинская больница была основана первоначально съ цѣлью доставить именно пособіе и убѣжище умирающему и учреждена преднамѣренно въ той мѣстности, гдѣ былъ нѣкогда „Божій“, „убогій“ домъ, куда преждевременно убирались тѣла умершихъ на улицѣ. Бѣдные умирающіе отправлялись прежде прямо въ Маріинскую больницу, гдѣ и пользовались убѣжищемъ и пособіемъ до наступленія часа смертнаго. Теперь Маріинская больница стала, какъ и другія, лечебницей, въ которую конечно, также какъ и во всѣ больницы, обыкновенно, избѣгаютъ принимать умирающихъ и неизлечимыхъ для того, чтобы въ отчетахъ показывать какъ можно меньшее число смертныхъ случаевъ.

	Рубли.	Коп.
Казенныхъ мѣстъ	18.982.763	97
Собственный капиталъ Воспит. Дома	17.298.205	10
Его заведеній	17.854.962	54
Вдовьей Казны	34.072	34
Сберегательной кассы	1.197.409	79
Общій пенсіонный капиталъ	2.207.778	56
Счетъ С.П.бургской Сох. Казны	188.237	76
Всего	348.024.524	18

По займамъ изъ Московской Сохранной Казны состояло въ долгу:

	Рубли.	Коп.
На Государственной коммиссіи погашенія долговъ за отданные въ оную капиталы, принадлежащіе заведеніямъ Воспитательнаго Дома	1.277.814	28
На Ссудной Казнѣ	1.108.812	43
На разныхъ вѣдомствахъ	723.247	99
По обязательствамъ, на правилахъ 37-ми, 26-ти и 15-ти лѣтнихъ займовъ:		
На Государственномъ Казначействѣ, по обязательству Министра Финансовъ	122.347.327	59
На разныхъ вѣдомствахъ	3.027.439	37
На государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ	1.696.367	49
На частныхъ лицахъ подъ залогъ населенныхъ имѣній	190.558.728	53
„ „ „ „ „ домовъ и лавокъ	1.187.749	44
Наличныхъ денегъ	26.096.837	06
Всего	348.024.324	18

Предлагаемыя цифры краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ о томъ положеніи, въ которомъ находилась Сохранная Казна наканунѣ ея ликвидаціи и правы ли были тѣ, кто въ то время съ такимъ ожесточеніемъ накинулись въ журналахъ и газетахъ на Сохранную Казну, доказывая совершенную будто бы несостоятельность ея, да еще въ такую минуту, когда готовилось освобожденіе крестьянъ и какъ помѣщики, такъ и крестьяне нуждались въ возможно-дешевомъ кредитѣ. Мы не станемъ говорить о цѣлесообразности финансовыхъ мѣръ, вызвавшихъ ликвидацію Сохранной Казны. Настоящее состояніе кредита и современныя банковыя операціи говорятъ сами за себя. Мы имѣемъ только въ виду, напомнивъ въ краткихъ чертахъ о томъ, что́ уже сдано въ архивъ исторіи, вызвать изъ забвенія дѣятельность тѣхъ, которые создали и охраняли теперь уже отжившія свой вѣкъ, но сослужившія свою дѣйствительно полезную службу кредитныя учрежденія Воспитательнаго Дома.

Ограничиваясь сообщеніемъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя намъ удалось сберечь, мы считаемъ долгомъ присовокупить, что нельзя не отдать дани уваженія и тѣмъ, которые были Высочайшей волей призваны продолжать благія начинанія Бецкаго и стоять, та́къ сказать, на стражѣ Воспитательнаго Дома и его учрежденій.

Предсѣдательствовавшій такъ долго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, почетный опекунъ, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ и управлявшіе Московскими Сохранной и Ссудной Казнами почетные опекуны **Матвѣй Петровичъ Штеръ и Петръ Семеновичъ Полуденскій** своей почтен-

ной и совершенно безкорыстной дѣятельностью заслужили, по всей справедливости, полное уваженіе, которымъ пользовались постоянно еще при жизни. Дѣятельность ихъ и особенно дѣятельность князя Голицына ждутъ еще достойной оцѣнки. Призванный Высочайшей волей быть почетнымъ опекуномъ и предсѣдательствующимъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, князь Сергій Михайловичь, богатый и знатный вельможа, потомокъ знаменитаго рода, относился къ своему званію не какъ почетному только званію, а какъ къ должности, обязанности, и притомъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Онъ не пропускалъ ни одного присутственнаго дня: даже лѣтомъ, когда ему приходилось пріѣзжать въ Опекунскій Совѣтъ изъ своего подмосковнаго имѣнія, посѣщалъ очень часто Воспитательный Домъ и его заведенія, тщательно и во все вникалъ, за всѣмъ слѣдилъ. Однимъ словомъ, онъ трудился въ сферѣ своей дѣятельности, какъ простой чиновникъ въ своей сферѣ.

Замѣчательно, что, пользуясь такой силой и властью, онъ, вѣрный своему долгу, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго произвола. Не разъ онъ могъ сдѣлать добро, остановивъ опись или продажу просроченнаго имѣнія обращавшихся къ нему съ просьбой о томъ помѣщиковъ; но онъ предпочиталъ уплатить и дѣйствительно не разъ уплачивалъ изъ своихъ средствъ недоимку по займу и тѣмъ спасалъ имѣнія отъ продажи и многія семейства отъ раззоренія. Какъ характеристическій примѣръ того, какъ стойко оберегали князь С. М. Голицынъ, М. П. Штеръ и П. С. Полуденскій интересы ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ учрежденій, мы можемъ указать на то, что статсъ-секретарь по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи, обращаясь къ нимъ съ запросомъ, въ какой мѣрѣ Московская Сохранная Казна могла бы принять участіе въ слѣдующемъ году въ займахъ Министерства Финансовъ, получалъ отвѣты, основанные единственно на тщательномъ соблюденіи интересовъ Сохранной Казны, и отвѣты эти не всегда соотвѣтствовали выраженнымъ въ запросѣ желаніямъ, но всегда удостоивались Высочайшаго одобренія.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще и о Петрѣ Ивановичѣ Ивановѣ, который былъ долго директоромъ канцеляріи Опекунскаго Совѣта и своей полувѣковой и чрезвычайно полезной дѣятельностью заслужилъ общее уваженіе. Ему принадлежитъ мысль объ отчисленіи изъ барышей отъ оборотовъ Сохранной Казны суммъ для постепеннаго образованія самостоятельныхъ капиталовъ для Воспит. Дома и для каждаго изъ его заведеній, что́ въ послѣдствіи оказалось крайне полезнымъ. Прежде на содержаніе Восп. Дома и его заведеній употреблялись суммы отчисляемыя, по мѣрѣ надобности, изъ валовой суммы избытковъ отъ оборотовъ Сохранной Казны.

Главные охранители интересовъ Воспитательнаго Дома и его учрежденій сошли въ могилу до ликвидаціи Сохранной Казны, и только пособнику ихъ П. И. Иванову, и то уже въ отставкѣ, пришлось пережить начало ликвидаціи Сохранной Казны и печалиться о безвременной кончинѣ ея дѣятельности.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ о томъ уваженіи, какимъ постоянно пользовался Бецкій. Въ экспедиціяхъ Сохранной Казны были иконы Фряжскаго письма, современныя учрежденію Сохранной Казны, о чемъ свидѣтельствовало и означеніе на многихъ изъ нихъ года открытія дѣйствій Сохранной Казны. Многія изъ этихъ иконъ перешли въ Московскую Контору Государственнаго Банка, вмѣстѣ съ бывшимъ отдѣленіемъ вкладовъ Сохранной Казны; но самая замѣчательная изъ этихъ иконъ находится и теперь, какъ и въ старые годы, въ казначействѣ Сохранной Казны. На этой иконѣ изображены вмѣстѣ: Св. Великомученица Екатерина и Св. Іоаннъ Милостивый.

Д. Филимоновъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СПЕРАНСКОМЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ АКАДЕМИКУ Я. К. ГРОТУ.

По прочтеніи „Жизни Сперанскаго" я пораженъ былъ нѣкоторыми чертами въ немъ, явно изобличающими происхожденіе его изъ среды духовенства и воспитаніе его въ Семинаріи.

Не думаю, чтобы вамъ, незнакомому съ семинаріею и духовенствомъ, такъ было это замѣтно, какъ мнѣ, и потому на досугѣ рѣшаюсь передать вамъ мой взглядъ на это.

Воспитаніе Сперанскаго я раздѣляю на двѣ части: воспитаніе дòма и въ Семинаріи. Здѣсь я долженъ сказать, что въ духовномъ юношествѣ существуютъ двѣ партіи *). Одна — получившихъ добрыя начала нравственности дòма, и другая вынесшихъ изъ дòма весьма нехорошія привычки и стремленія. Эти партіи стоятъ въ семинаріяхъ во враждѣ другъ къ другу. Послѣдняя, по своей численности, гораздо сильнѣе первой и потому беретъ верхъ и въ насмѣшкахъ, и въ дракахъ. Въ числѣ прозваній, которыя давались первой, въ Московской Семинаріи было прозваніе „благородныхъ"; но надо было видѣть, съ какою злобою и насмѣшкою оно произносилось. Сперанскій получилъ, какъ по всему видно, прекрасныя правила въ младенчествѣ и всегда видѣлъ въ своемъ родствѣ примѣры добродѣтельные. Кромѣ того, чтò дала ему природа, онъ отсюда могъ почерпнуть не только набожность, но и отсутствіе мстительности; отсюда же и безкорыстіе. Хотя жадность духовенства вошла въ пословицу, но между духовными есть люди и безкорыстные, и безкорыстность эта выше той, которую мы встрѣчаемъ въ высшихъ званіяхъ, потому что она является непоколебимою среди страшной бѣдности. Отсюда же должно происходить то кроткое обращеніе съ крестьянами, которое замѣчено въ Великопольскомъ помѣщикѣ. Едва ли кто питаетъ такую привязанность къ крестьянамъ, какъ дѣти сельскаго духовенства, разумѣется добрыя. Я видѣлъ престарѣлыхъ священниковъ, къ которымъ пріѣзжали безпрестанно, какъ на свой дворъ, старики-крестьяне тѣхъ селеній, въ которыхъ родились сказанные выше старцы. Но это было не простое открытіе дòма для ночлега: нѣтъ, это была какъ будто встрѣча однокашниковъ и совоспитанниковъ; говорятъ, бывало, не наговорятся. Случался ли какой у этихъ старцевъ подрядъ, или какая работа, просятся разные люди; нѣтъ, погоди: наши пріѣдутъ, — имъ отдадимъ. Но вотъ вамъ анек-

---

*) Все, чтò здѣсь говорится о семинаріи вообще, взято изъ обычаевъ и порядковъ, существовавшихъ въ Московской Семинаріи до 1828 года.

дотъ, который показываетъ, какъ смотрѣли нѣкоторые изъ духовенства, въ старое время, на крѣпостное право. Я былъ очень часто въ домѣ одного почетнаго духовнаго лица, которое въ молодыхъ лѣтахъ получило въ наслѣдство крѣпостную чету. Эта чета расплодилась до того, что у нихъ было три сына и три дочери. Сыновья всѣ были не только грамотные, но даже и знакомые съ литературой. Старику не въ мочь стало держать восемь человѣкъ; да не могъ онъ и найти имъ работы. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, въ которое я нашелъ у хозяина человѣка три такихъ же почетныхъ лицъ, я услышалъ его гореваніе о томъ, куда дѣвать ему своихъ крѣпостныхъ. Старикъ говорилъ: пустить на волю, пожалуй погибнутъ, особенно дѣвки; а мужчинъ возьмутъ въ солдаты. Мнѣ показалось страннымъ такое затрудненіе старика, и я сказалъ: „продать". Но тутъ раздался хохотъ гостей и голосъ старика: „Да развѣ людей продаютъ? Да развѣ людьми можно торговать? Ахъ ты и т. д". Однимъ словомъ, я былъ накормленъ грязью.

Что̀ могла дать Сперанскому Семинарія? Въ отношеніи нравственномъ едва ли она могла привить что нибудь доброе. Счастіе его было, если онъ сохранилъ тѣ добрыя начала, которыя вынесъ изъ дому. Надо знать всю грязь семинарскаго общества, по крайней мѣрѣ преобладающаго числа, чтобы понять, какъ трудно выдти чистымъ изъ этой смрадной ямы. Пьянство, буйство, удальство въ сквернословіи, порабощеніе младшихъ и битье ихъ составляютъ принадлежность удалаго бурсака: чѣмъ больше кто отличается въ этомъ, тѣмъ больше ему почета. Впрочемъ я подозрѣваю, что Семинарія положила на Сперанскаго одну неизгладимую черту, ей свойственную. Конечно и въ домѣ Сперанскому внушали: „потреба властемъ повиноватися, не добрымъ только, но и злымъ"; конечно онъ еще въ семействѣ своемъ привыкъ думать, что архіерей есть святитель и владыка, велѣнія котораго святы и безпрекословны, который можетъ однимъ словомъ своимъ и осчастливить подчиненнаго и уничтожить, и что прочія власти тоже самое, хотя и въ низшей степени: все въ ихъ волѣ, не смѣй прекословить имъ; преклоняйся предъ ними только, и больше ничего. Эта вѣра должна была укорениться въ Семинаріи еще сильнѣе. Въ массѣ тамъ учащихся разлито не то что благоговѣніе и уваженіе къ властямъ, но какой-то страхъ къ нимъ и страхъ неописанный. Появленіе ректора неожиданно въ какомъ нибудь классѣ заставляетъ блѣднѣть и трепетать весь классъ, а появленіе архіерея производитъ такое дѣйствіе, что и описать трудно. Случалось, что архіерей вызывалъ воспитанника и предлагалъ ему вопросъ, отвѣтъ на который воспитанникъ знаетъ наизусть; но онъ обомлѣлъ, языкъ его не движется, горло сжалось, и онъ не только не можетъ отвѣчать со смысломъ, но не въ состояніи издать звукъ. Ближайшій начальникъ говоритъ за воспитанника: „онъ оробѣлъ-съ". Архіерей улыбается и отпускаетъ его, стараясь запомнить имя несчастнаго, какъ человѣка способнаго повиноваться властямъ. И чего жъ ожидать семинаристу, когда въ глазахъ его на публичномъ экзаменѣ, напримѣръ митрополитъ *** бранитъ ректора, будущаго архіерея, дуракомъ, при посѣтителяхъ и ученикахъ?.... Въ 1855 или 1856 гг. на экзаменѣ С. Семинаріи архіерей, замѣтивъ одного семинариста съ густыми кудрявыми, жесткими волосами, зачесанными на одну сторону, присталъ къ нему и началъ увѣрять всѣхъ, что это долженъ быть безпутный человѣкъ. Ректоръ хотя скромно, но атестовалъ ученика съ весьма хорошей стороны. Архіерей слушать ничего не хотѣлъ и съ бѣшенствомъ кричалъ: „пригладь, пригладь волоса". Но какъ же ихъ пригладить, когда они и въ банѣ отъ горячей воды не опустятся! Потому, ког-

да приглаживаніе семинариста не дѣйствовало на его голову, архіерей велѣлъ замять проборъ и опустить волосы на лобъ; волосы стали копной, и человѣкъ сталъ страшилищемъ. Архіерей опять закричалъ: „пригладь волосы"; но чѣмъ больше воспитанникъ распоряжался волосами посредствомъ своей пятерни, тѣмъ больше воздымались его волосы. Можете себѣ представить положеніе несчастнаго передъ товарищами и передъ публикой. А все-таки архіерей сдѣлалъ какую-то замѣтку противъ него, и ни ректоръ, ни профессора не смѣли уже вызывать его послѣ этого къ отвѣту.

Кто знаетъ, какъ монашествующія власти умѣютъ заклинивать въ молодыя души подобострастіе, тѣмъ немудрено было бы понять подобострастныя письма Сперанскаго къ сильнымъ міра сего. Посмотрите вы на переписку не только священниковъ, но даже младшихъ властей къ старшимъ. Какое раболѣпство, униженность и безстыдная лесть! Опять обращаюсь къ воспоминанію С-ой Семинаріи. По обычаю, въ торжественные дни, всѣ власти города приходили къ архіерею прямо изъ собора съ поздравленіями. Домъ его былъ не болѣе какъ въ 20-и шагахъ отъ церкви, и онъ радушно приглашалъ всѣхъ на завтракъ послѣ обѣдни. Но онъ, заманивши гостей, не отпускалъ до тѣхъ поръ, пока не выскажутъ своихъ рѣчей гратулянты (поздравители). Гратулянтами бывали священники, семинаристы и дѣвочки изъ женскаго духовнаго училища. Вы себѣ представить не можете той лести, той лжи, которыми были преисполнены гратуляціи. Не говорю о свѣтскихъ людяхъ; духовныя особы изъ молодыхъ, стоя съ зади, присѣдали, чтобы нахохотаться. Архіерей же все это слушалъ съ наслажденіемъ, похваливалъ и обращался къ намъ съ вопросомъ: „Каково?" Но мало того, что архіерей заставлялъ льстить себѣ, онъ посылалъ гратулянтовъ и къ своимъ пріятелямъ изъ свѣтскихъ. Такъ нѣкто тамъ былъ Ѳ. Б-овъ, человѣкъ богатый, но по образованію нисколько не выше мужика, по характеру кулакъ. Жена его была архіерейскою поклонницею, и самъ онъ дѣлалъ вклады въ Семинарію. Вотъ этотъ Б., въ день своихъ имянинъ, пригласилъ на обѣдъ всю знать, начиная съ губернатора, не исключая разумѣется и архіерея. Послѣдній пріѣхалъ позже всѣхъ, когда голодные желудки алкали поглотить всю трапезу; потому хозяинъ, едва усадивъ архіерея, предложилъ ему приступить къ закускѣ; но тотъ отвѣчалъ: „Нѣтъ постойте, я привезъ вамъ гратулянта"; и по мановенію его вытянулся на сцену долгополый семинаристъ. „Говори поздравительную рѣчь хозяину-имянининнику". И тутъ дошло до поруганія святыни! Семинаристъ, описавъ съ подобающимъ благоговѣніемъ всю святость жизни празднуемаго въ тотъ день святаго, воскликнулъ, не обинуясь: „Кого уподобимъ сему великому праведнику?" и на это восклицаніе самъ же отвѣчалъ: „конечно никого, какъ Ѳ. И-ча Б-ва", и потомъ началъ подбирать дѣянія Б—ва подъ дѣянія святаго. Окончивъ рѣчь, семинаристъ подошелъ подъ благословеніе архіерея, и тотъ одобрилъ его, какъ нельзя болѣе. Конечно эта комедія распотѣшила публику, тѣмъ болѣе, что семинаристъ говорилъ все книжнымъ языкомъ, отчего лѣтъ семь спустя при мнѣ въ С-**, при каждой оказіи, произносилось: *кого уподобимъ*? Но никакъ нельзя было убѣдить архіерея, что это подлость, гнусность и скандалъ.

Что̀ могла дать Семинарія Сперанскому въ умственномъ отношеніи? Всѣ единогласно упрекаютъ методу семинарскаго обученія въ излишнемъ схоластизмѣ. Это правда; но нельзя отвергать, чтобы эта метода не приносила никакой пользы обучающимся. Конечно, семинарское ученіе бѣдно содержаніемъ; кромѣ положительныхъ богословскихъ догматовъ, оно не

знакомитъ съ современнымъ состояніемъ наукъ и даже не развиваетъ любознательности. Но во 1-хъ, отчетливое изученіе древнихъ языковъ; во 2-хъ, хотя и сухое, но въ строгой системѣ преподаваніе главныхъ предметовъ семинарскаго курса, и въ 3-хъ, безпрестанное упражненіе въ сочиненіяхъ, при которомъ, не гоняясь за легкостію слога, требуется, какъ первое необходимое условіе, строгое расположеніе всѣхъ частей сочиненія и изложеніе каждой части въ видѣ необоримаго силлогизма: все это пріучаетъ воспитанниковъ къ строго отчетливому и систематическому изложенію своихъ мыслей. Здѣсь я не излишнимъ нахожу разсказать подробнѣе, какъ учатъ въ Семинаріи сочинять. Преподавъ самымъ краткимъ образомъ Русскую и Славянскую грамматики, обращаются къ изученію Латинскаго и Греческаго языковъ. Пройдя этимологію и синтаксисъ, начинаютъ заниматься переводами съ Греческаго и Латинскаго на Русскій и обратно. Въ томъ и другомъ случаѣ требуютъ отъ переводчиковъ строгаго отчета въ каждомъ словѣ, не только въ томъ, почему каждое слово поставлено въ томъ или другомъ падежѣ, въ томъ или другомъ времени, но даже спрашивается, почему каждое слово поставлено на томъ или другомъ мѣстѣ въ предложеніи. Послѣ этого начинается обученіе сочиненіямъ. Первый приступъ къ нимъ есть сочиненіе періодовъ, для чего существуетъ десять формъ. Начинающему никакъ не позволятъ разглагольствовать и распространяться о предметѣ произвольно, но ограничиваютъ его упражненіемъ единственно въ формѣ періода, т. е. требуютъ только связи двухъ-трехъ мыслей, жертвуя развитіемъ воображенія, мыслей и проч. Далѣе переходятъ къ хріямъ. Наконецъ, изощрившимся въ твореніяхъ хрій дозволяютъ писать разсужденія и проповѣди. Но прежде чѣмъ борзописецъ пустится въ пространное море своего сочиненія, его обязываютъ представить планъ самаго сочиненія, и въ этомъ планѣ должно быть показано: какая мысль будетъ въ приступѣ, какъ онъ раздѣлитъ свои доказательства, и въ чемъ состоятъ доказательства. Сохрани Богъ, ежели въ этомъ планѣ окажется недостатокъ въ строгой системѣ и логикѣ. Но эта метода обученія письменнымъ сочиненіямъ; а есть еще метода обученія словопренію. Эта метода состоитъ вотъ въ чемъ. Одинъ кто либо объявляетъ себя защитникомъ избранной темы, за тѣмъ излагаетъ подраздѣленіе своихъ доказательствъ, и потомъ представляетъ на обсужденіе каждое доказательство не иначе какъ въ видѣ силлогизма. Послѣ каждаго силлогизма требуется возраженіе. Возражающій долженъ доказать, что или большая посылка или меньшая не вѣрны, или заключеніе не правильно; praemissa major negatur или: praemissa minor negatur, или consequentia non valet. Но, произнеся которое нибудь изъ этихъ роковыхъ словъ, возражатель долженъ каждое свое „negatur“ доказать опять силлогизмомъ: безъ силлогизма ни отъ кого не принимается ни доказательствъ, ни опроверженій. Положимъ, что всѣ эти силлогизмы вертятся около отвлеченныхъ, старыхъ, избитыхъ истинъ; но согласитесь, что тотъ, кто пройдетъ эту школу, выучится послѣдовательно излагать свои мысли и на бумагѣ, и на словахъ. Несчастная сторона этой методы та, что, при отсутствіи внутренняго содержанія въ наукахъ семинарскихъ, учащіеся пріобрѣтаютъ способность излагать и доказывать истины добытыя не собственнымъ умомъ, а выученныя, или вычитанныя и выслушанныя.

Вглядитесь въ хорошихъ семинаристовъ на гражданской службѣ: едва ли вы найдете лучше ихъ излагателей бумагъ въ строгой послѣдовательности на заданную служебную тему; едва ли кто лучше ихъ разберетъ образовавшійся въ какой либо части хаосъ свѣдѣній; едвали кто лучше ихъ изложитъ самыя запутанныя дѣла. Я не говорю, чтобы

эти излагатели могли дать свой взглядъ на рѣшеніе дѣла, могли указать раціональное его направленіе. Нѣтъ, вся ихъ способность состоитъ въ томъ, чтобы расгрупировать массу данныхъ или свѣдѣній и изложить каждую часть въ послѣдовательномъ порядкѣ. Позвольте при этомъ указать на двухъ такихъ людей: на Оржевскаго и на Надеждина. Первый занималъ при нѣсколькихъ министрахъ почетное мѣсто. Чѣмъ онъ его заслужилъ? Сначала тѣмъ, что, бывало, завяжется огромная переписка по какому нибудь дѣлу, разростется она до того, что никто не въ состояніи прочесть ее; отдадутъ Оржевскому; тотъ пробѣжитъ, изучитъ всѣ подробности, разсортируетъ ихъ по предметамъ, въ каждомъ предметѣ схватитъ существенныя черты и изложитъ это ясно и коротко. Я не могу забыть его словъ: „Вы не жалѣйте труда изучать дѣло; употребите всѣ усилія, чтобы изложить его, но изложите его такъ, чтобы тотъ, кто будетъ читать вашъ докладъ, не чувствовалъ бы вашего труда въ изложеніи, а прочитавъ сказалъ бы: Какъ это дѣло просто и ясно; надъ чѣмъ дураки бились?“ На мѣстѣ директора Оржевскій не занимался конечно уже записками изъ дѣлъ; но за то, что̀ бы министръ ни приказалъ, Оржевскій все докажетъ и изложитъ самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ. Мнѣ не разъ случалось видѣть собственно имъ сочиненныя бумаги объ одномъ и томъ же человѣкѣ, изъ которыхъ въ одной самымъ положительнымъ образомъ доказано было, что г-на N. N. мало повѣсить или изжарить, а надо что нибудь придумать пожесточе; въ другой самымъ очевиднымъ образомъ доказывалось, что этотъ же господинъ заслуживаетъ примѣрной награды, что онъ такой слуга царской, какого надо поискать въ Русской землѣ. Точно также не разъ по одному и тому же предмету собственноручно доказывались то вредъ, то польза его, и въ томъ и въ другомъ случаѣ надо было дивиться силѣ и логикѣ доказательствъ.—Таковъ же былъ Надеждинъ въ наукѣ. Едва ли можно было найти человѣка, который бы съ такою быстротою прочитывалъ и удерживалъ все прочитанное въ памяти. Знаете ли что̀ дѣлали съ нимъ товарищи въ Духовной Академіи? Получится какая нибудь интересная книга, даютъ ее Надеждину прочесть, потомъ открываютъ въ срединѣ ея какую нибудь главу и спрашиваютъ: „Надеждинъ прочти намъ такую-то главу наизусть“, и Надеждинъ валяетъ мысль за мыслію; за нимъ слѣдятъ по книгѣ и въ цѣлой главѣ не находятъ ни одного пропуска. Мнѣ говорилъ Ю. Ѳ. Самаринъ, что Надеждинъ, живя у нихъ въ домѣ въ должности учителя, прочелъ въ два года всю огромную ихъ библіотеку на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, не упуская и текущей литературы и новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій. Онъ былъ ходячая библіотека. Спросите его о какомъ хотите предметѣ: онъ вамъ ясно, систематически изложитъ полное о немъ свѣдѣніе. Но что это былъ за переметная сума? Нынче онъ васъ опровергаетъ непобѣдимо, завтра онъ вамъ доказываетъ также непобѣдимо то, что̀ вчера опровергалъ. Пріятели его, сражаясь съ нимъ цѣлый вечеръ о какомъ нибудь предметѣ и бывъ разбиты имъ на всѣхъ пунктахъ, послѣ уступки поля битвы, обращаются къ нему съ просьбою: „Ну Николай Ивановичъ, для пертурбаціи ума опровергни самаго себя и докажи нашу мысль“, и Николай Ивановичъ сейчасъ же съ изумительною силою опровергаетъ все сказанное въ вечеръ и доказываетъ справедливость мысли своихъ противниковъ.

Не видимъ ли мы и въ Сперанскомъ той же силы разработывать и организовать хаосъ данныхъ по какому нибудь предмету, изучать незнакомые ему предметы и науки и обставлять неопровержимыми доказательствами заданныя темы? Откуда все это? Это дѣло его способностей, развитыхъ семинарскимъ и академическимъ схоластицизмомъ.

Схоластическая метода, вмѣстѣ съ суровымъ монашескимъ воспитаніемъ, разработываетъ въ человѣкѣ еще способность къ усиленному, тяжкому умственному напряженію. Да, эту способность едва ли развиваетъ какое либо заведеніе, кромѣ семинарій и духовныхъ академій. Нигдѣ не задается такихъ тяжелыхъ уроковъ, какъ въ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ. Прилежному семинаристу, съ 6 часовъ утра до 10, 11 и даже до 12 часовъ ночи, едва ли остается свободное время, кромѣ того, которое онъ употребляетъ на переходъ съ квартиры въ классъ. Присоедините къ этому голодъ, холодъ и сапоги безъ подметокъ. Знаете ли вы, что до двадцатыхъ годовъ въ Московской Семинаріи и Московскихъ духовныхъ училищахъ не было ни одного теплаго класса, не было ни одного окошка въ классѣ съ двойными рамами *). Въ бурю снѣгъ заметалъ спины сидѣвшихъ на заднихъ лавкахъ. Чтобы хотя изрѣдка можно было согрѣться въ бурсѣ (въ дортуарахъ), семинаристы должны были воровать дрова; чтобы не быть голодными, семинаристы должны были осенними ночами украдкою выкапывать и уносить картофель съ крестьянскихъ полей и укладывать его въ подполицы своихъ бурсъ.

Отъ этого ли только, или отъ вида бѣдности, гнетущей большую часть родственниковъ, или въ предвидѣніи нищеты для самихъ себя въ будущемъ, или наконецъ отъ попадающихся въ ученіи примѣровъ аскетизма, отчего бы то ни было, только главнымъ правиломъ семинаристовъ служитъ закалять себя въ терпѣніи на всѣ нужды и труды. Вынести какой нибудь тяжелый трудъ, просидѣть нѣсколько ночей, съ самымъ краткимъ отдыхомъ, за какою нибудь тяжелою работою, считается признакомъ сильнаго мужа. Такому общій почетъ и одобреніе. Но сохрани Богъ, замѣтятъ въ комъ нибудь страсть нѣжиться, кутаться, лакомиться, скоро утомляться въ работѣ, — такому не будетъ прохода отъ насмѣшекъ; ему дадутъ такое прозвище, что и въ старости не забудетъ. Не лишнимъ считаю показать хотя одинъ примѣръ закалки семинаристовъ. Когда находилась Московская Семинарія въ Перервинскомъ монастырѣ, то общественная баня находилась на берегу озера. Въ банѣ содержалась одна горячая вода, за холодною же должны были семинаристы ходить зимой на озеро къ проруби: потому считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, распарившись въ банѣ, идти обдаваться на озерѣ холодною водою изъ проруби. Во время замерзанія ея учреждалась особая потѣха: выйдя изъ бани, ломать тонкій ледъ, опускаться въ воду и пускаться вплавь, проламывая ледъ руками и грудью. Хотите ли знать, какъ дорого покупались удовольствія? Семинаристы—охотники до театра. Не смотря на то, что Москва отъ Перервы была за 8 верстъ; но если тамъ когда случится хорошій спектакль, то часа въ три пополудни театралы отправлялись пѣшкомъ въ Москву, прямо въ театръ, чтобы не запоздать, занять въ раю хорошее мѣсто. Просидѣвъ тамъ часовъ до двѣнадцати, возвращались ночью также пѣшкомъ въ Семинарію и, совершивъ по грязи или глубокому снѣгу путь, часу въ третьемъ являлись въ свои номера, готовили уроки и по утру сидѣли въ классахъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Согласитесь, что Сперанскій, выйдя изъ такой школы, могъ конечно удивлять изнѣженныхъ баричей своею усидчивостію и своими трудами по службѣ. Конечно также, онъ способнѣе былъ перенести тяжесть изгнанія, нежели какой нибудь другой дворянчикъ.

Дмитрій Протопоповъ.

11 Декабря (1861).

---

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Филаретъ въ своемъ словѣ на освященіе храма въ прекрасномъ зданіи нынѣшней Московской Семинаріи. *П. Б.*

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ Т. П. ПАССЕКЪ.

Въ Апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ напечатано продолженіе Воспоминаній Т. П. Пассекъ. Я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, во первыхъ на тѣ возраженія на мою статью „Wahrheit und Dichtung“, которыя, какъ отъ редакціи Русской Старины, такъ и отъ г-жи Пассекъ, помѣщены въ особыхъ выноскахъ, а во вторыхъ исправить нѣсколько ошибокъ относительно фактовъ и цифръ, извѣстныхъ мнѣ изъ подлинныхъ документовъ.

1. Въ прежде напечатанныхъ главахъ, было между прочимъ сказано, что по смерти Петра Алексѣевича Яковлева, братья его, чтобы помириться съ совѣстью, дали каждой изъ его двухъ дочерей по 3000 р. сер., а матери ихъ 2000 р. сер.; въ настоящее же время на стр. 807, въ краткомъ перечнѣ содержанія предъидущихъ главъ, сказано, что братья Яковлевы выдали дочерямъ Петра Алексѣевича по 3000 р. ассигнаціями.

Разница очень значительная, и происходитъ вѣроятно отъ опечатки, либо тогда, либо теперь; но на самомъ дѣлѣ, обѣ цифры невѣрны. Когда, въ 1821 году, братья Яковлевы дѣлили наслѣдство полученное отъ Петра Алексѣевича въ 1813 году, то при раздѣлѣ были, разумѣется, приняты въ расчетъ какъ всѣ доходы, полученные за 8 лѣтъ общаго владѣнія этимъ имѣніемъ, такъ и всѣ расходы, сдѣланные въ тоже время за счетъ Петра Алексѣевича, т. е. уплата его долговъ, выдачи его дѣтямъ, ихъ матери и проч.; а изъ этого расчета видно, что Н. П. Кучина и Е. П. Смоланъ получили отъ всѣхъ трехъ братьевъ 18.000 р. ассигн.; кромѣ того Н. П. Кучина особо получила отъ Льва и Ивана Алексѣевичей 6000 р. асс.; мать ихъ К. П. Папстъ получила 4.200 р. асс. и на уплату долговъ, оказавшихся по смерти сына ея Николая Петровича, 8000 р. ассигн., что́ все вмѣстѣ составляетъ 36.200 р. асс. Эту цифру я не привелъ прежде потому, что ежели не считать уплату долговъ Николая Петровича, то останется 28.200 р. асс., т. е. только на 200 р. асс. болѣе того, что̀ признавала г-жа Пассекъ.

2. Во второмъ примѣчаніи, на стр. 806 и 807 отъ редакціи Р. Старины сказано: „Въ статьѣ Wahrheit und Dichtung высказано „сомнѣніе относительно шести фактовъ разсказанныхъ въ запискахъ „изъ жизни дальней“, случившихся съ семействомъ Ив. Ал. Яковлева въ продолженіе „того времени, которое оно провело въ Москвѣ, во время занятія ея непріятелемъ.

„Справедливость этихъ фактовъ подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ, „въ собственноручно подписанной и доставленной въ редакцію Р. Старины запискѣ Егоръ Ивановичъ Герценъ, единственный оставшійся въ „живыхъ очевидецъ разсказаннаго, бывшій тогда уже десятилѣтнимъ мальчикомъ и хорошо помнящій все, что̀ онъ видѣлъ въ продолженіе того „времени“.

Прежде всего и мимоходомъ замѣчу, что Е. И. Герценъ былъ въ 1812 году не десяти, а девятилѣтнемъ мальчикомъ, такъ какъ онъ рожденъ въ 1803 году, что́ видно изъ собственноручно писаннаго его отцемъ въ 1828 году духовнаго завѣщанія; за тѣмъ несомнѣнно, что Е. И. Герценъ не былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ изъ сообщенныхъ или подтвержденныхъ имъ фактовъ, какъ напр. свиданія его отца съ Наполеономъ, которое Ив. Ал. описываетъ совершенно иначе, въ запискѣ мною напечатанной, чѣмъ

г-жа Пассекъ; а вѣдь онъ былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ случаѣ. Наконецъ, всѣ сомнѣнія, высказанныя въ статьѣ Wahrheit und Dichtung основаны на собственноручномъ письмѣ Ивана Алексѣевича къ сестрѣ его Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голохвастовой отъ 1-го Ноября 1812 года, гдѣ онъ описываетъ тѣже самые факты, но совершенно иначе чѣмъ г-жа Пассекъ или Е. И. Герценъ. Спрашивается, чтó заслуживаетъ болѣе довѣрія, воспоминанія ли единственнаго оставшагося въ живыхъ очевидца Е. И. Герцена, сообщенныя черезъ 64 года послѣ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ будучи девятилѣтнимъ ребенкомъ, или воспоминанія его отца, писанныя черезъ два мѣсяца послѣ событій, которыхъ онъ тоже былъ свидѣтелемъ, будучи 45 лѣтнимъ отцомъ семейства?

3. Въ выноскѣ на стр. 807 сказано, что изъ документа, „приведеннаго „въ статьѣ Wahrheit und Dichtung отъ 9-го Августа 1813 года за № 270, „изъ котораго видно, что Екатерина Валерьяновна промѣняла братьямъ „(деверьямъ) оставленную ей по духовному завѣщанію дер. Шумново и „слѣдующую ей седьмую часть въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ за 30.000 р. „асс., не видно, приведенъ ли онъ былъ въ исполненіе; а что онъ приве- „денъ не былъ въ исполненіе, доказывается тѣмъ, что Екат. Вал. владѣ- „ла Шумновымъ, провела въ немъ всю жизнь и въ 1830-хъ годахъ тамъ „умерла. Вѣроятно Яковлевы и желали войти съ Екат. Вал. въ соглаше- „ніе и при такихъ условіяхъ не могли уличать ее въ фальшивости завѣ- „щанія и опровергать законность ея брака, называя ее Ульской; когда „же сдѣлка не состоялась, то начался процессъ. Екат. Вал. подала жало- „бу, что вынуждена была на полюбовное соглашеніе притѣсненіями“.

Во первыхъ, изъ помянутаго документа отъ 9-го Августа 1813 года видно, что это не проектъ, не предполагавшаяся, но не состоявшаяся сдѣлка, а актъ владѣнія, совершенный и утвержденный судомъ: ибо я оговорилъ, что на немъ находится резолюція суда объ его утвержденіи, подпись судей, печать суда, скрѣпа секретаря, №, за которымъ онъ внесенъ въ актовую книгу крѣпостныхъ дѣлъ и проч.; а всего этого не могло бы быть на проектѣ, не получившемъ законнаго утвержденія. Въ подтвержденіе я могъ бы привести еще актъ, выданный Корчевскимъ уѣзднымъ судомъ, объ вводѣ во владѣніе селомъ Новоселье и деревнями Уходово и Шумново, братьевъ Льва и Ивана Алексѣевичей лично и отсутствующаго ихъ брата Александра по довѣренности. То обстоятельство, что Екат. Вал., по окончаніи процесса, который она выиграла, Шумновымъ владѣла, жила и умерла въ немъ, нимало всему этому не противорѣчитъ. Я никогда не отрицалъ, что процессъ *былъ* и что она его выиграла, но утверждалъ, что братья Яковлевы его *не начинали*, какъ было сказано г-жею Пассекъ, а напротивъ, немедленно по кончинѣ Петра Алексѣевича, вошли въ сдѣлку съ невѣсткой и заплатили ей за Шумново и ея вдовью часть 30.000 р. асс., она же получила деньги, и по прошествіи почти 2-хъ лѣтъ начала процессъ, который выиграла, послѣ чего и владѣла Шумновымъ. Въ словахъ: „когда же *сдѣлка не состоялась*, „тогда начался процессъ. Екат. Вал. подала жалобу, *что была вынужде- „на на полюбовное соглашеніе притѣсненіями*“, есть очевидное противорѣчіе: ежели *сдѣлка не состоялась*, то не могла Ек. Вал. жаловаться, что притѣсненіями ее вынудили на то, чего вовсе не было, т. е. на полюбовное соглашеніе; ежели же, на оборотъ она такую жалобу дѣйствительно подала, то тѣмъ самымъ признала, *что сдѣлка состоялась*.

Во вторыхъ, въ этой же выноскѣ сказано: „*седьмую часть* свою въ „Васильевскомъ съ прилежащими къ нему деревнями Екат. Вал. переда-

„ла дарственной записью автору записокъ. *Эту седьмую часть* купилъ у „автора записокъ Ив. Ал. Яковлевъ“.

Тутъ тоже ошибка: когда Екат. Вал. выиграла процессъ, то получила въ Васильевскомъ съ деревнями не *седьмую*, а *двадцать восьмую* часть, т. е. седьмую часть той четвертой части этого имѣнія, на которую имѣлъ право ея мужъ. Это подтверждается купчей крѣпостью, по которой Ив. Ал. продалъ это имѣніе въ 1835 году Ник. Павл. Голохвастову и въ которой сказано, что Ив. Ал. продаетъ въ селѣ Васильевскомъ съ деревнями 440 душъ, полученныхъ имъ по наслѣдству отъ двоюродной сестры, генералъ-поручичьей дочери, дѣвицы Екат. Мих. Яковлевой и по раздѣлу съ родными братьями и кромѣ того 18 душъ, купленныя имъ 26-го Апрѣля 1835 года у титулярной совѣтницы Татьяны Петровны Пассекъ.

4. На слѣдующей 808 стр. сказано: „Въ Августѣ (1813 г.) „пріѣзжаетъ „изъ Швеціи въ Новоселье третій братъ Яковлевыхъ, Левъ Алексѣе„вичъ“... При этомъ выноска, изъ которой видно, что это сообщено Е. И. Герценомъ. Изъ послужныхъ формулярныхъ списковъ о службѣ Льва Алексѣевича видно, что онъ только одинъ разъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Швецію, и это было 18-го Сент. 1798 года: пробылъ онъ тамъ менѣе двухъ лѣтъ и 9-го Мая 1800 былъ уже въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ особыя порученія „касательно вспомогательныхъ Россійскихъ войскъ въ Англіи“. Въ 1813 году онъ уже три года какъ былъ министромъ при Вестфальскомъ дворѣ и возвратился въ Россію въ Іюлѣ 1812 года, по случаю разрыва съ Французами; а 7-го Мая 1813 года, находясь въ Россіи, получилъ шестимѣсячный отпускъ для устройства своихъ дѣлъ, который ему продолженъ до 24 Октября 1813 года. Такимъ образомъ съ 7-го Мая по 24 Октября онъ былъ въ отпуску, дома, а не въ Швеціи.

5. На слѣдующей 809 стр. есть также выноска, сообщенная Е. И. Герценомъ. Въ ней сказано: „По раздѣлу (1821 г.), Новоселье съ Уходо„вымъ и *Покровское* достались на долю Льва Алексѣевича, Перхушково „*съ Шацкимъ имѣніемъ* — Александру Алексѣевичу“. Изъ подлиннаго раздѣльнаго акта 1821 года видно, что Левъ Алексѣевичъ получилъ только Новоселье съ Уходовымъ, въ которыхъ было 532 души, но и это превышало его часть, вслѣдствіе чего онъ уплатилъ 25.000 асс. Александру Алексѣевичу, который кромѣ того получилъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Перхушковѣ 142 души и въ Верейскомъ уѣздѣ въ дер. Ястребово и Костино 127 душъ, а всего 269 душъ. Что же касается села Рожествена, Дьячье, Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, то оно досталось Александру Алексѣевичу по наслѣдству отъ отца и матери и по раздѣлу съ братьями и сестрами, совершенному еще въ 1785 году, вслѣдствіе высочайшаго указа князю Долгорукову-Крымскому. По тому же раздѣлу досталась Ивану Алексѣевичу та меньшая часть села Покровскаго Засѣкина и дер. Раево, которая принадлежала ихъ матери Натальѣ Борисовнѣ Яковлевой; большая же часть этого имѣнія, принадлежавшая кн. Аннѣ Борисовнѣ Мещерской, была ею продана въ 1793 году Льву Алексѣевичу, а отъ него, по духовному завѣщанію, со всѣми прочими его имѣніями перешла къ Ивану Алексѣевичу.

Далѣе въ той же выноскѣ сказано: „Левъ Алексѣевичъ, кончившій „жизнь прежде Ивана Алекс. и племянника своего Алексѣя Александро„вича, законныхъ наслѣдниковъ послѣ него, завѣщалъ всѣ свои имѣнія „одному Ивану Алексѣевичу, *съ тѣмъ, чтобы онъ изъ нихъ наградилъ дѣ„тей его, по своему усмотрѣнію*........ Иванъ Алексѣевичъ далъ дочери „Льва Алексѣевича свою Керенскую деревню, сыновьямъ же, сверхъ остав„леннаго имъ отцомъ (т. е. капиталовъ), *не далъ ничего*“.

Это не вѣрно потому, что въ духовномъ завѣщаніи Льва Алексѣевича вовсе не сказано, что онъ оставляетъ свои имѣнія Ивану Алексѣевичу, *„съ тѣмъ чтобы онъ изъ нихъ наградилъ его дѣтей по своему усмотрѣнію“*. Вотъ подлинныя слова завѣщанія: „Всѣ сіи выше поименованныя имѣ-„нія мои съ крестьянами и дворовыми обоего пола людьми и со всѣми къ „онымъ принадлежностями, безъ всякаго исключенія, равно и все то, чтò „въ продолженіе жизни моей, по наслѣдству и купчимъ достаться мнѣ „можетъ, отдать по кончинѣ моей *въ родъ брату* моему родному и наслѣд-„нику, отставному гвардіи капитану и кавалеру Ивану Алексѣевичу Яков-„леву. А все движимое мое имѣніе, въ чемъ бы оно ни заключалось, „прошу его же брата моего Ив. Ал. Яковлева принять въ полное свое „распоряженіе и употребить въ пользу воспитанниковъ моихъ: канцеля-„риста Сергѣя, Ивана, Софьи и Натальи Львовыхъ-Львицкихъ“.

Въ той же выноскѣ далѣе говорится: „По свидѣтельству Е. И. Герце-„на, два лучшія родовыя имѣнія: Новоселье съ Уходовымъ и Васильев-„ское съ деревнями Иванъ Алексѣевичъ продалъ; Новоселье съ Уходовымъ „купилъ г. Гурьевъ, сколько помнится за сумму между 500 и 800 тысячь „рубл. ассигн., Васильевское съ деревнями Ив. Ал. продалъ племяннику „своему Николаю Павловичу Голохвастову, какъ онъ выражался, по род-„ству, за 500 тысячь ассигн. Николай Павловичъ уплатилъ дядѣ 390 ты-„сячь, остальныя 110 тыс. отдать былъ не въ состояніи; это послужило „поводомъ къ разрыву его отношеній съ дядей“.

Мнѣ неизвѣстно, за какую сумму Ив. Ал. продалъ Новоселье съ Уходовымъ; но, зная, что вообще цифры сообщаемыя г-жею Пассекъ и г. Герценомъ не отличаются вѣрностью, особливо, когда онѣ опредѣляются такъ широко, какъ напр. отъ 500 до 800 т. р., зная при томъ, что Левъ Алексѣевичъ получилъ это имѣніе по раздѣлу съ братьями менѣе чѣмъ за 115.000, а съ тѣхъ поръ продалъ въ немъ Уходовскій лѣсъ, я позволяю себѣ сомнѣваться, чтобы эта послѣдняя хозяйственная операція могла возвысить стоимость имѣнія въ 4 или 7 разъ. Чтò же касается Васильевскаго съ деревнями, то изъ купчей крѣпости видно, что оно было продано Николаю Павловичу не за 500, а за 250 т. рублей ассигн. и что деньги Иваномъ Алексѣевичемъ были сполна получены. Вотъ какъ имъ подписана купчая: „Къ сей купчей гвардіи отставной капитанъ и кава-„леръ Иванъ Алексѣевъ сынъ Яковлевъ, что я вышеписанное крѣпостное „свое недвижимое имѣніе съ людьми и со крестьянами и со всѣмъ озна-„ченнымъ, кромѣ выговоренныхъ въ сей купчей людей по именамъ и „рекрутской квитанціи продалъ, и денегъ государственными ассигнаціями „двѣсти пятьдесятъ тысячь рублей взялъ и руку приложилъ“.

Въ той же выноскѣ сказано далѣе: „Весь капиталъ, вырученный за „проданныя родовыя имѣнія, Ив. Ал. передалъ, по духовному завѣщанію, „дѣтямъ своимъ и матери Александра Ивановича, да еще Александру Ива-„новичу родовое имѣніе въ 226 душъ въ Ярославской губерніи. *Един-„ственное имѣніе*, оставшееся у Ивана Алексѣевича, подмосковное село „Покровское, онъ назначилъ, по духовному завѣщанію, старшему сыну „сестры своей Дм. Павл. Голохвастову, съ условіемъ, чтобы тотъ выдалъ „значительную сумму Александру Ивановичу и дѣтямъ Льва Алекс. Дмит-„рій Павловичъ, весьма справедливо замѣтивъ дядѣ, что, при условіяхъ, „связанныхъ съ его подаркомъ, ему придется поплатиться собственными „средствами, посовѣтовалъ ему оставить Покровское *законному послѣ не-„го наслѣднику, Алексѣю Александровичу Яковлеву*. Въ послѣдствіи, при по-„средствѣ Александра Ивановича, Дмитрій Павловичъ согласился принять „Покровское. *Законный же наслѣдникъ*, Алексѣй Александровичъ, не полу-„чилъ отъ дяди Ив. Ал. Яковлева никакого наслѣдства“.

Во первыхъ, я долженъ замѣтить, что Иванъ Алексѣевичъ передалъ Александру Ивановичу Герцену не Ярославское, а Костромское имѣніе Чухломскаго уѣзда и не по духовному завѣщанію (чего по закону онъ не имѣлъ права сдѣлать), а при жизни по крѣпостному акту. Во вторыхъ, изъ этихъ словъ видно, что г-жа Пассекъ и Е. И. Герценъ, сообщившій эти свѣдѣнія, считаютъ одного Алексѣя Александровича Яковлева законнымъ наслѣдникомъ Ивана Алексѣевича и приписываютъ тоже мнѣніе моему отцу, который будто бы совѣтовалъ дядѣ оставить Покровское *законному послѣ него наслѣднику Ал. Ал. Яковлеву*, признавая такимъ образомъ себя самого *незаконнымъ;* но этого не могло быть. По закону мой отецъ былъ такой же законный наслѣдникъ Ивана Алекс., какъ и Алексѣй Александр. и въ той же степени родства, т. е. родной племянникъ. Когда родовое недвижимое имѣніе переходитъ по наслѣдству въ прямой линіи, т. е. дѣтямъ, внучатамъ и т. д., то каждый изъ нихъ долженъ получить такую часть, какая опредѣлена закономъ; но когда, какъ въ этомъ случаѣ, за отсутствіемъ прямаго потомства, родовое и имѣніе поступаетъ въ боковую линію, т. е. братьямъ, племянникамъ и т. д., то наслѣдодатель имѣетъ право избрать изъ своихъ наслѣдниковъ одного и оставить ему бо̀льшую часть или даже все свое имѣніе. Такъ Иванъ Алексѣевичъ и сдѣлалъ: онъ избралъ моего отца и оставилъ ему всѣ свои имѣнія, кромѣ разумѣется тѣхъ, которыя были уже проданы и которыми онъ распоряжаться не могъ. Ежели бы мой отецъ не былъ законнымъ наслѣдникомъ Ивана Алексѣевича, то не могъ бы получить по духовному завѣщанію ни одного родоваго имѣнія, а слѣдовательно и села Покровскаго; такъ напр. Иванъ Алекс. желалъ оставить свое родовое Керенское имѣніе Софьѣ Львовнѣ Полѣновой, но передать ей его при жизни не хотѣлъ, а оставить по духовному завѣщанію не имѣлъ права, потому что она не была его законной наслѣдницей, а потому онъ и это имѣніе оставилъ моему отцу, но приложилъ въ особомъ конвертѣ письмо на его имя слѣдующаго содержанія:

„Любезный мой племянникъ Дмитрій Павловичь!

„По болѣзненному состоянію моему не могу я сдѣлать нѣкоторыхъ распоряженій, а между тѣмъ желаю, чтобы оныя были непремѣнно исполнены. Въ числѣ таковыхъ распоряженій одно состоитъ въ слѣдующемъ: недвижимое мое имѣніе Пензенской губерніи, Керенскаго уѣзда, въ селѣ Архангельскомъ, Дубасово тожъ, по увольненіи изъ онаго вѣчно на волю дворовыхъ людей, находящихся при мнѣ въ услуженіи, передать по крѣпостному акту въ потомственное владѣніе полковницѣ Софьѣ Полѣновой, со всѣми принадлежащими къ оному землями и угодьями, безъ всякаго исключенія, кромѣ выше помянутыхъ дворовыхъ людей. А какъ всѣ недвижимыя мои имѣнія, по духовному моему завѣщанію, должны поступить по смерти моей въ твое владѣніе, то я покорно тебя и прошу исполнить тогда означенное мое желаніе и именно: по отпускѣ изъ показаннаго села Дубасова дворовыхъ людей на волю, передать оное по крѣпостному акту г-жѣ Полѣновой“

„Дядя твой, душевно тебя любящій Иванъ Яковлевъ“.

„Мая дня 1845 года“.

Кромѣ этого Пензенскаго имѣнія, которое мой отецъ какъ только получилъ и отпустилъ на волю дворовыхъ, такъ и передалъ г-жѣ Полѣновой,—онъ получилъ по духовному завѣщанію Ив. Алексѣича, еще пять имѣній, а именно: Московск. губ. Звенигор. уѣзда сел. Покровское съ дер. и Костромской губ. и уѣзда сельцо Чернопенье съ деревнями. Эти два имѣнія, по кончинѣ моего отца, достались между прочимъ моей матери на

ея вдовью часть, и оба были ею проданы. За тѣмъ Тверской губ. Корчевскаго уѣзда сельцо Клоково съ дер. и Ярославской губ. Романовскаго уѣзда сельцо Глѣбовское *) съ дер.; эти два имѣнія достались моей сестрѣ и принадлежатъ ей и въ настоящее время, и наконецъ Владимірской губ. и уѣзда сельцо Кайсарово съ дер., которое мой отецъ подарилъ въ 1848 году своей племянницѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Шатиловой, когда она выходила за мужъ и которое принадлежитъ ей и теперь. Съ этимъ наслѣдствомъ были связаны слѣд. обязательства: выплатить Ал. Ив. Герцену 200 т. р. асс., внести для приращенія изъ процентовъ 20 т. р. асс. на постройку каменной церкви въ селѣ Покровскомъ-Засѣкинѣ и отпустить на волю дворовыхъ и въ с. Покровскомъ семейство крестьянъ Серебряковыхъ. Считаю излишнимъ говорить, что все это было немедленно исполнено.

Село Рубцово-Покровское
22 Апрѣля 1876 г.

Дмитрій Голохвастовъ.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА.

22 Августа 1829 г. Тифлисскій военный губернаторъ С. С. Стрекаловъ писалъ Московскому военному генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну, что „извѣстный поэтъ, отставной чиновникъ 10-го класса Александръ Пушкинъ отправился по дѣламъ изъ Тифлиса въ Москву“. Имѣя въ виду высочайшее повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства, Тифлисскій военный губернаторъ счелъ нужнымъ увѣдомить Московскаго военнаго генералъ-губернатора объ отъѣздѣ Пушкина изъ Тифлиса.

Вслѣдствіе такаго увѣдомленія, Московскій военный генералъ-губернаторъ немедленно предписалъ Московскому оберъ-полицеймейстеру „имѣть подъ секретнымъ надзоромъ полиціи означеннаго чиновника 10-го класса Александра Пушкина“.

Тогдашній Московскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ-маіоръ А. С. Шульгинъ, донося Московскому военному генералъ-губернатору о выѣздѣ (12 Октября 1829 г.) Пушкина изъ Москвы въ Петербургъ, писалъ, что по надзору полиціи въ поведеніи Пушкина ничего предосудительнаго не замѣчено и что объ учрежденіи за нимъ надзора онъ сообщилъ исправляющему должность Петербургскому оберъ-полицеймейстера полковнику Дершау. 13 Марта 1830 г. Пушкинъ возвратился изъ Петербурга въ Москву и остановился Тверской части въ домѣ Черткова, въ гостинницѣ Коппа (нынѣшнемъ домѣ г. Обидина, въ Глинищенскомъ переулкѣ, между Тверскою и Большою Дмитровкою). Въ поведеніи его опять ничего предосудительнаго замѣчено не было, а 16 Іюля 1830 онъ опять выѣхалъ въ Петербургъ, откуда возвратился 9 Декабря 1830 г., останавливался Тверской части, въ гостинницѣ Англія, а 16 Октября

---

*) Въ этомъ имѣніи Иванъ Алексѣевичъ провелъ зиму съ 1812 на 1813 годъ.

1832 г. снова выѣхалъ въ Петербургъ. 19 Апрѣля 1833 г. С. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ просилъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора увѣдомить его, по какому случаю признано нужнымъ имѣть г-на Пушкина подъ надзоромъ полиціи. На это Московскій военный генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что свѣдѣній о томъ, по какому случаю признано нужнымъ имѣть Пушкина подъ надзоромъ полиціи, у него не имѣется.

АРЕСТЪ И ССЫЛКА

ПОРУЧИКА БОГДАНОВА (МОЛОКАНИНА).

Въ 1833-году, въ Тамбовѣ [1]) проживалъ отставной поручикъ Богдановъ. Онъ жилъ довольно скромно: имѣлъ собственный домъ, акуратно являлся въ казначейство за пенсіей, получаемой имъ за раны и службу, и почти ни съ кѣмъ изъ лицъ Тамбовской администраціи знакомъ не былъ. Единственными гостями Богданова и его собесѣдниками было нѣсколько лицъ изъ богатаго Тамбовскаго купечества, которыхъ знали въ городѣ за Молоканъ. О проживаніи Богданова въ Тамбовѣ едва ли даже было извѣстно мѣстной служебной аристократіи: такъ тихо и скромно жилъ этотъ израненный, отставной поручикъ. Но вотъ, однажды, прямо къ дому Тамбовскаго губернатора Степана Ѳедоровича Паскевича [2]), подъѣхалъ фельдъегерь и вручилъ ему предписаніе изъ Петербурга о немедленномъ арестованіи отставнаго поручика Богданова и объ опечатаніи всѣхъ книгъ, бумагъ и переписки, которыя найдутся въ квартирѣ этого поручика. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предписаніе вмѣняло губернатору въ обязанность, тотчасъ же по арестованіи Богданова, отправить его, какъ „упорнаго сектанта-Молоканина", къ Тамбовскому епископу Арсенію—для надлежащаго увѣщанія; и буде онъ, Богдановъ, внявъ увѣщанію епископа, отречется отъ своей ереси, принеся чистосердечное раскаяніе, дастъ подписку прервать всякія сношенія съ Тамбовскими Молоканами и, такимъ образомъ, вернется вновь въ лоно православной церкви, то оставить его, Богданова, въ Тамбовѣ, подвергнувъ строжайшему надзору полиціи; если же онъ не принесетъ надлежащаго раскаянія въ своей ереси и не дастъ требуемой отъ него подписки, то отправить его немедленно, съ жандармами, въ Валаамскій монастырь; бумаги же его и переписку выслать съ этимъ же фельдъегеремъ съ Петербургъ.

По полученіи таковаго предписанія, губернаторъ Паскевичъ тотчасъ отправилъ жандармскаго офицера и квартальнаго надзирателя къ Богда-

---

[1]) Секта Татариновой, покровительствуемая императоромъ Александромъ Павловичемъ и видавшая въ своихъ собраніяхъ первыхъ правительственныхъ лицъ, ободрила и породила, какъ извѣстно, много разныхъ другихъ ученій. Принадлежать къ какой нибудь сектѣ или тайному обществу было нѣкоторое время почти модою, а моды, забываемыя въ столицахъ, еще долго продолжаютъ имѣть послѣдователей въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. *П. Б.*

[2]) Родной братъ князя И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго; онъ смѣнилъ въ Тамбовѣ губернатора д. с. с. Миронова, о которомъ я говорилъ въ моей статьѣ „Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году" („Вѣстникъ Европы", Сентябрь 1875 г.). И. Я.

нову для приведенія въ исполненіе всего того, что̀ предписывалось изъ Петербурга. Когда жандармскій офицеръ постучался въ квартиру Богданова, то двери отворилъ самъ Богдановъ, одѣтый совершенно по дорожному и встрѣтилъ гостей слѣдующею фразой: „Я совершенно готовъ; можете взять меня"... На вопросъ жандармскаго офицера, кто̀ предварилъ его объ арестѣ, Богдановъ не далъ никакого отвѣта, и затѣмъ совершенно спокойно и невозмутимо присутствовалъ при обыскѣ у него въ домѣ и опечатаніи бумагъ и также спокойно далъ арестовать себя. Его усадили въ карету съ опущенными сторами и привезли въ Казанскій монастырь, на архіерейское подворье, къ епископу Арсенію [3]). Епископъ, предваренный губернаторомъ, тотчасъ же принялъ Богданова въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ благословить его. Богдановъ отказался принять это благословеніе, и на вопросъ епископа: „почему не пріемлешь?" отвѣчалъ въ довольно рѣзкой, хотя и вѣжливой формѣ, что благословенія крестомъ не пріемлетъ потому, что не придаетъ собственно *кресту* никакого символическаго значенія святости.

— Но вѣдь на крестѣ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, замѣтилъ архіерей: Ты въ него вѣруешь ли?

— Въ Господа нашего Іисуса Христа вѣрую, но не могу покланяться *кресту*— орудію казни Его. Если покланяться кресту, то также надо покланяться и *копію*, которымъ было прободено ребро Его....

— А почему ты не посѣщаешь храмъ Господень? спросилъ его архіерей.

— Потому, отвѣчалъ Богдановъ, что надо молиться не явно, а тайно: „Внииди въ клѣть и затвори оную", сказано въ Евангеліи отъ Матѳея....

Епископъ старался разсѣять сектаторскіе взгляды и толкованія Богданова и объяснялъ ему, ка̀къ толкуетъ и понимаетъ этъ изрѣченія православно-каѳолическая церковь. Но Богдановъ ни въ чемъ не могъ согласиться съ епископомъ и, наконецъ, отнесся, съ точки зрѣнія *„духовныхъ христіанъ"*— т. е. Молоканъ, къ личности и положенію въ церкви самого епископа, бесѣдовавшаго съ нимъ.

— Ваше преосвященство ѣздите въ каретахъ, цугомъ, говорилъ Богдановъ епископу:—а Апостолы, которыхъ вы мните представлять на землѣ, въ каретахъ не ѣздили, а смиренно обходили міръ пѣшкомъ. Вы сидите во храмѣ; головы ваши покрыты камилавками и драгоцѣнными митрами: алмазы и изумруды сіяютъ на вашихъ головахъ. Этихъ драгоцѣнныхъ камней было бы достаточно для прокормленія цѣлаго города, въ голодный годъ. Патріархъ вашъ Никонъ сшилъ себѣ ризу и написалъ на ней, жемчугомъ, „Вѣрую"... Риза эта не имѣетъ, говорятъ, цѣны"....

Епископъ Арсеній, не пожелавъ долѣе слушать превратныхъ заключеній Богданова, всталъ съ мѣста и удалился во внутренніе покои. Богданова увели изъ архіерейскаго дома, отвезли въ острогъ и въ слѣдующую же ночь усадили въ кибитку и помчали въ Валаамъ...

Въ Валаамскомъ монастырѣ съ Богдановымъ обходились чрезвычайно сурово: на него возложили нѣкоторыя тяжелыя физическія работы и силою заставляли ходить въ церковь, на всѣ богослуженія. Всѣ тяжкія работы Богдановъ исполнялъ безропотно и съ истиннымъ смиреніемъ „духовнаго христіанина"; но ходить въ церковь отказался рѣшительно, такъ что, по приказанію игумена, монахи всякій разъ тащили его въ церковь силою; въ самой церкви, тоже, приходилось удерживать Богданова насильно, что̀, конечно, порождало въ храмѣ скандалъ и служило великимъ

[3]) Недавно почившему митрополиту Кіевскому.

соблазномъ для постороннихъ молящихся, особенно для мірянъ. Въ этомъ смыслѣ, Валаамскій игуменъ и сдѣлалъ надлежащее донесеніе мѣстному архіерею, который, въ свою очередь, сообщилъ объ этомъ въ Синодъ. Вслѣдствіе этого, изъ Петербурга пришло новое распоряженіе относительно Богданова: предписано было отправить его въ одинъ изъ глухихъ и бѣдныхъ монастырей Костромской губерніи, гдѣ и содержать съ таковою же строгостью, какъ въ Валаамѣ.

Привезли Богданова въ глухой монастырь Костромской губерніи, заставили работать — колоть дрова и топить печи, и предложили ходить въ церковь. Но, по прежнему, Богдановъ, безропотно исполняя всѣ монастырскія работы, въ церковь ходить отказывался. На его счастье, игуменомъ Костромскаго монастыря былъ человѣкъ умный и добрый. Видя упорство Богданова и его отвращеніе отъ церкви, онъ призвалъ его къ себѣ и сталъ кротко и съ любовію уговаривать его.

— Я долженъ доносить о тебѣ въ Консисторію ежемѣсячно, говорилъ игуменъ, и долженъ буду донести, что ты упорствуешь—не ходишь въ церковь.

— Я буду дѣлать все, что вамъ угодно, отвѣчалъ Богдановъ, но въ церковь вашу ходить не могу; такъ и донесите обо мнѣ. Я не могу молиться на ваши образа̀.

— Но вѣдь дѣлу легко помочь, замѣтилъ на это игуменъ. Я отъ тебя и не требую, чтобы ты *молился въ церкви*; я прошу тебя только *ходить въ нее*: ты стань въ церкви у окна и, если пожелаешь, молись Богу, глядя на небо....

Эта мысль поразила Богданова... Онъ тотчасъ же изъявилъ согласіе на предложеніе игумена и, затѣмъ, сталъ ежедневно посѣщать монастырскій храмъ; становясь у окна, онъ усердно молился, глядя вверхъ, на небо... [4]).

Добрый игуменъ былъ чрезвычайно доволенъ поведеніемъ Богданова и тотчасъ же донесъ въ Костромскую Консисторію объ обращеніи въ лоно православной церкви Молоканина Богданова.

Консисторія сообщила, конечно, донесеніе игумена въ Петербургъ и, черезъ два мѣсяца, поручикъ Богдановъ былъ освобожденъ изъ ссылки и отправленъ на прежнее мѣстожительство, въ Тамбовъ, гдѣ и поселился

---

[4]) Здѣсь, кстати, я позволю себѣ привести разсказъ, слышанный мною, въ 1869 году, въ г. М-евѣ, отъ архіепископа Е-ія. „Однажды—говорилъ архіепископъ — во время моего служенія въ Восточной Сибири, проѣзжая по долинѣ рѣки Иркута, мнѣ довелось остановиться на ночлегъ въ Бурятской юртѣ. Въ самомъ верху юрты было открыто небольшое отверстіе для свободнаго выхода дыма отъ очага, разложеннаго, по обыкновенію, въ юртѣ же. Отходя ко сну и желая сотворить молитву, я подошелъ къ отверстію юрты, и по неимѣнію иконъ съ собою, сталъ молиться вверхъ, на ясное небо, усѣянное звѣздами. Когда я окончилъ молитву и взглянулъ на Бурятъ, бывшихъ въ юртѣ, то увидѣлъ, что всѣ они смотрятъ на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, ко мнѣ подошелъ одинъ старикъ и, положивъ руку на мое плечо, спросилъ меня: „Кому ты молился?“— Богу, отвѣчалъ я. — „Да, это такъ, сказалъ онъ; но ты молился *нашему* Богу. Когда мы уходимъ съ нашихъ зимовокъ, то въ кочёвья не беремъ съ собою нашихъ боговъ (идоловъ) и молимся очень часто, особенно вдали отъ юртъ, на охотѣ, тому же Богу, Которому сейчасъ молился и ты“. — Богъ единъ, отвѣчалъ преосвященный: и *мой* Богъ есть *вашъ* Богъ; оттого вы и я молимся единому Богу, Который живетъ на небесахъ.—Послѣ этого, Буряты пожелали узнать подробности (догматы) религіи своего высокаго гостя и, выслушавъ краснорѣчиваго миссіонера, тотчасъ же, въ составѣ всего улуса, изъявили желаніе присоединиться къ нашей православной церкви. И. Я.

по прежнему въ своемъ домѣ. Ему, какъ заслуженному и израненному воину, была выдана даже причитающаяся пенсія за время ссылки, т. е. за все время проживанія его въ Валаамѣ и Костромской губерніи. Эту пенсію онъ получалъ и по смерть, которая, впрочемъ, не замедлила придти къ старику, страдавшему отъ ранъ и окончательно надломленному въ своемъ здоровьѣ ссылкою и тяжкими монастырскими работами. Въ 1835-мъ году, осенью, „духовный христіянинъ“ Богдановъ скончался и былъ похороненъ своими племянниками на кладбищѣ Петра и Павла, находящемся за Астраханскою заставою г. Тамбова.

Позволимъ себѣ, въ заключеніе нашего изложенія, сказать нѣсколько общихъ словъ о „духовныхъ христіянахъ“ или *Молоканахъ*, какъ ихъ принято называть.

Въ Тамбовѣ—гдѣ прошли мое дѣтство и юность,—въ домѣ моего отца, я встрѣчалъ очень многихъ почтенныхъ лицъ изъ Тамбовскаго купечества, о которыхъ было извѣстно, что они *Молокане*. Самыя добрыя, свѣтлыя и симпатичныя воспоминанія остались во мнѣ объ этихъ лицахъ. Отличительными чертами этихъ „духовныхъ христіянъ“ могутъ быть названы: высокая нравственная чистота ихъ семейной жизни, при совершенно равноправномъ положеніи въ семьѣ мужа и жены. „Жена — не волъ яремный, говоритъ ихъ вѣроученіе; она намъ другъ и помощница, подпора и сотоварищъ въ сей юдоли земной“. Жены „духовныхъ христіянъ“ повинуются своимъ мужьямъ не ради страха Іудейска, а лишь по силѣ любви: ибо, говорятъ Молокане, „нѣсть спасенія въ повиновеніи силѣ“. Таже чистота отличаетъ и ихъ домашнюю жизнь: только въ Нѣмецкихъ колоніяхъ Николаевскаго уѣзда Херсонской губерніи мнѣ доводилось встрѣчать ту безукоризненную чистоту, или скорѣе чистоплотность въ домашнемъ быту, которую можно встрѣтить въ домѣ каждаго Молоканина, даже самаго небогатаго. Положительно, бѣдныхъ между ними нѣтъ, такъ-какъ они незнакомы ни съ развратомъ, ни съ виномъ, губящими и разоряющими наши крестьянскія семьи. Въ костюмахъ ихъ женщинъ преобладаетъ строгій пуризмъ: бѣлый платокъ на головѣ и темнаго цвѣта платье — обыкновенный костюмъ всѣхъ Молоканокъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ.

Въ 1863 году, весною, въ пріѣздъ въ Москву славнаго трагика Айръ-Ольриджа, я отправился однажды въ тамошнюю Реформатскую церковь: мнѣ сообщили, что въ церкви будетъ Ольриджъ, и мнѣ захотѣлось видѣть вблизи человѣка, доставлявшаго мнѣ такъ много сладостныхъ страданій и высокихъ наслажденій своею игрою. Это было въ Воскресенье. Войдя въ церковь и усѣвшись на скамью, я тотчасъ же узналъ впереди себя курчавую голову и широкія плечи Ольриджа. Я сталъ внимательно разсматривать его, на сколько, конечно, это было возможно, чтобы не быть самому замѣченнымъ. Оглянувшись, затѣмъ, на остальную присутствующую публику, я, къ удивленію своему, узналъ нѣсколькихъ Молоканъ, Тамбовскихъ купцовъ, знакомыхъ моего отца; очевидно, они были здѣсь не за тѣмъ, зачѣмъ былъ я: не ради Ольриджа, а ради молитвы. Когда окончилось служеніе, я подошелъ къ нимъ и узналъ въ разговорѣ, что они, бывая по своимъ торговымъ дѣламъ въ Москвѣ, приходятъ каждое Воскресенье въ эту церковь молиться... Такимъ образомъ, Савонарола и его ученіе, положившее, въ началѣ XVI-го вѣка, во Флоренціи, основаніе реформатскому движенію, имѣютъ у насъ въ Россіи, въ средѣ „духовныхъ христіянъ“, весьма усердныхъ послѣдователей.

(Извлечено изъ подлинныхъ дѣлъ). *Иванъ Якунинъ.*

Патьдесять писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины ІІ-й. Записки *князя Θедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Θедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Θ. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. П. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Θ. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ съ предисл. *Н. А. Елагина.* — Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго.*—Неизданные стихи *Θ. И. Тютчева.*—Еще стихи *Θ. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Аксакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается исключительно въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. **7.**

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на оборотѣ, о Русскомъ Архивѣ прежнихъ годовъ).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча.—Записки графа І. И. Ростовцева.— Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЮ.

Въ видy тѣхъ событій, которыя нынѣ происходятъ въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи, нижеслѣдующія бумаги, извлеченныя изъ подлинныхъ дѣлъ, должны обратить на себя вниманіе просвѣщенныхъ любителей историческаго чтенія. Наши отношенія къ Черногорцамъ, со временъ Петра I до Екатерины II-й, были для послѣднихъ на столько благопріятны, что знаменитая Черная Гора желала даже Русскаго подданства. Правительство наше нашло это неудобнымъ по отдаленности земли Черногорской. Екатерина II отнеслась къ народу Черногорскому менѣе благосклонно потому, что Черногорцы приняли у себя и оказывали приверженность одному злонамѣренному проходимцу, дѣйствовавшему подъ именемъ Петра Третьяго. Государыня такъ прогнѣвалась, что не приняла ни прошеній Черногорскаго народа, ни самихъ Черногорскихъ посланцевъ, пріѣзжавшихъ нарочно въ Петербургъ. Они обратились къ ходатайству князя Потемкина и впослѣдствіи, благодаря вліянію князя Потемкина и другихъ лицъ, сочувствовавшихъ Черногорцамъ и вообще Славянскимъ единовѣрнымъ племенамъ, сношенія наши съ Черногоріею и православными племенами, страдающими подъ Турецкимъ игомъ, значительно улучшились. И въ настоящее время, въ вѣковой борьбѣ Христіанъ съ Магометанами, Россія болѣе всѣхъ Европейскихъ державъ принимаетъ нравственнаго участія.

Григорій Александровъ.

29 Марта 1876 г.
Москва.

I.

Просьба Черногорцевъ къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Августѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня.

Черногорскій народъ, чрезъ отправленныхъ къ высочайшему в. и. в. двору начальника и губернатора своего Ивана Радонича, сердаря Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича, въ лицѣ всего народа, падаетъ къ стопамъ в. и. в-а, яко препрославленной въ свѣтѣ великой Государынѣ, правосудной Монархинѣ, и всеподданнѣйше проситъ в. и. в. матерняго милосердія и высокомонаршаго покровительства, и о невинности своей, какъ ниже слѣдуетъ, доноситъ.

Дѣдъ в. и. в., блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ Петръ Великій, въ 1711 году, удостоилъ нашъ народъ высокомонаршими своими грамотами, приглашая оными, по случаю бывшей тогда съ Турками войны, взять оружіе и обще дѣйствовать противъ общаго врага вѣры Христіанской и Россійской имперіи; и отцы наши, по еди-

новѣрію, и язычію, и усердію къ Россійскому благочестивому престолу, таковыя грамоты отъ толь великаго во царѣхъ государя съ неописанною радостію приняли и оружіемъ своимъ противъ того непріятеля воевали.

По заключеніи же мира подъ Прутомъ, въ 1712 году, Отоманская Порта отправила тогда противъ нашего отечества сильное войско, для конечнаго разоренія и истребленія онаго, въ чемъ ей вѣроломнымъ образомъ и удалось святыя церкви, монастыри и домы наши пожечь, разорить и множество народа порубить и въ плѣнъ увесть. Турки жъ, потомъ, и въ прошлыхъ 1714, 1715, 1716, 1727, 1731, 1739 и 1768 годахъ, хотя и неоднократно со многочисленными войсками приходили и старались всякими способами лишить насъ вольности и привесть въ подданство; однако, помощію Божіею, всегда разбиты на голову и со стыдомъ отъ нашихъ границъ прогнаны были. О чемъ свидѣтельствуетъ великій монархъ жалованною намъ, въ 1715 году, грамотою.

Изъ вышеизложеннаго довольно явствуетъ, что нашъ народъ отъ толь давнихъ временъ и понынѣ претерпѣваетъ толикія бѣдствія и гоненія единственно за нашу преданность и непоколебимую къ Россійскому в. и. в. престолу вѣрность не отъ однихъ Турокъ, но и отъ прочихъ ненавистниковъ и недоброжелателей Россіи.

Напослѣдокъ, когда Отоманская Порта, въ 1768 году, неправедную войну в-му и-му в-ву объявила, и въ то время увѣдомились мы, что в-го и-го в-ва уполномоченный генералъ графъ Орловъ въ Венецію прибылъ и оттуда въ Тоскану, откуда нарочнаго прислалъ къ намъ капитана Пламенца со вторымъ извѣстіемъ о семъ важномъ случаѣ. Мы же, по всегдашнему усердію и вѣрности къ в-му и-му в-ву, вышеозначеннаго графа Орлова не умедлили, чрезъ того же капитана Пламенца, о нашемъ истинномъ усердіи, ревности, состояніи и возможности подробно обо всемъ письменно увѣдомить, что съ нашей стороны, при помощи императорской, учинена быть можетъ такая диверсія, которою войска Бошняцкое, Герцеговатское и Албанское удержатся, чтобъ противъ главной в-го и-го в-ва арміи не могли дѣйствовать.

И по сему представленію, въ 1769 году, Августа мѣсяца, прибылъ къ намъ съ грамотою в-го и-го в-ва генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ, который принятъ отъ насъ съ неописанною радостію и возможною честію. И по прочтеніи грамоты, въ тожъ время весь народъ въ вѣрности в-му и-му в-ву съ великою радостію торжественно присягнулъ и означенному князю Долгорукову, яко особѣ отъ в-го и-го в-ства присланной, главную команду поручилъ, съ такою надеждою, что подъ покровительствомъ благополучнаго царствованія в-го и-го в-ва избавимся отъ всегдашнихъ Турецкихъ нападеніевъ; и что отъ онаго варвара наши земли и города, неправедно похищенные, паки отберутся и во владѣніе намъ возвратятся.

Но уповаемая наша радость и надежда вдругъ исчезла и обратилась въ неожидаемую нашу печаль: ибо, по прошествіи болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Черной Горѣ князя Долгорукова пребыванія, невѣдомо для какой причины такимъ образомъ, къ немалому нашему удивленію и прискорбію, отъ насъ ретировался; и по пріѣздѣ его въ Пизу, увѣдомились мы, что оной князь Долгоруковъ у генерала графа Орлова насъ оклеветалъ, якобы Черногорцы измѣнили и что хотѣли его Туркамъ выдать,—въ нашемъ отечествѣ неслыханный поступокъ, варварамъ однимъ только приличный, а не Христіанамъ, чего мы никакъ не надѣялись, чтобъ онъ, князь, за всѣ оказанныя ему отъ народа возможныя почести и благопріятства такъ могъ насъ обезславить и ложно обнесть. О чемъ хотя отъ насъ и неодно-

кратно къ его сіятельству графу Орлову нарочные съ нашимъ оправданіемъ посыланы были, что мы въ такомъ вѣроломномъ князя Долгорукова выдуманномъ дѣлѣ нималѣйшаго участія не имѣемъ; токмо безо всякаго удовольствія, съ однѣми обѣщаніями, остались. И еще, къ вящшему же несчастію нашему, не приняли мы предложеннаго намъ тогда отъ Турокъ весьма для насъ авантажнаго мира, полагаясь на обѣщаніяхъ и увѣреніяхъ часто упоминаемаго графа Орлова, яко особы уполномоченной отъ в-го и-го в-ва, съ тѣмъ, что и объ насъ статьи, при заключеніи съ Портою мира, съ большими выгодами, въ мирной трактатъ внесутся. Почему и начали на непріятельскія Турецкія области нападать и военною рукою дѣйствовать, и сдѣлали такую диверсію, что по большой части всѣ войска Бошняцкія, Герцеговатскія и Албанскія удержали и противъ себя обратили, не смотря на то, что отъ Порты къ нимъ, для походу и соединенія верховнаго визиря съ главною арміею, многіе фирманы посыланы были. Однако они противъ главной арміи в-го и-го в-ва не пошли, отговариваясь тѣмъ, что-де у насъ непріятель при дверяхъ стоитъ, чѣмъ и доказывается, что мы не такіе вѣроломцы и измѣнники, какъ насъ в-му и-му в-ву описали, о чемъ всей Европѣ небезъизвѣстно и что́ самъ князь Долгоруковъ и прочіе бывшіе съ нимъ могутъ засвидѣтельствовать.

Того ради къ стопамъ вашего императорскаго величества, яко правосудной Монархинѣ и всемилостивѣйшей матери, припадаемъ и раболѣпно просимъ, за службу и вѣрность нашу и предковъ нашихъ, не оставить насъ на жертву и поруганіе врагамъ нашимъ, и сіе наше приложенное, по секрету, рабское, всенижайшее изъясненіе принять и по оному на насъ бѣдныхъ и вашего императорскаго величества вѣрныхъ рабовъ высокомонаршія щедроты и милость изліяти.

Вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшіе рабы

Подлинное прошеніе подписали:

Иванъ Родоничъ, Черногорскій губернаторъ; Иванъ Петровичъ, Черногорскій сердарь, Петръ Петровичъ, архимандритъ Черногорскій.

Іюля 28
1778.

II.

Изъясненіе, на высочайшую ея императорскаго величества апробацію, отъ отправленныхъ отъ Черногорскаго народа начальника губернатора Ивана Родонича, сердаря Ивана Петровича и архимандрита Петра Петровича.

1-е) Живущій нынѣ подъ владѣніемъ Цесарскимъ, Турецкимъ и Венеціанскимъ Славеносербскій народъ суть точные потомки вышедшаго изъ Сѣвера государя Всевлада, со многочисленнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ трехъ его сыновей: Тотія, Бруса и Остроила. По завоеваніи древняго Илирика, въ 495 году по Рождествѣ Христовѣ, основалъ царство Славено-Сербское, стоящее 876 лѣтъ. И по завоеваніи Турками Греческой имперіи и по смерти славнаго въ исторіи Георгія Скендерберга, по несчастію, пришло подъ иго Турецкое, Цесарское и Венеціанское, кромѣ Черной Горы, которая 317 лѣтъ какъ отъ Турокъ, такъ и отъ прочихъ непріятелей вольность свою и понынѣ храбро защищаетъ.

2-е) Народъ Славеносербскій, живущій подъ владѣніемъ Цесарскимъ и Венеціанскимъ, прикрывающій границы ихъ отъ Турокъ, состоитъ по

бо́льшей части изъ регулярнаго войска, коего болѣе 200.000 наберется, ежели только по одному человѣку съ каждаго двора взять, которой, на прежде бывшихъ у цесаря съ Турками и прочими Европейскими державами войнахъ, своею храбростію, вѣрностію и отмѣнными заслугами довольно прославился, о чемъ всей Европѣ извѣстно.

3-е) Будучи нашъ народъ, находящійся подъ разными державами, немало огорченъ ихъ поступками, весьма нужно для Россійскаго интереса, имѣть въ нашихъ странахъ сильную партію, которая бы во всякое время (могла) дѣлать знатную диверсію и какъ Турецкіе, такъ и другихъ недоброжелательныхъ и завистливыхъ дворовъ противные Россійскому интересу замыслы и предпріятія опровергнуть могла.

4-е) Но какъ всѣ вышепомянутые народы съ Черною Горою сухимъ путемъ и Адріатическимъ моремъ комуникацію имѣть могутъ, то безо всякаго сумнѣнія, въ случаѣ войны съ Турками, обще съ Черногорцами, коихъ болѣе 60.000 человѣкъ, для своего избавленія согласились оружіе воспріять и противъ непріятелей Россіи дѣйствовать не отреклись, которые изъ давнихъ лѣтъ желаютъ изъ-подъ ига Турецкаго избавиться и прежнюю свою вольность и предковъ своихъ похищенныя земли получить, что́ и въ послѣднюю войну видимо было.

5-е) Но сего великаго дѣла, какъ для Россійскаго интереса весьма нужнаго, такъ и для избавленія толикаго множества единовѣрнаго Христіанскаго народа изъ-подъ ига варварскаго, готоваго во всякое время изъ усердія и ревности для в-го и-го в-ва и Всероссійскаго престола кровь свою проливать, безъ помощи Великія Екатерины, также и для утвержденія ихъ вольности въ иномъ мѣстѣ, начать и въ дѣйство способнѣе произвесть не можно, кромѣ Черной Горы, яко для сего предпріятія мѣста весьма способнаго и безопаснаго, которая отъ натуры укрѣплена и съ вышепомянутыми народами водою и сухимъ путемъ можетъ имѣть комуникацію, какъ выше помянуто, о чемъ небезъизвѣстно.

6-е) Уже 317 лѣтъ минуло, какъ Славеносербской и Греческой народы, по разрушеніи ихъ государствъ, Туркамъ и папежцамъ въ тяжкую неволю и рабство пришли, отъ которыхъ несносныя разоренія, гоненія и притѣсненія, въ отправленіи по нашему закону службы Божіей препятствія и иныя несказанныя озлобленія и понынѣ претерпѣваетъ; отъ чего народъ, духовенство и всѣ знатныя племена въ крайнее невѣжество и сожалѣнія достойное убожество пришли. И по прошествіи столь многихъ лѣтъ, ниже кто помышлялъ о избавленіи сего народа даже до временъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго, который довольно предвидѣлъ, какая важность и польза Россіи отъ того впредь быть можетъ, когда Славяносербскому народу прежняя вольность и похищенныя ихъ наслѣдственныя земли отъ Турковъ отберутся.

7-е) Для сего важнаго предмета выбрана была отъ сего великаго монарха Черная Гора, яко мѣсто для исполненія его намѣренія весьма способное, въ чемъ ему блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыня императрица Елисавета Петровна послѣдовала и высочайше указать соизволила, въ 1757 году, учредить комисію и способныхъ людей послать въ Черную Гору, для учрежденія тамъ правительства, разныхъ нужныхъ училищъ и регулярныхъ полковъ, также типографіи, литейнаго и монетнаго дворовъ. На содержаніе тамъ людямъ учителей и на прочія надобности опредѣлена была ежегодно сумма, состоящая въ 150.000 рублей, впредь до разсмотрѣнія. Но по воли Божіей и великому всего нашего народа несчастію, сіе важное и Богу угодное дѣло въ дѣйствіе произвесть смерть ей воспрепятствовала.

8-е) Напослѣдокъ, всемогущій и милосердный Богъ, призря на наше бѣдственное состояніе, вознесъ на императорскій Всероссійскій престолъ великую въ свѣтѣ Монархиню и предоставилъ вашему императорскому величеству могущею десницею изъ челюстей варварскихъ неправедно похищенное и растерзанное Турками и папежцами царство Сербское исторгнуть и толикое множество единовѣрнаго и единоязычнаго народа Христіанскаго изъ подъ ига вѣроломныхъ Агарянъ освободить и оному наслѣдственныя предковъ ихъ земли и вольность возвратить. И такимъ образомъ, когда вашего императорскаго величества высочайшее благоволѣніе будетъ, какъ въ вышеописанныхъ пунктахъ гласитъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго и государыни императрицы Елисаветы Петровны намѣреніе ихъ въ дѣйствіе произвесть, тогда-то, подъ высочайшимъ вашего императорскаго величества покровительствомъ, падшее Сербское царство вновь утвердится, и Россія, и безъ того довольно прославленная, враговъ своихъ въ должномъ респектѣ содержать будетъ.

За что мы и потомки наши, вѣрные и всеподданнѣйшіе рабы, съ благодареніемъ всевышнему Творцу о дражайшемъ вашего императорскаго величества многолѣтнемъ здравіи и императорской фамиліи, со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ, наполненнымъ радости и веселія, теплыя молитвы приносить будемъ, прославляюще и возвѣщающе всѣмъ народамъ блаженство и избавленіе наше въ нынѣшніе и впредъ будущіе вѣки вѣковъ.

III.

Общественный приговоръ Черногорскаго народа.

Во славу Святой и нераздѣльной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Мы, общество Черногорское, собранные на обычномъ мѣстѣ Цетинѣ, сердари, воеводы и князья и прочіе поглаваріи, разсуждающе наше состояніе и утѣсненія, призываемъ въ помощь всесильнаго Бога и избираемъ и опредѣляемъ изъ первѣйшихъ фамилій, господина нашего губернатора Іоанна Радонича, да господина сердаря Ивана Петровича, а изъ духовныхъ господина архимадрита Петра Петровича; и даемъ имъ полномочіе, чтобы предстали высочайшему Всероссійскому двору; и что̀ вышепомянутые господа представятъ, то мы, все общество, представляемъ; на какія кондиціи они подпишутся, и мы подписуемся, и на каковое утвержденіе они заключатъ, такъ и мы, общество, заключаемъ; каковое ихъ прошеніе будетъ, тако и мы, общество, просимъ, по заклятвѣ на крестѣ и святомъ Евангеліи; въ чемъ и обычный нашъ гербъ Черногорскаго общества прилагаемъ. Дано въ Черной Горѣ, въ Цетинѣ, въ лѣто 1778 года Марта 13 числа. Подписалъ: Смиренный митрополитъ Савва Петровичъ.

(Мѣсто двухъ сургучныхъ печатей, на коихъ изображенія отъ времени изгладились).

IV.

Краткая выписка о Черногорскомъ народѣ.

Въ 1711-го году, по случаю бывшей у Россіи съ Турками войны, грамотами его величества государя императора Петра Великаго, призыванъ

былъ къ принятію противъ Тутокъ оружія Монтенегринской или Черногорской народъ, который по тому и дѣйствительно непріятельскія дѣйствія противу оныхъ производилъ. А въ 1715-мъ году, пріѣзжавшій въ С.Петербургъ Черногорскій митрополитъ Даніилъ представлялъ, что Турки великія Черногорскому народу приключили раззореніе и грабительства за вышеупомянутую учиненную имъ Россійскому двору, во время войны, диверсію и просилъ о денежномъ сему народу за то награжденіи и о пожалованіи на возобновленіе, Турками жъ разграбленныхъ, православныхъ церквей. Вслѣдствіе чего и посланы съ нимъ отсюда были церковные сосуды, книги и архіерейскія и священническія одежды, для тамошнихъ неимущихъ церквей и монастырей, при чемъ и на возобновленіе оныхъ немалое число денегъ отправлено, да на раздачу тамошнимъ начальникамъ и народу, также и оному митрополиту съ его свитою, знатная сумма пожалована, простирающаяся всего деньгами слишкомъ до 20.000 рублевъ, о чемъ въ подробности означено въ приложенной при семъ росписи о учиненныхъ отсюда въ разныя времена Черногорцамъ дачахъ. При отъѣздѣ онаго митрополита отсюда вручена ему была къ Черногорскому народу грамота его императорскаго величества, въ которой изъяснена была здѣшняя благодарность за ихъ помощь съ выхваленіемъ при томъ онаго народа и съ обнадеживаніемъ о вящшемъ впредъ награжденіи за ту ихъ вѣрную службу.

Въ 1743-мъ году, прибывшій сюда Черногорскій же митрополитъ Савва представлялъ о недостаткахъ и бѣдности народа Черногорскаго, объявляя о вышепомянутыхъ посланныхъ въ Черную Гору съ митрополитомъ Даніиломъ деньгахъ, что не токмо оныя, но и немалое число собственныхъ своихъ денегъ, они употребить принуждены были на необходимыя общенародныя нужды и на возобновленіе церквей, также и на искупленіе отъ Турокъ нѣкоторыхъ ихъ знатнѣйшихъ людей, для исправленія чего всего они по необходимости заняли еще 6000 червонныхъ. Посему оный митрополитъ просилъ, чтобъ для заплаты того долгу и на возобновленіе еще нѣкоторыхъ оскудѣвшихъ церквей и монастырей, учинено было отсюда какое либо денежное вспоможеніе и при томъ пожалованы архіерейскія и священническія одежды и книги, въ чемъ во всемъ оный митрополитъ былъ удовольствованъ, и тогдашняя здѣшняя дача простиралась слишкомъ до 5000 р.

Черезъ десять лѣтъ потомъ, въ 1753-мъ году, былъ въ Москвѣ третій Черногорскій архіерей Василій, котораго представленія состояли въ томъ, чтобъ отсюда имъ вспомоществовано было завесть у нихъ Славянскія школы, ихъ обществу пожаловано милостивое награжденіе, они Черногорцы были отъ Турокъ защищены и рекомендованы Римско-императорскому двору и республикѣ Венеціанской, чтобъ они доброхотство къ Черногорскому народу при случаяхъ оказывали и чрезъ свои области свободный пропускъ оному дозволяли; также если угодно здѣсь окажется, то онъ митрополитъ представляется съ своими вельможами совѣтывать о выѣздѣ ихъ съ фамиліями въ Россію, заключа все то прошеніемъ о снабденіи церквей ихъ книгами и о выдачѣ опредѣленной въ ихъ Цетинской монастырь милостыни, да о пожалованіи матеріи на одѣяніе церковное и на платье митрополиту Саввѣ, да архіерейской мантіи и посоха; а ему, архіерею Василію, полнаго архіерейскаго облаченія; да священнику и дьякону ризъ и стихаря. Почему въ 1754-мъ году, въ награжденіе обществу Черногорскому и на возобновленіе церквей, также и ему архіерею съ свитою, пожаловано всего деньгами 8000 рублевъ и требуемое имъ платье и книги; да изъ особливой ея императорскаго величества милости ему

архіерею панагія. Съ нимъ же отправлено ея императорскаго величества грамота къ Черногорскому обществу, въ которой объ ономъ пожалованіи изъяснено, и они обнадежены дальнѣйшею высочайшею милостію, съ пристойнымъ увѣщаніемъ о продолженіи и впредъ ихъ усердія и преданности къ здѣшней имперіи.

А на представленіи онаго архіерея въ резолюцію ему объявлено: что прошеніе его о заведеніи школъ оставляется до того, пока отъ нихъ же самихъ объясненія получены будутъ, сколько на такое заведеніе потребно иждивенія, гдѣ именно и какимъ образомъ они тамъ содержаны быть могли бъ; что въ пользу Черногорскаго народа при Портѣ Отоманской, чтобъ отъ оной противу онаго непріятельскихъ дѣйствъ чинимо не было, не оставится при надежномъ случаѣ сдѣлать заступленіи; что обѣщанная имъ архіереемъ готовность совѣтывать съ начальниками своими о выѣздѣ ихъ съ фамиліями въ Россію, здѣсь заблагопріемлется, и поручается то его старанію. Въ той же запискѣ ему архіерею еще знать дано, что ея императорское величество соизволяетъ народу Черногорскому такое обнадеживаніе подавать, что когда оказана будетъ впредъ отъ сего народа здѣшней имперіи въ воинскихъ дѣйствахъ какая заслуга, тогда они и погодною пенсіею награждены будутъ, а выѣзжающіе сюда снабдены высочайшею милостію.

На представленіе же его архіерея, дабы Черногорской народъ, при опредѣленіи оному повсегодно на воинское содержаніе какой либо суммы денегъ, снабденъ былъ грамотою въ такой силѣ, что оный Черногорской принципатъ никому не подвластенъ, какъ токмо Россійскому двору и чтобъ сей принципатъ въ титулѣ ея императорскаго величества включенъ былъ, въ резолюцію сообщено ему было, что обождено здѣсь будетъ формальное сего народа прошеніе, на какомъ основаніи онъ подвластнымъ быть хочетъ.

Самый сей архіерей Василій, въ 1758-мъ году, въ другой разъ сюда пріѣзжалъ съ тамошнимъ губернаторомъ Радоничемъ, кой здѣсь и умеръ и съ тремя его начальниками, которые всеобще разныя представленія учинили, изъ которыхъ главнѣйшія (не упоминая уже о другихъ, ничего не заслуживающихъ), были слѣдующія: 1-е) чтобъ Черногорской народъ принятъ былъ въ здѣшнее подданство, 2-е) чтобъ изъ вышедшихъ Черногорцевъ учрежденъ былъ здѣсь полкъ и названъ Черногорскимъ и 3-е) чтобъ для учрежденія въ Черногорскомъ народѣ добраго порядка, опредѣленъ былъ ежегодный пенсіонъ до 15000 рублевъ; также чтобъ для пребыванія въ ихъ резиденціи кто либо отсюда отправленъ былъ. На сіе имъ въ резолюцію объявлено было, прочтеніемъ записки въ домѣ вице-канцлерскомъ, 15-го Іюня онаго 1758 года. На 1-е), что усердіе народа ихъ вступить въ здѣшнее подданство заслуживаетъ оному всегдашнее ея императорскаго величества благоволеніе и милость, но по близости окружающихъ ихъ непріятелей и по отдаленіи имперіи здѣшней, оставляется то до лучшихъ временъ. На 2-е), что когда довольное число Черногорцевъ выйдетъ, тогда полкъ составится и Черногорскимъ названъ будетъ. На 3-е), что требуемый пенсіонъ опредѣленъ и отправленъ будетъ съ нарочною особою, а кого либо туда для пребыванія послать нынѣшнія обстоятельства совсѣмъ не дозволяютъ. Въ прочихъ же ихъ требованіяхъ они также удовольствованы были и именно опредѣленіемъ вывезенныхъ ими сюда изъ Черныхъ Горъ малолѣтнихъ дворянскихъ дѣтей въ кадетскій корпусъ, выдачею опредѣленной въ Цетинской монастырь милостыни и дачею ризницы съ архіерейскимъ убранствомъ и книгами церковными. За все вышепомянутое хотя изъявляли они свою благодарность, но при

томъ не оставили однакожъ отозваться еще, да и со слезами, что какъ главною пріѣзда ихъ сюда причиною было, дабы испросить потребное снабденіе къ содержанію въ ихъ отечествѣ до трехъ полковъ изъ тамошнихъ народовъ, для защиты отъ нападенія Турецкаго совсѣмъ необходимыхъ: то они теперь принуждены объявить, что инако ихъ Черногорскій народъ конечно со временемъ пропадетъ и сдѣлается подданнымъ Турецкимъ, а при томъ и отъ христіанства отступитъ; на содержаніе же тѣхъ полковъ, по ихъ объявленію, потребно въ каждый годъ по крайней мѣрѣ до 100,000 р.

При отъѣздѣ оныхъ архіерея и трехъ начальниковъ, изъ высочайшей милости, пожалованы какъ для общества Черногорскаго и въ Цетинской монастырь, такъ и имъ съ свитою портретами и деньгами всего напримѣръ тысячь до 7-ми рублевъ.

А обѣщанный пенсіонъ 15000 руб. отправленъ на одинъ только годъ, съ совѣтникомъ Пучковымъ, при грамотѣ, за подписаніемъ вице-канцлерскимъ, и предписано было ему Пучкову, по пріѣздѣ въ Черную Гору, тамошнихъ начальниковъ словесно обнадежить, что если усмотрится, что Черногорскій народъ старанія приложитъ, учрежденіемъ между собою порядка и согласія, а паче снабденіемъ себя воинскими орудіями, введеніемъ регулярства и доброй дисциплины, удостоиться сей ея императорскаго величества милости, то показанный пенсіонъ и впредъ имъ ежегодно производимъ будетъ.

Архіерей Василій просилъ о утвержденіи того пенсіона ежегодно привилегіею и о опредѣленіи еще особливо пенсіи, по 1000 рублевъ ему, архіерею Василію съ другимъ архіереемъ же Черногорскимъ Саввою; на что объявлено ему было, что на представленіе его архіерея объ опредѣленіи пенсіона Черногорскому обществу ея императорское величество снисходя, повелѣла по вышепомянутому на первый случай отправить туда съ совѣтникомъ Пучковымъ, при императорской своей грамотѣ, 15000 рублевъ; и чтобъ онъ архіерей, побуждая тамошнее общество къ ревности къ здѣшней имперіи, отнюдь не разглашалъ о сей милости. О семъ изъ Колегіи Сенату сообщено было со мнѣніемъ, что требуемая онымъ архіереемъ о пенсіонѣ привилегія не можетъ быть полезна для интересовъ здѣшнихъ, потому что оною здѣшній дворъ на всегда бъ себя обязалъ тотъ пенсіонъ производить и въ такое время, когда бы въ Черногорцахъ никакой нужды для государства здѣшняго не усмотрѣлось, въ чемъ съ Колегіею Сенатъ согласился.

Вышепомянутыя же пенсіонныя деньги и грамоту совѣтнику Пучкову повелѣно было, по пріѣздѣ въ Черную Гору, вручить первенствующему тамъ митрополиту Саввѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ свѣтскихъ начальниковъ Черногорскихъ, а при томъ развѣдать о прямомъ состояніи тамошняго народа, о его къ Россіи усердіи и можетъ ли оный полезнымъ быть для здѣшней имперіи, также доходилось къ тому народу отправляемое отсюда съ ихъ архіереями жалованье.

Оный Пучковъ, въ 1760-мъ году, по возвращеніи уже своемъ оттуда въ Россію, привезъ отъ архіереевъ и общества Черногорскаго благодарительныя за оказанную къ нимъ милость письма, въ коихъ усугубленно они просили о пожалованіи ризницы и на возобновленіе раззоренной въ Цетинѣ церкви, также и о учрежденіи имъ двумъ архіереямъ ежегодной по 1000 р. пенсіи и о утвержденіи оной грамотою. О тамошнихъ-же обстоятельствахъ онъ, Пучковъ, слѣдующее въ Колегію рапортомъ представилъ: что Черногорцы находятся въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣютъ никакихъ между со-

бою добрыхъ учрежденій, законовъ и обычаевъ, живутъ въ междоусобіи и враждѣ, къ властямъ своимъ не имѣютъ послушанія; а власти не пекутся о ихъ пользѣ, но только о собственной ихъ корысти, какъ то особливо архіерей Василій старался, и въ тогдашній пріѣздъ его Пучкова, присланныя деньги чрезъ всевозможно употребленные имъ хитрости и обманы въ свои руки отъ него выманить, и для показанія своего мнимаго кредита въ Черной Горѣ онъ, архіерей, по прибытіи своемъ туда, помянутому Пучкову приводя представлялъ одну токмо подлость, называя лживо инаго княземъ, инаго бояриномъ, а инаго боярскимъ сыномъ.

О усердіи къ Россіи нашелъ онъ, Пучковъ, что начальники Черногорскіе мало что или ничего о Россіи не толковали; посыланныя же отсюда награжденія по малымъ рукамъ между родственниками ихъ расходились; да и послѣдніе пріѣхавшіе тогда изъ Россіи начальники ихъ тожъ учинили, раздѣля между роднею своею пожалованные 1000 жетоновъ; а преосвященному Саввѣ одну только грамоту отдали, о которой народъ нимало не слыхалъ. Правосудія и правъ въ Черной Горѣ нималѣйше не знаютъ, ибо каждый между ими дому и фамиліи своей высшій судья и властелинъ, и въ случающихся ссорахъ управляются собою поединками и другъ друга рѣжутъ или застрѣливаютъ, а потомъ убѣгаютъ въ другія провинціи; сильныя же фамиліи утѣсняютъ немощныхъ; почему, если убійца своею фамиліею человѣкъ людной, то и во своясяхъ живетъ спокойно; а потомъ помощію денегъ мирятся. Мировщики же между ими бываютъ ихъ архіереи съ прочими, которые и сами при такихъ случаяхъ пользоваться не оставляютъ, а иногда между воюющими и огонь раздувать не откажутся. Впрочемъ Черногорцы генерально весьма непостоянны, къ грабежамъ склонны и самовольствомъ наполнены, даже до того, что и по выѣздѣ ихъ изъ своего отечества, въ чужомъ государствѣ, они при первомъ случаѣ возмущеніе сдѣлать готовы; въ явное доказательство чему припомнить токмо можно учиненные въ Москвѣ, въ 1758-мъ году, непорядки и озорничества отъ находившихся тамъ Черногорскихъ выходцевъ, назначенныхъ къ распредѣленію по разнымъ здѣшнимъ полкамъ. Между прочимъ сіи Черногорцы, прибѣжавъ ко двору дворянина Демидова, били изъ собравшагося народа многихъ саблями и нѣкоторыхъ поранили, а въ домѣ его Демидова въ окнахъ стекла перебили; до резолюціи же бывшаго тогда ихъ здѣсь архіерея Василія, не хотѣли брать мундира, аммуниціи и лошадей, также и присяги безъ воли его архіерея не чинили; да и жалованья, за обыкновеннымъ вычетомъ на мундиръ, не брали; а просили о выдачѣ имъ полнаго, объявляя, что ежели чрезъ трое сутокъ удовольствованы жалованьемъ не будутъ, то съѣстные припасы безъ денегъ брать станутъ и пойдутъ всѣ изъ Москвы, куда вздумаютъ. Отъ сихъ наглостей и своевольствъ они съ нуждою воздержаны были и не инако, какъ разосланіемъ оныхъ по малому числу въ разныя мѣста. Да и для увѣщеванія ихъ къ возвращенію къ ихъ должности, отсюда нарочно изъ Сената посыланъ былъ бывшій тогда здѣсь ихъ архіерей Василій. Начальники же Черногорскіе склонны къ сребролюбію и наономъ утверждаютъ свои поступки, такъ что всегда преклоняются и ищутъ протекціи у той державы, отъ которой больше денегъ получить надѣются.

Въ догматахъ вѣры сей народъ нимало не свѣдущъ, но оную исповѣдуетъ въ единомъ крестообразномъ поклоненіи и содержаніи постовъ.

Со всѣмъ тѣмъ однакожъ онъ, Пучковъ, замѣчаетъ, что оный народъ, правда, хотя и дикій, но добрымъ предводительствомъ и нравоучительнымъ наставленіемъ можно изъ него со временемъ (хотя и съ трудомъ), нѣчто доброе сдѣлать, къ чему никто болѣе способствовать не можетъ, какъ ихъ

два архіерея, такъ называемые Черногорскіе повелители, съ тою токмо кондиціею, чтобъ архіерей Василій, отъ естества человѣкъ неспокойный, невмѣстно честолюбивый, сребролюбивый и возмутительный клеветникъ, между ими не былъ, который не только своевольнаго Черногорца своего, но и всякаго посторонняго человѣка, лицемѣрствомъ своимъ и для своей собственной пользы и мамоны, на свой нравъ обратить хочетъ. Архіерей Савва самъ и ихъ архидьяконъ, между многими о его архіерея Василія пакостяхъ разговорами, ему Пучкову сказывали, что когда-де онъ, въ 1757-мъ году, возмутя Черногорцевъ своими манифестами противъ Турокъ, въ Россію ушелъ, то все такъ спокойно было, яко бы посреди самаго благочестія: миромъ, тишиною и согласіемъ пользовались. Сей же архіерей Савва съ старшиною у Венеціанскихъ въ сосѣдствѣ командующихъ генераловъ въ почтеніи находится.

По сказкамъ сего архіерея Саввы, и то на угадъ, въ Черногорской области церквей будетъ 600-тъ и монастырей 60-тъ; вооруженнаго же народа, считая сколько каждая нахія или провинція дать можетъ, по мнѣнію его, Пучкова, Черногорцы не болѣе поставить въ состояніи, какъ около 7500 человѣкъ.

Сверхъ того онъ, Пучковъ, съ подлинностію развѣдалъ, что всѣ Черногорскія провинціи Турецкіе подданные и ежегодную подать платятъ, о чемъ архіерей Василій, подъ проклятіемъ, народу запретилъ не сказывать ему Пучкову.

О семъ и резидентъ Обрѣсковъ, отъ 8-го Апрѣля 1760 года, представлялъ сюда, что Черногорцы безъ всякой надежды и притѣсненія согласились Туркамъ подать платить, принятіемъ на себя обязательства оплачивать 600 подушныхъ билетовъ 1800 левками; а чрезъ то, по Турецкому мнѣнію, и сдѣлались они Черногорцы подданными Порты, препровождая онъ Обрѣсковъ то своимъ мнѣніемъ, что, для избѣжанія быть могущихъ по сему дѣлу отъ нея Порты хлопотъ и претензій, не соблаговолено ли будетъ въ сношеніяхъ съ Черногорцами лучшую впредъ осторожность имѣть.

Въ 1762-мъ году, пріѣхалъ сюда изъ Черной Горы, подполковникъ Николай и маіоръ Иванъ Петровичи, подали за руками архіереевъ своихъ Саввы и Василія Петровичевъ же, разныя представленія, состоящія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1-е) о позволеніи архіерею Василію пріѣхать сюда, 2-е) объ освобожденіи Черногорскаго общества отъ Турецкаго ига, и 3-е) о требованіи отсюда указа, какимъ образомъ поступать имъ съ Рагузіанами, ихъ Черногорскими непріятелями, за приносимыя Портѣ клеветы.

По поводу сего пріѣзда поднесенъ былъ, въ томъ же 1762-мъ году, ея императорскому величеству отъ Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ экстрактъ, съ прописаніемъ состоянія Черногорскаго народа. И какъ по примѣчанію совѣтника Пучкова (которое подтверждалося и другими извѣстіями) оказалось, что доколѣ общество Черногорское на добромъ основаніи и въ порядокъ постановлено не будетъ, котораго по состоянію ихъ и установить трудно, въ ономъ народѣ никакой пользы для здѣшняго государства ожидать не можно, кромѣ излишнихъ хлопотъ и холодности съ Турецкимъ дворомъ и Венеціанскою республикою: то Колегія, находя невозможность въ помянутыхъ прошеніяхъ, какъ въ весьма неосновательныхъ и со многими неудобностями сопряженныхъ, удовольствовать, разсудила обратно ихъ, подполковника и маіора, въ Черную Гору отправить съ письмомъ отъ канцлера къ Черногорскимъ архіереямъ, которое отъ ея императорскаго величества всевысочайше апробовано было. Въ ономъ пись-

мѣ, между прочимъ, упоминается, что ея императорскому величеству весьма бъ пріятно было, чтобъ Черногорскій народъ пребылъ въ тишинѣ и покоѣ и никому бъ подданнымъ Турецкимъ и другимъ сосѣдямъ своимъ не подавалъ повода къ враждѣ и ссорамъ, а старался бы о совершенномъ всего того пресѣченіи. Какъ же здѣсь весьма желательно было, чтобъ архіерей Василій сюда не пріѣзжалъ, то и совѣтовано ему было тѣмъ письмомъ дома остаться подъ претекстомъ нужнаго его въ своемъ отечествѣ пребыванія; а что въ случаѣ нужды до здѣшняго двора, они присылать сюда могутъ довѣренныхъ персонъ изъ своего Черногорскаго народа. При томъ письмѣ посланы были къ нимъ, архіереямъ Саввѣ и Василію, двѣ золотыя медали коронаціи ея императорскаго величества и сто золотыхъ жетоновъ. Помянутымъ же подполковнику и маіору, въ бытность ихъ здѣсь, по обыкновенію, изъ казны кормовыя деньги производимы были.

Въ 1765-мъ году, пріѣзжалъ сюда Черногорскій митрополитъ Василій Петровичъ въ третій разъ, съ поздравленіемъ отъ сотоварища его митрополита Саввы Петровича и отъ всего Черногорскаго общества, съ счастливымъ на Всероссійскій престолъ ея императорскаго величества восшествіемъ, а потомъ съ прошеніемъ на возобновленіе тамошнихъ ихъ церквей и на ихъ общество какого-либо отъ щедротъ ея величества пожалованія и о снабденіи его, архіерея, ризницею и шапкою съ священническимъ и дьяконскимъ облаченіемъ, а Черногорскаго народа новою ея императорскаго величества грамотою.

И какъ все потребное къ обратному онаго митрополита Василія отсюда отправленію изготовляемо было, то онъ между тѣмъ, въ 10 день Марта 1766 года, умре, а оставшаяся послѣ его свита, состоящая въ одномъ іеромонахѣ и одномъ дьяконѣ, отправлена отсюда обратно въ Черную Гору, въ препровожденіи одного оберъ-офицера. Съ ними отправлена грамота ея императорскаго величества ко всему Черногорскому обществу, которою увѣдомлены они о смерти онаго ихъ архіерея и что, въ знакъ высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія, послано при томъ митрополиту Саввѣ назначенная покойному митрополиту Василію архіерейская одежда и шапка, которая по немъ, Саввѣ, вкладомъ положена быть имѣетъ въ тамошнюю митрополитанскую церковь, да опредѣленной милостыни на три года 500 р., при чемъ обнадежены о непремѣнной всегда къ тому народу высочайшей ея императорскаго величества милости и благоволеніи, и чтобъ главные начальники прилежное попеченіе прилагали всегда жить, какъ между собою, такъ и со всѣми ихъ окружающими сосѣдями, въ мирѣ, тишинѣ и совершенномъ согласіи и отъ всякихъ раздоровъ и ссоръ, сколько можно, уклонялись.

V.

Роспись о учиненныхъ въ разныя времена бывшимъ здѣсь Черногорскимъ архіереямъ и начальникамъ денежныхъ дачахъ и о разныхъ посыланныхъ въ Черную Гору отсюда денежныхъ и прочихъ награжденіяхъ.

	Червонные	Руб.	Коп.
Въ 1715 году, съ митрополитомъ Даніиломъ послано:			
Церковные сосуды, книги, архіерейскія и священническія одежды, и сколько и на какую цѣну—неизвѣстно.			

На раздачу въ Черной Горѣ начальникамъ и народу	1600	5000.
Да 160-тъ портретовъ въ	1000.	
На оплату его, митрополита, долговъ и на содержаніе церквей и монастырей ихъ		5000.
При отпускѣ его съ бывшими при немъ на проѣздъ и за здѣшнюю бытность дано		3400.
Да 11-ть портретовъ во	112.	
Итого	2712.	13400.

Въ 1743-мъ году съ митрополитомъ Саввою послано:

Два саккоса патріаршихъ и архіерейская шапка; а въ какую цѣну—неизвѣстно.

Церковныхъ книгъ на	349 р. 81 к.
Въ награжденіе Черногорскому народу и на возобновленіе церквей.	3000.
Опредѣленной въ Цетинской монастырь милостынной дачи съ 1722 по 1743-й годъ отпущено . . .	3500.
Ему же митрополиту на издержки въ пути, на содержаніе, кормовыхъ денегъ, прогоновъ на 12-ть ямскихъ подводъ.	1907 р. 44 к.
N. B. Квартиру имѣлъ онъ, митрополитъ, Савва, на Васильевскомъ островѣ наемную	
Итого . .	8757 р. 25 к.

Въ 1754-мъ году, съ архіереемъ Василіемъ послано:

Въ награжденіе Черногорцамъ и на возобновленіе церквей	5000.
Выдано ему, архіерею, на путевыя издержки, въ Цетинской монастырь милостыни съ 1743 по 1753 годъ, опредѣленныхъ кормовыхъ, на подводы и въ здѣшнюю бытность съ 12 Августа 1752 по 18-е Мая 1754 года и проч.	3243 р. $82^1/_4$
На возвратный путь, съ обрѣтающимися при немъ	3000.
Кромѣ того ему пожалована украшенная каменьями панагія и полное архіерейское облаченіе, цѣна коихъ неизвѣстна.	
N. B. Квартиру имѣлъ въ Знаменскомъ монастырѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, да двѣ лошади къ ѣздѣ.	
Итого	11.243 р. $82^1/_4$ к.

Въ 1758-мъ году, въ пріѣздъ его же архіерея Василія, съ нимъ послано и на него же съ бывшими при немъ здѣсь издержано съ путевыми расходами и подарками		7062 р. 93 к.
Двумъ бывшимъ при немъ даны золотыя медали, каждому въ 50 червонныхъ, и обоимъ	100.	
Третьему же въ	35.	
Да послано съ нимъ къ Черногорскому народу 1000 золотыхъ портретовъ или жетоновъ, цѣною примѣрно	1000.	
Итого	1135	7062 р. 93 к.

Въ 1759-мъ году послано съ совѣтникомъ Пучковымъ въ Черную Гору пенсіона		15000.
На проѣздъ ему, Пучкову, дано.		1000.
	Итого	16000.
Въ 1762-мъ году съ Черногорскими жъ подполковникомъ Николаемъ и маіоромъ Иваномъ Петровичами послано къ архіереямъ ихъ Саввѣ и Василію по одной золотой медали и 100 золотыхъ жетоновъ, цѣною всего примѣрно	200.	
Въ здѣшнюю ихъ бытность на содержаніе и проѣздъ издержано		635
	Итого 200.	635.
Всего по сей росписи, кромѣ церковныхъ книгъ, архіерейскаго облаченія и панагіи, въ Черную Гору отправлено.	4047.	57099 1/4
А съ оными червонными, полагая каждый въ 2 руб. 50 к., итого въ 10117 руб. 50 коп., составится сумма въ		67216 50 1/4

Въ послѣднюю бытность здѣсь Черногорскаго архіерея Василія, *въ 1765-мъ году*, давано ему на содержаніе по 2 руб. въ сутки, да квартира нанята была для него по 30 руб. на мѣсяцъ.

А по смерти его, оставшимся одному іеромонаху и одному іеродіакону, въ разсужденіи ихъ бѣдности, давано кормовыхъ денегъ по 50 рубл. на мѣсяцъ.

При отправленіи жъ ихъ отсюда выдано имъ на проѣздъ по 100 руб. каждому.

VI.

Записка для объявленія Черногорскому губернатору Ивану Радоничу, сердарю Ивану Петровичу и архимандриту Петру Петровичу.

Сколько съ одной стороны ея императорскому величеству угодны подаваемыя нынѣ отъ Черногорскаго общества чрезъ господъ депутатовъ всенижайшія увѣренія о его привязанности и усердіи къ здѣшней имперіи, столько напротиву того не можетъ быть пріятно воспоминовеніе о томъ поведеніи, коимъ сіе общество помрачило въ послѣднее время чистоту и ясность оныхъ увѣреній.

Не правда ли, что общество Черногорское, или покрайней мѣрѣ самая большая часть его, при случаѣ войны нашей съ Портою Отоманскою, когда ему къ освобожденію своему изъ-подъ ига невѣрныхъ представляемъ былъ надежной и лучшій способъ, не только не соотвѣтствовало здѣшнему о пользѣ его попеченію, но паче въ буйствѣ и невѣжествѣ своемъ, примѣнясь къ нѣкоему презрительному самозванцу и бродягѣ, всячески учинило себя недостойнымъ высочайшаго покровительства Государыни Императрицы?

Познаніе самихъ себя и естественнаго положенія землицы ихъ, въ углу Турецкихъ владѣній, долженствуетъ непрестанно открывать Черногорцамъ, что состояніе ихъ всячески отъ нихъ взыскиваетъ сообразоваться во всякое время дѣламъ и обстоятельствамъ здѣшняго двора; а отнюдь не мечтать, чтобъ Россійскіе интересы могли располагаемы быть по ихъ прихотямъ и временнымъ пользамъ,

По симъ справедливымъ и неоспоримымъ разсужденіямъ увольняются теперь во свояси господа и депутаты, съ тѣмъ для цѣлаго общества ихъ благонамѣреннымъ совѣтомъ, чтобъ оное для собственнаго своего блага впредь больше и лучше сообразовалось дѣламъ и интересамъ имперіи Всероссійской, чѣмъ и можетъ оное вновь заслужить и присвоить себѣ высочайшую милость и покровительство единой всего Восточнаго православія Хранительницы и Поборницы, которыя, между тѣмъ, нынѣ по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, представляются и обращаются частно всѣмъ тѣмъ изъ Черногорскаго народа, кои, удаляясь отъ утѣсненія, невѣжества и неустройства, захотятъ съ семьями своими прибѣгнуть и переселиться въ предѣлы счастливой Россіи, гдѣ каждой благосклонно принимаемъ и по званію своему пристроенъ будетъ.

На возвратной свой путь получатъ господа депутаты изъ щедротъ ея императорскаго величества „ , рублей.

(Изъ дѣлъ князя Потемкина оп. 194, св. 208, № 21).

Сообщено Г. Н. Александровымъ.

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА А. Г. ОРЛОВА ЧЕСМЕНСКАГО.

(Извлечено изъ бумагъ государственнаго вице-канцлера князя А. М. Голицына.)

I. Циркуляръ вице-канцлера князя Голицына къ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ.

Петергофъ, 21 Іюня 1768.

Его сіятельство, г. генералъ-лейтенантъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, для поправленія здоровья и по совѣту врачей, отправляется въ чужіе краи къ минеральнымъ водамъ, и уже выѣхалъ по пути въ Германію. Предупреждаю васъ о семъ по приказанію Ея Императорскаго Величества, дабы, во время пребыванія его въ вашей мѣстности, вы постарались сдѣлать оное для графа пріятнымъ всевозможными услугами, и чтобы вы были ему полезны на сколько отъ васъ зависить будетъ. Ему сопутствуетъ братецъ его графъ Ѳедоръ Григорьевичъ. Чтобы не подать повода къ безполезнымъ замѣчаніямъ о ихъ путешествіи, они въ оное отправляются подъ именемъ господъ Острововыхъ *). Въ свитѣ ихъ находятся г. подполковникъ Герсдорфъ и кавалергардъ г. Бухгольцъ. Благоволите меня исправно извѣщать о всемъ, что̀ будетъ касаться господъ графовъ, и особенно о ихъ пріѣздѣ къ вамъ, о продолженіи ихъ пребыванія у васъ или въ вашемъ сосѣдствѣ, и о пути, по которому они выѣдутъ, на тотъ конецъ, чтобы постоянно знать, куда отправлять къ нимъ письма, какія могутъ послѣдовать.

---

*) По имени подмосковнаго села Острова, принадлежавшаго графу А. Г. Орлову.

II. Извлеченія изъ писемъ полномочнаго министра при Вѣнскомъ дворѣ князя Д. М. Голицына къ двоюродному его брату вице-канцлеру князю А. М. Голицыну.

(Переведено съ Французскихъ подлинниковъ).

1.

Въ Вѣнѣ, 25 Октября (5) Ноября 1768.

Имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство, что господа графы Орловы со всею ихъ свитою прибыли вчера въ сей городъ въ совершенномъ здравіи. Не будучи предупрежденъ о днѣ ихъ прибытія, я не успѣлъ заранѣе принять надлежащія мѣры въ таможнѣ, ни приготовить хорошее помѣщеніе; но сегодня я все сіе по возможности исправилъ.

Пожитки сихъ господъ выручены, и они покинутъ плохой постоялой дворъ, на который ихъ привезли. Я тѣмъ паче постараюсь сдѣлать для господъ графовъ пребываніе въ Вѣнѣ увеселительнымъ, что я обвороженъ знакомствомъ съ ними. Они оба весьма любезны и конечно привлекутъ къ себѣ уваженіе и любовь общества, куда бы они ни пріѣхали.

Они сегодня обѣдаютъ у меня, въ посольствѣ, одни; а завтра я приглашу для нихъ знатнѣйшее дворянство, чтобы познакомить ихъ съ нимъ. Не расчитывая на долгое ихъ пребываніе, я воспользуюсь каждымъ мгновеніемъ, чтобы представить имъ все заслуживающее вниманія; а на отъѣздѣ ихъ въ Италію, куда они спѣшно направляются, я снабжу ихъ письмами ко всѣмъ моимъ пріятелямъ, и увѣренъ, что они чрезъ нихъ получатъ нѣкоторыя удобства.

2.

Въ Вѣнѣ, 5 (16) Ноября 1768.

На вторичномъ у меня свиданіи старшаго г. Островова съ г. Ванъ-Свитеномъ [1]), сей послѣдній изложилъ свои разсужденія на письмѣ, и сущность ихъ я спѣшу сообщить вашему с-ву.

Ванъ-Свитенъ совѣтуетъ г. Островову провести всю зиму въ Пизѣ, чтобы пользоваться мягкимъ воздухомъ и купаньями въ семъ городѣ, которыя будутъ сопровождаться нѣкоторыми другими средствами. Консультація затѣмъ предписываетъ въ Іюнѣ будущаго года возвратиться въ Карлсбадъ и, послѣ надлежащаго тамъ пребыванія, окончить курсъ леченія на водахъ въ Спа или въ Пирмонтѣ.

Всѣ эти предписанія такъ основательны, что можно надѣяться для г. нашего соотечественника, при точномъ слѣдованіи врачебнымъ совѣтамъ, совершеннаго выздоровленія.

Отъѣздъ сихъ господъ въ Италію послѣдуетъ чрезъ нѣсколько дней.

Между прочимъ, я возилъ старшаго въ оперу, которую одинъ изъ моихъ пріятелей велѣлъ исполнить въ своей деревнѣ и куда къ тому было собрано все здѣшнее знатнѣйшее дворянство. При семъ случаѣ я обращалъ его вниманіе на главнѣйшихъ особъ; но не встрѣтилъ ни въ немъ, ни въ г. братцѣ его ни малѣйшаго желанія ближе съ ними познакомиться.

3.

Въ Вѣнѣ, 2 Сентября 1769.

Имѣю честь сообщить вашему с-ву прилагаемую у сего Италіанскую газету, съ просьбою прочесть статью, мною подъ конецъ подчеркнутую.

---

[1]) Голандскимъ посломъ въ Вѣнѣ.

Она передаетъ объ аудіенціи, которую господа графы Орловы имѣли у великаго герцога Тосканскаго, и о данномъ ими вмѣстѣ съ госп. Шуваловымъ [2]), на другой день, праздникѣ, который почтили своимъ присутствіемъ ихъ королевскія высочества и лица знатнѣйшаго дворянства изъ окрестностей Пизы. Угощая такимъ способомъ народъ, наиболѣе склонный къ увеселеніямъ, господа наши соотечественники много выиграютъ въ его сочувствіи, и по выѣздѣ ихъ на дняхъ, оставятъ въ немъ сожалѣніе [3]).

4.

24 Марта нов. ст. 1770.

Другъ князя Д. М. Голицына препровождаетъ къ нему донесеніе изъ Генуи о прибытіи въ ея заливъ одного изъ Русскихъ военныхъ судовъ.

То былъ военный корабль, подъ начальствомъ капитана Лупандина 2-го, 64 пушечный съ 600 человѣками экипажа, изъ коихъ 300 для высадки отлично вооруженныхъ. Онъ шелъ изъ Архангельска, заходилъ въ Норвегію, Англію и Сардинію. Въ двухъ миляхъ отъ Портъ-Магона, онъ потерялъ гротъ-мачту. Въ Конти (Сардинія) онъ вошелъ въ такую бурю, когда и купеческій корабль на то не осмѣлился бы. Командиръ отправилъ за лоцманомъ въ Саффари, на день разстоянія отъ Конти, и губернаторъ выслалъ ему опытнаго Генуэзца. Отсюда Лупандинъ послалъ въ Ливорно за приказаніями къ главнокомандующему.

5.

18 Мая 1770.

Со дня начала нашей экспедиціи, Венеціанцы также принялись за вооруженіе своихъ кораблей, при чемъ Турокъ увѣряли, что они приготовляются на случай необходимости защищать свою торговлю. Этому показанію Турки вѣрили до начала дѣйствій въ Мореѣ. Тогда только Порта обратилась съ вопросомъ къ Венеціанскому правительству объ истинныхъ намѣреніхъ республики.

Между тѣмъ 9, 12 и 18 Апрѣля уже произошли удачныя дѣйствія: на сушѣ, въ Эпирѣ и Мореѣ у Грековъ, а на морѣ обложеніе Турецкихъ крѣпостей Русскими судами.

6.

6 Іюня 1770.

Свѣдѣнія изъ Мальты, раннія, конечно, чѣмъ предъидущія, сообщаютъ, что „мы завладѣли почти всею Мореею, съ помощію Грековъ, вооружившихся за свободу для службы августѣйшей Государыни". Князь Д. М. Голицынъ сообщаетъ снимки плановъ Турецкихъ крѣпостей, начерченныхъ въ бывшую войну у Венеціанцевъ съ Турками въ 1687—1688 годахъ. Это планы: а) Дарданелъ (Гелеспонтъ) съ Сестосомъ и Варбери на Европейской и Абидосомъ и Троей на Азіатской сторонахъ; б) Санкта Маура въ Лепантскомъ заливѣ, который прегражденъ укрѣпленіями, идущими отъ острова къ твердой землѣ, имѣя базисомъ островокъ среди залива и стоящее возлѣ него на скалѣ укрѣпленіе.; в) Термизъ, на берегу Мореи, противу острововъ Идры и Специи; г) Наполи Мальвазія,

---

[2]) Иваномъ Ивановичемъ.

[3]) Въ приложенной газетѣ говорится кромѣ вышеизложеннаго, что на праздникѣ (данномъ въ Іюлѣ 1769 года) герцогъ Тосканскій оставался до двухъ часовъ ночи и что на графѣ Орловѣ, отличавшемся особенною привѣтливостью, было платье осыпанное бриліантами великой цѣны.

д) Негропонта, е) Модона и ж) Наполи-ди-Романи,—съ подробными описаніями каждой мѣстности на Нѣмецкомъ языкѣ.

7.

16 (27) Іюня 1770.

Въ Венеціи было получено отъ графа Орлова письмо отъ $^{5}/_{16}$ Мая, коимъ онъ извѣщалъ, что наши войска овладѣли портомъ и крѣпостію Навариномъ, при чемъ весь гарнизонъ отдался въ плѣнъ.—По многимъ другимъ свѣдѣніямъ эскадра контръ-адмирала Эльфинстона, мѣсяцъ назадъ, прошла въ виду Мальты, что̀ въ настоящее время заставляетъ ее предполагать также въ Мореѣ.

Пришедшій изъ Зеи корабль привезъ извѣстіе, что въ послѣдній день Мая графъ Алексѣй успѣлъ примирять ссорившихся между собою Грековъ, которые имъ чрезвычайно довольны. Это же судно дало свѣдѣнія, что вся Морея покорилась оружію ея императорскаго величества.

8.

17 (28) Іюня 1770.

Графъ Алексѣй Орловъ увѣдомляетъ маркиза Кавалькабо̀ въ Ливорно изъ подъ Мессины, что путь до Маяка онъ совершилъ въ восемь дней; что въ его эскадрѣ все благополучно, и что извѣстіе это онъ передалъ съ корабля въ городъ на шебѐкѣ.

Одновременныя извѣстія изъ Леванта, изъ Генуи и Смирны говорятъ о томъ, какъ графъ Алексѣй Орловъ задержалъ въ одномъ изъ портовъ нѣсколько судовъ; и этому задержанію приписали послѣдовавшую за тѣмъ гибель Французскаго судна, нагруженнаго масломъ въ Марсели. Поступокъ Русскаго главнокомандующаго неслыханный: повѣривъ счетъ погибшаго груза, графъ утѣшилъ экипажъ, выплативъ ему цѣну не только груза, но и самаго корабля.

9.

29 Іюня 1770.

Изъ Тріеста подтверждаютъ извѣстіе о занятіи нами всей Мореи и пересѣченіи путей сообщенія къ ней отъ материка; что лишь двѣ крѣпости еще въ рукахъ Турокъ, но и тѣ обложены такъ, что неминуемо сдадутся за неимѣніемъ продовольствія. Также запертъ въ портѣ Джаферъ-бей съ 13-ю судами. Изъ Венеціи достовѣрное извѣстіе о потопленіи нашими двумя кораблями, при выходѣ изъ Адріатики, вблизи Паэзо, изъ 12-ти восьми Турецкихъ тартанъ; о сожженіи пяти судовъ Джаферъ-бея, пытавшихся прорваться изъ порта чрезъ нашу линію судовъ; о томъ, что графъ Алексѣй Орловъ вооружилъ пять регулярныхъ полковъ: одинъ Кефалонитовъ, одинъ Зантіотовъ, одинъ Албанцевъ, одинъ Майнотовъ и одинъ Морейцевъ; что они, по предписаніямъ графа, ежедневно обучаются. Наконецъ, надѣются, что, съ помощію Божіею, скоро послѣдуетъ нѣчто еще важнѣйшее.

10.

4 Іюля 1770.

Маркизъ Кавалькабо̀, изъ Мальты отъ 3 Іюня увѣдомляетъ, что, по случаю оскорбленія Французскаго корабля въ Тунисѣ, всѣ купеческія Французскія суда оставили этотъ портъ и ожидаютъ прибытія Французской эскадры. Въ Смирну прибылъ паша для набора воиновъ; но, за отказомъ жителей, наборъ не состоялся. Изъ десяти Турецкихъ кораблей, вышедшихъ изъ Константинополя, шесть пошли къ Мореѣ, а четыре въ Архипелагъ. Въ Архипелагъ же прошла и эскадра Эльфинстона.

11.

4 (15) Августа 1770.

Сообщаются свѣдѣнія о первомъ сраженіи между к. а. Эльфинстономъ и Турецкою эскадрою при Наполи-ди-Романи. По извѣстіямъ отъ Грековъ, живущихъ въ Вѣнѣ, 5-го Іюля совершенно уничтоженъ Турецкій флотъ. Русскіе, въ числѣ 2,000, съ 10-ю пушками, высадились въ Раффти, гдѣ, разбивъ Турецкій отрядъ, завладѣли тремя тысячами кило хлѣба и множествомъ скота. Эта добыча удовлетворила ощущавшуюся нужду въ продовольствіи. Всѣ Греки изъ Аѳинъ, Коринѳа и другихъ сосѣднихъ мѣстностей удалились съ оружіемъ въ горы. Между тѣмъ визирь-паша объявилъ строгое запрещеніе своимъ войскамъ безпокоить Грековъ и другихъ христіанъ.

12.

7 Августа 1770.

Въ донесеніи своемъ кн. Голицынъ говоритъ объ отправленныхъ 30 Іюля и 1 Августа двухъ реляціяхъ, сопровождавшихся письмомъ къ вицеканцлеру и новостями, которыя должны его и всѣхъ удивить. Добавляетъ, что касса вовсе не погибла, ибо она была на кораблѣ графа Алексѣя.

13.

1 (12) Сентября 1770.

Повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, Полетика, за отсутствіемъ кн. Голицына, шлетъ подтвержденія очевидцевъ и участниковъ морскаго сраженія 5 Іюля, въ каналѣ Сціо.

Въ дѣлѣ находилось судовъ Турецкихъ: 15 большихъ кораблей, 2 каравелы, 5 шебекъ и 8 полугалеръ; Русскихъ: 9 линейныхъ кораблей, 2 фрегата, 2 пакетбота и Англійскихъ 2 корабля.

Наши суда выстроились такъ: адмиралъ Спиридовъ впереди, графъ Алексѣй Орловъ въ срединѣ, а адмиралъ Эльфинстонъ въ запасѣ. Спиридовъ первый налетѣлъ на Турецкій „Константинополь" и сцѣпился съ нимъ. Наши сорвали съ кормы Турецкаго корабля знамя и поднесли его своему начальнику. Во время схватки, мачты и снасти обоихъ судовъ сцѣпились такъ, что когда нашимъ удалось зажечь непріятельскій корабль, то горящими его мачтами зажгло и нашъ. Адмиралъ Спиридовъ съ сыномъ, графъ Ѳедоръ Орловъ и 24 человѣка изъ экипажа спаслись въ шлюпку. Остальной экипажъ и 500 тысячъ рублей, вмѣстѣ съ кораблемъ, взлетѣли на воздухъ; чрезъ полчаса за нимъ послѣдовалъ и Турецкій корабль.

14.

Вѣна, 24 Октября н. ст. 1770.

Думаю пріятную услугу оказать вашему сіятельству извѣстіемъ о тѣхъ сообщеніяхъ, которыя получаю отъ многихъ торговцевъ, имѣющихъ сношенія съ Левантомъ.

Начальствованіе тамъ графа Орлова обожаемо, и довѣріе къ нему Архипелажскихъ жителей съ каждымъ днемъ возростаетъ. Не только восточные христіане, но и сами мусульмане видятъ на себѣ дѣйствія его великодушія до того, что сіи заклятые враги имени христіанскаго не могутъ понять, какъ рядомъ за побѣдою можетъ слѣдовать человѣколюбіе.

Не припишемъ однако такого удивленія Турокъ ихъ жестокости (?) Достовѣрно, что христіане, въ войнахъ между собою, не однажды уклонялись отъ того духа умѣренности, который нынѣ дѣлаетъ столько чести

графу Алексѣю, хотя бы онъ былъ естественнымъ проявленіемъ его личныхъ свойствъ и чувствованій, сображенныхъ съ таковыми же нашей славной Государыни.

Наконецъ, послѣ того какъ всѣ наши вожди слѣдовали по тому же пути, я льщу себя надеждою, что звѣрскій нравъ магометанскаго народа симъ будетъ гораздо смягченъ и что сей народъ отнесется въ будущемъ, по отношенію къ намъ, съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ международному праву.

III. Письмо князя Д. М. Голицына къ И. И. Бецкому.

(Съ Французскаго подлинника).

Изъ Вѣны, 9 (20) Іюля 1771.

Въ суматохѣ занятій и развлеченій я замедлилъ извѣстить ваше превосходительство о многихъ обстоятельствахъ послѣдняго пребыванія въ Вѣнѣ графа А. Орлова. Всѣ они столь служатъ къ похвалѣ его, что считаю невозможнымъ умолчать о нихъ предъ вами, увѣренный, что вы, болѣе чѣмъ другой, примете въ нихъ участіе.

Во первыхъ, графъ Алексѣй былъ наилучшимъ способомъ принятъ и. в. императоромъ и императрицею. Я присутствовалъ при обѣихъ аудіенціяхъ и замѣтилъ, что императоръ особенно былъ доволенъ точностію, съ которою графъ отвѣчалъ на всѣ вопросы ему предложенные о его морской экспедиціи.

Князю Кауницу я на второй же день доставилъ случай познакомиться съ графомъ, пригласивъ обоихъ къ себѣ на обѣдъ. Онъ оказывалъ графу величайшее вниманіе и поспѣшилъ мнѣ наединѣ сообщить, что свойства графа ему показались въ высшей степени почтенны; что, помимо привлекательнаго и искренняго обращенія, весь разговоръ его дышалъ благородствомъ чувствъ, человѣколюбіемъ и возвышенностію души, обличающими величіе. Тѣже рѣчи онъ повторялъ мнѣ нѣсколько разъ. На завтра мы были на обѣдѣ у князя, и на сей разъ онъ бесѣдовалъ съ графомъ отдѣльно. Замѣтивъ что князь искалъ съ нимъ бесѣды съ глазу на глазъ, я, изъ скромности, оставилъ ихъ наединѣ. Несомнѣнно, что цѣль кн. Кауница была развѣдать о видахъ нашего двора на миръ съ Портою [1]). Все дворянство, съ вицеканцлеромъ имперіи графомъ Колоредо во главѣ, оказывало гр. Орлову великую вѣжливость и предупредительность, и онъ вынужденъ былъ усиленно отклонять множество приглашеній, не желая и не имѣя возможности пробыть здѣсь болѣе двухъ дней.

Но что, во все время пребыванія здѣсь графа, мнѣ доставляло особенное удовольствіе—это любопытство народа видѣть Архипелажскаго побѣдителя. Вездѣ, на его пути, взгляды всѣхъ были къ нему прикованы; и каждый разъ, что̀ онъ находился въ моемъ домѣ, переднія мои переполнялись людьми, ожидавшими его появленія. Я могъ здѣсь убѣдиться, что за великими подвигами непремѣнно слѣдуетъ великая извѣстность.

Наконецъ, послѣ отъѣзда графа Алексѣя, г-нъ Розенбергъ [2]) вскорѣ выѣхалъ во Флоренцію; и могу сказать, что ни одно мое съ нимъ сви-

---

[1]) Миръ, при всевозможныхъ затрудненіяхъ со стороны Австріи, добытъ въ 1774 году, и не иначе какъ цѣною выгоднаго для нея и для Пруссіи раздѣла Польши, съ пожертвованіемъ въ пользу Австріи существенно-Русскими стихіями въ Галиціи и Венгріи.

[2]) Розенбергъ Андрей Григорьевичъ, въ чинѣ секундъ-майора, былъ отправленъ въ 1768 году императрицею въ Италію, къ графу А. Г. Орлову; участво-

17*

даніе не обошлось безъ обращенія къ новымъ подробностямъ о достоинствахъ и прекрасныхъ качествахъ графа. Онъ меня завѣрилъ, что въ Италіи онъ всѣми любимъ и уважаемъ и что особенно удивляетъ въ немъ—это рѣдкое сочетаніе достоинствъ воина и вождя съ мягкостію, кротостію и привѣтливостію въ нравѣ, привлекающими къ нему сердца всѣхъ честныхъ людей.

IV. Письма отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова къ вицеканцлеру князю А. М. Голицыну.

1.

Пиза, 1769 года Октября 18 (29) дня.

Съ несказанною радостію имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства Сентября отъ 22 дня, въ которомъ описываете побѣды нашихъ войскъ подъ предводительствомъ кн. А. М. [1]) надъ непріятелемъ нашимъ. Какъ я, братъ и всѣ мои товарищи были отъ радостной этой вѣдомости внѣ себя! Съ чѣмъ в. с. поздравляю какъ добраго патріота и вѣрнаго слугу ея имп. велич., такожъ и всѣхъ нашихъ соотчичей. Правду сказать и о моемъ дѣлѣ: чрезвычайно много оное дѣло подаетъ надежду и ободреніе всѣмъ здѣшнимъ народамъ, которые къ намъ привязаны; притомъ хочу вамъ сказать, что мнѣ всякія препятства наисильнѣйшимъ образомъ во всѣхъ наималѣйшихъ моихъ дѣлахъ со всѣхъ сторонъ дѣлаются. Однакожъ я имѣю надежду, при покровительствѣ Божіемъ, успѣхъ имѣть въономъ немалой, и по сякову еще пору я имѣю довольно куражу производить оное дѣло, да и впередъ оной меня, надѣюсь, не оставитъ; а теперь остается только дождаться посланнаго отъ васъ обоза [2]), которой очень тихо идетъ, хотябъ я и желалъ, чтобъ онъ чѣмъ скорѣй пришелъ, тѣмъ бы оное дѣло удачнѣе и лучше свою силу могло бы взять; и неуспѣли бы многіе наши непріятели потаенные со сна встать и глазъ своихъ отворить. Да какъ нѣтъ возжей въ рукахъ, такъ ни понудить, ни притянуть нельзя. Поздравляю в. с. съ пожалованьемъ кн. А. М. въ фельдмаршалы. А что вы пишите и благодарите за стараніе объ ономъ моего брата, такъ я онаго не могу на счетъ нашъ взять, а скажу только: достойному достойное воздано по усмотрѣнію великой нашей. Императрицы и матери Отечества. И тако остаюсь вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга

(*своеручно*) графъ Алексѣй Орловъ.

Братъ Ѳедоръ свидѣтельствуетъ вашему сіятельству свое почтеніе и поздравляетъ со всѣми происшествіями удачными и великое участіе беретъ въ пожалованіи кн. Алек. Мих., помня его прежнія къ себѣ командирскія милости.

2.

(*своеручно*)

1769 года Декабря 8 (19) дня.

Нижайше благодарствую за письмо ваше и за всѣ оказываемые знаки вашей дружбы. Эскадры нашего флота нѣсколько вбѣжало уже въ Портъ-

---

валъ въ Черногорской и Архипелагской экспедиціяхъ и въ Чесменской баталіи (примѣч. къ стр. 15-й Сборникъ Р. Истор. Общества, т. I.)

[1]) Герой Хотина, двоюродной братъ вицеканцлера, князь тоже Александръ Михайловичъ Голицынъ.

[2]) Рѣчь идетъ объ ожидаемомъ въ Архипелагъ Русскомъ флотѣ подъ начальствомъ адмираловъ Спиридова и Эльфинстона.

Магонъ, куда изъ первыхъ пришелъ адмиралъ; и братъ Ѳедоръ, бывъ таскаемъ волнами морскими, по двадцатидвудневномъ плаваньи нашелъ его тамъ. И адмиралъ очень печаленъ, потерявъ сына своего, который былъ боленъ чахоткою. Я жъ, князь, отсюда посылаю свѣжихъ мясъ; а у насъ на флотѣ больныхъ немало по небывалости людей въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ Магонѣ принятъ съ великою радостію и со всякою честію нашъ флотъ, и Григорій Андреичъ [3]) пишетъ, равно какъ бы онъ и домой пришелъ. Я и самъ чаю съ нимъ скоро увидѣться и туда къ нему ѣхать, какъ только возможно будетъ. Князь Юрья Владимирычъ [4]) принужденъ былъ уѣхать изъ Черной Горы, по претерпѣніи многихъ опасностей, со всѣми офицерами, и отдать команду Стіопкѣ Малому, надѣвъ на него мундиръ Россійскаго офицера [5]). А я прошу о продолженіи вашей дружбы и

---

[3]) Спиридовъ. Его большое письмо о томъ времени см. въ Р. Архивѣ 1864 года.

[4]) Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій (род. 1740 + 1830) былъ назначенъ въ распоряженіе графа А. Г. Орлова и симъ послѣднимъ отправленъ въ Черногорію, для приведенія въ подданство ея жителей. Свое отправленіе изъ Пбурга къ гр. Орлову, въ запискахъ своихъ, кн. Ю. В. описываетъ такъ. „Въ разсужденіи критическихъ обстоятельствъ въ католическихъ державахъ, а наипаче въ Италіи, отправили меня подъ названіемъ купца Барышникова и, вмѣстѣ со мною такимъ же образомъ: артил. подпол. Лецкаго (Алексѣй Петров.), Ник. Ив. Маслова и Ѳ. В. Обухова.... Доѣхавъ въ Пизу (ранѣе Апрѣля 1769 года), вмѣстѣ съ порученными бумагами, вручилъ графу Орлову записку, что весьма скоро къ нему придутъ 9 линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ и 5000 высаднаго войска“. (Сборникъ Рус. Истор. Общ. 1867, т. I, стр. 18).

Съ кн. Долгорукимъ отправились въ Черногорію полковникъ Лецкой, Герздорфъ, майоръ Розенбергъ, секретарь Миловской, капитанъ Пламенацъ, волонтеръ графъ Войновичъ, два гвард. унт-офиц. Акиншинъ и Сыромятниковъ, камердинеръ-слуга Лукезини и 26 Славянъ. По прибытіи въ Цетину, чтȯ не обошлось безъ большихъ лишеній, кн. Долгоруковъ привелъ Черногорцевъ къ присягѣ Императрицѣ, но болѣе ничего не могъ предпринять потому, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тщетно ожидалъ прибытія обѣщаннаго Орловымъ флота. При своемъ тайномъ удаленіи изъ Черногоріи, кн. Долгоруковъ вручилъ Степану Малому патентъ на чинъ Русскаго офицера и письменное повелѣніе, которымъ поручалъ ему управлять Черногоріею (тамже, стр. 32).

Въ рескриптѣ Орлову, 6 Мая 1769, Екатерина, предписывая ему различныя мѣры осторожности для сохраненія жизни и безопасности единовѣрныхъ жителей, выражаетъ особенное желаніе, чтобы они „непримиримыя между собою партикулярныя ссоры прекратили для соглашенія къ общему дѣлу“. Замѣчательно, что о такомъ же примиреніи враждовавшихъ сторонъ въ Черногоріи особенно заботился Степанъ Малый (стр. 19).

Въ настоящемъ рескриптѣ Государыня сообщаетъ гр. Орлову „небезосновательное“ подозрѣніе ген. майора Подгоричанина, что Степанъ Малый тотъ самый Итальянецъ Вандини, который въ канцеляріи опекунства здѣсь дѣло имѣлъ; и, обманувъ здѣсь, вымавя алмазы у Греческаго купца и заложа оные, денегъ взялъ, а самъ ускакалъ. Подгоричанинъ говоритъ, что описаніе фигуры и лица одного и другаго совсѣмъ сходно, а только Вандини не былъ рябъ, а другой рябъ; и къ Подгоричанину писано, что, пріѣхавъ въ Черногорію, Степанъ въ оспѣ лежалъ; и такъ рябъ и нынѣ, хоть въ Петербургѣ не былъ таковъ.

[5]) Пожалованіе Степану Малому офицерскаго чина объясняется рескриптомъ отъ 4 Марта 1769 года на имя графа Алексѣя Орлова, коимъ Императрица даровала ему право.... „тамошнихъ знатныхъ людей жаловать въ оберъ-офицерскіе чины, до капитана включительно; а о награжденіи чинами оберъ-офицерскими представлять на высочайшее утвержденіе“.

есмь навсегда, съ моимъ почтеніемъ, вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга графъ Алексѣй Орловъ.

Прошу ваше сіятельство искреннее мое почтеніе засвидѣтельствовать побѣдителю и сокрушителю Отоманскихъ войскъ и государства ихъ, милостивому моему государю князю Александру Михаиловичу, поздравить его со всѣмъ и вся.

3.

Въ Пизѣ, Генваря 8 (19) числа 1770.

Два письма вашего сіятельства, какъ одно, такъ и другое отъ 28 числа Ноября прошедшаго года съ приложеннымъ статутомъ, касающимся до установленія новаго военнаго ордена и съ дипломою на оный, я исправно получилъ чрезъ прибывшаго сюда куріера Домашнева и, благодаря вамъ за содержаніе помянутыхъ писемъ, признаю особую вашу ко мнѣ дружбу и благопріятство; и съ моей стороны я при всѣхъ случаяхъ стараться буду заслужить продолженіе онаго истинною моею къ вамъ преданностію и усердіемъ, которымъ я вамъ долженъ. Впрочемъ, почитая за излишнее повторять увѣренія мои о чистосердечной моей къ вамъ дружбѣ, имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ, вашего сіятельства

(своеручно) покорный и вѣрный слуга
графъ Алексѣй Орловъ

О флотѣ теперь васъ увѣдомить не могу; послѣ тѣхъ поръ никакова извѣстія не получалъ. Такожъ и объ Эльфинстонѣ вѣрнаго извѣстія никакого нѣтъ, а что̀ только газеты пишутъ.

4.

Въ Пизѣ, Февраля 8 числа 1770.

Два письма вашего сіятельства, одно отъ 2 Генваря отправленное съ маіоромъ Розенбергомъ, а другое по почтѣ, застали меня еще въ Пизѣ; почему, будучи долженъ вамъ на оныя отвѣтомъ, благодарю за желанія ваши и, почитая оныя совершеннымъ знакомъ дружбы и пріятства, прошу принять и съ моей стороны нелицемѣрную искренность, сопряженную съ истиннымъ усердіемъ и почтеніемъ, съ которымъ я пребуду непремѣнно и пр.

„Не прогнѣвайся ваше сіятельство, что мало пишу: право хлопотно“.

5.

Близъ острова Накіи, на кораблѣ Трехъ Іерарховъ, Іюня 20 числа 1770.

Извините меня, что за краткостію времени не могу я нынѣ сообщить вашему сіятельству изъ здѣшнихъ сторонъ другихъ извѣстій кромѣ слѣдующихъ: что непріятельскій флотъ, состоящій изъ девяти линейныхъ кораблей и пятнадцати шебекъ и галеръ, имѣлъ уже сраженіе съ одною только Эльфинстоновою эскадрою, отъ которой былъ прогнанъ съ немалымъ его вредомъ, а теперь соединясь весь нашъ флотъ, слѣдуетъ за непріятелемъ, который вездѣ бѣжитъ, укрываясь между Архипелажскихъ острововъ. Время покажетъ впредъ, отважится ли оной дать бой, или возвратится въ Константинополь. О всемъ томъ что̀ послѣдуетъ не премину я увѣдомить васъ со временемъ, пребывая нынѣ и пр.

6.

Въ проливѣ при островѣ Сціо, Іюня 27 числа 1770 года.

Ревность и желаніе всѣхъ находящихся со мною заслужить милость великой нашей Государыни, показать Отечеству услугу, повергнуть

гордость непріятеля и прославить морскія наши силы—нѣкоторымъ образомъ удовольствованы.

24 числа сего мѣсяца нашли мы непріятеля на якорѣ близь береговъ Натоліи, противу острова Сціо. Превосходныя его силы не устрашили храбрыхъ Россіянъ, кои всѣ съ великою радостію желали на непріятеля сдѣлать нападеніе; почему, не медля нимало, того числа въ полдень атаковали, разбили и прогнали въ портъ подъ крѣпость Чесме. Неудовольствовавшись симъ, 25 числа въ полночь атакованъ былъ непріятель вторично и совсѣмъ разбитъ. Побѣды совершеннѣе быть не можетъ. Изъ шестнадцати непріятельскихъ линейныхъ кораблей, шести фрегатовъ, множества шебекъ, бригантиновъ, полугалеръ и другихъ малыхъ судовъ не осталось ничего, кромѣ печальныхъ слѣдовъ сего вооруженія: всѣ безъ остатка потоплены, переломаны и сожжены.

Мы потеряли одинъ 60-ти пушечный корабль, на котораго мѣсто взяли мы Турецкій равной же величины и получили множество полугалеръ.

О семъ сообщая, поздравляю ваше сіятельство сею славною надъ непріятелемъ побѣдою, пребывая, и пр.

(своеручно)

Натка, что̀ наши арженушки *) чудесятъ! Спросите у Семіона Кирилыча, которому прошу мое почтеніе засвидѣтельствовать, такожъ и Марьѣ Павловнѣ.

Къ князю А. М. Голицыну отъ оберъ-егеймейстера Семена Кириловича Нарышкина.

14 Сентября 1770.

Возвращаю сообщенное письмо съ покорнымъ благодареніемъ вашему сіятельству. Приписка въономъ такого героя весьма меня тронула. Флота жъ нашего побѣдоносная слава столь меня пронзила радостью, что еслибъ не извѣстная моя печаль, то бъ я былъ оною безмѣрно восхищенъ; и остаюсь съ истиннѣйшимъ почтеніемъ, вашего сіятельства, государя моего, покорнѣйшій слуга С. Нарышкинъ.

V. Письма отъ вицеканцлера князя А. М. Голицына къ графу Орлову.

1.

5 Генв. 1772.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь я симъ отправленіемъ искренно возблагодарить ваше с. за содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего отъ 4 Октября минувшаго года, сердечно поздравляя васъ съ одержанными подъ вашимъ предводительствомъ разными надъ непріятелемъ авантажами, отъ которыхъ не только Турки, но и самый Константинополь претерпѣли немалое притѣсненіе. Храброе поведеніе капитана Костина и мичмана Ушакова есть такое дѣло, которое въ лѣтописцахъ Россійскихъ честь Россійскому воинству дѣлать будетъ. Впрочемъ здѣсь теперь ничего новаго и примѣчанія достойнаго не происходитъ, развѣ только то, что̀ до нашей мирной негоціаціи касаться можетъ и о чемъ повтореніемъ своимъ я васъ утруждать за излишно почита̀ю, будучи удостовѣренъ, что при семъ случаѣ подробно о всемъ къ вамъ писано будетъ. Къ намъ со

*) Т. е. Русскіе люди, питающіеся *арженымъ* хлѣбомъ. *П. Б.*

всѣхъ сторонъ подтвержденіе приходитъ, что Вѣнской дворъ въ минувшемъ Іюлѣ субсидной трактатъ съ Портою заключилъ. Оной дворъ всячески старается, чтобъ нашу съ Турками мирную негоціацію въ свои руки присвоить и заключить миръ по собственному своему произволенію, уговаривая Турковъ съ нами ни въ какіе договоры безъ посредства своего не вступать, грозя имъ мщеніемъ въ противномъ случаѣ. Однакоже мы, зная сіи Австрійцовъ замыслы и намѣреніе противъ насъ воевать, съ особливою осторожностію въ семъ дѣлѣ поступаемъ, и пытались уже какъ чрезъ Прусскаго въ Царѣградѣ министра, такъ при случаѣ намѣряемаго трактованія объ армистиціи въ безпосредственную негоціацію съ Турками вступить. Означиваніе здѣшнихъ будущихъ пословъ *) на конгресъ можетъ у Турокъ пріумножить охоту, при настоящемъ ихъ бѣдственномъ и изнурительномъ состояніи, къ возстановленію съ нами мира безъ посредства Вѣнскаго двора. Знатность сихъ пословъ должна Туркамъ доказать о нелицемѣрномъ Ея Им. В-ва намѣреніи съ Портою помириться.

Я же ваше сіят-во сердечно поздравляю съ новымъ знакомъ довѣренности Ея Им. В-ва къ вашей фамиліи, не сумнѣваяся, чтобъ чрезъ то оная не имѣла новаго случая показать знатную услугу своему государю и Отечеству и послужить приращенію себѣ чести и славы.

Графа Ѳедора Григорьевича мы ежедневно сюда изъ Швейцаріи ожидаемъ.

Заразительная болѣзнь какъ въ Москвѣ, такъ и ея окружности почти совсѣмъ утихла, и дѣйствительно принимаются строгія и надлежащія мѣры, дабы оная будущею весною отрыгнуться не могла, въ чемъ намъ Господь Богъ да поможетъ.

2.

(Февраль 1772)

Милостивой государь мой графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Сердечно поздравляя ваше с-о съ счастливымъ въ Италію пріѣздомъ, уповаю, что при настоящихъ пріятныхъ аспектахъ вы уже больше нужды имѣть не будете другія многотрудныя на морѣ кампаніи дѣлать. Ваше с-во обстоятельно усмотрѣть изволите изъ Ея И. В-ва рескрипта, письма̀ графа Никиты Ивановича и приложеніевъ о настоящемъ дѣлъ положеніи, какой неожиданной фенаментъ (явленіе) отъ Вѣнскаго двора представляется въ полезномъ дѣлъ оборотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Турки и Поляки много дивиться будутъ, да и не безъ причины, когда увидятъ, что ихъ избавитель, на котораго они всю свою надежду полагали, соединится съ нами для приведенія ихъ въ порядокъ и полученія отъ нихъ себѣ части. Не меньше же ихъ смѣшнѣе будутъ Французы и Англичане, которые въ теченіе настоящей войны или причиною оной были, или дорожили много собою. Остается мнѣ, милостивой государь мой, теперь желать, чтобъ при заключеніи столь славнаго и полезнаго для Ея И. В. и Отечества нашего мира, видѣть васъ здѣсь вскорѣ и вмѣстѣ съ вами наслаждаться столь вожделѣннымъ благоденствіемъ и покоемъ.

Упоминаемый здѣсь рескриптъ Императрицы графу А. Г. Орлову отъ 13 Февраля 1772 года помѣщенъ въ собраніи рескриптовъ и писемъ Государыни, напечатанныхъ съ Сборникѣ Историч. Общ-ва (т. I, 1867 г., стр. 78—79). Знаемъ, что надежды на немедленное заключеніе мира не оправдались; война затянулась еще на два года, поддерживаемая совокупными интригами Австріи, Франціи, Англіи и Пруссіи.

---

*) Въ числѣ этихъ пословъ поѣхалъ изъ Зимняго дворца братъ графа Орлова, графъ Григорій Григорьевичъ.

VI. Два письма И. И. Шувалова къ вицеканцлеру князю А. М. Голицыну.

1.

Изъ Пизы, 1770, 8 Февраля.

В. с. о прибытіи двухъ нашихъ кораблей и одного фрегата въ Ливурнъ конечно извѣстны и о всѣхъ обстоятельствахъ касательно до сей морской экспедиціи. Дай Богъ благополучный успѣхъ сему славному началу. Вѣтры стоятъ чрезвычайные, отчего помянутые три корабля въ проѣздъ изъ Магона въ Ливурнъ много терпѣли. Люди, славу Богу, на корабляхъ здоровы; но всѣ почти, въ пути семъ дальнемъ, болѣзни имѣли.

2.

Письмо в. с-ва имѣлъ честь получить. По приказанію вашему я тотъ же день писалъ къ маркизу Маруцію (который былъ въ Ливорнѣ). Отвѣтствуетъ, что вещи для в. с. еще не готовы, полученныя изъ Карары. Присланной пакетъ на мое имя отъ фельдмаршала гр. Шувалова *) прошу, милостивой государь мой, при случаѣ ко мнѣ прислать; въ немъ нужнаго въ скоромъ полученіи нѣтъ.

Графъ Орловъ скоро поѣдетъ изъ Ливорна. Вѣтеръ благополучный. Боже дай успѣха сему великому предпріятію. Ваше сіятельство болѣе извѣстны, что всѣ обстоятельства оправдываютъ исполненіе сего желанія.

Впрочемъ съ моимъ почтеніемъ и съ совершенною преданностью честь имѣю быть вашего сіятельства милостиваго государя моего покорный и вѣрный слуга

Марта 1770, Флоренція. Иванъ Шуваловъ.

VII. Письмо Марка Баины изъ Венеціи къ князю Д. М. Голицыну. Отъ 5 Августа 1769.

(Съ Французскаго подлинника).

Не сомнѣваюсь, что вашему сіятельству извѣстно предположеніе графовъ Орловыхъ приступить здѣсь къ морскому вооруженію противу Турокъ. По крайней мѣрѣ старшій изъ нихъ, по проискамъ корыстныхъ людей, алчущихъ наживы, набралъ на сей предметъ людей изъ Славянъ и Грековъ, подданныхъ сей республики. Правительство рѣшило, что ему не слѣдуетъ скрывать такое зло и вынудилось объявить этимъ господамъ, чтобы они убрались отсюда въ возможной скорости и запретило своимъ подданнымъ записываться къ нимъ, подъ страхомъ наказанія какъ за государственное преступленіе. Но не знаю, м. г., дошло ли до вашего свѣдѣнія, что г.г. Орловы отправились послѣ того въ Геную, купили тамъ 20 пушечный корабль, предназначенный для посадки на оный, какъ говорятъ, 150 человѣкъ экипажа, набранныхъ здѣсь, не взирая на запрещеніе; что пока корабль этотъ былъ снаряжаемъ, люди сіи безъ зазрѣнія разглашали, что они не ограничатся нападеніемъ на однихъ Турокъ, но что они будутъ одинаково поступать съ судами и тѣхъ христіанскихъ державъ, которыя находятся въ сношеніяхъ съ Турками и особенно съ Рагузскими, которые плаваютъ съ Турецкими паспортами; что Генуезское правительство, понявъ, что это судно назначается для морскаго разбоя и притѣсненія торговли, заставило продавцевъ корабля взять его обратно и воз-

---

*) Графа Александра Ивановича, начальника Тайной Канцеляріи при Елисаветѣ.

вратить деньги, запретивъ съ тѣмъ вмѣстѣ всякое вооруженіе въ портахъ своего владѣнія; что подобное же запрещеніе объявлено и изъ Флоренціи относительно Тосканскихъ пристаней. Прошу васъ, м. г. разсмотрѣть: какимъ людямъ ввѣренъ уважаемый флагъ Россійской Имперіи?

И между тѣмъ, хотя слѣдовало бы предполагать, что при подобныхъ обстоятельствахъ гг. графы Орловы откажутся отъ своего предпріятія, но они отправили нарочнаго ко двору за полученіемъ одобренія онаго и корабельныхъ патентовъ, и не видно, чтобы экипажъ, который они набрали, былъ распущенъ: почему купцы какъ здѣшніе, такъ и приморскихъ городовъ находятся въ такой боязни, что затруднительно пріискать страхователей для судовъ, приходящихъ изъ Леванта. Подобный безпорядокъ однимъ прекратиться можетъ: объявленіемъ и увѣренностію, что вышеупомянутый проэктъ совершенно оставленъ.

Что̀ касается до Рагузинскихъ судовъ, съ которыми хотятъ поступать какъ и съ Турецкими, то, какъ заинтересованный и любовью къ отечеству и участіемъ въ торговомъ плаваніи, я вынужденъ изложить вашему сіятельству, что республика сія, хотя весьма невелика пространствомъ, но она самовладна и независима и за таковую признается самыми значительными государствами. Она имѣетъ свой собственный флагъ и своимъ судамъ выдаетъ патенты, которые уважаются въ портахъ, куда они назначаются. Фирманъ, или Турецкой паспортъ, служитъ имъ только въ обезпеченіе отъ оскорбленій Варварійскихъ корсаровъ, и другими народами оплачивается особою данью: мы же платимъ Портѣ всего по двѣнадцати піастровъ за каждый паспортъ. Въ доказательство, привожу у сего точный переводъ одного изъ сихъ паспортовъ, совершенно подобнаго всѣмъ другимъ; и если ваше сіятельство примете трудъ на него взглянуть, я убѣжденъ, что не найдете въ немъ ничего противнаго моимъ завѣреніямъ.

Въ такой крайности отъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, осмѣлюсь ли, милостивый государь, прибѣгнуть къ вашему покровительству и умолять васъ: благоволите оказать содѣйствіе къ прекращенію сихъ безпорядковъ, которые, конечно, суть истинное несчастіе? Всѣ торговцы будутъ вамъ крайне признательны, и я, въ частности, не престану быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

VIII. Письмо В. С. Тамары *) къ князю А. М. Голицыну.

(Съ Французскаго подлинника).

Изъ Венеціи, 1 (12) Мая 1769.

Проѣзжая чрезъ Тріестъ, я возобновилъ знакомство съ о Дамаскиномъ, архимандритомъ и патріарха Константинопольскаго экзархомъ въ здѣшней странѣ. Ревностный приверженецъ Россіи и въ сношеніяхъ со всею Греціею, онъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ письма. Я извлекаю изъ нихъ для вашего сіятельства самыя любопытныя.

Первое касается того Бенакки изъ Мореи, о которомъ я говорилъ въ первой моей запискѣ о Грекахъ, отъ 14 Февраля, изъ Каламаты, куда онъ удалился въ сосѣдство къ Майнотамъ и гдѣ онъ оберегаемъ 1400 человѣками изъ своихъ. Онъ выражаетъ удивленіе, что никакого извѣстія не имѣетъ отъ Русскихъ. Онъ обращался за свѣдѣніями къ Папазоглу,

*) Впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Константинополѣ, въ то время простой переводчикъ.

но и отъ него уже три мѣсяца не имѣетъ извѣстій. „Благодареніе Богу, пишетъ онъ, я избавился наконецъ отъ моего врага. Новый Морейскій паша мнѣ оказываетъ тысячу любезностей; и подарками и хорошимъ обращеніемъ хочетъ меня привлечь и заставить забыть преслѣдованія своего предшественника. Но я не поддамся: всѣ эти любезности оказываются по поводу войны съ Россіей. Онъ мнѣ прислалъ шубы и двѣ верховыя лошади, приглашая меня пріѣхать въ Триполицу, чтобы посовѣтоваться со мною о областныхъ дѣлахъ и, съ моею помощію, возстановить тишину и спокойствіе въ этой странѣ. Не зная его намѣренія и будучи здѣсь хорошо оберегаемъ, я сказываюсь больнымъ и не двигаюсь“. Бенакки наконецъ сообщаетъ, что жители молятъ Бога скорѣе увидѣть Русскихъ посланцевъ и что они готовы взяться за оружіе.

Другія, новѣйшія письма завѣряютъ, что въ горахъ Аксеромеро встали, съ оружіемъ въ рукахъ, отъ 10 до 12 тысячъ; что они ждутъ Русскихъ, но никого еще изъ нихъ не видѣли. Они ожидаютъ извѣстія о побѣдѣ Русскихъ надъ Турками, чтобы начать дѣйствовать, сообразно степени успѣха.

Капитанъ Буковала изъ Аграффы объявляетъ, что у него и другихъ начальниковъ есть подъ ружьемъ 15.000 человѣкъ; и что они въ состояніи выставить вдвое и втрое, какъ только потребуется ихъ содѣйствіе.

Въ горахъ, вокругъ Янины, есть 360 поселеній Греческихъ. Судя по письмамъ помянутыхъ предводителей, они готовы, по первому ихъ знаку, взяться за оружіе. Эти Греки дали видимое доказательство своего усердія, отказавшись выдать свое оружіе Туркамъ, которые во второй разъ не осмѣлятся его потребовать.

Султанъ издалъ строгія повелѣнія всѣмъ пашамъ, правителямъ областей, чтобы обходились съ Греками со всевозможнымъ человѣколюбіемъ, со всякою мягкостію, и приказалъ возвратить имъ оружіе.

Кромѣ обширныхъ сношеній со всею страною, о. Дамаскинъ человѣкъ весьма просвѣщенный — вещь рѣдкая между Греками, и весьма ими уважаемый. Въ Тріестѣ православную церковь основалъ онъ, чрезъ что привлекъ туда много Грековъ переселенцевъ, принесшихъ въ городъ свою промышленность и торговлю, которыя они, не смотря на зависть сосѣдей, поддержали и усилили.

Я вынужденъ донести вашему сіятельству, что, по несчастію, моя шифрованная азбука попала въ руки маркиза Маруцци. Во время моего отсутствія, онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и, копаясь въ моихъ бумагахъ, нашелъ ее, взялъ и, по возвращеніи моемъ, я увидѣлъ ее у него въ рукахъ. Онъ спросилъ, не тотъ-ли этотъ шифръ, который ему назначенъ? Я долженъ былъ отвѣчать утвердительно. Онъ нашелъ его весьма труднымъ, однако удержалъ у себя. Вотъ почему я такъ долго замедлилъ писать в. с-ву, не имѣя вѣрнѣйшаго случая. Наконецъ я открылъ путь удобный, чрезъ купца Грека въ Вѣнѣ, который вѣрно доставитъ мое письмо въ руки князю Голицыну, нашему министру въ Вѣнѣ.

Мнѣ донесли, что на дняхъ въ Тріестъ приходило Майнотское судно, для развѣдокъ, нѣтъ ли кого со стороны Россіи. Сильно подозрѣваю, что судно это привозило людей изъ Майны, для переговоровъ съ господами Острововыми; тѣмъ болѣе, что достовѣрно знаю, что они посылали для сего человѣка въ Майну и, по приходѣ судна въ Тріестъ, они прислали своимъ здѣшнимъ корреспондентамъ два письма. Наконецъ, о. Дамаскинъ объ этомъ разумѣетъ, и я не замедлю вамъ донести что̀ окажется.

Я уже поручилъ своему человѣку сойтись съ этими негласными корреспондентами гг. Острововыхъ и ожидаю извѣстій.

Маруцци здѣсь ненавидимъ не только Греками, но и благородными Венеціанцами. Не правда, чтобы домъ его былъ всѣми посѣщаемъ, какъ то разсказываетъ кавалеръ С. Маркъ: напротивъ, къ нему никто не ходитъ, и особенно послѣ размолвки его съ братьями, извѣстными за хорошихъ людей. Надъ нимъ охотно подшучиваютъ. На другой день по отъѣздѣ моемъ въ Пизу, объявили, что маркизъ получилъ отъ инквизиторовъ приказаніе оставить городъ. Министръ императора о томъ громко говорилъ. Также неоднократно звалъ онъ прокураторовъ обѣдать, но никто къ нему не пошелъ. Я не довольно еще ознакомился съ дѣлами, чтобы опрѣдѣлить его занятія; но, судя по этимъ оскорбленіямъ, полагаю, развѣ бы онъ имѣлъ порученія внѣ города, что его присутствіе здѣсь собственно безполезно. Графы Орловы очень противъ него предубѣждены.

Господа Острововы обѣщали отправить меня въ Петербургъ при первой надобности послать туда нарочнаго. Мнѣ необходимо побывать дома. Здоровье моего отца съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Я терплю во всемъ недостатокъ: маркизъ Маруцци отказалъ мнѣ въ деньгахъ подъ обезпеченіе двухъ третей моего жалованья; хочу доложить объ этомъ г.г. Острововымъ.

IX. Письмо В. С. Тамары къ графу А. Г. Орлову.

(Съ Французскаго подлинника).

1769, 14 Августа, изъ Венеціи.

Въ началѣ текущей недѣли прибылъ сюда нарочный отъ Венеціанскаго губернатора въ Катаро съ извѣстіемъ, что Русскій офицеръ, спустившись съ Черногорскихъ высотъ, пришелъ, отъ имени начальствующаго въ здѣшнихъ мѣстахъ князя Долгорукова, просить свободнаго прослѣдованія чрезъ владѣнія республики, въ Тріестъ, въ Венецію или въ Анкону, въ чемъ губернаторъ ему отказалъ, не имѣя на подобный случай наставленій отъ Сената. Нарочный говоритъ, что самъ видѣлъ и слышалъ помянутаго офицера, который сильно жаловался на Черногорію, и находилъ, что страна эта годна для обитанія медвѣдямъ, но вовсе не годится для людей. Наконецъ, по описанію нарочнымъ этого офицера, нельзя не узнать въ немъ подполковника Герсдорфа. Я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы узнать объ отвѣтѣ, данномъ чрезъ сего нарочнаго Республикою, но нисколько не успѣлъ.

На послѣднемъ совѣтѣ много было разсуждаемо: слѣдуетъ ли вооружаться? Наконецъ, состоялось рѣшеніе именно въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію, выраженному г-мъ Эмо. Сущность его рѣчи въ семъ случаѣ была такова: „отношенія и обязанности Республики къ прочимъ государствамъ не должны препятствовать ея заботамъ о собственной безопасности, ради сохраненія достоинства предъ собственными подданными".

Человѣкъ совершенно вѣрный меня завѣрялъ, что послѣдовалъ приказъ о вооруженіи 6 линейныхъ кораблей и 3 фрегатовъ, равно какъ нѣсколькихъ другихъ судовъ меньшаго размѣра.

(*Сообщено А. В. Рачинскимъ*).

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пребываніе Наполеона въ Москвѣ представляетъ совершенную противуположность въ сравненіи съ его пребываніемъ въ Дрезденѣ. Тамъ онъ чувствовалъ себя на верху могущества, властелиномъ всей Европы, раболѣпно преклонившейся предъ нимъ въ лицахъ своихъ государей и верховныхъ сановниковъ. Если озабочивало его положеніе Турціи и Швеціи, то эта забота пробѣгала мгновенно въ его политическихъ соображеніяхъ, и онъ увѣренъ былъ, что увлечетъ ихъ за собою. Что̀ касается до Россіи, то конечно онъ смотрѣлъ на нее не безъ тайной тревоги; упоеваясь мыслью о своемъ всемогуществѣ, опираясь на огромныя военныя силы, онъ изрекалъ ей смертный приговоръ, называя ее увлеченною рокомъ. Черезъ три съ небольшимъ мѣсяца иное чувство должно было наполнять его душу: онъ увидалъ себя въ уединенномъ положеніи, внѣ той среды, гдѣ развивалась и увѣнчивалась успѣхами его дѣятельность, въ новомъ и непонятномъ для него мірѣ. Какое-то недоразумѣніе видимо отдаляло отъ него тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ Дрезденѣ подобострастно ловили его улыбку, покорно выслушивали каждое его слово и готовы были идти по его мановенію, куда онъ имъ укажетъ. Они и въ Москвѣ, все еще подъ обаяніемъ его могущества, не выражали никакихъ враждебныхъ ему намѣреній; но они молчали. Ни Пруссія, ни Австрія не спѣшили, вопреки договорамъ, умножать свои контингенты по первому его требованію. Онъ подозрѣвалъ ихъ и всю Германію, хорошо зная враждебное настроеніе въ отношеніи къ нему Нѣмецкаго народа. Онъ подозрѣвалъ даже Францію. Къ довершенію печальнаго положенія его дѣлъ, начали приходить недобрыя вѣсти изъ Испаніи.

Что̀ же заставляло его медлить въ Москвѣ, вопреки общему голосу его боевыхъ сотрудниковъ, требовавшихъ немедленнаго ея оставленія? Его гордость не могла примириться съ мыслію объ отступленіи; а положеніе его войскъ лишало возможности дѣйствовать наступательно. Увѣренность въ своемъ счастіи остановила его на той мысли, что сто́итъ только выразить ему, что онъ готовъ заключить миръ, какъ Русскій императоръ, пораженный участью своей столицы и, желая прекратить бѣдствія войны, немедленно исполнитъ его желаніе и преподастъ ему возможность явиться въ величавомъ положеніи великодушнаго побѣдителя. Только заключеніе мира могло вывести его изъ бѣдственнаго положенія, мира,

который онъ торжественно обѣщалъ своимъ войскамъ, какъ неминуемое послѣдствіе занятія Москвы.

Въ первый день вступленія Французовъ въ Москву, оставшійся въ ней главный начальникъ тамошняго Воспитательнаго Дома И. А. Тутолминъ, желая спасти его отъ грабежа и оградить безопасность сиротъ, отправился съ переводчикомъ въ Кремль и, объяснивъ значеніе подчиненнаго ему заведенія, просилъ защиты у генерала Дюронеля, назначеннаго губернаторомъ города. Дюронель отрядилъ къ нему 12 конныхъ жандармовъ, которые и поселились въ Воспитательномъ Домѣ. Дѣятельностію Тутолмина большая часть зданій этого дома была спасена отъ пожара. По возвращеніи своемъ въ Кремль изъ Петровскаго дворца, проѣзжая по Москворѣцкой набережной и замѣтивъ Воспитательный Домъ, сохраненный отъ огня, Наполеонъ спросилъ, что̀ это за зданіе. Когда ему объяснили значеніе этого зданія и что оно спасено его начальникомъ и подчиненными ему лицами, императоръ послалъ генералъ-интенданта графа Дюма̀ объявить свое благоволеніе Тутолмину. „Я присланъ къ вашему превосходительству, говорилъ ему графъ Дюма, отъ императора, который приказалъ мнѣ благодарить васъ за труды и за спасеніе вашего дома. Его величеству угодно съ вами лично познакомиться“.

На другой день, въ 12 часовъ, Наполеонъ послалъ за Тутолминымъ своего переводчика Лелорня, съ которымъ Тутолминъ и отправился въ Кремлевскій дворецъ. Наполеонъ принялъ его благосклонно и, выслушавъ его благодарность за покровительство, оказанное Воспитательному Дому, сказалъ: „Я желалъ сдѣлать тоже и для всего города, что̀ могу теперь дѣлать только для одного вашего заведенія. Я желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ я поступилъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые до сихъ поръ цѣлы и не разрушены. Но Русскіе, оставивъ этотъ городъ почти пустымъ, сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мнѣ временное зло, разрушили созданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву; но вредъ, ими самими причиненный себѣ, останется невознаградимымъ. Всѣ донесенія, которыя ежечасно я получаю, и зажигатели, которые пойманы на самомъ дѣлѣ, достаточно показываютъ, откуда исходили варварскія повелѣнія совершать подобные ужасы. Объясните это императору Александру, которому, безъ сомнѣнія, неизвѣстны эти злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ; мои войска умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я встрѣчалъ только одинъ пепелъ“.

Затѣмъ Наполеонъ спросилъ Тутолмина, извѣстно ли ему, что въ день вступленія Французовъ въ Москву выпущены были колодники изъ тюремъ и правда-ли, что увезены изъ столицы всѣ пожарныя трубы. Тутолминъ отвѣчалъ, что дѣйствительно до него доходили слухи о томъ, будто-бы выпущены колодники и что полиція увезла трубы. „Это не подлежитъ никакому сомнѣнію“, замѣтилъ Наполеонъ. Между прочимъ онъ спросилъ его, сколько находится

дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ, на сколько времени онъ имѣетъ продовольствія и откуда надѣется получить его на зиму. Тутолминъ представилъ ему подробную вѣдомость о числѣ дѣтей, просмотрѣвъ которую Наполеонъ съ улыбкою сказалъ: „Вы увезли въ Казань взрослыхъ дѣвицъ!" Въ отношеніи къ продовольствію Тутолминъ объяснилъ, что имѣетъ его только на одинъ мѣсяцъ, что хотя Воспитательный Домъ заключаетъ подряды на цѣлый годъ, но у себя, за неимѣніемъ мѣста, помѣщаетъ продовольствіе только на мѣсяцъ; въ настоящее же время всѣ его подрядчики оставили Москву, и онъ лишенъ возможности возобновить свои запасы. „А откуда городъ получаетъ предметы продовольствія?"—„Хлѣбъ изъ Украинскихъ, скотину изъ Малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ губерній. Хлѣбъ доставляется или на баркахъ весною, или по зимнему пути", отвѣчалъ Тутолминъ.—„Какой шаръ дѣлалъ Англичанинъ Шмитъ, для пагубы моего войска и меня самаго?" продолжалъ распрашивать Наполеонъ и, когда Тутолминъ отвѣчалъ, что объ этомъ ничего не знаетъ, онъ замѣтилъ: „Я знаю, что шаръ дѣлался въ семи верстахъ отъ Москвы, но не былъ оконченъ; поэтому его сожгли, а оставшіяся горючія вещества употребили на сожженіе Москвы. Такое варварство недостойно просвѣщеннаго народа". Наконецъ онъ сказалъ: „Какъ безчеловѣчно поступили Русскіе, оставивъ 10 тысячъ раненыхъ безъ пищи и призрѣнія!" и, отпуская Тутолмина, повторилъ: „Напишите обо всѣхъ происшествіяхъ Москвы къ вашему императору и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, черезъ котораго можете получить отвѣтъ. Я дамъ ему пропускъ чрезъ мои аванпосты" [1]).

Гордый завоеватель не рѣшался еще выразить желаніе вступить въ переговоры о мирѣ, но косвеннымъ путемъ надѣялся достигнуть этой цѣли. Расчитывая, что Александръ Павловичъ будетъ отвѣчать на донесеніе Тутолмина, онъ надѣялся, что этотъ отвѣтъ можетъ подать ему поводъ войти въ непосредственныя съ нимъ сношенія. Онъ еще вѣрилъ въ силу обаянія, которое, по его мнѣнію, онъ производилъ на Русскаго императора въ личныхъ свиданіяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ; но онъ находился въ это время въ такомъ положеніи, что вѣра была потрясена сомнѣніемъ, а гордость должна была уступать силѣ обстоятельствъ.

Вслѣдствіе случайныхъ причинъ, отставной капитанъ гвардіи И. А. Яковлевъ замедлилъ выѣздомъ изъ Москвы. 2-го Сентября, когда онъ садился въ карету, чтобы выѣхать изъ столицы, отрядъ Французскихъ солдатъ ограбилъ его съ семействомъ и слугами, отнялъ экипажи, лошадей и пожитки. Дома́ его и родственниковъ его сгорѣли одинъ за другимъ. Ограбленные, онъ и его родственники, съ ихъ родными, прислугою и сотнею крестьянъ, бродили, безъ пищи и крова по Московскимъ пожарищамъ. Случайно встрѣтившись съ

---

[1]) Донесеніе Тутолмина императору 7-го Сентября, императрицѣ Маріѣ Θеодоровнѣ 11-го Ноября 1812 г. Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 163 и слѣд.

полковникомъ Менадье, принадлежавшимъ къ главному штабу маршала Бертье, Яковлевъ спрашивалъ его, какими способами могъ бы онъ выбраться изъ Москвы. Полковникъ указалъ Яковлеву на маршала Мортье, который въ свой чередъ объяснилъ, что не можетъ дать ему разрѣшеніе, но долженъ напередъ доложить о томъ императору. Черезъ нѣсколько времени (9 Сент.) переводчикъ Лелорнь пріѣхалъ за Яковлевымъ, привезъ его въ Кремлевскій дворецъ и ввелъ въ тронную залу, гдѣ ожидалъ его Наполеонъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, первымъ предметомъ его рѣчей, также какъ и Тутолмину, былъ пожаръ Москвы. „Конечно не мы поджигаемъ городъ, говорилъ онъ. Я занималъ почти всѣ столицы Европы и не сжегъ ни одной. Мнѣ пришлось сжечь только одинъ городъ въ Италіи и то потому, что дрались на улицахъ. Какъ это вы сами хотите разрушить Москву, гдѣ покоится прахъ всѣхъ предковъ вашихъ государей!“ Яковлевъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, кто былъ причиною этого бѣдствія; но его послѣдствія испыталъ онъ на самомъ себѣ, потерявъ все свое имущество. „Кто былъ вашимъ губернаторомъ въ Москвѣ?“ спросилъ Наполеонъ, хотя очень хорошо зналъ его имя.—„Графъ Ростопчинъ“, подсказалъ Лелорнь.—„Что это за человѣкъ?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ.—„Онъ человѣкъ извѣстный по своему уму“, отвѣчалъ Яковлевъ.—„Можетъ быть, онъ уменъ, возразилъ Наполеонъ; но онъ сумашедшій. Я прежде имѣлъ понятіе объ этой странѣ и все что я видѣлъ, начиная отъ границы и до Москвы, показывало, что это прекрасная страна, повсюду обработанныя поля, повсюду жилища; но я находилъ ихъ опустѣлыми или сожженными. Это вы сами разоряете прекрасную страну, и для чего? Это мнѣ не препятствовало идти впередъ. Я понялъ бы, еслибъ вы поступили такъ съ Польшею. О, Поляки этого стоили, потому что они предались намъ. Наконецъ надо же положить предѣлъ кровопролитію; пора намъ примириться. Эта война чисто-политическая, и мнѣ нечего дѣлать въ Россіи. Я отъ нея ничего не требую болѣе, какъ исполненія условій Тильзитскаго договора; я хочу возвратиться, потому что всѣ мои дѣла касаются Англіи. О, если бы я взялъ Лондонъ, то не скоро бы его оставилъ! Да, я хочу возвратиться во Францію. Если императоръ Александръ желаетъ мира, то ему стоитъ только извѣстить меня объ этомъ; я пошлю къ нему одного изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна или Лористона, и миръ немедленно будетъ заключенъ. Но если онъ желаетъ продолжать войну, то и я буду продолжать; мои солдаты только того и требуютъ, чтобы идти на Петербургъ. Ну что же, мы пойдемъ, и Петербургъ испытаетъ участь Москвы“.

Воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Наполеонъ нюхалъ табакъ, Яковлевъ спросилъ его: гдѣ находится наша главная армія? „Ваша армія отступаетъ по Рязанской дорогѣ“, отвѣчалъ Наполеонъ —„А Витгенштейнъ?“—„Онъ у Петербурга; его совершенно разбилъ Сенъ-Сиръ. Ваши солдаты очень хороши, у васъ нѣтъ недостатка и въ хорошихъ офицерахъ; но вашъ офицеръ не выдержитъ того, что можетъ выдержать нашъ. Нашъ одинаково переноситъ зной и холодъ и всякаго рода лишенія“.

„Въ словахъ Наполеона, замѣчаетъ Яковлевъ, „выражались или хвастовство или ложь. Такъ онъ увѣрялъ, что наши бумажныя деньги каждый день падаютъ въ цѣнѣ, и мы скоро обанкротимся, что его солдаты завели торги въ Москвѣ и прибавилъ: „Знаете ли, если мои солдаты дадутъ объ этомъ знать своимъ родственникамъ, то привлекутъ къ вамъ всю Европу, какъ въ обѣтованную землю". „Вы желаете пропуска изъ Москвы чрезъ мои аванпосты, говорилъ онъ; я согласенъ на это, но съ уловіемъ: когда проводите своихъ, куда намѣреваетесь ихъ проводить, поѣзжайте въ Петербургъ. Императору будетъ весьма пріятно видѣть свидѣтеля-очевидца всѣхъ происшествій въ Москвѣ и выслушать вашъ отчетъ". Яковлевъ отвѣчалъ, что, по своему общественному положенію, онъ не имѣетъ никакого права лично представляться Императору. Наполеонъ возразилъ, что онъ можетъ это устроить или черезъ оберъ-гофъ-маршала графа Толстаго, котораго онъ знаетъ какъ хорошаго человѣка, или поручить камердинеру Императора доложить о себѣ, или наконецъ встрѣтить Императора во время его ежедневныхъ прогулокъ. Вынужденный настояніями Наполеона, Яковлевъ наконецъ сказалъ: „Государь! Я нахожусь теперь въ вашей власти; но я не перестаю быть вѣрнымъ подданнымъ императора Александра и останусь имъ до тѣхъ поръ, пока течетъ кровь въ моихъ жилахъ. Не требуйте отъ меня того, чего я не могу сдѣлать и, слѣдовательно, не могу вамъ и обѣщать".—„Хорошо, отвѣчалъ Наполеонъ, въ такомъ случаѣ я напишу письмо къ Императору. Я скажу ему, что приглашалъ васъ къ себѣ, что я съ вами говорилъ". По свидѣтельству Яковлева, Наполеонъ разсказалъ ему содержаніе письма, сущность котораго заключалась въ томъ, что онъ желаетъ заключить миръ. Онъ объявилъ ему, что онъ долженъ отвезти письмо въ Петербургъ и, пожелавъ добраго пути, отпустилъ. Яковлевъ ничего не отвѣчалъ. „Признаюсь откровенно, говоритъ онъ, что я и тогда не зналъ, какъ и теперь не знаю, слѣдовало ли мнѣ взять это письмо или отказаться отъ него" [2]).

Императоръ Наполеонъ писалъ: „Государь мой братъ! Узнавъ, что братъ министра вашего величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ вашему величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Ростопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлалось добычею пламени; уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли. Того ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣ-

[2]) Русск. Архивъ 1874 г., стр. 1062—1066.

тѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли? Точно также поступаютъ, начиная съ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600 тысячь семействъ. Городскія пожарныя трубы были или изломаны, или увезены; часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды вашего величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную Русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городовое управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступали два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ; такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ солдатамъ право грабить; они оспоривали добычу у пламени. Если бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній вашего величества, то я не писалъ бы къ вамъ этого письма. Но я считаю несогласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства, недостойныя ни великаго монарха, ни великаго народа. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70 тыс. новыхъ ружей, 1,600,000 патроновъ и много пороху, селитры, сѣры и проч. Я веду войну съ вашимъ величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если ваше величество, хотя отчасти сохраняете прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ вашему величеству о происходящемъ въ Москвѣ“.

Это письмо было получено Александромъ Павловичемъ; но онъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣчать на него. Оно служило явнымъ признакомъ, что Наполеонъ поставилъ свое войско въ такое положеніе, что единственнымъ для него способомъ спасенія было бы скорое заключеніе мира. Могъ ли Русскій императоръ идти ему на помощь и спасать своего врага и врага Россіи? Но Наполеонъ могъ иначе объяснять себѣ молчаніе Русскаго государя. Конечно онъ помнилъ, какъ упорно отказывался Яковлевъ лично представиться Императору и передать ему его письмо. Не получая отвѣта, онъ могъ предполагать, что Яковлевъ рѣшился взять это письмо для того только, чтобы выбраться изъ Москвы съ своими родными и прислугою и не исполнилъ порученія, не доставилъ его письма. Молчаніе Государя Наполеонова гордость скорѣе всего могла объяснить этимъ обстоятельствомъ. Онъ придумалъ новое средство.

Въ тотъ же самый день, когда онъ отказался отъ предположенія, угрожая Петербургу, двинуть свои войска на соединеніе съ Викторомъ, Сенъ-Сиромъ и Макдональдомъ, Наполеонъ рѣшился отправить своего уполномоченнаго къ императору Александру для предложенія и заключенія мира. Но этотъ уполномоченный могъ достигнуть до Петербурга не иначе, какъ получивъ пропускъ и даже провожатыхъ отъ главнокомандующаго Русскими войсками.

Поэтому, по его порученію, начальникъ его штаба (22 Сентября) писалъ къ Неаполитанскому королю: „Его величество, рѣшившись отправить къ Русскому главнокомандующему одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, желаетъ, чтобы вы поручили начальнику вашего штаба написать къ начальнику непріятельскаго авангарда письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Императоръ, намѣреваясь отправить одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ къ кн. Кутузову, желаетъ знать день, часъ и мѣсто, гдѣ онъ можетъ его принять". Это письмо должно быть передано подъ росписку начальника авангарда. Само собою разумѣется, что императоръ предоставляетъ избрать удобное время для этого дѣла, чтобы оно не показалось вынужденнымъ обстоятельствами". Даже Мюрату, котораго войска, состоявшія преимущественно изъ конницы, были еще въ бо̀льшемъ разстройствѣ, нежели другія, Наполеонъ хотѣлъ представить этотъ поступокъ совершенно свободнымъ и невынужденнымъ. Но послѣднія строки обличали его дѣйствительное значеніе. „Генералъ-адъютантъ, котораго пошлетъ его императорское величество, вѣроятно пріѣдетъ сегодня же вечеромъ въ вашу главную квартиру" [3]). Очевидно, Мюратъ какъ возможно скорѣе долженъ былъ исполнить возлагаемое на него порученіе, чтобы не задерживать на неопредѣленное время генералъ-адъютанта въ своей главной квартирѣ. При Наполеонѣ находились графы Коленкуръ и Лористонъ, оба состоявшіе послами Франціи при Русскомъ императорѣ. Всего естественнѣе представлялось отправить одного изъ нихъ. За Коленкуромъ Наполеонъ признавалъ болѣе дипломатическихъ способностей и полагалъ, что онъ болѣе могъ имѣть вліянія и успѣшнѣе дѣйствовать на Русскаго императора и наконецъ, что онъ болѣе знако̀мъ если не съ Россіею, то съ высшимъ обществомъ Петербурга, вслѣдствіе продолжительнаго тамъ пребыванія. Но Коленкуръ постоянно выражалъ несочувствіе къ предпріятіямъ своего повелителя противъ Россіи, постоянно защищалъ Русскаго императора и заявлялъ объ его миролюбивыхъ свойствахъ. Наполеонъ во все время похода не входилъ съ нимъ ни въ какія разсужденія. Теперь, вынужденный обстоятельствами, онъ долженъ былъ обратиться къ нему. Онъ призвалъ къ себѣ Коленкура, но прежде чѣмъ начать рѣчь, долго и скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ. Признаться передъ нимъ, что онъ вынужденъ просить мира и требовать его услугъ въ этомъ случаѣ, было тяжело для его гордости. Наконецъ онъ заговорилъ, что намѣренъ предпринять походъ на Петербургъ, что разрушеніе этого города конечно огорчитъ Коленкура, котораго онъ постоянно дразнилъ приверженностію къ императору Александру; что это событіе произведетъ возмущеніе въ Россіи, которое можетъ сто̀ить даже жизни Русскому государю. Эти слова конечно также были расчитаны на тѣ чувства, которыя Коленкуръ выражалъ постоянно въ отношеніи къ

---

[3]) Письмо марш. Бертье къ Мюрату 4 Окт. н. ст. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, прилож., стр. 192.

Александру Павловичу. „Но, продолжалъ Наполеонъ, изъ личнаго расположенія къ нему и потому, что онъ самый склонный къ выгодамъ Франціи, я желаю предупредить такой переворотъ и съ этою цѣлію посылаю васъ въ Петербургъ для заключенія мира". Коленкуръ возразилъ, что такое посольство не только не будетъ полезно (потому что императоръ Александръ никогда не заключитъ мира, пока Французскія войска находятся въ предѣлахъ его имперіи), но даже вредно, потому что обличитъ ихъ затруднительное положеніе. Тогда Наполеонъ вдругъ прервалъ бесѣду словами: „Хорошо, въ такомъ случаѣ я пошлю Лористона". Онъ немедленно призвалъ его и, не обращая вниманія на его отговорки, поручилъ ѣхать въ Русскій лагерь. „Я желаю мира, говорилъ онъ; мнѣ нуженъ миръ; я непремѣнно хочу его заключить, только бы честь была спасена" [4]).

Лористонъ былъ снабженъ письмомъ Наполеона къ князю Кутузову. Единственнымъ послѣдствіемъ его поѣздки въ Тарутинскій лагерь было обѣщаніе, данное Русскимъ главнокомандующимъ, что онъ немедленно сообщитъ Государю своему о желаніи Наполеона вступить въ мирные переговоры и съ этою цѣлію отправитъ въ Петербургъ своего адъютанта. До полученія отвѣта Русскаго императора, дѣла должны были оставаться въ прежнемъ положеніи. Лористонъ, „при семъ случаѣ, расчитывалъ съ нетерпѣніемъ время, когда сей отвѣтъ придти можетъ", какъ доносилъ Государю кн. Кутузовъ [5]). Не менѣе его расчитывали это время самъ Наполеонъ и всѣ тѣ изъ окружающихъ его лицъ, кому была извѣстна цѣль поѣздки Лористона.

Вѣсть о попыткѣ заключить миръ скоро распространилась въ войскѣ. О поѣздкѣ Лористона говорили съ живымъ участіемъ, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ. Впрочемъ слухамъ о мирѣ давали вѣру потому только, что всѣ его желали. Люди благоразумные считали его совершенно невѣроятнымъ. „Возможно-ли, чтобы правительство, которое рѣшилось на такое дѣло самоотверженія, грозное и дикое, какъ сожженіе Москвы, не захотѣло бы лучше похоронить себя подъ развалинами имперіи, нежели вступать въ мирные перегоры съ нами" [6]). Французы не придавали важнаго значенія посылкѣ Лористона и объясняли упорство Наполеона продолжать свое пребываніе въ Москвѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ свѣдѣнія, на основаніи

---

[4]) C-te Segur. L'histoire Napoléon et de la grande armée, т. II, гл. VIII, стр. 81—83; Souvenir du duc de Vicence, par Charlotte de Sor, т. I, стр. 88—89. Коленкуръ, по этимъ разсказамъ, отрицалъ намѣреніе Наполеона послать его для открытія мирныхъ переговоровъ; но г-жѣ Соръ случайно удалось часто бесѣдовать съ нимъ въ 1826 г. въ Пломбьерѣ, и изъ этихъ разговоровъ она составила свои воспоминанія. Вѣрно-ли сохранила ихъ память больной женщины и вполнѣ-ли откровенно бесѣдовалъ съ ней Коленкуръ? А между тѣмъ Тьеръ (Hist. de l'empire, кн. XXVI) подтверждаетъ, что прежде Лористона Наполеонъ предлагалъ Коленкуру ѣхать къ князю Кутузову, но онъ отказался.

[5]) Всеподдан. донесеніе кн. Кутузова 23 Сент. 1812 г. Село Тарутино.

[6]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 106, 109.

которыхъ былъ увѣренъ, что миръ будетъ заключенъ. Не поѣздка Лористона могла служить основаніемъ этой увѣренности, но „гораздо вѣроятнѣе (предполагали они), что онъ тайно велъ переговоры въ Петербургѣ и что тамъ происки Англіи разрушили его надежды“ [7]). Не знаемъ, поощрялъ-ли Наполеонъ эту увѣренность, которую едва-ли самъ имѣлъ; но начальникъ его штаба вполнѣ раздѣлялъ ее. Генералъ-интендантъ гр. Дюма разсказываетъ, „что онъ стоялъ вмѣстѣ съ маршаломъ Бертье на одномъ изъ балконовъ Кремлевскаго дворца и наблюдалъ, съ какимъ усиліемъ трудились рабочіе, чтобы снять крестъ съ Ивана Великаго, который, по его мнѣнію, особенно чтимъ у Русскаго народа, полагающаго, что онъ сдѣланъ изъ чистаго золота“. Императоръ Наполеонъ задумалъ поставить его на куполѣ Дома Инвалидовъ въ Парижѣ. Начальникъ штаба, огорченный и взволнованный этимъ грабежемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла, сказалъ мнѣ, говоритъ гр. Дюма: „Возможно-ли дѣлать подобныя вещи, когда миръ почти заключенъ?“ [8]).

Но Наполеонъ дѣлалъ подобныя распоряженія именно потому, что съ каждымъ днемъ терялъ надежду на заключеніе мира. Дни проходили за днями, а отвѣта отъ Русскаго императора онъ не получалъ. Между тѣмъ, судя по времени, онъ долженъ былъ его получить. Это раздражало его, и долгое пребываніе въ Москвѣ лишало послѣдней надежды даже совершить правильное отступленіе. Позорное бѣгство великой арміи подъ его предводительствомъ представлялось его воображенію, вызывало изъ глубины его души дикія страсти и возбуждало жажду неразумнаго мщенія. Онъ руководился уже не соображеніями великаго полководца и императора образованнаго народа, но инстинктомъ грубаго Корсиканца. Онъ самъ началъ грабить, не съ тою цѣлію, чтобы доставить необходимыя средства существованія своимъ войскамъ, а для обогащенія своей казны. Онъ велѣлъ въ это время обобрать всѣ серебряныя и золотыя украшенія въ Кремлевскихъ соборахъ. Въ Успенскомъ „поставлены были плавильныя печи“, чтобы переплавить ихъ въ слитки для удобства перевозки. Онъ назначилъ въ распоряженіе маршала Бертье, для раздачи жалованья войскамъ, милліонъ фальшивыхъ ассигнацій, опредѣливъ цѣну рубля въ одинъ франкъ [9]) и въ тоже время, сберегая свою казну, велѣлъ роздать имъ мѣдныя деньги, найденныя въ Москвѣ. Ассигнацій, которыхъ подложность

---

[7]) C-te Matieu Dumas. Souvenirs, т. III, стр. 454—456; Rapp., Mémoires, стр. 212—213.

[8]) Est-il possible qu'on fasse une telle chose, quand on a la paix dans sa poche? Souvenirs, т. III, стр. 456.

[9]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 170. Донесеніе Тутолмина императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, 11-го Ноября. 1812 г. Чтенія въ Моск. Истор. общ. 1860 г. кн. 2-я, отд. V, стр. 175. Лессепсъ предлагалъ Тутолмину взять денегъ на покупку продовольствія для Воспитательнаго Дома; но онъ отказалъ. Они хотѣли, писалъ онъ, „ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію императора Наполеона, выдавали

съ одного взгляду была видна, никто не бралъ, тѣмъ болѣе, что они были сторублевыя; тяжелыя же мѣдныя деньги, незначительной цѣнности сравнительно съ ихъ вѣсомъ, брали Французскіе солдаты; они начали ихъ продавать и устроили мѣняльныя лавки по Никольской, у Каменнаго моста и въ другихъ мѣстахъ. Корысть вызвала изъ норъ и подваловъ ограбленныхъ бѣдняковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ такому слою Московскаго народонаселенія, которое и всегда готово было поживиться чужимъ добромъ. По свидѣтельству современниковъ, этотъ торгъ привлекъ и крестьянъ подмосковныхъ деревень, также разоренныхъ и ограбленныхъ. На Никольской, за 10, потомъ за 7, 5 и 1 рубль серебра можно было купить сколько угодно мѣшковъ мѣди въ 25 р. Трудность заключалась въ томъ, какъ унести ихъ съ собою, по причинѣ тяжести и потому, что густая толпа окружала продавцевъ. У покупщиковъ отнимали ихъ другія лица, жаждавшія пріобрѣтенія, а часто и сами Французскіе солдаты, чтобы продать въ другой разъ. „Трудно себѣ вообразить, говоритъ очевидецъ, какое зрѣлище представляла Никольская, наполненная такими продавцами и покупателями. Я пошелъ посмотрѣть на эту толпу и долженъ былъ осторожно пробираться у стѣны, чтобы не сдѣлаться болѣе нежели простымъ зрителемъ. Солдаты саблями сыпали удары направо и налѣво, чтобы разрѣдить эту толпу. На другой день устроили торгъ у Воскресенскихъ воротъ, огородившись отъ толпы, и продавали мѣшки съ мѣдью изъ оконъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ. Толпа по прежнему осаждала продавцевъ, и только ружейными выстрѣлами можно было водворить нѣкоторый порядокъ“ [10]).

Конечно Наполеонъ долженъ былъ стараться о водвореніи хотя нѣкотораго порядка въ своихъ войскахъ; а между тѣмъ онъ не только возбуждалъ низкія страсти Московскихъ обывателей, но и усиливалъ безпорядокъ, роздавъ войскамъ мѣдныя деньги въ видѣ жалованья, которое давно не платилось имъ, не смотря на представленія маршала Бертье.

Въ первыхъ числахъ Октября больные и раненые, которые, по свидѣтельству докторовъ, могли вынести продолжительное путешествіе, были вывезены по Смоленской дорогѣ. Другіе оставлены въ Москвѣ и помѣщены въ Воспитательномъ Домѣ [11]). Такъ называемые трофеи вывезены были 3 Октября подъ охраною генерала Клапе-

---

войскамъ своимъ жалованье. По просьбѣ стоявшаго въ домѣ съ жандармами полковника, который принесъ ко мнѣ кучу сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій и просилъ размѣнять на двадцатирублевыя, я выбожился, что у меня нѣтъ, а такія же сотенныя; но принужденъ былъ размѣнять одну на мелкія 25 рублевыя и намѣренъ былъ поднести оную В. И. В-ву; но въ бытность ген. ад. Кутузова, сказывая ему объ оной, принужденъ былъ по просьбѣ его дать ему, для отправленія Государю Императору“.

[10]) Chev. d'Ysarn, Relation etc., стр. 40—43; Arm. Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II., стр. 115—119; Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 64—65.

[11]) Тутолминъ, Донесеніе императрицѣ 11-го Ноября. Тамъ же, стр. 177.

реда, а генералъ Нансути, сопровождавшій послѣдній обозъ съ ранеными, получилъ приказаніе возвращать назадъ въ Смоленскъ всѣ обозы и отряды, которые двигались въ Москву [12]). Въ это же время отправлены въ Смоленскъ и Русскіе плѣнные, и состоялся жестокій приказъ безпощадно убивать всякаго, кто будетъ отставать по усталости или по истощеніи силъ отъ своихъ товарищей. Русскій офицеръ, находившійся въ одной изъ такихъ партій, говоритъ, что „ихъ колонна состояла слишкомъ изъ тысячи человѣкъ; но и тутъ, какъ и между офицерами, не всѣ были военные и понапрасну дѣлили съ нами горькую участь. Въ солдатской колоннѣ много было купцовъ и крестьянъ. Французы, ссылаясь на ихъ бороды, увѣряли, что это были казаки. Тутъ были и дворовые люди, и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію провожавшихъ ихъ Французовъ, были тоже переодѣтые солдаты“ [13]).

Дѣятельность Наполеона не ослабѣвала и въ это время; но, одержимый порывами гнѣва, онъ то отдавалъ приказанія, которыя самъ отмѣнялъ потомъ, или такія, которыя исполнены быть не могли; то увлекался едва вѣроятными предположеніями, обличавшими тревожное состояніе его духа. Въ послѣднихъ числахъ Сентября, узнавъ, что въ одномъ изъ подваловъ найдено десять человѣкъ Русскихъ солдатъ, онъ предписалъ маршалу Бертье немедленно разстрѣлять ихъ, какъ поджигателей, „завтра въ 4 часа утра, безъ огласки“. Но на томъ же приказѣ было помѣчено, что онъ не былъ исполненъ потому, что это оказались больные [14]). 1-го Октября Французскіе полицейскіе чиновники взяли и подъ стражею привели въ домъ, занимаемый комендантомъ, шесть человѣкъ Русскихъ изъ высшихъ сословій. Ихъ продержали съ 7 часовъ утра до 8 вечера въ холодной комнатѣ, у дверей которой поставлены были четыре драгуна съ обнаженными саблями. Вечеромъ пришелъ къ нимъ генералъ Дюронель съ полицеймейстеромъ Виллерсомъ, которые объявили имъ, что „высланные изъ Москвы гр. Ростопчинымъ на баркѣ иностранцы въ Казань или Сибирь содержатся тамъ дурно; посему императоръ Наполеонъ приказалъ имъ написать объ этомъ къ своему Императору и князю Кутузову, чтобы Французы непремѣнно были возвращены, въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны“. Ихъ отдали подъ стражу, продержали три дня, давая каждому по куску хлѣба въ день, и потомъ выпустили на свободу, которая была имъ объявлена маршаломъ Мортье [15]). Прежде еще водворенія своего въ Кремлѣ, Наполеонъ услыхалъ отъ являвшихся къ нему Московскихъ Французовъ объ этой мѣрѣ графа Ростопчина и потомъ, въ

---

[12]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, 153.

[13]) Записки гр. Перовскаго, Русск. Архивъ 1865 г. стр. 1049; Roos, Ein Jahr aus meinen Leben. СПБ. 1832, стр. 186—187; Fesenzac, Souvenirs milit. стр. 281—282.

[14]) Chambray, Hist. de l'expédition etc., т. III, прилож., стр. 424. Приказъ 6 Окт. н. ст.

[15]) Донесеніе въ госуд. коллегію иностр. дѣлъ Бантыша-Каменскаго, 7 Нояб. 1812 г. Русск. Архивъ 1875, стр. 294—296.

первые дни пребыванія въ Кремлѣ и Петровскомъ дворцѣ, могъ узнать всѣ подробности и отъ оставшихся въ Москвѣ семействъ этихъ Французовъ. Если бы онъ съ самаго начала принялъ какія нибудь мѣры, чтобы облегчить ихъ участь, какъ и разсказываютъ нѣкоторые изъ нихъ [16]), то подобный образъ дѣйствій имѣлъ бы значеніе. Но захватъ шести человѣкъ заложниковъ, за нѣсколько дней до оставленія Москвы, съ тѣмъ, чтобы черезъ три дня выпустить ихъ на свободу, обнаруживаетъ только чувство мести, которое не могло повести ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Еще страннѣе представляются тѣ враждебные Россіи замыслы, которыя питалъ Наполеонъ въ это время. Одинъ изъ Французовъ, находившихся тогда въ Москвѣ и часто посѣщавшій графа Дарю, которому Наполеонъ сообщалъ свои соображенія съ наибольшею откровенностью, разсказываетъ, „что онъ предполагалъ образовать обширное Польское королевство и возложить на себя Польскую корону, устроить особое герцогство Смоленское для кн. Понятовскаго и вокругъ Польши образовать союзъ государствъ наподобіе Рейнскаго (la confédération de la Vistule); сюда онъ хотѣлъ присоединить и тѣ губерніи, которыя намѣревался отнять у Россіи. Чтобы привести въ исполненіе такое предположеніе, онъ разсчитывалъ не только на силу оружія, но и на свои обольщенія. Онъ велъ разговоры съ крестьянами, которымъ сулилъ освобожденіе; но убѣдился, что это оружіе противъ Россіи, на которое онъ съ увѣренностью расчитывалъ, не могло имѣть никакого значенія въ рукахъ иностранца, ненавидимаго Русскимъ народомъ. Поэтому онъ думалъ, нельзя ли имѣть въ своемъ распоряженіи кого либо изъ потомковъ удѣльныхъ Русскихъ князей, который цѣною измѣны Отечеству захотѣлъ бы сѣсть на престолъ своихъ предковъ. Особенно его вниманіе обращалось на князей Долгорукихъ, такъ много пострадавшихъ въ царствованіе Анны Іоанновны. Онъ розыскивалъ въ Москвѣ съ большимъ стараніемъ въ сохранившихся архивахъ и частныхъ библіотекахъ все, что̀ касалось до Пугачевскаго бунта, думая воспользоваться тѣми средствами, которыя употреблялъ этотъ злодѣй [17]). Въ этомъ смыслѣ писались даже проекты манифестовъ". Наполеонъ предполагалъ тоже возмутить Татаръ. Получивъ извѣстіе отъ своего губернатора изъ Вильны, генерала Гогендорпа, что нѣкоторые изъ плѣнныхъ Татаръ изъявляютъ готовность служить въ его войскахъ, онъ немедленно отвѣчалъ ему, что „всѣ способы умножить конницу до̀роги; ничего не должно оставлять безъ вниманія. Вы пишете, что плѣнные Татары пламенно желаютъ стать подъ мои знамена. Смѣло можно составить изъ нихъ полкъ, если найдется тысяча человѣкъ съ лошадьми. Надо содѣйствовать этому" [18]). Онъ искалъ даже эмиссаровъ, чтобы послать ихъ въ Казань подговаривать къ возстанію соплеменниковъ.

---

[16]) Armand Domergues. La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II стр. 44—45.

[17]) Записка Д'Оррера, рукопись; chev. d'Yzarn, Relation etc., стр. 34—35.

[18]) Шамбре, Hist. de l'expédition etc., т. II, стр. 214; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 140.

Вмѣстѣ съ этими фантастическими предположеніями, Наполеонъ обдумывалъ въ это время иного рода мщеніе, котораго исполненіе дѣйствительно было въ его власти: онъ намѣревался сжечь всѣ уцѣлѣвшія въ Москвѣ, послѣ пожаровъ, зданія и взорвать Кремль съ его древними стѣнами и башнями, съ его дворцами и соборами.

Между тѣмъ проходило время, и съ каждымъ днемъ положеніе Французскихъ войскъ становилось хуже и опаснѣе. Народная война вокругъ столицы разгоралась во всей силѣ; смѣлость партизанскихъ отрядовъ умножалась; казаки, значительно усиленные новыми полками, пришедшими съ Дона въ Тарутинскій лагерь, врывались даже въ самый городъ. Не только за заставами Москвы и въ ея окрестностяхъ ежедневно или попадали въ плѣнъ, или погибали сотни непріятелей; но и въ самомъ городѣ они не находились въ безопасности. Изъ разсказовъ очевидцевъ-свидѣтелей видно, до какой степени доходила смѣлость казаковъ въ этомъ отношеніи. Недалеко отъ Калужскихъ воротъ, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, у хозяйки-Француженки жило нѣсколько пріятелей ея офицеровъ, а противъ нихъ помѣщался въ другомъ небольшомъ домѣ отрядъ гусаровъ. По вечерамъ эти гусары играли въ карты. Къ нимъ хаживалъ солдатъ, исправлявшій должность конюха у офицеровъ и одержимый страстью къ карточной игрѣ. Онъ заставлялъ подметать свою конюшню мальчика 14 лѣтъ, ученика Духовной Академіи, водилъ его иногда съ собою къ гусарамъ. Однажды, во время игры, онъ на счастіе посадилъ его рядомъ съ собою; но, проигравшись, далъ ему такого пинька, что мальчикъ едва опомнился, выбѣжавъ изъ дома на улицу. Въ это время онъ замѣтилъ, что кто-то, пригибаясь и поднимаясь, смотрѣлъ въ освѣщенныя окна. „Что ты корчишься и высматриваешь, не хочешь ли поиграть съ ними?“ спросилъ его мальчикъ. Незнакомецъ быстро отскочилъ отъ окна и подошелъ къ нему. „Тебѣ какое дѣло; ну поиграть. Ты живешь что-ли въ этомъ домѣ?“ Поговоривъ съ мальчикомъ и узнавъ о горькой участи его семейства и только что полученномъ имъ пинькѣ, онъ взялъ его подъ руку и сказалъ: „Я вижу, что ты добрый малый. Пойдемъ-ка въ этотъ садъ; мнѣ нужно поговорить съ тобою“. Удалившись въ глубь сада, неизвѣстный распахнулъ свою сермягу. „Теперь видишь, кто я“. Въ крестьянинѣ съ рыжею бородою, въ шапкѣ и въ сермягѣ, подпоясанной кушакомъ, мальчикъ увидалъ казака въ синемъ полукафтанѣ съ пистолетами за поясомъ и саблею при бедрѣ. „Слушай, малюга, говорилъ ему казакъ, слушай меня обѣими ушами и отвѣчай сущую правду, о чемъ буду тебя спрашивать, какъ слѣдуетъ Русскому вѣрному подданному. Мнѣ нужно знать, сколько человѣкъ гусаровъ живетъ въ этомъ домѣ, гдѣ хранится ихъ оружіе, въ которой комнатѣ они спятъ, гдѣ стоятъ ихъ лошади“. Получивъ подробныя свѣдѣнія, казакъ заключилъ свой разговоръ, грозя пальцемъ мальчику: „Ей, малюга, заруби на память на носу, если хочешь самъ быть живъ и сохранить жизнь твоей семьѣ, чтобы никому не сказывать, ни отцу, ни матери, о чемъ я тебя спрашивалъ. Ни гугу и о томъ, что̀ сдѣлается съ гусарами“. Воспользовавшись знакомствомъ съ казакомъ, мальчикъ спросилъ его: „скоро-ли будетъ заклю-

ченъ миръ?" Ему нерѣдко приходилось слышать, что непріятели только и желаютъ скорѣйшаго заключенія мира. Казакъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. „О какомъ ты говоришь мирѣ? У насъ нѣтъ ни помину, ни слуху о мирѣ. Нашъ фельдмаршалъ говоритъ, что война только что начинается". Сказавъ эти слова, казакъ отправился къ своимъ, на сборное мѣсто, которое находилось весьма недалеко, за Донскимъ монастыремъ. Черезъ день суматоха, поднявшаяся въ томъ домѣ, гдѣ жилъ мальчикъ, разбудила его утромъ ранѣе обыкновеннаго времени. Гусары всѣ были перебиты; ихъ оружіе, одежда были похищены, лошади уведены. Поднялась тревога между офицерами: производилось изслѣдованіе, которое ничего не открыло. Полковникъ съ офицерами, послѣ донесенія объ этомъ происшествіи, возвратясь изъ Кремля, говорили хозяйкѣ домѣ, что маршалъ осыпалъ ихъ упреками за безпечность. „Между тѣмъ, говорили они, виноватъ во всемъ самъ императоръ: завелъ войско въ такую глушь, гдѣ не отыщешь ни начала, ни конца. Мы даже не знаемъ состоянія Русской арміи. Можетъ быть, нѣкоторые отряды, врываясь по ночамъ въ Москву, производятъ подобныя убійства, которыхъ въ прошлую ночь было не одно наше" [19]).

По окраинамъ Москвы, уже среди бѣлаго дня, казаки нападали въ расплохъ, подмѣтивъ неосторожныхъ непріятелей. „Проходя мимо одного дома, уже въ то время, какъ Французы начали оставлять Москву, я полюбопытствовалъ взглянуть въ щель забора, что̀ дѣлалось на дворѣ, говоритъ очевидецъ, и увидалъ, что семь человѣкъ непріятелей, похожихъ болѣе на деньщиковъ или служителей, почти безоружные, укладывали какое-то имущество въ фуру. Вдругъ влетѣлъ на дворъ казакъ и въ нѣсколько секундъ всѣхъ ихъ перебилъ пикой, соскочилъ съ лошади, обыскалъ ихъ и уѣхалъ". Въ это же время, когда Наполеонъ уже выѣхалъ изъ Москвы, Мортье заперся въ Кремлѣ и выступали послѣдніе отряды. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, по свидѣтельству также очевидца, двигался въ направленіи къ Петровскому дворцу. Вдругъ противъ него показался отрядъ казаковъ; началась перестрѣлка; казаки двинулись въ атаку, „Французы не устояли и обратили тылъ. Казаки вскорѣ настигли ихъ, и пошла работа пиками. А въ тоже время бѣгущихъ Французовъ встрѣтили православные наши мужички, какъ бы выросшіе изъ земли, съ домашними орудіями. Тогда все смѣшалось. Картина была страшная. Казаки съ удивительною быстротою укладывали Французовъ на вѣчный покой; мужички усердно помогали. Французы видимо исчезали съ лица земли; имъ не давали пощады". Пространство отъ камеръ-коллежскаго вала до Петровскаго дворца было изрыто ямами, изъ которыхъ брали глину. Въ этихъ-то ямахъ сидѣли вооруженные подмосковные крестьяне, сторожа непріятелей; въ эти же ямы они и зарывали убитыхъ [20]). Почти ежедневно приходили также извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ партизановъ, не-

---

[19]) Доктора Рязанова, Воспоминанія очевидца, гл. 22, стр. 205—220.

[20]) П. Г. Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 43, 46—48.

прерывною цѣпью окружавшихъ столицу и подступавшихъ къ ней все ближе и ближе. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій имѣли особенно важное значеніе, какъ напр. взятіе приступомъ Вереи генераломъ Дороховымъ и срытіе ея укрѣпленій. Верею императоръ Наполеонъ велѣлъ укрѣпить и посадилъ въ ней значительный гарнизонъ, считая ее важною точкою опоры для охраненія своихъ сообщеній по Смоленской дорогѣ. Это извѣстіе произвело большое волненіе между Французами; но и оно не могло побѣдить упорство Наполеона, все еще не рѣшавшагося на отступленіе. Однако его военныя распоряженія въ это время указывали ясно, что нѣсколько дней ранѣе или позднѣе, онъ долженъ былъ принять это рѣшеніе.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ поручилъ начальнику своего штаба увѣдомить маршала Жюно̀, съ возложеніемъ на него отвѣтственности (sous la responsabilité), чтобы онъ всѣхъ раненыхъ и больныхъ, находившихся въ Можайскѣ, Рузѣ и Колоцкомъ монастырѣ, немедленно отправилъ въ Вязьму, и въ тоже время написать генералу Бараге-д'Илье въ Вязьму, чтобы оттуда онъ отправилъ ихъ къ Смоленску. Съ этою цѣлію поручалось обоимъ генераламъ дѣлать поиски на 25 верстъ въ окружности отъ Можайска и Вязьмы, чтобы собрать достаточное число подводъ для исполненія предписанія. Маршалу Жюно позволялось даже воспользоваться тѣми военными транспортами, которые придутъ въ Можайскъ изъ Смоленска, нагруженные уже не одеждою и припасами для госпиталей, но только мукою, для снабженія госпиталей и этаповъ. „Мое намѣреніе, говорилъ въ заключеніе Наполеонъ, состоитъ въ томъ, чтобы въ продолженіи осьми дней не оставалось ни одного раненаго ни въ Рузѣ, ни въ Колоцкомъ монастырѣ, ни въ Можайскѣ и Гжатскѣ. Замѣтьте генераламъ, что это дѣло великой важности“ [21]). По донесеніямъ Бараге-д'Илье оказывалось, что въ его распоряженіи находится слишкомъ мало войскъ, чтобы онъ могъ успѣшно охранять безопасность дороги. Онъ предлагалъ сосредоточить значительные корпуса войскъ въ Вязьмѣ, Гжатскѣ и Дорогобужѣ. Наполеонъ, одобряя его предположенія, предписалъ останавливать въ этихъ городахъ и въ Можайскѣ всѣ отряды, слѣдовавшіе изъ Смоленска въ Москву. Очищая Смоленскую дорогу отъ обозовъ съ больными и ранеными, обезпечивая ее отъ нападеній нашихъ партизановъ и народныхъ ополченцевъ, конечно онъ долженъ былъ обратить вниманіе на то, что эта дорога совершенно разорена и не можетъ представить никакихъ способовъ для продовольствія и фуража. Поэтому онъ писалъ начальнику своего штаба: „Такъ какъ дорога отъ Смоленска до Можайска совершенно истощена, то не мѣшало бы (il est convenable) вамъ написать къ Бараге д'Илье, чтобы онъ предписалъ комендантамъ Дорогобужа, Гжатска, Вязьмы и пр. розыскать двѣ паралельныя дороги, въ двухъ или трехъ миляхъ справа, такимъ образомъ, чтобы слѣдующіе къ

---

[21]) Письмо императора Наполеона начальнику штаба, Moscou le 6 Octobre 1812, Шамбре, т. III, прилож., стр. 425—426.

Дорогобужу, Вязьмѣ и Можайску отряды проходили въ эти города, но шли бы по дорогамъ неопустошеннымъ" [22]). Въ тоже время онъ поручалъ увѣдомить маршала Виктора, чтобы онъ задерживалъ всѣ отряды въ Смоленскѣ, даже генераловъ и офицеровъ и не допускалъ ихъ продолжать путь къ Вязьмѣ и Можайску по *разоренной* дорогѣ. Предписывая составить дивизію изъ подходившихъ къ Смоленску отрядовъ войскъ, подчиняя ее Бараге-д'Илье и на его мѣсто назначая въ Вязьму генерала Шарьера, Наполеонъ поручалъ этой дивизіи запастись провіантомъ въ Смоленскѣ на 12 дней и быть готовою къ выступленію не по старой дорогѣ на Вязьму, но по новой, „которую я укажу", писалъ Наполеонъ, прибавляя: „Поэтому по старой дорогѣ не будутъ уже слѣдовать никакіе: ни артиллерійскіе и вообще военные обозы, ни отряды конницы и пѣхоты; но только эстафеты, почта и нѣкоторые офицеры Главнаго Штаба по нѣкоторымъ неотлагательнымъ дѣламъ служебнымъ, напримѣръ: сопровожденію ручныхъ мельницъ, которыя должны прибыть въ Смоленскъ изъ Парижа. Эта дорога будетъ также открыта для перевозки больныхъ и раненыхъ и отрядовъ, которые отъ арміи будутъ слѣдовать въ Смоленскъ; но ничего не будетъ слѣдовать по ней изъ Смоленска къ Москвѣ" [23]).

Не смотря на то, что предписанія Наполеона были таковы, что или не могли быть вовсе исполнены, какъ предписаніе маршалу Жюно (собрать у Русскихъ крестьянъ по окрестностямъ Можайска достаточное число подводъ для перевозки раненыхъ и больныхъ), или требовали значительнаго времени для исполненія; но общее значеніе всѣхъ этихъ мѣръ очевидно состояло въ томъ, чтобы очистить и обезопасить Смоленскую дорогу на Можайскъ и Москву. Октября 2 (14), по его порученію, Бертье писалъ къ Мюрату: „Императоръ, отправляя изъ Москвы больныхъ и раненыхъ и вооружая Кремль, предписываетъ и вамъ отправить въ Можайскъ вашихъ больныхъ и раненыхъ. Прикажите хорошо развѣдать путь, по которому вы могли бы двинуться къ Можайску, чтобы вы знали дорогу, на случай, если вамъ придется отступать передъ непріятелемъ. Императоръ предполагаетъ, что ваши обозы, паркъ и большая часть пѣхоты могутъ уйти такъ, что непріятель и не замѣтитъ". Бертье поручалъ ему запастись продовольствіемъ на много дней и самъ изъявлялъ готовность выдать нѣсколько муки и вина изъ Московскихъ запасовъ [24]). Наполеону очевидно приходило на мысль, что сила обстоятельствъ можетъ принудить его отступать по этой дорогѣ. Но безъ сомнѣнія это была бы крайняя мѣра, которой онъ желалъ избѣжать, о которой онъ не могъ никому и говорить: каждый изъ его начальниковъ съ ужасомъ отнесся бы къ такому предположенію. Но онъ проговаривался иногда во время

---

[22]) Письмо 10-го Окт. 1812 г. Москва. Шамбре, тамъ же, стр. 428.

[23]) Письмо отъ 10 Окт. 1812 г. Москва. Шамбре, тамъ же, стр. 428—430.

[24]) Письмо Бертье къ Мюрату 14 Окт. 1812, Москва, въ 10 ч. вечера. Шамбре, тамъ же, стр. 432—433.

гнѣва и раздраженія, прибавляя однакоже, что онъ пойдетъ по этой дорогѣ послѣ заключенія мира [25]).

Желанная мысль о скоромъ оставленіи Москвы распространилась въ войскахъ. Поспѣшный вывозъ больныхъ и раненыхъ и особенно возвращеніе въ Москву корпусовъ, находившихся въ Богородскѣ и Дмитровѣ, подтверждали эту надежду. Всѣ дожидались рѣшительнаго приказанія. Корпусъ маршала Нея возвратился въ Москву изъ Богородска 3 (15) Октября, и 6-го императоръ дѣлалъ ему смотръ въ Кремлѣ. „Этотъ смотръ былъ такъ хорошъ, какъ позволяли только обстоятельства, говоритъ одинъ изъ офицеровъ, служившихъ у него. Полковники соревновали въ усердіи одинъ передъ другимъ, чтобы показать полки въ возможно-лучшемъ состояніи. Никто, смотря на нихъ, не подумалъ бы, сколько перестрадали и какъ страдали эти солдаты. Я увѣренъ, что хорошій видъ, который сохраняли наши войска посреди ужаснѣйшихъ бѣдствій, поддерживалъ и упрямство Наполеона, убѣждая его, что съ такими людьми нѣтъ ничего невозможнаго“ [26]). Туже мысль почти въ тѣхъ же словахъ дѣйствительно выразилъ Наполеонъ гр. Нарбонну на одномъ изъ такихъ смотровъ; но едвали самъ онъ вѣрилъ этому. Его опытный глазъ не могъ не замѣчать, какое незначительное количество строевыхъ чиновъ могъ каждый полкъ представить ему на смотръ въ сносномъ порядкѣ. Ихъ число постепенно убывало даже въ гвардіи и въ корпусѣ Нея, который сравнительно съ другими находился въ лучшемъ положеніи, стоя у Богородска.

Во время этого смотра разнеслась вѣсть, что съ той стороны, гдѣ находится авангардъ Мюрата, слышна сильная канонада. Долго никто не смѣлъ довести это обстоятельство до свѣдѣнія императора. „Наконецъ отважился на то Дюрокъ. Императоръ перемѣнился въ лицѣ, но скоро оправился и продолжалъ смотръ“, говоритъ Сегюръ. По окончаніи смотра, за завтракомъ, онъ, повидимому, спокойно выслушивалъ докладъ Боссе объ удачныхъ представленіяхъ въ Позняковскомъ театрѣ и перечислялъ вмѣстѣ съ нимъ, какихъ бы выписать актеровъ и актрисъ изъ Парижа, для пополненія Московской труппы. Но это, тоже сценическое, представленіе вскорѣ было прервано пріѣздомъ адъютанта Неаполитанскаго короля Беранже съ извѣстіемъ о Тарутинскомъ боѣ [27]).

---

[25]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 83; M. Chambray. Hist. de l'expédition, т. II, стр. 209.

[26]) Fezensac, Souvenirs milit., стр. 271—272.

[27]) C-te Segur, Hist de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 106 и слѣд.; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 158; M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 212; Fezensac, Souvenirs, 272; Bausset. Mémoires, т. II, 208 и др.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ПИСЬМА, АНЕКДОТЫ, СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

При вторженіи Французовъ въ Москву, многіе тамошніе мѣщане и крестьяне заперлись въ арсеналѣ и стрѣляли въ наступающаго непріятеля. Французы, видя, что не могутъ выгнать ихъ оттуда ружейнымъ огнемъ, поставили предъ арсеналомъ пушку и наконецъ успѣли пробить ворота. Толпа народная вдругъ бросилась вонъ; одинъ крестьянинъ кинулся на офицера, командовавшаго при пушкѣ, зарѣзалъ его и началъ рвать зубами мертвое тѣло.

2.

Французскій императоръ, уважая знанія *г. Лесепса* *) въ Русскомъ языкѣ, назначилъ его въ *префекты* Москвы. Говорятъ, что сей чиновникъ оправдалъ уже довѣренность своего монарха: въ одномъ изъ объявленій своихъ назвалъ онъ Comité des Communes *Комуни-Комитетомъ*.

3.

Въ числѣ перехваченныхъ нашими разъѣздами писемъ, нашлось посланіе одного Французскаго офицера (отъ 7 Сентября изъ Москвы) къ какой-то *дѣвицѣ* Генріеттѣ, живущей въ Парижѣ. „Веди себя порядочно, милая моя!—говоритъ онъ ей между прочимъ:—„будь трудолюбива, ибо „праздность ведетъ къ распутству (l'oisiveté conduit à la débauche), а „болѣе всего старайся о хорошемъ воспитаніи *нашихъ* дѣтей. Чрезъ четыре дня у насъ заключенъ будетъ миръ, потому что Русскіе съ нами „никакъ не могутъ драться; однако я увижусь съ тобою не прежде какъ „чрезъ два года: изъ Москвы до Парижа врядъ ли можно доѣхать ранѣе... „Посылаю тебѣ въ гостинецъ шубу соболью—это родъ Сибирской кошки, и *овчину*, которую Русскіе считаютъ однимъ изъ *лучшихъ мѣховъ* „своихъ".

4.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ:
Это, право, не бѣда!—
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.

---

*) Французскій купецъ Лесепсъ былъ долгое время консуломъ въ Россіи.

*

Вспомнимъ, братцы, что Поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебаки—
Ѣли кошекъ и мышей.

*

Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать [1]);
А потомъ предъ Русскимъ спину
Въ крюкъ попольски изгибать.

*

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги.
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.

*

Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то *Варшава*,
И *Парижъ* то будетъ знать! [2])

15 Сентября 1812.

Ив. Ковалько.

5.

Здѣсь получено достовѣрное извѣстіе, что прекрасная библіотека графа Бутурлина въ Москвѣ сожжена Французами, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ собраніемъ живописныхъ картинъ. Пожаръ начался съ Слободскаго дворца и превратилъ въ пепелъ большую часть Нѣмецкой Слободы. Библіотека графа Бутурлина [3]) содержала въ себѣ болѣе 40.000 томовъ. Онъ собиралъ ее около двадцати лѣтъ, и особенно во время революціи успѣлъ ее дополнить и усовершенствовать. Всѣ лучшія и самыя рѣдкія изданія, начиная съ 15-го вѣка до нынѣшняго времени, собраны имъ были съ величайшимъ тщаніемъ и большими трудами. Библіотека сія была украшеніемъ Москвы и извѣстна всѣмъ любителямъ Словесности...... Не одинъ сей памятникъ просвѣщенія истребленъ дерзкою рукою *варваровъ девятнадцатаго вѣка*! Мы не преминемъ сообщать читателямъ всѣ достовѣрныя извѣстія объ опустошеніи Москвы, немедленно по полученіи оныхъ.

6.

Отрывки изъ писемъ одного Смоленскаго помѣщика къ пріятелю, отъ 4-го и 12-го Сентября 1812 года.

У насъ, по Вяземскому уѣзду, начался скотской падежъ. Отъ моего дома въ двадцати верстахъ пригнали ко Французской арміи Польскихъ 500

---

[1]) Истина историческая, что Поляки, во время освобожденія Москвы сынами Отечества, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, доведены были до столь жестокой крайности.

[2]) Любопытно, что стихи эти въ первый разъ появились въ печати въ 1-й книжкѣ Сына Отечества, вышедшей въ свѣтъ *въ Октябрѣ 1812 года. П. Б.*

[3]) Полный каталогъ оной напечатанъ въ Парижѣ въ 1806 году.

быковъ; они заразили весь скотъ и сами всѣ подохли.—Петербургъ безопасенъ: Французъ армію почти всю растерялъ. Чрезъ Вязьму, взадъ и впередъ, къ Москвѣ и Смоленску идутъ Французскія войска, но очень мало. На сихъ дняхъ проводили нашихъ плѣнныхъ воиновъ изъ Москвы чрезъ Вязьму; въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеровъ; изъ нихъ шестеро явились ко мнѣ, а между ими и одинъ родственникъ мой. Онъ сказывалъ, что дорогой отъ Москвы слабыхъ безъ пищи пристрѣлено 611 человѣкъ, и въ томъ числѣ 4 офицера. Войска Французскія очень слабы, безъ пищи; мужики весь хлѣбъ межъ собою подѣлили, а имъ не даютъ. Домъ мой до сихъ поръ не грабленъ, и весь Бѣльской уѣздъ; а впредъ Богу вѣстимо, что̀ будетъ. Въ хоромахъ моихъ три Француза были, но—чудо невѣроятное!—десяти лѣтъ мальчишка съ дѣвкой, которые для меня печь топили, выгнали ихъ оттуда. Мальчишка закричалъ: ребятежъ, сюда! Они бросились въ избу къ его матери, стали просить хлѣба и молока; но въ то время наши три солдата, ушедшіе изъ плѣна, явились въ избу, хотѣли ихъ схватить и вести въ Сычевки. Услыша одно имя Сычевокъ, Французы кинулись бѣжать.—Скажу тебѣ, другъ мой, что у насъ, съ перваго Августа, всѣ барыни и господа повыздоровѣли: не слыхать ни объ истерикѣ, ни о конвульсіяхъ, а подагра сама безъ лекарей проходитъ. У меня родная тетка, лѣтъ 77, четвертой годъ въ параличѣ, безъ руки и ноги и безъ языка, а теперь стала ходить, только не говоритъ. Одинъ управитель у насъ по сосѣдству растекъ было водяною; но Французскіе камердинеры неосторожно до нага раздѣли и привели въ движеніе: воды открылись, и сдѣлалось легче. Но на мѣсто Россіянъ Французы въ Смоленскѣ всѣ издыхаютъ, да и Руcкіе, которые къ нимъ прилипли, лежатъ лоскомъ.—Еще скажу тебѣ анекдотъ: маіоръ и кавалеръ Георгіевскій, живущій отъ меня въ 25 верстахъ, лѣтъ 75-ти, сталъ на пути, гдѣ шли Французскія войска. Они обошлись съ нимъ очень жестоко, а также и съ женою его; потомъ выгнали изъ дому въ избенку, гдѣ они и жили, а домъ занимали Французы. Я сжалился надъ ними и приказалъ своему племяннику выкрасть ихъ изъ дому, что̀ ему и удалось. Теперь этотъ маіоръ идетъ въ службу и готовится къ сраженію—не отъ безумія, а отъ досады: „какъ-де меня могли бить Французы!“ Жена его упросила племянника не брать въ плѣнъ живущихъ у нихъ шести Итальянцевъ, и седьмаго ихъ попа за то, что они добрые люди.——Сей часъ получилъ я поклонъ отъ сына моего, изъ подъ Калуги, село Вороново. Онъ раненъ, но не такъ тяжело; скоро надѣется быть опять во фрунтѣ—что̀ меня крайне утѣшаетъ—за вѣру, за Царя, за Отечество, духъ имѣетъ бодръ! Отходя отсюда, оставилъ онъ матери царскихъ заслуженныхъ двѣсти рублей: платитъ долгъ справедливой благодарности!“

7.

Хищные и малодушные союзники Французовъ отчасти получили уже должное имъ наказаніе. Между прочимъ Баварскій корпусъ весь почти истребленъ. Лучшіе генералы, какъ то: Дероа, Сибейнъ и храбрѣйшіе офицеры убиты. Графъ Витгенштейнъ, разбивъ совершенно корпусъ маршала Гувіона Сенъ-Сира, взялъ у Баварцевъ пушки и послѣднія 22 знамени. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ просилъ, говорятъ, Русскихъ оставить имъ хоть одно знамя—*на образецъ*! *)

*) Что изъ Баварцевъ, которые приходили въ Россію съ Наполеономъ, *никто* не возвратился домой, объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на одномъ Мюнхенскомъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Баварскихъ войскъ. Народная месть не пощадила Баварцевъ за ихъ неимовѣрныя жестокости. *П. Б.*

8.

Одинъ Русскій плѣнный кирасиръ взятъ былъ въ деньщики Саксонскимъ офицеромъ и, примѣтя, что новый господинъ его постится уже нѣсколько дней сряду, предложилъ ему пойти въ ближнюю деревню (подъ Москвою), гдѣ обѣщалъ доставить ему все нужное. Офицеръ принялъ съ радостію сіе предложеніе. Кирасиръ привелъ его въ огородъ и велѣлъ ему взрыть одно мѣсто, гдѣ, по словамъ его, спрятаны съѣстные припасы, а самъ обѣщалъ обойти деревню и поискать еще чего нибудь. Саксонецъ усердно принялся за работу; кирасиръ между тѣмъ собралъ всѣхъ деревенскихъ бабъ, вооружилъ ихъ косами и рогатинами и привелъ въ огородъ. Онѣ связали обманутаго гостя, и одна изъ нихъ привела его на рогатинѣ къ нашимъ передовымъ постамъ.

9.

Пишутъ изъ арміи, что нѣсколько козаковъ, стоявшихъ на часахъ при опушкѣ лѣса, привязали на веревку барана, а сами притаились за кустарникомъ. Откуда ни взялись Французскіе гусары, бросили оружіе и начали дѣлить барана. Въ тужъ минуту козаки выскочили изъ засады и забрали ихъ въ плѣнъ безъ всякаго труда.—При другомъ случаѣ, когда козаки наши ударили на отрядъ Французской конницы, одинъ гусаръ соскочилъ съ лошади и пустился бѣжать. Схвативъ его, начали спрашивать, по какой причинѣ онъ оставилъ лошадь. „Не удивляйтесь, сказалъ онъ: я болѣе надѣюсь на свои ноги, чѣмъ на ноги моего коня; уже давно наши лошади съ мѣста не двигаются, и я за тѣмъ только на нее взлѣзъ, чтобъ, сидя повыше, издалеча васъ завидѣть.“

10.

Перечень письма изъ главной арміи.

От 23-го Сентября 1812.

Близь Витебска распрашивалъ я гусаровъ 5-го и 9-го Французскихъ полковъ, которые взяты были на фуражировкѣ близь Городка. Они объявили мнѣ, что каждый изъ ихъ полковъ при выходѣ изъ Франціи состоялъ изъ 1500 человѣкъ, что форсированными маршами и недостаткомъ фуража истреблены почти всѣ ихъ лошади, что нынѣ въ каждомъ полку нѣтъ болѣе 500 человѣкъ конныхъ и что въ первомъ дѣлѣ послѣдніе эскадроны сихъ полковъ будутъ совершенно уничтожены недостаткомъ лошадей. Въ послѣдствіи удавалось мнѣ говорить съ плѣнными гусарами тѣхъ же полковъ. Они подтвердили слышанное мною отъ прежнихъ, прибавивъ, что послѣ сраженія при Витебскѣ изъ пяти сотъ осталась только половина. Съ того времени, при разныхъ случаяхъ, распрашивалъ я гусаровъ тѣхъ же самыхъ полковъ; различные отвѣты ихъ совершенно удостовѣрили меня, что сіи полки существуютъ только въ названіяхъ. Послѣдніе изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ случилось говорить съ 10-го по 15-е Сентября, объявили мнѣ, что каждый изъ сихъ полковъ содержитъ въ себѣ не болѣе полутораста человѣкъ. Я упоминаю только о сихъ полкахъ потому, что не помню нумеровъ разныхъ другихъ полковъ легкой кавалеріи, которые всѣ вообще находятся въ подобномъ положеніи.

Мы брали въ плѣнъ гусаровъ, уланъ, конныхъ егерей и кирасировъ; я изъявилъ имъ однажды удивленіе свое, что нами не взято ни одного драгуна. Разные ихъ отвѣты дали мнѣ знать, что драгуны спѣшились и уступили лошадей своихъ подъ артилерію. Разсмотрѣвъ орудія, взятыя у непріятеля, увѣрился я въ истинѣ сего показанія; я узнавалъ въ ар-

тилерійской упряжи драгунскихъ лошадей по ихъ виду, клеймамъ и подковамъ. Сіи лошади походили на живыхъ скелетовъ; сверхъ того при каждомъ орудіи было ихъ не болѣе трехъ; прочія были лошади крестьянскія, что̀ составляло престранную упряжь. По различнымъ показаніямъ дезертировъ и плѣнныхъ, запрягаютъ подъ одно орудіе отъ 18 до 20 крестьянскихъ лошадей, которыхъ Французы называютъ *коньякъ* (конекъ!!)

По всѣмъ извѣстіямъ, находится во Французской арміи 14 кирасирскихъ полковъ, считая въ томъ числѣ и выставленные Нѣмецкими владѣніями. Каждый изъ сихъ полковъ не содержитъ въ себѣ болѣе 250 человѣкъ, что̀ составитъ всего 3500 кирасировъ. Лошади ихъ находятся въ такомъ худомъ состояніи, что, по словамъ дезертировъ и плѣнныхъ, сіи полки не могутъ выдержать баталіи.

Хотя состояніе гвардейской кавалеріи лучше, но всѣ дезертиры и плѣнные, разныхъ націй и чиновъ, утверждаютъ, что она также претерпѣваетъ величайшій недостатокъ въ фуражѣ и что въ короткое время она можетъ лишиться всѣхъ своихъ лошадей. 15-го Сентября, въ авангардномъ дѣлѣ, козаки захватили отрядъ въ сорокъ уланъ. Я купилъ офицерскую лошадь, которая казалась мнѣ лучше прочихъ, за пять рублей ассигнаціею, съ сѣдломъ и всею сбруею. Она была такъ худа и слаба, что я принужденъ былъ ее бросить, снявши съ нее сѣдло и сбрую.

Люди претерпѣваютъ таковой же недостатокъ въ пищѣ; въ арміи ихъ оказывается ужаснѣйшій голодъ; признаются, что ѣдятъ лошадиное мясо, хотя впрочемъ мяса у нихъ больше нежели хлѣба. Я видѣлъ, что приведенные въ нашъ лагерь плѣнные Французы бросились съ жадностію на быка, издохшаго за нѣсколько дней предъ тѣмъ, разорвали его на части и глотали цѣликомъ сіе мясо; другіе ѣли тряпье, къ которому пристала мука. Я могъ бы привести множество другихъ стольже разительныхъ доказательствъ всеобщаго ихъ недостатка.

Несчастные сіи люди описываютъ яркими чертами плачевное свое состояніе. Я старался узнать, съ котораго времени они начали претерпѣвать сей недостатокъ. Они отвѣчали, что сіе было въ разныя времена различно, что иногда было лучше, а иногда хуже, но что съ конца Іюля во всемъ оказалась нужда, и что въ теченіи Августа армія была въ отчаяніи, видя, что по мѣрѣ ея шествія въ Россію, недостатокъ увеличивается. Для успокоенія оной, говорятъ сіи плѣнные, Наполеонъ публиковалъ ежедневно прокламаціи, въ которыхъ обѣщалъ, что вскорѣ будутъ они въ Москвѣ въ величайшемъ изобиліи. Они признаются всѣ, что въ семъ заключается причина отчаяннаго ихъ нападенія на Рускихъ 26-го Августа при Бородинѣ, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ, какъ бѣшеные, бросались на смерть. Я видѣлъ довольно сраженій, но никогда не видалъ подобнаго сему въ дерзости и ярости. Цѣлые отряды кавалеріи, не зная что̀ съ ними будетъ, прорывали вторыя наши линіи, и всѣ падали мертвы. Наши войска хладнокровно выжидали усилій ихъ слѣпаго бѣшенства, до того времени, какъ они, не смотря на смертоносный огонь нашихъ картечей, приближались къ самымъ батереямъ; тогда храбрая наша пѣхота, которую въ самомъ дѣлѣ можно назвать безпримѣрною, принимала ихъ въ штыки и уничтожала всѣ покушенія дерзкаго врага. Тщетно повторяли они жаркія свои нападенія; ихъ безпрестанно отражали. Наконецъ ужасъ заступилъ мѣсто бѣшенства, и они обратились въ бѣгство. Всѣ плѣнные говорятъ, что ихъ увѣряютъ, будто въ семъ дѣлѣ легло отъ 30 до 35 тысячь человѣкъ; но по ихъ мнѣнію, уронъ былъ гораздо зна-

чительнѣе. По всему видѣнному и слышанному мною, наша потеря въ сей битвѣ едва ли простирается отъ 12 до 15 тысячь *).

Я старался узнать, почему Французскіе солдаты, находясь въ такомъ плачевномъ состояніи, не бѣгаютъ въ бо̀льшемъ числѣ. Плѣнные отвѣчали мнѣ, что въ арміи безпрестанно объявляютъ, будто всѣ плѣнные, попадающіеся въ руки мужиковъ, лишаемы бываютъ жизни, а взятые регулярными войсками отсылаются въ Сибирь, на каторжную работу.

Хотя Наполеонъ уже давно употребляетъ всѣ возможныя средства для увѣренія своей арміи, что вскорѣ заключитъ миръ; но солдаты начинаютъ въ томъ сомнѣваться и думаютъ, что въ вѣкъ не увидятъ своего отечества, тѣмъ болѣе, что давно не получаютъ изъ Франціи писемъ и увѣрены, что совершенно отрѣзаны отъ границъ. Со времени выхода ихъ изъ Франціи не получали они жалованья.

Болѣе всѣхъ прочихъ распрашивалъ я плѣнныхъ трубачей, которые, находясь обыкновенно передъ фрунтомъ и впереди эскадроновъ, могутъ слышать разговоры генераловъ и полковниковъ. Я узналъ, что они изъявляютъ свое неудовольствіе, видя, что вошли въ такую землю, гдѣ нельзя найти ничего, что Наполеонъ съ нѣкотораго времени неприступенъ и, какъ изо всего явствуетъ, грубѣйшимъ образомъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, видя, что Россія не проситъ мира, какъ онъ того надѣялся и что армія его погибнетъ, когда скоро не вступитъ въ зимнія квартиры.

По оставленіи нами Москвы, Французы не старались забирать нашихъ въ плѣнъ; напротивъ того, они высылали всѣхъ Русскихъ, отставшихъ отъ главной арміи и раздавали пашпорты, для выѣзда изъ города. По всѣмъ извѣстіямъ, выжжены непріятелемъ двѣ трети Москвы. Мы сами ничего въ ней не зажигали, а только подорвали пороховые магазины. По выходѣ нашемъ изъ Москвы, забираемъ мы ежедневно по крайней мѣрѣ двѣсти человѣкъ въ плѣнъ; число ихъ часто простирается до четырехъ и пяти сотъ. Я изъявилъ имъ удивленіе свое, и они мнѣ отвѣчали, что прежде того можно имъ было промышлять себѣ хлѣбъ, но что съ нѣкотораго времени не могутъ они удалиться отъ главныхъ корпусовъ: козаки захватываютъ ихъ немедленно со всѣми лошадьми и экипажами. Сія малая война сдѣлается для нихъ еще гораздо ужаснѣе; ибо къ арміи приходятъ безпрестанно новые козачьи и Татарскіе полки, находящіеся въ лучшемъ положеніи.

Наполеонъ приказываетъ разстрѣливать многихъ своихъ солдатъ, чтобъ предупредить мятежи, готовые вспыхнуть. Солдаты удерживаются въ повиновеніи новыми угрозами и обѣщаніями, которыя никогда не исполняются.

Сообщая вамъ описаніе плачевнаго состоянія враговъ нашихъ, могу увѣрить, что наша армія находится въ лучшемъ положеніи. У насъ обиліе въ сухаряхъ, всякой крупѣ и водкѣ. Воины наши содержатся не хуже, какъ въ мирное время. Въ арміи господствуетъ лучшее расположеніе духа. Всѣ горятъ желаніемъ сразиться со врагомъ, будучи увѣрены, что Французы смирятся предъ силою нашего оружія и примутъ всѣ мирныя условія, какія Россія имъ предпишетъ.

11.

Гвардейской конноартиллерійской роты капитанъ *Захаровъ* въ достопамятномъ сраженіи при Бородинѣ начальствовалъ батареею изъ осьми

---

*) Показанія невѣрныя. Подъ Бородиномъ выбыло изъ строю съ обѣихъ сторонъ до 90 тысячъ человѣкъ. *П. Б.*

орудій, находившеюся на самомъ флангѣ лѣваго крыла нашей арміи. Онъ дѣйствовалъ съ искусствомъ и мужествомъ, свойственными Россійскому офицеру, и предъ окончаніемъ сраженія получилъ повелѣніе перевезти шесть орудій въ другое мѣсто. Слѣдуя уже съ оными по назначенію, вдругъ возвратился онъ къ оставшимся двумъ пушкамъ, въ намѣреніи узнать, нѣтъ ли при нихъ какихъ недостатковъ; подъѣхалъ, взялъ за руку поручика и сказалъ ему: *„Завидую счастію вашему: вы будете еще сражаться за Царя и Отечество“*. Потомъ, обратясь къ солдатамъ, спросилъ: *„Друзья! довольно ли еще у васъ зарядовъ?“* Въ сіе самое мгновеніе ядро непріятельское поразило его. Четыре канонера подняли на руки достойнаго своего начальника и понесли его съ поля сраженія. Захаровъ, претерпѣвая отъ раны ужаснѣйшія мученія, въ сіи минуты имѣлъ геройство думать единственно о пользѣ службы и принудилъ двухъ канонеровъ воротиться на прежнее мѣсто. *„Подите туда, друзья мои. Вы тамъ нужны, а меня и двое какъ нибудь доволокутъ!“* Онъ скончался чрезъ четверть часа, на рукахъ сихъ воиновъ, спрашивая безпрестанно: *„Наша ли побѣда? Отступаетъ ли непріятель?“*

12.

Въ арміи Наполеона (какъ у насъ на конскихъ заводахъ) клеймятъ солдатъ, волею или неволею вступающихъ въ его службу. Слѣдуя сему обыкновенію, Французы наложили клеймо на руку одного крестьянина, попавшагося имъ въ руки. Съ удивленіемъ спросилъ онъ: для чего его оклеймили? Ему отвѣчали: это знакъ вступленія въ службу Наполеона. Крестьянинъ схватилъ изъ за пояса топоръ и отсѣкъ себѣ клейменую руку. Нужно ли сказывать, что сей новый Сцевола былъ Русскій? Одна мысль служить орудіемъ Наполеону или принадлежать къ числу преступныхъ исполнителей воли тирана подвигла его къ сему геройскому поступку. Что̀ бъ сдѣлалъ сей Русскій, естьли бъ Провидѣніе представило ему случай быть Курціемъ своего Отечества?

13.

Въ Германіи осмѣлились нѣкоторые подлые сочинители сравнивать Наполеона съ королемъ Прусскимъ Фридерихомъ II; но опытъ доказалъ, что сіе сравненіе оскорбляетъ память великаго короля. Поступки его въ Дрезденѣ, назадъ тому полвѣка, ни мало не сходствуютъ съ поступками Наполеона—въ наши новѣйшія, болѣе просвѣщенныя времена. Фридерихъ страстно любилъ художества и, имѣя въ своей власти всѣ сокровища Дрезденской галлереи, не смѣлъ коснуться ни до одной картины. Любуясь ежедневно прекраснымъ Баттоніевымъ изображеніемъ Магдалины, онъ удовольствовался тѣмъ, что приказалъ снять съ него нѣсколько копій. Фридерихъ былъ законной государь, и въ сердцѣ его всякое личное мщеніе уступало уваженію къ собственности государя, ему подобнаго. Наполеонъ съ хладнокровіемъ подрываетъ древніе чертоги Россійскихъ государей. Одинъ сей поступокъ показываетъ, кто Наполеонъ.

14.

Говорятъ, что во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, небольшой ихъ отрядъ съ одною пушкою отправленъ былъ на Калужскую дорогу, для сожженія одной деревни. Солдаты заблагоразсудили, прежде исполненія сего приговора, разграбить деревню и, оставивъ пушку на полѣ, бросились по домамъ *за контрибуціею.* Одинъ крестьянинъ, выбѣжавъ изъ деревни, увидѣлъ, что при пушкѣ нѣтъ никого, сѣлъ на нее верхомъ, ударилъ по всѣмъ по тремъ и прискакалъ съ нею въ Русскій ла-

геръ. Главнокомандующій наградилъ его, сказываютъ, знакомъ отличія Военнаго Ордена.

15.

„Боитесь ли вы Французовъ?“ спросилъ у крестьянъ (Московской губерніи) одинъ изъ нашихъ офицеровъ. „Чего бояться, батюшка?“ отвѣчали они „наши *Кириловцы* ихъ пріугомонили; не смѣютъ носу показать.“ — Добрые крестьяне, начитавшись въ газетахъ объ Испанскихъ *Гирильясахъ,* называютъ *Кириловцами* тѣхъ, которые ополчаются по деревнямъ, для отраженія непріятельскихъ набѣговъ.

16.

При нашествіи Французовъ на Москву, первый вступилъ въ нее Мюратъ съ отрядомъ изъ 600 человѣкъ и, занявъ Кремль, остановился предъ арсеналомъ, гдѣ находились Русскіе больные и раненые. Между тѣмъ какъ онъ ихъ расправшивалъ, выстрѣлили изъ ружья неизвѣстно откуда, но никто не былъ раненъ; въ тоже мгновеніе откуда ни взялся ратникъ Московскаго ополченія, бросился на Польскаго полковника, котораго по богатому его мундиру почелъ онъ Мюратомъ, а можетъ быть и самимъ Бонапартомъ, столкнулъ его съ ногъ и, прежде нежели могли ему въ томъ воспрепятствовать, пронзилъ его своею пикою. Онъ палъ вскорѣ послѣ того подъ ударами Французовъ, сопровождавшихъ Мюрата.

17.

Извѣстно, что Французы, во время пребыванія своего въ Москвѣ, грабили окрестныя деревни, для добыванія провіянта и фуража, въ которыхъ былъ у нихъ великій недостатокъ. Крестьяне, пользуясь безпорядкомъ, господствующимъ обыкновенно при таковыхъ поискахъ, убивали ежедневно великое число сихъ фуражировъ и преслѣдовали ихъ до самыхъ воротъ Москвы. Французы, раздраженные симъ сопротивленіемъ, вздумали устрашить народъ жестокостію. Для сего послали они на добычу отрядъ, состоявшій изъ тысячи человѣкъ пѣхоты, съ конницею и артилеріею, и приказали оному захватить нѣсколько крестьянъ въ ближнихъ деревняхъ и привести ихъ въ городъ. Сему отряду удалось забрать человѣкъ двадцать, которыхъ привели въ Москву, отдали на другой день подъ военный судъ и приговорили къ смерти. По прочтеніи предъ ними приговора, переведеннаго на Русскій языкъ, офицеры, которымъ поручено было исполненіе онаго, ожидали, что крестьяне прибѣгнутъ къ униженнымъ просьбамъ и слезамъ, для спасенія своей жизни; но весьма въ томъ обманулись. Сіи несчастныя жертвы, не совершавшія можетъ быть преступленія, въ которомъ ихъ обвиняли, простились другъ съ другомъ спокойно и хладнокровно, свидѣтельствуя тѣмъ непорочностъ совѣсти своей и желаніе умереть для защиты Отечества; отправились на мѣсто казни и тамъ, ставъ рядомъ подлѣ стѣны, были разстрѣляны по одиначкѣ; остававшіеся смотрѣли на умерщвленіе братій своихъ безъ всякаго ужаса. Каждый, видя, что очередь дошла до него, перекрестившись и сказавъ: *Помилуй меня*, *Господи*! *Прощайте*, *добрые люди*! падалъ къ ногамъ жестокосердыхъ палачей своихъ, не испустивъ ни жалобы, ни вздоха.—Французскій офицеръ, бывшій свидѣтелемъ сего кровопролитнаго явленія, разсказывая обстоятельства онаго, измѣнялся въ лицѣ отъ ужаса. Таковое мужество привело врага въ трепетъ: онъ узналъ, что никогда не покоритъ и не развратитъ сего геройскаго народа.

18.

Городъ *Сычевка* и уѣздъ онаго пріобрѣли безсмертную славу храбростію и постоянствомъ, съ каковыми мужественные жители оныхъ противились

всѣмъ поискамъ Французовъ, являвшихся туда на грабежъ. Сычевскаго уѣзда въ селѣ *Левшинѣ* былъ бурмистръ ужасный Французамъ смѣлостію и тѣлесною силою своею. Однажды партія, состоявшая изъ 31 Француза, вошла въ деревню и заняла избу. Бурмистръ, узнавъ о прибытіи сей шайки, извѣстилъ о томъ поселянъ, на мужество которыхъ онъ надѣялся, и въ ожиданіи, что они сберутся, самъ пошелъ осторожно къ избѣ, занятой Французами, въ сопровожденіи одного крестьянина. Подошедши безъ шума ко двери, они приперли ее и всячески старались не выпускать непріятелей изъ избы. Испуганные Французы начали стрѣлять сквозь дверь и смертельно ранили бурмистра; у товарища же его пуля засѣла въ тулупѣ. Сей случай не уменьшилъ ни силы, ни смѣлости ихъ; они не позволили отворить двери до прибытія прочихъ крестьянъ, которые, окруживъ домъ, грозили зажечь его и принудили Французовъ сдаться. Бурмистръ, чувствуя приближеніе смерти, увѣнчалъ рѣдкую свою храбрость христіянскимъ милосердіемъ и завѣщалъ крестьянамъ не отомщать за смерть его Французамъ, которые обязаны сохраненіемъ жизни своей его просьбамъ и уваженію поселянъ къ послѣдней его волѣ. Прахъ героя-христіянина покоится въ мирѣ на кладбищѣ при церкви того села.

19.

Экспедиція полковника Чернышева принадлежитъ къ блистательнѣйшимъ подвигамъ нынѣшней войны. Изъ донесенія графа Витгенштейна видно, что онъ, бывши посланъ отъ адмирала Чичагова съ козачьимъ полкомъ, для открытія корпуса графа Витгенштейна, проходилъ денно и нощно сквозь непріятельскія войска, переѣхалъ вплавь четыре рѣки, истребилъ на пути множество обозовъ съ запасами всякаго рода, заготовленными непріятелемъ, и достигъ цѣли своего назначенія. Сего не довольно: онъ захватилъ трехъ кабинетъ-курьеровъ съ важными бумагами и выручилъ многихъ плѣнныхъ, а въ томъ числѣ и генералъ-лейтенанта барона Винценгероде, возвратившаго намъ Москву. Каждый благомыслящій Русскій сердечно обрадуется, узнавъ, что сей храбрый нашъ генералъ освобожденъ изъ рукъ непріятельскихъ, освобожденъ ноожиданнымъ образомъ. Въ немъ Провидѣніе возвращаетъ семейству нѣжнаго отца, друзьямъ истиннаго друга, воинамъ нашимъ искуснаго вождя, врагамъ человѣчества врага непримиримаго.

20.

Надѣемся угодить читателямъ, доставивъ имъ подробныя свѣдѣнія о освобожденіи генералъ-лейтенанта барона *Винценгероде* и взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ маіора *Нарышкина*, сообщенныя намъ достовѣрными людьми.—До Минска питались они еще надеждою, что могутъ быть освобождены изъ жестокаго плѣна, но за симъ городомъ исчезла и тѣнь сей надежды. Французы были такъ удостовѣрены въ безопасности плѣнниковъ, что послали съ ними только трехъ жандармовъ, болѣе для присмотра, нежели въ видѣ конвоя. Плѣнные ѣхали въ двухъ повозкахъ. Въ одно утро баронъ Винценгероде увидѣлъ вдали козака и сообщилъ открытіе сіе г. Нарышкину, который никакъ не хотѣлъ этому вѣрить; но, подъѣхавъ ближе, удостовѣрились они, что это въ самомъ дѣлѣ Донской воинъ. Баронъ В. привсталъ, показалъ ему ордена свои и закричалъ: „Я Русскій генералъ!“ Козакъ въ тоже мгновеніе исчезъ, но вскорѣ явилось ихъ двѣнадцать; они бросились на жандармовъ, обезоружили ихъ, вывели плѣнныхъ изъ колясокъ, посадили ихъ на козачьихъ лошадей и ускакали съ ними къ главному посту, находившемуся оттолѣ верстахъ въ четырехъ.—Когда Винценгероде былъ взятъ въ Москвѣ, представили его Наполеону при

Вереѣ. Забывъ долгъ, честь и собственный санъ, Наполеонъ сказалъ ему между прочимъ: „Естьли ты Саксонецъ или Баварецъ, ты мой подданной, а я твой государь. Твоя судьба рѣшилась! Повсюду я тебя встрѣчаю. Возьмите и разстрѣляйте его!" Храбрый Винценгероде во все сіе время смотрѣлъ съ хладнокровнымъ презрѣніемъ на ожесточеннаго тирана, окруженнаго своими драбантами и кровожадными палачами, и наконецъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Двадцать лѣтъ жду я Французской пули. Жена и дѣти мои въ безопасности. Я готовъ умереть!"

21.

Перечень письма изъ Москвы, въ Октябрѣ 1812.

Нѣмецкая Слобода вся выжжена, тутъ и *Слободской дворецъ*, которой Французы зажгли за нѣсколько дней передъ выходомъ своимъ. У *Богоявленія* уцѣлѣлъ домъ графа Головкина, а у Вознесенія Демидова и графа А. К. Разумовскаго.

Въ *Старой Басманной* уцѣлѣли только четыре дома: Хлѣбниковой, кн. Куракиной съ Гошпиталемъ, Запасной Дворецъ, а у *Красныхъ воротъ* въ правой рукѣ каменной небѣленой домъ генерала Толли. Домъ же Аршеневскаго сгорѣлъ; также домы гр. Гудовича, Высоцкаго, Ласунскаго, кн. Михаила Петровича Голицына, Мѣщанинова и всѣ другіе.

На *Земляномъ Валу* всѣ зданія сгорѣли, кромѣ Шереметьевской больницы и большаго корпуса Спаскихъ казармъ. Домъ же оберъ-полицеймейстера сгорѣлъ. *Сухарева башня* уцѣлѣла.

Отъ *Никольскихъ воротъ* до *Мясницкихъ* всѣ зданія уцѣлѣли; а отъ Мясницкихъ до *Красныхъ* воротъ все сгорѣло, кромѣ четырехъ домовъ, въ томъ числѣ князя Ал. Ив. Лобанова, коего одинъ только флигель сгорѣлъ. Домы Потуловыхъ и Бутурлиныхъ также сгорѣли.

Отъ *Никольскихъ воротъ* до *Срѣтенскихъ* всѣ зданія цѣлы; также и къ *Кузнецкому* мосту, на коемъ сгорѣлъ одинъ только желтой флигель, гдѣ была конфектная лавка Гуа. Домъ губернатора Обрескова сгорѣлъ, также Анненкова. Рѣшетникова домъ съ флигелями цѣлъ. Графа Растопчина на Лубянкѣ также, и вообще всѣ дома на *Лубянкѣ*.

Отъ *Воскресенскихъ* воротъ до дома главнокомандующаго всѣ домы сгорѣли; въ томъ числѣ купленной домъ графомъ И. В. Гудовичемъ, въ коемъ былъ трактиръ. Главнокомандующаго же домъ цѣлъ, также танцовальной клубъ.—Барановыхъ домъ въ переулкѣ сгорѣлъ.

Отъ *Покровскихъ* воротъ до *Мясницкихъ* валомъ всѣ домы цѣлы; въ томъ числѣ: Пашкова, Кутузова и Ступишина.

Отъ *Мясницкихъ* воротъ до *Тверскихъ* многія зданія уцѣлѣли, въ томъ числѣ на булеварѣ домъ А. А. Соловова; флигели его сгорѣли, также домъ Нечаева съ флигелями сгорѣлъ и Уваровой. Князя Д. Ив. [1]) домъ цѣлъ; графа Льва Кириловича и Натальи Абрамовны Пушкиной также. Князя Гагарина (Николая Сергѣевича) домъ, въ коемъ былъ Англійской клубъ, сгорѣлъ [2]).

Отъ *Покровскихъ* воротъ до *Ильинскихъ* всѣ домы по обѣимъ сторонамъ цѣлы; а за Покровскими воротами уцѣлѣли домы: Веревкина, Заборовскаго, Жеребцова (Соловыхъ сгорѣлъ), князя Ѳедора Никол. Голицына, Го-

---

[1]) Должно быть Лобанова, на Рождественскомъ бульварѣ, на взгорьѣ противъ монастыря, впослѣдствіи зубнаго врача Жоли. *П. Б.*

[2]) Это нынѣ Екатерининская больница. *П. Б.*

лохвастова, князя Александра Борисовича Куракина, Румянцова графа Сергѣя Петр. деревянной домъ; графа Салтыкова, Аникѣева и мн. другіе. — Домъ князя И. Д. Трубецкаго (зеленой) сгорѣлъ. Мясоѣдова и кн. Мещерскаго также. Демидова, Ив. Ив. у Никиты Мученика, домъ цѣлъ. Флигель одинъ только сгорѣлъ.

Покровскія казармы сгорѣли; уцѣлѣлъ одинъ только нижній этажъ со сводами. Домъ деревянной Соколова сгорѣлъ, а каменной у Мясницкихъ воротъ цѣлъ. Мельгунова и Дурасова домы сгорѣли; также Карповыхъ и Мосолова. Глѣбовыхъ домъ деревянной уцѣлѣлъ, а каменные флигели сгорѣли; также и Лопухиной сгорѣлъ, бывшій князя А. П. Мещерскаго.

У *Троицы* въ Сыромятникахъ уцѣлѣлъ домъ Ѳедосьи Дмитріевны Загряжской. Алек. Вас. Панина домъ сгорѣлъ.

Воспитательной Домъ цѣлъ. Половину онаго занимали раненые Французы, оставленные въ Москвѣ злодѣемъ. Ихъ теперь вывезли оттуда въ разныя больницы. Ихъ 1500 человѣкъ; многіе померли.

За *Москвою* рѣкою всѣ домы сгорѣли.

Гостиной рядъ и весь *городъ* сгорѣлъ.

На *Никольской* цѣлы домы: Шереметева, Духовная Типографія, Кусовникова и еще домъ. Книжныя лавки всѣ сгорѣли.

На *Моховой* сгорѣлъ *Университетъ*, домъ Нарышкина и Пашкова; также всѣ домы на Пречистенкѣ, въ томъ числѣ большой домъ князя А. Н. Долгорукаго [1]). Домъ Всеволожскаго (Ник. Серг.) и сестры его кн. Мещерской цѣлы. Ихъ спасъ отъ пожара Французъ, редакторъ въ типографіи.

На *Никитской* всѣ домы почти сгорѣли, какъ то: графа Шереметева, графини Пушкиной, графа Орлова, кн. Ю. В. Долгорукова, кн. Дашковой, Кушникова и пр. Уцѣлѣлъ домъ графа Маркова, бывшій князя Менщикова [2]).

На *Вздвиженкѣ* сгорѣлъ домъ Апраксина Ст. Ст., кн. Ивана Никол. Трубецкаго и многіе другіе.

Изъ 30,000 домовъ врядъ осталось 5,000.

22.

При открытіи нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій произошла небольшая стычка козаковъ съ Вестфальскою конницею. Непріятельскій отрядъ вскорѣ былъ разсѣянъ. Одинъ козакъ, примѣтивъ въ сторонѣ офицера въ блестящемъ мундирѣ, рѣшился, во что бы то ни стало, поживиться около его. Пріударивъ лошадь, взвился онъ какъ молнія, направилъ пику и уже хотѣлъ поразить офицера; но сей, приготовясь къ оборонѣ, перерубилъ пику. Козакъ захватилъ саблю, офицеръ выбилъ ее изъ рукъ его. Оставшись безъ оружія и видя неминуемую смерть, козакъ въ одну секунду очутился позади своего непріятеля и такъ окрестилъ его по спинѣ, что онъ безъ чувствъ упалъ съ лошади. Чѣмъ побѣдилъ онъ врага?— Нагайкою.

23.

По вторичномъ разбитіи графомъ Витгенштейномъ Удинотова корпуса, слывшаго непобѣдимымъ, остатки онаго бросились въ Полоцкъ. Францу-

---

[1]) Отца Московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича, противъ пожарнаго депо.

[2]) На углу Газетнаго переулка, нынѣ принадлежитъ А. Б. Казакову.

зы, по обыкновенію своему, немедленно кинулись по домамъ на грабежъ, и все, чего не могли увести съ собою, ломали и рубили. Одинъ капитанъ взялъ на свою долю новую, прекрасную карету, приказалъ ее заложить четверкою и, пригласивъ еще двухъ офицеровъ, поѣхалъ прогуливаться близъ кордонной линіи. Козаки, разъѣзжавшіе неподалеку отъ непріятельской цѣпи, примѣтили ихъ и вздумали надъ ними пошутить. Въ минуту сбили кучера и поворотили лошадей; одинъ козакъ вскочилъ на козлы и помчался въ Русской лагерь чрезъ кочки, пни и буераки. Козаки летѣли, не ѣхали, а потому и привезли бѣдныхъ Французовъ полумертвыхъ, въ развалившемся кузовѣ, безъ колесъ; они представили ихъ полковнику своему съ слѣдующими словами: „Вотъ, ваше высокоблагородіе, гости незваные и нежданые; примите ихъ поласковѣе, а мы свое дѣло сдѣлали!“

24.

Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту—стрѣлять воронъ, и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной Русской пословицѣ: *попалъ, какъ куръ во щи*, а лучше говорить: *попалъ какъ ворона во Французскій супъ*!

25.

Послѣ дѣла при Дашковѣ *) вынесенъ былъ съ мѣста сраженія гренадеръ, раненый въ грудь пулею, оставшеюся въ ней. Когда лекарь, худо говорившій порусски, сталъ его осматривать, то, разглядѣвъ рану въ груди и желая знать, гдѣ пуля остановилась, сталъ щупать спину. Воинъ, ослабленный истекшею кровію и едва дышущій, сказалъ бывшимъ тутъ офицерамъ: „Ваше благородіе! скажите лекарю, къ чему онъ щупаетъ мнѣ спину? Вѣдь я шелъ грудью!“

26.

Московскія Вѣдомости издаются по прежнему. Въ первомъ нумерѣ, вышедшемъ по очищеніи Москвы отъ непріятеля, Ноября 23 дня, содержится слѣдующій достопамятный Высочайшій рескриптъ отъ 14 Ноября, за собственноручнымъ его императорскаго величества подписаніемъ, на имя г. главнокомандующаго въ Москвѣ:

„Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противупоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для воина зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однакоже онъ не престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для уничиженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли мы генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артилерію препровождать въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отнятыхъ у нихъ орудій воздвигнуть быть увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуетъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Въ слѣд-

*) Гдѣ генералъ-лейтенантъ Раевскій отличился своимъ геройствомъ, бросившись на батареи непріятельскія съ дѣтьми своими.

ствіе сего имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о пріемѣ и храненіи сей артилеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія".

27.

Списокъ съ письма старосты Григорья Андреева къ помѣщику его изъ Боровска, отъ 6 Ноября 1812.

О нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ вашему превосходительству доношу: 1-е) Вотчина ваша, Боровскаго уѣзда сельцо Курчино, послѣ выхода изъ Боровскаго уѣзда непріятеля вдаль, осталась благополучна, кромѣ того, что брали у насъ сѣно, овесъ, печеный хлѣбъ и изъ мелкой скотины; однако, по власти Создателя и милости вашего превосходительства, нынѣшнюю зиму въ кормѣ какъ нибудь пробудемся. 2-е) Разоренныхъ селеній обыватели, около 1500 семей, отъ непріятеля въ вашихъ рощахъ недѣль семь укрывались и очень много пожгли вашего лѣсу. 3-е) Назадъ тому недѣли три пришли къ намъ Французы и хотѣли деревню сжечь; но я, съ помощью Божіею и крестьянъ вашихъ, ихъ всѣхъ перебилъ до смерти, какъ тощихъ собакъ; нашли мы при нихъ съ образовъ оклады серебряные помятые, рясу и нитку жемчугу. Я все отдалъ въ приходскую церковь; не надо намъ отъ нихъ ничего. Мы довольны всѣмъ: гнѣвить Бога нечего.

28.

Въ то время, какъ Французскіе мародеры шатались еще по Бѣльскому уѣзду, нѣсколько человѣкъ вошло въ избу, гдѣ кромѣ бѣдной старой крестьянки никого не было. Преслѣдуемые голодомъ Французы тотчасъ начали требовать съ угрозами, исковерканнымъ Русскимъ языкомъ, *клѣба* и *млека*. Старуха поспѣшила имъ отдать свой остальной кусокъ хлѣба, но на второе требованіе отвѣчала, что *молока* у ней нѣтъ, что всѣхъ коровушекъ и овечекъ ея Французы отняли и порѣзали, что осталась у ней одна *коза*..... *„Куди коза?"* закричали Французы.—Тамъ, родные, отвѣчала старуха, на дворѣ, въ хлѣву.—*На дворѣ козакъ*! закричали опять Французы, и давай Богъ ноги. Они не поняли старухи и вздумали, что она толкуетъ имъ о спрятавшихся на дворѣ козакахъ. Какъ тутъ не убѣжать!

29.

Сельцо *Володимірово*, на Серпуховской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, принадлежащее д. ст. совѣтницѣ М. И. Прянишниковой, осталось невредимо отъ общаго разоренія, единственно по вѣрности и усердію крестьянъ онаго, которые не только не воспользовались случаемъ для обогащенія себя имуществомъ господъ во время царствовавшаго тамъ безпорядка, но всячески еще старались сохранить оное. Однажды шайка Французскихъ разбойниковъ вошла въ сіе владѣніе и устремилась прямо на разграбленіе господскаго дома. Алчность злодѣевъ была столь велика, что не поскучали они перебрать въ библіотекѣ всѣ книги, надѣясь найти въ нихъ деньги. Крестьяне, дабы отвлечь ихъ отъ грабительства прочихъ вещей и скорѣе избавиться отъ сихъ изверговъ, прибѣгли въ хитрости: собрались толпою и закричали: козаки! козаки! Французы оробѣли, бросились на лошадей и оставили домъ и деревню. Въ предосторожность же отъ вторичнаго ихъ вторженія, добрые крестьяне зарыли въ землю оставшееся на попеченіи ихъ движимое имущество и, по очищеніи Московской губерніи отъ непріятеля, доставили оное господамъ своимъ въ совершенной сохранности.

30.

Между Прусаками и Французами, стоящими въ Курляндіи, часто происходятъ сшибки. Говорятъ, что причиною одной таковой сшибки было слѣдующее. Одинъ Прусакъ, стоявшій на пикетѣ съ земляками своими и Французами, набралъ вязанку сухихъ дровъ, чтобъ около огня погрѣться на часахъ. Французскій солдатъ хотѣлъ отнять у него сіи дрова. Прусакъ не уступалъ.—„Что̀ это значитъ! Я принадлежу къ великой націи, а ты, подлой Нѣмецъ (misérable Allemand) не хочешь мнѣ уступить?" закричалъ Французъ и ранилъ его въ ногу. Это раздражило товарищей Прусака. Они закричали: „Храбрый Прусакъ не можетъ этого снести! Поколотимъ Французовъ!" Произошла сшибка, въ которой убиты были семь Французовъ и три Прусака. Съ трудомъ розняли ихъ.

31.

Священникъ католической церкви, въ Москвѣ находящейся, въ письмѣ своемъ къ одному изъ знакомыхъ своихъ, между прочимъ пишетъ, что развратъ нынѣшнихъ Французовъ и другихъ католическаго исповѣданія воиновъ Наполеоновой арміи превосходитъ всякое вѣроятіе. По вступленіи ихъ въ Москву, однажды только, при самомъ началѣ достопамятнаго ихъ тамъ пребыванія, три офицера забрели въ церковь, гдѣ онъ отправлялъ богослуженіе. Вмѣсто благоговѣнія ко храму Всевышняго, развалившись на скамейкѣ въ неблагопристойномъ видѣ, съ лорнетомъ въ рукахъ, посвистывая, зѣвали они во всѣ стороны и, не видя женщинъ, ушли, оказавъ всевозможные знаки ругательства и пренебреженія ко всему священному. Послѣ сего, во все время ихъ пребыванія, ни одинъ солдатъ, ни офицеръ, ни генералъ не заглянулъ въ церковь. По изгнаніи ихъ изъ Москвы, когда самый сей священникъ, соболѣзнуя о сихъ заблуждшихся овцахъ, по внушенію совѣсти своей, рѣшился посѣтить больницу, въ которой оставалось множество больныхъ и раненыхъ, лежавшихъ почти при послѣднемъ издыханіи, былъ онъ, къ неожиданному удивленію, встрѣченъ насмѣшками и ругательствомъ, которые наконецъ превратились въ угрозы, и онъ съ опасностію собственной жизни принужденъ былъ удалиться и оставить сихъ несчастныхъ въ закоснѣломъ ихъ безвѣріи.—Вотъ плоды Французскаго воспитанія!

32.

Супруга покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина покоилась въ особомъ памятникѣ, въ окрестностяхъ Вильны. Наши войска, овладѣвъ нынѣ симъ городомъ, нашли, что монументъ княгини Репниной разбитъ, тѣло ея выкопано и гробъ открытъ, для похищенія перстней и тому подобныхъ украшеній!!! Что̀ можетъ служить препоною безбожной алчности такого народа, который вырылъ тѣла Св. Лудовика, Генриха IV, Лудовика XIV и уничтожилъ ихъ остатки? Всѣмъ извѣстно, что когда открытъ былъ гробъ Генриха IV, то одна женщина, бросясь на вынутое изсохшее тѣло, *ударила по щекѣ* и начала топтать его ногами!!!

33.

Одинъ здѣшній купецъ, ѣздившій недавно изъ любопытства въ Москву и ея окрестности, разсказываетъ слѣдующій анекдотъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Староста одной деревни Сычевскаго уѣзда повелъ партію плѣнныхъ въ городъ. Въ его отсутствіе крестьяне привели еще нѣсколько человѣкъ Французовъ, захваченныхъ ими и отдали ихъ старостихѣ своей, Василисѣ, для отправленія, куда слѣдуетъ. Василиса собрала крест-

янъ, сѣла верхомъ на лошадь, взяла въ руки косу и, разъѣзжая вокругъ плѣнныхъ, кричала важнымъ голосомъ: ну, злодѣи Французы! во фрунтъ! ступай, маршъ! Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, раздраженъ будучи, что женщина вздумала повелѣвать имъ, не послушался ея. Василиса немедленно ударила его косою по головѣ; онъ упалъ мертвый къ ногамъ ея, и она вскричала: „Всѣмъ вамъ, ворамъ, собакамъ, будетъ тоже, кто чуть, чуть зашевелится! Ужъ я двадцати семи такимъ вашимъ озорникамъ сорвала головы! Маршъ въ городъ!“

34.

Во время пребыванія Французовъ въ Смоленской губерніи, шайка сихъ голодныхъ дѣтей великой націи вошла въ одну крестьянскую избу и требовала у находившейся тамъ старухи чего нибудь поѣсть. Сжалясь надъ плачевнымъ видомъ гостей своихъ, она вынула изъ печи горшокъ щей и поставила на столъ. Русская похлебка Французамъ не понравилась; они начали ругать старуху и плевать во щи. Это вывело ее изъ терпѣнія. Она схватила горшокъ и бросила его въ голову одного Француза; сама выбѣжала на улицу, приперла двери ухватомъ и созвала крестьянъ, которые схватили Французовъ и отвели ихъ къ ближайшей воинской командѣ.

35.

Когда Французы выходили изъ Курляндіи, интендантъ, находившійся для сбора податей въ *Либавѣ*, объявилъ жителямъ сего города, что они должны внести еще тридцать тысячь талеровъ контрибуціи. Бѣдные обыватели, совершенно изнуренные безпрестанными требованіями, объявили, что они не въ состояніи заплатить сію сумму. Интендантъ приказалъ забрать самыхъ зажиточныхъ гражданъ подъ стражу и, выѣзжая изъ города, взялъ ихъ съ собою заложниками. Трое изъ числа захваченныхъ такимъ образомъ плѣнниковъ освободились, заплативъ по четыре тысячи талеровъ. Остальные повезены были за границу, сопровождаемые слезами и отчаяніемъ несчастныхъ семействъ своихъ. Торжество интенданта было непродолжительно. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города встрѣтился онъ съ разъѣздомъ козаковъ. Легко угадать, что̀ послѣдовало. Заложниковъ освободили; интендантъ самъ взятъ былъ въ плѣнъ, а двѣнадцать тысячь талеровъ возвращены законнымъ хозяевамъ.

36.

Въ бывшемъ при Полоцкѣ сраженіи, высланы были стрѣлки изъ одной дружины С. Петербургскаго ополченія. Одинъ молодой ратникъ, лѣтъ пятнадцати, бывшій въ огнѣ въ первый еще разъ, усмотрѣлъ между Французскими стрѣлками штабъ-офицера, сошедшаго съ лошади, и сказалъ своимъ товарищамъ: „посмотрите, братцы! я его еще ниже спущу!“ прицѣлился, выстрѣлилъ, и штабъ-офицеръ палъ мертвъ *).

37.

Во время сраженія, случившагося при преслѣдованіи непріятеля, оторвало одному ратнику С.Петербургскаго ополченія обѣ ноги; двое товарищей подхватили его и принесли къ лекарю для перевязки. Въ то время случился притомъ одинъ почтенный генералъ. Положа раненаго друга своего, воины поцѣловали его, перекрестились и намѣрены были идти.—„Куда же вы торопитесь?“ спросилъ ихъ генералъ. —„Да опять къ дружинѣ, батюшка!“ отвѣчали они. „Вѣдь какъ каждаго раненаго да по двое носить

*) Сіи и еще другіе анекдоты доставлены адъютантомъ при дежурномъ генералѣ корпуса графа Витгенштейна.

станутъ, и при немъ будутъ оставаться, такъ комужъ сражаться съ сопостатомъ?"

38.

При одномъ изъ объявленій, обнародованныхъ г. главнокомандующимъ Россійскими арміями, при переходѣ чрезъ границу, находится списокъ взятыхъ въ плѣнъ непріятельскихъ генераловъ. 1) *Сенъ-Женье*, бригадный генералъ. 2) *Феррьеръ*, начальникъ главнаго штаба Неаполитанскаго короля. 3) *Бонами*, бригадный генералъ. 4) *Алмерасъ*, дивизіонный генералъ. 5) *Бюртъ* (Burth) 6) *Меріажъ*. 7) *Клингель*. 8) *Прейсингъ*. 9) *Камусъ*. 10) *Беліардъ*, бригадные генералы. 11) *Партоно* (Parthonneaux), див. ген. 12) *Делетръ* (Delettre,) начальникъ генеральнаго штаба. 13) *Тишкевичъ*, бриг. ген. 14) *Василевскій*, коммисаріатской генералъ (ordonnateur général). 15) *Ожеро*. 16) *Каминскій*. 17) (*Л'Анфантенъ* L'Enfantin). 18) *Д'Орсанъ*, бриг. генералы. 19) *Сансонъ*, начальникъ депо картъ. 20) *Пельтье* (Pelletier), див. ген. 21) *Фрейръ Пего* (Freir Pego), бриг. ген. 22) *Матушевичь*, ген. отъ артилеріи. 23) *Конопка*, бригадный генералъ. 24) *Элизеръ*, комис. генералъ, 25) *Бламонъ* (Blamont). 26) *Кордельe* (Cordelier). 27) *Пуже* (Pouget). 28) *Пюибюскъ* (Puisbusque). 29) *Готрень* (Gauthrin). 30) *Дзивановскій*. 31) *Лефебюръ*, бриг. генералы. 32) *Заіончекъ*. 33) *Гильомъ*. 34) *Вреде*. 35) *Серанъ*. 36) *Вивье* (Vivier). 37) *Гюссенъ* (Gussaint). 38) *Норманъ* (Normand). 39) *Ивановскій*. 40) *Редеръ* (Röder). 41) *Туссенъ* (Toussaint). 42) *Валансенъ* (Valencin). 43) *Борстель*, дивизіонные генералы. Съ того времени (объявленіе сіе публиковано въ началѣ Декабря) взято еще нѣсколько человѣкъ.

39.

Спасеніе несчастнаго семейства.

Смоленская помѣщика, вдова *Настасья Петровна Бунина* поѣхала въ Петербургъ, для опредѣленія въ службу двухъ старшихъ сыновей своихъ и для представленія въ Смольной монастырь дочери, которая имѣла уже стастіе быть туда принята. Хотя войска наши, равно какъ и непріятельскія, были тогда въ движеніи, однако военныя дѣйствія еще не начинались, и она, уѣзжая, оставила безъ себя четверыхъ дѣтей, двухъ маленькихъ сыновей въ Смоленскомъ пансіонѣ, и еще двухъ меньшихъ дочерей дома, препоруча ихъ всѣхъ человѣколюбивому покровительству сосѣдей и наслаждаясь спокойною о ихъ судьбѣ безпечностію.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, обстоятельства приняли неожидаемый, ужасный видъ. Вторгшіеся разбоемъ Французы угрожали Смоленску и опустошали окрестныя мѣста огнемъ и мечемъ. Всякой думалъ о своемъ только спасеніи. Устрашенные помѣщики разбѣжались, кто куда могъ, увозя съ собою дѣтей и родственниковъ своихъ, въ Смоленскомъ пенсіонѣ находившихся. Пансіонъ сей сдѣлался пустъ; одни только беззащитные Бунины оставались въ немъ — жертвою извѣстной лютости Французовъ. Но Богъ положилъ иначе. Богъ, безъ воли Коего ни единый власъ не упадаетъ съ главы нашей, Который удостоиваетъ пещись и о храненіи земнаго червя, не восхотѣлъ, чтобы невинные птенцы сіи безвременно погибли. Онъ укрѣпилъ духъ ихъ, вложилъ въ него твердость и рѣшимость, дѣтскіе годы превышающія, и указалъ имъ сердца, исполненныя великодушія. Неизвѣстно, почему содержатель пансіона господинъ Г. не хотѣлъ ихъ пустить отъ себя, увѣряя, что они находятся внѣ всякой опасности, хотя три дни продолжалось непрерывное сраженіе, отъ грома коего дрожали Смоленскія стѣны. Любопытство повело ихъ на башню, съ которой непривыкшіе къ ужасамъ взоры ихъ были поражены видѣніемъ мертвыхъ тѣлъ, летаніемъ бомбъ и ядеръ и ручьями текущей по улицамъ крови.

Уже изъ дому въ домъ переливался пожаръ. Самый пансіонъ ихъ, когда они вошли въ него обратно, загорѣлся отъ упавшей на кровлю бомбы. Въ ближней комнатѣ обрушился потолокъ; неизбѣжная смерть предстояла имъ; но вѣрный, великодушный дядька, крѣпостной ихъ матери человѣкъ, исхитилъ ихъ изъ пламени, подвергая собственную жизнь видимой опасности. Такимъ образомъ спасенные отъ одной смерти принуждены они были идти на срѣтеніе многимъ другимъ. Пробравшись ползкомъ чрезъ цѣлую улицу, вышли они на Соборную гору, которая была занята войсками. Съ каждою близь нихъ упадшею бомбою падали они отъ страха на мертвыя тѣла, и нѣсколько разъ, лежа посреди умирающихъ, смѣшивали со стонами ихъ дѣтскіе свои вопли; однако твердости совершенно не потеряли и выбрались сохранны за городскіе ворота. Наступила ночь. Голодъ и понесенные того дня труды столь изнурили силы ихъ, что они не могли болѣе идти. Какая-то бѣдная старушка, найдя ихъ въ семъ горестномъ положеніи, дала имъ по куску хлѣба и по одному огурцу, и они, подкрѣпясь оною милосердія трапезою, шли чрезъ всю ночь. Въ пятой день вошли они въ *Духовщину*, гдѣ съ радостію увидѣли нашъ обозъ и Русскихъ солдатъ, вокругъ разложеннаго огня отдыхающихъ. Краткій сонъ овладѣлъ ими такъ, что меньшій братъ скатился спящій въ огонь, сжегъ на себѣ платье и прожегъ бокъ. Неусыпно о безопасности ихъ помышляющій дядька, развѣдавъ отъ солдатъ, что они идутъ подъ начальствомъ г. поручика *Ивана Николаевича Лошакова*, осмѣлился къ нему подойти и просить маленькимъ господамъ своимъ покровительства. Просьбы его не жестокаго касались сердца. Сострадательный офицеръ не только далъ ходатайствуемое несчастнымъ дѣтямъ покровительство, но, утѣсня самого себя, посадилъ ихъ въ одну съ собою повозку, питалъ за однимъ съ собою столомъ, дѣля каждый кусокъ свой пополамъ съ ними. Сего еще показалось ему недостаточно. Будучи долженъ изъ *Можайска* поворотить въ главную армію, пожаловалъ онъ имъ лошадь, телѣгу, сухарей, говядины—всего, что̀ только имѣлъ, дабы могли они достигнуть Петербурга.

Мать сихъ, вначалѣ несчастныхъ, но послѣ толико разъ осчастливленныхъ дѣтей, проливая ежедневно горячія ко Всевышнему молитвы о сохраненіи жизни и ниспосланіи небесныхъ милостей примѣрному въ великодушіи *Ивану Николаевичу Лошакову*, просила меня сдѣлать рѣдкій поступокъ его извѣстнымъ, напечатавъ о немъ, какъ было, въ какомъ нибудь журналѣ: ибо, не имѣя чести его знать, не можетъ она иначе излить предъ нимъ чувствительной своей благодарности. Но пріятная должность быть благодарною представилась ей вторично. Спасенные отъ многихъ напастей ея сыновья пріѣхали ночевать въ *Лотошино* *), деревню его сіятельства, *князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго*. Бдительный той деревни управитель, увидя сихъ путешественниковъ, не преминулъ спросить, кто они и куда ѣдутъ, а узнавъ, пригласилъ ихъ къ себѣ, предложилъ вкусный столъ, покойный ночлегъ и представилъ ихъ князю. Въ одно мгновеніе дѣлаются они семьянами страннопріимныхъ своихъ хозяевъ, хотя ни они, ни родители ихъ, ни даже кто либо изъ родственниковъ не были имъ знакомы. Сама почтенная *княгиня Софія Сергѣевна* съ материнскою нѣжностью печется о нихъ; не только о тѣлесномъ покоѣ помышляетъ, но и нравственности ихъ не выпускаетъ изъ виду. Между тѣмъ, какъ князь взялъ на себя трудъ писать къ госпожѣ Буниной, что дѣти ея находятся у него, она проходитъ съ ними тѣ науки, которымъ они учились и преподаетъ имъ новыя.

Извѣщая о судьбинѣ своихъ сыновей, госпожа Бунина, не имѣя способовъ, ни самой къ нимъ ѣхать, ни за ними послать, прибѣгла къ его пре-

*) Тверской губерніи Волоколамскаго уѣзда.

восходительству, государственному секретарю *Александру Семеновичу Шишкову*, которому не имѣла чести быть прежде того извѣстною. Движимый состраданіемъ, онъ доложилъ о ней Государю Императору. Его Императорское Величество, по неизрѣченной благости своей и отеческой къ подданнымъ любви, ущедрилъ судьбу и сей несчастной, соизволивъ указать доставить къ ней ея дѣтей на казенный счетъ, снабдя ихъ всѣмъ нужнымъ, и сверхъ того удостоивъ пожаловать ей тысячу рублей.

Госпожа Бунина не можетъ также умолчать примѣрной благотворительности сосѣдки своей *Маріи Юрьевны Храповицкой*, которая, потерявъ подобно ей, все свое имущество, въ Смоленской губерніи находящееся, содержитъ ее здѣсь, въ С. Петербургѣ, съ двумя сыновьями и четырьмя человѣками служителей на своемъ иждивеніи, переноситъ для нея тѣсноту и питаетъ ее малыми остатками спасенной отъ непріятеля собственности. Чѣмъ толикую благотворительность можетъ отплатить разоренное, разсѣянное, скитающееся семейство, кромѣ вѣчной, никогда не охлаждающейся благодарности! Но Богъ, любяй милосердіе, поставитъ его во мзду и недостатокъ способовъ человѣческихъ дополнитъ посланными свыше на главу благотворителей щедротами.

Имѣвъ честъ познакомиться съ госпожею Буниной, съ удовольствіемъ взяла я на себя сдѣлать происшествіе сіе извѣстнымъ, и какъ однофамилица ей, еще съ бо̀льшимъ удовольствіемъ раздѣляю съ ней пріятный долгъ благодарности и душевнаго уваженія къ тѣмъ особамъ, коихъ примѣрнымъ великодушіемъ сохранены ея сыновья и дано ей пристанище. Достойный дядька, со многими другими въ сію бѣдственную, но славную для Россіи эпоху отличившимися усердіемъ къ господамъ и честностію людьми, можетъ подать новый примѣръ къ опроверженію гнусной клеветы малодушныхъ Французовъ и доказать имъ, что мы нерѣдко въ рабахъ своихъ имѣемъ истинныхъ друзей, и что сострадательность и великодушіе суть два качества, въ каждомъ сословіи, въ каждомъ званіи Русскому народу принадлежащія. *Анна Бунина.*

40.

При вступленіи войскъ нашихъ въ Митаву, солдаты вездѣ освѣдомлялись, не спрятались ли гдѣ нибудь непріятели. Одинъ Еврей съ злобною радостію повелъ двухъ казаковъ въ домъ пастора и объявилъ имъ, что тамъ спрятанъ Прусской офицеръ. Казаки ворвались въ домъ, въ комнату, и нашли тяжело раненаго Прусака, который при входѣ ихъ приподнялся въ постелѣ, ожидая неминуемой смерти. Козаки остановились въ изумленіи. Одинъ изъ нихъ ласково сказалъ раненому: *Нихтъ фурхтъ, Прусакъ*! *Казакъ нихтъ плутъ*! подалъ ему руку и всячески старался его увѣрить, что ему ничего бояться. Потомъ бросились оба козака на Еврея и выгнали нагайками изъ дому, за то, что онъ почиталъ ихъ способными умертвить несчастнаго и беззащитнаго врага.

41.

Въ началѣ одного изъ бывшихъ при Полоцкѣ сраженій, графъ Витгенштейнъ поставилъ пѣхоту свою, состоявшую по большей части изъ ополченія, въ боевой порядокъ и приказалъ построить позади ея нѣсколько батарей. По устроеніи оныхъ, велѣлъ онъ войскамъ симъ отступить и навести непріятеля на пушки. Регулярныя войска повиновались, но ополченіе отнюдь не хотѣло на то согласиться. „Насъ привели сюда, чтобъ драться, отвѣчали ратники, а не для того, чтобъ отступать!“ Другой, третій адъютантъ повторяютъ сіе приказаніе — тщетно! Храбрые ратники, еще не знакомые съ воинскою подчиненностію, не хотятъ слушаться. Наконецъ пріѣзжаетъ и самъ генералъ. „Ребята!“ говоритъ онъ:

„не однимъ вамъ драться съ непріятелемъ. Вчера вы его гнали, а сегодня моя очередь. Отступите! Позади васъ поставлены пушки; если вы не отойдете, нельзя будетъ стрѣлять“. — „Изволь, батюшка!“ отвѣчали они; что̀ намъ заслонять пушки! А отъ непріятеля не отступимъ!“—Они отошли съ досадою, говоря генералу: „ты велѣлъ, ты и отвѣчай!“ — Непріятели вдались въ обманъ, приступили, и сильный картечный огонь положилъ на мѣстѣ тысячи, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Наши закричали: „впередъ“ и ополченіе, подобно лютымъ львамъ, бросилось на непріятеля.—Вечеромъ, по окончаніи дѣла, одинъ офицеръ спросилъ у ратника: „Чтожъ братецъ! Не лучше ли было вамъ отступить?“ — „Вѣстимо, батюшка!“ отвѣчалъ онъ: „а впередъ попроси генерала, чтобъ онъ пушкито пряталъ не позадь насъ, а спереди!“

42.

Смоленскій помѣщикъ, полковникъ *Энгельгардтъ*, рѣшился, при вторженіи Французовъ, остаться въ своей деревнѣ, чтобъ защитить ее отъ хищности враговъ и успѣлъ истребить великое число сихъ разбойниковъ. Между тѣмъ злодѣи донесли на него, и онъ былъ взятъ подъ стражу. При допросахъ предъ судомъ, отвѣчалъ онъ съ геройскою твердостію: „Я Русской подданной и исполнялъ долгъ свой; мы всѣ обязаны сражаться со врагомъ, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на законнаго нашего Государя. Сожалѣю, что оковы препятствуютъ мнѣ отомстить имъ“. Такимъ образомъ неустрашимый Энгельгардтъ излилъ свои чувствованія предъ судилищемъ враговъ и хладнокровно ожидалъ рѣшенія своей участи. На лицѣ его изображалось спокойствіе добродѣтели, когда онъ, обремененный цѣпями, ведомъ былъ по улицамъ Смоленска. Въ темницѣ написалъ онъ духовное свое завѣщаніе. Приговоръ былъ достоинъ врага нашего Отечества. Сильная душа Энгельгардта тѣмъ не поколебалась: онъ не страшился смерти. По выслушаніи приговора, объявилъ онъ Французамъ, сколько они ошибаются, надѣясь поработить Россію, предсказалъ погибель ихъ и благодарилъ Небо, наградившее его смертію полезною для Отечества. При исполненіи казни, не позволилъ онъ, чтобъ завязали ему глаза и обратилъ ихъ съ гордостію на устремленное противу него оружіе. Самые враги сожалѣли о смерти его. Желательно, чтобъ надгробный памятникъ означалъ то мѣсто, въ которомъ покоится прахъ сего истиннаго сына Отечества!

43.

Девяностодвухлѣтній старецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Василій Васильевичъ Нероновъ* жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ своемъ домѣ. Уже нѣсколько лѣтъ не оставлялъ онъ постели своей и при вшествіи въ столицу враговъ не имѣлъ времени выѣхать изъ города. Домъ его уцѣлѣлъ отъ пожара, но назначенъ былъ для постоя одному Французскому генералу, который приказалъ выбросить бѣднаго старика на улицу. Всѣ служители его со страху разбѣжались; при немъ осталось только двое крѣпостныхъ людей, которые отнесли его въ ближнюю церковь. Тамъ пролежалъ онъ между мертвыми и умирающими людьми, посреди дохлыхъ лошадей около недѣли. Между тѣмъ, какъ одинъ служитель не оставлялъ одра несчастнаго старца, другой ходилъ въ городѣ по міру, и все, что̀ могъ собрать, приносилъ своему господину. Наконецъ, видя, что церковь не доставляетъ имъ безопаснаго убѣжища, рѣшились они выйти изъ города; въ одну темную ночь подняли господина своего на руки, прошли благополучно чрезъ заставу и пронесли его такимъ образомъ слишкомъ сорокъ верстъ до деревни, гдѣ удалось имъ сдѣлать носилку, нанять людей и донести его до Рязани.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОЛЬСКАГО ЕПИСКОПА БУТКЕВИЧА.

(съ польской рукописи).

Ректоръ Варшавской Духовной Академіи Буткевичъ (1794—1871), имѣвшій большую извѣстность въ Царствѣ Польскомъ, представляетъ собою замѣчательное явленіе въ средѣ Польскаго духовенства: онъ относился безпристрастно къ дѣйствіямъ Русскаго правительства относительно Польши и не участвовалъ въ подпольныхъ каверзахъ своихъ подчиненныхъ, товарищей и начальниковъ. На сколько было тутъ искренности, разумѣется, опредѣлить трудно.

Записки Буткевича написаны въ видѣ письма къ его приверженницѣ и духовной дочери Ельвирѣ Флоріановичевой, помѣщицѣ Августовской губерніи, гдѣ проходилъ свое пастырское поприще Буткевичъ. Онъ начинаетъ свое описаніе со школы и разсказываетъ подробно свою службу въ разныхъ духовныхъ должностяхъ при католическихъ прелатахъ. Большинство Польскаго духовенства, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось, по словамъ Буткевича, полнымъ безвѣріемъ, перешедшимъ въ Польшу изъ Франціи вмѣстѣ съ идеями энциклопедистовъ и революціи. Буткевичъ рисуетъ отвратительную картину деспотизма, жадности, низкаго самолюбія, взаимныхъ подкоповъ и всяческой лжи въ средѣ католическихъ духовныхъ властей. Такъ напр. одинъ ихъ довольно высоко поставленныхъ прелатовъ, для полученія лучшаго мѣста, вздумалъ написать просительное письмо къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, предъявляя, будто онъ нѣкогда состоялъ въ Пруссіи учителемъ при ея братьяхъ. Онъ самъ признавался, что это учительство было имъ выдумано; а между тѣмъ въ Берлинѣ наводили справки и понапрасну отыскивали имя такого учителя.

Впрочемъ Русскіе читатели и Русскіе люди давно знаютъ, что̀ такое католическій прелатъ; поэтому мы опускаемъ подробности, которыми начинаются Записки Буткевича, и печатаемъ ихъ съ того мѣста, гдѣ онъ является уже ректоромъ Варшавской Академіи.—За сообщеніе этихъ Записокъ въ Русскій Архивъ мы обязаны П. К. Щебальскому. *П. Б.*

...Я былъ приглашенъ занять одну изъ двухъ вакантныхъ каѳедръ въ Академіи, чтобъ приготовиться къ должности ректора; но тогда я не могъ согласиться, потому что не хотѣлъ покинуть престарѣлую мою матушку; теперь же, по ея смерти, я радъ бы былъ перейти въ Варшаву, чтобъ выйти изъ своего двусмысленнаго положенія. Утаивъ поэтому предъ епископомъ полученное мною изъ Коммиссіи *) приглашеніе прибыть въ Варшаву и представить свои документы, дающіе мнѣ право быть ректоромъ, я испросилъ позволенія поѣхать навѣстить больную будто сестру. Въ Варшаву пріѣхалъ я за нѣсколько часовъ до смерти прежняго ректора Осолинскаго. Немедленно по кончинѣ его приступили къ выбору новаго ректора. По уставу, утвержденному Государемъ, выборъ принадлежалъ епископамъ и администраторамъ. Изъ нихъ шестеро дали свой голосъ за меня,

*) Т. е. изъ Коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и духовнаго просвѣщенія.

и этого было совершенно достаточно. Но мнѣ хотѣлось получить и голосъ моего пастыря, который, на предложеніе представить своего кандидата, отвѣчалъ, что въ его епархіи не изъ кого выбрать даже преподавателя въ Семинарію. Нужно мнѣ было поѣхать изъ Варшавы въ Тыкоцинъ, гдѣ тогда пребывалъ епископъ, и вручить ему новое приглашеніе Коммиссіи, которая указывала именно на меня, какъ на самаго достойнаго. Такая благосклонность ко мнѣ высшей власти его удивила и взбѣсила. По своему обыкновенію, онъ началъ кричать и угрожать; но я не хотѣлъ его слушать и холодно разстался съ нимъ, выставляя ему на видъ, что я и безъ его содѣйствія буду назначенъ ректоромъ. Едва я вернулся къ себѣ на квартиру, какъ пришелъ священникъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ епископу, который забылъ-де просить меня лично. Я благодарилъ, но сказалъ, что приглашеніемъ пользоваться не намѣренъ; и тутъ же досталъ изъ чемодана скромную мою закуску. Вскорѣ явились два почетныхъ каноника съ самымъ настоятельнымъ приглашеніемъ—не уѣзжать не повидавшись съ пастыремъ, такъ какъ онъ хочетъ-де вручить мнѣ отвѣтъ на приглашеніе Коммиссіи. Я обѣщалъ зайти на минуту. Епископъ былъ очень оскорбленъ моимъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что собравшіеся у него многіе настоятели и деканы были тому свидѣтелями и чрезвычайно меня ласкали. Епископъ съ горечью упрекалъ меня въ невѣжливости, которая легко могла вызвать подражателей; клялся, что любитъ и уважаетъ меня; но въ отвѣтѣ своемъ Коммиссіи не скрылъ своей досады. Онъ писалъ, что за недостаткомъ лучшихъ рекомендуетъ отъ себя въ ректоры pro forma ксендза Буткевича, такъ какъ онъ имѣетъ университетскую степень и терся въ Коммиссіи и около епископовъ.

Переходъ мой на должность ректора надо считать явнымъ проявленіемъ воли Божіей; онъ совершился прямо противъ желанія начальства моего. Представляя свои документы въ Коммиссію, я мало имѣлъ надежды сдѣлаться ректоромъ. Всѣмъ было извѣстно, что на эту должность намѣстникъ прочилъ пройдоху Нѣмца, по фамиліи Людике (Lüdicke), именующаго себя ксендзомъ, которому и велѣлъ ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, для представленія Государю. Но Коммиссія, опираясь на Высочайше утвержденный уставъ, рѣшилась поддержать меня. Административный Совѣтъ Царства утвердилъ мой выборъ и свое постановленіе отослалъ въ Петербургъ на утвержденіе Государя. Государь былъ немало удивленъ этимъ представленіемъ; но, выслушавъ своего статсъ-секретаря, сказалъ: „съ намѣстникомъ мы сочтемся; а первое дѣло—поддержать законность“; и затѣмъ подписалъ мое назначеніе. Обманутый въ своихъ надеждахъ Людике, по выѣздѣ изъ Петербурга, хотѣлъ непремѣнно видѣть своего противника и вмѣстѣ съ помѣщикомъ Гавронскимъ пріѣзжалъ нарочно въ Владиславовъ. Возвратившись же въ Варшаву, онъ какъ нельзя хуже отрекомендовалъ меня намѣстнику и высшему духовенству. Первому представилъ онъ меня фанатикомъ, Іезуитомъ; второму измѣнникомъ вѣрѣ и церкви: не даромъ-де схизматики, вопреки желанію намѣстника, возвели меня въ это достоинство. Намѣстникъ на публичныхъ пріемахъ не обращалъ на

меня никакого вниманія. Общее нерасположеніе въ теченіи трехъ лѣтъ до того меня измучило, что я уже подумывалъ объ отставкѣ; но случай свелъ меня съ директоромъ канцеляріи намѣстника, нынѣ сенаторомъ, Еліяшевичемъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ посовѣтоваться на счетъ духовныхъ лицъ, присуждаемыхъ гражданскими или военными судами къ позорнымъ наказаніямъ. Тогда производилось дѣло о ксендзѣ, пойманномъ съ оружіемъ въ рукахъ и оказавшемся предводителемъ шайки, имѣвшей цѣлію избить въ Кѣльцахъ всѣхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Я составилъ по этому поводу обстоятельную записку и вручилъ ее Еліяшевичу. Онъ былъ очень ею доволенъ и обѣщалъ чаще обращаться ко мнѣ за совѣтами. При первомъ же свиданіи я высказалъ ему свое намѣреніе оставить службу и откровенно изложилъ всѣ побудительныя къ тому причины. Еліяшевичъ уговаривалъ меня потерпѣть, увѣряя, что все перемѣнится къ лучшему. Дѣйствительно, на слѣдующемъ за симъ пріемѣ намѣстникъ, подойдя ко мнѣ и поздоровавшись, выразилъ свое удовольствіе за вѣрную мою службу и благонамѣренный образъ мыслей. Эта неожиданная вѣжливость возбудила ко мнѣ тайную зависть (какъ это бываетъ вообще у людей, и въ особенности у ксендзовъ), но зависть не имѣла бы никакихъ важныхъ послѣдствій, еслибъ къ этому не присоединилось еще одно происшествіе, надѣлавшее мнѣ новыхъ враговъ. Стоявшій возлѣ меня епископъ-суффраганъ графъ Лубенскій, Богъ знаетъ по какому побужденію и съ какою цѣлью, вслѣдъ за княземъ *), сталъ расхваливать меня. Намѣстникъ, не любившій графовъ Лубенскихъ, крикнулъ: „Молчи, когда тебя не спрашиваютъ, и откуда эта дружба къ Буткевичу и Академіи, когда извѣстно, что люди, подобные графу Лубенскому, не любятъ ректора за его вѣрность правительству и стараются уронить Академію, потому только, что она установлена Государемъ?“ Лубенскій хотѣлъ извиняться, но намѣстникъ не дозволилъ ему раскрыть ротъ, повторяя каждый разъ по русски: молчать! Это неожиданное приключеніе испортило весь пріемъ. Лубенскій, прежде жившій дружно со мною, теперь сталъ моимъ врагомъ, со всею знатью, въ родствѣ съ нимъ состоящею. Однако, не смотря на это, мое положеніе значительно улучшилось. Съ этого времени я началъ получать приглашенія на парадные обѣды во дворецъ или на совѣщанія и часто составлялъ записки по дѣламъ религіи и духовенства.

Спустя годъ, я получилъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ Петербургъ и осмотрѣть тамошнюю Католическую Академію въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ. Это порученіе надѣлало много шума, такъ какъ оно пришлось именно въ ту пору, когда изъ нашей Академіи взяли троихъ воспитанниковъ и, порядочно ихъ высѣкши, послали солдатами въ Сибирскіе полки. Моей поѣздкѣ приписывали самыя странныя цѣли: составилось общее мнѣніе, будто Императоръ основалъ Академію единственно съ цѣлью распространять схизму посредствомъ выпущенныхъ изъ оной духов-

*) Т. е. за княземъ Паскевичемъ.

ныхъ; а меня, какъ всецѣло себя продавшаго, посылаютъ знакомиться съ Русскою вѣрою и со средствами для ея распространенія. Передъ отъѣздомъ, я поѣхалъ повидаться къ Павловскому, а потомъ къ своему пастырю въ Сейны и, изложивъ сему послѣднему поводы и цѣль моего путешествія, получилъ отъ него благословеніе. Прибывъ на мѣсто, я явился къ министру внутреннихъ дѣлъ, потомъ къ директору департамента иностранныхъ исповѣданій, въ распоряженіе котораго тутъ же и поступилъ. Прошло съ недѣлю, въ продолженіи которой я постоянно ходилъ въ Академію, ко всему присматривался, всѣхъ распрашивалъ, какъ вдругъ однажды, въ 9 часовъ вечера, отъ вышеназваннаго министра получаю увѣдомленіе, что завтра въ 11 часовъ я долженъ представиться Государю. Не смотря на позднюю пору, я облетѣлъ всѣхъ знакомыхъ, чтобъ узнать, въ какомъ видѣ надобно являться предъ Государемъ. Ни ректоръ Академіи, ни епископъ Дмоховскій, заступавшій митрополита, не могли мнѣ ничего сказать, такъ какъ никто изъ нихъ не удостоивался такой чести. Я рѣшился явиться въ облаченіи хоральномъ, какъ это дѣлалось въ Варшавѣ, когда духовные являлись предъ Государемъ или засѣдали въ его присутствіи въ Сенатѣ. Не имѣя ничего готоваго, я засадилъ за работу сапожника, портнаго и швею и заплатилъ имъ, что̀ они хотѣли. Предстоящее событіе такъ меня взволновало и встревожило, что я всю ночь не могъ сомкнуть глаза, на утро исповѣдался и отслужилъ обѣдню съ такимъ чувствомъ благочестія, съ какимъ никогда въ свою жизнь не служивалъ. Ну, какъ я не понравлюсь? Отъ этой мысли кровь застывала въ моихъ жилахъ.

Въ назначенный часъ, я явился во дворецъ. Былъ воскресный день, и Государь былъ еще у обѣдни. Среди несмѣтнаго числа чиновниковъ и генераловъ находился и герцогъ Лейхтенбергскій; онъ подошелъ ко мнѣ и милостиво благоволилъ поговорить со мною. Тутъ явился камердинеръ и пригласилъ меня идти за нимъ. Мы прошли сперва длинный корридоръ, потомъ вошли въ обширный залъ, у дверей котораго стояли два дюжихъ Негра; они указали дверь на право. Отворивъ ее, я очутился въ другомъ столь же большомъ залѣ и вдали увидѣлъ Государя, который слегка поклонился и сказалъ порусски, что ему пріятно видѣть меня. Первый вопросъ былъ: говорю ли я порусски? Узнавъ изъ моего отвѣта, выраженнаго пофранцузски, что я понимаю этотъ языкъ, но не могу на немъ свободно изъясняться, Государь быстро повернулся отъ меня и началъ большими шагами ходить по комнатѣ, высказывая неудовольствіе и удивленіе, что начальникъ духовнаго воспитанія не знаетъ государственнаго языка. Пораженный гнѣвомъ Государя, я задрожалъ всѣмъ своимъ существомъ. Государь, замѣтивъ это, снова подошелъ ко мнѣ, ласково проговорилъ: не бойся! и повелъ въ глубину залы. Ставъ у окна, выходящаго на Неву, онъ нагнулся ко мнѣ, такъ что я почти чувствовалъ прикосновеніе его волосъ, и въ такомъ положеніи продержалъ онъ меня по крайней мѣрѣ три четверти часа, распрашивая о той и другой Академіи и выказывая

при этомъ необыкновенное знакомство съ внутреннею ихъ жизнью. Но вдругъ онъ разгнѣвался, когда услыхалъ объ осужденіи трехъ нашихъ воспитанниковъ [1], отошелъ отъ меня и, расхаживая вдоль и поперекъ по залѣ, говорилъ: „Чего можно ожидать въ вашемъ Царствѣ, если въ школѣ духовной, гдѣ молодежъ должна учиться скромности и послушанію, напротивъ того пріобрѣтаютъ мятежническій духъ и привыкаютъ къ неповиновенію?" Эти упреки, высказываемые строго и сурово, такъ болѣзненно пронзили мое сердце, что я готовъ былъ зарыдать, тѣмъ болѣе, что, повидимому, исчезала всякая надежда спасти несчастныхъ, за которыхъ я думалъ было при случаѣ ходатайствовать. Я собралъ послѣднія силы и, объяснивъ, что проступокъ ихъ вовсе не имѣлъ политическаго характера, съ рыданіями просилъ помилованія. Государь, довольный моимъ сожалѣніемъ и горемъ, вглядывался въ меня съ улыбкой и сказалъ серьезно: „Знаю все; это послужитъ хорошимъ примѣромъ для другихъ; ваша молодежъ вызываетъ строгости". Затѣмъ, Государь перешелъ къ дѣламъ политическо-религіознымъ, говорилъ о нравственномъ растлѣніи, котораго былъ самъ свидѣтелемъ въ недавнюю бытность свою въ Италіи и Германіи [2]; что въ одной только его Имперіи существуетъ еще вѣра и честь Божья, порядокъ и повиновеніе власти; что онъ не допуститъ въ свое государство новаго ученія Ронге (которое тогда распространялось въ Силезіи и Познани). Онъ говорилъ съ жаромъ о рѣзнѣ въ Галиціи и обвинялъ за эту катастрофу однихъ ксендзовъ, которые, вмѣсто того чтобъ думать о костелѣ и пасти свое стадо, занимаются политикою и подстрекаютъ народъ къ бунту. Онъ объявлялъ торжественно, что ничего болѣе отъ насъ не требуетъ, лишь бы мы были священниками истинно-католическими, и повторилъ два раза: „но дѣйствительно католическими"; что мы можемъ хвалить Бога и служить человѣчеству по своей вѣрѣ, но должны не вмѣшиваться въ чужія дѣла, не заниматься политикою, не возобновлять необузданной полякеріи, не становиться во главѣ заговоровъ и враждебныхъ Россіи партій; объявилъ наконецъ искреннее свое желаніе, чтобъ духовенство наше, которому онъ охотно покровительствуетъ, было привязано къ Престолу. Послѣ того легкимъ наклоненіемъ головы далъ Государь понять, что аудіенція кончена. Вышедши въ корридоръ, я чувствовалъ себя какъ бы меня обливали кипяткомъ: по всему тѣлу струился потъ, и я едва добрелъ до экипажа. Въ Академіи засталъ я министра Туркула [3], многихъ сановниковъ и всю прелатуру, ожидавшихъ меня для поздравленія съ столь рѣдкою милостью. Ректоръ Головинскій на радости устроилъ великолѣпный завтракъ; но я, каковъ былъ, голодный и, хуже того, измученный отъ сильныхъ потрясеній и безсонницы, скоро оставилъ компанію и уѣхалъ на квартиру въ монастырь Доминиканцевъ. Здѣсь заперся я на ключъ и,

---

[1] Были осуждены за буйство.

[2] Этотъ разговоръ происходилъ послѣ 1847 г.

[3] Статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго.

не смотря на усталость, занялся подробнымъ описаніемъ аудіенціи, пока все было свѣжо въ памяти. Въ ушахъ моихъ еще раздавался голосъ Монарха. Забылъ я сказать, что Государь, сдѣлавъ мнѣ выговоръ за незнаніе Русскаго языка, сказалъ, что будетъ говорить со мною на этомъ языкѣ, чтобъ я самъ видѣлъ и другимъ сказалъ, что говорить съ Монархомъ не годится иначе, какъ только на государственномъ языкѣ; мнѣ же онъ дозволилъ отвѣчать на Польскомъ языкѣ, знанія котораго не отрицалъ. До полуночи трудился я надъ описаніемъ всего видѣннаго и слышаннаго мною; и слава Богу, что это дѣлалъ: на утро рано явился ко мнѣ Головинскій, которому министръ поручилъ узнать отъ меня о всемъ случившемся. Я хотѣлъ прочесть мое описаніе, но онъ взялъ у меня эту записку и отправился куда слѣдуетъ. Возвращена мнѣ была эта записка спустя три мѣсяца съ Русскимъ переводомъ, который самимъ Государемъ найденъ былъ вѣрнымъ.

Возвратившись въ Варшаву, представилъ я начальству подробный рапортъ о состояніи тамошней Академіи и о главныхъ чертахъ устройства духовнаго управленія въ Имперіи, не высказывая при этомъ никакихъ личныхъ взглядовъ. Главный директоръ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ сенаторъ Стороженко спрашивалъ моего мнѣнія о томъ: не лучше ли бы было завести въ Царствѣ такіе же порядки, какъ въ Имперіи? Я отвѣчалъ, что на новые порядки духовенство добровольно не согласится; насильственное же введеніе ихъ повело бы въ послѣдствіи къ революціи. Думая склонить меня на свою сторону, онъ представилъ меня къ ордену св. Станислава; но надежда на звѣзду не оправдалась,—я остался при своемъ мнѣніи, и мы поссорились.

Стороженко не отказался отъ своего замысла преобразовать духовное управленіе и ждалъ только благопріятнаго случая, который скоро и представился. Епископъ Лентовскій, желая загладить нерасположеніе къ себѣ властей (за то, что, во время Галиційской рѣзни, не остался въ Кѣльцахъ, гдѣ былъ администраторомъ, а укрылся въ Вѣну) обѣщалъ Стороженкѣ сдѣлать все, что отъ него потребуютъ, лишь бы его поставили во главѣ духовенства. Князь-намѣстникъ, узнавъ о такой готовности Лентовскаго, велѣлъ образовать комитетъ, подъ предсѣдательствомъ этого епископа, для составленія проэкта преобразованія, а меня назначилъ туда дѣлопроизводителемъ. Достигнувъ своей цѣли, Стороженко трунилъ надо много, обозвалъ меня Гуситомъ, раввиномъ, Іезуитомъ и т. п. и приказалъ явиться къ нему за приказаніями. Когда я пришелъ, то онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ, сказалъ: „Ну, не глупъ ли нашъ ректоръ, что упускаетъ счастье, которое само дается ему въ руки? То, чего прежде не желалъ добровольно, теперь долженъ дѣлать противъ воли и по чужому указанію“. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ предписаніе князя. Поклонившись низко, я сказалъ рѣшительно: „Затѣиваемое дѣло не согласно съ моими убѣжденіями, и никакая сила не заставитъ меня содѣйствовать ему“. Сенаторъ, подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва, обругалъ меня порусски и указалъ на дверь. Возвратившись домой, я заперся и приступилъ къ составле-

нію записки, въ которой старался обнаружить слабыя стороны порядковъ въ Имперіи, ихъ несогласіе съ каноническимъ правомъ и наконецъ невозможность приложить ихъ къ Царству безъ совершенія многихъ насилій, а за границей—безъ возбужденія шума и безчисленныхъ толковъ. Записку свою я вручилъ Еліяшевичу, для представленія князю. Слѣдствіемъ ея было то, что Комитетъ закрыли, и все дѣло прекращено. Тотъ же Лентовскій, изъ за котораго я поссорился съ директоромъ, былъ причиною и нашего примиренія. Объявлено было распоряженіе Коммиссіи о заупокойномъ служеніи на случай смерти членовъ царской фамиліи. Лентовскій находилъ это распоряженіе во многихъ подробностяхъ несоотвѣтственнымъ и взялъ на себя трудъ сочинить программу служенія болѣе соотвѣтственную. Это понравилось власти, и многіе начали серьезно помышлять, нельзя ли его поставить во главѣ духовенства, тѣмъ болѣе еще и потому, что онъ лучше другихъ епископовъ умѣлъ держать себя въ салонахъ. Въ этихъ видахъ правительство начало собирать о немъ свѣдѣнія; спрашивало и моего мнѣнія. Я разсказалъ, что̀ зналъ: какъ онъ въ управленіи Краковскою эпархіею не обращаетъ вниманія ни на какіе законы и тѣмъ даетъ поводъ къ нескончаемымъ жалобамъ, и прибавилъ, что человѣкъ, попиравшій свою совѣсть и общественное мнѣніе, не можетъ возбуждать къ себѣ довѣріе. Но не нужно было никакого предостереженія. Лентовскій поспѣшилъ самъ погубить себя и свои проэкты. Вскорѣ послѣ Февральской революціи, потихоньку скрылся онъ за границу и написалъ письмо къ директору, что, не будучи въ состояніи примирить своей совѣсти съ требованіями правительства, онъ удаляется и слагаетъ съ себя званіе администратора. Поступокъ этотъ привелъ власти въ недоумѣніе, а партію крайнюю въ неописанный восторгъ: его превозгласили апостоломъ, мученикомъ и приглашали всѣхъ слѣдовать его примѣру. Но не долго продолжался этотъ восторгъ. Лентовскій одумался и опять умолялъ начальство о прощеніи и дозволеніи ему возвратиться. Его однако не удостоили и отвѣтомъ, и онъ сидитъ въ Краковѣ въ качествѣ тамошняго прелата. Отъ нечего дѣлать, пишетъ онъ разныя сочиненія, къ счастью мало читаемыя, для униженія и посрамленія своего собственнаго состоянія, выставляя на показъ всѣ промахи и мертвыхъ и живыхъ духовныхъ сановниковъ. Въ Римѣ онъ обвинялъ меня въ томъ, въ чемъ самъ былъ виноватъ, и никакіе резоны не могли уже убѣдить его въ противномъ. Въ Римѣ вообще все идетъ на оборотъ: тамъ вѣрятъ самымъ невѣроятнымъ сплетнямъ, и тамъ всегда былъ правъ первый, хотя бы лгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, а послѣдній былъ всегда виноватъ, и отъ него не принимались уже никакія доказательства.

Въ ту пору умеръ епископъ Страшинскій. Чрезъ посредство Еліяшевича, я спросилъ князя: могу ли я искать администраторства Августовской епархіи; на что, тѣмъ же путемъ, получилъ положительный отвѣтъ, съ условіемъ, если администраторство съумѣю примирить съ теперешнею моею должностью: потому-де, что, какъ ректоръ, я необходимъ въ Варшавѣ. Вслѣдствіе этого, увѣдомилъ

я Капитулъ, чтобъ кандидатомъ меня не считали, и администраторомъ избранъ былъ Блоцкій. Князь былъ очень доволенъ моимъ безкорыстіемъ и, желая вознаградить меня, предлагалъ администраторство въ Варшавѣ; Варшавскаго же администратора Фіялковскаго хотѣлъ перевести епископомъ въ Полѣсье. Я представилъ князю, что это перемѣщеніе сопряжено съ большими затрудненіями: Варшавскій Капитулъ, состоящій изъ интригановъ или людей безъ характера, навѣрно сталъ бы дѣйствовать наперекоръ. Предлагалъ мнѣ князь епископство Подлясское или Сандомірское; но, кромѣ того, что въ незнакомой епархіи я былъ бы мало полезенъ, согласіе папы на такое назначеніе представлялось мнѣ чрезвычайно сомнительнымъ: Людике и Блоцкій засыпали меня доносами въ Римѣ. Не смотря на все это, въ бытность Государя въ Варшавѣ, представилъ меня князь въ епископы Августовской епархіи и, получивъ на это согласіе Государя, просилъ государственнаго канцлера выхлопотать поскорѣе утвержденіе папы. Обо всемъ этомъ узналъ я тогда только, когда все уже было сдѣлано, и противорѣчить было уже нельзя. Безпорядки въ Римѣ, бѣгство папы и безпокойства во всей Европѣ задержали теченіе всѣхъ дѣлъ, а вмѣстѣ и мое утвержденіе. Но и по возвращеніи папы въ Римъ, мое дѣло не подвигалось: были какія-то причины, которыя громко высказать не желалось. Государь, потерявъ терпѣніе, велѣлъ мнѣ самому ѣхать въ Римъ и объясниться.

Я выѣхалъ изъ Варшавы 24 Авг 1850 г., никого не предупреждая, какъ мнѣ было сказано. Воскресенцы (бѣжавшіе священники *), имѣвшіе постоянныя сношенія съ нашими богомольными дамами, зная уже о моемъ отъѣздѣ, ожидали меня въ Римѣ, и я случайно поселился возлѣ одного изъ ихъ приверженцевъ, нарочно присланнаго изъ Парижа. Это былъ артистъ изъ Галиціи. Ежедневно заводилъ онъ со мною разговоры о несчастномъ положеніи духовенства въ Царствѣ, о наклонности его къ схизмѣ, и разговоры эти возобновлялъ регулярно. Сначала я хотѣлъ его разъувѣрить и убѣждалъ, что у насъ не такъ худо, какъ говорятъ, и что духовенство ни о какомъ расколѣ не думаетъ. Но онъ повторялъ постоянно одно и тоже и наконецъ заключилъ, что я вѣроятно намѣреваюсь сдѣлать съ католиками тоже, что Симашко сдѣлалъ съ уніятами. Я потерялъ терпѣніе и назвалъ его низкимъ подлецомъ. „Зачѣмъ же вы, отвѣчалъ онъ, зная о моихъ негодныхъ замыслахъ, поселились со мною на одной квартирѣ, говоря что пріятнѣе и безопаснѣе жить съ землякомъ?“ — „Удивительный вы человѣкъ, возразилъ я: ищете пріятности и безопасности съ человѣкомъ, отъ котораго добрый католикъ не можетъ не уходить безъ совершенія тяжкаго грѣха, и поэтому я объявляю вамъ, что съ вами жить не хочу и сегодня же переѣду куда нибудь“. Пристыженный артистъ вышелъ,

---

*) Это новый монашескій орденъ, яко бы во имя Воскресенія Христова, но завѣдомо дѣйствующій для такъ называемаго воскрешенія Польши. *П. Б.*

но черезъ часъ вернулся совсѣмъ въ иномъ расположеніи: онъ палъ предо мною на колѣна и съ рыданіемъ просилъ прощенія. Тутъ же онъ сознался, что былъ орудіемъ людей, ищущихъ моей погибели. Чрезъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда изъ Варшавы, знали уже объ этомъ Воскресенцы въ Парижѣ. Артистъ въ это время собирался въ Римъ, и какъ онъ нуждался въ средствахъ, ему обѣщали безвозвратную ссуду, если онъ только прямо поѣдетъ въ Римъ и тамъ исполнитъ небольшое порученіе, по указанію мѣстныхъ Воскресенцевъ, къ которымъ дали ему нѣсколько писемъ. Онъ явился въ Римъ двумя днями раньше и обратился за инструкціями къ ксендзу Губе, котораго титуловали генераломъ Воскресенцевъ. Квартира была отыскана и мнѣ зарекомендована другимъ артистомъ Станкевичемъ, къ которому я имѣлъ письмо и которому квартира эта была указана Парижскимъ его товарищемъ. Поэтому-то каждый разъ, какъ артистъ толковалъ со мною, Губе былъ на его квартирѣ и все отлично слышалъ. Наконецъ артистъ объявилъ, что ему поручено познакомить меня съ Губе. Я не желалъ этого, но на слѣдующій день рано утромъ, когда я, еще неодѣтый, зашелъ къ сосѣду, явился вдругъ и Губе. Противъ воли вступилъ я съ нимъ въ разговоръ. Сначала мы говорили о его братѣ, съ которымъ я былъ знакомъ и который нынѣ сенаторомъ; потомъ рѣчь перешла и на дѣла духовныя въ Царствѣ. Я воодушевился и началъ упрекать всѣхъ эмигрантовъ за ихъ ослѣпленіе: вмѣсто того, чтобъ оказывать своему отечеству любовь, они всѣми силами стараются ухудшить его состояніе, оговаривая всѣхъ безъ разбору. „Но какъ вы разъясните, возразилъ мнѣ Губе, ваше предложеніе правительству—устроить дѣла церковныя въ Царствѣ на манеръ Имперіи? Ѣздили же въ Петербургъ изъучать Православіе!" Я содрогнулся и спросилъ, откуда ему извѣстно все это, и особенно цѣль моей поѣздки въ Петербургъ?—Какъ же не знать! Долженъ же былъ Лентовскій уѣхать за границу, не желая согласиться на реформу?" Я презрительно засмѣялся и все разсказалъ, какъ было, а въ доказательство представилъ важнѣйшіе документы. Губе казался убѣжденнымъ, сожалѣлъ о всеобщемъ заблужденіи и просилъ меня быть его другомъ. Предвидя, что мнѣ не разъ придется встрѣчаться съ Воскресенцами, я пошелъ предупредить объ этомъ Русскаго повѣреннаго Скарятина и просилъ его совѣта. Онъ отвѣчалъ, что питаетъ ко мнѣ полное довѣріе и предложилъ мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію.

Первая аудіенція у папы была назначена на 6-го Ноября 1850 г. Въ половинѣ 12-го, прибылъ я въ Ватиканъ и сталъ подыматься по мраморной лѣстницѣ. На всякомъ поворотѣ стоялъ швейцаръ съ алебардою и указывалъ дорогу. Такъ взобрался я на третій этажъ, гдѣ очутился въ залѣ, подобной самому наибольшому нашему костелу и занятой швейцарскою стражею. За тѣмъ прошелъ я еще нѣсколько такихъ же залъ, и въ каждой было по нѣскольку такъ называемыхъ нобили, т. е. гвардейцевъ изъ высшей знати. Наконецъ достигъ я тронной залы. Всѣ эти залы от-

личались чрезвычайною бѣдностью; кромѣ деревянныхъ скамеекъ и табуретовъ выкрашенныхъ масляною краскою, ничего въ нихъ не было; полъ кирпичный, окна обыкновенныя, запущенныя; только на стѣнахъ и на закопченныхъ потолкахъ красовались фрески знаменитыхъ художниковъ. Въ тронномъ залѣ находился тронъ, состоящій изъ кресла, нѣкогда золоченаго, на постаментѣ въ одну ступень, подъ балдахиномъ изъ краснаго бархата. Здѣсь у дверей кабинета стоитъ съ обнаженною саблею одинъ изъ гвардейцевъ; здѣсь же находятся постоянно очередной камергеръ и нѣсколько другихъ придворныхъ чиновъ. Тутъ же наконецъ ожидаютъ всѣ тѣ, которымъ обѣщана аудіенція и которые всѣ прописаны въ настольной книгѣ, для свѣдѣнія камергера, и равно и въ другой книгѣ у папы. Въ этотъ день очереднымъ камергеромъ былъ князь Гогенлоэ, лѣтъ 22-хъ, и уже въ званіи прелата. Едва успѣлъ онъ наставить меня, какъ я долженъ себя вести, какъ раздался звонокъ и вопросъ, здѣсь ли Польскій священникъ? Князь ввелъ меня, ставъ на колѣна доложилъ обо мнѣ и удалился. Я преклонилъ колѣно разъ, другой и третій и сталъ на колѣна предъ св. отцомъ, который сидѣлъ въ креслѣ на маломъ возвышеніи. Предъ нимъ стоялъ столикъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на столикѣ—распятіе, образокъ Божьей Матери, чернилица съ перомъ и книга съ именами ищущихъ аудіенціи. Увидѣвъ меня, папа спросилъ поитальянски, какъ я поживаю; но тотчасъ спохватился и сталъ говорить пофранцузски. „Извини, забылъ, что ты не понимаешь нашего языка". Говоря это, онъ протянулъ ко мнѣ руку; я поцѣловалъ ее и припалъ къ его ногамъ. Папа сначала не хотѣлъ давать ноги; но потомъ, высунувъ ее, сказалъ: „Это не нужно; но если такъ хочешь, то цѣлуй". Святой отецъ велѣлъ мнѣ встать; но я, оставаясь на колѣнахъ, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Считаю величайшимъ милосердіемъ Всевышняго, что Онъ дозволилъ мнѣ вкусить счастья стать предъ лицомъ нашего общаго отца и облобызать его апостольскія стопы. Я прибылъ не затѣмъ, чтобы искать мірскихъ благъ, или вымаливать утвержденія меня епископомъ, о чемъ представляло правительство, хотя я вовсе не домогался этой должности. Главною цѣлью этого далекаго путешествія было оправдаться предъ вашимъ святѣйшествомъ и очиститься отъ всѣхъ клеветъ и извѣтовъ. Сознаю свою слабость и недостатки: не разъ прогнѣвлялъ я Бога и подавалъ ближнимъ худой примѣръ; но совѣсть не упрекаетъ меня въ томъ, чтобъ я былъ врагомъ своего сословія, измѣнникомъ своей вѣрѣ, церкви и отечеству. Не смотря однако на такое мое убѣжденіе, я безъ всякихъ оговорокъ отдаю себя на судъ вашего святѣйшества, торжественно обѣщаю подвергнуться всякому испытанію и дознанію и принять всякое взысканіе, какое будетъ угодно на меня наложить, не обращаясь за помощью къ моему правительству. Этой только милости прошу для облегченія моей совѣсти и для полученія, по смерти, мѣста на католическомъ кладбищѣ". Говоря это, я нагнулся и хотѣлъ опять поцѣловать ногу св. отца; но онъ до этого не допустилъ и, замѣтно взволнованный, сказалъ: „О нѣтъ, ты вѣроятно не столь виновенъ, если желаешь оправдаться и съ

этою цѣлью не побоялся пріѣхать въ Римъ, безъ всякаго приглашенія. Встань только и слушай, что́ я скажу". Я остался на колѣнахъ; онъ же сильно задумался и послѣ значительной паузы сказалъ: „Странное твое дѣло, и я самъ не знаю, что̀ тутъ дѣлать; но хотѣлъ бы однако лучше съ нимъ познакомиться, и поэтому назначу прелата, который будетъ съ тобою конферировать; ты все ему разскажешь, и онъ сообщитъ тебѣ о моемъ рѣшеніи. Теперь его нѣтъ въ Римѣ; какъ прибудетъ, поручу ему твое дѣло". Видя, что я все стою на колѣнахъ, папа велѣлъ мнѣ встать; но я не вставалъ. Тогда онъ воскликнулъ съ живостью: „Встань, иначе говорить не стану". Я всталъ и слушалъ уже стоя. Папа задумался и потомъ началъ упрекать меня въ излишней преданности правительству. Но ему было видимо неловко; трудно было ему винить меня въ томъ, въ чемъ у себя такъ строго наказывалъ всѣхъ провинившихся въ послѣднюю революцію. Затѣмъ онъ говорилъ о произволѣ гражданской власти, о явныхъ насиліяхъ и открытомъ преслѣдованіи церкви и ея сыновъ; вспомнилъ объ уничтоженіи уніятскаго исповѣданія въ Имперіи и выразилъ опасеніе, чтобъ тоже самое не случилось и въ Царствѣ. Потолковавъ еще объ угнетеніи католиковъ, папа вдругъ спросилъ: какъ я, будучи священникомъ, могу равнодушно смотрѣть на попраніе вѣры и угнетеніе братьевъ своихъ? Я палъ на колѣна и началъ объясняться слѣдующимъ образомъ: „Хотя мы и могли освоиться съ нашими бѣдствіями въ теченіи полувѣка, но болѣзненно чувствуемъ всякую обиду, церкви и народу причиняемую. Насъ совершенно несправедливо обвиняютъ въ равнодушіи къ вѣрѣ и отечеству. Были у насъ, правда, слабые епископы и небезупречные священники; но наше духовенство не представило ни одного измѣнника въ эту столь трудную эпоху. Слишкомъ суровъ судъ совѣсти народной, чтобъ кто нибудь изъ духовныхъ рѣшился дѣйствовать несогласно съ интересами вѣры и отечества. За многое можно осуждать насъ; но войдите, отецъ святой, въ наше положеніе: не искали мы Русскаго господства, и никому не безъизвѣстно, какъ сильно были мы наказаны за попытку избавиться отъ него. Грѣхи предковъ нашихъ этому виною, а мы терпимъ за нихъ. Однако нѣтъ ни малѣйшаго опасенія за нашу вѣру въ Царствѣ; какъ до сихъ поръ, такъ и впредъ будемъ въ ней непоколебимы: милость Божья съ нами; никогда (не смотря на тяжелыя времена) не были мы болѣе усердны, и я не ошибусь, если скажу, что ваше святѣйшество не имѣете на всемъ свѣтѣ овецъ болѣе послушныхъ и болѣе къ вамъ привязанныхъ, какъ въ нашемъ краѣ. Мы горько сожалѣемъ объ отпаденіи уніятовъ въ Имперіи, и одинъ Богъ знаетъ, что̀ ожидаетъ ихъ въ Царствѣ. Хотя они стоятъ одною ногою въ Православіи по своему обряду и языку и похожи на Русскихъ во всѣхъ своихъ обычаяхъ; но мы не теряемъ надежды сохранить ихъ въ лонѣ общей нашей матери, церкви святой. И положеніе ихъ въ нашемъ краѣ далеко не таково, какъ въ Имперіи: духовные и народъ этого обряда слишкомъ тѣсно связаны узами родства и общности интересовъ съ населеніемъ обряда Латинскаго, чтобъ можно было перетянуть ихъ въ

Православіе, безъ общаго оскорбленія и безъ возбужденія нареканій со стороны всего народа. Съ тѣхъ поръ какъ не удались первыя попытки въ этомъ духѣ, прекращена была всякая пропаганда, и едва ли она возобновится; духовенство Русинское убѣждено, что всегда можетъ расчитывать на нашу помощь. Наконецъ, зная близко натуру и духъ нашего народа, смѣю увѣрить, что мы останемся навсегда вѣрными сынами церкви, а ваша святость имѣете гораздо большее ручательство въ нашей стойкости, чѣмъ въ конкордатахъ и дипломатическихъ сдѣлкахъ, которые всегда толкуются сообразно съ видами и требованіями политики". Выслушавъ меня внимательно, съ глазами на меня устремленными, папа вздохнулъ глубоко и, вознесши руки, воскликнулъ: „Дай Богъ, чтобъ было такъ, какъ ты говоришь", и видя, что я все еще стою на колѣнахъ, прибавилъ: „Видно хочешь, чтобъ я тебя скорѣе отпустилъ, если все упираешься: я велѣлъ тебѣ встать, а ты все на колѣнахъ". Я быстро всталъ и сказалъ: „Отче св., не по упрямству это дѣлалъ, но по чувству глубочайшаго уваженія къ твоей святости".—„Хорошо, возразилъ онъ, но надобно беречь свое здоровье". Послѣ этого папа сталъ распрашивать о нашемъ краѣ, правительствѣ и духовенствѣ. Обо всемъ онъ имѣлъ самыя превратныя понятія; восхвалялъ нашъ патріотизмъ и благочестіе, съ горечью упоминалъ объ императорѣ Николаѣ за обращеніе уніятовъ и особенно за его нежеланіе допустить къ себѣ нунція, но отдавалъ полную справедливость его великимъ достоинствамъ. За то въ намѣстникѣ не находилъ ни одной хорошей черты. Когда я при этомъ вздохнулъ, онъ улыбнулся и сказалъ: „Тебѣ это непріятно; ты, какъ меня увѣряли, его фаворитъ". Я палъ на колѣна и еще собирался возражать, какъ вдругъ пробило два часа. Святой отецъ всталъ и, позвонивъ камергера, сказалъ: баста! Это значило: сегодня конецъ аудіенціямъ. А мнѣ, при лобызаніи рукъ и ногъ, сказалъ: „Подожди монсиньора Феррари; я его назначаю для переговоровъ съ тобою".

По возвращеніи въ Римъ, Феррари прислалъ за мною ксендза Губе. Я отвѣчалъ, что на такой зовъ не пойду. Какъ подданный императора, къ тому же чиновникъ, я не могу быть приглашаемъ эмигрантомъ къ дѣлу, въ которомъ долженъ дать отчетъ правительству. Объ этой неделикатности доложилъ я г. Скарятину, и чрезъ нѣсколько дней я получилъ оффиціальное приглашеніе. Такъ начались наши конференціи, продолжавшіяся цѣлые 9 мѣсяцевъ. Прелатъ Феррари, нынѣ кардиналъ, не имѣлъ ни воспитанія, ни образованія и совершенно былъ незнакомъ съ нуждами и условіями цивилизаціи. Сынъ бѣднаго столяра, выучился онъ говорить полатыни, прислуживая въ базиликѣ Великой Богородицы; тамъ былъ онъ посвященъ и тамъ же состоитъ теперь прелатомъ, занимая еще другія должности. Онъ началъ свою карьеру подметаніемъ костеловъ и трудами канцелярскими, достигъ значенія умѣньемъ нравиться высшимъ, особенно кардиналамъ, которые также доходили до почестей тѣми же путями. Повидимому скромный и безкорыстный, онъ былъ чрезвычайно проницателенъ и скрытенъ,

какъ настоящій Итальянецъ. Но хуже всего было то, что намъ трудно было сообщаться: языкъ Латинскій, которымъ онъ владѣлъ порядочно, былъ не слишкомъ удобенъ для выраженія нынѣшнихъ идей и понятій, а другаго языка, кромѣ Итальянскаго, онъ не зналъ. Но понимая слова, онъ не понималъ дѣла; ничего не видѣлъ, ничего не читалъ и думалъ поэтому, что вездѣ должно быть такъ, какъ въ Римѣ. Ему было странно, что Поляки служатъ Русскому императору; вѣроотступниками называлъ онъ чиновниковъ, посѣщающихъ въ табельные дни православные храмы; а людей, посѣщающихъ Русскіе дома, считалъ еретиками, проклятыми навсегда. Не вѣрилъ я тогда, не вѣрю и теперь, чтобъ Феррари такъ думалъ, какъ говорилъ. Въ началѣ царствованія нынѣшняго папы, былъ онъ чрезвычайно либераленъ, сочинилъ было даже брошюру о недостаткахъ клерикальнаго правительства. Но съ возвращеніемъ папы въ побѣжденный Римъ, и онъ, и всѣ измѣнились: вмѣсто содѣйствія умственному развитію, вмѣсто признанія правъ человѣка и цивилизаціи христіянской, признали они болѣе полезнымъ для человѣчества крайній деспотизмъ религіозный, какой царствовалъ въ средніе вѣка. Все подчинить себѣ и вездѣ распоряжаться произвольно— вотъ цѣль Римской политики. Время покажетъ, можно ли такимъ путемъ дойти до предположенной цѣли и согласенъ ли такой образъ дѣйствій съ волею Провидѣнія. Судя почеловѣчески, нельзя и думать извлечь изъ такой политики какія-либо выгоды для церкви. Исторія 18-ти вѣковъ указываетъ намъ, что не насиліемъ, а кротостью возрасло царство Божье и побѣждено язычество. Прежніе папы не утверждали спасенія душъ на формальности и гордости, но на духѣ и сущности ученія Христова. Они заботились прежде о томъ, чтобъ было какъ можно болѣе епископовъ для установленія необходимаго духовенства, а нынѣ ставятъ преграды при всякой открывающейся вакансіи; и это дѣлаютъ въ ущербъ вѣрѣ и въ позоръ духовенству, изъ-за того только, что нунцій не допущенъ ко двору, или изъ-за капризовъ какой нибудь покаявшейся Магдалины.

Прелатъ Феррари принималъ меня съ изъисканною вѣжливостью; но послѣ нѣсколькихъ посѣщеній я увидѣлъ ясно, что наши конференціи не имѣютъ никакой связи съ моимъ дѣломъ. Феррари распрашивалъ меня только о дѣлахъ общихъ, а не обо мнѣ, и поручилъ мнѣ, въ особенной запискѣ, изложить, какими путями сложились нынѣшнія отношенія власти къ духовенству, прося написать ее какъ можно подробнѣе, не пропуская ни малѣйшихъ частностей о характерѣ и недостаткахъ лицъ имѣвшихъ вліяніе на судьбу церкви. Требованіе свое онъ мотивировалъ желаніемъ папы; но я послѣ узналъ, что онъ тутъ дѣйствовалъ просто по наущенію Воскресенцевъ.

Не смотря на то, что я постоянно былъ отвлекаемъ конференціями и посѣщеніями посольства, въ эти пять мѣсяцевъ я написалъ два тома въ листъ, по 150 листовъ въ каждомъ. Въ первомъ томѣ я помѣстилъ общія свѣдѣнія о нашей церкви до па-

денія республики, ея судьбу подъ чужимъ господствомъ и въ Варшавскомъ горцогствѣ. Переходя къ нынѣшнему Царству, я показалъ происхожденіе коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія, въ вѣдѣніе которой переданы всѣ духовныя дѣла; описалъ два важныя событія той эпохи: организацію іерархіи въ Польшѣ и уничтоженіе монашескихъ орденовъ, съ обращеніемъ ихъ имуществъ на содержаніе новой іерархіи и съ указаніемъ, въ сколь негодныя руки попали обѣ эти реформы и сколь мало исполнились спасительнѣйшія намѣренія императора Александра и надежды св. отца. Затѣмъ описалъ сеймы, и въ особенности сеймъ 1825 года, который рѣшилъ передать дѣла бракоразводныя въ установленія гражданскія, и подробно изложилъ памятную борьбу между защитниками правъ церкви и послѣдователями протестантской школы, которая, ловко склонивши на свою сторону цесаревича Константина, одержала верхъ и съумѣла добиться утвержденія Монарха, хотя онъ и заявлялъ прежде въ законодательной коммиссіи, что не согласится ни на какую мѣру, противную канонамъ. Бѣдственныя послѣдствія этой мѣры неисчислимы. Потомъ очертилъ я революцію и показалъ, сколь ошибочно Григорій XVI порицалъ за нее наше духовенство, которое въ приготовленіи ея не принимало ни малѣйшаго участія, но впослѣдствіи было за нее строго наказано. Упомянулъ я объ интригахъ въ сферѣ управленія, въ особенности объ интригахъ Лубенскаго, Павловскаго и Страшинскаго противъ Гутковскаго, который, чтобъ избѣжать всякаго подозрѣнія, вмѣстѣ съ гвардіею былъ удаленъ изъ Царства, лишь бы не допустить его до архіепископства, которое, вслѣдствіе этого, досталось Хоромаискому. Привелъ слухи о сліяніи нашей митрополіи съ Могилевскою и о поступленіи ея въ вѣдомство Петербургской Коллегіи, что̀ подало поводъ къ поѣздкѣ епископовъ въ Петербургъ и наименованію ихъ членами сказанной Коллегіи. И такъ какъ, по назначеніи меня ректоромъ, завистники стали клеветать на меня въ Римѣ, будто я, въ заговорѣ съ правительствомъ, дѣйствую во вредъ церкви, то я и воспользовался случаемъ защитить свое доброе имя, тѣмъ болѣе, что Феррари избѣгалъ говорить о моихъ личныхъ дѣлахъ.

Во второмъ томѣ изобразилъ я нынѣшнее состояніе церкви въ Царствѣ Польскомъ, которая, по явному милосердію Божьему, далека еще отъ упадка, не смотря на разительные недостатки однихъ и крайнюю неспособность другихъ пастырей; не скрывалъ нашего критическаго положенія, но смѣло утверждалъ, что правительство, вводя новое управленіе, не думаетъ навязывать вѣры Русской. Въ такомъ даже случаѣ, еслибъ Богъ лишилъ насъ Своей милости и допустилъ насъ впасть въ совершенное ослѣпленіе, мы скорѣе вернулись бы къ эпохѣ Сигизмунда и сдѣлались протестантами, угождая гордости ума, но не православными. Я представилъ статистическія свѣдѣнія обо всѣхъ епархіяхъ и о нравственномъ состояніи духовенства и народа. Долѣе всего остановился я на епархіи Варшавской. Признавая, что никогда столица королевства не была столь религіозною и благочестивою, какъ въ настоящее время, я не утаилъ, что она стала бы еще лучшею по отношенію

къ нравственности, нравамъ и обычаямъ, которые теперь вовсе не соотвѣтствуютъ вѣрѣ и требованiямъ ея, еслибы духовныя власти захотѣли подумать о введенiи порядка и объ устройствѣ приходскаго служенiя. Съ незапамятныхъ временъ, когда еще Варшава причислялась къ Познанской епархiи, царствуетъ здѣсь тотъ же безпорядокъ, которому подобнаго нѣтъ на свѣтѣ. На стодвадцатитысячное католическое населенiе имѣется всего шесть приходовъ, а священниковъ, для ихъ обслуживанiя, едва ли будетъ и двадцать. Отъ того и произошло, что католики, не получая удовлетвдоренiя въ своемъ приходѣ, привыкли обращаться въ ближайшiе монастыри, и только въ случаѣ рожденiя, брака или смерти, гдѣ законъ требуетъ занесенiя въ книгу, отыскиваютъ и узнаютъ своего настоятеля. Пользуясь этимъ, монахи таскаются по всему городу и за деньги дѣлаютъ все, безъ всякаго зазора, безъ всякой отвѣтственности. Приходское духовенство жаловалось на вмѣшательство монаховъ, лишающее ихъ большей части ихъ доходовъ и указывало на то, что Капуцины, въ послѣднiя 12 лѣтъ, собрали больше миллiона за похороны магнатовъ. Отвѣта на жалобу никакого не послѣдовало. Что приходскiе костелы терпѣли ущербъ, это бы еще ничего; но отъ этого много терпѣла нравственность, разслаблялись основы христiанскаго общества. Обыкновенно вступаетъ въ монастыри молодежъ безъ всякаго образованiя, безъ науки посвящается въ духовный санъ съ правомъ читать только обѣдню. И однако Консисторiя предоставляетъ начальникамъ монастырей дозволять, по своему усмотрѣнiю, тому или другому принимать исповѣдь, гласить слово Божiе и совершать таинства. Какое же влiянiе можетъ оказать такой неучъ на людей совершенно простыхъ? Къ больному рѣдко приглашаютъ свѣтскаго священника, а обыкновенно обращаются къ монаху: монахъ все сдѣлаетъ, онъ и незаконнаго ребенка окреститъ въ какую угодно фамилiю, и бракомъ соединитъ кого угодно, и мертвеца помажетъ миромъ, съ единственною только оговоркою, чтобы похороны совершались въ его костелѣ. Подобныя операцiи совершаютъ обыкновенно Капуцины, и въ народѣ утвердилось мнѣнiе, что безъ Капуцина счастливо умереть нельзя. Для устраненiя этого зла, необходимо удвоить число приходовъ, поручивъ нѣкоторые изъ нихъ хотя бы и монахамъ; тогда бы они заботились о своихъ приходахъ, не лѣзли бы въ другiе, и прекратился бы вредный антогонизмъ между монахами и бѣльцами.

Очертивъ характеръ населенiя католическаго, я коснулся и иновѣрцевъ, у насъ въ большомъ числѣ проживающихъ и указалъ на бѣдствiе, угрожающее нашему краю отъ наплыва Нѣмцевъ: они населяютъ фабрики, отбиваютъ у Поляковъ земледѣльческiя усадьбы. Евреи, живущiе по деревнямъ, обдираютъ и спаиваютъ народъ, но не губятъ его тѣломъ и духомъ такъ, какъ это дѣлаютъ пришельцы Лютеры и всякихъ именъ протестанты. Послѣднiе, имѣя деньги, захватываютъ все продающееся, а бѣднѣйшiе изъ нихъ предпочтительно передъ Поляками принимаются помѣщиками на служ-

бу или снимаютъ землю. Послѣ будутъ объ этомъ жалѣть, а теперь попираютъ чувство милосердія и справедливости, забывая любовь къ родной землѣ изъ за нѣсколькихъ лишнихъ рублей.

Я много распространился также въ описаніи Евреевъ, которые размножаются такъ быстро, что они въ цѣломъ краѣ девятую, а въ Варшавѣ составляютъ третью часть населенія. Какими были они нѣсколько вѣковъ тому назадъ, такими и теперь остались: религіозными фанатиками и безсовѣстными эксплоататорами. Духовенство наше слишкомъ мало обращаетъ вниманія на ихъ обращеніе. Одни Іезуиты во Львовѣ, впрочемъ болѣе для своей славы, чѣмъ для пользы церкви, вздумали было вести пропаганду, подражая примѣру Рима, гдѣ Евреевъ сгоняютъ насильно въ одинъ костелъ и тамъ высказываютъ имъ ихъ заблужденія. Іезуиты насилія употребить не могли, поэтому они вызывали ученыхъ раввиновъ на богословскіе споры. Слѣдствіемъ этихъ споровъ было притворное обращеніе раввина Франка и его послѣдователей. Далѣе я указалъ на мѣры, предпринятыя правительствомъ для ихъ просвѣщенія, изъ коихъ первою было учрежденіе раввинской школы, которая однако, въ тридцатилѣтнее свое существованіе, не произвела ни одного раввина. На воспитанниковъ этой школы неученые Евреи смотрѣли косо, привыкши видѣть въ своихъ руководителяхъ автомата и неряху. И воспитанники не искали раввинскихъ мѣстъ, по малой ихъ доходности и полной зависимости отъ кагала; они предпочитали служить у купцовъ или въ тайной полиціи. Другою мѣрою было запрещеніе носить Еврейскую одежду; но эта мѣра послужила больше во вредъ и намъ, и имъ: намъ было лучше, когда имѣли Еврея съ бородою и въ халатѣ, легче можно было его остеречься; теперь же легче попадаемся въ обманъ. И сами Евреи, пока носили свою одежду, держались своей вѣры, какая бы она ни была; теперь же, вмѣстѣ съ одеждою, сбросили съ себя и всѣ религіозныя узы, которыя хоть сколько нибудь ихъ сдерживали. Стараясь походить на Христіанъ, они утрируютъ ихъ недостатки, щеголяютъ роскошью и свободою обращенія; а всѣ необходимыя на это средства доставляемъ, по прежнему, мы. Никогда въ Польскомъ народѣ не было такой всеобщей порчи нравовъ, такой явной деморализаціи, какъ теперь, когда мы побратались съ Евреями. Необыкновенное усиленіе публичнаго разврата причинено наплывомъ Евреекъ, которыя въ безстыдствѣ превосходятъ рѣшительно всѣхъ. При столь быстромъ возрастаніи и числа и испорченности Евреевъ, насъ ожидаетъ печальная будущность. Всѣ до сихъ поръ принятыя мѣры оказались недостигающими цѣли. Единственнымъ средствомъ было бы распространеніе въ ихъ средѣ христіанства. Прежде всего необходимъ институтъ, гдѣ желающіе обратиться могли бы найти наставленіе, а подъ часъ и убѣжище. Для этой цѣли собрана даже значительная сумма. Теперь, когда у насъ есть архіепископъ, пора бы объ этомъ подумать. Никто, вѣроятно, болѣе меня не обратилъ Евреевъ; но чтобъ я принесъ дѣйствительную пользу, утверждать не могу: едва нѣсколько крещеныхъ дѣтей оказались хоро-

шими, остальные совсѣмъ пропали. Рѣдко кто принимаетъ крещеніе по убѣжденію, а больше для интереса; но и это небезполезно: пусть новообращенные не будутъ хорошими Христіанами, за то ихъ потомство, не имѣя уже соприкосновенія съ еврействомъ, можетъ дать полезныхъ гражданъ.

При обзорѣ прочихъ епархій, наиболѣе мѣста посвятилъ я описанію Ясной Горы въ Ченстоховѣ, также и нашей Августовской епархіи. Что̀ Лоретто на Югѣ, Виѳлеемъ на Востокѣ, то Ясная Гора на Сѣверѣ. Въ прежнее время, когда границы не составляли препятствій, въ Ясную Гору собирались несмѣтныя толпы изо всѣхъ Славянскихъ земель и больше всего Карпатскіе Горалы, которые обыкновенно даютъ обѣтъ хоть разъ въ жизни побывать въ Ченстоховѣ. Но какъ дальніе народы не понимали Польскаго языка, то приходили со своими священниками, которые руководили ихъ въ дорогѣ и на мѣстѣ поученіями и приготовляли земляковъ къ исповѣди. Такъ какъ въ храмѣ мѣста мало, то устраиваютъ алтарь снаружи, противъ того мѣста, гдѣ находится чудотворная икона. Иногда богомольцы приносили даже собственный алтарь на плечахъ своихъ. Я много посѣтилъ святыхъ мѣстъ въ свою жизнь, видѣлъ многія святыни: видѣлъ ясли, въ которыхъ лежалъ Христосъ, значительную часть креста, на которомъ Онъ умеръ, гвозди, которыми былъ прибитъ, и копье, коимъ былъ пробожденъ; отправлялъ литургію на гробѣ Апостоловъ, видѣлъ собственными глазами чудеса, повторяющіяся у святыхъ мощей; но нигдѣ не чувствовалъ такого умиленія, какъ въ первую мою бытность въ Ченстоховѣ въ 1822 г. Уже нѣсколько вѣковъ монахи и всѣ классы народа изъ земли Польской и изъ другихъ странъ посѣщаютъ Ясную Гору для поклоненія Богоматери и для принесенія ей приличныхъ даровъ. Набрались такимъ образомъ огромныя богатства и, не смотря на многократныя изъ нихъ заимствованія въ тяжелые годы отечества, они и теперь простираются до нѣсколькихъ милліоновъ. Придѣлъ Богоматери, и особенно пресбитеріумъ, украшены приношеніями или votum изъ серебра и золота, съ описаніемъ или изображеніемъ снисканной милости. Алтарь, гдѣ чудотворная икона, сдѣланъ изъ чернаго дерева и богато украшенъ серебромъ. Самая икона, писанная рукою св. евангелиста Луки, написавшаго и нѣсколько другихъ подобныхъ иконъ, украшена величайшими драгоцѣнностями. Короны, присланныя изъ Рима, хранятся на память; гораздо дороже тѣ, которыя украшаютъ лики Богоматери и Ея Божественнаго Сына; онѣ обильно осыпаны самыми дорогими каменьями. Кромѣ обыкновенной ризы изъ серебра и золота, въ важнѣйшихъ случаяхъ надѣваютъ на икону еще четыре платья, приготовленныя какимъ-то монахомъ, который на это посвятилъ всю свою жизнь. Первая, на бѣломъ фонѣ, изукрашена узорами изъ рубиновъ и гранатовъ; вторая—на фонѣ амарантовомъ, изъ алмазовъ чистѣйшей воды; третья—на фонѣ голубомъ, изъ Перуанскихъ перловъ, и четвертая—на темномъ фонѣ, изъ бирюзы. Въ нижней сокровищницѣ хранится церковная серебряная утварь, между прочимъ дарохра-

нительница и крестъ, изготовленные собственными руками короля Сигизмунда I-го. Въ верхней же—такое множество и разнообразіе драгоцѣнностей, что ихъ ни упомнить, ни описать. Тутъ есть ризы и облаченія, шитыя собственными руками королевъ Ядвиги и Анны, изъ Ягеллоновъ. А драгоцѣнныхъ камней такъ много, что ихъ не горстью, а гарнцемъ мѣрить бы слѣдовало. И всѣ эти богатства ничѣмъ не обезпечены отъ всевозможныхъ случайностей; нѣтъ даже описи, такъ что неизвѣстно, кѣмъ и когда что̀ пожертвовано. Такъ какъ монахи Ченстоховскіе извѣстны своею разнузданностью, то я и предлагалъ папѣ преобразовать орденъ Паулиновъ, которые теперь совсѣмъ непохожи на своихъ предшественниковъ-отшельниковъ. Между прочими мѣрами къ ихъ исправленію я предлагалъ особенно поднятіе ихъ умственнаго уровня; они до такой степени разлюбили науку, что на полкахъ библіотеки красуются одни только футляры съ именами святыхъ отцовъ. А между тѣмъ монахи эти надѣлены отъ папъ многими важными привиллегіями: они одни имѣютъ право разрѣшать отъ всѣхъ грѣховъ, не сносясь съ Римомъ и, въ знакъ этого, сидятъ въ исповѣдальницѣ съ посохомъ, которымъ касаются лицъ, отбывшихъ исповѣдь. Не смотря на чрезвычайно значительные доходы, костелъ содержится очень грязно, монастырь запущенъ и уже начинаетъ обваливаться.—Описывая епархію Августовскую, я представилъ довольно полный образъ Литвы, упомянулъ о раскольникахъ и о Татарахъ.

Очертивши такимъ образомъ нынѣшнее состояніе церкви въ Царствѣ Польскомъ, я перешелъ къ разбору болѣе важныхъ вопросовъ. Во первыхъ: откуда происходитъ то (это писано 24 года тому назадъ), что у насъ нѣтъ епископовъ, и отъ того въ паствѣ—величайшій безпорядокъ. Партія, именующая себя патріотическою и сознающая свою слабость, соединила интересы политическіе съ интересами церкви и стала оцѣнивать дѣла церковныя и дѣйствія духовныхъ сообразно съ ихъ отношеніемъ къ ихъ мечтамъ. Поэтому всякій духовный, остававшійся на государственной службѣ, считался худымъ католикомъ, хотя многія обязанности никто другой кромѣ духовнаго лица исполнять не можетъ. Правительство, видя это, начало съ своей стороны внимательнѣе вникать во всѣ духовныя дѣла, подозрѣвать духовенство въ злыхъ умыслахъ и коварствѣ. Къ довершенію несчастія, наша эмиграція всѣми силами раздражаетъ правительство, чтобъ не допустить мира и согласія. Григорій XVI сначала не прекословилъ нашему Государю и утверждалъ всѣхъ имъ представляемыхъ. Но со времени возсоединенія униатовъ, дѣла приняли иной оборотъ: нарѣканія и жалобы папы противъ Русскаго правительства раздались на всю Европу.

Выказавши весь вредъ, который терпитъ церковь отъ этихъ несогласій, я объяснилъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться измѣны епископовъ, но надобно опасаться гораздо бо̀льшаго вреда отъ ихъ отсутствія. Указалъ потомъ, какими качествами должны обладать епископы и ихъ капитулы, чтобъ въ нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ они могли дѣйствовать съ наибольшею поль-

зою. Послѣ этого перешелъ къ самому важному вопросу—о воспитаніи духовнаго юношества. Въ прежнее время, два года бытности въ Семинаріи было слишкомъ достаточно для надлежащаго приспособленія лицъ къ исполненію духовныхъ обязанностей; ибо туда поступали люди зрѣлые, служившіе уже въ гражданской или военной службѣ, но главное, поступали по призванію и съ достаточнымъ знаніемъ Латинскаго языка. Нынѣшнія семинаріи находятся въ вѣдѣніи Миссіонаровъ или Коммунистовъ, потому что наше духовенство свѣтское состоитъ большею частью изъ благородныхъ, думающихъ только о своемъ возвышеніи и презирающихъ книги и всякую трудную работу. Наши семинаріи, въ которыхъ я былъ и какія до сихъ поръ существуютъ, представляютъ образъ нищеты и пародіи на священное званіе: единственными средствами для испробованія силы призванія и смиренія служатъ голодъ, холодъ и всевозможныя униженія, убивающія всякое чувство достоинства. Все достоинство клирика состоитъ въ каменномъ терпѣніи и наружномъ благочестіи. Такая система воспитанія производитъ подлыхъ, коварныхъ и корыстолюбивыхъ фарисеевъ и налагаетъ на наше духовенство отпечатокъ, отталкивающій всякаго здравомыслящаго человѣка. Всѣ униженія, вынесенныя ими въ Семинаріи, они, вышедши въ свѣтъ, вымещаютъ на другихъ; лишь только сдѣлается кто настоятелемъ или старшимъ, обходится со своими подчиненными хуже, чѣмъ съ нимъ обходились въ Семинаріи; никогда не видитъ въ подчиненномъ брата, но слугу, отъ котораго требуетъ не повиновенія законнымъ требованіямъ, а пресмыканія и готовности на все. Такой порядокъ замѣтенъ рѣшительно на всѣхъ ступеняхъ нашей іерархіи. Въ семинаріяхъ, управляемыхъ Миссіонарами, усмотрѣнъ наружный порядокъ: не замерзаютъ тамъ съ холоду, не умираютъ съ голоду; но натерпятся того и другаго вдоволь. Регулярно въ тѣже часы подаютъ тощій обѣдъ и ужинъ; завтрака даже за свои деньги имѣть нельзя, а жилье нагрѣваютъ лишь на столько, чтобъ не замерзала вода для умыванія. Ученіе идетъ и того хуже; никогда бы не повѣрилъ, еслибъ самъ не учился. Миссіонары и не могутъ имѣть хорошихъ наставниковъ: въ орденъ этотъ рѣдко кто поступаетъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній; обыкновенно поступаютъ туда изъ элементарныхъ училищъ, или учившіеся у органистовъ, или бывшіе въ услуженіи у ксендзовъ. Поступившій юноша два года остается на испытаніи и изучаетъ въ это время церковные обряды и Латинскую грамматику, потомъ два года проходитъ философію и богословіе и посвящается въ священники. Послѣ этого годится онъ уже на все; въ случаѣ нужды назначается преподавателемъ догматики, каноническаго права, краснорѣчія, исторіи и всякаго другаго предмета. Благо бы держали ихъ на одномъ предметѣ, а то ихъ постоянно мѣняютъ, и ни въ одномъ они не могутъ хоть сколько нибудь усовершенствоваться.

Въ семинаріяхъ, содержимыхъ бѣлымъ духовенствомъ, и того хуже. Правда, наука у нихъ выше, такъ какъ преподавателями въ нихъ ксендзы, прошедшіе Духовную Академію; за то нѣтъ у нихъ

21*

домашняго порядка, мало дисциплины, главное, нѣтъ достаточнаго надзора. Бѣдный клирикъ долженъ самъ дровъ принести и печку топить; отправляясь ѣсть, онъ несетъ съ собою приборъ. Есть нѣсколько стипендій, владѣющимъ ими даютъ квартиру, отопленіе и столъ; но стипендію можно получить на второмъ или на третьемъ году, остальные должны вносить ежегодно за столъ и квартиру 50 рублей; прочее все, платье, постель, книги, должны пріобрѣтать на свой счетъ. По лишеніи нашего духовенства значительныхъ доходовъ и важныхъ преимуществъ, перестали въ него вступать дворяне и люди состоятельные, и званіе духовное сдѣлалось достояніемъ бѣдняковъ изъ крестьянъ или мѣщанъ. Плохо дается ученіе людямъ, которые ежечасно должны бороться съ тяжелою нуждою. Голодъ заставляетъ клирика искать подкрѣпленія въ запрещенной водкѣ, которая при кускѣ хлѣба поддерживаетъ силы. Не будучи въ состояніи платить швеѣ и прачкѣ, они заводятъ знакомства, опасныя для духовнаго. Недостатокъ средствъ на самое необходимое заставляетъ прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ. Такимъ образомъ, вмѣсто священниковъ благочестивыхъ, просвѣщенныхъ, образцовыхъ, семинаріи снабжаютъ общество лицами, лишившимися невинности и добродѣтелей, свойственныхъ ихъ званію, любящими водку и ухищряющимися, какъ бы дороже продать свои мнимыя услуги. Отъ этого наше духовенство стоитъ такъ низко въ глазахъ Польскаго народа; нѣтъ къ нему уваженія и довѣрія.

Я не разъ уже хлопоталъ у правительства и выставлялъ ему необходимость преобразовать наши семинаріи. Проэктъ преобразованія, предложенный мною правительству, я помѣстилъ во всей подробности и въ запискѣ для папы. Такъ какъ нынѣ замѣчаются повсемѣстное пренебреженіе къ вѣрѣ и крайняя испорченность нравовъ, то рѣдкій юноша вступаетъ въ Семинарію съ чистымъ сердцемъ и невинною душою, и такъ какъ, сообразно съ Высочайшею волею, запрещенъ не-дворянамъ доступъ въ высшіе классы гимназій, я предполагаю, согласно съ этимъ, преобразовать и наши семинаріи. Не запрещая впредъ поступать туда взрослымъ, удовлетворяющимъ необходимымъ условіямъ, надобно бы принимать малолѣтныхъ, какъ это дѣлалось въ прежніе вѣка и какъ это дѣлается нынѣ въ Италіи и вводится во Франціи. Уже убѣдились опытомъ, что съ дѣтства воспитанный подъ заботливымъ надзоромъ гораздо вѣрнѣе сдѣлается достойнымъ священникомъ, чѣмъ человѣкъ, котораго уши освоились съ богохульствомъ, глаза—съ развращеніемъ. Я совѣтовалъ бы принимать дѣтей около 12-лѣтняго возраста изъ обѣднѣвшихъ дворянскихъ семействъ, въ которыхъ сохранилось еще нѣкоторое благородство мыслей, или изъ крестьянъ отличающихся вообще набожностью. Въ подкрѣпленіе моихъ взглядовъ, я ссылался на Россію, гдѣ при всѣхъ соборахъ (?) есть училища для лицъ, посвящающихъ себя духовному званію. Въ курсѣ приготовительномъ въ 5 или 6 лѣтъ нужно ознакомить съ важнѣйшими свѣтскими науками; въ курсѣ высшемъ должно преподаваться одно только богословіе. Но непремѣнное условіе успѣха есть матеріяльное обезпеченіе воспитанниковъ и небольшое пособіе при вы-

пускѣ. Надобно также обезпечить и преподавателей, назначить имъ опредѣленное жалованье, которое они должны получать отъ казны, а не какъ нынѣ, отъ епископовъ, которые не любятъ платить денегъ, а награждаютъ тружениковъ приходами или канонiями. Денежныхъ жертвъ на этотъ предметъ отъ правительства, и притомъ иновѣрнаго, требовать нельзя; но какъ многія семинаріи и нынѣ еще владѣютъ средствами, далеко превышающими ихъ нужды, то можно бы имущество всѣхъ семинарій въ Царствѣ соединить въ одно и изъ него выдавать каждой семинаріи, сообразно съ ея нуждами. Чего бы не хватало, можно бы восполнить изъ имущества уничтоженныхъ монастырей, которое теперь все идетъ на епископовъ и ихъ капитулы, да на завѣдываніе этимъ имуществомъ.

Но наши епископы, привыкшіе распоряжаться семинарскими суммами, не только не согласились на мой проэктъ, но поспѣшили обвинить меня въ Римѣ въ стремленіи къ схизмѣ. Этою клеветою я обязанъ Миссіонарамъ, которыхъ я всегда любилъ и уважалъ за ихъ рвеніе въ служеніи церкви. Ни я, ни кто другой не могутъ похвалить ихъ за то, что, завѣдывая пятью семинаріями, не отдавая никому отчета, и безъ малѣйшаго контроля со стороны епархіальныхъ властей, они не хотѣли согласиться на мой проэктъ.

По очереди, перешелъ я къ описанію Духовной Академіи. Не обращая вниманія на побужденія и расчеты, которыми руководствовался императоръ Николай при учрежденіи Варшавской Духовной Академіи, каждый католикъ и Полякъ долженъ быть ему за это безконечно благодаренъ. Она составляетъ для насъ величайшее благодѣяніе: это единственное мѣсто, гдѣ наше юношество получаетъ возможность сдѣлаться достойными священниками. Прежде дѣти богатыхъ родителей ѣздили за границу и возвращались оттуда въ видѣ короткополыхъ abbé, съ нравами еще болѣе короткими. Наше духовенство, нѣкогда столь почтенное и строгое, стало изнѣженнымъ и легкомысленнымъ, когда начало получать пастырей или совсѣмъ неученыхъ, или воспитанныхъ въ Римѣ и Парижѣ. Эти-то пастыри болѣе повредили церкви и вѣрѣ своею скандалезною жизнью и равнодушіемъ къ вѣрѣ, чѣмъ превратная философія XVIII вѣка или безбожность Французской революціи. Съ учрежденіемъ Академіи въ Варшавѣ, мы освободились отъ заграничной заразы. Сорокъ юношей, большею частью сыновей самыхъ бѣдныхъ родителей, получаютъ въ ней прекраснѣйшее воспитаніе на всемъ готовомъ, подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ. Науки преподаются въ томъ же размѣрѣ, какъ въ заграничныхъ католическихъ университетахъ; а кончающіе въ ней курсъ получаютъ степень кандидата или студента съ тѣми же правами, какъ кандидаты и студенты университетовъ. Наша Академія имѣетъ еще и то преимущество, что въ ней заключается вмѣстѣ и Семинарія чисто духовная. И не смотря на все это, она до сихъ поръ составляетъ предметъ постоянныхъ нападокъ и поношеній. Одни мнимые патріоты никакъ не могли согласиться, чтобъ Россійскій императоръ могъ что нибудь хорошаго сдѣлать для Поляковъ, поэтому и всѣ лучшія намѣренія прави-

тельства объявляли подозрительными и забрасывали грязью. Другіе, особенно духовные, не могли выносить превосходства надъ ними воспитанниковъ Академіи и вездѣ старались преграждать имъ дорогу. Особенно подъ Академію подкапывались Миссіонары, видя въ ней соперника своимъ семинаріямъ. Удалось же имъ уничтожить богословскій факультетъ при университетѣ, благодаря равнодушію епископовъ и недальновидности тогдашняго министра просвѣщенія Грабовскаго; удалось уничтожить Главную Семинарію, учрежденную вмѣсто сказаннаго факультета, при содѣйствіи Страшинскаго, тогдашняго администратора Варшавской епархіи. Къ счастью, не взирая на всѣ усилія, имъ не удалось предотвратить учрежденіе Академіи. За то всю ярость свою обратили противъ ея ректора: и вотъ 18 лѣтъ выношу я невозможныя нападки и преслѣдованія отъ людей, прикрывающихся рвеніемъ къ вѣрѣ и къ общему благу. И воспитанникамъ Академіи на первыхъ порахъ было нелегко; неучамъ-епископамъ они были противны; человѣкъ любящій чтеніе и знающій кое-что считался подозрительнымъ и опаснымъ; поэтому кончившіе курсъ въ Академіи были въ немилости и подвергались явному преслѣдованію. Вмѣсто того, чтобъ ихъ назначать преподавателями въ семинаріи, ихъ посылали помощниками въ самые глухіе приходы, гдѣ отъ недостатка чтенія и общества можно легко очерствѣть. Нынѣ въ этомъ отношеніи является замѣтная перемѣна къ лучшему.

Этотъ обзоръ церкви въ Царствѣ я заключилъ соображеніями о самомъ важномъ тогда вопросѣ. На сколько я могъ понять, главною причиною неудовольствій и затрудненій между папою и нашимъ правительствомъ было то, что Императоръ не хотѣлъ имѣть у своего двора папскаго нунція. Начиная съ самаго папы, который какъ Монархъ считаетъ такой отказъ оскорбительнымъ (тѣмъ болѣе, что онъ съ своей стороны имѣетъ у себя Русскаго министра и сносится съ нимъ), всѣ безъ исключенія Итальянцы горько жалуются на нашего Монарха. И какъ же имъ не горевать, когда нунціатура, столь пріятная сама по себѣ, есть вѣрнѣйшая дорога къ кардинальству, составляющему предметъ самыхъ сладкихъ мечтаній для Итальянца? Впрочемъ домогательство папы довольно раціонально. Не имѣя на мѣстѣ своего представителя, папа никакъ не можетъ составить себѣ вѣрнаго понятія о состояніи церкви; по необходимости долженъ довольствоваться свѣдѣніями, почерпнутыми изъ источниковъ побочныхъ, большею частью нечистыхъ; вѣритъ всякому извѣстію, всякой баснѣ, особенно когда уніятовъ перетянули въ расколъ, уничтожили множество монастырей и у всего духовенства отняли имѣнія. Дѣйствія эти побудили Григорія XVI обвинить императора Николая предъ всѣмъ свѣтомъ. Аллокуція, произнесенная имъ въ Генеральной Консисторіи, произвела довольно сильное впечатлѣніе. Отъ этого зародилось взаимное недовѣріе и озлобленіе: каждое представленіе нашего Государя казалось папѣ подозрительнымъ; папа отказывалъ или медлилъ. Императоръ съ своей стороны упорно держался разъ принятаго постановленія и становился все строже относительно католиковъ. Этому мы обя-

заны отнятіемъ у епископовъ въ Имперіи ихъ капиталовъ и перенесеніемъ изъ Вильны въ Петербургъ тамошней Духовной Академіи. Потомки уніятовъ перешедшихъ въ католичество разыскивались до третьяго поколѣнія и возвращались въ Православіе: на весь нашъ край распространено распоряженіе, по которому дѣти отъ браковъ, гдѣ одна сторона православная, должны считаться православными. Всѣ наши епископы должны были принимать посвященіе въ Петербургѣ и по очереди туда являться, и тамъ ихъ дѣлали почетными членами Петербургской Коллегіи, съ намѣреніемъ вѣроятно подчинить ихъ этому учрежденію. Богъ знаетъ, до какихъ крайностей дошло бы у насъ съ католиками, еслибъ Императоръ проѣздомъ чрезъ Римъ не посѣтилъ папы и съ нимъ не переговорилъ. Вражда стихла, прекратились взаимныя репрессаліи. Со вступленіемъ на престолъ Александра II, начавшаго свое царствованіе расширеніемъ свободы политической и религіозной, оживились и надежды католиковъ. Но онѣ скоро были разрушены безтактнымъ поведеніемъ посольства, отправленнаго папою для присутствованія при коронованіи въ Москвѣ. Если нынѣшній папа, болѣе щекотливый, чѣмъ его предшественники, не хотѣлъ, чтобъ его посланникъ присутствовалъ на Русскомъ богослуженіи во время коронаціи, нужно было послать лицо свѣтское, которому это не было бы предосудительно. Если же цѣлью посольства было принесеніе поздравленія, то это можно бы было исполнить въ Петербургѣ, по возвращеніи Государя изъ Москвы. Между тѣмъ поздравленіе, произведенное въ Москвѣ, выказало нетерпимость и нѣкоторое презрѣніе къ вѣрѣ православной, которую исповѣдуетъ Монархъ и его народъ и по уставу которой вѣнчается въ присутствіи представителей всѣхъ государствъ. Какъ же иначе понимать поведеніе нунція, который по дорогѣ объявлялъ, что спѣшитъ на коронацію, но на ней присутствовать не будетъ, а прибывши ждалъ у воротъ города, пока кончится церемоніалъ, какъ бы желая показать, какъ мало уважаетъ онъ актъ самый торжественный въ глазахъ Русскаго народа? Неудивительно послѣ этого, что о папскомъ нунціѣ и слышать не хотѣли. Въ этой рѣшимости еще сильнѣе укрѣпилъ дворъ самъ посланникъ своимъ поведеніемъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ. Въ Москвѣ онъ оскорбилъ народное чувство пренебреженіемъ къ святынямъ, которыя долженъ уважать и католикъ, какъ общее достояніе христіанства. Въ Петербургѣ и Варшавѣ онъ-же возстановилъ противъ себя всѣхъ здравомыслящихъ подбиваніемъ католическаго духовенства на разныя демонстраціи. Теперь видѣлъ каждый, чего можно было ожидать отъ Итальянскаго прелата, еслибъ онъ жилъ у насъ, облеченный оффиціальнымъ характеромъ. Но, кромѣ этого случайнаго обстоятельства, есть много другихъ, дѣлающихъ присутствіе нунція при нашемъ дворѣ невозможнымъ. Прежде всего мѣшаетъ этому православная вѣра, которой Монархъ считается главою. Какими глазами смотрѣло бы высшее православное духовенство на прелата, который, разъ допущенный, пользовался бы всѣми правами и преимуществами, присвоенными нунціямъ, т. е. первенствомъ и правомъ становиться во главѣ все-

го дипломатическаго корпуса? Кромѣ того противились этому дѣйствія, совершенныя во вредъ католичеству, особенно въ Имперіи. Какимъ умомъ долженъ бы обладать папскій посолъ, чтобъ въ столь щекотливыхъ обстоятельствахъ не испортить еще дѣла своимъ вмѣшательствомъ? Во всемъ папскомъ дворѣ рѣшительно нѣтъ ни одного сановника, обладающаго необходимыми для этого качествами. Напротивъ, всѣ окружающіе папу, подстрекаемые интригами Воскресенцевъ и криками заграничной печати, выказываютъ явную непріязнь къ Россіи и особенно къ ея Монарху. Спрошенный объ этомъ канцлеромъ Нессельроде въ Неаполѣ, я рѣшительно сказалъ, что присутствіе нунція при нашемъ дворѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ я считаю пагубнымъ.

Живя въ Варшавѣ, конечно, нунцій могъ бы оказать церкви немало услугъ; но и здѣсь нужны качества, которыми люди рѣдко обладаютъ. Зная склонность нашихъ дамъ высшаго общества къ Итальянскимъ прелатамъ, легко можно предвидѣть, что безконечныя сплетни и интриги непремѣнно довели бы нунція до столкновеній съ правительствомъ. Присутствіе нунція въ Варшавѣ въ прежнее время было источникомъ постоянныхъ хлопотъ и безпокойствъ.

Такъ какъ съ одной стороны папа долженъ имѣть способы сноситься съ духовенствомъ, съ другой пребываніе въ Россіи нунція оказывается невозможнымъ,—то я старался изыскать средства уладить дѣло. Можно бы посылать въ Россію особыя посольства по случаю какого нибудь торжества въ Императорскомъ домѣ. Еслибъ это оказалось неудобнымъ, можно бы требовать, чтобы всѣ кандидаты въ епископы лично являлись къ папѣ и рѣшали всѣ его сомнѣнія. Это по крайней мѣрѣ было бы и болѣе прилично, и болѣе законно, между тѣмъ какъ нынѣшній способъ собиранія свѣдѣній противенъ всѣмъ законамъ приличія и справедливости. Папа, принимая секретные доносы, открываетъ широкое поле интригамъ и личной мести и нисколько не гарантированъ отъ обмана. Отвергать представляемыхъ правительствомъ лицъ безъ всякихъ объясненій, единственно на основаніи самыхъ сомнительныхъ данныхъ, несогласно съ достоинствомъ обѣихъ сторонъ. Въ случаѣ сомнѣнія, можно бы затребовать гласнаго мнѣнія епископовъ и ихъ капитуловъ. Трудно допустить, чтобъ всѣ они сговорились публично клеветать. Наконецъ было бы чрезвычайно полезно, еслибъ папа исходатайствовалъ дозволеніе нашимъ епископамъ, по приглашенію папскому, отправляться въ Римъ; теперь на это немного нужно и времени, и денегъ.

Трудъ мой, содержаніе коего я вкратцѣ изложилъ здѣсь, передалъ я прелату Феррари. Что́ онъ съ нимъ сдѣлалъ, сказать не могу; но папѣ, кажется, его не передавалъ. Папа два раза мнѣ намекалъ, что будетъ судить меня по моей запискѣ. На аудіенціи, которую я имѣлъ у него наканунѣ его отъѣзда въ Кастель Гандольфо, его лѣтнюю резиденцію, говорилъ онъ мнѣ, что взялъ бы мой трудъ съ собою, еслибъ онъ былъ у него; въ позднѣйшихъ аудіенціяхъ не бы-

ло уже о томъ рѣчи. Феррари явно измѣнилъ и папѣ, и церкви: При затруднительности прямыхъ сношеній съ нашимъ духовенствомъ, трудъ мой могъ бы быть папѣ очень полезенъ: изъ него онъ могъ бы узнать вѣрно всѣ наши больныя мѣста, всѣхъ лицъ, всѣ учрежденія, тѣмъ болѣе, что я напередъ объявилъ, что для правды ничего и никого не пощажу. Но вполнѣ мой трудъ никогда не пропадетъ; воспользуется имъ хоть Феррари, въ вѣдѣніи котораго находится Польская церковь. Мой помощникъ Артибани перевелъ его на Итальянскій языкъ, и тоже при случаѣ не преминетъ имъ воспользоваться, если Богъ дастъ достигнуть ему нѣкотораго значенія. По просьбѣ моей, принятъ онъ былъ въ гражданскую службу и, по причинѣ знакомства его съ состояніемъ Польской церкви, назначенъ былъ переводчикомъ при посольствѣ въ Москву.

Кромѣ этого труда, въ бытность свою въ Римѣ, я составилъ и много другихъ, и по собственной охотѣ, и по порученію нашего посланника Бутенева. Важнѣйшимъ изъ нихъ есть записка о Воскресенцахъ. Явленіе это чрезвычайно любопытно. Конгрегація эта, въ противность всѣмъ законамъ и духу католицизма, подъ монашескою одеждою скрывала характеръ и замыслы политическіе, или лучше революціонные, подъ бокомъ и съ согласія папы, который самъ недавно былъ жертвою революціи. Хотя врата отечества теперь для всѣхъ открыты, но они и не думаютъ возвращаться. Они жили и живутъ на средства, доставляемыя нашею аристократіею. Наши дамы, прибывъ въ Римъ, болѣе занимаются Воскресенцами, чѣмъ примѣчательностями города; отъ нихъ узнаютъ, въ чемъ состоитъ настоящій католицизмъ; отъ нихъ научаются молиться; въ замѣнъ за эти блага отдаютъ свои Московскіе рубли.

Я описалъ было всѣ церемоніи, отправляемые въ Римѣ въ важнѣйшіе праздники; но одинъ мученикъ патріотизма просто укралъ эту рукопись, да въ придачу дорогую для меня табакерку, полученную въ подарокъ на память. Всѣ Римскія церемоніи носятъ на себѣ характеръ чисто театральныхъ представленій, безъ малѣйшихъ слѣдовъ благочестія.

Въ Римѣ есть костелъ и при немъ госпиталь, основанные Полякомъ кардиналомъ Гозіемъ. Кровью обливалось сердце, когда я смотрѣлъ на эти остатки благочестія и великодушія нашихъ предковъ: въ такомъ они теперь запущеніи и пренебреженіи. Костелъ имени св. Станислава не великъ, но чудно красивъ, и во всѣхъ пяти алтаряхъ находятся Польскіе патроны—произведенія нашихъ знаменитыхъ художниковъ Чеховича, Шмуглевича и др. Съ трехъ сторонъ, изъ коихъ одна и теперь называется Польскою, окруженъ онъ ему же принадлежащими зданіями. Часть зданій занимали священники, другая отдавалась въ наймы, третья заключала въ себѣ госпиталь или убѣжище для больныхъ и богомольцевъ-Поляковъ, гдѣ каждый новоприбывшій находилъ готовый пріемъ и содержался три дня даромъ; больные же оставались до выздоровленія. Прежде заведеніемъ управлялъ какой-нибудь духовный изъ Поляковъ и

имѣлъ себѣ въ помощь нѣсколькихъ молодыхъ священниковъ, которые, кромѣ того, слушали курсы въ Сапіенцѣ, самой старой богословской школѣ; занимались по разнымъ канцеляріямъ, чтобъ, по возвращеніи въ отечество, могли сдѣлаться достойными чиновниками. Уже полвѣка, какъ ничего этого нѣтъ. Во время нашествія Французовъ продано все имущество. Правительство наше въ 1824 г. выкупило его и передало на попеченіе императорской миссіи при папѣ. Тогдашній повѣренный Италинскій поставилъ начальникомъ не Поляка и не духовнаго, а какого-то Деликатти, который нѣкогда служилъ танцоромъ въ Петербургскомъ балетѣ. Завѣдываніе, по наслѣдству, перешло къ сыну его, съ условіемъ содержать священника Италіянца. Пользуясь этимъ, Воскресенцы объявили Польскимъ Французскій костелъ св. Клавдія, у котораго они и пріютились. Чтобъ уличить ихъ въ неправдѣ, я самъ служилъ въ костелѣ св. Станислава въ дни важнѣйшихъ Польскихъ святыхъ, какъ то: Казиміра, Станислава, Войцѣха, Яцка, Яна, Канты и св. Саломеи, и въ большіе общіе праздники. Чтобъ на это богослуженіе обратить больше вниманія, я испрашивалъ всегда хоръ изъ папской капеллы, также швейцаровъ и гвардейцевъ для присутствованія, по тамошнему обычаю. По моему представленію, посланникъ Бутеневъ не только уплатилъ всѣ издержки, но не пожалѣлъ денегъ на иллюминацію и на угощеніе ксендзовъ и гостей въ праздникъ св. Станислава. Недовольные Воскресенцы распостранили слухъ, что я въ мнимомъ Польскомъ костелѣ отправляю богослуженіе для православныхъ. Поводомъ къ этому были два заупокойныя богослуженія: по душѣ герцога Лейхтенбергскаго, зятя нашего Государя и по княжнѣ Любомірской, заказанныя нашею миссіею и на которыхъ я служилъ въ присутствіи кардиналовъ, дипломатическаго корпуса и знаменитостей разныхъ націй, преимущественно Польской и Русской. Герцогъ, хотя зять Государя, жилъ и умеръ католикомъ. Княжна, дочь извѣстныхъ въ Петербургѣ своимъ благочестіемъ родителей, истинныхъ католиковъ, какъ ровесница и подруга дочери нашего министра Бутенева, письменно просила ее заказать по ея душѣ богослуженіе, заявляя, что письмо будетъ получено уже послѣ ея смерти. Дѣйствительно, въ тотъ же день пришло и письмо, и извѣстіе объ ея смерти; но что̀ еще прискорбнѣе, въ тотъ же день скончалась и дочь г. Бутенева, давно уже хворавшая. И какъ почти тотчасъ послѣ ея похоронъ отправилъ я заупокойное богослуженіе со всевозможною торжественностью, то Воскресенцы тотчасъ обвинили меня передъ папою въ расколѣ. Его святѣйшество велѣлъ тайной полиціи развѣдать дѣло и, убѣдившись въ клеветѣ, сказалъ своимъ приближеннымъ, что враги мои непремѣнно хотятъ сдѣлать меня православнымъ, противъ моей собственной воли. Вернувшись домой, я просилъ правительство улучшить положеніе нашего костела и подалъ о судьбахъ его подробную записку; но о послѣдствіяхъ моихъ ходатайствъ скажу послѣ.

Такъ какъ мое дѣло интересовало многихъ и возбудило всеобщее любопытство, то я долженъ былъ составить нѣсколько за-

писокъ поитальянски и пофранцузски для многихъ членовъ св. коллегіи. Кромѣ многихъ другихъ, съ которыми я сносился на бумагѣ или устно, ближе сошелся я съ двумя прелатами: съ кардиналомъ Оріоли (съ которымъ познакомился слишкомъ поздно, такъ какъ миссія наша ошибочно считала его врагомъ Россіи) и съ прелатомъ Барнабо, тогда секретаремъ Пропаганды, а нынѣ кардиналомъ и ея начальникомъ. Первый, узнавъ стороною о преслѣдованіяхъ несправедливо мною выносимыхъ, хотѣлъ меня видѣть и ближе узнать дѣло. Я охотно исполнилъ его желаніе и изготовилъ ему самый точный очеркъ моего дѣла. Представляя его, я засталъ кардинала страждующимъ ногою; не смотря на болѣзнь, онъ ласково меня принялъ и, обѣщавъ похлопотать за меня, велѣлъ чрезъ три дня зайти опять. Но увы, чрезъ два дня его уже не стало. Это былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ кардиналовъ и всѣми уважаемый; но миссіи некатолическихъ государствъ не любили его за его усердіе къ защитѣ духовенства и правъ церкви. Другой, т. е. Барнабо, такъ заинтересовался мною, что изъ-за меня поссорился съ папою. Св. отецъ чрезвычайно любилъ и уважалъ этого прелата за его высокія добродѣтели и преданность; чрезъ годъ послѣ моего отъѣзда онъ произведенъ былъ въ кардиналы, не бывши даже епископомъ. Это единственный Итальянскій прелатъ, въ которомъ не замѣтилъ я коварства и скрытности. Ласковый, откровенный, готовый на всѣ услуги, снискалъ онъ полную мою довѣренность и возбудилъ во мнѣ чувство высокаго уваженія и привязанности. Узнавъ мое дѣло изъ записки на Французскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ превосходно, онъ сталъ осаждать папу своими представленіями, и до того надоѣлъ, что папа, желая положить имъ конецъ, въ силу своей непогрѣшимости, велѣлъ ему вѣрить, что меня нѣтъ уже въ Римѣ, что я имѣлъ уже прощальную аудіенцію и получилъ его напутственное благословеніе. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, уѣзжая въ Неаполь, я былъ у св. отца; но не говорилъ, что я покидаю Римъ. Барнабо смѣялся, что ему зажали ротъ, и посовѣтовалъ не надоѣдать болѣе папѣ и наставилъ меня, какъ я долженъ откланяться папѣ. Согласно съ его указаніями, я со многими другими духовными явился поцѣловать ногу, по окончаніи 40 часоваго служенія въ ризницѣ костела Іезуитовъ. Приступивъ, я сказалъ, что ѣду домой и прошу благословить меня на дорогу. Св. отецъ взглянулъ на меня ласково, улыбнулся, благословилъ и, въ знакъ своего благоволенія, далъ мнѣ поцѣловать свою руку, какъ обыкновенно дѣлалъ это при всякой аудіенціи.

Миссія наша, столь дорого стоющая, учрежденная единственно для дѣлъ касающихся католической церкви, мало соотвѣтствуетъ своей цѣли. Получая инструкціи только отъ канцлера и не имѣя никакихъ сношеній съ управленіемъ Царства, она никогда не въ состояніи дать надлежащія объясненія о дѣлахъ, о которыхъ печать и сплетни разносятъ самыя невѣроятныя вещи. Прибывъ въ Римъ, я не засталъ г-на Бутенева и цѣлый годъ дожидался его

прибытія. Это вѣроятно немало повредило моему дѣлу; заступающіе его не имѣли достаточнаго авторитета и опытности. Я думаю, немного найдется сановниковъ въ Имперіи, похожихъ на г. Бутенева: изо всѣхъ иностранныхъ представителей въ Римѣ, онъ безспорно пользовался наибольшимъ и всеобщимъ уваженіемъ; самъ папа отзывался о немъ съ величайшимъ паѳосомъ. Онъ былъ всѣмъ доступенъ, со всѣми чрезвычайно ласковъ, былъ высоко развитъ и научно и нравственно, имѣлъ прекраснѣйшее сердце и отличался рѣдкою деликатностью. Еслибъ я не былъ обязанъ хранить секретъ, я могъ бы указать нѣсколько фактовъ, которые бы возбудили всеобщее удивленіе Поляковъ и доказали бы, до какого христіанскаго самоотверженія можетъ возвыситься Русскій. Онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ сожалѣніе, что такъ мало знаетъ о состояніи Римской церкви въ Царствѣ, и я, желая быть ему полезнымъ, составилъ и для него самый подробный очеркъ этого состоянія.

Но едва я кончилъ эту трудную работу, г-нъ Бутеневъ засадилъ меня за другую, не менѣе тяжелую. Папѣ донесли во первыхъ, что въ Царствѣ, какъ нѣкогда въ Имперіи, уничтоженъ орденъ сестеръ милосердія, конфискованы ихъ имущества и отъ нихъ отобраны всѣ госпитали; во вторыхъ, что силою заставляютъ ксендзовъ совершать браки между католиками и православными и давать отпущеніе грѣховъ лицамъ, состоящимъ въ такихъ бракахъ, и въ третьихъ, что правительство рѣшилось, какъ въ Имперіи, отобрать всякую собственность у духовенства и выдавать въ замѣнъ жалованье. Папа потребовалъ у Бутенева объясненій, и тотъ повторилъ папѣ все такъ, какъ было въ моей запискѣ, которую, нарочно для этого случая, я приглашенъ былъ составить. Что̀ касается двухъ первыхъ пунктовъ, папа былъ очень доволенъ, когда убѣдился, что ему донесли ложно; но объясненіями по 3-у пункту не удовольствовался и когда узналъ, что всѣ свѣдѣнія почерпнуты отъ меня, изъявилъ желаніе видѣться со мною. Увѣдомленный объ этомъ, я просилъ аудіенціи и тотчасъ ее получилъ. Лишь только, по церемоніалу, я поцѣловалъ его ногу, папа съ горечью началъ упрекать меня, что я, по излишней привязанности къ правительству, скрылъ истину даже предъ императорскимъ министромъ, и что онъ имѣетъ въ рукахъ доказательства противнаго. Я уже былъ приготовленъ къ этой непріятной встрѣчѣ и сказалъ рѣшительно: „Я не оспариваю вашихъ свѣдѣній; но и въ обманѣ признаться не могу. Находясь уже два года въ отлучкѣ, я не могу знать, какія тамъ могли произойти въ это время перемѣны; одно только знаю, что, во время моей бытности въ Варшавѣ, правительство не думало соглашаться на предлагаемые ему проэкты и отбирать имущество. Я имѣлъ слишкомъ осязательныя доказательства въ Имперіи, что такая конфискація, вмѣсто пользы, приноситъ хлопоты и потери. Съ имѣній подуховныхъ въ Имперіи казна никакого дохода не получаетъ и должна содержать администрацію и выплачивать духовенству жалованье изъ своихъ средствъ. Какой же расчетъ правительству дѣйствовать себѣ въ ущербъ? Развѣ тепереш-

ніе его совѣтники больше думаютъ о своихъ собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о пользахъ государства." Выслушавъ меня, папа сказалъ: „Посмотримъ, какъ будешь ты защищать это дѣло, по возвращеніи домой". Папа, столько ратовавшій, пока дѣло только еще предполагалось, сталъ равнодушенъ и умолкъ, когда проэктъ приводился въ исполненіе съ величайшимъ для духовенства ущербомъ.

По прибытіи канцлера Нессельроде въ Кастелламаре, близъ Неаполя, гдѣ проживалъ лѣтомъ г. Бутеневъ и гдѣ я пользовался морскими купаньями, представлены были ему всѣ мои письменныя работы, а вскорѣ и я самъ лично. Представленіе мое сопровождалось самыми лестными отзывами, и я былъ принятъ съ сердечною вѣжливостью. Канцлеръ благодарилъ меня за мои работы, особенно за разсужденіе о смѣшанныхъ бракахъ и обѣщалъ пользоваться ими; говорилъ о болѣе чѣмъ странномъ поведеніи Римскаго двора относительно кандидатовъ, представляемыхъ въ епископы; наконецъ выразилъ мнѣніе, что не стòитъ больше хлопотать и совѣтовалъ мнѣ ѣхать домой, увѣряя, что Монархъ не забудетъ меня.

Кромѣ аудіенціи, которую я имѣлъ вскорѣ послѣ пріѣзда, я былъ еще пять разъ у папы. Такъ какъ при всѣхъ посѣщеніяхъ церемоніалъ одинъ и тотъ же и разговоры велись все объ одномъ и томъ же, то и не буду описывать подробно каждой аудіенціи отдѣльно; приведу только самое замѣчательное. Когда я представилъ протоколъ капитула, которымъ я избирался администраторомъ Августовской епархіи, папа отвѣчалъ мнѣ напрямикъ, что ему донесли уже, что мое избраніе произведено подъ моимъ вліяніемъ и по волѣ правительства. Когда же я говорилъ, что, оставаясь въ Римѣ, я совсѣмъ не могъ вліять на членовъ капитула и что правительству нечего было вмѣшиваться въ мою пользу, такъ какъ оно могло во всякое время уничтожить ненравящееся ему избраніе, папа отвѣчалъ: „Ты правъ, но чтò дѣлать, когда въ городѣ о тебѣ иначе говорятъ?" Чтобъ меня еще болѣе сконфузить, онъ сталъ разсматривать протоколъ, который я представилъ въ подлинникѣ, издѣвался надъ капитуломъ, состоящимъ всего изъ пяти членовъ, надъ странными ихъ фамиліями, которыя я помогъ ему разобрать; а на счетъ моего выбора не выразилъ никакого мнѣнія, отложивъ это дѣло на неопредѣленное время.

На другой аудіенціи, по поводу просимаго мною строгаго разслѣдованія, папа сказалъ: „Такъ какъ тебя никто явно не обвинялъ и для оправданія никто тебя не звалъ, то ни разслѣдованія, ни суда быть не можетъ. Въ первомъ случаѣ я оскорбилъ бы твоего Государя, который считаетъ тебя достойнымъ епископскаго сана и такъ горячо за тебя ходатайствуетъ; въ другомъ—какъ государь, не могу судить чужаго подданнаго".—„Но, возразилъ я, мнѣ безусловно хотѣлось бы подчиниться волѣ в. святѣйшества и быть или оправданнымъ или наказаннымъ".—„Ни того ни другаго быть не можетъ, сказалъ онъ: тебя совсѣмъ не обвиняли въ преступленіи противъ вѣры и твоего призванія; подозрѣваютъ тебя только въ соглашеніи съ правительствомъ противъ церкви католической, о чемъ и пре-

достерегаютъ меня благочестивыя и ревностныя души: онѣ желаютъ ничего другаго, лишь бы не допустить тебя до епископской власти, гдѣ ты могъ бы вредить обществу".

Упрекъ слишкомъ былъ важенъ, чтобъ я не желалъ оправдаться предъ лицомъ намѣстника Христова. „Повѣрьте, отче святый, сказалъ я вашему душою и сердцемъ преданному сыну: это навѣтъ ложный, вызванъ завистью и никакимъ фактомъ подкрѣпленъ быть не можетъ. Наше правительство неограниченное и такъ сильно, что не нуждается въ помощи простаго духовнаго лица". — „О нѣтъ, отвѣчалъ папа, тутъ ты расходишься съ правдою; еслибъ такъ было, тебя не прочили бы въ архіепископы и митрополиты, чтобъ ты сталъ во главѣ реформы, гибельной для церкви".—„Отче св., возразилъ я, въ первый разъ слышу я о такихъ предположеніяхъ нашего правительства, и о такомъ возвышеніи не думалъ никогда". —„Не говори мнѣ о своемъ смиреніи и простотѣ, прервалъ меня папа; довольно мнѣ наговорили на тебя, ты-де болѣе дѣленъ, чѣмъ требуется духовному; умѣешь-де жить на свѣтѣ и нравиться Русскимъ, которые рады были бы видѣть тебя во главѣ духовенства, не для чего инаго, какъ для того, чтобъ ты портилъ и развращалъ". Пораженный этимъ страшнымъ обвиненіемъ, я забылъ, гдѣ и предъ кѣмъ я нахожусь и громко воскликнулъ: „Это ложь и безстыдная клевета; я не имѣю претензій на мудрость и свѣтскость, равно и къ коварству и къ измѣнѣ моему собственному призванію неспособенъ, и въ этомъ ссылаюсь на прошлую мою жизнь, частную и общественную".—„Не горячись такъ сильно, сказалъ папа; хорошо, что чувствуешь оскорбленіе своего духовнаго состоянія, и это меня радуетъ; но ты не можешь отрицать, что тебя прочатъ въ епископы съ намѣреніемъ сдѣлать архіепископомъ; мнѣ извѣстно представленіе князя Паскевича, на которое согласился Императоръ". Я упалъ къ ногамъ св. отца и клялся всѣмъ святымъ, что я объ этомъ ничего не зналъ и никогда бы не повѣрилъ, еслибъ не слышалъ изъ его устъ. „Не сознаешься въ этомъ, то ужъ вѣрно сознаѐшься въ томъ, что̀ прямо отъ тебя зависитъ. Зачѣмъ выписывалъ ты изъ за границы профессора самаго безбожнаго, и зачѣмъ держишь его въ Академіи, не смотря на всеобщее негодованіе и представленія всего духовенства? Очевидно хочешь, посредствомъ такихъ развратныхъ профессоровъ, укоренить безвѣріе и испортить нравы ввѣреннаго тебѣ юношества". Хотя имени профессора папа не сказалъ, но я догадался, что дѣло идетъ о Людике, и съ живостью сказалъ: „Этотъ упрекъ еще менѣе основателенъ, чѣмъ предъидущій; это просто напасть. Безбожника этого выписали тѣ, которые въ Римѣ пользуются наибольшимъ довѣріемъ; я же, послѣ него вступивши въ Академію, въ шесть лѣтъ достигъ по крайней мѣрѣ того, что совершенно уронилъ его въ мнѣніи намѣстника, который прежде безграничное питалъ къ нему довѣріе, а я повелъ дѣло такъ, что, по возвращеніи, по всей вѣроятности уже не застану его въ Варшавѣ". Удивленный этимъ отвѣтомъ, папа воскликнулъ: „Баста! Говоря съ тобою, никакъ нельзя добиться толку; я слышу о тебѣ одно, а ты говоришь другое". И въ тоже

мгновеніе онъ потянулъ за шнурокъ колокольчика, давая тѣмъ знать, что долженъ явиться слѣдующій. Я думалъ, что папа разсердился на меня и оттого прервалъ аудіенцію; поэтому съ величайшимъ смиреніемъ припалъ я къ его ногамъ; а онъ разсмѣялся и, подавая руку, сказалъ: „До свиданія; съ тобою никогда въ согласіи разстаться не могу“.

Уже по возвращеніи моемъ въ Варшаву узналъ я о существовавшемъ намѣреніи возвести меня въ санъ архіепископа. Мнѣ показали подлинную докладную записку, въ которой князь выразился такъ: „Имѣю честь представить Вашему Величеству знакомаго мнѣ лично ксендза Буткевича на должность Августовскаго епископа, съ всеподданнѣйшею просьбою о скорѣйшемъ возведеніи его въ эту должность, чтобъ онъ съ нея могъ перейти на Варшавское архіепископство, если Вашему Величеству угодно будетъ сохранить эту давно вакантную должность“. На этой запискѣ собственною рукою Императора было написано: „Соглашаюсь. Николай.“ Получивъ согласіе, князь, минуя обыкновенный порядокъ, обратился къ канцлеру, а тотъ сейчасъ же отправилъ нашему повѣренному въ Римѣ предписаніе представить меня папѣ на должность епископа Августовскаго.

Изо всего предъидущаго видя, что папа вполнѣ высказаться мнѣ не даетъ, я составилъ пространную записку, въ которой старался выяснить, что я никогда не искалъ ни повышеній, ни милостей у правительства, что выборъ въ ректоры произошелъ прямо противъ воли намѣстника, прочившаго эту должность для Людике; объяснилъ, что князю я понравился твердостью своихъ убѣжденій и повиновеніемъ въ дѣлахъ, съ ними согласныхъ; объяснилъ, что Людике выписали благочестивые графы Лубенскіе; а потомъ, желая отъ него избавиться, при содѣйствіи Страшинскаго (администратора архіепархіи) посадили его въ Академію, гдѣ онъ имѣлъ случай познакомиться съ княземъ ивойти къ нему въ милость Чисто переписавъ записку поитальянски, я ждалъ возвращенія папы изъ Кастель-Гандольфо, гдѣ онъ въ двумѣсячное свое пребываніе постоянно ѣздилъ верхомъ, чтобъ избавиться отъ излишней тучности. Возвратившись въ Римъ, папа принялъ меня ласково; когда же я передалъ ему свою записку, воскликнулъ весело: benissime! Не читая ея и не справляясь, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ: „Пишешь прекрасно и поитальянски, не будемъ поэтому говорить пофранцузски“. Потомъ началъ толковать о своей лѣтней резиденціи, о ея красотахъ, и зная, что я тамъ бывалъ, все спрашивалъ, какъ мнѣ то или другое нравится. Я отвѣчалъ коротко, желая, чтобъ папа перешелъ къ моей запискѣ. Потолковавъ о своей резиденціи, папа началъ хвалить Поляковъ за ихъ способности скоро и хорошо выучивать иностранные языки; потомъ вдругъ обратился ко мнѣ со словами: „Мнѣ кажется, ты долженъ быть теперь доволенъ совершенно“. Я отвѣчалъ: „Доволенъ только тѣмъ, что имѣю счастье видѣть ваше святѣйшество; но критическое мое положеніе совсѣмъ не измѣнилось“. „Можетъ измѣниться, сказалъ папа съ ироническою улыбкою: вѣдь

прибыла въ Римъ особа, у васъ весьма уважаемая и очень къ тебѣ расположенная, а на протекцію этой особы ты сильно расчитываешь". Я думалъ, что папа говоритъ о возвращеніи г. Бутенева и потому сказалъ: „Да, я дѣйствительно обрадовался, дождавшись представителя моего Монарха и могу имѣть надежду на скорѣйшее окончаніе дѣла".—„Ты говоришь о вашемъ министрѣ, который меня уже посѣтилъ; а я хотѣлъ тебѣ сказать о другой особѣ", и началъ припоминать ея фамилію, повторяя слова: contessa. Тутъ я догадался, о комъ идетъ дѣло; я уже слышалъ о пріѣздѣ графини Ржевуской и сказалъ эту фамилію папѣ. „Да, да! воскликнулъ онъ, мнѣ говорили, что она нарочно явилась, чтобъ за тебя вступиться; но пусть не безпокоится: мы ее знаемъ, она другъ Россіи и поэтому никакого у насъ вліянія имѣть не можетъ; она ошибется въ своихъ расчетахъ". Удивленный до крайности такими рѣчами, я съ жаромъ сказалъ: „Безстыдные и безбожные люди лгутъ предъ вашимъ святѣйшествомъ; я не имѣю чести знать эту даму, и она меня не знаетъ".—„Этого быть не можетъ, съ гнѣвомъ возразилъ папа: никто бы не осмѣлился меня такъ обманывать". Я припалъ къ его ногамъ и сказалъ: „Можно вѣрить и не вѣрить, но я обязанъ сказать правду предъ лицомъ намѣстника Христова, и я клянусь честью духовнаго, что я съ этою дамою не имѣю никакого знакомства". Видя мою горесть, папа призадумался и послѣ нѣкоторой паузы сказалъ: „Какъ это можно? Ты любимецъ князя, бываешь въ его домѣ, гдѣ эта дама пользуется особеннымъ уваженіемъ и любовью; какъ же могъ ты съ нею не познакомиться? Я отвѣчалъ: „Бываю у князя только по дѣламъ, по его приглашенію, да въ царскіе дни на общихъ пріемахъ и на обѣдѣ; очень можетъ быть, что тутъ она и узнала, кто я; а я узналъ, кто она,—вотъ и все наше знакомство".—„Мнѣ говорили, сказалъ папа, что ей поручаютъ дипломатическія интриги, что эта дама чрезвычайно умна и предана душою и сердцемъ Россіи".—„Не думаю, отвѣчалъ я; наше правительство не нуждается въ подобныхъ помощникахъ, особенно въ сердцѣ католичества. Государь и намѣстникъ очень уважаютъ графиню за ея великія несчастія и за ея личныя качества. Она родомъ княжна Любомірская, ребенкомъ еще видѣла казнь своей матери на эшафотѣ съ Маріею Антоанетою въ Парижѣ и принуждена была служить своимъ палачамъ. Въ замужствѣ тоже была несчастна и въ добавокъ потеряла почти всѣхъ дѣтей, и въ числѣ ихъ дочь—чудо доброты, красоты и способностей. Отказавшись отъ своего состоянія въ пользу зятя, графиня умѣетъ довольствоваться малымъ и прекрасно поддерживаетъ честь своего рода". Папа выразилъ сожалѣніе о несчастіяхъ графини и сказалъ: „Изъ твоихъ словъ я заключаю, что у васъ не въ обычаѣ, чтобъ духовные посѣщали высшіе дома и находились въ обществахъ, гдѣ есть дамы. Всегда прекрасный полъ былъ благосклоненъ къ слугамъ алтаря, и нынѣ оказываетъ ему величайшую услугу своимъ рвеніемъ и своею несокрушимою привязанностью къ церкви и къ столицѣ Петровой".„—У насъ, отвѣчалъ я, духовный никогда не исключался изъ общества; но теперь, когда дамы высшаго круга приняли на себя роль учи-

тельницъ и взялись руководить въ дѣлахъ духовныхъ, духовные имѣютъ второстепенное мѣсто, и не всегда безопасное. Угождая имъ, не одинъ уже возбудилъ подозрѣнія или преслѣдованія полиціи; а многіе и въ Сибирь поѣхали и навсегда лишились возможности служить церкви и отечеству. Поставленный руководителемъ высшаго духовнаго заведенія, я нуждаюсь въ довѣріи правительства и долженъ избѣгать всего, что̀ могло бы меня скомпрометировать; да и для самой церкви излишнее усердіе нашихъ дамъ причиняетъ больше вреда, чѣмъ пользы". Папа, вздохнувъ, прервалъ меня: „Правда! Польки полны энтузіазма и усердія къ вѣрѣ, это благочестивыя и истинно католическія души. Знаю не мало ихъ лично (и тутъ перечислилъ многія фамиліи); знаю ваше затруднительное положеніе, но все таки я вамъ повторяю: вы должны дѣйствовать въ согласіи съ ними; въ нихъ однѣхъ ручательство въ сохраненіи давней вѣры и народности". Хотѣлъ было я объяснить, что это не совсѣмъ такъ, хотѣлъ высказать, что это ручательство только въ массѣ народа и простой шляхты, всегда одинаково привязанныхъ къ своей вѣрѣ, а не въ спѣси магнатовъ, которые болѣе повинуются модѣ и, сообразно съ ея требованіями, являются то безбожниками и космополитами, то надѣваютъ личину суровыхъ католиковъ и Поляковъ: исторія слишкомъ ясно убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ это время быстро вошелъ въ кабинетъ камергеръ съ докладомъ о прибытіи, для обычныхъ дѣлъ, кардинала протодотарія. Папа велѣлъ его просить; а со мною простился, какъ обыкновенно, словами: „Довольно, до свиданія!"

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

O, primavera, joventa dell'anno,
O! joventa primavera della vita.....

Съ покойнымъ Андреемъ Николаевичемъ я познакомился, когда, произведенный изъ пажей (6-го Апрѣля 1824 года) въ прапорщики Харьковскаго драгунскаго (нынѣ уланскаго) полка, въ концѣ Мая, я прибылъ Кіевской губерніи въ г. Звенигородку, возлѣ котораго стояла лагеремъ 1-ая бригада 3-й драгунской дивизіи, а именно С. Петербургскій и Харьковскій полки. Являясь къ командиру полка, полковнику Е. А. Кончіелову, вмѣстѣ съ прапорщикомъ-же А. Н. Муравьевымъ, произведеннымъ изъ юнкеровъ въ Харьковскій-же полкъ и, выходя отъ полковника, я скоро сошелся съ моимъ новымъ сослуживцемъ. Муравьевъ былъ годами тремя старше меня, мнѣ-же передъ тѣмъ минуло восемьнадцать лѣтъ. Мы скоро подружились. Муравьевъ былъ исполинскаго роста и пріятной наружности. При всей набожности своей, онъ былъ нрава веселаго, сердца добраго, обходителенъ и любимъ всѣми товарищами, хотя постоянно удалялся отъ веселыхъ компаній и часто проповѣдовалъ.... въ пустыни. Мы были въ разныхъ эскадронахъ, онъ въ 6-мъ, я въ 1-мъ; но во время лагерей и сборовъ всегда были вмѣстѣ, и потомъ на зимнихъ квартирахъ часто посѣщали другъ друга. Муравьевъ много читалъ, и съ толкомъ, прекрасно зналъ Исторію, языки Латинскій, Греческій, Нѣмецкій, Французскій и Англійскій, къ которымъ въ послѣдствіи присоединилъ Итальянскій и Арабскій. Онъ въ жизни былъ весьма воздерженъ, не пилъ ни кап-

ли никакого вина, любилъ порядокъ, чистоту, лошадей и верховую ѣзду. Онъ тогда уже усердно занимался литературой, и первыя произведенія его пера сохранились у меня въ альбомѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Въ 1827 г., на скучныхъ квартирахъ тогда пустынной Бессарабіи, осенью, онъ написалъ, по моему внушенію, свою „Битву при Тиверіадѣ", въ которой уже яснѣе проглядываетъ его направленіе. Въ зиму 1827 г. онъ оставилъ полкъ и въ началѣ 1828-го поступилъ въ дипломатическую канцелярію главнокомандующаго 2-ой арміи князя Витгенштейна. Мы встрѣтились опять уже въ 1829 году, за Балканами, въ Адріанополѣ и въ Ноябрѣ того-же года въ Румеліи-же, въ г. Бургасѣ, гдѣ на прощаніе онъ мнѣ написалъ романсъ „Паломникъ" и гдѣ я его проводилъ на корабль. На этомъ кораблѣ онъ поѣхалъ къ святымъ мѣстамъ, описаніе которыхъ и положило прочное основаніе его литературному направленію. Въ 1832 году, возвратясь ихъ Польской войны, уже переведенный (за Турецкую) въ гвардію и служа въ конно-гренадерскомъ полку, я опять увидался съ Муравьевымъ, который тогда состоялъ при Св. Синодѣ. Посѣщая меня часто, въ Петергофѣ, онъ написалъ для меня, въ Іюнѣ 1839-го г., „Вечеръ въ Петергофѣ". Съ Декабря 1839-го года, когда я изъ гвардіи перешелъ обратно въ армію, мы, оставаясь по прежнему друзьями, часто переписывались. По выходѣ моемъ въ отставку, въ Мартѣ 1851-го года, послѣ Венгерской войны и по окончаніи моихъ кочеваній по тремъ частямъ свѣта, продолжавшихся до 1874 г. мы списывались, гдѣ-бы намъ на старости съѣхаться на продожительное время, когда внезапно поразило меня извѣстіе о кончинѣ друга, приглашавшаго меня пріѣхать къ нему въ Кіевъ.

ПАЛОМНИКЪ.

Я принялъ крестъ, я посохъ взялъ;
Меня влечетъ обѣтъ священный;
Вы всѣ, для коихъ я дышалъ
Въ отчизнѣ дальней незабвенной,
Ахъ! помолитесь за того,
Кто вспомнитъ васъ въ своихъ мольбахъ.

Куда весь Западъ слалъ сыновъ
За гробъ Господень лечь костями,
Стезею славной ихъ гробовъ,
Пойду съ молитвой и слезами.
Ахъ! помолитесь и т. д.

Гдѣ въ перси Божіихъ дворянъ,
Сквозь мѣдныя кольчуги кольца
Вперялись стрѣлы Агарянъ,
Меня ждётъ пальма богомольца.
Ахъ! и т. д.

И гдѣ страдалъ за смертныхъ Богъ,
Паду предъ гробомъ искупленья;
Быть можетъ, тамъ доступнѣй вздохъ,
И сердце чище для моленья.
Ахъ! и т. д.

Къ метѣ далекой грозенъ путь,
Коварны степи, бурно море,
И часто богомольца грудь
Стѣснитъ тоска, взволнутъ горе.
Ахъ! и т. д.

Когда взойдутъ въ странѣ родной
Ненастья бурны дни надъ вами,
О! понеситесь въ край чужой
За юнымъ путникомъ мольбами
И помолитесь, и т. д.

Когдажъ, быть можетъ, тамъ мета
И странничества краткой жизни,
И лягу я подъ сѣнь креста,
Далеко отъ полей отчизны,
О! помолитесь и т. д.

Вотъ что говоритъ Муравьевъ о своей драмѣ, „Битва при Тиверіадѣ" напечатанной имъ болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ „для немногихъ."

„Сорокъ лѣтъ, въ совершенномъ забвеніи, лежалъ у меня между бумагами этотъ еще незрѣлый плодъ первыхъ лѣтъ моей молодости и, можетъ быть, на всегда бы тамъ остался, если бы нечаянно о немъ не напомнилъ тотъ, для кого собственно я написалъ мою Битву при Тиверіадѣ. Когда же, чрезъ многіе годы, взялся я опять за свою рукопись— признаюсь, не безъ живаго сочувствія я её снова прочёлъ: потому ли, что сердцу всегда бываетъ близко то, что̀ собственно наше, или, быть можетъ, оттого, что юношеское мое произведеніе, яркими красками, напомнило мнѣ всё давно минувшее: и цвѣтущіе годы жизни, и блестящій вѣкъ рыцарства, который тогда такъ сильно дѣйствовалъ на мое воображеніе, и тотъ священный край, гдѣ совершились его крестовые походы и который мнѣ суждено было дважды посѣтить. Скажу болѣе: съ благодарнымъ чувствомъ узналъ я, на своей рукописи, полустертый уже отъ времени, но дорогой мнѣ почеркъ Жуковскаго, который не полѣнился её прочесть, и въ послѣдствіи, уже за границею, узнавъ о неудачномъ представленіи моей драмы, утѣшалъ меня письменно съ береговъ Рейна, убѣждая не угашать въ себѣ поэзіи. Я вспомнилъ также, что и самъ Пушкинъ, принимавшій живое участіе въ моихъ литературныхъ начаткахъ, подалъ мнѣ мысль написать историческое предисловіе, чтобы ознакомить съ предметомъ и дѣйствующими лицами моей Битвы при Тиверіадѣ, и даже напечаталъ ея третіе дѣйствіе въ издаваемомъ имъ журналѣ „Современникъ". И то и другое еще болѣе меня привязало къ сему первому моему поэтическому опыту, и хотя я самъ чувствую всѣ его недостатки, рѣшился однако издать его въ свѣтъ, но не для публики, а собственно для себя и немногихъ присныхъ, для того, чтобы послѣ меня не пропала моя рукопись и не оставалась бы въ томъ небрежномъ видѣ, въ какомъ я теперь ее нашелъ. Можетъ быть, припомнивъ всѣ сіи обстоятельства, снисходительнѣе взглянетъ на нее и благосклонный читатель, которому она нечаянно попадется въ руки, и не такъ строго будетъ судить автора."

Въ числѣ друзей и почитателей А. Н. Муравьева, и я присутствовалъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1833 года, на первомъ и, къ сожалѣнію, послѣднемъ ея представленіи, на сценѣ Большаго Театра. Театръ былъ набитъ биткомъ въ этотъ вечеръ. Представленіе Битвы при Тиверіадѣ было блестящее и вполнѣ удачное, но не возобновлено потому, что найдено неприличнымъ выводить на сцену св. мѣста, тѣмъ болѣе, что, во 2-мъ явленіи 2-го дѣйствія, декорація представляла видъ Храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Каратыгинъ былъ великолѣпенъ въ роли *Раймунда* Триполійскаго, а Брянскій въ роли *Пустынника.* Это была незабвенная эпоха для любителей Русскаго театра, ознаменованная тогда талантами Каратыгина, Сосницкаго, Брянскаго, Максимова, Каратыгиной, Сосницкой,

Асенковой, Самойловой, Петрова, Петровой, и др. Правда, канканныя представленія и моды тогда еще не процвѣтали, но эпоха была блестящая, хотя насъ и держали, какъ слѣдуетъ, въ ежовыхъ рукавицахъ воинской дисциплины. Боевые преданія и навыки отечественной войны и удачныхъ войнъ 1828—29 и 1830—31 годовъ были свѣжи въ памяти, и находились еще въ рядахъ многія личности, прославившіяся въ бояхъ. Военные жили дружной семьей, для своего служенія, высоко дорожа честью мундира и полка и иногда „кто Богу не грѣшенъ, Царю-не виноватъ" — случалось, покучивали, но посолдатски и между собою. Воинскихъ искательствъ, аристократничанья, поклоненій, элеганцій, комфорта, гастрономической пищи, утонченностей канканной цивилизаціи, не допускалось. Военное служеніе, особенно фронтовое, цѣнилось высоко и не могло сдѣлаться промысломъ или даже гешефтомъ (Geschäft). И въ гвардіи бывали тогда бѣдные офицеры, но бѣдности своей не стыдились, долговъ избѣгали и отъ богатыхъ ни въ чемъ на службѣ не отставали. Хотя часто приходилось и тяжело, но эпоха для военныхъ была блестящая и, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ кануло въ вѣчность почти полстолѣтія, она жива доселѣ въ памяти Русскаго человѣка и особенно въ памяти нашихъ добрыхъ, славныхъ солдатъ.

Въ прелестныхъ стихахъ *„Вѣтка Палестины"* одинъ изъ пріятелей Муравьева, безсмертный М. Ю. Лермонтовъ также отдалъ ему справедливость. Повторяю объ этомъ собственныя слова его изъ его-же брошюры „Описаніе предметовъ древности и святыни, собранныхъ по святымъ мѣстамъ" (Кіевъ 1872, стр. 8-ая).

„Если къ воспоминаніямъ священнымъ смѣю присовокупить одно, хотя и мірское, но поэтическое, не безъ сожалѣнія о несчастно-погибшемъ: то можно сказать, что эти именно пальмовыя вѣтки внушили Лермонтову прекрасные стихи его „Вѣтка Палестины". Однажды, въ минуту душевнаго смущенія, онъ пришелъ просить моего участія и, не заставъ меня дома, долго оставался въ глубокой думѣ въ моей образной; когда же я возвратился, то нашелъ на столѣ исписанный имъ листъ бумаги и прочелъ слѣдующіе гармоническіе стихи, которые доселѣ у меня хранятся въ подлинникѣ:

Скажи мнѣ вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была? и пр.

Посвятивъ всѣ силы и всю жизнь свою, до послѣднихъ дней, служенію православной церкви, Андрей Николаевичь Муравьевъ скончался въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ путешествія въ Константинополь и на гору Аѳонскую. Вѣчная память Русскому дѣятелю Православія!

Теперь, на закатѣ и моихъ дней, мнѣ остается лишь повторить знавшимъ усопшаго слова его:

О! помолитесь за того,
Кто вспомнилъ васъ въ своихъ мольбахъ!

Семенъ Сулима.

ЗАМѢТКА ОБЪ А. Н. МУРАВЬЕВѢ.

Въ № 223-мъ Московскихъ Вѣдомостей отъ 7 Сент. 1874 г. былъ напечатанъ краткій некрологъ Андрея Николаевича Муравьева, заимствованный изъ Кіевлянина. Въ немъ сказано, между прочимъ, что А. Н. былъ меньшой изъ братьевъ Муравьевыхъ, что послѣдняя служба его была по Министерству Государственныхъ Имуществъ предсѣдателемъ одной изъ губернскихъ палатъ, и что онъ скончался на 76 году жизни. У А. Н. былъ братъ моложе его, Сергѣй Николаевичъ, умершій въ томъ же 1874 г. А. Н., сколько мнѣ извѣстно, никогда не служилъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ и не былъ предсѣдателемъ никакой палаты; скончался онъ, достигнувъ врядъ ли и 70 лѣтъ. Въ № 4-мъ Древней и Новой Россіи 1876 года появились воспоминанія объ А. Н. Муравьевѣ Л. М. Сементовскаго, въ которыхъ говорится, что онъ скончался 75 лѣтъ въ минувшемъ 1875 г. Конечно такія разногласныя и неточныя показанія въ сущности незначительны; но если человѣкъ признается достойнымъ, чтобъ объ немъ печатались некрологи и воспоминанія, то можно желать, чтобъ и подобныя подробности излагались при этомъ съ бо́льшею осмотрительностію и вѣрностію. Это подало мнѣ поводъ къ составленію настоящей замѣтки съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній объ А. Н. Муравьевѣ.

Я началъ знать Муравьева съ 1819 года, когда поступилъ колонновожатымъ въ учебное въ Москвѣ заведеніе его отца генералъ-маіора Н. Н. Муравьева. А. Н. былъ тогда юношей лѣтъ 14 или 15-ти, и воспитывался въ домѣ своего родителя подъ руководствомъ С. Е. Раича, извѣстнаго переводчика Виргиліевыхъ Георгикъ и Тасса. С. Е. Раичъ, для поощренія своего учиника, завелъ у себя литературные вечера, на которые разъ въ недѣлю собирались молодые люди, большею частію изъ воспитанниковъ Университета и его пансіона, и нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ учебному заведенію Н. Н. Муравьева. Въ числѣ ихъ были: М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Ознобишинъ, В. П. Титовъ, А. И. Кошелевъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, магистръ или кандидатъ Оболенскій, Петръ Ив. Колошинъ, Н. П. Крюковъ, С. Д. Полтарацкій и др. На этихъ вечерахъ они знакомились съ новыми произведеніями Русской словесности и читали собственныя опыты сочиненій и переводовъ. Между прочимъ Муравьевъ читалъ свои переводы изъ разныхъ мѣстъ Тита Ливія, а потомъ и изъ Виргиліевой Енеиды, въ стихахъ. Онъ съ особеннымъ стараніемъ изучалъ классическіе языки и многіе новѣйшіе, и даже упражнялся въ разговорѣ на новогреческомъ языкѣ съ однимъ молодымъ Грекомъ, который нарочно для этого и жилъ у него нѣкоторое время. Тогда уже онъ мечталъ о путешествіи на Востокъ, который сильно занималъ его воображеніе, какъ колыбель христіанства и поприще крестовыхъ походовъ. Службу началъ онъ въ кавалерійскомъ армейскомъ полку, расположенномъ на Югѣ. Кажется, во время этой службы онъ посѣтилъ полуостровъ Крымъ и написалъ поэму, которую вмѣстѣ съ нѣсколькими мелкими стихотвореніями издалъ въ 1827г. подъ заглавіемъ Таврида. Е. А. Баратынскій, въ разборѣ этого сочиненія, помѣщенномъ тогда-же въ Московскомъ Телеграфѣ, произнесъ ему такой приговоръ: „Описательная поэма Таврида — произведеніе совершенно ученическое. Созданіе ея бѣдно или, лучше сказать, въ ней нѣтъ никакого созданія. Это риторическое распространеніе двухъ стиховъ Пушкина въ Бакчисарайскомъ Фонтанѣ:

Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ?
Кругомъ все пусто, все уныло......

Баратынскій смягчилъ этотъ приговоръ, говоря, что авторъ подаетъ прекрасныя надежды, что у него есть дарованіе, попадаются стихи звучные и живописные, и что вообще онъ богатъ жаромъ и красками и пр. Муравьевъ въ этотъ же періодъ времени написалъ еще трагедію: Тиверіада, сюжетъ который заимствованъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ. Въ 30-хъ годахъ она была играна одинъ разъ на Петербургскомъ театрѣ, 3-й ея актъ напечатанъ Пушкинымъ въ послѣдней книжкѣ его Современника. Оставя скоро военную службу, А. Н. опредѣлился въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1829 г. онъ находился въ дѣйствующей арміи противъ Турокъ въ числѣ дипломатическихъ чиновниковъ при главной квартирѣ и былъ употребляемъ иногда для сношеній съ духовенствомъ и жителями въ мѣстностяхъ, гдѣ находилось Греческое населеніе. На переходъ чрезъ Балканы онъ написалъ стихи, начинавшіеся такъ:

Гдѣ жъ горы, гдѣ жъ горы?—за нами они....

Стихи эти тогда же были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ. По заключеніи мира, А. Н. прямо изъ Адріанополя отправился въ Іерусалимъ. Вскорѣ по возвращеніи въ отечество, появилось его Путешествіе по святымъ мѣстамъ, которое и имѣло большой успѣхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, съ 30-хъ годовъ постепенно появлялся цѣлый рядъ произведеній его пера. Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ, Письма о богослуженіи православной церкви, Письма объ Арменіи и Грузіи, Исторія Русской церкви и многія другія слѣдовали одно за другимъ и составили, такъ сказать, отдѣльную отрасль духовной литературы въ нашей свѣтской. Сочиненія эти, написанныя слогомъ нѣсколько напыщеннымъ, изобилующимъ риторическими фразами и богатыя, повторю слова Баратынскаго, жаромъ и красками, быстро расходились и читались тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что содержаніемъ своимъ, новизною предмета и доступностію удовлетворяли потребностямъ многихъ современниковъ въ разныхъ слояхъ общества. Религіозное образованіе у насъ въ то время было весьма недостаточно и слабо. Въ домашнемъ воспитаніи, ввѣряемомъ почти исключительно иностранцамъ-гувернерамъ, оно ограничивалось большею частію соблюденіемъ до нѣкоторой степени обрядовъ и постановленій церкви. Въ казенныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподавали Законъ Божій, обыкновенно, сухо и схоластически, и способные наставники были рѣдки. Понятно, что читатели съ такимъ образованіемъ, встрѣчая въ книгахъ А. Н. Муравьева краснорѣчивыя описанія мѣстностей отечественной святыни, знакомясь въ нихъ съ житіемъ знаменитыхъ сподвижниковъ вѣры, съ значеніемъ и смысломъ православнаго богослуженія, съ отличіями въ догматахъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и т. п., съ жадностію принимались за эти книги, доставлявшія пищу ихъ любознательности и религіознымъ чувствамъ. Исторія Русской церкви, не смотря на недостатки свои, служила довольно долго руководствомъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ авторская дѣятельность А. Н. Муравьева принесла въ свое время несомнѣнную пользу, доставила ему большую извѣстность и дала право на мѣсто въ Исторіи Русской литературы. Служба его синодальному вѣдомству и дальнѣйшія обстоятельства его жизни мнѣ мало извѣстны, а потому ограничиваюсь этими о немъ словами.

Н. Путята

ПИСЬМО БѢЛИНСКАГО КЪ ПРІЯТЕЛЮ ЕГО И. И. Х.

СПБ. 1842. Февраля 8.

Долго ругалъ я тебя, о Х., за твое упорное и глупое молчанье. Разъ хотѣлъ даже разругать письменно, но къ счастію полѣнился. Наконецъ, въ то время, какъ я уже думалъ, что мы съ тобою не увидимъ и не услышимъ болѣе другъ друга (вѣдь я забылъ къ томуже твой адресъ), вдругъ—слава Аллаху и пророку его Ѳ. Н. Глинкѣ!—получаю письмо, развертываю и зрю—стихи!... Прочтя нѣсколько словъ, я догадался, что это письмо отъ Х., писанное прозою, но неровными строками съ одной стороны (вѣроятно отъ душевнаго волненія и сердечнаго трепета въ слѣдствіе чтенія стиховъ Глинки), отчего эта проза и вышла похожею на стихи.—Что́ я дѣлаю? спрашиваешь ты меня. Да все тоже, отвѣчаю я. Ѣздилъ на праздники въ Москву и какъ жилъ тамъ безъ заботы и работы, то въ двѣ недѣли поправился въ здоровьѣ, даже помолодѣлъ; а теперь хилъ и золъ и измученъ, славно водовозная лошадь. Такъ ты въ Питеръ не надѣешься скоро быть? Дрянь, ты братецъ, дрянь! Человѣкъ съ деньгами, но безъ воли—это также гадко, какъ съ волею безъ денегъ. Да ты врешь, ты пріѣдишь. Я жду тебя и слышать не хочу, что не пріѣдешь. Сохрани тебя Богъ: какъ разъ окритикую въ моей литературѣ.

Ты проводишь время въ деревнѣ не слишкомъ скучно, о счастливый хоть и нелѣпый человѣкъ! Но это счастіе худо кончится: оскорбленная твоя натура нѣкогда возстанетъ, но это возстаніе не возродитъ, а уничтожитъ тебя: ибо уже поздно будетъ. Въ деревнѣ, въ кругу домашнихъ и свиней и въ кругу помѣщиковъ и ихъ собакъ и дворовыхъ людей, нельзя и „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Читать Байрона, ничего не читая о Байронѣ, безполезно: можно смѣшать его съ Ѳ. Г. или при немъ читать Ѳ. Г. [1]). Шекспира Кетчерова ты можешь вытребовать прямо чрезъ Ив., а что́ до Suplement zu Schillers Werke, не знаю никакъ и изъ какой лавки. Увѣдомь.

По твоему письму все выполнено. Свидѣтельство я вчера переслалъ къ полковнику. Онъ здоровъ и набивается на свиданье со мною по поводу кучи твоихъ бумагъ, какъ будто мнѣ до нихъ, или до него какое нибудь дѣло! Вотъ ужъ подлинно какъ банный листъ... Дѣло мое съ Верленковымъ кончилось надувательствомъ съ его стороны, а на службу тоже не попалъ: видно судьба не хочетъ [2]).

Теперь у меня къ тебя есть просьба. Кн. К-ій черезъ меня получилъ отъ братьевъ небольшую сумму въ уплату долга; 200 р. велѣлъ онъ мнѣ оставить у себя (вѣроятно имѣя въ виду свой долгъ тебѣ), а остальные употребить по его порученію. Просьба моя къ тебѣ гадкая и подлая. Вотъ въ чемъ дѣло: обстоятельства мои какъ будто начинаютъ поправляться, но послѣднее давленіе нужды нестерпимѣе обыкновенныхъ, а потому ужасно сильно поползновеніе выскочить изъ болота на плечахъ ближнихъ. Короче: если можешь, позволь мнѣ украсть у тебя (до времени впрочемъ неопредѣленнаго) эти 200 р.: они для меня были бы большею подмо-

гою. По этому пункту жду отъ тебя рѣшенія. Ей Богу, краснѣю отъ своей наглости и безстыдства; да что же дѣлать! Вѣдь дѣло идетъ о деньгахъ—это есть солнце жизни, безъ котораго жизнь темна, и мрачна, и холодна..... Кстати о К-омъ. Онъ получаетъ 480 р. асс. жалованья, каждый день имѣетъ говядину во щахъ. Жить тамъ дороже, чѣмъ въ Питерѣ. Князь посылаетъ тебѣ сто поклоновъ. Жаль мнѣ его.

Б. наконецъ догадался, что былъ у насъ шутомъ. Со мной онъ еще такъ и сякъ, но противъ Панаева въ явной враждѣ. Вотъ ограниченный-то человѣкъ!

Панаевъ, Языковъ, К. и В. тебѣ кланяются. Они тебя любитъ, а только смѣются надъ твоею способностью гнить въ деревнѣ и читать Ѳ. Глинку.

Демонъ Лермонтова запрещенъ въ Отеч. Запискахъ, гдѣ былъ напечатанъ цѣликомъ.

Пиши ко мнѣ: я буду отвѣчать по мѣрѣ возможности и побѣждать свою лѣнь. Прощай. Твой Бѣлинскій.

P. S. А чтоже обѣщены тобою историческіе матеріалы для Отеч. Записокъ? Присылай скорѣе къ Иванову.

СОДЕРЖАНІЕ УМАЛИШЕННЫХЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ ПЕРВОЙ.

1726 г. Октября въ 10 день, по указу ея императорскаго величества, Государственная Военная Коллегія, слушавъ выписки, приказали: обрѣтающихся въ Санктъ-Петербургскомъ госпиталѣ сумасбродныхъ солдатъ содержать въ особыхъ чуланахъ и когда случится при госпиталѣ какая работа, тогда посылать ихъ на тоё работу, скованныхъ на цѣпяхъ и смотрѣть за ними накрѣпко, чтобъ они и надъ собою и надъ другими какого дýрна не учинили. А пищу давать и лекарствами пользовать ихъ противъ другихъ больныхъ солдатъ. Будеже они отъ того содержанія и прилежнаго леченія въ надлежащее состояніе не придутъ и, по докторскому свидѣтельству, явится та ихъ болѣзнь неизцѣлима или покажется (какъ Святѣйшій Синодъ разсуждаетъ) то ихъ изумленіе отъ злыхъ духовъ, тогда Кригсъ-Коммисаріату доносить о томъ Военной Коллегіи: понеже бѣснующихся, для исправленія духовнаго, велѣно отсылать въ Синодъ. И о томъ въ Кригсъ-Коммисаріатъ послать указъ.

Подлинное за подписаніемъ членовъ Военной Коллегіи.

(*Сообщено Г. Н. Александровымъ*).

---

[1]) Х. былъ знакомъ съ Ѳ. Н. Глинкой, уважалъ его какъ человѣка и цѣнилъ какъ поэта. Бѣлинскій, не сочувствуя направленію Ѳ. Н. Глинки, смѣялся надъ похвалами стихамъ его, не въ мѣру увлекаясь весьма посредственными стихами своихъ пріятелей.

[2]) Тогдашнее время человѣкъ безъ чина не считался вполнѣ человѣкомъ; Бѣлинскому нуженъ былъ чинъ, чтобы имѣть нѣкоторое значеніе въ семъ мірѣ. Попытка его записаться на службу и получить вождѣленный чинъ коллежскаго регистратора не увѣнчалась успѣхомъ по непредставленію какихъ-то бумагъ.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Θедора Николаевича Голицына.*—Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Θедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Θ. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. П. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Θ. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ съ предисл. *Н. А. Елагина.* — Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго.*—Неизданные стихи *Θ. И. Тютчева.*—Еще стихи *Θ. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Аксакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА
(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается исключительно въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ. За перемѣну городскаго адреса въ городской или иногородняго въ иногородный платится 10 коп.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876. ИЗДАВАЕМЫЙ **8.**

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать слѣдующія книги Русскаго Архива прежнихъ годовъ.

Главнѣйшія статьи въ нихъ здѣсь исчисляются.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Записка графа Нессельрода о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева. — Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Письма Поздѣева. — Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 г.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева.—Записки графа П. Х. Граббе.—Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. Н. Ростовцева.— Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ. — Бумаги П. А. Демидова. — Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки.—Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева. — Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки). Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. *Книга первая.* Осьмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 — 1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—

(См. на слѣд. страницѣ обертки).

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Избытокъ душевныхъ силъ Наполеона не сотвѣтствовалъ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыя онъ былъ поставленъ во время своего пребыванія въ Москвѣ. Онъ волновался, отъ одного предположенія переходилъ къ другому, и всѣ одинаково оказывались неисполнимыми. Ни время года, ни состояніе войскъ не дозволяли никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Мысли объ отступленіи не только не выносила его гордыня, но и строгія соображенія указывали, что отступленіе можетъ быть гибельно для войскъ, можетъ разрушить его господство надъ Европою, поколебать созданное имъ политическое зданіе Французской имперіи. Лишь скорое заключеніе мира, въ которомъ онъ былъ увѣренъ до Бородинскаго сраженія и который обѣщалъ своимъ войскамъ, могло спасти его отъ погибели. Но это сраженіе не походило на Ульмъ и Аустерлицъ, на Іену и Ауерштадтъ. Въ его увѣренность вкрадывалось сомнѣніе. Уступка безъ боя древней столицы России не на долго подняла его надежду. Оставленіе Москвы жителями и пожары поколебали ее окончательно. Послѣдствіемъ этихъ событій, совершенно для него неожиданныхъ, былъ грабежъ, разстроившій войска, и это разстройство поддерживалось и усиливалось недостаткомъ продовольствія для людей и особенно корма для лошадей его многочисленной конницы, разрушавшейся съ каждымъ днемъ, равно и артилеріи. Такое положеніе войскъ вынудило гордаго завоевателя употреблять всѣ способы, чтобы войти въ переговоры о мирѣ. Но всѣ его попытки не имѣли успѣха. Молчаніе Русскаго императора, не удостоившаго отвѣтомъ его предложенія, и народное ополченіе были для него точно также явленіями неожиданными. Въ тщетномъ ожиданіи отвѣта, окруженный народнымъ возстаніемъ, онъ, какъ левъ, запертый въ клѣтку, долженъ былъ ходить взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ, не имѣя возможности двинуться далѣе безъ явной опасности. Пребываніе въ Москвѣ было предвареніемъ пребыванію на островѣ Святой Елены. Тѣже чувства волновали его какъ здѣсь, такъ и тамъ. Но въ Москвѣ онѣ были для него новы и непривычны, а потому сильнѣе уязвляли его душу. Сознавая необходимость выдти изъ этого положенія, онъ не могъ однакоже рѣшиться на этотъ роковой шагъ силою собственной воли и какъ-бы ожидалъ внѣшняго обстоятельства, которое вывело бы его изъ нерѣшительнаго положенія, которое приводило его въ раздраженіе,

выражавшееся въ постоянныхъ, рѣзкихъ выходкахъ въ отношеніи къ окружавшимъ его лицамъ и въ жаждѣ мщенія Россіи и Русскимъ. Такимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ и было извѣстіе о пораженіи его авангарда подъ Тарутинымъ. Оно придало опредѣленное направленіе обычной его дѣятельности.

Разразившись напередъ гнѣвомъ противъ нашего главнокомандующаго, будто бы нарушившаго условія перемирія, которое вовсе не заключалось, императоръ отдалъ приказаніе, чтобы войска приготовлялись къ немедленному выступленію изъ Москвы, и принялся потомъ диктовать своимъ секретарямъ письма къ маршалу Бертье, который тщательно ихъ переписывалъ въ видѣ приказовъ изъ главной квартиры. Эти приказы давали направленіе движенію разныхъ частей войска и служили началомъ исполненія предположеній о дальнѣйшемъ ходѣ его военныхъ дѣйствій.

Въ чемъ же заключались эти предположенія? Знаменитый историкъ консульства и первой имперіи говоритъ, что Наполеонъ составилъ смѣшанный планъ дѣйствій (imagina une combinaison mixte), состоявшій въ томъ, чтобы напасть на Тарутинскій лагерь, выгнать изъ него Кутузова, что̀ конечно не имѣло бы вида отступленія, отбросить его на правую или на лѣвую сторону и потомъ двинуться на Калугу, приблизить къ себѣ черезъ Ельну маршала Виктора или сильную дивизію (Бараге д'Илье), которая была уже образована въ Смоленскѣ, провести зиму въ Калугѣ, въ странѣ плодоносной, *въ климатѣ болѣе умѣренномъ*, сохраняя сообщенія, справа съ Смоленскомъ и съ тылу съ Москвою. На основаніи этого соображенія, Наполеонъ сохранилъ-бы обладаніе Кремлемъ, поручивъ защищать его маршалу Мортье съ 4 тысячами гвардіи и 4 тысячами спѣшенной конницы, изъ которой составлены были баталіоны пѣхоты, оставивъ тамъ самыя тяжелыя военныя принадлежности, раненыхъ, больныхъ, отсталыхъ и такимъ образомъ снабдивъ опытнаго маршала 10 тысячнымъ гарнизономъ и продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ. Расположившись въ Калугѣ, при *нѣкотораго рода изобиліи*, подавая руку съ одной стороны Мортье, отъ котораго онъ находился бы въ пяти дняхъ перехода, съ другой—Виктору, отъ котораго также былъ бы въ пяти дняхъ, еслибъ приблизилъ его къ Ельнѣ, Наполеонъ находился бы какъ *паукъ* въ средоточіи растянутой сѣти, готовый двинуться всюду, гдѣ потребовалась бы его помощь. Въ такомъ случаѣ онъ ничего бы не оставлялъ; напротивъ, онъ занялъ бы новыя области, утвердившись въ *лучшей* странѣ, въ средоточіи Россіи. Если имѣть въ виду совершенно *выигранное* сраженіе надъ Кутузовымъ у Тарутина и зиму обыкновенную по холодамъ: то это предположеніе представляло надежду на успѣхъ, не принимая даже въ соображеніе мысли о приближеніи къ Польшѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Мортье, запасшись продовольствіемъ на десять дней, оставилъ бы Москву и спокойно пришелъ бы въ Смоленскъ, соединясь съ расположенными по дорогѣ отрядами и прикрытый присутствіемъ Наполеона въ Калугѣ.

Этотъ новый планъ, „плодъ неисчерпаемой, по словамъ Тьера, плодовитости Наполеонова ума, конечно онъ не считалъ самымъ лучшимъ, но наиболѣе сообразнымъ съ обстоятельствами". Онъ измѣнилъ этотъ планъ, по мнѣнію Тьера, уже во время самаго отступленія изъ Москвы, узнавъ, что Кутузовъ снова возвратилъ войска въ укрѣпленный лагерь и не преслѣдуетъ Мюрата послѣ Тарутинскаго сраженія. Тогда Наполеонъ задумалъ обойти его и поэтому невольно потерялъ два дня, которые имѣли роковое значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ отступленія [1]).

Дѣйствительно, Наполеонъ потерялъ эти два дня въ первое время отступленія; но что̀ бы могло случиться тогда, когда бы онъ не потерялъ ихъ? Едва ли историкъ имѣетъ право останавливаться на подобномъ вопросѣ. Вопросъ же о томъ, почему Наполеонъ потерялъ два дни, представляется весьма важнымъ. Едва ли возможно сомнѣваться, что онъ никогда не думалъ зимовать въ Москвѣ; но какія сложились въ его головѣ соображенія о порядкѣ отступленія изъ Москвы, послѣ неудавшихся предположеній о походѣ сначала на Петербургъ, а потомъ къ Великимъ Лукамъ,—объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Этого никто не зналъ, кромѣ его самаго. По его отзывамъ невозможно судить о томъ. Во время совершавшихся происшествій онъ говорилъ и объявлялъ не то, что̀ было, а то, чему желалъ чтобы всѣ вѣрили. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, онъ сочинялъ исторію своихъ дѣяній также, какъ представляла своихъ героевъ Французская классическая трагедія, которую онъ считалъ болѣе вѣрною въ этихъ изображеніяхъ, нежели самая исторія. О его планахъ и предположеніяхъ можно судить единственно по тѣмъ приказамъ, которые онъ отдавалъ, чтобы приводить ихъ въ исполненіе. Эти приказы онъ началъ отдавать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія о пораженіи его авангарда, вечеромъ 6 (18) Октября. До этого времени всѣ его распоряженія клонились лишь къ тому, чтобы очистить и обезпечить дорогу изъ Москвы на Можайскъ, Вязьму, Гжатскъ до Смоленска, по которой, безъ всякаго сомнѣнія, онъ отступать не желалъ.

Впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ о Тарутинскомъ сраженіи, было весьма сильно, какъ свидѣтельствуютъ всѣ современники и очевидцы, и это несомнѣнно доказывается тою торопливостью, съ которою онъ вывелъ войска изъ Москвы и которая имѣла немаловажное значеніе. Показанія Русскихъ, находившихся въ это время въ Москвѣ, совершенно согласныя съ показаніями Французовъ, свидѣтельствуютъ объ особенной поспѣшности выступленія непріятелей изъ столицы. При такой поспѣшности, естественно они захватывали съ собою и грузили на свои обозы безполезныя вещи, которыя бросали потомъ на дорогѣ. Въ тоже время они забывали о самыхъ важныхъ вещахъ, о средствахъ продовольствія, которыя и безъ того не были обильны [2]). Большинство

---

[1]) Thiers, Hist. de l'empire, кн. XXVII, Octobre 1812 г.

[2]) Fezensac, Souvenirs, стр. 276—277.

Французскихъ писателей, современниковъ Наполеона и ихъ послѣдователей, увлеченные силою его военнаго генія, привыкли каждое его сраженіе считать побѣдою, особенно если послѣ сраженія непріятель отступалъ. Это правило неудобно было примѣнить, конечно, къ Тарутинскому сраженію, потому что разбитый Мюратъ долженъ былъ отступить. Но въ этихъ случаяхъ историки прибѣгаютъ къ иному средству: они выдаютъ такое сраженіе или незначительнымъ, или неимѣвшимъ никакого вліянія вообще на ходъ военныхъ дѣйствій и особенно тогда, когда непріятель не преслѣдовалъ ихъ разбитыхъ войскъ. Такимъ и выдавалъ Тарутинское сраженіе Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ [3]). Но неважное авангардное дѣло не могло вызвать той поспѣшности, съ которою онъ вывелъ свои войска изъ Москвы и выѣхалъ самъ съ своею главною квартирою [4]). Это сраженіе имѣло иное значеніе. Оно показывало, что въ продолженіи того времени, которое Наполеонъ проводилъ въ Москвѣ въ бездѣйствіи и въ надеждѣ заключить миръ, Русскія войска, въ удобной мѣстности, снабженныя достаточнымъ продовольствіемъ, отдохнули отъ трудовъ продолжительнаго отступленія, что ихъ потери пополнены новыми и значительными подкрѣпленіями, что опытный главнокомандующій не только окружилъ непріятеля народнымъ возстаніемъ и партизанскими отрядами, но и привелъ войска въ такое положеніе, что они могли вновь начать военныя дѣйствія съ надеждою на успѣхъ. Возможность мира исчезала окончательно, и начиналась снова война. Тарутинское сраженіе было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ; за нимъ могли послѣдовать и другія. Князь Кутузовъ, довершивъ пораженіе уже разбитаго авангарда, могъ вывести всѣ свои войска на сообщенія Наполеона. Могъ ли же сей послѣдній продолжать свое пребываніе въ Москвѣ, въ виду такой возможности? Немедленно данный приказъ выступать изъ Москвы служитъ положительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но остается другой едва-ли не болѣе важный: какимъ образомъ Наполеонъ предполагалъ совершить отступленіе своихъ войскъ?

Вечеромъ 6-го Октября, съ неутомимою дѣятельностію онъ диктовалъ свои приказанія. Онъ писалъ Неаполитанскому королю, что „въ тотъ же вечеръ отправилъ своихъ лошадей, и послѣ завтра армія придетъ къ вамъ, чтобы идти на непріятеля и прогнать его. Нужно три дня, чтобы достигнуть до той высоты, на которой вы находитесь“ [5]). Поэтому онъ предполагалъ, что ему нужно четыре

---

[3]) 25 и 26 бюллетени отъ 20 и 26 Октября н. ст.

[4]) B. Peyrusse, Mémorial, стр. 110. Je vis beaucoup d'agitation dans le quartier-général et je ne pus me rendre compte, qu'un simple engagement d'avant-poste pût causer autant d'émoi et nécessiter notre départ.

[5]) Этотъ приказъ у Шамбре (Hist. de l'expédition, т. III, стр. 451) и Фена (Manuscrit т. II, стр. 205—206) обозначенъ 13-мъ Окт., что совершенно несогласно съ его содержаніемъ; но у Тьера онъ вѣрно помѣченъ 18-мъ Окт. 1812 г. н. ст. (Hist. de l'empire, кн. XXVII).

или пять дней продержаться, занимая позицію при Вороновѣ. За часъ до оставленія Кремлевскаго дворца, онъ писалъ герцогу Бассано въ Вильну: „Съ выступленіемъ арміи въ походъ, завтра я рѣшу взорвать Кремль и двинуться или на Калугу, или на Вязьму“ [6]). Въ этой краткой, шифрованной депешѣ своему министру иностранныхъ дѣлъ, кажется, всего яснѣе выразился взглядъ Наполеона на дальнѣйшій образъ его военныхъ дѣйствій. Онъ находился въ полной зависимости отъ нашего главнокомандующаго, и все его вниманіе было устремлено на то, что̀ предприметъ князь Кутузовъ. Пока не разъяснилось это обстоятельство, онъ потерялъ стратегическую самостоятельность (инициативу) въ дѣйствіяхъ, которой самъ придавалъ такое важное значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Въ тотъ же вечеръ 6 Октября, Наполеонъ далъ приказаніе маршалу Бертье увѣдомить герцога Тревизскаго, что онъ завтра оставляетъ Москву съ войсками, чтобы преслѣдовать непріятеля. Опредѣливъ войска, которыя должны входить въ составъ отряда оставляемаго маршалу Мортье въ Москвѣ, онъ поручилъ предписать генералъ-интенданту, начальникамъ инженеровъ и артилеріи оставить нѣсколько человѣкъ изъ своихъ чиновъ, подъ начальствомъ старшихъ офицеровъ. Съ этимъ отрядомъ Мортье долженъ былъ расположиться въ Кремлѣ, поспѣшно укрѣпить его и вооружить. Больныхъ, которые еще тамъ находились, немедленно поручалось перемѣстить въ Воспитательный Домъ. По выходѣ войскъ изъ Москвы, маршалъ Мортье долженъ былъ печатными объявленіями извѣстить Московскихъ жителей, что слухи объ оставленіи города Французскими войсками несправедливы, что войска пошли въ Калугу, Тулу и Брянскъ, чтобы овладѣть этими важными мѣстностями и оружейнымъ заводомъ; жителямъ поручалось поддерживать порядокъ и препятствовать попыткамъ окончательнаго разрушенія города. Конечно Наполеонъ не заботился о городѣ, который онъ самъ обрекалъ на окончательное разрушеніе, отдавая этотъ приказъ маршалу Мортье; но онъ желалъ обезопасить его собственное положеніе съ оставляемыми подъ его начальствомъ войсками въ Кремлѣ. Поэтому онъ поручалъ ему строго наблюдать за жителями, предписать, чтобъ никто не выходилъ изъ больницъ и разстрѣливать всякаго Русскаго солдата, который появился бы на улицѣ и „нигдѣ не ставить малочисленныхъ постовъ, чтобы они не подверглись нападенію крестьянъ и казаковъ“. Сверхъ того Мортье долженъ былъ приложить стараніе, чтобы приготовить какъ можно болѣе продовольствія, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ и сохранить его до крайнихъ обстоятельствъ.

Начальнику артилеріи генералу Ларибуасьеру предписано было оставшіеся въ Москвѣ, по выходѣ войскъ, зарядные ящики и повозки сосредоточить въ Кремлѣ, равно порохъ, свинецъ для пуль и заряды для ружей и пушекъ. „Можетъ быть, я возвращусь въ Москву“, писалъ Наполеонъ. Сѣру и селитру поручалось сжечь. „У меня довольно пороху“, говорилъ онъ. Всѣ магазины и сараи, находившіеся за го-

---

[6]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 160.

родомъ и матеріалы, которыхъ нельзя было бы помѣстить въ Кремлѣ, также предписывалось сжечь на другой же день утромъ. Начальнику артилеріи онъ поручалъ познакомить маршала Мортье съ полковниками артилеріи и офицерами, которые останутся въ Москвѣ. „Они должны быть помѣщены въ Кремлѣ (заключилъ свой приказъ Французскій императоръ): имъ поручено взорвать Кремль, когда настанетъ время". Въ тотъ же вечеръ генералъ-интенданту дано было приказаніе приготовиться къ оставленію Москвы на другой день вечеромъ, подъ прикрытіемъ дивизіи Роже, но оставить и помѣстить въ Кремлѣ нѣсколькихъ чиновниковъ по интендантской части въ распоряженіе маршала Мортье. Этотъ приказъ заключается словами: „Императоръ, имѣя намѣреніе возвратиться сюда, желаетъ сохранить главные магазины муки, овса и водки". Только въ этихъ приказахъ начальнику артилеріи и генералъ-интенданту говорится о возможномъ возвращеніи его въ Москву; но между тѣмъ вовсе не упоминается объ этомъ въ приказѣ маршалу Мортье, которому конечно болѣе всѣхъ нужно бы это знать [7]). Напротивъ, ему предписывается только поддерживать это мнѣніе въ обывателяхъ Москвы и объявлять, что слухи о совершенномъ оставленіи столицы Французскими войсками совершенно несправедливы. Цѣль этой мѣры весьма ясна: Наполеонъ опасался попытки со стороны жителей, вмѣстѣ съ вооруженными крестьянами и даже войсками, которыхъ передовые отряды находились въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, напасть на отрядъ Мортье, который былъ гораздо малочисленнѣе, нежели первоначально предполагалъ его составить Наполеонъ, по собственному его свидѣтельству, подтверждаемому многими современниками [8]). Сверхъ того Наполеонъ могъ опасаться, чтобъ боевые запасы и продовольствіе, которые не могли увезти съ собою войска по недостатку подводъ, не были совершенно истреблены, по его-же распоряженію, и маршалъ Мортье остался бы ни съ чѣмъ. Этихъ запасовъ было весьма немного, когда императоръ поручалъ ему заготовить изъ нихъ продовольствіе, по возможности на мѣсяцъ, для такого незначительнаго отряда, какой оставался у маршала Мортье. Но распространяя слухъ, что онъ разобьетъ Русскихъ и потомъ возвратится въ Москву, онъ никого ни убѣдилъ, „потому что всѣмъ было извѣстно настоящее положеніе дѣлъ", говоритъ Шамбре [9]). Поэтому множество больныхъ и раненыхъ послѣдовали за своими полками. Вмѣстѣ съ ними выѣхали изъ Москвы всѣ почти иностранцы изъ ея обывателей, и особенно Французы. Не только солдаты, но ни одинъ офицеръ и генералъ не оставили въ ней своей добычи. Конечно менѣе всѣхъ этой возможности возвращенія въ Москву вѣрилъ самъ Наполеонъ: онъ не думалъ возвращаться въ Кремль,

[7]) M. Chambray, т. III, прилож. стр. 433—435; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 208—212. Приказы 18 Окт. 1812 г. н. ст.

[8]) Бюллетень 26-й отъ 26 Окт. Мортье занималъ Кремль тремя тысячами человѣкъ.

[9]) Hist. de l'expédition en Russie, т. III, стр. 317.

наполненный порохомъ съ подведенными подъ него минами. Цѣль оставленія Мортье заключалась единственно въ томъ, чтобы привести въ исполненіе задуманное имъ окончательное истребленіе Москвы.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы представляло давно невиданное въ исторіи Европы зрѣлище. Оно напоминало Европѣ движенія варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію; а Русскимъ—нашествіе Татаръ. „Мы думали, что нашему горю и конца не будетъ, говоритъ свидѣтельница изъ купеческаго семейства, находившаяся въ Москвѣ. Только разъ, видимъ мы, повалили полки по Крымскому мосту. Изъ оконъ нашего подвала какъ на ладони все видно. Человѣкъ десять нашихъ мужиковъ выбѣжали посмотрѣть поближе. Идутъ эти Французы настоящими нищими; не хуже насъ обносились, всѣ въ лохмотьяхъ, да обвернувшись во что ни попало. Тутъ и зипуны, и женскія юбки, и поповскія ризы, и стихари: чего хочешь, того просишь. За ними ѣдутъ пушки и фуры, и женщины тутъ же: жены ли ихъ, пріятельницы ли, ужъ Богъ ихъ знаетъ. Одна сидитъ на телѣгѣ и сама правитъ, а телѣга вѐрхомъ навьючена. Нѣкоторые солдаты верхами рѣку въ бродъ переѣзжали. Вздумала и она за ними, да и забрала въ сторону, попала на быстрое мѣсто, и стала лошадь кружиться. Солдаты уже уѣхали далеко; закричала она благимъ матомъ; а наши молодцы бросились въ бродъ, спихнули ее въ воду, а лошадь взяли подъ уздцы, вывели ее на берегъ и пустились рысью къ Остоженкѣ. А тебя, молъ, мамзель, пускай твой пріятель спасаетъ". „Прошло около недѣли послѣ Покрова, говоритъ другая свидѣтельница изъ духовной семьи, видимъ мы, что Французы что-то засуетились. Слышны отъ насъ крикъ и говоръ и конскій топотъ. Страхъ насъ разобралъ; видимъ, что-то готовится; а что̀, не знаемъ. Всю ночь продолжался у нихъ шумъ, а мы всю ночь не спали. На другой день повалили они мимо нашихъ оконъ, по Якиманкѣ, конные и пѣшіе. Иные чучелы-чучелами смотрѣли. Навьючили на себя разнаго женскаго трепья. Шли они всѣ да ѣхали въ розсыпную, кто гдѣ попало, а не такъ, какъ обыкновенно полки идутъ стройнымъ шагомъ; а за ними ѣхали пушки, фуры и повозки. Долго они тянулись одни за другими; мы думали и конца этому не будетъ, а вдругъ—улица опустѣла. Что-же, мы думаемъ, ужъ не покинули-ли они Москву?. И вѣрить не смѣемъ такому счастью" [10]). Такіе разсказы простыхъ Русскихъ людей, подглядѣвшихъ изъ своихъ притоновъ выходъ Французовъ, совершенно совпадаютъ и съ ихъ собственными свидѣтельствами. Утренники, начавшіеся съ 6-го Октября, хотя и незначительные, уже давали себя чувствовать непріятельскимъ войскамъ, особенно потому, что они обносились и должны были всевозможными лохмотьями и одеждами, награбленными въ Москвѣ, прикрывать наготу и кутать ноги, за неимѣніемъ обуви. Конечно, все что̀ было получше и цѣннѣе было или захвачено офи-

---

[10]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 86—87, 99—100; Русск. Вѣстникъ 1872 г. Ноябрь, стр. 273, 285; Кичеева, изъ недавней старины, стр. 41.

церами и высшими чинами войскъ, или перекуплено ими у солдатъ. Хотя число войскъ, выступавшихъ изъ Москвы и составляло нѣсколько болѣе ста тысячъ, но немногіе изъ нихъ походили на солдатъ стройныхъ и способныхъ къ бою. Большая часть конницы была спѣшена, остальная едва могла двигаться на истощенныхъ лошадяхъ. Одна гвардейская кавалерія, простиравшаяся до 5-ти тысячь человѣкъ, еще сохраняла бодрый видъ. Артилерія, несоразмѣрная по числу орудій съ количествомъ войскъ, обремененная огромными обозами съ боевыми снарядами, на изнуренныхъ лошадяхъ, хотя и представляла грозную силу, но крайне стѣсняла движеніе войскъ. Между тѣмъ, не смотря на совѣты своихъ боевыхъ сотрудниковъ, Наполеонъ не хотѣлъ оставлять орудія и думалъ увезти всѣ. Пѣхота, и преимущественно гвардейская, еще походила на стройное войско; но и то въ незначительномъ количествѣ, которое сопровождалось безпорядочными толпами солдатъ. Огромные обозы съ добычею, гдѣ, рядомъ съ щегольскими городскими экипажами, тянулись всевозможныя фуры, повозки, телѣги и одноколки, обремененныя поклажею, не только затрудняли движеніе войскъ, но и производили разстройство въ нихъ. Не одни высшіе чины и офицеры имѣли по нѣскольку экипажей, но у каждой роты и нѣкоторыхъ солдатъ были свои подводы, на которыхъ они везли запасы продовольствія и добычу. Заботясь о добычѣ, солдаты или толпились около возовъ, или, выбравъ болѣе цѣнные предметы, несли ихъ въ своихъ мѣшкахъ и ранцахъ, обременяя себя тяжелою ношею. Многія семейства иностранцевъ, опасаясь стать жертвою народнаго мщенія, добровольно отправились вмѣстѣ съ войсками. Другихъ уговорили оставить столицу Французскіе офицеры, зная, на какую участь обрекъ Наполеонъ уцѣлѣвшія въ ней зданія. Въ экипажахъ находилось поэтому много женщинъ и дѣтей; даже нѣкоторыя изъ Русскихъ обитательницъ публичныхъ домовъ и много Русскихъ крестьянъ и вообще лицъ изъ простаго народа, которыхъ заставляли нести тяжести и помогать истощеннымъ лошадямъ тащить нагруженные воза [11]).

Императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы 7 Октября, рано утромъ. Отъ самой заставы по старой Калужской дорогѣ тянулись въ нѣсколько рядовъ обозы, загромождая широкую большую дорогу. Каждый пригорокъ, каждый оврагъ и мостъ стѣсняли ихъ движеніе. Безпорядочно скопляясь на одномъ мѣстѣ, они препятствовали движенію аріергарда и разстроивали войска все болѣе и болѣе. Наполеонъ, съ своею свитою, едва могъ пробираться между обозами и войсками и медленно подвигался впередъ. Проѣхавъ около десяти верстъ, онъ остановился и, ходя взадъ и впередъ по полю, ожидалъ извѣстій отъ Мортье, котораго положеніе его тревожило. Подозвавъ

---

[11]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, 112—114; Fezensac, Souvenirs, стр. 277—278; M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 316 и слѣд.; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 261; Paixhans, Rétraite de Moscou, отд. III, стр. 36 и слѣд.

къ себѣ генерала Раппа, онъ сказалъ ему: „Ну, вотъ мы идемъ по Калужской дорогѣ, къ границамъ Польши и тамъ займемъ хорошія зимнія квартиры. Я надѣюсь, что императоръ Александръ заключитъ миръ".—„Вы его слишкомъ долго ожидали, государь, отвѣчалъ Раппъ. Жители предсказываютъ суровую зиму".—„А! что̀ вы говорите о жителяхъ? У насъ сегодня 19 Октября, а какая прекрасная погода! Развѣ вы не узнаёте моей звѣзды?" возразилъ Наполеонъ. „Впрочемъ я не могъ выступить прежде, нежели отправилъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Я не могъ предоставить ихъ мщенію Русскихъ".—„Вы гораздо лучше бы поступили, продолжалъ его собесѣдникъ, еслибы оставили ихъ въ Москвѣ; а теперь, лишенные всякой помощи, они перемрутъ на дорогѣ". Наполеонъ желалъ казаться спокойнымъ и увѣреннымъ въ своемъ счастіи; но, по свидѣтельству Раппа, онъ самъ не вѣрилъ тому что̀ говорилъ, и его лице выражало крайнее безпокойство [12]).

Получивъ извѣстіе отъ Мортье, что онъ укрѣпился въ Кремлѣ, Наполеонъ продолжалъ путь и къ вечеру достигъ до села Троицкаго на р. Деснѣ. Авангардъ, подъ предводительствомъ вице-короля, остановился въ этотъ день у д. Витютинки; а на другой день, продолжая походъ, онъ подошелъ къ Красной Пахрѣ. Въ Троицкомъ Наполеонъ поручилъ начальнику штаба сдѣлать слѣдующія распоряженія: „Предписать маршалу Мортье всѣхъ отсталыхъ и изувѣченныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ корпусамъ Даву и вице-короля и, вѣроятно, отставшихъ отъ нихъ спѣшенной конницѣ и молодой гвардіи, отправить въ Можайскъ. 22 или 23 (т. е. 10 или 11-го) Октября, въ два часа утра, поджечь магазины съ виномъ, казармы и всѣ публичныя зданія, исключая Воспитательнаго Дома и поджечь Кремлевскій дворецъ, изломать всѣ ружья, лафеты и колеса и подложить порохъ подъ Кремлевскія стѣны". Когда все это будетъ приведено въ исполненіе и огонь покажется во многихъ мѣстахъ Кремля, Мортье долженъ былъ выступить изъ Москвы по дорогѣ къ Можайску; но самому ему дожидаться, пока, черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода войскъ, будетъ взорванъ Кремль; а также поджечь два дома графа Ростопчина и домъ графа Разумовскаго [13]). Это распоряженіе, сдѣланное въ то время, когда для Наполеона вопросъ о томъ: возвратился ли въ укрѣпленный лагерь кн. Кутузовъ и, оставаясь въ немъ, не возъимѣетъ ли намѣренія немедленно продолжать наступательныя дѣйствія, еще не былъ рѣшенъ,—доказываетъ, что онъ никогда и не имѣлъ намѣренія возвращаться въ Москву. 25-й бюллетень великой арміи, продиктованный въ тотъ же самый день, какъ и приведенный приказъ маршалу Мортье, показываетъ, что онъ хотѣлъ подготовить къ этой мысли общественное мнѣніе Франціи и Европы. Этотъ бюллетень выражается весьма неопредѣленно о дальнѣйшихъ движеніяхъ великой арміи. „Съ одной стороны, сказано въ немъ, укрѣпили и вооружили Кремль, и въ тоже время подвели

---

[12]) Rapp, Mémoires, Paris, 1823, стр. 221—222.

[13]) Приказъ 20 Окт. н. ст. Chambray, т. III, прилож., стр. 436—437.

подъ нимъ подкопы, чтобы взорвать его на воздухъ. Одни думаютъ, что императоръ пойдетъ на Тулу и Калугу, чтобы провести зиму въ этихъ губерніяхъ, занимая Москву гарнизономъ, помѣщеннымъ въ Кремлѣ; другіе полагаютъ, что императоръ взорветъ Кремль и сожжетъ всѣ уцѣлѣвшія публичныя зданія; а самъ съ войсками приблизится къ Польшѣ, чтобы занять зимнія квартиры въ дружелюбной странѣ". Дальнѣйшія подробности, объяснявшія цѣль этого движенія, т. е. чтобы приблизить къ себѣ запасы продовольствія, собранныя въ Данцигѣ, Ковнѣ, Вильнѣ и Минскѣ и находиться въ разстояніи болѣе близкомъ отъ Петербурга и Кіева, показывали желаніе дать предпочтеніе этому предположенію. „Москва не имѣетъ военнаго значенія и потеряла уже политическое, потому что сожжена и разорена на сто лѣтъ", прибавляетъ этотъ бюллетень. Очевидно, Мортье оставленъ былъ въ Москвѣ, и притомъ съ гораздо меньшимъ количествомъ войскъ (какъ впослѣдствіи заявилъ самъ Наполеонъ), съ исключительною цѣлію привести въ исполненіе его злобный замыселъ—разрушить послѣднія зданія, уцѣлѣвшія въ Москвѣ послѣ пожаровъ.

Въ тотъ же день, когда Наполеонъ отдавалъ эти приказы, онъ поручилъ своему начальнику штаба написать письмо къ князю Кутузову, повторяя тоже, что̀ говорилъ уже Лористонъ противъ народной и партизанской войны и спрашивая, не получены ли отъ Русскаго правительства предписанія по этому поводу. Немедленно это письмо было послано съ полковникомъ Бартелеми; но вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ авангардъ и графъ Лористонъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы осмотрѣть новую позицію, занятую Мюратомъ послѣ Тарутинскаго сраженія. Для Наполеона нуженъ былъ не отвѣтъ князя Кутузова, въ смыслѣ котораго едва ли онъ могъ сомнѣваться; но онъ желалъ убѣдиться въ томъ: продолжаетъ ли Кутузовъ оставаться спокойно въ Тарутинскомъ лагерѣ и не замѣчается-ли приготовленій къ дальнѣйшимъ наступательнымъ движеніямъ. Поэтому на другой день, 8 (20) Окт., лишь только Наполеонъ убѣдился въ этомъ и получилъ отвѣтъ Кутузова, что онъ не имѣетъ еще никакихъ предписаній изъ Петербурга, онъ повернулъ движеніе своихъ войскъ съ старой Калужской дороги на новую [14]). Мортье получилъ приказаніе, совершивъ возложенное на него порученіе, двинуться уже не на Можайскъ, но на Верею и прибыть туда къ 13 (25) числу, чтобы находиться между корпусомъ Жюно, бывшимъ въ Можайскѣ, и всею арміею, которая къ этому числу должна была прибыть въ Боровскъ. Ему поручалось присоединить къ себѣ всѣ отряды, находившіеся близъ Москвы. Маршалу Жюно предписано было двинуть изъ Можайска всѣ маршевые полки и батальоны, конные и пѣшіе, къ Вереѣ. Они должны были поступить подъ начальство кн. Понятовскаго, направленнаго уже туда съ своимъ корпусомъ. Самъ Жюно долженъ былъ приготовить къ выступленію свой

---

[14]) M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 319—321; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 221—223.

корпусъ на Вязьму, по первому приказанію; напередъ ему велѣно отправить всѣхъ больныхъ и раненыхъ изъ Можайска и Колоцкаго монастыря, изломать всѣ ружья и сжечь военные запасы, которые нельзя будетъ увезти съ собою. Гжатскъ долженъ быть очищенъ, лишь только корпусъ Жюно двинется къ Вязьмѣ, а изъ Вязьмы открыто сообщеніе съ главною арміею черезъ Юхновъ. Извѣщая своего маршала объ этихъ распоряженіяхъ, Наполеонъ присовокупилъ, что Мортье „безопасно сблизится съ арміей, выступивъ изъ Москвы; его могутъ преслѣдовать развѣ нѣсколько сотенъ казаковъ, потому что вся Русская армія находится еще на Калужской дорогѣ“ [15]).

Вызванный изъ Москвы наступательными дѣйствіями нашего главнокомандующаго, Наполеонъ естественно долженъ былъ прежде всего убѣдиться въ томъ, будетъ ли князь Кутузовъ продолжать эти наступательныя дѣйствія или, ограничившись пораженіемъ Французскаго авангарда, отступитъ снова въ укрѣпленный свой лагерь. Пока не былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, онъ ничего инаго предпринять не могъ, какъ двинуть свои войска по старой Калужской дорогѣ и, соединившись съ Мюратомъ и Бруссье, выдержать сраженіе, на которое вызвалъ бы его князь Кутузовъ. Потерявъ свободу дѣйствія, онъ конечно не могъ приступить къ исполненію какихъ бы то ни было предположеній о дальнѣйшемъ своемъ движеніи. Но лишь только онъ убѣдился, что всѣ Русскія войска спокойно находятся въ Тарутинскомъ лагерѣ, то немедленно сдѣлалъ вышеуказанныя распоряженія, которыя уже ясно обличаютъ его дальнѣйшіе виды. Онъ хотѣлъ обойти Русскія войска и занять Калугу, т. е. избѣжать сраженія. Могъ ли иначе думать такой опытный въ бояхъ и геніальный полководецъ? Если онъ говорилъ, что идетъ разбить Кутузова и съ боя открыть путь своимъ войскамъ на зимнія квартиры, то иначе онъ и говорить не могъ, чтобы поднять хотя нѣсколько упавшій духъ, не только войскъ, но даже ихъ предводителей и отвлечь глаза Европѣ [16]). Но онъ понималъ различіе, существовавшее въ это время между войсками князя Кутузова и своею арміею, утратившею дисциплину, обремененною огромными обозами съ добычею. Эти войска могли драться и даже отчаянно защищать награбленную ими добычу, но они не могли побѣждать. Едва-ли мысль обойти князя Кутузова могла придти ему только въ первые дни отступленія изъ Москвы, когда онъ увидалъ тѣ затрудненія, которыя испытывали его войска на походѣ, и повернуть по пути еще болѣе затруднительному, по проселкамъ, на новую Калужскую дорогу. Сидя въ Москвѣ, онъ очень хорошо зналъ положеніе своихъ войскъ и, безъ сомнѣнія, тамъ уже предполагалъ обойти князя Кутузова, пройдя по новой Калужской дорогѣ; но нечаянная вѣсть о наступательныхъ съ его стороны дѣйствіяхъ вынудила его выдти изъ Москвы по ста-

---

[15]) Приказъ изъ Ѳоминскаго, 23 Окт. н. ст. Шамбре, т. III, прилож., стр. 439—440.

[16]) 26-й бюллетень, помѣченный: Боровскъ 23 Октября н. ст.

рой Калужской дорогѣ и такимъ образомъ потерять нѣсколько дней.

Между тѣмъ Мортье заперся въ Кремлѣ, окруживъ его на нѣкоторомъ разстояніи сильными сторожевыми отрядами и повсюду наклеилъ объявленія, чтобы никто не приближался къ Кремлю, подъ страхомъ смерти. Вѣроятно всѣ переводчики уѣхали съ главною квартирою; поэтому объявленіе было написано на одномъ Французскомъ языкѣ. Русскіе его не понимали, и нѣкоторые поплатились жизнію за вину самаго маршала, который впрочемъ только приводилъ въ исполненіе порученіе своего императора. Въ Кремлѣ рыли канавы, устраивали мины, наполняли ихъ порохомъ. Даже на эти работы насильно брали Русскихъ и потомъ, чтобы они не разгласили о томъ, увели ихъ съ собой изъ Москвы и отпустили съ дороги только тогда, когда послѣдовали уже взрывы. „Меня туда взяли Французы, разсказывалъ потомъ одинъ Русскій, и другихъ многихъ работниковъ изъ нашихъ привели и приказали намъ подкопы рыть подъ Кремлевскія стѣны, подъ соборы и подъ дворецъ, и сами тутъ-же рыли. А у насъ просто руки не подымались. Пусть все погибаетъ, да хоть не нашими руками. Да воля-то не наша была: какъ ни горько, а копай! Окаянные-то тутъ стоятъ и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо работаетъ, такъ сейчасъ прикладами бьютъ: у меня вся спина избита“ [17]). Московскіе жители радовались, смотря на то, что непріятели выступали изъ столицы; но ихъ смущало то обстоятельство, что часть ихъ оставалась въ Кремлѣ. Это смущеніе скоро превратилось въ ужасъ.

Наполеонъ заявлялъ въ бюллетеняхъ великой арміи, что ему совѣтывали „сжечь всѣ оставшіяся въ Москвѣ зданія и опустошить огнемъ и мечемъ ея окрестности на 20 миль вокругъ и научить Русскихъ, что они должны были вести правильную войну, а не какъ Татары; но онъ отвергъ эту жестокую мѣру“ [18]). Составъ его войскъ былъ таковъ, что подобные совѣты могли выходить изъ его среды; но ему никто не смѣлъ подавать совѣтовъ, и если нашлись такіе совѣтники въ этомъ случаѣ, то потому только, что они знали о собственномъ намѣреніи ихъ повелителя, преувеличивая его, быть можетъ, до размѣровъ невозможныхъ къ исполненію. Напротивъ, въ его войскахъ, отъ офицеровъ до простыхъ солдатъ, нашлось много такихъ, которые не сочувствовали этой жестокой и безполезной мѣрѣ. Свыкшись уже съ нѣкоторыми изъ Русскихъ, они предупреждали ихъ о грозившей имъ опасности. Одинъ солдатъ старой гвардіи, познакомившійся съ Бестужевымъ-Рюминымъ, пришелъ къ нему 6-го Октября вечеромъ „проститься и пожелать всякаго благополучія, какъ онъ говорилъ, потому что отданъ приказъ на другой день съ восходомъ солнца выступить въ походъ“. Но, простившись, солдатъ просилъ проводить его и, пройдя шаговъ десять, находясь наединѣ съ нимъ, взялъ его за руку и сказалъ:

[17]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 137.

[18]) 26-й бюллетень великой арміи.

„Спасайтесь, если можете, Кремль будетъ взорванъ на воздухъ, также пушечный дворъ. Все приготовлено, даны даже приказанія убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе и сжечь всѣ оставшіяся зданія“ [19]). Одинъ изъ лекарей Французскихъ войскъ, за нѣсколько еще дней до ихъ выступленія, совѣтовалъ Французу-эмигранту, постоянному жителю Москвы, не оставаться въ столицѣ, когда выйдутъ изъ нея Французы. „Вы сами были военнымъ, говорилъ онъ ему, а потому поймете, что я не могу объяснять вамъ подробнѣе, и сами догадаетесь, что̀ я желалъ бы вамъ сообщить“ [20]). За нѣсколько дней до выступленія, начаты были предварительныя приготовленія въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы. Въ Дѣвичьемъ монастырѣ, по свидѣтельству одной современницы, „непріятели начали вездѣ рыть канавки отъ церкви и вокругъ стѣнъ. Остановимся бывало и спрашиваемъ, что̀ они дѣлаютъ; а они показываютъ, что и сами не знаютъ. Вдругъ прошелъ слухъ, что Бонапартъ собирается всю Москву подорвать и всѣхъ Русскихъ перерѣзать. Пошелъ батюшка къ Французскому генералу и говоритъ ему, что вотъ какіе ходятъ слухи. А генералъ ему говоритъ: „уходите отсюда и молитесь за своихъ“. Когда священникъ передалъ эти слова монахинямъ, онѣ отвѣчали: „Мы дали Богу обѣтъ здѣсь жить и умереть; да будетъ Его воля! Мы отсюда не уйдемъ“. Но нѣкоторыхъ естественно пугала эта вѣсть, и онѣ оставили Москву. Въ подвалахъ подъ церковью были оставлены бочки съ порохомъ и боевыми зарядами; у самой церкви поставлена бочка съ виномъ. При выходѣ солдатъ изъ монастыря, генералъ велѣлъ зажечь вино и повторилъ священнику: „уходите скорѣй и молитесь“. „Какъ вспыхнуло вино, говоритъ таже очевидица, они всѣ вонъ; а наши смотрятъ, не знаютъ со страха что̀ дѣлать, и только Бога призываютъ на помощь. Да вдругъ опомнились и бросились вытаскивать изъ склепа пороховыя бочки и стали ихъ заливать водой. Слава Богу, что въ склепѣ-то было нѣсколько ходовъ. А вино все выгорѣло и разлилось; да къ счастію на дворѣ-то было тихо, и огненные ручьи заливали, не дали имъ добѣжать до деревянныхъ строеній. Какъ съ этою бѣдою покончили, бросились по кельямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріятели. Тамъ во многихъ мѣстахъ была разложена солома, а въ нее воткнуты зажженныя свѣчи. Богъ помиловалъ, все успѣли погасить“.

Французы, стоявшіе въ Рождественскомъ монастырѣ, выходя изъ него, на прощанье кланялись монахинямъ и другимъ обитателямъ, бывшимъ въ этомъ монастырѣ, которые выходили изъ церкви послѣ вечерни, и дѣлали имъ знаки, чтобы и онѣ уходили изъ монастыря, что онъ сгоритъ. Напуганныя монахини „вышли изъ монастыря, спустились на площадь, да тутъ и остановились (разсказываетъ одна изъ очевидицъ). Горитъ со всѣхъ сторонъ; пожалуй еще

---

[19]) Чтенія въ Москов. обществѣ Истор. и древн. 1859 г. кн. 2, отд. V, стр. 176; солдата свали Саблѐ.

[20]) Chev. d'Yzarn, Retation etc. стр. 46.

туда зайдемъ, что и не выйдемъ. Какъ теперь помню, столпились мы всѣ подъ горой и плачемъ; все думаемъ, что вотъ-вотъ и нашъ монастырь загорится. На улицахъ пусто, словно весь городъ вымеръ. На небѣ совсѣмъ стемнѣло, только пожаръ все освѣщаетъ; вѣтеръ свищетъ, и головни сыплятся на площадь. Вдругъ пошелъ сильный дождикъ, до костей насъ промочилъ, и стояли мы подъ дождикомъ часа два". „Должно быть они насъ только постращать хотѣли, замѣтила казначея. Не пойти-ли намъ назадъ во власть Божію, да осмотрѣть кельи. Перекрестились мы, да и побрели назадъ". Нѣсколько монахинь, которыя были посмѣлѣе другихъ, вызвались смотрѣть кельи. Оказалось, что въ нѣкототорыя изъ келій была натаскана солома и въ нее были воткнуты свѣчи и зажжены. „Солома что-ли сыра была, заключаетъ таже разскащица, или просто Богъ спасъ, а догорѣли эти свѣчи и никакой бѣды не сдѣлали [21]). Какъ пришли монахини по осмотрѣ, одна свѣча еще тлѣла и дымилась". Наканунѣ выхода непріятелей изъ Москвы и во время выхода, пока еще Мортье оставался въ Кремлѣ, Французы, при встрѣчѣ съ Русскими, предупреждали ихъ, что Кремль будетъ взорванъ, и оставшіяся въ Москвѣ зданія сожжены. Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ начались снова пожары, взорваны были пороховые ящики на пушечномъ дворѣ, и только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и нежеланія самихъ исполнителей, не охотно приводившихъ въ дѣйствіе злую мѣру своего повелителя, эти пожары не приняли широкихъ размѣровъ. Начальникъ отряда, занимавшій зданія почтамта, получивъ приказаніе зажечь ихъ, выступая изъ Москвы, отказался его исполнить. „Другіе же, менѣе смѣлые, говоритъ современникъ, все-таки боялись оставить почтамтъ не сожженнымъ; но бывшіе тамъ Русскіе чиновники пожертвовали послѣдними деньгами и уговорили ихъ оставить это намѣреніе. Однако Французы, выходя, приказали для вида собрать предъ почтамтомъ большой костеръ дровъ и зажечь, что̀ и было исполнено въ ихъ глазахъ" [22]). Эти пожары,—начавшіеся почти одновременно съ вѣстью о томъ, что Кремль будетъ взорванъ, сожжены всѣ уцѣлѣвшія зданія и всѣ Русскіе перебиты,—подтверждали ея достовѣрность. Страхъ и уныніе овладѣли Русскими. „Это гибельное извѣстіе повергло насъ въ совершенное отчаяніе, говоритъ современникъ-свидѣтель происшествій. Вечеромъ, разсѣвшись молча по угламъ избы, съ поникшими головами, каждый изъ насъ думалъ о предстоящей смерти" [23]). Но многіе конечно вышли изъ Москвы: препятствій не было, заставы не охранялись, и въ окраинахъ города показывались уже казаки и вооруженные крестьяне и перестрѣливались съ непріятельскими передовыми постами, охранявшими Кремль.

Выходцы изъ Москвы немедленно принесли эти извѣстія въ главную квартиру корпуса барона Винцингероде, которая находилась

[21]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 23—26, 65, 134—136.

[22]) Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 76.

[23]) Д. Рязановъ, Воспоминанія очевидца, стр. 228—229.

въ 12 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Чашникахъ. 8 Октября вечеромъ, Винцингероде сообщилъ ихъ своимъ сослуживцамъ. Князь А. А. Шаховской, извѣстный драматическій писатель, бывшій въ это время начальникомъ пятаго полка Тверскаго ополченія, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и послѣ ужина, оставшись на единѣ съ б. Винцингероде, говорилъ ему, что „взрывъ Кремля, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню Кремля своимъ палладіумомъ". „Сердце генерара, по словамъ князя Шаховскаго, быстро воспаленное благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ перемѣнился въ лицѣ, вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Нѣтъ, Бонапартъ не взорветъ Кремля. Я завтра дамъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіе намъ въ плѣнъ Французы будутъ повѣшены" [24]). Немедленно онъ распорядился, чтобы генералъ Бенкендорфъ, подъ начальствомъ котораго находилась часть его авангарда, былъ готовъ къ выступленію, а самъ съ адъютантомъ, полковникомъ Нарышкинымъ, отправился къ Иловайскому 4-му, который съ двумя полками находился у самой Москвы. „Только подъѣхавъ къ заставѣ, мы вспомнили, что не взяли съ собою трубача, говоритъ Нарышкинъ. Я предложилъ генералу замѣнить его бѣлымъ платкомъ, будучи увѣренъ, что непріятели поймутъ наше намѣреніе, а въ противномъ случаѣ будутъ отвѣчать намъ ружейными выстрѣлами". Они сѣли на коней и поѣхали по Тверской съ казакомъ впереди, съ бѣлымъ платкомъ на остріѣ копья. Встрѣтившіеся съ ними крестьяне сказали, что непріятельскій пикетъ находится у генералъ-губернаторскаго дома. Увидавъ его, казакъ, ѣхавшій впереди, остановился и дѣлалъ знаки, вызывая кого-нибудь изъ непріятелей. Винцингероде, не видя за угломъ дома Французскаго пикета, поѣхалъ къ казаку, не смотря на то, что На-

---

[24]) Воспоминанія князя Шаховскаго о Москвѣ послѣ Французовъ изложены въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому. Съ нѣкоторыми сокращеніями, они напечатаны въ Военномъ Сборникѣ 1864 г. № 5, стр. 69—99. Константинъ Бенкендорфъ, командовавшій частію конницы въ корпусѣ б. Винцингероде, въ донесеніи императору о его плѣнѣ, говоритъ, что онъ не имѣлъ намѣренія входить въ переговоры съ м. Мортье, что эта мысль пришла ему тогда, какъ онъ приблизился къ Французскимъ аванпостамъ, стоявшимъ по Московскимъ бульварамъ. Son zèle et son caractère fougeux pour le service de V. M. l'a emporté; on faisait feu sur lui, et il ne se serait probablement pas avancé si près, si tous ceux qui l'entouraient ne l'engageaient continuellement à se ménager. Il dit avec humeur: qui a peur, n'a qu'à ne pas me suivre, et renvoya les casaques (письмо отъ 11-го Окт. изъ Москвы). Л. А. Нарышкинъ говоритъ, что его цѣль состояла въ томъ, чтобы договориться съ м. Мортье, что онъ не нападетъ на него, если онъ самъ не будетъ дѣйствовать противъ него; а намѣревался онъ дѣйствовать во флангъ отступавшимъ непріятелямъ (письмо къ М. Данилевскому 3-го Авг. 1836 г.), при которомъ онъ сообщилъ ему свою записку о плѣнѣ его и Винцингероде. Но, если не принять въ основаніе свидѣтельство князя Шаховскаго, то конечно поступокъ б. Винцингероде былъ бы самымъ неблагоразумнымъ (письмо кн. Кутузова къ его супругѣ отъ 23 Окт. изъ Вязьмы), на который онъ едва-ли бы рѣшился, при всей заносчивости характера.

рышкинъ просилъ его не подаваться впередъ и самъ вызывался подъѣхать къ нему. „Гдѣ вы можете находиться, тамъ и я могу“, отвѣчалъ Винцингероде и внезапно очутился передъ Французскими солдатами, прицѣлившимися въ него изъ ружей. „Отъѣхать назадъ уже было невозможно“, замѣчаетъ Нарышкинъ. Одинъ изъ непріятельскихъ офицеровъ согласился было послать съ донесеніемъ къ маршалу Мортье, что явился Русскій парламентеръ; но другой немедленно захватилъ его и повелъ въ Кремль. Нарышкинъ послѣдовалъ за нимъ, не желая оставлять своего генерала въ такомъ затруднительномъ положеніи и попросилъ Французскаго офицера также отправить его къ маршалу.

„Когда меня ввели въ Кремль, говоритъ Нарышкинъ, я увидалъ, что весь гарнизонъ стоитъ подъ ружьемъ. Во дворцѣ, который занималъ маршалъ Мортье, меня окружили его адъютанты и говорили, какъ было неблагоразумно съ нашей стороны пріѣхать безъ трубача. Показывая видъ увѣренности въ безопасности, которую начиналъ уже терять, я отвѣчалъ: „Мы пріѣхали, господа, не концерты давать; мы желали, чтобы поняли наши намѣренія и мы достигли нашей цѣли. Честь Французовъ можетъ намъ ручаться за то, что мы не попали въ ловушку“. Но я скоро разочаровался, когда меня обезоружили и ввели въ кабинетъ маршала“. Тамъ находился уже б. Винцингероде. Онъ задрожалъ, когда увидалъ входившаго Нарышкина. „Что́ вы сдѣлали? Вы не знаете, какъ ужасно они хотятъ поступить со мною!. Я полагалъ, что знаю Французовъ; а они, вопреки народному праву, вопреки всѣмъ правиламъ войны, хотятъ удержать меня военноплѣннымъ“, говорилъ Винцингероде. „Какая бы ни была ваша участь, отвѣчалъ Нарышкинъ, я готовъ ее раздѣлить съ вами“. Винцингероде обнялъ его и продолжалъ горячо обвинять поступокъ Французовъ. Маршалъ Мортье, по свидѣтельству Нарышкина, спокойно, безстрастно и терпѣливо слушалъ его обвиненія и наконецъ сказалъ: „Я пошлю нарочнаго къ императору; онъ рѣшитъ вашу участь; а пока пожалуйте вашу шпагу и слѣдуйте за б. Сикаромъ, который укажетъ отведенную вамъ комнату“. Мортье иначе и поступить не могъ. Русскій генералъ лично могъ удостовѣриться, какое незначительное количество непріятельскихъ войскъ занимало Кремль. Конечно онъ могъ бы освободить этихъ Русскихъ плѣнныхъ по выходѣ изъ Москвы, если бы смѣлъ; но на такой поступокъ не рѣшился бы ни одинъ изъ маршаловъ, такъ сказать, въ виду самаго Наполеона.

Появленіе барона Винцингероде и его попытка вступить въ переговоры съ Мортье конечно произвели тревогу, показавъ, что тотъ корпусъ Русскихъ войскъ, который находился подъ его начальствомъ и который Французы считали болѣе значительнымъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, приблизился къ Москвѣ. Поэтому предписаніе императора, отъ 8 Октября изъ села Троицкаго, успокоило маршала, давая ему возможность немедленно выступить. Въ тотъ же день ночью, чтобы скрыть движеніе, онъ выступилъ дѣйствительно, не исполнивъ, можетъ быть по случаю поспѣшности, всѣхъ

порученій, возложенныхъ на него Наполеономъ. Онъ поджегъ только дачу графа Ростопчина въ Сокольникахъ. Его домъ на Лубянкѣ остался цѣлъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, Французы не зажгли его, уступая просьбамъ окрестныхъ жителей, которые опасались распространенія пожара на ближайшія зданія, т. е. большею частію на Французовъ и иностранцевъ, пріютившихся какъ въ самой церкви Св. Людовика, такъ и въ сосѣднихъ съ нею домахъ [25]). Отойдя на незначительное разстояніе отъ города, Мортье велѣлъ выстрѣломъ изъ пушки дать условленный знакъ къ взрыву Кремля, который и послѣдовалъ немедленно, и потомъ продолжалъ движеніе къ Можайску; но на другой день, получивъ новый приказъ Наполеона, отправился на Верею [26]).

„А какъ Кремль-то взорвало, мы чуть не перемерли отъ страху, думали свѣта преставленіе", говоритъ одна изъ очевидицъ [27]). Тревожимые ожиданіемъ новыхъ бѣдствій, Московскіе обыватели, при наступленіи ночи, ложились спать не раздѣваясь. Среди ночи раздался первый и самый сильный взрывъ. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже на значительномъ разстояніи отъ Кремля полопались всѣ стекла; во многихъ домахъ разошлись стѣны и рушились потолки. Внутри домовъ ничто не осталось на мѣстѣ, обывателей сбрасывало съ ихъ постелей. Ужасъ овладѣлъ ими. Всѣ бросились на улицы и площади, большею частію раздѣтые и израненные осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ. Въ ночной темнотѣ, освѣщенной пожаромъ, начавшимся въ Кремлѣ, подъ сильнымъ холоднымъ дождемъ, слышались плачь и стоны. Невозможно было оставаться подъ открытымъ небомъ; но боялись войти въ дома, ожидая новыхъ взрывовъ, которые и послѣдовали одинъ за другимъ; но уже не съ тою силою, какъ первый. Свидѣтели-очевидцы различно опредѣляютъ число взрывовъ, и кто же могъ вѣрно сосчитать ихъ въ эту ужасную ночь, которая многимъ стоила жизни и почти всѣмъ здоровья! Но лишь только наступила мертвая тишина послѣ взрывовъ, продолжавшаяся довольно долго, многіе рѣшились отъ холода и дождя войти въ дома; но нѣкоторые до разсвѣта оставались на улицахъ и площадяхъ. Въ Грузинахъ, на лугу около церкви св. Георгія Побѣдоносца, всю ночь оставалась толпа народа. „Черезъ темь и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ; отъ насъ съ луга былъ виденъ Иванъ Великій; но ничего нельзя было разсмотрѣть. Стало свѣтать; но Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ взошло солнышко, а вскорѣ послѣ показалась и золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ по прежнему богатыремъ, къ нашей радости и досадѣ Французовъ или, лучше сказать, ихъ предводителя, по волѣ котораго все это дѣла-

---

[25]) B....ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 156.

[26]) Приказъ 9 (21) Октября. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 214—215.

[27]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 42, 54, 100.

лось“ [28]). Дождь, начавшійся еще наканунѣ, безъ сомнѣнія смирилъ разрушительную силу подкоповъ подъ древнія стѣны Кремля; но, дорожа человѣческимъ достоинствомъ, мы готовы вѣрить, что Мортье отпустилъ негодный порохъ для этой цѣли, какъ показываетъ одинъ изъ офицеровъ великой арміи [29]).

Въ это время, когда войска Наполеона отъ с. Горокъ поворачивали къ селу Ѳоминскому, со старой Калужской дороги на новую, шелъ дождь,—тотъ дождь, который помѣшалъ Мортье вполнѣ привести въ исполненіе злобный умыселъ его повелителя. Движеніе войскъ было крайне медленно и затруднительно по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ. Къ 11-му Октября едва передовыя части достигли Боровска, а авангардъ вице-короля подвигался къ Малоярославцу. Если бы въ этомъ городѣ, также какъ въ Боровскѣ, Русскія войска не успѣли преградить пути Наполеону, то конечно онъ успѣлъ бы занять Калугу; а затѣмъ свободно располагать своими движеніями, какъ онъ предполагалъ. Но это была бы счастливая случайность, которая, по его собственнымъ военнымъ правиламъ, можетъ входить въ военныя соображенія на одну треть, тогда какъ двѣ трети должны быть основаны на точномъ расчетѣ. Могъ ли онъ расчитывать на одной случайности свои соображенія?

Онъ и не расчитывалъ. Заботы его объ очищеніи Смоленской дороги на Можайскъ начались ранѣе выступленія изъ Москвы. Когда для многихъ цѣль уже казалась достижимою. Въ Боровскѣ Наполеонъ говорилъ вице-королю, что весьма возможно, что придется отступать на Вязьму и Смоленскъ. Туже самую мысль онъ выразилъ въ письмѣ къ герцогу Бассано, хотя и подробно описывалъ, какъ онъ займетъ зимнія квартиры въ четыреугольникѣ между Смоленскомъ, Могилевомъ, Витебскомъ и Минскомъ, и съ открытіемъ весны начнетъ снова военныя дѣйствія на Петербургъ или Кіевъ. Но этими описаніями поручалось ему воспользоваться въ дипломатической перепискѣ съ Европейскими державами; а для личнаго его свѣдѣнія Наполеонъ писалъ: „Впрочемъ въ этого рода дѣйствіяхъ то, что̀ можетъ случиться на дѣлѣ, не всегда соотвѣтствуетъ тому, что́ было предположено“ [30]). Попытаться обойти князя Кутузова, полагаясь исключительно на счастливую случайность, онъ рѣшился только потому, что отступленіе по опустошенной дорогѣ, черезъ Можайскъ и Вязьму на Смоленскъ, ужасало всѣхъ его военачальниковъ; да и самъ онъ конечно не могъ не предвидѣть необоримыхъ затрудненій на этомъ пути. Но онъ готовился на эту крайнюю мѣру, чтобы только избѣжать сраженія. Октября 12 (24), главная квартира Наполеона оставила Боровскъ рано утромъ. Пройдя нѣсколько верстъ, замѣтили въ сторонѣ казачій пикетъ изъ 10 или 12 человѣкъ.

---

[28]) Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 52—54; Chev. d'Ysarn, relation, стр. 46; B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 147—150.

[29]) Отвѣты майора Шмидта на вопросы графа Ростопчина, отв. 46. Русск. Архивъ 1864 г. стр. 824; Fezensac, Souvenirs milit., стр. 276.

[30]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 155—157.

На нихъ напали и взяли двухъ въ плѣнъ. Въ то время, какъ ихъ допрашивали, Наполеонъ завтракалъ въ полѣ съ Мюратомъ, Бертье и генераломъ Ларибуассьеромъ. Вдругъ послышалась канонада со стороны авангарда. Оставивъ завтракъ, Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ по тому направленію [31]). Ему надо было спѣшить: началось сраженіе подъ Малоярославцемъ, окончательно указавшее, по какому пути должна была отступать великая армія.

Александръ Поповъ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ПИСЬМА, АНЕКДОТЫ, СТИХОТВОРЕНІЯ [1]).

44.

Одинъ Московскій купецъ, имя котораго мнѣ неизвѣстно [2]), имѣлъ въ Москвѣ собственной свой домъ. Почтенный старецъ, въ тотъ самый день, въ которой разнеслась молва о приближеніи непріятеля къ столицѣ и, слѣдовательно, объ опасности оставаться въ ней, выпроводилъ многочисленное свое семейство за заставу, а самъ воротился, чтобы взять нѣкоторую забытую имъ вещь. Онъ имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячь денегъ, и не думалъ пробыть долго. Между тѣмъ, какъ онъ старался тамъ и сямъ отыскать нужную ему вещь, непріятельскій авангардъ, вступя въ столицу, очутился уже и на той улицѣ, на которой имѣлъ онъ домъ. Зная безчеловѣчіе Французовъ, употребляющихъ обыкновенно жестокія насилія при малѣйшемъ имъ сопротивленіи, онъ рѣшился остаться въ своемъ домѣ, препоручивъ себя въ покровительство Бога и святыхъ Его угодниковъ. Твердая его вѣра не токмо сохранила его отъ лютости враговъ, но и доставила ему утѣшеніе—спасти двухъ невинныхъ отъ предстоящей имъ бѣды.

Въ домѣ, не весьма просторномъ, сего почтеннаго старца, отведена была квартира одному непріятельскому офицеру. Хозяинъ, не смотря на сильное отвращеніе свое къ злодѣямъ, при первомъ взглядѣ на постояльца, почувствовалъ къ нему, вмѣсто ненависти, какое-то уваженіе и не могъ понять, отъ чего это случилось. Офицеръ, съ своей стороны, тоже обнаруживалъ наклонность свою къ дружеству. Вскорѣ они и въ самомъ дѣлѣ открылись другъ другу въ своихъ чувствахъ. Съ тѣхъ поръ, быть часто вмѣстѣ сдѣлалось для нихъ необходимостію. Имъ сладко было, сидя самъ-другъ въ четырехъ стѣнахъ, дѣлить свое горе и оплакивать участь подобныхъ себѣ человѣковъ. Имъ обоимъ извѣстно было все, что̀ таилось у каждаго изъ нихъ на сердцѣ. Вы вѣрно или удивляетесь, или и совсѣмъ не вѣрите моимъ словамъ? Но это сущая правда.

---

[31]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 243.

[1]) См. выше, стр. 302.

[2]) Разсказавшій мнѣ сей достовѣрный анекдотъ, къ сожалѣнію, забылъ имя и фамилію сего почтеннаго человѣка.

Однажды офицеръ, вошедъ къ хозяину, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, просилъ ссудить его заимообразно на самое короткое время нѣкоторою суммою денегъ. Не говоря ни слова, для чего ему такъ нужны деньги, увѣрялъ только, что имѣетъ въ своемъ обозѣ довольно золота, чтобы оплатить сей долгъ. Отказать ему въ его просьбѣ, вы сами согласитесь, никакъ было невозможно; ибо онъ могъ, отложа учтивости, отобрать у старца всѣ деньги насильственнымъ образомъ. Но мы не должны думать такъ низко о семъ офицерѣ, который кажется человѣкомъ съ честными правилами и съ совѣстію. При всемъ томъ проходятъ три дни, а заимодавецъ не удовлетворенъ еще. На четвертый является офицеръ и дѣлаетъ совсѣмъ неожиданное предложеніе,—какъ бы вы думали!—бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы. Мы очень рады такому предложенію, но тутъ потребна великая осторожность, чтобы не попасться въ когти хищныхъ Французовъ. „И! дѣло сдѣлаемъ", отвѣчалъ офицеръ. „Я имѣю, продолжалъ онъ, съ полсотни приверженныхъ ко мнѣ солдатъ, которые меня не оставятъ и не выдадутъ. Смотри же. Ужо ввечеру я пришлю къ тебѣ на дворъ свою фуру, а въ ночь мы должны быть на свободѣ". Фура привезена въ свое время. Старецъ ожидаетъ лишь прибытія самого офицера. Чрезъ полчаса онъ прибѣгаетъ и, озираясь во всѣ стороны, произноситъ съ робостію: „Ну братъ! пропали мы. Наше намѣреніе открылось. Спасайся бѣгствомъ, коли не хочешь быть разстрѣлянъ. Говорить теперь съ тобою болѣе не могу. Прощай!" и ускользнулъ со двора.

Почтенный старецъ долженъ былъ, хотя и съ опасностію своей жизни, послѣдовать благоразумному его совѣту. Благодареніе судьбамъ, онъ, никѣмъ невидимый, благополучно выбрался на свѣжій воздухъ. На другой день, будучи уже верстъ за сорокъ отъ Москвы, видитъ на полѣ толпу крестьянъ. Любопытство заставило его подойти къ нимъ. Спрашиваетъ: что̀ тутъ такое? Бездѣлица. Крестьяне поймали двухъ бусурмановъ и готовы были подчивать ихъ за ихъ ласки, какъ водится, не хлѣбомъ и солью, а напередъ дубьемъ. Старецъ всматривается прилежнѣе въ лица Французовъ, и что же? въ одномъ изъ нихъ узнаетъ своего бывшаго постояльца. Слезы навернулись на глазахъ его. Продравшись сквозь толпу, онъ бросается къ нему въ объятія и крѣпко прижимаетъ его къ своему сердцу. Разсказавъ свою исторію крестьянамъ и увѣря ихъ, что это не Французъ, а честный Испанецъ, освободилъ какъ его, такъ и другаго бывшаго съ нимъ Испанца отъ побоевъ, которые легко могли бы причинить имъ и смерть.

45.

Во время пребыванія Наполеона въ Дрезденѣ, предъ начатіемъ прошлогодней кампаніи, король Саксонскій въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ, что предстоящая кампанія будетъ стоить множества людей. „Вѣроятно, отвѣчалъ деспотъ, но я могу ежемѣсячно *тратить* (dépenser) двадцать пять тысячъ человѣкъ!" Ужасный отвѣтъ государю, извѣстному своимъ человѣколюбіемъ, который видѣлъ себя въ необходимости предать множество своихъ подданныхъ сей адской *трать*.

46.

Положеніе Москвы послѣ непріятеля.

(Писано въ Февралѣ 1813):

По желанію вашему, л. д. увѣдомляю васъ, что матушка наша Москва потерпѣла отъ нашествія Французовъ неменьше, какъ Лиссабонъ нѣкогда отъ землетрясенія. Теперь она представляетъ обширное пожарище, на коемъ торчатъ однѣ печныя трубы, куча камней, развалинъ и глыбъ зем-

ли, обрушенной взрывами, и сіе зрѣлище приводитъ каждаго въ содроганіе. Теперь уже неможно сказать сынамъ сей *древней колыбели и гробницы Русскаго дворянства*, съ любезнымъ ея стихотворцомъ:

Что̀ матушки Москвы и краше и милѣе!

Теперь всякой скажетъ: что̀ матушки Москвы печальнѣе, унылѣе, огорченнѣе? Что̀ можетъ сравниться съ ея раззореніемъ? какую замѣну можно сдѣлать ея потерямъ? кто возвратитъ ей сіи гордыя башни, омытыя кровію нашихъ предковъ? кто гробы праотцевъ нашихъ, кто благолѣпные храмы наши приведетъ въ первобытную ихъ цѣлость? Все погибло невозвратно. Произведеніе *мира* и *обилія*, ненарушаемое 200 лѣтъ сряду, погибло въ одинъ мѣсяцъ! Все пало отъ меча и огня новыхъ Готѳовъ, новыхъ Татаръ! Но и Татары (въ 1240 г.) въ мрачныя времена, кои привыкли мы низывать *непросвѣщенными*, народы кочующіе и почти дикіе, не поступали такимъ образомъ въ Кіевѣ и во Владимірѣ. Одни Французы превзошли неистовствомъ самихъ Американцовъ, Антропофаговъ и дозволили себѣ все то, до чего только можетъ довести необузданность подлой черни, когда она, неся въ рукѣ мечъ или дубину, напьется по горло и не помнитъ ни Бога, ни Государя, ни чести, ни нравовъ, ни правъ народныхъ; когда сволочь сія уподобится, такъ сказать, скотамъ, валяющимся въ тинѣ и находящимъ роскошь свою въ мерзости, сладость въ гнусности, удовольствіе въ неистовствѣ! Но станемъ говорить безъ разсужденій; ибо нѣтъ мѣста разсужденію при видѣ толикихъ беззаконій, бѣшенства, наглости, буйства. Перо обливается кровью, всякій разъ, когда примешься описывать сіи бѣдствія.... Но.... не будемъ тужить! Съ нами случилось по словамъ пророка: „отъ лица гнѣва Твоего, Боже, мы растаяли какъ воскъ; вспяты были и пали; нынѣ же возстали и исправились; „слава силѣ твоей, Господи!“ Мы несчастіемъ своимъ пріобрѣли общее благополучіе; мы въ развалинахъ Москвы погребли кости враговъ нашихъ; огнемъ ея пожаровъ истнились нечестивые трупы ихъ; мы были поруганы, но мы одержали верхъ; мы пожертвовали миліонами столицы беззащитной, и на поляхъ славы, тамъ, гдѣ грабители могли защищаться, мы гнали ихъ, какъ стадо скотовъ, гнали безчестно отъ воротъ Москвы, чрезъ тысячу верстъ, й усѣяли поля наши ихъ трупами! Ангелъ-отмститель пламенникомъ своимъ погонялъ въ тылъ нечестивое войско новаго Сеннахериба и остатки его посѣкъ на брегахъ Нѣмана! Слава великому *Спасу*, коему созидается храмъ въ душахъ нашихъ и на пепелищѣ матушки Москвы. Слава юному Александру, преоборовшему стараго, посѣдѣвшаго въ козняхъ; слава Русскому храброму воинству и вождю его! Богъ возвеличилъ ихъ надъ всѣми и удивилъ вселенную. Неслыханно еще, чтобъ какой нибудь полководецъ,—естьлибъ онъ былъ и прямой Донъ-Кишотъ—потерялъ сто тысячь войска въ шесть мѣсяцовъ, для того только, чтобъ имѣть пустую славу—взять Москву; но Бонапартъ, который былъ идолъ Европы и чудо военнаго искусства, для сего только погубилъ болѣе полу-миліона храбрыхъ сыновъ Европы. Никогда не была кампанія глупѣе сей кончена; никто не упалъ свысока такъ низко; ни самъ Дарій, который гналъ Персовъ стадами, какъ овецъ на убой, не сдѣлалъ такихъ ребяческихъ ошибокъ. Что̀ дѣлалъ Бонапартъ 40 дней въ Москвѣ? чего ожидалъ? на что надѣялся? чѣмъ занимался? Точно на него нашелъ нашъ Русской *столбнякъ*, послѣ такого *тумака* (извините выраженіе!), какой получилъ онъ при Бородинѣ! Говорятъ, когда льва поймаютъ въ яму, въ ту первую минуту смятенія его можно надѣть на него нарыльникъ и вести хоть за ниточку; такъ и съ Бонапартомъ; но я не хочу равнять его, сего изверга рода человѣческаго, съ великодушнымъ

царемъ звѣрей. Я поговорю съ вами о сихъ 40 дняхъ послѣ; теперь обратимся къ настоящему предмету.

Кремль, послѣ бѣгства изъ Москвы Французовъ, которые подорвали его, былъ запертъ для входа, и во все время, кромѣ гауптвахты, никто не входилъ туда. Но теперь уже пускаютъ, и я третьяго дня былъ въ ономъ. Какая печальная картина! Колокольня *Ивана Великаго*, или лучше сказать, пристройка къ высокой башнѣ, на коей висѣли самые большіе колокола и подъ коею находилась насупротивъ Грановитой Палаты гауптвахта, вся взорвана на воздухъ и представляетъ печальный остатокъ разрушенія. Башня хотя и устояла, но повреждена, почему необходимо нужно и ее сломать. *Арсеналъ* отъ самыхъ *Никольскихъ воротъ* и до половины собственно своихъ, съ угольною башнею, что къ *Тверской* и съ частію *Никольской башни*, также подорванъ, причемъ вся желѣзная крыша арсенала до самихъ *Троицкихъ воротъ* сорвана; а пушки, стоявшія вокругъ онаго, и въ томъ числѣ большая у самихъ воротъ его, по причинѣ тяжести своей, остались на мѣстахъ. Отъ *Никольскихъ воротъ* и до арсенальныхъ, все завалено взрывомъ. *Кремлевская стѣна*, отъ Москворѣцкаго моста, вдоль по набережной, взорвана въ трехъ мѣстахъ, отъ чего и желѣзная рѣшетка набережной сбита въ рѣку; угольная же башня къ Каменному мосту, такъ называемая *водовзводная*, взорвана совершенно и большею частію обрушилась въ рѣку. Прочія Кремлевскія башни и стѣны цѣлы. Всего удивительнѣе, что при взрывѣ колокольни Ивана Великаго, всѣ соборы, которые довольно близко стоятъ, нимало не повредились, выключая оконъ, изъ коихъ, отъ сильнаго потрясенія, даже и за *Кузнецкимъ мостомъ* не осталось ни одного цѣлаго. *Грановитая Палата* и дворецъ, гдѣ жилъ Бонапартъ, сожжены; архіерейской же домъ и прочее все цѣло. *Университетъ*, *его пансіонъ*, *прекрасной Пашкова домъ* съ фонтанами, *Апраксина* и прочіе знатнѣйшіе домы, *театръ*, *домъ Благороднаго Собранія*, *Англійскій клубъ*, и проч. всѣ сожжены. Изъ Кремля увезено было Французами, вмѣсто трофеевъ: *крестъ* съ Ивана Великаго, вышиною въ три сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами, который прошлаго года, вмѣстѣ съ главою, былъ вновь позолоченъ и стоилъ 60,000 рублей; *стоявшій на Сенатскомъ куполѣ мѣдный конь*, изображающій Московскій гербъ и такой же *двуглавый орелъ*, снятый съ башни виннаго двора. Все сіе отбито; но гдѣ теперь находится, не знаю, равно и того— что происходило въ соборахъ, когда сіи неистовые отверзли врата ихъ: это тайна, которой здѣсь никто не знаетъ, да и они до сихъ поръ закрыты. Знаю только, что какъ всѣ сокровища царскія, подъ названіемъ *Оружейной Палаты*, такъ равно и вся *соборная ризница* съ богатѣйшими иконами Богоматери *Владимірскія*, *Иверскія* и прочими, были вывезены заблаговременно; ризница же привезена изъ Вологды на 120 подводахъ, что я самъ своими глазами видѣлъ. *Сохранная казна* Воспитательнаго Дома, простирающаяся до 30 милліоновъ руб., также подъ прикрытіемъ караула, была отправлена заблаговременно, равно и прочія присутственныя мѣста съ ихъ денежными суммами: слѣдственно, жадные грабители не поживились, какъ полагали. Воспитательной Домъ цѣлъ и служилъ убѣжищемъ болѣе 6 тысячь несчастныхъ, кромѣ собственно своихъ; однако и его большіе возрасты мальчиковъ и дѣвицъ, равно и всѣ институтскія дѣвицы, вывезены благополучно. Всѣ вообще монастыри и церкви разграблены и даже сожжены; да и въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домахъ ничего не осталось неповрежденнаго. Говорятъ, что Бонапартъ, предъ выходомъ своимъ, велѣлъ не только взорвать весь Кремль и сжечь остальные дома, но и всѣхъ жителей перерѣзать до послѣдняго, что самое даже Французскіе офицеры, изъ сожалѣнія къ обывателямъ, изъясняли слова-

ми, пантоминами и даже записками; однако, когда они стѣснены были со всѣхъ сторонъ и сами, то за поспѣшностію не успѣли совершить сего послѣдняго варварства. Въ прочемъ остервенѣніе сихъ людей противъ подобныхъ себѣ до того простиралось, что они, отрѣзавъ у двухъ человѣкъ головы, прикладывали ихъ попеременно съ одного туловища на другое и тѣмъ забавлялись. Старухъ 60 лѣтнихъ и 10 лѣтнихъ дѣвочекъ они хватали безъ разбору. Когда Французъ встрѣчалъ на улицѣ женщину, то остановивъ ее, подымалъ платье на голову и обыскивалъ. Буде находилъ зашитыя въ сорочкѣ деньги, или крестъ серебряной на шеѣ, серьги, кольца на рукахъ: то все исправно обиралъ или, остановя и схватя за пазуху женщину и разодравъ сверху до низу платье и рубаху, тоже дѣлалъ; шубы, салопы и капоты снимали безъ разбору, нимало не заботясь о наготѣ несчастныхъ, безъ одежды и безъ куска хлѣба скитавшихся толпами по разграбленному и въ конецъ разоренному городу. Прибавьте къ сей картинѣ еще и то, что весь сей бѣснующійся народъ представлялъ изъ себя пречудный маскерадъ: здѣсь встрѣчался усатой гренадеръ въ священническихъ ризахъ и въ треугольной шляпѣ; тамъ въ женскомъ салопѣ и съ эпитрахилемъ на шеѣ; здѣсь въ женской мантиліи, въ шароварахъ и съ каскою; тамъ въ бѣломъ плащѣ и съ алымъ кокошникомъ на головѣ; вотъ еще въ діяконскомъ стихарѣ; тутъ верхомъ въ монашеской рясѣ съ краснымъ перомъ на шляпѣ; здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ, завязанныхъ около шеи; и однимъ словомъ— Французы *арлекинствовали* отъ избытка сердца своего и ругались всѣмъ на свѣтѣ. Представьте при сей пестротѣ наряда разбросанныя по улицамъ убитыя и обгорѣвшія человѣческія тѣла и мертвые лошадиные трупы; присоедините къ тому бѣгающихъ, нагихъ женщинъ, вопль и сѣтованіе, ненастную погоду, неимѣніе пристанища и голодъ: то все еще картина будетъ недостаточною! Надобно прибавить, сколько при всемъ этомъ варварствѣ народъ Французской показывалъ легкомыслія. Вотъ они грабятъ, жгутъ, убиваютъ, отягощаютъ ношами захваченныхъ ими въ плѣнъ гражданъ, глупѣйшимъ образомъ наряжаются, и въ то самое время, когда городъ со всѣхъ сторонъ объятъ пламенемъ, даютъ на театрѣ г-на Познякова Французскую комедію, и всѣ опрометью бѣгутъ наслаждаться театральнымъ зрѣлищемъ, иные пѣшкомъ, другіе верхами на лошадяхъ! Этого мало: собираютъ церковныя свѣчи, иллюминуютъ домы и даютъ балы; вальсируютъ безъ памяти другъ съ другомъ и наконецъ пристаютъ къ нѣкоторымъ изъ нашихъ и спрашиваютъ: Où sont vos barines? гдѣ ваши барыни? Où sont vos demoiselles? гдѣ ваши дѣвицы? и сожалѣютъ, что нѣтъ женщинъ, съ кѣмъ бы имъ можно было хорошенько поплясать.—Касательно грабежа, утонченіе Французовъ въ семъ родѣ достигло до высокой степени. Не осталось такой пытки, которой бы они не употребили, чтобы допросить, гдѣ чье имѣніе зарыто и запрятано; вездѣ рубили и копали! Ежели проносили въ гробѣ мертвое тѣло для погребенія, то останавливали и осматривали оное; даже самыя могилы разрывали въ чаяніи найти сокровища. Но и въ семъ случаѣ, одинъ анекдотъ показываетъ превосходство Англійскаго твердаго ума надъ Французскимъ легкомысленнымъ. Одинъ живущій въ Москвѣ Англичанинъ, по долгомъ размышленіи, не зналъ, какъ спасти свое имущество. Уже во время нашествія Французовъ, онъ вырылъ глубокую яму, опустилъ на дно свои сундуки и засыпалъ землею; потомъ, оставя пустаго мѣста до поверхности на два аршина, положилъ туда мертваго Французскаго солдата. Французы, примѣтивъ, что на семъ мѣстѣ запрятано имущество, начали отрывать и, увидя тотчасъ по вскрытіи земли своего мертваго собрата, оставили работу, думая, что тутъ кромѣ мертваго ничего болѣе не было.

Такимъ образомъ Англичанинъ спасъ свое имѣніе.—Извѣстно, что Французы заняли Москву 2 Сентября и были тамъ по 11 Октября. Сіе время можно назвать глубокою осенью. Когда городъ былъ превращенъ въ пепелъ пожаромъ и, слѣдовательно, по утушеніи его не освѣщенъ фонарями, то въ осеннія, глубокія и темныя ночи, жители Москвы убивали Французовъ великое множество: кидали ихъ въ колодези, подвалы, погребы, пруды и другія мѣста. Сіе доказывается и тѣмъ, что дѣйствительно во всѣхъ церквахъ Французы дѣлали, даже подъ самыя высокія окны, нары на подмосткахъ и, взобравшись на оныя, сидѣли по цѣлымъ ночамъ при огнѣ, не смѣя показаться на улицу. Отъ сего произошла скрытная война, такъ что Французовъ били наши по ночамъ; а днемъ либо прятались въ подземелья, либо были убиваемы въ свою очередь Французами. Только говорятъ, что Бонапартъ не досчитался въ Москвѣ болѣе 20 тысячь человѣкъ. Теперь правительство принимаетъ въ семъ случаѣ дѣятельныя мѣры; уже сожжены, говорятъ, почти всѣ мертвыя тѣла, и не можно опасаться дурныхъ послѣдствій. Повторяю: Москва не представляетъ уже первобытнаго своего блеску. Нѣтъ экипажей, нѣтъ дворянства. Монументъ Екатерины при пожарѣ упалъ, но сохраненъ въ кладовой; въ дверяхъ же славнаго нашего Благороднаго Собранія, перваго клуба въ Россіи, теперь сдѣлана лавочка, гдѣ продаются лапти, кульки, веревки и прочее.... Охотный рядъ есть базаръ изъ возовъ; на *Красной площади*, по обѣимъ сторонамъ, построены въ два ряда деревянныя лавочки, на подобіе бывшихъ хлѣбныхъ и табачныхъ. Суконныхъ товаровъ, также посуды, сахару, чаю и прочаго еще мало, но мѣняльщиковъ серебра и серебряныхъ денегъ очень много. Причина сему та, что всякой купецъ изъ серебрянаго ряду могъ въ одномъ мѣшкѣ унести все съ собою; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Фабрикъ цѣлыхъ осталось мало; однако *Чороковыхъ* уже дѣйствуетъ.

47.

При вторженіи Французовъ въ предѣлы Россіи Владимірское дворянство, по примѣру всѣхъ соотчичей, собралось въ губернскій городъ для составленія временнаго ополченія. Въ числѣ дворянъ Переяславской округи явился отставной гвардіи прапорщикъ *Н. И. Барыковъ*, шестидесяти трехъ лѣтъ, украшенный почтенною сѣдиною, съ сыномъ своимъ подполковникомъ *А. Н.*, служившимъ недавно въ учебныхъ гренадерскихъ батальонахъ маіоромъ и уволеннымъ отъ службы за болѣзнію. Не смотря на мучащіе его жестокіе ревматизмы, принялъ онъ на себя должность батальоннаго командира; почтеннаго же отца его все дворянство единогласно освободило отъ тягостей службы, лѣтамъ его не соотвѣтствующей. Онъ выслушалъ такое уважительное опредѣленіе. Вдругъ любовь къ Отечеству воспламенила сердце и лице его. „Какъ!“ сказалъ онъ наконецъ: „развѣ я не дворянинъ! Естьли не могу по лѣтамъ моимъ снести службы фрунтовой, то поручите мнѣ должность квартермистра. Честность моя вамъ извѣстна. Довѣрьте мнѣ сіе: я вмѣстѣ съ другими хочу доказать неистовому врагу, что и старцы ополчаются на защиту любезнаго Отечества!“ Всѣ присутствующіе, удивляясь духу старика, поручили ему должность, которой онъ просилъ. Онъ отправляетъ ее понынѣ въ батальонѣ, состоящемъ подъ командою сына его, показывая собою примѣръ послушанія начальству и подчиненности сотоварищамъ своимъ, молодымъ офицерамъ. Почтенный старецъ не хочетъ никакъ вѣрить великодушію своего поступка и утверждаетъ, что сдѣлалъ единственно то, чему его научили сердце и привязанность къ Отечеству. Сверхъ того должно замѣтить, что онъ имѣетъ состояніе самое посредственное и обремененъ семействомъ, требующимъ отъ хозяйства его своего содержанія.

48.

Крестьяне подмосковной деревни *Планковой*, при набѣгахъ Французовъ на окрестную сторону, забрали все свое имущество и удалились съ нимъ въ лѣсъ. Тамъ пробыли они около недѣли; наконецъ соскучилось имъ сидѣть въ глуши, и они рѣшились освѣдомиться, что̀ происходитъ въ ихъ деревнѣ. Эту коммисію препоручили они одному восьмидесятилѣтнему старику, съ примѣчаніемъ: „тебѣ, дѣдушка, и такъ не долго жить; убьютъ тебя злодѣи, не великая бѣда!“ Старикъ приблизился къ деревнѣ, увидѣлъ, что въ ней Французы и кинулся назадъ въ лѣсъ; но они его примѣтили, схватили, привели въ избу и начали допрашивать. Старикъ отговарился тѣмъ, что не понимаетъ ихъ. Они немедленно привели переводчика, Поляка, который сталъ распрашивать: „гдѣ крестьяне, куда дѣвали они пожитки свои?“ и т. п. Въ этой крайности старикъ рѣшился притвориться глухимъ. На всѣ вопросы Поляка отвѣчалъ онъ: „я крѣпокъ на ухо, не слышу, батюшка! изволь сказать погромче! ась? не слышу!“ Полякъ кричалъ, что̀ есть мочи; старикъ просилъ, чтобъ онъ говорилъ громче, указывая на ухо. Начали его бить, таскать по полу; онъ не переставалъ кричать со слезами: „Воля ваша, господа! не слышу! говорите громче!“ Наконецъ поставили его въ уголъ и стали колоть въ грудь штыкомъ. Старикъ пребылъ твердъ; ожидая смерти, крестился и молилъ Бога, да пріиметъ душу его; а непріятелей увѣрялъ, что никакъ не слышитъ ихъ. Наконецъ они ему повѣрили и, наплевавъ ему въ лицо, вытолкали изъ избы и изъ деревни. Старикъ дотащился большимъ крюкомъ до лѣсу и весьма хладнокровно сказалъ крестьянамъ: „не ходите въ деревню! тамъ злодѣи-Французы!“ — Теперь онъ выздоровѣлъ отъ ранъ своихъ, но на всемъ тѣлѣ, особливо на груди его, колотой штыкомъ, остались знаки его геройской твердости. Крестьяне показываютъ сего почтеннаго старца всѣмъ проѣзжимъ, называя его своимъ отцемъ и благодѣтелемъ.

49.

При вторженіи Французовъ въ городъ Вязьму, семнадцать человѣкъ Фр. мародеровъ вошли въ *Николы-Погорольво.* Дворовой человѣкъ господина Б., помѣщика того села, увидѣвъ приближающихся непріятелей, тотчасъ о томъ извѣстилъ находившихся тутъ женщинъ; нѣкоторымъ велѣлъ спрятаться, а другихъ послалъ собирать людей; самъ же, взявъ ружье, засѣлъ во рву въ небольшой рощѣ при самой дорогѣ, гдѣ имъ надлежало проходить; а другаго человѣка поставилъ наискось, на противной сторонѣ, за угломъ оранжереи. Едва Французы съ нимъ поровнялись, онъ выстрѣлилъ и ранилъ двухъ: Фр. смѣшались отъ неожиданнаго пріема, и въ тоже время другой человѣкъ, не давъ имъ опомниться, также выстрѣлилъ и ранилъ одного. Съ симъ выстрѣломъ выскочили оба изъ-за своихъ засадъ и закричали на нихъ: пардонъ! Французы такъ испугались, что кинули ружья, сбросили съ себя всю тяжесть и пустились бѣжать; но храбрецы наши догнали ихъ, и при помощи подоспѣвшихъ къ тому времени крестьянъ, всѣхъ ихъ переловили. Спасенныя ими женщины собрали по возможности своей нѣсколько денегъ и предложили оныя имъ въ награду, но они ихъ не приняли, говоря: „Мы не за деньги исполняемъ долгъ свой: возьмите вилы, косы и, если покажутся Французы, послѣдуйте намъ—вотъ вся награда!“

50.

Помѣщичьи оброчные крестьяне Нижегородской губерніи, узнавъ, что баринъ ихъ (А. И. Д....ъ) принужденъ удалиться въ Нижній-Новгородъ

съ больною своею женою, чтобъ не попасться въ руки неистовыхъ Французовъ и услышавъ при томъ, что онъ въ семъ городѣ не имѣетъ пристанища, рѣшились сами отъ себя сторговать порядочной домъ и, купивъ оный за 3000 рублей на собственныя свои деньги, предложили помѣщику своему остановиться въ ономъ домѣ съ его семьею. По прогнаніи Французовъ, больная жена сего помѣщика, желая возвратиться въ Москву, не смѣла отправиться въ дорогу безъ того врача, который ее пользовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, и который сею поѣздкою лишился бы получаемаго имъ дохода отъ вольной практики. Крестьне, узнавъ о семъ и будучи свѣдомы о недостаточномъ въ то время положеніи помѣщика ихъ, явились къ г. М....у, предложили ему довольно значительную цѣну и 12 лошадей подъ его экипажъ и семейство, и убѣдили его ѣхать съ помѣщицею ихъ, говоря ему слѣдующее: „Не оставь батюшка „матери нашей въ такомъ болѣзненномъ положеніи. На тебя наша вся „надежда". Когда же пришло время къ отъѣзду, то помѣщикъ, стараясь не обременять сихъ примѣрныхъ крестьянъ излишними поборами, назначилъ съ нихъ для подъема его семьи и цѣлаго дома какъ можно менѣе лошадей. Но крестьяне, исчисливъ, что ему необходимо нужно будетъ 40 подводъ, поставили оныя, и довезли такимъ образомъ помѣщика и жену его безмездно въ Москву. Здѣсь крестьяне начали новый уже споръ съ помѣщикомъ. Не думайте однакожъ, чтобъ этотъ споръ состоялъ въ тяжбѣ противъ господина, какъ то бываетъ въ *просвѣщенныхъ* земляхъ. Нѣтъ! совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, а вотъ въ чемъ. Помѣщикъ, полагая цѣны, которыя должно бы было заплатить вольно-наемнымъ извощикамъ, насчиталъ отъ Нижняго до Москвы на 40 конныхъ подводахъ до 2200 рублей; но крестьяне не только не взяли сихъ денегъ, но и объявили помѣщику, что они было приготовились поклониться ему 20 тысячами рублей, на обзаведеніе его дома послѣ Московскаго разоренія; но какъ съ нихъ скоро очень потребовали казенныя подати и другія повинности, то они принуждены были означенныя деньги употребить на сіи предметы, примолвивъ къ сему слѣдующее: „небось, батюшка-кормилецъ, мы скоро-де другія соберемъ и ими тебѣ челомъ ударимъ!" Таковой поступокъ дѣлаетъ честь крестьянамъ и помѣщику, и сей послѣдній неиначе о томъ разсказываетъ какъ со слезами истинной благодарности и искреннимъ чувствомъ дружбы къ столь почтеннымъ и великодушнымъ крестьянамъ. Благочестивый Русскій человѣкъ, въ простотѣ сердца своего, слушая истинную сію, а не выдуманную повѣсть, скажетъ: вотъ плоды родительскаго семейнаго правленія! Просвѣщенный Европеецъ отнесетъ поступокъ сей къ невѣжеству, глупости и рабству нашего народа. Спрашивается: кто изъ нихъ правъ?

51.

По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, сожжено въ губерніяхъ *Московской, Витебской и Могилевской* 253,000 непріятельскихъ тѣлъ. Въ одномъ же городѣ Вильнѣ и окрестностяхъ его на двѣ версты 53,000.

52.

Московскій первой гильдіи купецъ *Иванъ Семеновичъ Живовъ* производилъ торговлю на многіе милліоны не только въ обѣихъ столицахъ, но и по всей имперіи Россійской. При обширныхъ занятіяхъ своихъ извѣстенъ онъ былъ всѣмъ своею честностію, праводушіемъ и благотворительностію къ ближнимъ. По твердости духа, которая отличаетъ всѣ его дѣянія, онъ негодовалъ, что многіе изъ подобныхъ ему оставляли матушку-Москву, кормилицу свою, въ то еще время, когда не было никакой

опасности, и рѣшился пробыть въ ней до послѣдней возможности. Гроза вдругъ разразилась надъ столицею. Ж. употреблялъ всѣ средства для спасенія части своего имѣнія. Тщетно! Онъ никакъ не могъ вывезти своего товара и имущества, которые цѣною составляли до 2,192,000 рублей и расположены были въ тринадцати кладовыхъ. Семейство свое отправилъ онъ въ Касимовъ, а самъ остался въ Москвѣ, ожидая, не представится ли ему удобный случай къ спасенію достоянія своего и не желая покинуть отечественнаго града прежде самой крайней опасности. Вдругъ раздается вопль: „Французы! Французы!" Ж. съ сердцемъ, преисполненнымъ горести, поспѣшилъ въ гостиной дворъ, въ палатку свою, гдѣ производилъ всѣ дѣла, въ намѣреніи замкнуть ее и запечатать, вынувъ изъ оставшихся въ ней документовъ тѣ, которые ему необходимы для проѣзда къ своему семейству и для полученія денегъ съ находившихся на томъ пути кредиторовъ своихъ. Безпрестанно раздавался крикъ: Французы! Ж. отомкнулъ ящикъ, въ которомъ лежали бумаги, но отъ страха и поспѣшности вынималъ не тѣ, которыя ему были надобны. Опасность безпрестанно увеличивалась. Онъ былъ въ недоумѣніи, продолжать ли разборъ документовъ или бѣжать со всѣмъ ящикомъ. Минуты были дороги: онъ не смѣлъ медлить. Хотя должно было опасаться, что на улицѣ его съ ящикомъ остановятъ и ограбятъ, но онъ, взявъ ящикъ подъ мышку и замкнувъ палатку, препоручаетъ себя покрову Всевышняго и спѣшитъ въ домъ свой, пробиваясь сквозь толпу народную. Онъ благополучно дошелъ до своего дома, сѣлъ въ заложенную уже повозку и, поручивъ домъ въ охраненіе двумъ вѣрнымъ служителямъ, перекрестился, поскакалъ къ заставѣ и выѣхалъ изъ города, въ которомъ тридцать лѣтъ пользовался именемъ перваго купца, въ которомъ нынѣ оставилъ все свое имущество—на жертву хищнымъ злодѣямъ.

По прибытіи въ Касимовъ, Ж. помышлялъ, какъ бы узнать, что̀ дѣлается въ Москвѣ, и въ половинѣ Сентября отправилъ туда служителя, препоручивъ ему принести подробное свѣдѣніе объ оставленномъ въ столицѣ имуществѣ. Въ раздранномъ рубищѣ вѣрный слуга входитъ въ Москву и въ домъ своего хозяина, который сбереженъ былъ отъ пожара оставшимися при немъ служителями и занятъ какимъ-то Французскимъ генераломъ. Кладовыя же были всѣ разграблены и сожжены. Разсмотрѣвъ все въ подробности, онъ возвращается къ своему хозяину и доноситъ ему о потерѣ всего достоянія его. Почтенный Ж., выслушавъ посланнаго со вниманіемъ, пожалъ плечми и, обративъ къ небу наполненныя слезъ очи свои, сказалъ: *Боже премилосердый! Дай мнѣ крѣпость! Господь даде, Господь отъятъ: буде имя Господне благословенно во вѣки!*

Когда христолюбивое и побѣдоносное воинство принудило изверговъ бѣжать изъ Москвы, Ж. туда отправился и, прибывъ 17 Октября къ дому своему, находитъ, что онъ совершенно цѣлъ и не хочетъ вѣрить глазамъ своимъ. Въѣзжаетъ на дворъ; оставленные имъ при домѣ служители бросаются съ радостными слезами къ ногамъ его и доносятъ, что спасли домъ отъ сожженія, стараясь всячески угождать незваннымъ гостямъ своимъ, которые сначала берегли домъ для жительства своего, а при выходѣ хотѣли зажечь, но были отъ того удержаны подоспѣвшими къ тому времени козаками. Ж., помѣстившися въ опустошенномъ домѣ своемъ, поспѣшилъ узнать о прочемъ своемъ имѣніи и нашелъ, что посланный сказалъ ему всю правду. Все его имѣніе—слишкомъ на два миліона рублей—погибло.

По открытіи сообщенія съ другими городами, Ж. извѣстилъ пріѣхавшихъ въ Москву кредиторовъ своихъ словесно, а иногородныхъ письмен-

но, безъ всякаго съ ихъ стороны требованія, что онъ лишился всего собственнаго имѣнія своего, а кредиторское цѣло потому, что ему удалось спасти всѣ свои документы; что онъ, дорожа своею честію, заплатитъ имъ все сполна и проситъ ихъ только взять терпѣніе на самое короткое время. Что̀ обѣщалъ, то и исполняетъ. По Январь мѣсяцъ успѣлъ онъ заплатить заимодавцамъ своимъ до 250,000 рублей и понынѣ продолжаетъ удовлетворять ихъ всѣми силами *). Кредиторы не столько заботятся о полученіи съ него денегъ, какъ онъ печется о ихъ удовлетвореніи. Онъ подкрѣпилъ симъ многихъ купцовъ, которые, безъ его великодушія, совершенно бы разстроились; побудилъ своимъ примѣромъ многихъ къ подобному намѣренію и, можно сказать, что безъ сего благороднаго поступка И. С. Живова, торговля Московская не открылась бы и понынѣ.

53.

Неподалеку отъ Москвы, наѣхали Французы трехъ стариковъ, которые полдничали близь дороги. Съѣвши по куску хлѣба, старые крестьяне встали и начали креститься на всѣ четыре стороны. Французы, увидѣвъ сіе, почли ихъ козаками, бросились на нихъ, начали бить и потомъ, связавъ руки, отвели въ свой лагерь. Сколько ни старались бѣдные старички разными знаками увѣрять Французовъ, что они не козаки, и что весь Русской народъ вѣруетъ единому Богу и одинаковымъ образомъ исповѣдуетъ Христіянскую вѣру; но можетъ ли гласъ правовѣрнаго быть внятнымъ для богоотступниковъ, осквернившихъ себя несчетными злодѣяніями? Французы думали, что одни только козаки (какъ народъ дикой и варварской, по ихъ мнѣнію) принадлежатъ къ такой *сектѣ*, въ какой люди крестятся и благодарятъ Бога за дарованный имъ хлѣбъ насущный. Такимъ образомъ, приведя трехъ военноплѣнныхъ, представили ихъ своему начальству. Присланъ былъ переводчикъ, который началъ ихъ разспрашивать: кто они такіе? откуда и куда идутъ? Сбылось старое Русское повѣрье, что пожилой человѣкъ ни въ какой бѣдѣ не пропадетъ; наши старички нашлися отвѣчать: они объявили, что идутъ изъ Рязанской губерніи въ Русскую армію смѣнить своихъ сыновей, кои недавно отданы въ рекруты. *Разсудительные и дальновидные* Французскіе офицеры легко сдѣлали самое справедливое и даже глубокомысленное заключеніе, что весьма будетъ для нихъ полезно, когда въ Русской арміи молодые и здоровые рекруты будутъ замѣняемы дряхлыми стариками. И такъ, слѣдуя всегда въ разсчетахъ своихъ самой строгой математической точности, гг. Французы постарались воспользоваться счастливымъ случаемъ уменьшить Русскую армію хоть на полтора человѣка безъ малѣйшаго кровопролитія, почему и снабдили плѣнниковъ своихъ нужными для свободнаго пропуска видами. Такимъ-то образомъ, благодаря *Французской разсудительности*, наши старички, пройдя безъ опасенія чрезъ всю непріятельскую армію, благополучно окончили свое путешествіе.

54.

Въ 9 No Журнала *Сынъ Отечества* сего 1813 года въ статьѣ *о новѣйшемъ положеніи Москвы*, между прочимъ напечатано: „Изъ Кремля увезе„но было Французами, вмѣсто трофеевъ: *крестъ* съ Ивана Великаго, вы„шиною въ 3 сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами, „который прошлаго года вмѣстѣ съ главою былъ вновь позолоченъ и „стоилъ 60,000 руб“.

---

*) Доставившій сіе свѣдѣніе имѣлъ на Живова требованіе въ 100.000 рублей и получилъ уже въ уплату безъ малаго 30.000. Онъ признается, что безъ сего впалъ бы въ крайнее разстройство.

Неизвѣстно, изъ какого источника г. сочинитель почерпнулъ такое свѣдѣніе о крестѣ Ивана Великаго. Ни въ какихъ объявленіяхъ не было сказано, что крестъ оной увезенъ. Можетъ быть, г. сочинитель подумалъ, что подлинно сей крестъ былъ весьма дорогой цѣны; можетъ быть также, и самъ Бонапартъ, повѣривъ подобнымъ разсказамъ, велѣлъ его снять. Напротивъ того, крестъ Ивана Великаго въ 1811 году вновь сдѣланъ былъ изъ *желѣза* и обложенъ *мѣдью*, чрезъ огонь вызолоченною. За крестъ и за яблоко, бывшее подъ нимъ, со всѣми матеріялами заплачено не болѣе 8,000 руб. Яблоко найдено въ Кремлѣ поврежденнымъ, а желѣзо изломаннымъ. Крестъ сей нынѣ находится въ Успенскомъ Соборѣ. Можетъ быть, при очищеніи Кремля равнымъ образомъ найдутся и *стоявшій на Сенатскомъ куполѣ мѣдный конь и двуглавой орелъ* съ башни виннаго двора. Конечно подстрекаемые жадностію Французы все блестящее почитали золотомъ, а гербъ съ виннаго двора знаменитымъ бы послужилъ трофеемъ для побѣдоносной Французской арміи, которая даже и винный дворъ взяла приступомъ!

Что же принадлежитъ до соборовъ, о которыхъ говоритъ г. сочинитель, и называетъ *то тайною, которой здѣсь никто не знаетъ, что̀ происходило въ нихъ*: нынѣ это уже очень извѣстно. И въ соборахъ Французы по обыкновенію своему дѣлали тоже, что̀ прилично однимъ только разбойникамъ. Не пощажены ни престолы, ни св. образа, ни раки св. угодниковъ Божіихъ, кои, по особенному усердію Христіянъ православныхъ и благочестивыхъ, были богато украшены. Но къ удивленію, въ Успенскомъ соборѣ рака, въ которой почиваютъ святыя мощи Іоны, митрополита Московскаго, обитая чеканнымъ серебромъ и позлащенная, осталась невредимою; даже и стоящій передъ оною серебрянный подсвѣчникъ и со свѣчею найденъ на своемъ мѣстѣ, какъ будто злодѣйскія руки скверныхъ извергов человѣчества или не смѣли, или не могли прикоснуться къ сей святынѣ.

Кремлевскій житель [1]).

55.

Серединской станицы козака Ермолая Гаврильевича къ атаману своему Матвѣю Ивановичу [2]).

Отецъ ты нашъ, Матвѣй Ивановичъ! Давно мы отъ тебя, отца, грамотки не видѣли; ужъ не гнѣвенъ ли ты, родимой нашъ? Лишь пронеслась у насъ вѣсть веселая, что побѣдилъ ты, государь, рать-силу невѣрную, что не столько ты ихъ въ полонъ побралъ, сколько нанизалъ ихъ на наши Донскія копья булатныя,—мы старики, государь, отъ того ожили, и Спасу со Пречистою поклонилися, за тебя и за дѣтей имъ помолилися. Даруй, Господи, побѣду царю Русскому, помогай ты его воинству, намъ козакамъ дай потѣшиться въ полѣ чистомъ со злодѣями! Вотъ тебѣ, Матвѣй Ивановичъ, наша теплая молитва; научило ей насъ сердце козацкое.

Государь ты нашъ! Есть у насъ горишко, хоть не горе, а лишь смѣхъ одинъ. Нашъ Макаръ Ѳедорычъ ѣздилъ съ Дона въ ближнюю губернію и привезъ намъ вѣсть, что въ какихъ-то бусурманскихъ бумагахъ писано, что дивится Хранцъ, какъ мы, мужики простые съ бородами и въ кафтанахъ долгополыхъ, завсегда ему ребра пересчитываемъ. А мои, дес-

---

1) Сія статья доставлена чрезъ посредство весьма почтенной духовной особы.

2) Напечатано въ главной квартирѣ Россійской арміи, въ г. Калишѣ, Марта 22 1813 года.

кать, люди умные, изо всѣхъ народовъ самый храбрый и великій; разумѣютъ-де и построить крѣпость и пріодѣться, передъ бабами задать выпляску, и мостъ навести, и въ цѣль стрѣлять. То-то, государь, пословица не даромъ есть: на всякаго мудреца есть много глупости. Съ крѣпостями да съ ихъ плясками недалеко залетятъ они. Мы, отецъ, и простой народъ, а бывали ужъ и въ Турціи, были въ Пруссіи и Персіи, у Цесарца и въ Швейцаріи, а что̀ Польша — у насъ козаковъ на ладоночкѣ! Были мы и въ Тальянской землѣ; мы видали ихъ болвановъ точеныхъ. Не защититъ васъ, окаянные, идолъ пакостный, естьли вы забыли Царя небеснаго! Мы съ бородками и долгополые, а Отцу Богу мы вѣруемъ; отъ Него вѣдь намъ и помощь-то! Какъ ударимъ мы на непріятеля, думаешь, что не ты, Матвѣй Ивановичъ, на борзомъ конѣ впереди летишь, а что самъ насъ Богъ на войну ведетъ.

Ахъ, вы глупые люди, неразумные! Ну чему же вы дивитесь намъ, что деремся мы безъ трусости? Эка притча! Мы деремся вѣдь и за домъ, и дѣтей, за царя и вѣру православную. Вы деретеся за звѣздочку, за золото, да за Бову Королевича. Глянька, Хранцъ, какъ живемъ мы на святомъ Дону, у те волосы подымутся! Будешь ты болтать дуракамъ однимъ, что загонишь Русь во холодную Сибирь. Проговаривалъ ты, что нельзя насъ, ни нашимъ обычаевъ, ни въ какой умной землѣ терпѣть. Да земель-то вашихъ намъ не надобно: намъ мила земля козацкая; широка, длинна земля Русская! Вотъ сказалъ ты, Хранцъ, правду истину: нелюбы вамъ наши обычаи, что мы любимъ царя, вѣру и отечество. Ты привыкъ видѣть только трусовъ да измѣнниковъ, притупилось твое жало острое о тверду грудь закаленную!

Глянька, извергъ, какъ живутъ у насъ! Лишь, подымется парень на ноги, ужъ сидитъ онъ на конѣ борзомъ; ѣздитъ по полю, забавляется и Россійскою землею потѣшается. Ахъ, ты Господи! дай силы, крѣпости на конѣ скакать, разгуляться, Донскимъ копьемъ съ непріятелемъ поразвѣдаться, умереть за землю Русскую. Придетъ время молодцу обабиться; дѣвки знаютъ парней всѣхъ по пальчикамъ: тотъ румянъ идетъ, какъ маковъ цвѣтъ, тотъ лишь поступью молодецкою четырехъ Хранцовъ въ полонъ возьметъ; а подъ тѣмъ и конь его лихой слово, слово какъ осиновъ листъ дрожитъ; у того копье булатное, и сѣделичко Черкаское, и подпруга шелка яркаго. Наши дѣвки парней любятъ не на день и не на ночь одну; любятъ ихъ до гробовой доски. Придетъ время молодцу, по приказу царя бѣлаго, собираться въ путь противъ извергов: нашъ козакъ того лишь только ждалъ! Молода жена коня его ведетъ, дѣти саблю и копье его тащатъ, а старикъ-то со старухою, Богъ избави, чтобъ заплакали! Заведутъ сына во зеленый садъ, перекрестятъ его до Троицы, и дадутъ ему Ангела-хранителя. „Ты служи, сынъ, вѣрой правдою; добывай себѣ ты почести, ты утѣшь насъ стариковъ сѣдыхъ“. У старухи все ужъ приготовлено: сшита сумочка изъ бархата, изъ того самаго, который мужъ ея сорвалъ съ плечъ паши Турецкаго, и повѣшена та сумочка на шелковомъ, тонкомъ поясѣ красной дѣвушки-Черкашенки. Старикъ, взявши горсть сырой земли, кладетъ въ сумочку бархатную. „Вотъ тебѣ, „сынъ, благословеніе, вотъ тебѣ земля Дона тихаго: съ ней живи и умри на ней!“

Не прогнѣвайся, отецъ Матвѣй Ивановичъ, что пишу къ тебѣ такую рѣчь простую, козацкую! Всѣ мы знаемъ, отецъ батюшка, что и ты изволишь носить на твоей груди богатырской корешки изъ твоего сада зеленаго. Корешки вѣдь съ Дона тихаго, а мы тамъ съ тобой родилися.

Эхъ, бывало во чужой землѣ, приключится немочь лютая; разведешь щепоть земли Дона-батюшки въ водѣ свѣжей, выпьешь—какъ ни въ чемъ не былъ! А другаго морятъ разными кореньями: лечитъ насъ нашъ милый Донъ. Вспомнишь мать, отца, дѣтей своихъ, хоть изъ мертвыхъ приподымешься! Ахъ, бывало пишешь граматку: „Ты отецъ мой, родна „матушка! Мнѣ ненадо злата, серебра, надо мнѣ ваше благословеніе; вы „не шлите мнѣ казны златой, вы пришлите мнѣ воды Донской; почерпните вы хоть въ скляночку, поклонитесь Дону милому!“ Смотришь, ужъ летитъ гонецъ, окунулся онъ въ во̀дѣ Донской—заросли раны тяжелыя, хоть опять за саблю острую! Вынимаетъ скляночку изъ торбы онъ: „Вотъ, Иванъ, благословеніе! Отецъ, мать и дѣти живы всѣ!“ Не повѣришь и ушамъ своимъ, не повѣришь и глазамъ своимъ! Чуть губами лишь приложишься ко святой водѣ Дона милаго—ну, иди теперь сопостатъ сюда! Силенъ Донъ и силенъ Русской Богъ!

Вдругъ случится замиреніе — козаки наши на Донъ пошли; въ деревняхъ имъ поклоняются, въ городахъ имъ удивляются. А намъ, батюшка, вѣдь въ за̀честь то! Вотъ и къ Дону приближаемся; пыль столбомъ, и солнце скрылося, только слышенъ стукъ саблей съ копьями. „Ѣдутъ, „ѣдутъ наши станичники! Всѣ на встрѣчу, всѣ и старъ, и младъ!“ Вотъ бывало и подъѣдемъ мы, не къ родителямъ и не къ женамъ своимъ, а подъѣдемъ къ храму Божьему. Тутъ стоятъ ужъ и старики-то всѣ, съ булавами и съ хоругвями. Намъ поклонъ—и мы поклонъ. Въ церкви Божьей всѣ устроено: въ патрахели и ужъ въ ризахъ попъ, а дьяки стоятъ по крылосамъ, воспоютъ: *Тебе Бога хвалимъ*! Мы ко Спасу и къ угодникамъ всѣ пойдемъ да въ ноги имъ. Развернись, казна отбитая! Богу слава, ты Ему же въ даръ! А изъ церкви лишь домой идти: ужъ стоитъ мой конь у паперти, его держитъ молода жена; какъ падетъ она коню на груди, упадетъ передъ нимъ жена на землю: „ужъ спасибо тебѣ, вѣрный „конь, что донесъ ко мнѣ хозяина! Тебѣ ѣсть овесъ изъ моихъ лишь рукъ, „на рѣку водить тебя одной лишь мнѣ; не носить тебѣ узды ременныя, „я сплету коню узду шелкову.“ Смотришь! дѣти ужъ таскаются съ дротикомъ и съ булатной саблею, чистятъ ихъ, да чѣмъ же вѣдь? Чистятъ ихъ Донскимъ пескомъ! Ну, бывало, ахъ, отецъ ты нашъ! прослезимся—хоть и стыдно бы.

Отъ чегожъ все это держится, отчего мы любимъ тихой Донъ? Ты, отецъ нашъ, ты нашъ батюшка, любишь Русь и любишь Донъ святой! Вѣдь мы вѣдаемъ все, что̀ ты ни дѣлаешь; знаемъ мы, что нѣтъ ни гонца, ни посла отъ васъ, чтобъ ему ты не приказывалъ: „поклонись Дону Ивановичу; ты напейся за меня воды его; ты скажи, что козаки его служатъ вѣрою и правдою!“ А вѣдь это-то намъ, батюшка, слаще меда, слаще сахара!

Ну, да какъ же не любить намъ нашу родину, не любить намъ Дона-батюшки? Сопостаты нечестивые, не дивитеся вы этому! Дорогова у насъ много есть: намъ земля тяжелѣ золота, намъ вода вкуснѣе вашихъ винъ! Атаманъ у насъ козакъ Донской, на землѣ нашей родился онъ, а въ водѣ нашей въ купели былъ. Не подъ стать намъ ваши норовы! Вы умнѣе насъ, ну такъ и быть! Люди умные, мы вамъ не завидуемъ. Глянька, что̀ у насъ недавно приключилося. Молодой козакъ привезъ дьявольское стекло, что зовутъ у васъ *кларнетами*. Ну, на что намъ дрянь эта? И безъ стеколъ цѣлить мы научены. Засадили парня въ темную, пусть-ка смотритъ онъ въ стекло свое! Не ввози ты, молкососишко, намъ Хранцузскихъ злыхъ обычаевъ. А другаго было дернуло нарядиться въ ваше платьице кургузое: старики поосерчалися, содрали съ него платье похаб-

ное, да досталось и плечамъ его! Ай спасибо, Матвѣй Ивановичъ, что ты держишься старинушки! Помогай тебѣ, государь, небесный Царь! Ты нижи копьемъ за границею, ты щелчки давай молкососишкамъ, что задумаютъ стариковъ сѣдыхъ на Французской ладъ перестроивать.

Да я долго закалякался! У тебя, отецъ, дѣла куча есть. Ты злодѣевъ бьешь, а насъ милуешь; на чужой сторонѣ города берешь, а у насъ на Дону ты строишь ихъ. Такъ прости же, государь ты нашъ! Будь здоровъ и люби ты насъ.

За тѣмъ писавый Ермолай Гаврильевичъ земно кланяюсь.

56.

Будучи движимъ чувствомъ благодарности, Смоленскій помѣщикъ *Богданъ Николаевичъ Воронецъ* долгомъ себѣ поставляетъ сообщить во всеобщее извѣстіе человѣколюбивый поступокъ *князя Льва Александровича Шаховскаго* и супруги его *княгини Катерины Ефимовны*.

Во время вторженія Французской арміи въ его владѣніе, состоящее въ Красненскомъ уѣздѣ, принужденъ онъ былъ искать съ семействомъ своимъ и родственниками, всего 12 человѣкъ, спасенія въ скоромъ удаленіи отъ своего жилища. Не зная, гдѣ найти пристанище, не вѣдалъ куда приклонить бѣдную свою голову. Но Богъ, покровитель несчастныхъ, указалъ ему путь въ Кашинской уѣздъ и послалъ на срѣтеніе почтеннѣйшаго князя Шаховскаго. Благодѣтельный сей человѣкъ, съ восторгомъ истинной добродѣтели, растворилъ ему свой домъ, помѣстилъ все его семейство въ свое жилище и, имѣя самъ только 60 душъ, состояніе также весьма бѣдное, питалъ ихъ до самаго того времени, какъ всеобщія обстоятельства перемѣнились. Три мѣсяца пользовались они его попеченіемъ; три мѣсяца раздѣлялъ онъ съ ними остатокъ своего имущества, или лучше сказать, раздѣлялъ сердце свое съ каждымъ несчастливцемъ, и три мѣсяца услаждалъ ихъ горесть своею любезностію и ласкою. Они забывали и свою потерю, и свое разореніе, и свое бѣдствіе. Толико вспомоществованіе его было сладостно! Толико бесѣда его была утѣшительна!

Помѣщикъ *Воронецъ* желалъ бы возблагодарить его за такую добродѣтель, но чѣмъ? — Признательностію: онъ ее объявляетъ всѣмъ своимъ соотчичамъ. *(Изъ Смоленска).*

57.

О шествіи Французовъ въ Москву.

(*Разсказы Корбелецкаго, чиновника, бывшаго въ плѣну и на невольной службѣ у непріятеля*).

По прибытіи Наполеона въ 2 часа по полудни къ Поклонной горѣ, отстоящей отъ Москвы въ трехъ верстахъ, авангардъ, передъ оною горою, по распоряженію короля Неаполитанскаго, былъ уже построенъ въ боевой порядокъ. Наполеонъ съ планомъ въ рукахъ, поданнымъ ему тутъ же неизвѣстнымъ чиновникомъ, и нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его генераловъ сходятъ съ лошадей, и въ туже минуту начинается движеніе, показывающее приготовленіе къ сраженію. При самомъ началѣ сего движенія внезапно показывается изъ-за лѣса въ правой сторонѣ на Воробьевыхъ горахъ сильная конница, которую увидѣвъ первоначально шассеры (стрѣлки), составлявшіе императорскій конвой, закричали въ одинъ голосъ: козаки! козаки!... и весь генералитетъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ устремляетъ глаза свои въ ту сторону. Наполеонъ тотчасъ приказываетъ подать себѣ зрительную трубу, которую всегда особой пажъ за нимъ возилъ, смотритъ и, узнавъ, что то были его

драгуны, успокоивается, и опять обратясь къ авангарду продолжаетъ дѣлать свои распоряженія; но, прождавъ тутъ съ полчаса и не видя со стороны Москвы никакого вызова, приказываетъ сдѣлать сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, послѣ чего, спустя минутъ пять, садятся всѣ на лошадей и скачутъ во весь опоръ къ Москвѣ.

Въ тоже мгновеніе вмѣстѣ съ ними двинулся какъ авангардъ, такъ и часть стоявшей позади онаго центральной арміи съ невѣроятнымъ стремленіемъ; конница и артилерія равномѣрно скакали во весь опоръ, а пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрыпъ колесъ, трескъ оружій, смѣшавшись вмѣстѣ съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, составляли дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли. Казалось, что вся земля въ сіе мгновеніе восколебалась и застонала отъ таковаго страшнаго движенія, и не болѣе какъ чрезъ 12 минутъ все очутилось у Дорогомиловской заставы.

Здѣсь гордый повелитель Французовъ, упоенный надеждою своего успѣха, останавливается, и при охриплыхъ восклицаніяхъ покрытыхъ пылью и проголодавшихся солдатъ: Vive Napoleon! сошедъ съ лошади, занимаетъ позицію на лѣвой сторонѣ заставы у самаго Камеръ-Коллежскаго вала, и начинаетъ расхаживать взадъ и впередъ въ спокойномъ расположеніи духа, точно такъ, какъ бы ожидалъ изъ Москвы депутаціи или выноса городскихъ ключей; между тѣмъ пѣхота и артилерія, при игранія музыки, открыли шествіе свое въ городъ.

Но спустя десять минутъ, подошелъ къ Наполеону съ лѣвой стороны у городскаго вала какой-то молодой человѣкъ въ синей шинели и въ круглой шляпѣ и, поговоря съ нимъ съ минуту, пошелъ въ заставу. Думать надобно, что сей молодецъ увѣдомилъ Наполеона о томъ, что изъ Москвы какъ Россійская армія, такъ и жители всѣ выѣхали и оставили оную впустѣ, что̀ подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Едва кончилъ оной молодой человѣкъ свою съ Французскимъ императоромъ аудіенцію, подбѣгаетъ къ Русскимъ арестантамъ, стоявшимъ отъ Наполеона поотдаль, саженяхъ въ шести, адьютантъ Вельсовичъ, тотъ самый, который вчера съ свойственною Поляку надменностію предсказывалъ сегодишнія на счетъ Москвы и всей Россіи событія, и спрашиваетъ у меня голосомъ, неудовольствія преисполненнымъ: „Г. секретарь! Что̀ это значитъ, что въ Москвѣ ни арміи вашей, ни жителей нѣтъ?“ На сіе я отвѣтствовалъ ему: „не знаю“. Слухъ сей распространился между Французскими солдатами, и первые шассеры, ближе къ императору своему стоявшіе, поглядывая одинъ на другаго исполненными недоумѣнія глазами, спрашивали другъ у друга весьма значительнымъ тономъ: что̀ это такое? что̀ за дьявольщина? — И съ сей самой минуты гордый духъ Французовъ началъ во всемъ войскѣ постепенно упадать; а напротивъ того, оказалось въ немъ примѣтное уныніе и огорченіе, которое въ послѣдствіи, возрастая мало по малу, обратилось въ явный ропотъ, ослушаніе и своевольство.

Таковая нечаянная вѣсть, казалось, поразила и самаго Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. Онъ приведенъ былъ ею въ чрезвычайное изумленіе, мгновенно произведшее въ немъ нѣкоторой родъ изступленія или забвенія самаго себя. Ровные и покойные шаги его въ туже минуту перемѣняются въ скорые и безпорядочные. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляется, останавливается, трясется, цѣпенѣетъ, щиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ

другой карманъ; потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, сдернувъ опять съ руки перчатку, надѣваетъ оную торопливо и повторяетъ тоже нѣсколько разъ, короче сказать: онъ представлялъ тогда человѣка бѣснующагося или мучимаго жестокими конвульсіями, что̀ продолжалось битой часъ; и во все то время окружавшіе его генералы стояли предъ нимъ неподвижно, какъ бездушные истуканы, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пошевелиться.

Въ продолженіе такого явленія открылось въ арміи новое движеніе. Авангардъ безостановочно шелъ въ городъ, а подходящія изъ-за горы центральныя войска, раздѣляясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ заставы на двѣ части, начали уклоняться въ право и въ лѣво и, поворотя около Камеръ-Коллежскаго вала, потянулись въ обходъ города, въ которой вступали уже другими заставами. Потомъ Наполеонъ, пришедши нѣсколько въ себя, садится на лошадь и въѣзжаетъ самъ въ Москву, въ которую послѣдовала за нимъ и конница, стоявшая до того внѣ заставы; но, проѣхавъ Дорогомиловскую Ямскую слободу и приближаясь къ берегу Москвы рѣки, останавливается паки у оной въ правой сторонѣ улицы на береговомъ косогорѣ, сходитъ съ лошади и опять расхаживаетъ взадъ и впередъ, но токмо уже покойнѣе. Тогда авангардъ продолжалъ слѣдовать далѣе за Москву рѣку; пѣхота и артилерія тянулись по мосту, а конница шла черезъ рѣку въ бродъ, и всѣ вообще, раздѣляясь по ту сторону рѣки на нѣсколько малыхъ отрядовъ, занимали постепенно караулы по берегу, по главнымъ улицамъ и по переулкамъ.

Положеніе Кремля.

Передъ выходомъ нашимъ на волю, Кремль находился въ слѣдующемъ положеніи: Никольскіе, Троицкіе и Тайницкіе ворота были отперты и охраняемы каждые сначала четырьмя, потомъ двумя человѣками, внутри и внѣ оныхъ стоявшими, а прочіе были заперты. Также стояли часовые индѣ по одному, а индѣ по два, на Кремлевской стѣнѣ у башенъ, у дворцовыхъ подъѣздовъ, въ низу и въ верху дворца, у Архангельскаго, Благовѣщенскаго и Успенскаго соборовъ, кои были тогда заперты, и по видимому вовсе неприкосновенны *). Караулъ держали пѣшая и конная Французская гвардія и Польскіе уланы, коихъ сперва наряжалось пѣшихъ по баталіону, а конныхъ каждаго по эскадрону **) и перемѣнялись чрезъ три часа, какъ днемъ такъ и ночью; но послѣ убавлено тѣхъ и другихъ на половину; изъ армейскихъ же полковъ не токмо солдаты, но даже и офицеры ни подъ какимъ видомъ не могли входить въ Кремль инако, какъ съ письменными пропусками отъ оберъ-коменданта, либо отъ главнокомандующаго тогда въ Москвѣ. Несчастенъ государь, который боится собственныхъ своихъ подданныхъ! Всякое утро былъ въ Кремлѣ разводъ, и пріѣзжали во дворецъ: принцъ Невшательскій, вице-король Италіянскій и многіе неизвѣстные маршалы и генералы. Нерѣдко приходили и иностранцы, жившіе до нашествія Французовъ въ Москвѣ, и члены муниципальнаго суда или Коммуни-Комитета. На косогорѣ близъ церкви Николы Гостунскаго стояло до 10 полевыхъ орудій. Впрочемъ подкоповъ и никакихъ другихъ работъ внутри Кремля тогда не примѣчено. Въ

*) А въ церквахъ Спаса на бору и Николы Гостунскаго хранился овесъ, солома и сѣно для Наполеоновыхъ лошадей.

**) Каждый конной солдатъ, ѣдущій въ караулъ, везъ съ собою, для корму лошади, снопъ или два немолоченной ржи, которая замѣняла у нихъ сѣно и овесъ.

Кремлѣ, также какъ и вездѣ въ Москвѣ, валялось въ то время довольное уже число издохшихъ лошадей и нѣсколько палыхъ коровъ.

Изображеніе Наполеона.

Наполеонъ, при среднемъ ростѣ, имѣетъ лицо большое, грозное; короткошея, плечистъ и корпусомъ ровенъ. Цвѣтъ лица его оливковой, волосы на головѣ черные, лобъ наклонный или навислый, глаза малые, но быстрые, щеки плоскія, носъ длинной и прямой, съ малою, едва примѣтною горбиною, губы маленькія прижатыя, борода выдавшаяся въ передъ и довольно къ верху поднятая. Онъ имѣетъ видъ важный, говоритъ тихо и мало, и всегда, какъ примѣтно было, погруженъ въ размышленіе. Съ маршалами и генералами своими обращается равнодушно, не только шляпы ни передъ однимъ изъ нихъ не снимаетъ, но даже и никакимъ знакомъ почести раболѣпію ихъ не отвѣтствуетъ. Во все мое трехнедѣльное при немъ пребываніе не замѣтилъ я, чтобъ онъ смѣялся или по крайней мѣрѣ улыбнулся, и никогда не видалъ я его съ открытою головою. Исключая случай, при входѣ въ Москву Наполеона поразившій, онъ всегда сохранялъ постоянное хладнокровіе и величавость.

Въѣздъ Бонапарта въ Москву и начальное въ ней пребываніе.

Наполеонъ, тщетно ожидавшій за городомъ депутатовъ съ ключами Московскими, рѣшился наконецъ ѣхать самъ ихъ взять. Онъ въѣхалъ *) въ городъ во Вторникъ, 3 числа, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра въ Дорогомиловскую заставу. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Первыя и единственныя лица, которыя видѣлъ на большой сей улицѣ Наполеонъ, были у окна Арбатской аптеки: содержатель оной съ своею семьею и раненый Французскій генералъ, наканунѣ къ нимъ поставленный постоемъ. Подъѣхавъ ближе, Наполеонъ посмотрѣлъ на нихъ вверхъ весьма злобно, окинулъ быстро глазами весь домъ и, взглянувъ опять на бывшихъ у окна, продолжалъ путь. Онъ сидѣлъ на маленькой Арабской лошади, въ сѣромъ сертукѣ, въ простой треугольной шляпѣ, безъ всякаго знака отличія. Въ разстояніи ста сажень ѣхали передъ нимъ два эскадрона конной гвардіи. Свита маршаловъ и другихъ чиновниковъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ: все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще разительнѣйшею.—Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни единаго почти жителя. Негодованіе написано было на всѣхъ чертахъ Наполеонова лица. Онъ не бралъ даже на себя труда скрывать то, что̀ происходило въ душѣ его; однакоже, сходя съ лошади и посмотря на Кремлевскія стѣны, онъ сказалъ съ насмѣшкою: Voilà de fières murailles! (какія страшныя стѣны!). Удивительно, что онъ пренебрегъ обыкновенную свою комедію и что не приказалъ поднести себѣ Московскихъ ключей, кѣмъ бы то ни было, для провозглашенія потомъ пышно церемоніи сей въ Монитерѣ; но онъ также торжественно и великолѣпно встрѣченъ былъ, какъ и Мюратъ и Себастіани.

Ожесточенный до крайности, видя ненависть и пренебреженіе, оказываемыя ему правительствомъ и народомъ Россійскимъ, рѣшившимися луч-

---

*) Иные увѣряютъ, что онъ былъ еще инкогнито съ вечера въ Москвѣ, но возвратился и ночевалъ у Доргомиловской заставы.

ше уступить древнюю свою столицу его ненасытному честолюбію и алчности его ордъ, нежели преклонить предъ нимъ выю, Наполеонъ повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ полкахъ, по очереди къ грабежу назначенныхъ, употреблять отборныхъ солдатъ, вмѣстѣ съ офицерами, для доставленія въ Кремль съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, и чтобы Русскихъ обоего пола, не разбирая ни состоянія, ни лѣтъ, употреблять для сего вмѣсто лошадей. Въ церквахъ, болѣе изобилующихъ богатствомъ, приставить велѣно было для караула жандармовъ, которые долженствовали впускать однихъ только членовъ святотатственной коммисіи, установленной по повелѣнію его, подъ вѣдѣніемъ генералъ-интенданта и другихъ членовъ.

Наполеонъ, окруженный своими сообщниками въ Кремлѣ, взираетъ равнодушно на огнь, истребляющій мгновенно многія части города. Вездѣ Французы кричатъ: „c'est Rastoptchin qui brûle Moscou, et non pas nous:“ это Растопчинъ жжетъ Москву, а не мы *). Вездѣ изрыгались на него тьмы ругательствъ.

Почтенный Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ, начальствомъ оставленный въ Москвѣ и безпримѣрною своею ревностію, дѣятельностію и неустрашимостію спасшій многимъ жизнь и сохранившій обширное зданіе Воспитательнаго Дома со всѣмъ его богоугоднымъ заведеніемъ, призыванъ былъ къ Наполеону, который не токмо имѣлъ безстыдство увѣрять его, что Москва жжется по приказанію графа Растопчина, а отнюдь не Французами, но и препоручилъ ему донести о томъ своему начальству, желая

---

*) Пламя, коимъ графъ Растопчинъ возжегъ сердца народа Россійскаго противъ сего злодѣя, было причиною такого его остервененія. Отъ Наполеона не были скрыты, какъ выше было сказано, всѣ посланія главнокомандующаго въ Москвѣ къ народу и которыя сдѣлали впечатлѣнія во всей Россійской Имперіи. Простой, но убѣдительный ихъ слогъ успокоивалъ всѣхъ жителей. Совершенная тишина и безопасность господствовали до 2 числа. Ежели бы въ сіе время въ Москвѣ показалась малѣйшая наклонность къ безпорядкамъ или неповиновенію: ежели бы опасныя для правительства особы не были изъ оной заблаговременно высланы; ежели бы довѣріе къ правительству не было неограниченно: не льзя исчислить послѣдствій, кои произойтить могли бы отъ отчаянія всѣхъ жителей при видѣ приближающагося непріятеля. Глаза всѣхъ губерній обращены были на Москву. Покорность и вѣрность къ Престолу ея жителей послужили образцами для всѣхъ губерній. Все сіе не было сходственно ни съ желаніями, ни съ ожиданіями Наполеона. Онъ по большой привычкѣ долженъ быть уже равнодушенъ къ чувствамъ ненависти, питаемымъ къ нему всѣми вообще; но онъ показалъ къ графу Растопчину злобу и мщеніе, до сего еще никогда не виданныя. Ни Питтъ, ни Сидней Смитъ, ни Романа, ни Драке, ни Штейнъ, ни одинъ вообще изъ всѣхъ тѣхъ министровъ или генераловъ, кои, дѣйствуя къ гибели Бонапарта, содѣлались ему ненавистными, не навелъ на себя до такой степени бѣшенства его, какъ графъ Растопчинъ. Всѣ прочіе вселяли ненависть къ Наполеону; но Московской градоначальникъ избралъ новую дорогу—онъ первый осмѣлился внушать совершенное презрѣніе къ славному Французскому атаману, къ его полчищамъ и къ Французамъ вообще. Графъ Растопчинъ утверждалъ (и Русскіе мужики то показали на опытѣ), что подмосковный крестьянинъ съ вилою-тройчаткою въ рукахъ гораздо страшнѣе Француза съ заряженною пушкою.—Наполеону нужны Коленкуры, маркизы Галло, Лукезини, Шимельпеннинки и подобные имъ предатели, измѣнившіе отечеству и государямъ въ пользу сего кровопійцы. Такого рода люди токмо достойны уваженія Наполеонова; но Россійская земля не свойственна ихъ производить.

такимъ образомъ честнаго человѣка мгновенно преобразить въ клеветника. Онъ притворно прибавилъ потомъ: „Я желалъ бы всѣ зданія здѣшней“ сто-„лицы видѣть въ такой же сохранности, какъ вашъ Воспитательный Домъ.“ *)

Казалось, что со въѣздомъ Наполеона въ Москву самый огонь паче ожесточился и, соединясь съ сильнымъ вѣтромъ (неразлучнымъ своимъ спутникомъ), истреблялъ вдругъ то, что̀ вѣками сооружаемо было. Пламя и ужасный вѣтръ усугубляли свои силы (особенно 4 числа, въ Среду), для поглощенія всего того, что̀ только могло служить пищею, или добычею неистовымъ врагамъ.

58.

Шефъ Нотебургскаго пѣхотнаго полку полковникъ Полторацкій 2 Апрѣля, при осадѣ Торна, стоялъ съ отрядомъ своимъ въ редутѣ на заячьей горѣ (Hasenberg). Онъ сѣлъ съ находившимися при немъ Россійскими и Прусскими офицерами за умѣренный солдатскій обѣдъ въ отдѣльномъ и, какъ думали, безопасномъ мѣстѣ. Вдругъ упала посреди ихъ одна изъ многихъ гранатъ, которыя непріятель бросалъ въ редутъ. Гренадеръ Аѳанасьевъ, увидѣвъ шефа своего въ опасности, подбѣжалъ, схватилъ гранату обѣими руками и бросилъ ее изо всей силы за редутъ. Она лопнула, не достигнувъ земли и не причинивъ ни малѣйшаго вреда. Г. главнокомандующій второю западною арміею генералъ отъ инфантеріи Барклай де Толли наградилъ Аѳанасьева, по представленію шефа, знакомъ отличія военнаго ордена.

59.

Въ Журналѣ Г. Ф. Коцебу (Russisch-deutsches Volksblatt) находимъ слѣдующее извѣстіе о трудахъ знаменитаго врача дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера *фонъ Лодера* и о превосходствѣ нашихъ военныхъ госпиталей. Во время приближенія непріятеля г. ф. Лодеръ находился въ Москвѣ. Онъ предложилъ г. министру полиціи А. Д. Балашову свои услуги въ пользу отечества и, не задолго до вторженія Французовъ, получилъ приказаніе пещись объ отправленнныхъ въ Москву раненыхъ, коихъ число сначала простиралось отъ 2 до 3 тысячъ, но чрезъ недѣлю возвысилось до 28,000 человѣкъ, которыхъ ему надлежало пользовать при помощи немногихъ лекарей. 2 Сентября, за нѣсколько часовъ до вшествія Французовъ, оставилъ онъ Москву, отославъ раненыхъ со всѣми лекарями и студентами, которыхъ могъ набрать, въ Коломну. Изъ главной квартиры получилъ онъ приказаніе отправиться въ Касимовъ (Рязанской губерніи) и расположить раненыхъ въ семъ городѣ, въ Елатьмѣ и въ нѣкоторыхъ окрестныхъ деревняхъ. Потомъ присоединенъ былъ къ тому и городъ Меленки. Въ сихъ неважныхъ городахъ не можно было найти многихъ пособій. Вдругъ пріѣзжали цѣлыя тысячи раненыхъ, изнуренныхъ далекимъ перевозомъ или недостаткомъ хорошей пищи, пособія врачей и одежды. Г. ф. Лодеру надлежало привести въ порядокъ сей хаосъ. Мало по малу удалось ему собрать около 30 лекарей, болѣе ста студентовъ Московской Медико-Хирургической Академіи, также многихъ фельд-

---

*) Можно ли повѣрить, чтобы армія, составленная изъ ста тысячь человѣкъ, утомленныхъ голодомъ, ожесточенныхъ всякими недостатками, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, упоенныхъ безпрестанно виномъ, занимавшихся грабежемъ и всякими неистовствами, чтобы люди, переходившіе ежедневно всѣ степени буйства, лютости, безбожія, и Наполеономъ самимъ предводительствуемые, не дошли наконецъ до совершеннаго истребленія того города, гдѣ все дѣлалось вопреки ихъ желаніямъ и надеждамъ, гдѣ ожидали они найти конецъ своихъ бѣдствій и блистательный миръ?

шеровъ и учениковъ Московской военной госпитали, и составить порядочные лазареты. Слѣдствіе превзошло его ожиданія, какъ показываетъ слѣдующій вѣрный расчетъ. Съ 14 Сентября до 1 Февраля прибыло 29,028 раненыхъ, въ томъ числѣ 575 офицеровъ. Изъ сего числа выздоровѣли и отпущены въ армію 18,829, въ томъ числѣ 244 офицера. Способныхъ къ службѣ инвалидовъ 3098, въ томъ числѣ 179 офицеровъ, уволенныхъ до излеченія. Умерло 1656, въ томъ числѣ 10 офицеровъ, слѣдственно по 6 человѣкъ изъ ста. 1 Февраля находилось въ госпитали 5,066 чел. (изъ коихъ выздоровѣло 2000, а умерло около 40), а 7 Марта, когда писано сіе извѣстіе, оставалось въ ней только около 3000. По мнѣнію г. ф. Лодера, въ началѣ Апрѣля останется тамъ не болѣе 1,500 чел., большею частію инвалидовъ, и въ то время хотѣлъ онъ просить увольненія отъ сей должности при величайшей изъ существовавшихъ когда либо въ Россіи госпиталей, которой онъ былъ единственнымъ начальникомъ. Онъ осыпаетъ величайшими похвалами своихъ подчиненныхъ. Великое число выздоровѣвшихъ и малое число умершихъ доказываетъ, что въ сей госпитали воздухъ былъ чистый, присмотръ рачительный, пища здоровая. Государь императоръ наградилъ г. ф. Лодера орденомъ св. Анны 2 класса, алмазами украшеннымъ, при высочайшемъ весьма лестномъ для него рескриптѣ.

60.

Крестьянинъ одного подмосковнаго села, на осчастливленнаго еще посѣщеніемъ Французовъ, наслышавшись, что непріятели, пребывающіе въ Москвѣ, терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, вздумалъ симъ случаемъ воспользоваться, нагрузилъ возъ мукою, отправился тайкомъ въ Москву и продалъ товаръ свой самою дорогою цѣною. Возвратясь въ село, началъ онъ хвастать своимъ выигрышемъ, показывалъ полученныя имъ *новенькія* бумажки и убѣждалъ прочихъ крестьянъ послѣдовать его примѣру. Бурмистръ, узналъ объ этомъ, взялъ его подъ стражу, немедленно созвалъ старшихъ крестьянъ и предложилъ имъ наказать преступника по законамъ за подвозъ съѣстныхъ припасовъ непріятелю, котораго-де хотятъ выморить въ Москвѣ голодомъ. Крестьяне, внемля закону правды, въ сердцахъ ихъ начертанному, безъ ссылки на указы, приговорили его къ смерти. Объявивъ виновному приговоръ, позвали священника и поручили ему приготовить къ смерти осужденнаго. Священникъ ужаснулся и представилъ бурмистру, что казнь безъ приговора судейскаго есть убійство. „Какое убійство?“ возразилъ бурмистръ: „въ Москвѣ господствуютъ враги; изъ уѣзднаго города выбрались всѣ присутственныя мѣста; барина нашего нѣтъ; кто теперь начальникъ? Я! Все село въ этомъ согласно. Я буду виноватъ Богу и Государю, естьли не накажу преступника, измѣнника, который помогаетъ злодѣямъ!“ Священникъ, убѣжденный сими доводами, исполнилъ долгъ свой, и преступника повѣсили.

61.

Сраженіе Русскаго повара съ кирасирами Наполеоновой гвардіи.

(Истинное происшествіе).

Въ первые дни вступленія Французовъ въ Москву, большая часть сихъ знаменитыхъ грабительствомъ воиновъ Наполеоновыхъ, имѣя крайній недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ, разгуливая по улицамъ Московскимъ, смѣло навѣщала оставленные жителями домы и грабила все то что̀ попадалось. Двое изъ сихъ героевъ—кирасиры Наполеоновой гвардіи—опредѣлили себя предпочтительно къ собиранію съ жителей контрибуціи, но не деньгами, а печеными хлѣбами и другимъ готовымъ съѣстнымъ при-

насомъ *). Въ таковомъ упражненіи переѣзжая съ одного двора на другой и наполняя кульки и мѣшки, взятые ими для сохраненія добычи, наконецъ взъѣхали они на дворъ *г. Товарв...* состоящій близь Кузнецкаго моста. Оставшіеся въ домѣ служители, увидѣвъ незваныхъ гостей, въ туже минуту спрятались; но храбрые *Наполеонцы*, захвативъ одного изъ оныхъ, повелительно требовали отъ него, чтобъ онъ отперъ имъ погреба, анбары, кухню и подвалы, и выдалъ безъ отговорокъ все то, чтò только имѣлъ съѣстнаго. Сей полоненный служитель былъ поваръ *Иванъ Семеновъ*; онъ тотъ же часъ повиновался своимъ повелителямъ, которые, путеводительствуемые имъ, съ жадностію вышаривали во всѣхъ углахъ, шкафахъ и на всѣхъ полкахъ, и не нашли ничего, кромѣ двухъ печеныхъ хлѣбовъ. Обманутые надеждою, они не захотѣли разстаться и съ сими хлѣбами. *Семеновъ*, чувствуя и самъ конечной недостатокъ въ провіянтѣ, со слезами умолялъ своихъ грабителей, чтобъ они хотя одинъ изъ двухъ оставили для него и для другихъ товарищей. *Наполеонцы* захохотали, оттолкнули просителя и оборотили лошадей со двора. Огорченный сею наглою нечувствительностію, *Семеновъ* съ отчаянною смѣлостію бросается на одного изъ кирасировъ, даетъ ему ударъ въ зубы, кирасиръ шатается; ободренный смѣльчакъ нападаетъ на другаго и старается вырвать у него палашъ. Товарищи *Семенова*, вышедши изъ сокрывавшихъ ихъ мѣстъ, начинаютъ его уговаривать, чтобъ онъ оставилъ злодѣевъ въ покоѣ. „Нѣтъ! Нѣтъ! кричалъ герой-служитель, помогите вы мнѣ, а я не отстану; мудрено побить солдатъ, а разбойниковъ потузить не диво; да лучше умереть, чѣмъ отдать себя имъ на поруганіе въ живѣ: *я христіанинъ*!“ Товарищи оробѣвъ не смѣли тронуться съ мѣста; одинъ кирасиръ съ разбитыми зубами, давъ шпоры лошади, поскакалъ безъ памяти; другой успѣлъ пронзить насквозь палашемъ Семенова. Раненый поваръ, не чувствуя еще боли и захвативъ рану, погнался было за симъ послѣднимъ злодѣемъ, но вышедъ на улицу, палъ мертвъ.

М. к-въ.

Пронскъ.
1813 Іюня 10 дня.

62.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1812 года, при вторженіи варваровъ въ Смоленскую губернію, тамошній помѣщикъ *Аѳанасій Аввакумовичъ Каверзневъ* принужденъ былъ бѣжать, оставя домъ свой и все имущество на расхищеніе злодѣямъ. Долгое время странствовалъ онъ съ немалочисленнымъ семействомъ своимъ и наконецъ встрѣтился въ Тульской губерніи съ незнакомымъ ему дотолѣ той губерніи помѣщикомъ *Павломъ Матвѣевичемъ Тиличеевымъ*, который также находился на дорогѣ, а не въ домѣ своемъ. Г. Тиличеевъ, узнавъ отъ служителей г. Каверзнева о плачевномъ его состояніи, немедленно поспѣшилъ съ нимъ увидѣться и, по человѣколюбію своему, съ пролитіемъ горчайшихъ слезъ, убѣдилъ его отправиться въ помѣстье его, сельцо *Особнякъ*, давъ туда проводника и письмо на имя

*) Изъ подобныхъ сборщиковъ *подобной* контрибуціи, по разсказамъ остававшихся въ Москвѣ жителей, едва ли не состояли и всѣ войска Наполеоновы, не исключая и самой гвардіи его, начиная отъ солдата до генерала; ибо *голодная* и *холодная разнонародица* обѣщала спасеніе несчастному жителю или за кусокъ хлѣба, или за одежду; а сытые Французскіе *элиты*, требуя и отнимая дочерей и женъ, лучшія вещи, платье и деньги, щадили только за сей варварскій выкупъ отцевъ, мужей и братьевъ, разумѣется, такихъ, которые лишены были способовъ имъ противиться.—Рѣдкое великодушіе!

супруги своей Авдотьи Васильевны, которою несчастное, странствующее семейство и было принято съ радостію и благотвореніемъ. Напослѣдокъ самъ г. Тиличеевъ, по возвращеніи въ домъ, вмѣстѣ съ добродѣтельною своею супругою, сострадая въ несчастіи г. Каверзнева, сопричелъ его со всѣмъ его семействомъ къ своему собственному, имѣя самъ небольшое имущество и осьмерыхъ малолѣтныхъ дѣтей. Г. Каверзневъ пользовался его помощію, а болѣе еще утѣшительною, дружескою бесѣдою близъ четырехъ мѣсяцевъ, доколѣ изгнаніе врага не позволило ему возвратиться въ опустошенное свое жилище.

63.

25 Марта праздновали въ Сѣверо-Американскомъ городѣ Бостонѣ торжество, которое намъ, Русскимъ, должно быть весьма важно и пріятно по предмету своему. Сверхъ того приноситъ оно честь учредителямъ своимъ и изъявляетъ мысли и чувствованія обитателей другаго полушарія, при нашихъ происшествіяхъ. Предметъ онаго было торжествованіе Рускихъ побѣдъ надъ Наполеономъ.—Празднество началось всенароднымъ богослуженіемъ. Въ церкви, предъ собраніемъ болѣе 2000 человѣкъ, пасторъ Ченнингъ произнесъ рѣчь, въ которой (сказано въ описаніи) съ восторгомъ и умиленіемъ Фенелона, приносилъ Богу благодареніе за спасеніе Россіи и препоручалъ Францію его—*милосердію*. За симъ дана была Генделева Ораторія съ новымъ, весьма приличнымъ сему торжеству текстомъ. Въ сей ораторіи участвовало нѣсколько сотъ музыкантовъ. Наконецъ распустили народъ съ обыкновеннымъ церковнымъ благословеніемъ.

Въ четыре часа собралось общество въ украшенной великолѣпно биржѣ къ обѣду, который начался и кончился молитвою.

Предъ питіемъ за здравіе, говорилъ президентъ г. Отисъ приличную сему случаю рѣчь. Съ жаромъ и краснорѣчіемъ предложилъ онъ свои патріотическія желанія, а потомъ произнесъ слѣдующіе *тосты:*

„*Александру Великому, Императору Всероссійскому*“! Онъ не плачетъ о томъ, что не можетъ завоевать новаго міра, но радуется тому, что спасъ старый.“

„*Нашему народному правленію*! Нынѣ да увидитъ въ немъ народъ то, чѣмъ его признàетъ со временемъ Исторія!“

„*Русскому народу*! Онъ заплатилъ свой долгъ Югу Европы за полученныя имъ отъ него науки и искусства, научивъ его сохранять свою свободу.“

„*Русскимъ войскамъ*! Они слишкомъ храбры для Французскаго оружія, слишкомъ честны для Французскихъ уловокъ. Пусть всѣ удивляются ихъ храбрости, пусть ей и подражаютъ!“

„*Князю Смоленскому*! Побѣдителю умѣреннаго человѣка, которому въ Египтѣ было слишкомъ жарко, а въ Россіи слишкомъ холодно.“

Послѣ сего тоста появилось въ верхней сторонѣ стола прозрачное изображеніе Императора Александра въ полномъ мундирѣ съ надписью: *Освободитель Европы*, и подписью: „Я рѣшился препоясаться на брань! Непріятель желаетъ войны и постраждетъ за свое высокомѣріе!“

Подъ картиною изображены были названія семи большихъ битвъ, выигранныхъ Русскими войсками до 14 Декабря, и имена многихъ Русскихъ генераловъ. Въ тоже время пѣли приличную обстоятельствамъ пѣснь.

„*Патріотамъ Испанскимъ и Португальскимъ*! Пусть торжество ихъ будетъ больше ихъ страданій и столь же знаменито, какъ и справедливость ихъ дѣла!“

„*Французскому сумазброду*! *) Русское лекарство—мороженое и побои, побои, пока не образумится.“

„*Москвѣ*! Пламя ея указало угнетеннымъ народамъ путь къ свободѣ, ихъ притѣснителямъ путь къ гибели.“

Новая прозрачная картина: изображеніе пылающей Москвы. Изъ пламени поднимается увѣнчанный лаврами Россійскій орелъ съ надписью: *Потеря Москвы не есть потеря Отечества*!

„Французскому народу! Да освободится онъ отъ ига, и да вкуситъ счастіе въ отчизнѣ, не стремясь къ разоренію другихъ народовъ!“

(Изъ Paulson's American daily Advertiser).

(*Извлечено изъ Сына Отечества 1812 и 1813 годовъ*).

МЕДАЛЬ НА ЗАНЯТІЕ МОСКВЫ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ 1812 ГОДУ.

Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ хранится медаль, выбитая по случаю занятія Наполеономъ Москвы въ 1812 году. Бронзовый экземпляръ этой медали, вмѣстѣ съ другими медалями и монетами, поступилъ въ Музей въ 1865 году изъ Рязанской гимназіи, куда онъ былъ пожертвованъ Рязанскимъ губернаторомъ А. Д. Балашовымъ, о чемъ извѣстно намъ по преданію отъ Ф. Л. Ляликова, бывшаго инспектора Рязанской гимназіи, которому мы обязаны указаніемъ на сію достопамятность. Медаль эта составляетъ большую рѣдкость, такъ какъ Наполеонъ, можетъ быть, не рѣшался раздавать ее, въ виду того, что нечего было хвастать передъ Европою занятіемъ Москвы: событія придали ироническій смыслъ изготовленной (вѣроятно въ Парижѣ) медали. А. Д. Балашовъ имѣлъ возможность получить ее, будучи министромъ полиціи въ 1812 году.

Благодаря любезному содѣйствію г-на Гулевича (нынѣшняго директора Рязанской гимназіи, указавшаго намъ на мѣстонахожденіе медали) и професора К. К. Герца, въ вѣдѣніи котораго находится нумизматическое собраніе Московскаго Публичнаго Музея, мы получили возможность представить читателямъ Русскаго Архива нижеслѣдующіе точные снимки съ лицевой и оборотной сторонъ этого любопытнаго памятника Французскаго нашествія.

---

*) To the madman of France.

ПЕРЕПИСКА БРАТЬЕВЪ КОРОСТОВЦОВЫХЪ

съ барономъ Франкомъ и графомъ М. С. Воронцовымъ, по поводу сооруженія памятника императрицѣ Екатеринѣ II-й въ г. Екатеринославлѣ.

Князь Потемкинъ долго былъ занятъ мыслію основать для Новороссійской губерніи губернскій городъ. Мѣсто, имъ выбранное, селеніе Новоселицы, на устьѣ р. Кильчени, найдено неудобнымъ, и губернскій городъ перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, какъ будто ожидая, чтобы сама Императрица положила ему основаніе. Такъ и случилось. Екатерина, плывя по Днѣпру къ Херсоню, 9-го Мая 1787 года остановилась въ осьми верстахъ отъ селенія Кайдакъ, въ селеніи Половицы. Тамъ была разбита палатка для помѣщенія полковой церкви, въ которой преосвященный архіепископъ Екатеринославскій и Херсониса Таврическаго Амвросій совершилъ божественную литургію (образа этой походной церкви неизвѣстнымъ образомъ очутились въ Новомосковскомъ уѣздѣ, въ церкви села Паньковки, принадлежавшаго помѣщику князю Мавроени [1]), а теперь во владѣніи генералъ-маіора П. А. Струкова). Послѣ обѣдни, для основанія новаго города, была заложена огромная соборная церковь Преображенія Господня, размѣры которой, по словамъ очевидцевъ, ничуть не были менѣе Св. Петра въ Римѣ. Въ присутствіи императора Римскаго и короля Польскаго, императрица Екатерина положила первый камень, и есть преданіе, что когда очередь дошла до графа Сегюра, то онъ сказалъ: „Царица положила первый камень, а я положу послѣдній". Фундаментъ заложеннаго собора имѣлъ 560 ф. въ длину и $157^1/_2$ ф. въ ширину; нынѣ на мѣстѣ его находится церковная ограда, а на мѣстѣ заложеннаго престола въ 1835 г. воздвигнутъ соборъ во имя Преображенія Господня, имѣющій приблизительно шестую часть проэктированнаго. Въ недальнемъ разстояніи отъ мѣста заложенія собора построенъ былъ кн. Потемкинымъ для пріѣзда Императрицы каменный дворецъ, и для украшенія одной изъ залъ этого дворца была заказана лучшимъ Берлинскимъ художникамъ бронзовая статуя Государыни. Статуя эта была перевезена въ С. Петербургъ весною 1798 года; но по неизвѣстнымъ причинамъ [2]) не выгружена и отправлена была въ Стокгольмъ, гдѣ и находилась въ неизвѣстности по 1830 годъ, и въ концѣ этого года привезена была снова въ С.Петербургъ по запросу литейнаго заводчика коммерціи совѣтника Франца Берда, который занимался литьемъ барельефовъ строющагося тогда Исакіевскаго собора [3]).

---

[1]) Мавроени былъ Грекъ, служившій въ Турціи при переговорахъ о Крымскихъ дѣлахъ, за измѣну Турецкому правительству былъ посаженъ въ семибашенную крѣпость и приговоренъ къ смерти; но оттуда бѣжалъ къ Потемкину и открылъ тайны Турецкаго кабинета, за что получилъ отъ Потемкина на откупъ соль и поэтому пріобрѣлъ много помѣстій, а Константинопольскій патріархъ прислалъ ему титулъ князя.

[2]) Заводчикъ Бердъ объяснялъ причину внезапной отправки статуи безъ выгрузки приказаніемъ покойнаго императора Павла I.

[3]) Исторія статуи едва ли не выдумана Бердомъ-сыномъ для приданія ей большей цѣнности, или можетъ быть дошла до него невѣрно. Намъ положительно извѣстно, что А. С. Пушкинъ продалъ заводчику Берду большую бронзовую статую Екатерины за три тысячи ассигнаціями (см. Девятнадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 395). Пушкинъ же получилъ эту статую отъ дѣда жены своей Аѳанасія Николаевича

Находясь на заводѣ, статуя была случайно замѣчена помѣщиками Екатеринославской губерніи дѣйст. ст. сов. Любимомъ Ив. Коростовцовымъ и братомъ его капитанъ-лейтенантомъ Глѣбомъ Ив. Коростовцовымъ, которые нашли статую на грязномъ дворѣ, среди всякаго хлама и лома, назначеннаго въ плавку для литья барельефовъ. На это произведеніе они обратили вниманіе и просили Ф. Берда объяснить имъ, какимъ образомъ такое прекрасное и неиспорченное ваяніе назначено въ ломъ, на что Бердъ объяснилъ, что эта статуя находится у него болѣе 14 лѣтъ и разсказалъ вышеупомянутую исторію, а также исторію неоднократнаго ея путешествія въ С. Петербургъ и присовокупилъ, что самъ императоръ Николай I, бывши у него на заводѣ, замѣтилъ эту статую, находилъ большое сходство съ подлинникомъ [4]) и неоднократно спрашивалъ, не продана-ли она, на что́ владѣлецъ отвѣчалъ, что статую онъ цѣнитъ не ниже 7 т. р. сер., и по этой причинѣ не находится охотниковъ на покупку ея.

Принявши все это въ соображеніе, Л. И. Коростовцовъ сообщилъ объ этой случайной находкѣ бывшему тогда Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову и Екатеринославскому губернскому предводителю дворянства барону Ф. Е. Франку, предлагая имъ купить статую на счетъ дворянства и поставить на площади, или въ залѣ дворянскаго собранія, для чего она была и заказана кн. Потемкинымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прилагаемая къ сему переписка. Предложеніе было принято съ большимъ вниманіемъ и, какъ видно изъ прилагаемой переписки, поручено было Л. И. Коростовцову пріобрѣсть статую и заказать соотвѣтствующій ей пьедесталъ.

По представленію дворянства Екатеринославской губерніи, графъ М. С. Воронцовъ испросилъ у императора Николая I соизволеніе поставить монументъ на площади города Екатеринослава. Дворянство Екатеринославской губерніи не замедлило пріобрѣсть монументъ чрезъ Л. И. Коростовцова съ заказаннымъ для него особеннымъ пьедесталомъ отъ заводчика Берда за 7 т. руб. сер. и кромѣ того заказало для этого памятника на заводѣ г. Соловьева, чугунную рѣшетку въ Москвѣ которая имѣла четырехъ-угольную форму, каждая сторона въ шесть аршинъ длины; четыре небольшихъ колонки на углахъ увѣнчаны двуглавыми орлами съ принадлежащими къ нимъ знаками государственнаго герба, посреди же колонки съ лицевой ихъ стороны украшены барельефными гербами восьми уѣздовъ Екатеринославской губ., на каждомъ углу по два; трости рѣшетки на верхнихъ концахъ своихъ имѣютъ по небольшому двуглавому орлу, будучи отдѣлены между собою бердышами соразмѣрной величины; на срединѣ рѣшетки, на каждой изъ четерыхъ сторонъ, представленъ

Гончарова, отецъ котораго Николай Аѳанасьевичъ Гончаровъ, первый писчебумажный фабрикантъ въ Россіи, въ 1787 году принималъ Екатерину у себя на извѣстномъ Полотняномъ Заводѣ и въ память ея посѣщенія заказалъ въ чужихъ краяхъ колоссальное бронзовое изображеніе Государыни, но заказъ былъ привезенъ уже при Павлѣ, когда было опасно че́ствовать Екатерину. Правнукъ Гончарова, памятный Московскому обществу Сергѣй Николаевичъ Гончаровъ показывалъ намъ и современный рисунокъ этой статуи. *П. Б.*

[4]) Дѣйствительно, всѣ художники находили сходство съ портретомъ Императрицы работы Левицкаго, находящемся въ публичной библіотекѣ. Старикъ *Грей*, садовникъ Императрицы, часто приходилъ любоваться ею и безъ слезъ не могъ смотрѣть на нее: такъ, говорятъ, она была похожа.

старинный гербъ Екатеринославской губ., взятый со старинной губернской печати, по переименованіи губерніи изъ Новороссійской въ Екатеринославскую, съ разными по обѣ стороны герба лавровыми вѣнками, символическими атрибутами, заимствованными изъ жалованной дворянству Екатеринославской губ. грамоты и означающими воинственность, законодательство и управленіе. На самомъ памятникѣ съ лицевой стороны написано золотыми буквами: Императрицѣ Екатеринѣ II отъ благодарнаго дворянства Екатеринославской губерніи, въ 1846 году.

26-го Сентября этого года памятникъ этотъ былъ торжественно открытъ съ церемоніаломъ, предварительно составленнымъ по общему совѣщанію духовнаго, военнаго и гражданскаго начальствъ [5]).

Впослѣдствіи Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства генералъ-маіоръ П. А. Струковъ, снесясь съ Городскою Думою, убѣдилъ ее уступить часть ярмарочной площади въ длину 48, а въ ширину 53 сажени для разведенія сквера вокругъ монумента императрицы Екатерины II и обнесъ это мѣсто оградой. Покойный императоръ Николай I отдалъ дворянству Екатеринославской губерніи пришедшій въ разрушеніе Потемкинскій дворецъ съ великолѣпнымъ и рѣдкимъ для мѣстности садомъ, расположеннымъ на полугорѣ къ Днѣпру; а дворянство, исправя полуразрушенный дворецъ, обратило его въ Губернское Дворянское Собраніе.

В. Л. Коростовцовъ.

Письмо Л. И. Коростовцова къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову.

Царствованіе императрицы Екатерины Алексѣевны II составляетъ одну изъ самыхъ блистательныхъ эпохъ въ исторіи Россійской Имперіи по славѣ, пріобрѣтенной Русскимъ воинствомъ, по расширенію предѣловъ нашего любезнаго Отечества, по выгодности для него трактатовъ, заключенныхъ ею съ сосѣдними державами и по внутреннему ею устройству имперіи во всѣхъ, безъ исключенія, отрасляхъ.

Вашему сіятельству извѣстно, что большая часть такихъ благихъ дѣйствій Императрицы непосредственно касались Новороссійскаго края.

Дѣйствительно, ни на одной изъ многихъ областей Россійской имперіи не отражалась такая неисчерпаемая попечительность императрицы Екатерины II, какую Великая оказывала этому краю. Это весьма естественно: край этотъ былъ ея главнымъ твореніемъ и, какъ будущій оплотъ противъ враждебныхъ сосѣдей, составляя какъ бы любимое ея дитя, требовалъ по недавнему своему рожденію всего материнскаго ея вниманія. Трудно исчислить всѣ тѣ мѣры, которыя приняты ею къ его безопасенію, населенію и устройству. Однимъ изъ ближнихъ къ сему средствъ, конечно, было назначеніе съ 1774 года командиромъ Новороссійской губерніи генералъ-поручика Потемкина, возведеннаго впослѣдствіи въ князя Таврическаго. Съ той поры край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ неимо-

---

[5]) О церемоніалѣ смотри Московскія Вѣд. № 130 за 1846 г. и Сѣверную Пчелу за Сентябрь 1846 года.

вѣрно быстро сталъ уравниваться съ благосостояніемъ стародавнихъ владѣній имперіи и нынѣ, послѣ 23-хъ лѣтняго блистательнаго управленія вашего сіятельства, представляетъ одну изъ богатѣйшихъ ея частей. Вашему сіятельству не безъизвѣстно, что сама императрица Екатерина II, во время своего путешествія въ Тавриду, въ присутствіи августѣйшихъ ея спутниковъ, Римскаго императора Іосифа II и короля Польскаго, положила нашему губернскому городу Екатеринославу основный камень. Это такое событіе, какого не представляетъ ни одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Оно достойно, чтобъ его увѣковѣчить монументомъ Императрицы, и даже ежегоднымъ торжествомъ, которое напоминало бы жителямъ Екатеринослава и его губерніи, кому и съ котораго времени обязаны они настоящимъ своимъ положеніемъ.

Въ Петербургѣ на литейномъ заводѣ г. Берда находится бронзовая статуя императрицы Екатерины II-ой, отлитая въ Берлинѣ въ 1788 году, художниками Мейеромъ, Маукишемъ и Мельтцеромъ, послѣ 6 лѣтнихъ трудовъ, какъ показываетъ слѣдующая надпись:

Artsf: Berol: fecer:
Meyer tsnx. Maukisch tud: Meltzer fin.
post annos sex.
MDCCLXXXVIII.

Статуя имѣетъ $4^1/_2$ аршина въ высоту и представляетъ Императрицу стоящею въ Римскомъ военномъ панцырѣ, съ малой короной на головѣ, въ длинномъ широкомъ платьѣ, съ поясомъ для меча; въ длинной тогѣ, падающей съ лѣваго плеча; съ приподнятой лѣвой рукой и правой опирающейся на низкій находящійся подлѣ налой, на которомъ лежитъ развернутая книга законовъ, ею изданныхъ, а на книгѣ медали, знаменующія великія ея дѣянія.

Работа превосходная и отчетливая. Статую можно всегда видѣть на заводѣ г. Берда. Государь императоръ Николай Павловичъ неоднократно изволилъ ее разсматривать. По отзывамъ членовъ Академіи Художествъ, отливка нынѣ такой статуи не можетъ обойтись дешевле 50 т. р. асс. Нынѣшній ея владѣлецъ проситъ за нее 7 т. р. сер., обязуясь притомъ отлить въ счетъ сей суммы соотвѣтственный чугунный пьедесталъ. Мѣди въ статуѣ заключается отъ 150 до 200 пудовъ.

Нѣтъ мѣста приличнѣе для этой статуи, какъ залъ Екатеринославскаго Дворянскаго Собранія, для котораго она была предназначена, или же если вашему сіятельству будетъ угодно, то поставить ее на соборной площади нашего губернскаго города.

Пріобрѣтеніе за столь сходную цѣну такого изящнаго монумента городомъ Екатеринославомъ и дворянствомъ его губерніи было бы должнымъ украшеніемъ перваго и достойнымъ доказательствомъ признательности втораго къ памяти высокой основательницы города и первой благодѣтельницы тогдашняго Новороссійскаго края.

Эту мысль обязанностію считаю представить вашему сіятельству на благоуваженіе, въ томъ убѣжденіи, что если она заслужитъ одо-

бреніе ваше, то при начальническомъ содѣйствіи вашемъ, весь Новороссійскій край, въ особенности же Екатеринославская губернія, обязаны будутъ вашему сіятельству, какъ одному изъ ревностнѣйшихъ исполнителей преднамѣреній Екатерины въ отношеніи устройства того края, за достойное и вѣковое свидѣтельство вѣрноподданическаго благоговѣнія къ великой прародительницѣ нынѣ достославно царствующаго императорскаго дома.

15-го Сентября 1844 года. С.Петербургъ.

Письмо флота капитанъ-лейтенанта Г. И. Коростовцова къ губ. предв. дворянства барону Ѳ. Е. Франку.

Милостивый государь Ѳедоръ Ермолаевичъ!

Въ С.Петербургѣ, въ литейномъ заводѣ Берда, стоитъ великолѣпное бронзовое изваяніе блаженной памяти императрицы Екатерины II-ой. Изящное произведеніе художника, достойное предмета сколько по рѣдкому выполненію, столько и по драгоцѣнному сходству съ чертами Монархини, внушаетъ уваженіе каждому наблюдателю. По словамъ Берда изваяніе сіе отлито по заказу генералъ-фельдмаршала кн. Потемкина въ 1788 году, въ Берлинѣ, и въ послѣднее время неоднократно удостоивалось вниманія Его Императорскаго Величества, посѣщавшаго его заводъ. Старикъ Бердъ купилъ случайно эту бронзу въ ломъ; но рука образованнаго хозяина не поднималась на уничтоженіе прекраснаго произведенія. Судьба какъ бы сберегала его для лучшей цѣли. Сынъ Берда, по смерти отца вступившій въ распоряженіе заводомъ, объявилъ мнѣ, что, продержавши у себя 14 л. это изваяніе безъ всякой для него пользы, онъ рѣшился наконецъ отправить его въ семъ годѣ для продажи въ Англію. Намѣреніе Берда ускорило мое желаніе довести о семъ изваяніи до свѣдѣнія вашего пр-ва съ тѣмъ, что не благоугодно ли вамъ будетъ въ настоящіе выборы предложить предводимому вами дворянству о пріобрѣтеніи онаго для украшенія великолѣпной залы всемилостивѣйше пожалованнаго, а трудами и попеченіемъ вашего пр-ва обновленнаго, дома Екатеринославскаго Дворянскаго Собранія. Губерніи Херсонская и Таврическая, издавна раздѣляющія съ нами по земскимъ повинностямъ благородное соревнованіе къ усовершенствованію и пользамъ края, вѣроятно не преминутъ воспользоваться правомъ своего участія, столько же пріятнымъ для нихъ, сколько и для губерніи, носящей имя Екатерины. Въ такомъ случаѣ сборъ суммы будетъ для каждаго почти не чувствителенъ. Считаю излишнимъ излагать в. пр-ву о томъ, сколько осуществленіе этой мысли согласовалось бы и съ историческимъ существованіемъ дворянскаго дома, и съ историческими воспоминаніями самаго края. Полуколоссальное изображеніе отлито цѣлою массою изъ красной бронзы, отличается чистотою отдѣлки, свойственной образцовымъ произведеніямъ и при 4½ аршинахъ высоты заключаетъ въ себѣ до 200 пудовъ вѣсу. По личному моему осмотру, оно совершенно цѣло и нисколько не повреждено временемъ. Бердъ, отливавшій столько достойныхъ примѣчанія предметовъ и украшеній, оцѣняетъ его въ 7000 руб. сер. Онъ говорилъ, что на заказъ оно

стоило бы 15.000 руб. сер. Художникъ Витали, имя котораго Исакіевскіе барельефы передадутъ потомству, сказывалъ, что одна модель для отливки такого сюжета стоила бы 3000 рубл. сер. Чтобы болѣе увѣриться во всемъ этомъ, вы можете запросить строителя знаменитаго Исакіевскаго собора г. Монферана, знающаго это изваяніе и начертившаго на прилагаемомъ рисункѣ простой, но весьма приличный пьедесталъ, каковой Бердъ берется отлить изъ чугуна безденежно, и съ которымъ высота изваянія составитъ 6 аршинъ, а наконецъ снестись и съ самимъ Бердомъ, какъ о томъ, чтобы онъ не спѣшилъ отправленіемъ изваянія въ Англію, такъ и объ уступкѣ въ цѣнѣ, на которую, быть можетъ, при ходатайствѣ вашемъ, онъ согласится. Исполненный глубокаго уваженія къ высокимъ достоинствамъ предводимаго вами образованнаго сословія, я счелъ пріятною обязанностію довести до свѣдѣнія вашего пр-ва объ этомъ случайномъ и, можетъ быть, единственномъ въ своемъ родѣ изваяніи, пріобрѣтеніе котораго столько же будетъ зависѣть отъ содѣйствія вашего, сколько и отъ средствъ дворянства, на какой конецъ полученный мною отъ Берда рисунокъ, представляющій очерки изваянія, при семъ на благоусмотрѣніе ваше представляю.

Сентября 20-го 1844. Изъ с. Уплатнаго. Павлоградскаго уѣзд. Екатеринославской губ.

Письмо Л. И. Коростовцова къ б-ну Ѳ. Е. Франку.

По счастливому открытію мною съ братомъ моимъ Глѣбомъ Ивановичемъ возможности къ пріобрѣтенію дворянствомъ Екатеринославской губерніи колоссальной статуи императрицы Екатерины I, для воздвигнутія великой основательницѣ Екатеринослава монумента, о коемъ небезъизвѣстно вашему превосходительству изъ сообщенныхъ дворянству записокъ, обязанностію считаю довести до свѣдѣнія вашего, м. г., что во время пребыванія здѣсь г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, я довелъ о всемъ этомъ до свѣдѣнія его сіятельства. Предположеніе было принято имъ съ особеннымъ удовольствіемъ и съ такою горячностію, что графъ безотложно пожелалъ видѣть статую и на другой же день былъ для сего на заводѣ г. Берда съ графомъ П. Д. Киселевымъ. Они нашли, что статуя отличной работы, вполнѣ достойна назначенія и осыпали меня изъявленіями благодарности за указаніе ея.

Графъ Михаилъ Семеновичъ лично слышалъ отъ г. Берда повтореніе условій, на коихъ продаетъ онъ эту статую, пожелалъ имѣть рисунокъ ея и въ разговорѣ со мною изъяснилъ, что очень радъ этому открытію, чрезъ которое легко можетъ исполниться давнишнее намѣреніе нашего дворянства, что онъ не замедлитъ сообщить о семъ дворянству и съ удовольствіемъ приметъ участіе въ пріобрѣтеніи статуи; а послѣ испроситъ высочайшее соизволеніе на воздвигнутіе монумента. Я не ошибся, говоривъ его сіятельству, что дворянство подъ предводительствомъ вашимъ окажетъ равную же готовность на это дѣло и что оно увѣдомлено мною и братомъ моимъ о сей статуѣ.

Нынѣ, получивъ отъ брата Глѣба Ивановича увѣдомленіе о протоколѣ дворянства, во время выборовъ по сему случаю состоявшемся, покорнѣйше прошу, м. г., поспѣшить доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія графа М. С. Воронцова, дабы предварить предложеніе дворянства, о которомъ онъ намекалъ.

Съ своей стороны не излишнимъ нахожу препроводить записку, которую по прочтеніи моемъ графу угодно было взять къ себѣ. Касательно же составленія рисунка для отливки изъ чугуна подъ бронзу приличнаго пьедестала подъ статую, можно будетъ здѣсь посовѣтоваться съ академиками Императорской Россійской Академіи Художествъ. Я полагалъ бы, чтобъ надписи ограничились съ одной стороны: „Екатеринѣ II-ой основавшей сей градъ 9 Мая 1787 г". а съ другой: „Дворянство Екатеринославской губерніи 184 г". На другихъ двухъ фасахъ можно означить присутствіе императора Римско-Австрійскаго и короля Польскаго.

25 Октября 1844 г. С.Петербургъ.

Письмо графа Воронцова къ Павлоградскому уѣздному предводителю дворянства.

Узнавъ отъ г. Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства, д. с. с. барона Франка о намѣреніи Екатеринославскаго дворянства воздвигнуть памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II-ой, я имѣю честь обратиться къ вашему высокоблагородію съ покорнѣйшею просьбою объ оказаніи вашего, м. г., содѣйствія къ успѣшнѣйшему сбору по сдѣланной по предводительствуемому вами уѣзду поземельной раскладки; ибо я не прежде могу принять на себя ходатайство у Государя Императора о дозволеніи Екатеринославскому дворянству исполнить свое намѣреніе какъ по представленіи объ имѣющейся на то наличной суммѣ. Весьма желательно, чтобы сумма эта была бы собрана къ 1-му Мая будущаго года.

Декабря 7. 1844. Алупка.

Изъ письма барона Ѳ. Е. Франка къ Л. И. Коростовцову.

Вы первые указали путь къ осуществленію нашихъ предположеній открытіемъ драгоцѣннаго изваянія императрицы на заводѣ г. Берда. Отъ лица предводимаго мною дворянства имѣю честь принесть вамъ признательность за участіе ваше, способствовавшее намъ пріобрѣсть это высокое произведеніе и вмѣстѣ съ этимъ покорнѣйше васъ просить, согласно съ объявленнымъ условіемъ г. Берда, принять трудъ поручить лучшему изъ художниковъ сдѣлать для пьедестала рисунокъ, соотвѣтственный его назначенію.

Апрѣля 7 дня 1845 г. Екатеринославъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

Характеристики.

I.

N. N. можетъ казаться гордымъ, но онъ не гордъ, а скорѣе не всегда и не со всѣхъ сторонъ общедоступенъ. У него на лбу не написано: *очень радъ познакомиться съ вами*, подобно вывѣскѣ на гостинницѣ. Онъ не заѣзжій домъ, открытый для всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ. Онъ не бѣгаетъ на встрѣчу къ каждому съ распростертыми объятіями. Объятія его не гибки; они рѣдко настежъ растворяются. Къ нему не входишь большими воротами, а потаенною, завѣтною калиткою. Если покажется ему, что кто нибудь заискиваетъ его и обращается къ нему привѣтливымъ лицемъ, онъ готовъ на двадцать шаговъ предупредить его; но если кто какъ будто сторонится и ожидаетъ отъ него заявленія и задатка, онъ на пятьдесятъ шаговъ отступаетъ. И тогда дѣло кончено: никакому сближенію во вѣки вѣковъ не бывать. Онъ въ людяхъ вообще держится подаль, не въ наступательномъ, а въ оборонительномъ положеніи. Тутъ есть, быть можетъ, доля гордости, но есть и доля смиренія. Онъ не ставитъ себя выше другихъ, но въ немъ развилось ревнивое чувство охраненія своего достоинства; разумѣется, достоинства не личнаго, не условнаго, а просто достоинства, присущаго каждому нравственному и по чувствамъ своимъ независимому человѣку.

Это достоинство для него сокровище. Онъ охраняетъ его, какъ приставленный часовой оберегаетъ царскія регаліи, ввѣренныя ему подъ отвѣтственность его, какъ кустодія охраняетъ святыню.

Между тѣмъ, по какому-то разнорѣчію въ натурѣ его, онъ въ одно время и необщедоступенъ, и общежителенъ. По различнымъ обстоятельствамъ внѣшнимъ и прирожденнымъ, по движенію и переворотамъ жизни N. N.—такая личность, которую почти всѣ знаютъ. Назови по одному крестному имени его, и всѣ догадаются, что говорятъ именно о немъ, а не о комъ другомъ. Онъ человѣкъ улицы, толпы, всякаго сборища. Но ни онъ толпою не поглощается, ни толпа не отражается въ немъ. Кто-то изъ пріятелей его сказалъ, что онъ одна изъ плошекъ, которыя зажигаются на улицахъ по праздничнымъ днямъ. Но вообще ничего нѣтъ праздничнаго въ немъ. Онъ существо самое будничное. Когда онъ и въ средѣ своей, между равными, онъ все смотритъ какимъ-то постороннимъ: и

они какъ будто не признаютъ его своимъ, и онъ какъ будто не признаётъ ихъ своими. Есть какая-то коренная разнородность между ними. Въ этомъ и сила и слабость его. Но онъ на эту слабость не жалуется: скорѣе онъ ею утѣшается и ею дорожитъ. Вотъ здѣсь, можетъ статься, и гнѣздится червякъ городости. Еще нѣтъ на землѣ человѣка, который такъ или иначе не носилъ-бы въ себѣ зародыша этой гадины. Еще одна черта: не смотря на свое *особничество*, N. N. бывалъ въ пріятельскихъ связяхъ своихъ мало разборчивъ. Бывали пріятелями ему не рѣдко люди очень посредственные, дюжинные, даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не безупречные, пожалуй, частью, и предосудительные. Въ этомъ отношеніи натура его была снослива. Одно натура его не могла вынести: соприкосновеніе съ натурами низкопробными, низкопоклонными, низкодушными.

II.

А вотъ, напримѣръ X. X.—совершенная противоположность съ N. N. Онъ его антиподъ, онъ отрицаніе его. Нельзя и представить себѣ, чтобы они были созданы изъ одной и той же персти, изъ одного и того же духа. У него на лбу отчеканено крупными буквами: *я вашъ*, не то уже, что *познакомился*. На какую и на чью сторону онъ ни повернись, все прочтешь: *я вашъ*. Ему мало знакомиться, онъ отдаетъ себя, предаетъ себя; если не продаетъ себя, то развѣ единственно потому, что никто не купитъ его. Да и за чѣмъ покупать, когда онъ даромъ весь тутъ на лице? Только берите! Для него нужнѣе всего, пуще всего не быть собою, а быть чьею нибудь собственностью. Онъ томится тоскою, сгараетъ жаждою зависимости, кидается на все и на всѣхъ, чтобы къ чему нибудь прицѣпиться; гдѣ кидаться нельзя, онъ ползкомъ ползетъ, чтобы къ кому нибудь или къ чему нибудь прилипнуть, и прилипнетъ. N. N. боится популярности, какъ болѣзни заразительной и повсемѣстно господствующей въ воздухѣ: X. X. всячески прививаетъ себѣ эту болѣзнь. Онъ охотно, страстно записывается въ лазареты популярности, то есть въ журналы. Пьетъ съ больными изъ одного стакана, ѣстъ съ одной тарелки, ложится на кровать больнаго, дышетъ дыханіемъ его; согрѣвается, увлажается его испариною. Такимъ образомъ онъ проникнутъ, пропитанъ, промазанъ, промозгнутъ, прошпигованъ популярностью. — Чтò онъ за человѣкъ? спросите вы хорошо знающихъ его, близкихъ ему. — Онъ очень популяренъ, скажутъ они вамъ, и болѣе ничего сказать о немъ не съумѣютъ и не могутъ. Онъ вѣшалка всѣхъ возможныхъ дипломовъ, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ обществъ по всѣмъ отраслямъ науки, промышленности, художествъ, техники, благотворительности, усыпительности, говорительности, уморительности, собако и кошко-любивой попечительности и, такъ далѣе, и такъ далѣе. Онъ запѣвало, онъ юлà, непремѣнный *Спичинскій* всѣхъ юбилейныхъ обѣдовъ и годовщинъ. Какъ выходецъ изъ Полинезіи, онъ словно *татуированъ* всѣми печатями и подписями президентскими, комитетскими, духовными и свѣтскими. Взглянешь на него, ажъ въ глазахъ заря-

битъ. Если, паче чаянія, имя его не встрѣтилось-бы въ какомъ нибудь обществѣ, хотя въ числѣ почетныхъ членовъ, сотрудниковъ, или иногородныхъ корреспондентовъ,—то подобное общество походило-бы на человѣка, который родился безъ мизинца на лѣвой рукѣ.

III.

Имя-ре́къ былъ въ свое время не дѣйствительный тайный, а просто дѣйствительно тайный совѣтникъ, котораго совѣты ни единой душѣ на землѣ не были извѣстны. Онъ не чванился и не тяготился званіемъ своимъ. Казалось, что онъ такъ и рожденъ тайнымъ совѣтникомъ. О жизни его сказать много не для чего и нечего. Но слѣдуетъ припомнить здѣсь поговорку: *смерть животы покажетъ.* Онъ умеръ именно своею натуральною смертью: за карточнымъ столомъ въ Англійскомъ клубѣ. Роднымъ и пріятелямъ его остается утѣшеніе сказать себѣ, что онъ до самой кончины сохранилъ всю ясность, бодрость и свѣжесть своихъ внутреннихъ и духовныхъ силъ: за двѣ минуты до смерти упрекалъ онъ партнера своего за то, что тотъ вышелъ съ бубновой десятки, когда нужно было выходить съ червоннаго валета.

*

Разговоръ характеристическій.

№ 1. (*внушительно и нѣсколько сурово*).—А ты, голубчикъ, начинаешь опять шалить! Если такъ пойдетъ, то немудрено, что и выключимъ тебя изъ своихъ.

№ 2. (*робко и съ нѣкоторою запинкою*).—А что̀ же я такое сдѣлалъ?

№ 1. Какъ что! Ты вчера обѣдалъ у графа З., а дня за два предъ тѣмъ у генерала Ю.

№ 2. Это вовсе не отступленіе съ моей стороны, а просто лакомство. Каюсь, люблю пріятно и вкусно поѣсть и попить; а у этихъ господъ отличные повара и отличныя вина. Послѣ обѣда подаютъ великолѣпныя, настоящія Гаванскія сигары! Бери сколько хочешь. Мамонъ свой потѣшилъ я: грѣха не таю. Но впрочемъ велъ я себя съ приличнымъ достоинствомъ; святости принципа не измѣнилъ; ни разу не сказалъ я графу: ваше сіятельство, а генералу: ваше превосходительство.

№ 1. Это похвально. А когда опять будешь тамъ, захвати три-четыре сигары и принеси мнѣ на пробу.

*

Кто-то, въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ, увѣрялъ молодую барыню, что онъ безъ ума влюбленъ въ нее. Какъ можете вы думать, отвѣчала она, что я повѣрю такой нелѣпости (absurdité)?—Тутъ-то и вѣрить, возразилъ онъ: припомните слова блаженнаго Августина: credo, quia absurdum.—Я полатынѣ не знаю, отвѣчала красавица.—Si c'est ainsi, j'y perdrai mon latin, mais je ne vous en aimerai pas moins.

Неизвѣстно, чѣмъ кончился разговоръ и какія были послѣдствія его.

*

Молодая дѣвица общипывала розу и клала листочки въ ротъ. — Я и не зналъ, что вы изъ самоѣдокъ, сказалъ ей старый волокита.

*

А, если пошло на старину, такъ вотъ старосвѣтскіе мадригалы, найденные въ одномъ *разрозненномъ томѣ изъ библіотеки чертей*, какъ сказалъ Пушкинъ, то есть въ Московскомъ альбомѣ. Эти мадригалы написаны, можетъ быть, княземъ Шаликовымъ; а можетъ быть и не имъ:

1.

Что̀ написать мнѣ вамъ въ альбомъ?
У васъ есть близь аптеки домъ;
Но гдѣ найти лекарства
Отъ вашихъ прелестей и вашего коварства?

2.

Кто старшая изъ нихъ? вопросъ сей не рѣшенъ:
Онѣ и красотой и свѣжестью двойчатки;
И какъ ни мучусь я, не разрѣшу загадки:
Влюбленъ-ли въ матушку, иль въ дочку я влюбленъ.

3.

Быль и мечтательность, поэзія и проза.
Вдоль дома вашего, въ день лютаго мороза,
Я шелъ,—и страсти пылъ горѣлъ въ груди моей:
Вашъ милый образъ мнѣ мечтался все живѣй.
Въ окнѣ за стеклами у васъ алѣла роза.
Я думалъ, это вы, и поклонился ей.

*

При старушкѣ читали оду Петрова къ графу Григ. Григ. Орлову:

Блюститель строгаго Зенонова закона
И стоикъ посреди великолѣпій трона.

При первомъ стихѣ, старая барыня перервала чтеца: Какой вздоръ! Совсѣмъ не *Зенонова*: законная жена графа Орлова была *Зиновьева*; я очень хорошо знавала ее.

*

Робкой, по крайней мѣрѣ на словахъ, молодой человѣкъ, не смѣя выразить устно, пытался подъ столомъ выразить ногами любовь свою сосѣдкѣ, уже испытанной въ дѣлѣ любви. Если вы любите меня, сказала она, то говорите просто, а не давите мнѣ ногъ, тѣмъ болѣе что у меня на пальцахъ мозоли (исторически-вѣрно).

*

Въ Москвѣ допожарной жили три старыя дѣвицы, три сестрицы Лев. *** Ихъ прозвали тремя Парками. Но эти Парки никого не пугали, а разъѣзжали по Москвѣ и были непремѣнными посѣтительницами всѣхъ баловъ, всѣхъ съѣздовъ и собраній. Какъ всѣ онѣ ни были стары, но все-же третья была меньшая изъ нихъ. На ней

сосредоточились любовь и заботливость старшихъ сестеръ. Онѣ ея съ глазъ не спускали, берегли съ какимъ-то материнскимъ чувствомъ и не позволяли ей выѣзжать изъ дома одной. Бывало, пріѣдутъ онѣ на балъ первыя и уѣзжаютъ послѣднія. Кто-то однажды говоритъ старшей: „Какъ это вы, въ ваши лѣта, можете выдерживать такую трудную жизнь? Не ужели вамъ весело на балахъ?“— „Чего тутъ весело, батюшка, отвѣчала она. Но надобно иногда и потѣшить нашу шалунью“. А этой шалуньѣ было уже 62 года.

*

Москва была всегда обильна дѣвицами. Въ Москвѣ также проживали три или четыре сестрицы. Домъ ихъ былъ на улицѣ—нѣтъ, не скажу на какой улицѣ. Всякій день каждая изъ нихъ сидѣла у особеннаго окна и смотрѣла на проѣзжающихъ и на проходящихъ, можетъ быть выглядывая суженаго. Какой-то злой шутникъ— можетъ быть Копьевъ—сказалъ о нихъ: на каждомъ окошкѣ по лепёшкѣ Такъ и помню, что въ дѣтствѣ моемъ слыхалъ я о княжнахъ-Лепёшкахъ. Другаго имени имъ и не было.

Москва всегда славилась прозвищами и кличками своими. Впрочемъ, кажется, этотъ обычай встрѣчался и въ древней Руси. Въ новѣйшее время онъ обыкновенно выражается насмѣшкою, что̀ также совершенно въ Русскомъ духѣ. Помню въ Москвѣ одного Гаевскаго, лѣтъ уже довольно пожилыхъ, котораго не звали иначе какъ *Зефиръ* Раевскій, потому что онъ вѣчно порхалъ изъ дома въ домъ. Порхалъ онъ и въ разговорѣ своемъ, ни на чемъ серьезно не останавливаясь. Одного Василія Петровича звали Василисой Петровной. Былъ король Неапольской, генералъ Бороздинъ, который ходилъ съ войскомъ въ Неаполь и имѣлъ тамъ много успѣховъ по женской части. Онъ былъ очень строенъ и красивъ. Одного изъ временщиковъ царствованія императрицы Екатерины, Ив. Ник. Корсакова, прозвали Польскимъ королемъ, потому что онъ всегда, по жилету, носилъ ленту Бѣлаго Орла.

Былъ князь Долгоруковъ *балконъ*, такъ прозванный по сложенію губъ его. Былъ князь Долгоруковъ *каламбуръ*, потому что онъ каламбурами такъ и сыпалъ. Былъ князь Долгоруковъ l'enfant prodigue, который, въ теченіи немногихъ лѣтъ, спустилъ богатое наслѣдство, полученное отъ отца. Дочь его была прозвана:

Киргизкайсацкая царевна,
Владычица златой орды,

потому что въ лицѣ ея, оживленномъ и возбудительномъ, было что-то восточное, и что имѣла она много поклонниковъ. Была красавица, княгиня Масальская (домъ на Мясницкой), la belle sauvage— прекрасная дикарка—потому что она никуда не показывалась. Мужъ ея, *князь мощи*, потому что онъ былъ очень худощавъ. Всѣхъ кличекъ и прилагательныхъ не припомнишь. Въ Москвѣ и дома̀ носили клички. На Покровкѣ домъ князя Трубецкаго, по странной архитектурѣ своей, слылъ *домъ-комодъ*. А по дому и семейство князя называли: *Трубецкіе-комодъ*. Домъ, кажется, не сгорѣлъ въ по-

жарѣ 1812 года, и въ оффиціальномъ донесеніи о пожарѣ упоминался онъ *домъ-комодъ*. Такъ другой князь Трубецкій извѣстенъ былъ въ обществѣ и по полицейскимъ спискамъ подъ именемъ князь-*тарара*, потому что это была любимая и обыкновенная прибаутка его. Между прочимъ онъ прозвалъ престарѣлаго отца своего, когда и самъ былъ уже старъ: le père éternel.

А домъ Пашкова на Моховой? Не знаю, носилъ-ли онъ въ народѣ особую кличку, но дѣти прозвали его волшебнымъ замкомъ. На горѣ, отличающійся самобытною архитектурою, красивый и величавый, съ бельведеромъ, съ садомъ на улицу, а въ саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморскія птицы; по праздникамъ игралъ въ саду домашній оркестръ. Какъ бывало ни идешь мимо дома, такъ и прильнешь къ желѣзной рѣшеткѣ; глазѣешь и любуешься; и всегда рѣшетка унизана дѣтьми и простымъ народомъ.

Тоже въ старое время была въ Петербургѣ графиня Головкина. Ее прозвали *мигушей*, потому что она безпрестанно мигала и моргала глазами. Другаго имени въ обществѣ ей не было. Пріѣзжій иностранный посланникъ, наслышавшись этого имени и однажды имѣя нужду къ ней писать, преспокойно и прямо надписалъ письмо: à madame, madame la comtesse migoushe.

*

Тоже старина. Въ кавалергадскомъ полку (почему не говорится кавалергвардъ, какъ конногвардеецъ?) одного офицера прозвали *супъ*. Онъ былъ большой хлѣбосолъ и встрѣчнаго и поперечнаго приглашалъ de venir manger la soupe chez lui, то есть порусски щей похлебать. Между тѣмъ онъ былъ очень щекотливъ, взыскателенъ, раздражителенъ. Бѣдовой онъ человѣкъ, съ приглашеніями своими, говаривалъ Денисъ Давыдовъ; такъ и слышишь въ приглашеніи его: покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ отобѣдать, а не то извольте драться со мною на шести шагахъ разстоянія. Этотъ оригиналъ и пригласитель съ пистолетомъ, приставленнымъ къ горлу, былъ впрочемъ образованный человѣкъ и пользовавшійся уваженіемъ. Около тридцатыхъ годовъ, онъ, изъ среды общества, изъ среды семейства, со дня на день, пропалъ безъ вѣсти. Никто не зналъ, кажется, и нынѣ не знаетъ, куда дѣвался онъ, какъ кончилъ и покончилъ-ли съ жизнью своею. Объяснительной причины къ исчезновенію его также никто придумать не могъ.

Года два-три спустя, на дѣтскомъ балѣ замѣтилъ я малолѣтняго сына его, танцовавшаго съ маленькою дочкою отца, который года два предъ тѣмъ зарѣзался. Разумѣется, эта встрѣча была дѣло случая, и вѣроятно, дѣти и не знали о злополучной участи родителей своихъ, но и въ самомъ случаѣ бываетъ иногда много трагическаго драматизма.

*

Умъ и талантъ не всегда близнецы, не всегда сросшіеся братья-Сіамцы. Напротивъ, они не рѣдко разрозненные члены. Умъ самъ по себѣ, талантъ самъ по себѣ. Такая разрозненность обыкновен-

но встрѣчается въ литературѣ: есть умъ, особенно въ поэзіи, въ стихотворствѣ, то есть внутренность; но нѣтъ приличной и красивой оболочки, чтобы облечь сырую внутренность. Есть талантъ, то есть нарядная блестящая оболочка; но подъ него нѣтъ никакого ядра, нѣтъ никакой сердцевины. Можно быть отличнымъ скрипачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ ума весьма посредственнаго. Перо тотъ-же смычекъ.

*

Нѣкоторые, такъ называемые, свѣтскіе романы богаты блестящими и тонко обдѣланными принадлежностями. Комната красиво убрана, все въ ней разставлено въ изящномъ и щегольскомъ порядкѣ, много искусства и мастерства и вкуса въ разбросанныхъ здѣсь и тамъ издѣліяхъ, побрякушкахъ; есть и цѣнныя картины вдоль стѣнъ, есть и замѣчательныя произведенія ваянія. Одна бѣда: комната пуста. Читаешь романъ и все ждешь, чтобы въ комнату вошелъ хозяинъ, чтобы въ комнату вошла жизнь; но ни онъ, ни она ни входятъ. Прекрасное женское платье, прекрасные женскіе наряды висятъ на вѣшалкѣ и лежатъ на туалетномъ столѣ. Такъ и ждешь, вотъ придетъ красавица и придастъ жизнь и значеніе этимъ блестящимъ прелестямъ. Она облечется ими; и она ими украсится, и онѣ украсятся ею. Читаешь романъ, а все красавица не является.

*

Памятный Москвѣ оригиналъ, Василій Петровичъ Титовъ, ѣхалъ въ Хамовническія казармы къ князю Хованскому, начальствующему надъ войсками, расположенными въ Москвѣ. Ѣхалъ туда-же и въ тоже время князь Долгоруковъ, не помню какъ звали его. Онъ нѣсколько разъ обгонялъ карету Титова. Наконецъ сей послѣдній, высунувшись въ окно, кричитъ ему: куда спѣшишь? Всѣ тамъ будемъ. Когда доѣхали до подъѣзда казармъ, князя Долгорукаго вытащили мертваго изъ кареты.

Около того времени умеръ въ Москвѣ Ст. Степан. Апраксинъ. Вотъ какіе слухи ходили въ городѣ по поводу смерти его. Приближенные къ нему передавали, что онъ не одинъ разъ разсказывалъ бывшій съ нимъ въ молодости случай. Онъ былъ въ пріятельскихъ связяхъ, опять не упомню съ кѣмъ именно. По какимъ-то служебнымъ непріятностямъ, этотъ пріятель вынужденъ былъ выдти изъ военной службы. Онъ поселился въ Москвѣ. Это было въ царствованіе Екатерины II и, кажется, во время управленія Москвою князя Прозоровскаго. Увольненіе отъ службы дѣлало положеніе его въ Москвѣ нѣсколько сомнительнымъ. Онъ умираетъ. По распоряженію градоначальника, отмѣняются военныя почести, обыкновенно оказываемыя при погребеніи бывшаго военнаго лица. Апраксину показался такой отказъ неблаговиднымъ и несправедливымъ. Онъ тогда командовалъ полкомъ въ Москвѣ и прямо отъ себя и, такъ сказать, частнымъ образомъ воздалъ покойнику подобающія ему почести. Въ ночь слѣдующую за погребеньемъ является ему умершій, благодаритъ его за дружескій и благородный поступокъ и ис-

чезаетъ, говоря ему: до свиданія. Гораздо позднѣе вторично является онъ ему, и въ этотъ разъ, сказалъ онъ: „Теперь приду къ тебѣ, когда мнѣ суждено будетъ увѣдомить тебя, что ты долженъ готовиться къ смерти“. Прошли многіе годы. Апраксинъ успѣлъ устарѣть. Вѣроятно онъ болѣе не думалъ о являвшемся ему привидѣніи; по крайней мѣрѣ, изгладились первыя впечатлѣнія. Ничего мрачнаго и напуганнаго въ немъ не замѣчалось. Напротивъ, онъ пользовался и наслаждался жизнью, любилъ свѣтскія развлеченія и самъ въ теченіи многихъ лѣтъ угощалъ Москву разными увеселеніями и празднествами: зимою въ городскомъ домѣ, лѣтомъ въ подмосковной. Наконецъ онъ легко занемогаетъ; ни докторъ его, ни домашніе не обращаютъ особеннаго вниманія на легкую простуду. Но онъ самъ, впрочемъ нрава немнительнаго, озабоченъ нездоровьемъ своимъ, часто задумчивъ и мраченъ. Нѣсколько дней спустя, онъ, къ удивленію врача своего, почти безъ видимой болѣзни и причины, угасаетъ. Эту неожиданную смерть объясняли третьимъ видѣніемъ, или сновидѣніемъ, котораго былъ онъ жертвою.

По кончинѣ Апраксина Москва уже не видала подобнаго барскаго и гостепріимнаго дома.

Чтобы дать понятіе о широкомъ размѣрѣ хлѣбосольства его, скажемъ, что вскорѣ послѣ возрожденія Москвы онъ, не помню по какому случаю, далъ въ одинъ и тотъ-же день обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія на стопятьдесятъ человѣкъ, а вечеромъ въ домѣ своемъ балъ и ужинъ на пять сотъ. Это что-то Гомерическое, или просто бѣлокаменное, Московское. Впрочемъ, не слыхать было, чтобы хозяйство и дѣла его были разстроены въ слѣдствіе подобныхъ Балтазарскихъ пиршествъ. Но не одними плотоядными пиршествами отличался этотъ Московскій барски-увеселительный домъ. Болѣе возвышенныя и утонченныя развлеченія и празднества также не были забыты. Бывали въ немъ литтературные вечера и чтенія, концерты, такъ называемые благородные или любительскіе спектакли. Въ городскомъ домѣ была обширная театральная зала. Въ числѣ близкихъ Апраксину пріятелей назовемъ Ѳед. Ѳед. Кокошкина, кажется, нѣсколько и родственника ему, и Алексѣя Михайловича Пушкина. Это были два соперника-impresario. Первый завѣдывалъ Русскою сценою, другой Французскою. Оба и сами были отличные актеры, каждый въ своемъ родѣ. Но преимущество было, разумѣется, на сторонѣ послѣдняго, именно отъ того, что онъ игралъ пофранцузски, могъ пользоваться разнообразнымъ выборомъ въ богатой сценической литтературѣ; другой же долженъ былъ долго искать въ очень скудной драматической библіотекѣ и рѣдко могъ что найдти. Нашъ театръ держится вообще переводами и подражаніями, подъ какою-то фабричною передѣлкою *на Русскіе нравы*. И обыкновенно выходить, что нравы перестали быть Французскими, но въ Русскую плоть не облеклись. Старыя наши комедіи, какъ напримѣръ Недоросль Фонъ-Визина или Хвастунъ Княжнина, слишкомъ устарѣли по формѣ и пріемамъ своимъ для нашей публики. За неимѣніемъ комедій, Кокошкинъ любилъ обуваться въ трагическій котурнъ. Онъ хорошо зналъ театръ, изучилъ сцениче-

ское искусство; но наружность и средства его были не трагическія. Нельзя было сказать о немъ: qu'il avait le physique de son emploi. Именно физика измѣняла ему. Онъ былъ малаго роста, лицемъ очень некрасивъ. Ничего героическаго и энергическаго въ немъ не было. Трагическій шлемъ вовсе не былъ къ лицу ему; вязаное нижнее платье, тѣлеснаго цвѣта, также было не кстати. Голосомъ владѣлъ онъ довольно хорошо, стихъ произносилъ толково и правильно; но въ голосѣ было что-то слишкомъ зычное и напыщенное, что̀ часто встрѣчается на театрѣ нашемъ. Роль свою понималъ онъ хорошо. Вообще былъ онъ актеръ не безъ дарованія, классикъ по убѣжденію и до мозга костей своихъ: онъ держался старинныхъ сценическихъ преданій и обычаевъ, до суевѣрія, до язычества. Но самъ-то на сценѣ никакъ быть не могъ классическимъ героемъ.

Помню въ домѣ Апраксина представленіе трагедіи Вольтера, *Альзира*, въ старинномъ переводѣ Карабанова, впрочемъ довольно близкомъ и не лишенномъ достоинства. Тутъ подвизались Кокошкинъ, двоюродный братъ его, тоже Кокошкинъ съ женою своею и поэтъ Ивановъ. Если Ѳед. Ѳед. былъ довольно сухощавъ, то два другіе дородствомъ своимъ занимали на сценѣ достаточно видное мѣсто. Это представленіе имѣло, разумѣется, свою восторженную и до ломанія рукъ хлопающую публику. И тогда уже были патріотическіе театралы, почитавшіе почти государственною измѣною болѣе любить хорошее драматическое представленіе Французское, нежели плохое отечественное. Но и тутъ въ числѣ зрителей, были, хотя и въ меньшиствѣ, нѣкоторые изъ такихъ государственныхъ преступниковъ и неблагодарныхъ сыновъ Россіи: они исподтишка улыбались, глядя на трагическія усилія усердныхъ лицедѣевъ. Вас. Львов. Пушкинъ былъ въ числѣ такихъ злоумышленниковъ. По добрымъ свойствамъ своимъ, не очень задирчивый въ эпиграмахъ, онъ, выходя изъ театра, сказалъ довольно забавно:

Гусмана видѣлъ я, Альзиру и Замора.
Умора!

Былъ еще памятный спектакль въ лѣтописяхъ Апраксинскаго театра. Разыгрывали Цивильскаго Цырюльника. А. М. Пушкинъ былъ учредителемъ и дѣйствующимъ лицемъ представленія. Онъ тоже былъ большой любитель и большой знатокъ сценическаго искусства. На театральныхъ подмосткахъ былъ онъ какъ въ комнатѣ, какъ дòма. Вообще онъ не легко смущался и никогда не рисовался. Публика для него не существовала. Онъ игралъ роль свою, какъ чувствовалъ и какъ понималъ ее, и всегда чувствовалъ и понималъ ее вѣрно: выражался непринужденно. Игра въ лицѣ его была мимическая и внѣ сцены. Разумѣется, въ комедіи Бомарше, по всѣмъ правамъ, принадлежала ему роль Фигаро. Никогда Французскій авторъ не могъ придумать себѣ лучшаго Фигаро и лучшей Розины, какъ тѣхъ, которые дала ему Москва. Молодая дѣвица Шишкина (въ послѣдствіи г-жа Гедеонова) была прелестная Розина. Собою миловидная, красивая, она, игрою натуральною и

смышленою, милою смѣсью дѣвической простоты и дѣвичьяго лукавства, совершенно вѣрно и превосходно выразила созданіе, вымышленное Бомарше. Къ тому-же была она отличная пѣвица: голосъ свѣжій, чистый, свѣтлый, звонкій. Вставленныя въ комедію аріи, пропѣтыя ею, довершили торжество ея. Домъ Апраксина (который, въ послѣдствіи, кажется, былъ домомъ призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей умершихъ отъ холеры — вотъ какъ судьба распоряжается, не только людьми, но и домами!) былъ предназначенъ быть храмомъ искусства. Много лѣтъ играли на его театрѣ императорскіе актеры и опера Итальянская, выписанная и учрежденная также при содѣйствіи Апраксина.

Тузы, которые въ Москвѣ *живали и умирали*, право, были не лишніе: каждый городъ могъ бы пожелать имѣть ихъ въ своей игрѣ.

Подмосковная *Льгово* была достойною пристройкою къ городскому дому, и тутъ посѣтители слѣдовали за посѣтителями, праздники за праздниками, спектакли за спектаклями. Въ послѣднемъ отношеніи не довольствовались легкими комедіями и водевилями: изъ стараго Французскаго репертуара выбирали комедіи пятиактныя и перваго разряда; напримѣръ: La Coquette Corrigée. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Пушкинъ явился маркизомъ самаго Версальскаго чекана; въ другой піесѣ настоящимъ Французскимъ слугой, наглымъ и плутоватымъ; а подъ конецъ Русскимъ старостою. Въ деревенской картинѣ, запросто написанной, пѣли куплеты въ честь хозяйкѣ, то есть Екатеринѣ Владиміровнѣ, которую, за нѣсколько строгую красоту ея, прозвали въ Парижѣ: la Vénus en courroux. На долю Пушкина палъ слѣдующій куплетъ:

Былъ я щеголемъ Французскимъ,
Былъ обманщикомъ слугой,
Я теперь красавцемъ Русскимъ,
При усахъ и съ бородой.
Малой я во всемъ послушной
И съ другими на подхватъ,
Для хозяйки добродушной,
Я въ огонь и въ воду радъ.

Предъ самымъ спектаклемъ, пріѣхалъ изъ Петербурга князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ. Сейчасъ завербовали и его, и онъ пропѣлъ куплетъ тутъ же написанный. Для незнавшихъ его нужно замѣтить, что онъ былъ очень толстъ.

Изъ Санктъ-Питера на праздникъ,
Я нарочно прилетѣлъ.
Балагуръ я и проказникъ,
И пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.
Оцѣнить меня глазами,
Я кажусь пудовикомъ;
Но попраздновать съ друзьями
Нетяжелъ я на подъёмъ.

*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОЛЬСКАГО ЕПИСКОПА БУТКЕВИЧА *).

До сихъ поръ я не знаю, по чьей иниціативѣ и съ какою цѣлью папа надѣлилъ меня званіемъ протонотарія: или хотѣли этимъ пустымъ титуломъ умилостивить наше правительство, которое было бы слишкомъ обижено, еслибъ я возвратился ни съ чѣмъ, или же, что̀, какъ я думаю, гораздо вѣрнѣе,—хотѣли переманить меня на свою сторону. Институтъ протонотаріевъ восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства и прежде имѣлъ большое значеніе; нынѣ онъ состоитъ изъ семи дѣйствительныхъ членовъ, которые щедро оплачиваются, и изъ многихъ почетныхъ. Чтобъ придать этому званію болѣе важности, отъ кандидатовъ требуютъ соотвѣтственнаго образованія и личной извѣстности папѣ; получающій же его долженъ былъ совершить присягу въ св. инквизиціи. Я рѣшительно отказывался принять этотъ титулъ, но г. Бутеневъ совѣтовалъ мнѣ не противиться. Конгрегація св. инквизиціи въ Римѣ первая по важности; въ ней предсѣдательствуетъ самъ папа или прелатъ, пользующійся полнымъ его довѣріемъ. Въ ту пору папу замѣнялъ Катерини—и предъ нимъ-то я изложилъ свое вѣроисповѣданіе и произнесъ клятву по старинному образцу, въ силу которой я обязывался быть шпіономъ, цензоромъ и обо всемъ доносить папѣ.

Послѣ этой церемоніи я, по совѣту Бутенева, просилъ у папы аудіенціи, чтобъ отблагодарить его за оказанную честь. Аудіенція происходила вечеромъ. Поцѣловавъ ногу папы, я сказалъ: „Хотя я прибылъ въ Римъ не для исканія почестей, но для очищенія себя отъ взводимыхъ на меня обвиненій; не смотря на то, я взысканъ милостью и возведенъ въ санъ протонотарія, за каковую милость и приношу я мою благодарность, которую питать буду до гроба“. Папа отвѣчалъ: „Ты всегда таковъ же; ты кажешься смиреннымъ и послушнымъ сыномъ церкви, но вмѣстѣ съ этимъ ты не перестаешь гордиться способностями и заслугами своими Русскому правительству. Жаль тебя; ты обладаешь всѣми качествами духовнаго и чиновника, но къ несчастью ты связался и приковался къ Русскимъ интересамъ, и готовъ жизнью пожертвовать въ угоду своему Государю и его намѣстнику. Я удовлетворилъ желанію вашего министра, котораго я очень уважаю и гораздо бы больше сдѣлалъ, еслибъ видалъ тебя на нашей, а не на противной сторонѣ. Съ чего ты взялъ такъ упорно защищать свое правительство и все изви-

*) См. выше, стр. 320.

нять, что̀ оно дѣлаетъ въ ущербъ католикамъ? Это одно уже убѣждаетъ меня, что ты съ нимъ въ соглашеніи, и этимъ ты ослабляешь всѣ свои заслуги“ Выслушавъ этотъ выговоръ терпѣливо, я отвѣчалъ смиренно и склонившись: „Еслибъ ваше святѣйшество изволили, какъ обѣщали, судить меня по моимъ запискамъ, на составленіе которыхъ я не жалѣлъ труда, то вы получили бы о моемъ характерѣ совсѣмъ иное понятіе. Я останусь вѣрнымъ своимъ обязанностямъ до смерти, хотя я въ Римѣ и претерпѣлъ обиду. Поступая въ духовное состояніе, я думалъ только скужить Богу и человѣчеству; а повышеніемъ своимъ я обязанъ не своимъ заискиваніямъ, а любви ко мнѣ пастырей. Въ сердцѣ моемъ никогда не являлась мысль объ измѣнѣ, и я не думалъ искать повышенія насчетъ моихъ убѣжденій и моей совѣсти. И поэтому я переношу спокойно пониженіе, которое я усматриваю въ отказѣ епископства“. — „Далъ бы Богъ, возразилъ папа, чтобъ такъ было, какъ ты говоришь; все таки это остается загадкою, по какимъ причинамъ и съ какою цѣлью отражаешь ты упреки, которые весь свѣтъ дѣлаетъ Русскому правительству“.—„Никакихъ предосудительныхъ причинъ, отвѣчалъ я, и никакой преступной цѣли у меня нѣтъ; Богъ видитъ это, и вся моя жизнь служитъ этому доказательствомъ. Я не такъ гордъ и не такъ глупъ, чтобъ мнѣ думать оказать услугу нашему правительству. Оно слишкомъ сильно и безгранично-самовластно, чтобъ нуждаться въ помощи простаго священника Желаніе и воля Государя всему законъ и, для ея исполненія правительство ни передъ чѣмъ не остановится и все сдѣлаетъ, не думая давать отчетъ иноземному правительству“.—„А что̀ говоритъ общественное мнѣніе, возразилъ папа, и что̀ печатаютъ на всѣхъ языкахъ о вашемъ правительствѣ? Можетъ быть, скажешь, что и это клевета?“—„Нѣтъ, не скажу этого, отвѣчалъ я; но то вѣрно, что во всѣхъ толкахъ о преслѣдованіи католиковъ въ Россіи гораздо болѣе политической ненависти и преувеличенія, чѣмъ истины и справедливости. Слишкомъ извѣстны и громки факты, чтобъ ихъ отрицать или стараться ихъ оправдывать; это было бы истиннымъ безуміемъ, отъ котораго Богъ да спасетъ меня. Очутившись, по волѣ Провидѣнія, въ Римѣ и имѣя свободный доступъ къ вашему святѣйшеству, я счелъ самою священною обязанностью представить устно и письменно сущую правду, думая, что знаніе всѣхъ обстоятельствъ не будетъ безполезно для вѣрнѣйшаго уврачеванія ранъ нашихъ; но я ошибся: эти усилія, вытекающія изъ искренней, сыновней преданности, сочтены за заговоръ съ правительствомъ, за служеніе Россіи, и еще хуже, за стремленіе повредить вѣрѣ и собственному званію. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя; я сдѣлалъ все, что̀ долженъ былъ сдѣлать; моя карьера кончена. Отказывая мнѣ въ своемъ довѣріи, ваше святѣйшество лишаете меня возможности служить дальше и быть полезнымъ моему отечеству въ духовномъ санѣ“. Когда я кончилъ, папа съ жаромъ воскликнулъ: „Blasfemasti, ты богохульствуешь: я не мѣшаю тебѣ употреблять свои способности и трудиться на пользу церкви и вѣрѣ, не только въ твоемъ отечествѣ, но и во всякомъ другомъ мѣстѣ, еслибъ тебѣ вздумалось покинуть родину. Оставайся

и впредь ректоромъ и прелатомъ и исполняй все, что тебѣ будетъ поручено. Я не утвердилъ тебя епископомъ, потому что на тебя жаловались и обвиняли тебя въ сообщничествѣ съ правительствомъ и просили не допустить тебя до власти. Я согласился на это и слова моего не измѣню, пока не имѣю ничего такого, что могло бы дать мнѣ основаніе отвергнуть желаніе твоихъ земляковъ, извѣстныхъ мнѣ своимъ благочестіемъ и преданностью апостольской столицѣ. Оставимъ это дѣло въ покоѣ; время покажетъ, на чьей сторонѣ правда. Ты являешься добрымъ сыномъ церкви и долженъ довольствоваться этимъ и ни къ кому не питать злобы и ненависти". Хотѣлъ я на это отвѣчать, но папа не позволилъ мнѣ говорить, повторяя нѣсколько разъ: basta, basta, и самъ началъ толковать о Полякахъ. Четвертый уже разъ имѣлъ я счастье разговаривать съ св. отцомъ; но никогда не показался онъ мнѣ такимъ откровеннымъ и сердечнымъ. Я зналъ объ его симпатіи къ Полякамъ, доходящей до слабости; но на этой аудіенціи я убѣдился, что онъ преданъ намъ сердцемъ и душою. Невозможно, да и неумѣстно перечислять здѣсь всѣ подробности о краѣ и людяхъ, сказанныя св. отцемъ; упомяну только о томъ, что касается меня. „Ты, говорилъ онъ, привыкъ уже къ климату Италіи и ея жизни и могъ бы спокойно и удобно провести здѣсь остатокъ дней твоихъ; мощная десница Россіи не досягла бы тебя здѣсь, никакая забота не мучила бы тебя". Поцѣловавъ у папы ногу и руку, я сказалъ: „Правда, католику-священнику нѣтъ мѣстопребыванія пріятнѣе вѣчнаго города, столицы христіанства, гдѣ все, къ чему ни прикоснешься, на что ни взглянешь, все побуждаетъ къ созерцанію религіозному или историческому. Но для Поляка это хорошо только на нѣкоторое время; душа и сердце не наполнятся этимъ, всегда останется тоска по родинѣ и по языку отечественному. Ни къ кому болѣе, какъ къ Поляку, не идутъ слова древняго мудреца: dulcis fumus patriae". Едва я договорилъ эти слова, пробило 10; папа всталъ и сказалъ: „Basta, мы заболтались, и уже поздно". Простившись съ нимъ, пошелъ я еще на аудіенцію къ кардиналу Антонелли, который меня отпустилъ послѣ 11-ти, извиняясь необходимостью отправиться на засѣданіе государственнаго совѣта. Видно, Итальянцы несонливы и нелѣнивы, какъ обыкновенно говорятъ.

Аудіенція эта навела меня на мысль, что папа былъ бы радъ, еслибъ я навсегда остался въ Римѣ. Аудіенція же, которую я испросилъ предъ отъѣздомъ въ Неаполь, не оставила на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Папа, спросивъ меня, что я замышляю дѣлать съ собою, прямо объявилъ, что былъ бы радъ видѣть меня постояннымъ жителемъ Рима, и что этимъ только способомъ могъ бы я очиститься отъ всѣхъ подозрѣній, которыя на мнѣ тяготѣютъ. Хотя я и ожидалъ этого предложенія, но все таки пришелъ въ неописанное смущеніе и сталъ отнѣкиваться, какъ умѣлъ. „Я уже старъ, говорилъ я, никакого состоянія не имѣю; превратиться въ дѣльнаго Итальянскаго священника мнѣ уже трудно; для этого, кромѣ языка, коимъ я не вполнѣ владѣю, нужно еще довѣріе, которое нелегко

дается, и мнѣ, привыкшему къ удобствамъ жизни, пришлось бы терпѣть нужду и умереть съ голоду". Папа взволновался. „Какъ, воскликнулъ онъ, ты бы умеръ съ голоду, еслибъ я взялъ тебя подъ свое покровительство! Если я тебя теперь принимаю, то тогда я бы гораздо охотнѣе подавалъ тебѣ помощь во всѣхъ твоихъ нуждахъ". Поцѣловавъ ногу за эту милость, я спросилъ: „Къ чему я буду годиться? Не зная мѣстной жизни, я сдѣлался бы безполезнымъ дармоѣдомъ".—„Мнѣ говорили, возразилъ папа, что ты прилеженъ и трудолюбивъ; пожелай только и найдешь занятіе соотвѣтственное твоимъ способностямъ и твоему положенію".—„Конечно, это правда, отвѣчалъ я; но я, какъ священникъ и подданный, безъ разрѣшенія правительства, не могъ бы остаться въ Римѣ".—„Ты, какъ я вижу, сказалъ папа съ досадою, хотѣлъ бы до смерти оставаться въ зависимости отъ Россіи; не даромъ, значитъ, говорятъ люди, что ты совсѣмъ предалъ себя Императору, который такъ угнетаетъ католиковъ. Не сдѣлавъ тебя епископомъ, онъ отброситъ тебя, какъ ненужнаго ему и совсѣмъ о тебѣ забудетъ". — „Одному Богу извѣстно, отвѣчалъ я, какая судьба ожидаетъ меня; но я думаю, что не согрѣшу, питая чувство благодарности и повиновенія къ моему Монарху; законы Божескіе и человѣческіе налагаютъ на меня эту обязанность".—„Такъ ты не желаешь, прервалъ папа, воспользоваться убѣжищемъ, которое я тебѣ предлагаю"? и лицо его нахмурилось. „Напротивъ, продолжалъ я, безконечно за это благодаренъ; хотѣлъ бы только воспользоваться имъ, не подвергая духовенство нашего преслѣдованіямъ отъ правительства. Государь оказалъ мнѣ такую благосклонность, которую я никогда заслужить не могъ: меня одного отправилъ въ Римъ тогда, какъ другимъ и по болѣзни не позволяетъ переступать границы. Духовенство наше и теперь имѣетъ мало довѣрія; а измѣни я, то оно бы его совсѣмъ потеряло; но я думаю можно получить дозволеніе на оставленіе отечества". Тутъ я напомнилъ папѣ, что въ Римѣ есть храмъ св. Станислава, основанный Полякомъ, кардиналомъ Гозіемъ: я бы хотѣлъ поселиться при немъ, чтобъ поддержать въ немъ пристойное служеніе Богу и исполнить волю завѣщателя, который хотѣлъ его сдѣлать разсадникомъ дѣльныхъ духовныхъ. Папа всплеснулъ руками и съ радостью воскликнулъ: „Bravissimo! ты докажешь такимъ образомъ, что ты католикъ и Полякъ; жаль этого заведенія, оно теперь осквернено и въ совершенномъ упадкѣ. Постарайся исполнить это намѣреніе, на которое я вполнѣ согласенъ". Распросивъ потомъ, когда и зачѣмъ я ѣду въ Неаполь и какъ долго оставаться тамъ намѣренъ, сказалъ: „По возвращеніи увидимся; а между тѣмъ даю тебѣ на дорогу мое апостольское благословеніе".

Эта была послѣдняя моя аудіенція. На слѣдующій день отправился я въ Неаполь, и некогда мнѣ было доискиваться побужденій, заставлявшихъ папу склонять меня къ бѣгству изъ подъ власти нашего Государя. По возвращеніи въ Римъ, открылись мои глаза. Воскресенцы не преминули чрезъ Итальянскихъ духовныхъ обвинить меня въ Русскомъ посольствѣ въ томъ, будто я, описывая въ разныхъ запискахъ состояніе церкви у насъ, клевещу на правительство и

измѣняю своему Монарху. Ничего въ этомъ не выигравъ, они рѣшились превратить меня въ эмигранта и въ подобнаго имъ мятежника и врага своего правительства. Они очень были увѣрены, что по возвращеніи домой, я не премину обнаружить всѣ ихъ козни и интриги. Для исполненія сего намѣренія, за помощью обратились они къ папѣ. Я такъ почитаю и уважаю папу, что счелъ бы себя язычникомъ и богохульникомъ, еслибъ хотя на минуту допустилъ мысль, что онъ зналъ о планахъ и козняхъ Воскресенцевъ; а тѣмъ болѣе, еслибъ я рѣшился подозрѣвать его въ заговорѣ съ ними. Я слишкомъ осязательно убѣдился, живя въ Римѣ, что все относящееся къ нашему духовенству рѣшается подъ ихъ вліяніемъ; отъ ихъ милости зависятъ всѣ повышенія; по ихъ протекціи получаются всякія индульгенціи и, что̀ еще страннѣе, наперекоръ всякому приличію и дипломатическимъ обычаямъ, они представляютъ папѣ Поляковъ и Полекъ за самыхъ усердныхъ католиковъ. Неудивительно поэтому, что они могли настроить папу, какъ хотѣли, имѣя къ нему легкій доступъ сами и при посредствѣ приближенныхъ къ папѣ, купленныхъ золотомъ нашихъ благочестивыхъ дамъ. Когда всѣ ихъ замыслы погубить меня въ глазахъ папы окончательно не удались, они стали сближаться и дружиться со мною. Я, съ разрѣшенія миссіи, не избѣгалъ этого знакомства, ходилъ въ ихъ костелъ, слушалъ Польскія проповѣди. Приписывая это моей слабости, они нарочно старались сводить меня съ лицами наиболѣе компрометированными; но отъ знакомства съ какою-то святою монахинею Василіянкою я рѣшительно отказался. Когда же они узнали, что я согласился поселиться въ Римѣ при костелѣ святаго Станислава съ разрѣшенія правительства, а не какъ эмигрантъ, то очень встревожились, и рѣшили, во что бы ни стало, помѣшать этому. Г. Бутеневъ былъ сначала очень доволенъ моими проэктами: самъ представлялъ канцлеру, какъ будетъ удобно для миссіи имѣть въ своемъ распоряженіи преданнаго духовнаго; но послѣ началъ колебаться, и я не настаивалъ.

Покончивъ всѣ дѣла, я отплылъ чрезъ Чивитавеккію во Францію. Въ Марсели я былъ пораженъ необыкновеннымъ торговымъ движеніемъ; въ Ліонѣ—развитіемъ промышленности. Останавливаясь въ большихъ и малыхъ городахъ, я видѣлъ вездѣ чудесный порядокъ, строгое соблюденіе закона, личную безопасность, неподражаемыя во всемъ облегченія въ удовлетвореніи нуждъ. На каждомъ шагу видны осмысленный трудъ и прилежаніе во всѣхъ классахъ народа; вездѣ видна свобода, благосостояніе, даже довольство. Не видно ни развалинъ, ни покинутыхъ жилищъ въ городахъ, нигдѣ не видно невоздѣланныхъ или незасѣянныхъ полей; гдѣ только возможно, каждый кусокъ земли тщательно обработанъ. Нигдѣ, ни въ городахъ, ни въ деревняхъ не видно нищихъ, протягивающихъ руку за подаяніемъ; это казалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что я недавно покинулъ Италію, гдѣ не только нищіе шатаются по улицамъ, постоянно безпокоятъ проходящихъ, но даже малыя дѣти пріучаются нищенствовать. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такъ много и такихъ прекрасныхъ шосейныхъ дорогъ, нѣтъ такого правильнаго и быстраго

движенія почтъ, вагоновъ и пароходовъ. Тяжело было мнѣ, глядя на все это, вспоминать свой родной край, гдѣ наука, промышленность быстро пятятся назадъ.

Зналъ я уже немало столицъ, но, съ приближеніемъ къ нимъ, я совсѣмъ не чувствовалъ тѣхъ впечатлѣній, какія овладѣли мною съ приближеніемъ къ Парижу. Страннымъ какимъ-то случаемъ всѣ почти столицы имѣютъ самое неудобное положеніе. Къ Петербургу, Вѣнѣ, Берлину и Риму подъѣзжаешь чрезъ дикія и пустынныя окрестности, точно также какъ и къ нашей возлюбленной Варшавѣ; и только прибывъ въ средину города, замѣчаемъ мы, что это важный городъ. Съ Парижемъ совсѣмъ на оборотъ: за десятокъ миль онъ уже даетъ себя чувствовать. Чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ сильнѣе движеніе, тѣмъ гуще жилища, красивѣе зданія съ прекрасными садами, тѣмъ многочисленнѣе и огромнѣе фабрики и заводы; и еслибъ не нужно было проѣзжать чрезъ укрѣпленія, окружающія городъ на значительномъ отъ него разстояніи, нельзя было бы знать, гдѣ начинается городъ, тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ обычая задерживать или осматривать прибывающихъ у заставъ.

Я прибылъ въ Парижъ вечеромъ въ Страстную Пятницу и, видя несмѣтныя толпы народа на бульварахъ, думалъ, что здѣсь, какъ и у насъ, народъ ходитъ изъ одного храма въ другой приложиться ко гробу Спасителя; но увы! кондукторъ объяснилъ мнѣ, что народъ стремится въ театры и указалъ мнѣ ихъ нѣсколько. У всѣхъ видѣлъ я афишки, освѣщенныя газомъ; такъ въ одномъ обѣщались „чертовы пилюли", въ другомъ „адъ и небо", въ третьемъ „каменныя дѣвки"; словомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Кондукторъ, видя мое удивленіе, мой ужасъ, смѣялся и объяснялъ: „мы свободны отъ фанатизма и не знаемъ глупостей Римскихъ" и совѣтовалъ мнѣ, для избѣжанія насмѣшекъ, сообразоваться съ мѣстными обычаями. Поблагодаривъ его за совѣтъ, я вздохнулъ глубоко и подумалъ: вотъ она, просвѣщенная и религіозная Франція и ея столица, о которой разсказываютъ столько чудесъ! Я хотѣлъ пробыть въ Парижѣ нѣсколько недѣль, а просидѣлъ 4 мѣсяца. Попалъ я въ худую пору: было постоянно холодно, шли постоянно дожди. Изъ Парижа писалъ я къ князю, спрашивая, что̀ мнѣ дѣлать: ѣхать ли обратно въ Римъ или возвращаться домой. Отвѣтъ пришелъ лишь въ Іюлѣ, и я имѣлъ довольно времени дѣлать наблюденія, сколько позволяли мои силы, ослабленныя морскою болѣзнью и леченіемъ, которое я, по совѣту докторовъ, предпринялъ. Парижъ совсѣмъ не можетъ называться красивымъ городомъ: за исключеніемъ бульваровъ и улицы Риволи, всѣ улицы кривыя и тѣсныя; одна только площадь Согласія пріятно поражаетъ взоръ. Немного можно насчитать здѣсь зданій великолѣпныхъ, какія видимъ въ другихъ столицахъ: столь извѣстный домъ инвалидовъ не можетъ сравняться съ послѣдними Петербургскими казармами; для храненія праха столь великаго человѣка, какъ Наполеонъ, Французамъ слѣдовало бы воздвигнуть нарочно особенное зданіе, достойное его имени. Важнѣйшая достопримѣчательность Парижа—Palais Royal: это настоящій городъ въ ми-

ніатюрѣ; тамъ все есть, въ чемъ только можетъ нуждаться человѣкъ для удовлетворенія своихъ матеріяльныхъ нуждъ; нѣтъ только церкви, нѣтъ ни малѣйшей часовни: нынѣшняя цивилизація, видно, не нуждается въ духовномъ хлѣбѣ, который прежде составлялъ главное условіе существованія. Лучше всѣхъ другихъ зданій — биржа; въ ней много сходства съ биржею Петербургскою, но она много теряетъ отъ дурнаго мѣстоположенія. Важнѣйшія Парижскія зданія: дворецъ и ратуша—настоящіе уроды и пародіи на архитектуру. Стараніями нынѣшняго монарха, оба зданія значительно украсились; особенно много выигралъ дворецъ чрезъ соединеніе съ Лувромъ — единственнымъ зданіемъ, отличающимся прекрасною пропорціональностью и благородствомъ стиля. Среди храмовъ первое мѣсто занимаетъ соборъ Богоматери: огромный фасадъ его безъ характера и вкуса,—внутренность же пасмурна и грязна. И всѣ другіе древніе храмы построены въ готическомъ стилѣ, мрачны и низки; построенные же въ новѣйшее время совсѣмъ непохожи на дома Божіи. Важнѣйшій изъ нихъ—храмъ св. Магдалины, похожъ болѣе на танцовальный салонъ; внутри распредѣленіе чрезвычайно неудобное; у боковыхъ алтарей глаза, вознесенные къ небу, тотчасъ видятъ женщинъ, сидящихъ въ ложахъ надъ головою. Замѣчателенъ еще Пантеонъ, построенный сначала для помѣщенія гробницъ знаменитыхъ людей, а послѣ паденія Наполеона преобразованный въ костелъ; и какъ всѣ эти мудрецы были безбожники, то прахъ ихъ и изображенія были выброшены. Что̀ касается частныхъ домовъ, они хуже, чѣмъ въ другихъ столицахъ, и въ этомъ отношеніи наша Варшава стоитъ выше. Смотря на эти дома узкіе, высокіе, занятые на верхнихъ этажахъ одними окнами, а на партерахъ многочисленными дверьми, кажется, что на верху въ нихъ оранжереи, а внизу восточные базары. Парижане, видно, заботятся болѣе о матеріальной выгодѣ, чѣмъ о приличномъ видѣ своихъ домовъ; но за то дома содержатся опрятно. Не видавши Парижа, я думалъ, что нигдѣ нѣтъ лучшаго порядка, какъ въ Петербургѣ, гдѣ многочисленная и строгая полиція сидитъ на шеѣ и не допускаетъ беззаконій; теперь я увидѣлъ, что только въ Парижѣ есть дѣйствительный, не вынужденный порядокъ. Не нужно здѣсь, какъ у насъ, толпы блюстителей порядка изъ полицейскихъ жандармовъ и казаковъ у театра и на публичныхъ торжествахъ; въ Парижѣ всѣ знаютъ, какъ надобно̀ себя вести и поступаютъ такъ. Но, соблюдая видъ законности, Парижане вовсе не заботятся о соблюденіи предписаній нравственнаго чувства; они готовы съ каждаго, особенно съ иностранца, сорвать все, даже шкуру содрать и жилы вытянуть. Движеніе въ Парижѣ необычайное и удобства для жизни невообразимыя. Поѣсть можно достать на каждомъ шагу, за нѣсколько су и за сотни франковъ, точно также легко и одѣться. Мѣстамъ для прогулокъ нѣтъ счета; но больше всего гуляютъ по тротуарамъ и любуются великолѣпными магазинами; они такъ обширны и богаты, что для Варшавы очень было бы достаточно и одного такого. Во время дождя или жара можно очень пріятно провести время въ безчисленныхъ пассажахъ и кофейняхъ; а ѣзда такъ

дешева какъ нигдѣ: за нѣсколько су можно въ омнибусѣ объѣхать весь городъ; заплативши въ одномъ, можно пересѣдать безплатно въ другіе, и ждать ихъ никогда не случится и пяти минутъ. Въ умственныхъ развлеченіяхъ тоже величайшій избытокъ; всѣ гастрономическія заведенія полны газетъ; театровъ большихъ слишкомъ 20, меньшихъ еще больше, и всегда всѣ полны; а сколько еще цирковъ, ипподромовъ, кофеенъ для поющихъ, гдѣ тоже даютъ небольшія представленія. Безотчетная преданность увеселеніямъ влечетъ за собою нравственную распущенность: какъ можно ожидать любви и страха Господня, когда не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на воспоминанія страстей Господнихъ наканунѣ Пасхи, когда всѣ ночи съ Суботы на Воскресенье проводятся всѣми, и особенно ремесленнымъ классомъ, въ танцахъ и забавахъ?

И при всемъ этомъ Франція стояла и стоять будетъ всегда во главѣ цивилизаціи и прогресса: никакой другой народъ не можетъ превзойти Французовъ въ просвѣщеніи, искусствахъ, промышленности и въ общеполезности. Нѣмцы, погрузившись въ свою сухую философію, недоступны другимъ; Англичане же всѣ выгоды своего политическаго развитія употребляютъ въ свою только пользу и для удовлетворенія лишь собственнаго эгоизма. Напротивъ, у Французовъ всѣ успѣхи служатъ общему благу; даже революціи и кровавыя войны въ результатѣ принесли пользу всѣмъ. Собраніе 1789 г. уничтожило деспотизмъ; терроризмъ республиканскій ослабилъ варварскій фанатизмъ. Уничтоженіемъ преимуществъ дворянства открыта дорога всѣмъ способностямъ, вслѣдствіе чего явился Наполеонъ, котораго чтить и уважать никогда не перестанутъ. Этотъ же, упавъ, чрезъ злоупотребленіе властью и излишнее упованіе на человѣческую силу, показалъ, какіе законы обязательны управляющимъ и управляемымъ. На его развалинахъ выросли народныя собранія и конституціи, которыя обезпечили свободу народу и престолы государямъ. Нынѣшнее состояніе Франціи, не смотря на ея кажущееся могущество и хитрость Наполеона III, есть только переходное; его воцареніе не проистекало изъ права божественнаго по наслѣдству и не оправдывалось никакими заслугами отечеству.

Никогда во Франціи не было такъ легко пріобрѣтать познанія въ наукахъ, искусствахъ и техникѣ: многочисленныя и драгоцѣнныя собранія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія открыты для всѣхъ даромъ, тогда какъ въ Германіи и Италіи надобно за все платить. Но не въ этомъ одномъ заслуга Франціи; она имѣетъ и другое болѣе высокое назначеніе. Хотя она въ революціонномъ неистовствѣ замыслила искоренить вѣру въ Іисуса Христа и уничтожить церковь; но когда дурь прошла, она опять стала охранительницею обоихъ. Возстановляя религію, Наполеонъ постарался конкордатомъ устранить впредъ всѣ столкновенія съ папою. Договоръ этотъ не нравится теперь Итальянцамъ, которые рады бы видѣть опять вѣка средніе, когда папа могъ пугать всѣхъ. Благодаря ему, Франція не знаетъ епископовъ, навязанныхъ ей Римомъ: самъ императоръ избираетъ ихъ. Поэтому, она имѣетъ іерархію

самую блестящую; за то правительство вовсе не вмѣшивается во внутреннія дѣла церкви. Пользуясь этимъ, папа захотѣлъ ввести во Францію свой бревіарій, вмѣсто прежняго Галликанскаго, хотя послѣдній гораздо лучше, такъ какъ онъ очищенъ отъ легендъ, не выдерживающихъ самой легкой критики. Папа въ этомъ случаѣ ссылается на единство, а у себя дома терпитъ однако величайшее въ этомъ отношеніи разнообразіе. Лучше бы папа подумалъ объ очищеніи обрядовъ во Франціи, изъ которыхъ многіе представляютъ настоящую арлекинаду. Мы, слѣпо вѣруя всему, что̀ приходитъ къ намъ изъ Франціи, думаемъ, что нигдѣ нѣтъ такой живой вѣры и такого прекраснаго духовенства, какъ тамъ; но, присмотрѣвшись ближе, непремѣнно придемъ къ противному заключенію. Въ простомъ народѣ, особенно въ приморскихъ мѣстахъ, вѣра находится въ совершенномъ мракѣ: немногіе знаютъ Отче Нашъ и заповѣди Божіи. Какая тамъ вѣра, когда кромѣ Воскресеній не знаютъ никакихъ праздниковъ, да и самыя Воскресенья обращаютъ не на молитву, но на забавы или на тотъ же ежедневный трудъ. Храмы посѣщаетъ только высшій классъ, увлекаемый модою; а бѣдняки и не думаютъ туда ходить, ссылаясь на то, что нѣтъ тамъ для нихъ мѣста и нѣтъ денегъ на уплату за сидѣніе и на безконечныя складчины. Во всемъ этомъ виновато духовенство, не отвѣчающее своему призванію: его не любили прежде за союзъ съ высшимъ классомъ, теперь оно не можетъ заслужить довѣрія по причинѣ своихъ ультрамонтанскихъ тенденцій, полагающихъ сущность вѣры въ повиновеніи папѣ. Я не знаю ничего отвратительнѣе ксендза, отрекшагося отъ своей народности, духовнаго космополита. Однимъ Іезуитамъ, при ихъ средствахъ, неразборчивости и адской хитрости, удается дурачить и обманывать свѣтъ, до тѣхъ поръ пока, проникнувъ ихъ цѣли, не начнутъ гонять ихъ изъ одной страны въ другую и не принудятъ папу вторично уничтожить этотъ орденъ. Свѣтскому или лучше народному духовенству неприлично отрекаться отъ народности, особенно во Франціи, гдѣ любовь къ отечеству сильно развита. Не могутъ Французы равнодушно смотрѣть, какъ ихъ ксендзы корчатъ Итальянцевъ: они оставили прежнюю Галликанскую одежду и приняли Итальянскую, постоянно выдумываютъ новыя служенія, новыя братства и новыя празднества съ индульгенціями; особенно же ихъ возмущаетъ возвѣщеніе многихъ чудесныхъ явленій, хотя открыты многіе явные обманы. Если однако во Франціи чаще, чѣмъ въ другомъ народѣ, являются среди духовенства лица съ высшими способностями и съ высшими познаніями, то это происходитъ не отъ превосходства духовенства вообще, а отъ его многочисленности и легкости выдвинуться. Нынѣшнее духовенство во Франціи далеко уже не то, что̀ было прежде; оно отреклось отъ своего прошедшаго, насмѣхается надъ именами, составляющими гордость Франціи и всѣхъ католиковъ. Боссюэтъ, Фенелонъ, Флешье и пр. не пользуются уже никакимъ авторитетомъ, — іезуитизмъ царствуетъ теперь нераздѣльно. По своему обращенію, нынѣшніе Французскіе духовные совершенно походятъ на фарисеевъ, которыхъ такъ бичевалъ Спаситель: они постоянно корчатъ изъ себя

святыхъ, таскаютъ съ собою объемистые бревіаріи и молятся не у себя въ домѣ, а на глазахъ всѣхъ, на прогулкахъ, въ омнибусахъ. За то и достается имъ: ихъ не величаютъ иначе, какъ Лойола, лицемѣръ.

Мнѣ остается еще поговорить о нашей эмиграціи. Въ прежнее время, обильное постоянными междоусобіями, за границу удалялись обыкновенно магнаты, предводители партій, которымъ, послѣ пораженія, неудобно было оставаться въ краю. Но никогда свѣтъ не видалъ такой многочисленной и самаго смѣшаннаго состава эмиграціи, какова была наша послѣ 1831 года. Я не знаю, въ какихъ видахъ императоръ Николай дозволилъ такой огромной массѣ удалиться изъ края; но несомнѣнно, что выходцы причинили ему много хлопотъ, а намъ величайшія бѣдствія; таскаясь по свѣту, они посѣяли вездѣ за границей антипатію къ Россіи и ея Монарху. На всѣхъ языкахъ печать начала нападать на нихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, по наущенію мстительныхъ изгнанниковъ. Еслибъ эмиграція Польская, возбудившая сперва всеобщее сочувствіе и нашедшая во Франціи самое гостепріимное убѣжище, осталась въ приличныхъ предѣлахъ умѣренности и терпѣливости, она сократила бы время своего скитанія, ища прощенія и помилованія у своего Монарха, у котораго и другіе государи не преминули бы ходатайствовать за несчастныхъ. Увы! эмиграція выбрала совершенно обратный путь. Она скоро потеряла сочувствіе и, наконецъ, для самой Франціи сдѣлалась несноснымъ бременемъ. Дурачества ея принесли только ту пользу, что многихъ утѣшили въ неудачномъ исходѣ революціи: ибо достаться въ управленіе такихъ господъ было гораздо хуже. Не имѣя ни куска собственной земли, выходцы наши рѣшили однако учредить особое правленіе, только никакъ не могли согласиться — какой бы дать ему видъ или характеръ: однимъ хотѣлось имѣть монархію, другимъ республику, третьи не соглашались ни на что, предпочитая революцію непрерывную. Отсюда начало споровъ, раздоровъ и смертельной другъ къ другу ненависти. Каждая партія имѣла свое изданіе, въ которомъ, забывъ совершенно о приличіи и собственномъ достоинствѣ, ругала и злословила своихъ противниковъ. Очевидное Божье попущеніе: дѣти одной матери дрались на смерть изъ-за того, что не могли согласиться, какое имя слѣдовало бы дать, еслибъ эта мать воскресла. Чтобъ уменьшить зло, правительство Франціи подчинило эмигрантовъ болѣе строгому надзору и придумало для нихъ занятіе: ихъ стали принимать въ военную службу, даже составили изъ нихъ особенные баталіоны съ назначеніемъ въ Алжиръ; не желавшимъ служить позволено было удалиться куда угодно, или сидѣть смирно. Разсѣявшись по свѣту, они стали принимать участіе во всѣхъ политическихъ безпорядкахъ и заслужили всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Сами Французы, пользовавшіеся ихъ кровью, не стѣсняясь осмѣивали ихъ; я самъ видѣлъ одну каррикатуру, гдѣ эмигрантъ въ Калифорніи не довольствуется золотомъ, но по кучѣ его взбирается къ окну дома и спрашиваетъ, не затѣвается ли возстаніе.

Февральская революція произвела въ эмиграціи сильное волненіе и оживила ея надежды. За исключеніемъ небольшаго кружка, который съ Чарторыйскимъ во главѣ остался вѣренъ монархическому началу, всѣ остальныя партіи слились и провозгласили Польшу демократическою республикой, на манеръ тогдашней Франціи. Со всѣхъ концовъ свѣта стали эмигранты стекаться въ Парижъ въ увѣренности, что пришла наконецъ пора облагодѣтельствовать отечество, а оттуда потянулись къ границѣ; но тутъ, узнавъ, что въ краѣ о движеніи никто не думаетъ и что границу стерегутъ многочисленныя войска, по необходимости дѣятельность свою ограничили Галиціею и Познанью, гдѣ, при слабости тогдашняго правительства, для ихъ подвиговъ открылось широкое поприщѣ. Въ Познани хозяйничали они недолго; Прусаки скоро пришли въ себя и стали выживать непрошенныхъ гостей. Въ Австріи они соединились съ Венгерцами и имѣли нѣкоторое время надежду на успѣхъ; но послѣ пораженія Венгерскихъ войскъ Русскими, всѣ замѣшанные убрались въ Турцію, откуда немногимъ уже удалось вернуться въ Парижъ, гдѣ тоже обстоятельства сложились не совсѣмъ для нихъ благопріятно: Наполеонъ, будучи еще президентомъ, установилъ за ними строжайшій надзоръ; а вступивъ на престолъ, отнялъ казенныя субсидіи у всѣхъ замѣшанныхъ въ революціонные происки и, благодаря только заступничеству принца Наполеона, позволилъ имъ оставаться во Франціи, съ условіемъ безъ разрѣшенія полиціи не перемѣнять мѣста жительства. Въ такомъ плачевномъ состояніи и засталъ я ихъ въ Парижѣ. Отъ нечего дѣлать, занялись религіею и раздѣлились на двѣ партіи: Воскресенцевъ и Товіанистовъ. Первые держатся за полы магнатовъ и презираютъ простыхъ изгнанниковъ. Подъ видомъ желанія помочь землякамъ, они всѣми средствами выманиваютъ деньги у путешествующихъ Поляковъ; но бѣдные получаютъ отъ нихъ мало, и то подъ самыми тяжелыми условіями. Товянскій, основатель другой секты, цѣнилъ себя очень высоко; онъ хотѣлъ не только замѣнить Христа, но превзойти Его; хотѣлъ Его Евангеліе, которое называлъ мертвою буквою, исправить и оживить. И онъ, какъ Воскресенцы, обѣщалъ спасти Польшу молитвою, съ тою только разницею, что Воскресенцы думали умилостивить Бога слѣпымъ подчиненіемъ папѣ, Товіанисты же не признавали никакой духовной власти. Недолго бы держалась эта секта сама собою, представляя однѣ бредни, еслибъ внѣшнія обстоятельства не поддержали ея. Первое, это предсказаніе Товянскаго о воцареніи Наполеона, второе вступленіе въ секту Адама Мицкевича, пользовавшагося великимъ обаяніемъ, и третье всеобщее отвращеніе къ Воскресенцамъ. До сихъ поръ нельзя съ точностью знать сущности ученія Товянскаго: все что о немъ писано, исходитъ отъ завистливыхъ Воскресенцевъ. Одно только вѣрно, что все, что только было благороднаго и честнаго въ эмиграціи, перешло въ этотъ лагерь, не исключая многихъ лучшихъ духовныхъ, которымъ опротивѣло лицемѣріе и коварство Воскресенцевъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на безукоризненную жизнь Товіянистовъ, — каждый изъ нихъ трудился усердно, съ величайшею

точностью исполнялъ свои обязанности и безъ ропота переносилъ свою судьбу.

Нищета, въ которой находилась эмиграція въ мою бытность въ Парижѣ, была неописанная: рѣдкій не терпѣлъ голода или сильной нужды. Потерявъ казенное вспоможеніе, не имѣя средствъ заработывать, эмигранты сновались по улицамъ и ловили пріѣзжихъ Поляковъ; поймавъ таковаго, грабили безъ жалости. Они выманивали деньги всевозможными средствами: гдѣ крайнимъ униженіемъ, а гдѣ и угрозами. Счастливъ былъ тотъ, кто имѣлъ какое нибудь образованіе или зналъ ремесло.

Въ Польской эмиграціи меня особенно поражало стремленіе ея увѣковѣчить себя и революцію, ее произведшую. Съ разрѣшенія Лудовика Филиппа и при его содѣйствіи, въ предмѣстіи Батиніоль основано была школа для воспитанія дѣтей Польскихъ эмигрантовъ. На фасадѣ красуются бѣлый Польскій орелъ гонецъ Литовскій и Польская надпись: narodowa szkoła polska. Скоро добровольные взносы на ея содержаніе оказались недостаточными; тогда правительство назначило ей значительную субсидію изъ бюджета. Заведеніемъ управляетъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ эмигрантовъ и правительственнаго комиссара, подъ предсѣдательствомъ какого-нибудь богатаго Поляка. Въ мою бытность предсѣдательствовалъ докторъ Галензовскій, бывшій профессоръ Варшавскаго университета и составившій въ Америкѣ значительное состояніе. До двухъ сотъ мальчиковъ содержатся въ самомъ заведеніи и на его счетъ. Князь Адамъ Чарторыйскій можетъ по справедливости считаться основателемъ и покровителемъ этой школы; онъ исходатайствовалъ у Лудовика Филиппа казенную субсидію; онъ и при Наполеонѣ спасъ ее, когда тотъ рѣшился было прекратить субсидіи. Не смотря на неблагодарность и постоянные нападки эмигрантовъ, онъ не переставалъ о нихъ заботиться и не жалѣлъ для этого собственныхъ средствъ: учредилъ школу, гдѣ бы молодые люди могли приготовиться къ поступленію въ высшія спеціальныя заведенія, основалъ Польскую типографію и общественную библіотеку. Въ собственномъ дворцѣ, который именуется hôtel Lambert, учредилъ женскій пансіонъ, гдѣ на собственный счетъ воспитываетъ до 12-ти дѣвицъ дочерей знатнѣйшихъ эмигрантовъ, которыя послѣ поступаютъ въ гувернантки въ Польскіе дома. Кромѣ того онъ поддерживалъ школу для бѣдныхъ дѣвочекъ и пріютъ для неспособныхъ къ труду эмигрантовъ, которыми завѣдывали сестры милосердія изъ уничтоженныхъ въ Литвѣ монастырей. Прекрасны всѣ эти усилія для поддержанія народнаго духа въ эмиграціи; но едва-ли эти усилія можно назвать существенно и полезными. Всѣ эти заведенія не имѣютъ будущности, да притомъ, возвратятся ли воспитанники въ отечество или останутся во Франціи, отдѣльное ихъ воспитаніе окажется мало полезнымъ; для остающихся оное окажется недостаточнымъ, для возвращающихся сдѣлается настоящею помѣхою во всякой карьерѣ. Сумѣетъ ли человѣкъ, воспитанный во Франціи, помириться съ нашими домашними порядками и съ условіями нашего существованія, выра-

ботанными исторіею послѣднихъ временъ? Еще не важно, если онъ, по привычкѣ съ дѣтства, носитъ Костюшковскую шапочку (красную съ чернымъ барашкомъ) и мундиръ Варшавской народной гвардіи съ бѣлыми орлами на пуговицахъ, будетъ постоянно напѣвать: jeszcze Polska nie zginęła и мечтать о возстаніяхъ: отъ этого отучитъ его полиціантъ или жандармъ. Но съумѣетъ ли, или даже можетъ ли онъ освободиться отъ понятій демагогическихъ, отъ политическихъ предубѣжденій, которыми пропитался, вращаясь исключительно въ обществѣ эмигрантовъ? Въ школѣ мало обращали вниманія на общее обученіе; всѣ усилія были направлены къ одной цѣли—возбудить ненависть къ Россіи и подозрѣніе къ Полякамъ, оставшимся въ краѣ, особенно къ тѣмъ, которые находятся на службѣ. Можетъ ли человѣкъ съ такими чувствами и понятіями, вернувшись на родину, сдѣлаться хорошимъ гражданиномъ, добрымъ подданнымъ? Таже невыгода отражается и на женскомъ полѣ; не смотря на это, однако дворянство наше считаетъ дѣломъ патріотическимъ брать гувернантокъ изъ Польскаго института въ Парижѣ; неудивительно поэтому, что во всѣхъ частяхъ прежней Польши у женскаго пола замѣчается усиленіе религіознаго и политическаго фанатизма. Пусть не думаютъ, что я осуждаю патріотическое чувство или духъ вѣры и благочестія, пробуждающійся у насъ нынѣ; я далекъ отъ этой мысли. Но патріотизмъ не состоитъ въ словахъ, хотя самыхъ громкихъ, не поддерживается гордостью и наглостью; привязанность къ родинѣ доказывается готовностью жертвовать всѣмъ, даже своими предубѣжденіями, для ея пользы. Точно также ужимки и мелочность въ исполненіи внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей не составляютъ благочестія въ смыслѣ христіанскомъ. Богъ требуетъ отъ насъ служенія въ духѣ и правдѣ, т. е. по внутреннему убѣжденію, въ смиреніи ума и сердца, а не для виду; и Павелъ, апостолъ народовъ, ясно говоритъ: да будетъ разумно повиновеніе ваше. Чего поэтому можно ожидать отъ гувернантокъ, воспитанныхъ на началахъ совершенно противуположныхъ? На что пригодится ихъ патріотизмъ, который несогласенъ съ нашимъ положеніемъ, вызываетъ въ насъ постоянную внутреннюю борьбу и ведетъ часто къ послѣдствіямъ, гибельнымъ и для насъ и для отечества? Какая польза отъ ихъ религіозности, которая ведетъ не къ чистотѣ нравовъ и благочестію, а къ суетности и стремленію отличиться?

Дождавшись наконецъ разрѣшенія князя возвращаться домой, я поспѣшилъ оставить Парижъ, чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ докучливыхъ эмигрантовъ, изъ коихъ одинъ грозилъ даже убить меня, если не дамъ ему денегъ, и отправился въ Брюссель. Здѣсь нечего смотрѣть, не надъ чѣмъ задумываться: городъ небольшой и некрасивый, нѣтъ даже епископа и каѳедры. Замѣчательны только цвѣтныя окна въ храмѣ св. Гудулы и карильоны почти во всѣхъ церквахъ—это колокола подобранные по тонамъ, на которыхъ, при боѣ часовъ, разыгрываются мелодіи. Какъ при господствѣ Голландцевъ католики были въ униженіи, такъ теперь не хотятъ они терпѣть никакихъ другихъ убѣжденій, хотя конституція даетъ совер-

шенную всѣмъ свободу и хотя король не католикъ: отсюда постоянные раздоры между гражданскою и духовною властью, постоянныя перемѣны кабинета. И въ Бельгіи весьма много эмигрантовъ. Въ первое время, когда Бельгійское войско только еще образовывалось, многіе изъ нихъ занимали важныя должности; но съ 1852 г. всѣ получили отставку: это была необходимая жертва для сохраненія дружбы Русскаго правительства.

Въ дальнѣйшемъ пути я останавливался въ Люттихѣ, гдѣ видѣлъ безконечное множество фабрикъ; въ Ахенѣ, гдѣ посѣтилъ гробъ Карла Великаго; въ Кельнѣ, гдѣ не могъ налюбоваться новымъ соборомъ. Такъ какъ у меня времени было довольно, то я заѣхалъ въ Гамбургъ посмотрѣть, каковъ его видъ, послѣ пожара. Красивъ онъ по краямъ своими прекрасными домами и великолѣпными гостинницами, но внутри глухъ и къ тому еще страшно загаженъ публичнымъ развратомъ. Посмотрѣвъ Пророка, запрещеннаго во Франціи, я отправился въ Берлинъ. Здѣсь едва вышли путешественники изъ вагоновъ, какъ ихъ окружило войско: Прусаки были отпущены, а иностранцы задержаны; здѣсь ихъ разсмотрѣли, распросили и провѣрили паспорты. Это непріятно меня поразило; до сихъ поръ со мною этого не бывало; я вспомнилъ, что приближаюсь къ дому, поэтому надобно разстаться и со свободой. Берлинъ хотя великъ, но въ сравненіи съ другими столицами незанимателенъ: на широкихъ улицахъ новаго города тишина страшная; во многихъ мѣстахъ пробивается трава; но дома частные и казенные всѣ со вкусомъ. Изъ зданій наибольшаго вниманія заслуживаетъ Королевскій музей съ богатою картинною галлереею и собраніемъ рѣдкостей. На портикѣ его два образа al fresco на стѣнѣ: одинъ изображаетъ сотвореніе міра, другой—усовершенствованіе человѣческаго рода; но это усовершенствованіе изображено не по преданіямъ Св. Писанія, а по измышленію языческой философіи, относительно которой нынѣшняя Нѣмецкая есть ничто иное, какъ продолженіе. Она создаетъ себѣ новаго Бога, или лучше отрицаетъ совсѣмъ Бога христіанскаго, и на его мѣсто ставитъ хаосъ, изъ нѣдръ котораго выводитъ всѣ созданія. Смотря на эти проявленія гордости и самонадѣянности, я повторилъ съ царемъ Давидомъ: сказалъ глупецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога!

Въ Берлинѣ весьма много храмовъ, но они и въ Воскресенья мало посѣщаются; напротивъ, единственный католическій храмъ св. Ядвиги обыкновенно переполненъ. Я пробылъ въ послѣднемъ до конца богослуженія и восхищался живою вѣрою и смиреніемъ, какое выказывали наши братья во Христѣ, живущіе среди мертвящаго лютеранства. Храмъ этотъ выстроенъ при Фридрихѣ Великомъ и освященъ епископомъ Красицкимъ, нашимъ знаменитымъ поэтомъ. Онъ далеко некрасивъ; круглая и голая крыша походитъ на Еврейскую ермолку; на немъ нѣтъ даже креста, вѣроятно, чтобъ пощадить глаза протестантовъ, которые на башняхъ своихъ храмовъ помѣщаютъ или птицу какую-нибудь или флюгеръ. На весь городъ, гдѣ съ гарнизономъ больше 50000 католиковъ, одного храма и нѣ-

скольких ксендзовъ слишкомъ мало. Легко нашлись бы капиталы на возведеніе другаго храма; но правительство, непріязненное католичеству, не хочетъ и слышать объ этомъ. По настояніямъ нынѣшней королевы, экскатолички и нѣскольких другихъ княженъ царствующаго дома-піетистовъ въ философскомъ смыслѣ, король воздвигаетъ великолѣпный госпиталь и при немъ католическую часовню. Я познакомился съ Берлинскимъ настоятелемъ и нашелъ въ немъ человѣка достойнаго, просвѣщеннаго и ревностнаго распространителя истинной вѣры. Отъ него я узналъ, какъ трудно и ненадежно положеніе нашей церкви подъ Прусскимъ господствомъ, и вмѣстѣ убѣдился, что истинное желаніе, разсудительное рвеніе и постоянство въ святыхъ стремленіяхъ могутъ побѣдить все и, при помощи Божьей, достигаютъ своей цѣли. Въ доказательство этого онъ мнѣ разсказывалъ, что, при вступленіи его въ эту должность, имѣлъ только двухъ помощниковъ, одну часовню въ казармахъ и нѣсколько колоній за городомъ; теперь же, по прошествіи 6 лѣтъ, имѣетъ 5 помощниковъ, 6 часовенъ при казармахъ и около 50 колоній въ провинціяхъ: все это предвѣщаетъ нашей вѣрѣ прекрасную будущность.

Изъ Берлина я ѣздилъ въ Потсдамъ и осмотрѣлъ тамошніе дворцы. Дворецъ Сансуси невеликъ и комнаты въ немъ небольшія, исключая галлереи картинъ, которая довольно велика. Уставши въ галлереѣ, я отдохнулъ въ комнатахъ, которыя занималъ Вольтеръ, а послѣ него нашъ землякъ—епископъ Красицкій. По преданію, здѣсь написалъ онъ, по просьбѣ Фридриха, извѣстное стихотвореніе: Монахомахія, которая вмѣстѣ съ его баснями останется въ устахъ народа, пока рѣчь наша будетъ существовать на землѣ. Сидя въ томъ же креслѣ, въ которомъ вѣроятно сиживалъ и Красицкій, я противъ воли задумался надъ слабостью человѣческою, отъ которой несвободны и высшія натуры; всѣ подражаютъ высшимъ и стараются имъ понравиться. Никому не покажется страннымъ, что безбожный Вольтеръ потакалъ безбожному королю; но странно, если ему льститъ духовный и къ тому еще католическій епископъ. Вышедшая изъ-подъ его пера поэма, гдѣ онъ осмѣиваетъ монаховъ, не послужитъ къ назиданію вѣрныхъ. Для Польскаго духовенства было бы гораздо болѣе лестно, еслибъ вмѣсто легкой поэзіи, служащей только для забавы, онъ оставилъ намъ сочиненія полезныя изъ области богословской или исторіи церкви. Къ замѣчательностямъ Берлина относится близъ него находящаяся Русская деревня; она довольно велика и застроена чисто и красиво въ Русскомъ вкусѣ; но въ ней всѣ вывѣски Нѣмецкія, и вмѣсто ожидаемыхъ Ивановыхъ, Михайловыхъ, видишь все Готлибовъ, да Фрицовъ. Мнѣ разсказывали, что эта деревня построена императоромъ Николаемъ, который хотѣлъ заселить ее православными, но отказался отъ своего намѣренія, потому что тамошнее протестантское населеніе, ненавидящее православіе пуще католицизма, не дозволило строить церковь и растаскало даже кирпичи изъ готоваго уже фундамента.

Я долженъ еще сказать нѣсколько словъ о настроеніи умовъ въ Пруссіи. Хотя матеріализмъ всегда былъ божествомъ протестантовъ, не видно тутъ жизни и богатства матеріальнаго. Экономія— это евангеліе, которому безпрекословно подчиняются всѣ, начиная съ короля до послѣдняго поденщика: всѣ только и думаютъ, какъ бы меньше издержать; отъ того-то такая тишина въ Берлинѣ, отъ того во всемъ краѣ, кромѣ однообразія и педантическаго порядка, ничего нельзя встрѣтить замѣчательнаго. Какъ въ болотѣ, не имѣющемъ прилива и отлива, портится и гніетъ вода,—такъ и въ Пруссіи вездѣ видны застой и недостатокъ истинной жизни. Такое состояніе есть слѣдствіе сухихъ людскихъ измышленій, но не дѣло Провидѣнія, которое, распредѣляя земныя блага неодинаково, хотѣло, чтобъ бѣдные кормились около богачей. Въ Пруссіи уклонились отъ предначертаній Создателя и естественному чувству милосердія не дали ходу: тамъ строжайше запрещено всякое нищенствованіе; для содержанія неспособныхъ и бѣдныхъ установленъ особенный налогъ. Эту общую бережливость и вытекающую изъ нея матеріяльнўю обезпеченность приписываютъ вліянію протестантизма. Я съ этимъ согласенъ, вся его задача ограничивается земною жизнью; но не согласенъ съ выводимымъ отсюда заключеніемъ, будто вѣра католическая, единственно думающая о будущей жизни, была несогласна съ наукою экономическою, отрывала людей отъ труда и мѣшала ему достигать матеріальнаго благосостоянія. Проповѣдующіе такую теорію отсылаютъ обыкновенно читателей въ Швейцарію, гдѣ католическіе кантоны чрезвычайно бѣдны, а протестантскіе въ цвѣтущемъ находятся состояніи; также въ Италію, гдѣ, не смотря на огромныя природныя богатства, до сихъ поръ повсемѣстно царствуетъ нищета. Въ Швейцаріи я не былъ; но не думаю, чтобъ разница, если таковая и есть, происходила отъ вѣры. Чтò касается Италіи, то нужно исключить папскія владѣнія, въ которыхъ безтолковое клерикальное правительство несовмѣстимо съ хорошимъ хозяйствомъ и промышленностью; остальныя же части Италіи могутъ смѣло соперничать съ протестантскими провинціями Германіи въ земледѣліи, ремеслахъ и благосостояніи; католическія же Франція и Бельгія превосходятъ ихъ рѣшительно во всемъ. Нигдѣ, кавъ именно въ Пруссіи должны протестанты жить мирно съ католиками, такъ какъ послѣдніе составляютъ почти половину населенія. Между тѣмъ тамъ происходитъ наоборотъ: каждый день являются новыя придирки и преслѣдованія католической церкви и ея членовъ, особенно Польскаго происхожденія. Какъ не удивляться, если правительство, столь послѣдовательное, справедливое, даже отеческое, въ этомъ отношеніи забываетъ объ умѣренности и справедливости. Но въ этомъ виденъ перстъ Божій: церковь наша, родившаяся въ крови и мученіяхъ, укрѣпляется въ гоненіяхъ. И дѣйствительно, не смотря на гоненія, никогда католическая вѣра здѣсь такъ не процвѣтала, никогда въ ней не было столько жизни, столько усердія во всѣхъ ея членахъ. Ультрамонтанство и іезуитство, всюду теперь проникающіе, здѣсь не легко найдутъ себѣ доступъ; а если и проникнутъ, то не на

долго и отступятъ предъ просвѣщеніемъ массъ и усердіемъ духовенства, отличающагося образованіемъ, опытностью и преданностью. Надобно надѣяться, что раціонализмъ и матеріяльная наука разобьются о скалу Петрову, если такъ протянется лѣтъ съ десять.

Изъ Берлина я поѣхалъ въ Познань. Не взирая на великолѣпные новые базары и многочисленныя постройки, Познань все еще Польскій городъ. Разбросанный, незастроенный и обезображенный разваливающимися деревянными домами возлѣ новыхъ домовъ, онъ мнѣ совсѣмъ не понравился. Изучить этотъ городъ, какъ слѣдуетъ, мнѣ не удалось, по причинѣ ваканціоннаго времени: всѣ учебныя заведенія были закрыты, архіепископа не было дома, его подворье было въ починкѣ. Прибывъ въ Субботу, я на утро отправился въ каѳедральный соборъ и не скоро его нашелъ: онъ почти за городомъ. Въ соборѣ я отстоялъ всю службу, выслушалъ и проповѣдь, но ни та ни другая меня не удовлетворили; въ служившихъ и помогавшихъ я не видѣлъ вѣры и убѣжденія въ святости совершаемыхъ ими обрядовъ. У алтаря и на каѳедрѣ они походили на ремесленниковъ, пріодѣтыхъ къ празднику, съ высокими галстуками, съ воротничками до̀ носу и съ завитыми волосами. Соборъ не великолѣпенъ и тѣсенъ; придѣлъ же, построенный первымъ Гнезенскимъ архіепископомъ для помѣщенія, если не ошибаюсь, памятниковъ Мечиславу и Болеславу, королямъ Польскимъ, оказался далеко не тѣмъ, какимъ я его найти ожидалъ.

Узнавъ, что архіепископъ Пржилускій находится въ мѣстечкѣ Сродѣ, въ 4 миляхъ отъ Познани, гдѣ Іезуиты отправляли миссію, я отъ нечего дѣлать поѣхалъ туда познакомиться съ орденомъ у насъ неизвѣстнымъ, также чтобъ увидѣться съ священникомъ Езерскимъ, которому, при его отъѣздѣ изъ Рима, я вручилъ многія свои работы. Мнѣ извѣстно было достовѣрно, что архіепископъ, какъ человѣкъ образованный и по своему высокому сану обязанный вести себя осторожно и не раздражать правительства, не раздѣлялъ стремленій дворянства—противудѣйствовать во всемъ правительству и не находилъ затѣянной миссіи ни своевременною, ни полезною; но не могъ совершенно отказаться отъ участія въ ней: онъ долженъ былъ считаться съ Римомъ или иначе съ іезуитизмомъ, овладѣвшимъ всѣмъ высшимъ сословіемъ въ Познанскомъ княжествѣ; поэтому и отправился въ Сродъ для произнесенія благословенія. Не обращая вниманія на воздвигнутыя въ честь его тріумфальныя арки, на многочисленные флаги съ народными цвѣтами и на огромный съѣздъ дворянства, онъ не оставался тамъ долго и уѣхалъ, отказываясь даже отъ приготовленнаго ему банкета. Я не могъ достаточно надивиться какъ страсти нашей шляхты къ демонстраціямъ, такъ и подозрительности Прусскаго правительства. Первая—думаетъ побѣдить протестантство выставкою католическихъ церемоній; другое—боится отпаденія лютеранъ, еслибъ до ихъ ушей дошло слово католическаго духовнаго. Полиція, подкрѣпленная жандармами, стерегла входъ въ костелъ, чтобъ туда не

проскользнулъ протестантъ; когда же послѣ, по причинѣ чрезмѣрнаго наплыва народа, устроили службу въ оградѣ церковной, полиція приказала обнести ограду высокимъ досчатымъ заборомъ, дабы внѣ ея не было ничего ни слышно, ни видно. Помѣщики, хотя это было время уборки хлѣба, явились всѣ сами, заставили, вмѣсто барщины, прибыть сюда и всѣхъ своихъ крестьянъ и работниковъ. Миссіею называется у католиковъ или посылка проповѣдниковъ для распространенія вѣры среди язычниковъ, или усиліе для оживленія и укрѣпленія ея тамъ, гдѣ она ослабѣла или исказилась. Но не было никакого повода отправлять миссію сюда: вѣра давно здѣсь извѣстна и тщательно оберегается усердными пастырями. Іезуиты охотно взялись за это дѣло, такъ какъ у нихъ нѣтъ отечества, и они не признаютъ надъ собою никакой гражданской власти; свѣтское духовенство принимало въ этомъ лишь самое незначительное участіе. Странно положеніе здѣшняго населенія: описывается совсѣмъ не такимъ, какимъ является въ дѣйствительности; все здѣсь идетъ къ худшему. Вѣра католическая, уже судя по тому, что она здѣсь слилась съ Польскою національностью, встрѣчаетъ гораздо бо̀льшія трудности, чѣмъ во всякой другой Прусской провинціи. На всякомъ шагу встрѣчаетъ она сопротивленіе, постоянно стѣснена подозрительностью правительства и строгимъ его надзоромъ. Не можетъ поэтому развиться истинное католическое усердіе въ возвышеніи духа вѣры и пріумноженіи чести Божьей. Духовенство—это основаніе церкви, воспитывается въ зависимости отъ правительства и, безъ его соизволенія, не можетъ ни мѣста получить, ни подняться выше. По внѣшности и обхожденію оно все больше и бо̀льше походитъ на Нѣмецкое, и превращеніе этимъ не ограничится, тѣмъ болѣе, что въ семинаріи, консисторіи, капитулы насылаютъ постоянно чистыхъ Нѣмцевъ. Патріотизмъ княжества Познанскаго былъ для меня чистою загадкою, которую я никакъ разрѣшить не могъ. Неужели необходимое условіе любви къ отечеству состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ виду одного только себя и основывать свое благосостояніе на нищетѣ и погибели слабѣйшихъ? Между тѣмъ здѣсь такъ; мелкая только шляхта сохранила у себя Польскую услугу, магнаты же и болѣе состоятельные помѣщики, пользуясь Прусскими законами, совсѣмъ ее выжили. Тяжело на сердцѣ, когда, проѣзжая изъ Познани въ Бреславль по прекраснѣйшей странѣ, видишь однѣ мызы; а если и есть гдѣ поселокъ какой, то тамъ непремѣнно сидитъ Нѣмецъ. Можно ли назвать патріотизмомъ такое удаленіе изъ края прежнихъ его обитателей и замѣну его иностранцами? Неудивительно поэтому, что въ полвѣка княжество такъ огерманизовалось, что скоро и слѣдъ пропадетъ, что оно когда-то было главною частью Польши; едва у границы, и то лишь народъ простой, одѣваются и говорятъ попольски. Правда, что правительство систематически всѣми силами стремится къ этой цѣли, не допускаетъ Поляка ни къ какой должности: даже почтальоны, полиціанты и разсыльные—все Нѣмцы. Но высшіе классы, не нуждающіеся въ помощи правительства, могли бы сохранить свою народность. Я жилъ въ лучшей гостин-

ницѣ, владѣлецъ ея богатый Полякъ; отецъ его носилъ еще кунтушъ, а онъ ужъ и попольски худо говоритъ. Въ ресторанѣ, гдѣ было большое собраніе офицеровъ и дворянъ, я не слышалъ Польскаго слова, хотя большинство составляли Поляки. Тутъ я вспомнилъ о провинціяхъ, которыя уже сто лѣтъ находятся подъ властью Россіи, и еще доселѣ тамъ сохранились языкъ и обычаи Польскіе. Обстоятельствомъ, давшимъ поводъ думать, что Польская національность сильна еще въ княжествѣ, были дѣйствія графа Рачинскаго, который жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ для поддержанія Польскаго духа, и важнѣйшимъ для этого средствомъ выбралъ онъ распространеніе въ народѣ свѣдѣній и книгъ, касающихся Польской исторіи. Со смертью его прекратилась эта полезная дѣятельность; ее замѣнила другая—направленная совсѣмъ въ иную сторону. Новые благодѣтели, вмѣсто того, чтобъ по прежнему просвѣщать народъ, стали его возбуждать, внушать ненависть и месть къ чужимъ народамъ, особенно къ Русскимъ. Знакомые намъ Воскресенцы вдохнули свои идеи многимъ духовнымъ и дворянамъ и побудили основать нѣсколько періодическихъ изданій, какъ то: Газета Церковная, Богословскій Архивъ и Познанское Обозрѣніе. Архивъ, самое полезное изданіе, существовалъ нѣсколько лѣтъ. Газета, какъ сборъ лжи и обмановъ, скоро прекратилась; но Обозрѣніе, задавшееся поношеніемъ Русскаго правительства и подвластнаго ему Польскаго духовенства, до сихъ поръ поддерживается; статьи оно получаетъ прямо изъ Парижа и Рима. Такой патріотизмъ не овладѣетъ честными сердцами и не окажетъ благодѣтельнаго вліянія на народъ; источникъ его не чистъ, его девизъ—ненависть и месть; полезныхъ плодовъ поэтому онъ не принесетъ, а одно несчастіе.

Въ грустномъ настроеніи отправился я въ Бреславль. Здѣсь уже нѣтъ и слѣдовъ, что эта земля была нѣкогда Польскою. Я думалъ проѣхать въ Краковъ и провести тамъ съ недѣлю; но, къ величайшему моему огорченію, меня туда не пустили, и я поневолѣ направился въ Варшаву.

Прибывъ къ мѣсту моего служенія, я сейчасъ же представился князю намѣстнику. Онъ долго меня расспрашивалъ и много разъ приглашалъ къ себѣ; наконецъ просилъ меня написать для него подробный отчетъ о ходѣ моего дѣла въ Римѣ и назвать всѣхъ въ краѣ и за границею, которые интригами своими парализировали намѣренія правительства. Описать все я согласился, но назвать всѣхъ противниковъ я считалъ несогласнымъ съ своимъ духовнымъ призваніемъ, да и для дѣла неважнымъ; поэтому просилъ князя на этомъ не настаивать. Князь однако стоялъ на своемъ. Тогда я сталъ представлять князю, что, получивъ требуемыя имена, онъ возбудитъ бурю, себѣ надѣлаетъ хлопотъ, а меня совершенно убьетъ. Въ Римѣ и Парижѣ интригу ведутъ не простые фанатики и не обыкновенныя ханжи, но знатные господа и дамы высшаго круга съ тою единственно цѣлью, чтобъ прославиться усердіемъ къ вѣрѣ, оказать услугу ультрамонтанской партіи, т. е. Іезуитамъ и Воскресенцамъ. Узнавши ихъ, пришлось бы взыскивать

съ нихъ за поведеніе, несогласное съ обязанностями подданнаго, или, по крайней мѣрѣ, отказать имъ отъ своего дома, лишить своей дружбы. Но такое состояніе долго продолжаться бы не могло: эти господа и госпожи, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами, окружающими Монарха и его намѣстника, нашли бы тысячи способовъ испросить себѣ прощеніе. Ихъ знатное происхожденіе, богатство и соотвѣтствующее высокое положеніе въ правительствѣ и обществѣ скоро заставятъ забыть ихъ выходки, какъ слѣдствія ихъ спѣси и моднаго фанатизма. Я же остался бы навсегда доносчикомъ и шпіономъ и потерялъ бы всякое вліяніе на духовенство. Выслушавъ мои соображенія, князь задумался и долго молча ходилъ по комнатѣ. По прошествіи, по крайней мѣрѣ, четверти часа, сказалъ онъ мнѣ приблизительно слѣдующее: „Перваго въ тебѣ ксендза встрѣчаю, который предпочитаетъ общее благо своей собственной пользѣ; поздравляю тебя и себя съ одинаковымъ взглядомъ на вещи; ты правъ, не стòитъ затѣвать дѣла и наказывать виновныхъ: этимъ дѣла не поправимъ, а себѣ только хлопотъ надѣлаемъ. Я хотѣлъ оставить послѣ себя хорошую память, устроивъ и щедро надѣливъ вашу церковь; мнѣ позавидовали враги Государя и его правительства; они пожалѣютъ о своемъ поступкѣ, когда увидятъ его послѣдствія. Я съ тобою согласенъ; мнѣ довольно знать только причины, вызывающія непріязнь и недовѣріе у Ватиканскаго двора, чтобъ на будущее время уберечься отъ столкновеній и даромъ къ нему не обращаться. Мнѣ необходимо также знать, какое вліяніе на церковныя дѣла оказываетъ эмиграція; поэтому прошу тебя присоединять всюду свои соображенія, какія продиктуетъ тебѣ совѣсть и желаніе общаго блага, и не бойся высказывать истину. Чтò касается до тебя самаго, будь спокоенъ; мы хотѣли поставить тебя во главѣ духовенства и не откажемся отъ этого намѣренія; а между тѣмъ ты будешь управлять Августовскою епархіею, какъ законно избранный капитуломъ и утвержденный правительствомъ“. Выслушавъ это, я осмѣлился сказать князю, что въ Римѣ готовы отказать мнѣ въ необходимой благодати и что было бы безопаснѣе справиться прежде при посредствѣ миссіи. Князь отвѣчалъ гнѣвно: „Каковъ папа, такова и миссія; не стоитъ съ ними связываться и ждать ихъ милости; въ крайнемъ случаѣ вернешься въ Академію, завѣдываніе которою остается за тобою до окончанія дѣла; жалованье же, которое будешь получать какъ администраторъ, также останется за тобою“. Я былъ очень недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла, но не смѣлъ противорѣчить князю, тѣмъ болѣе, что при одномъ намекѣ на переселеніе въ Римъ, онъ разсердился и запретилъ объ этомъ говорить. Не оставалось ничего болѣе какъ исполнять приказанное, и я на нѣсколько дней засѣлъ за работу.

Въ своемъ отчетѣ князю я указалъ, что въ нашемъ посольствѣ хранится Итальянскій переводъ моего сочиненія, составленнаго по порученію Феррари; подлинные протоколы всѣхъ моихъ конференцій съ этимъ прелатомъ; къ отчету же приложилъ

описаніе всѣхъ аудіенцій и двѣ записки о Воскресенцахъ, изготовленныя: одна—для г. Бутенева, другая—для кардинала Антонелли. Получивъ мой отчетъ, князь былъ очень доволенъ, назначилъ мнѣ 4500 рублей жалованья, т. е. вдвое противъ того, сколько по закону слѣдовало администратору, и велѣлъ выдать мнѣ это жалованье со дня моего выбора. Деньги эти мнѣ очень пригодились на уплату долговъ, которые я сдѣлалъ за границею. Въ управленіе епархіею вступилъ я 30 Октября 1853 года.

Одному Богу извѣстно, какъ это случилось, что тотъ самый ксендзъ Голлякъ, который былъ первымъ моимъ врагомъ, по смерти администратора Блоцкаго первый же предложилъ капитулу выбрать меня администраторомъ. Послѣ моего избранія, по его совѣту, помощникомъ выбрали самаго неспособнаго прелата, Долмковскаго. Голлякъ и Мышкель ему помогали и успѣли скомпрометировать его до такой степени, что отъ управленія Домбковскій былъ устраненъ, а его мѣсто занялъ Голлякъ. Въ это несчастное время творилось много беззаконій; ксендзовъ присуждали къ тѣлесному даже наказанію; изъ Семинаріи удалили лучшаго профессора и оставили безъ куска хлѣба. Два старшихъ прелата: каноники Мышкевичь и Маковскій получили публичный выговоръ отъ губернатора за то только, что въ частномъ разговорѣ осмѣлились осуждать Голляка и Мышкеля за ихъ безчеловѣчное обхожденіе съ ксендзами: они были представлены строптивыми и бунтовщиками. Поступокъ этотъ возбудилъ всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что всѣ догадывались, съ какою цѣлью это было сдѣлано: этихъ прелатовъ хотѣли лишить возможности быть впослѣдствіи или помощниками въ управленіи или даже администраторами. Вотъ почему не хотѣлось мнѣ вступать въ управленіе Августовскою епархіею; но, призвавши на помощь Духа Св., я взялся за дѣло. Въ окружномъ посланіи ко всему духовенству я изложилъ свою програму и твердо ея держался. Найдя большой недостатокъ въ священникахъ, я испросилъ у начальства дозволеніе и средства на поѣздку въ Вильну нѣсколькимъ десяткамъ семинаристовъ, для полученія тамъ священства. Убѣдившись, сколь незаслуженно были очернены каноникъ Маковскій, настоятель Сувалковскій и профессоръ Залѣсскій, я постарался очистить обоихъ отъ незаслуженныхъ обвиненій и перевелъ перваго въ наилучшее настоятельство въ Замбровъ; второму далъ также приходъ. Много нужно было труда и терпѣнія, чтобы возстановить церковную дисциплину, которая была почти уничтожена излишнею снисходительностью къ однимъ и незаслуженною строгостью къ другимъ прежнихъ правителей, руководствовавшихся капризами и звѣрскимъ гнѣвомъ. Противъ расходившихся Мазуровъ нужно было употребить самыя суровыя и крутыя мѣры; Литовскіе же ксендзы, чувствуя свои прежніе противъ меня грѣхи, оказались вдругъ послушными и тихими, хотя по природѣ своей они очень грубы и задорны. Укоренившіеся прежде доносы и шпіонство быстро прекратились, какъ только первымъ ложнымъ доносчикамъ порядочно досталось.

На третьемъ году моего управленія получено было приказаніе сдѣлать самую точную опись духовнымъ имуществамъ, для передачи ихъ въ казну. Разсмотрѣвъ внимательно инструкцію, я отнесся въ Коммиссію Внутреннихъ Дѣлъ и обстоятельно изложилъ, что приведеніе въ дѣйствіе замышляемой мѣры не принесетъ правительству никакой пользы, а духовенство потеряетъ весьма въ уваженіи народа и въ средствахъ. Представленіе мое не имѣло дѣйствія, и приказано было немедленно приступить къ дѣлу. Всѣ епархіи согласились; а я, не желая принимать участіе въ дѣлѣ столь для духовенства вредномъ, счелъ за лучшее оставить управленіе епархіею и вернулся въ Академію. Враги мои радовались, считая это возвращеніе большимъ для меня униженіемъ, а я принялъ эту перемѣну съ спокойствіемъ и упованіемъ на Бога; она въ матеріальномъ отношеніи для меня очень выгодна. Сидя на ректорствѣ, котораго обязанности мнѣ хорошо знакомы, я не ломаю головы и не встрѣчаю никакой трудности; лекцій не читаю, во всякой отрасли управленія у меня есть помощники. При такой жизни я свободенъ еще отъ всякихъ издержекъ на мое содержаніе и представительство: у меня есть казенный столъ, квартира, отопленіе, освѣщеніе и прислуга; я могъ бы даже держать экипажъ, еслибъ не жалѣлъ казенныхъ денегъ; а по монаршему соизволенію, жалованье мое осталось такое же, какое получалъ, я будучи администраторомъ. Оно довольно значительно, но почти все идетъ на уплату долговъ, которые я надѣлалъ большею частью для воспомоществованія своимъ родственникамъ, чрезвычайно многочисленнымъ, бѣднымъ и ненасытнымъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія Людике.

Прибывъ въ Академію, я его засталъ здѣсь профессоромъ. Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ князя и его дружбою, Людике попиралъ рѣшительно всѣхъ; на лекціяхъ осмѣивалъ нашихъ епископовъ, подпольными интригами выжилъ изъ Академіи многихъ профессоровъ и ничьего старшинства знать не хотѣлъ. Сдѣлавшись ректоромъ, я безропотно долженъ былъ переносить его нахальство, тѣмъ болѣе, что Коммиссія, сама его опасаясь, и моему предшественнику и мнѣ сдѣлала выговоръ за то, что мы жаловались на него. Когда я ближе сошелся съ княземъ, я откровенно сталъ представлять ему, что Людике совсѣмъ не отвѣчаетъ своему назначенію, и князь наконецъ со мною согласился; но онъ не хотѣлъ сразу измѣнить замѣтно свои отношенія. Всѣ, кромѣ князя, не терпѣли Людике; онъ надоѣдалъ Русскимъ, а Поляковъ не считалъ даже Божьими созданіями и обходился съ ними чрезвычайно грубо. Наконецъ и семейство князя и православный архіепископъ начали сильно жаловаться на безстыдство Нѣмца; тогда князь запретилъ ему входъ къ себѣ. При первомъ извѣстіи о немилости, поданы были жалобы отъ братства при Попаулинскомъ костелѣ, которымъ онъ завѣдывалъ, и отъ Нѣмецкаго училища, гдѣ былъ преподавателемъ.

Нарочно наряженная коммиссія открыла страшныя злоупотребленія, настоящій грабежъ. Не ожидая окончанія дѣла, Людике самъ отказался отъ обоихъ мѣстъ. Онъ занималъ еще три должности: былъ профессоромъ, цензоромъ и политическимъ агентомъ для наблюденія за католическимъ движеніемъ. Зная, что Людике потерялъ у князя кредитъ, я просилъ начальство понудить его представить свои документы и доказательства на право занимать мѣсто въ Академіи, въ коей онъ находился уже 10 лѣтъ, и присовокупилъ, что по слухамъ у него есть жена въ Саксоніи и что онъ не только не священникъ, но даже не христіанинъ. Главный директоръ велѣлъ ему немедленно исполнить требованіе ректора и устава. Людике отвѣчалъ, что его документы за границею и что онъ ихъ привезетъ въ вакаціонное время. По наступленіи онаго, Людике, какъ обыкновенно, получилъ паспортъ за границу; въ прежніе годы онъ ѣздилъ туда въ качествѣ правительственнаго агента и каждый разъ получалъ значительную сумму на издержки; теперь же въ деньгахъ ему было отказано. Поѣхалъ онъ прямо въ Римъ, гдѣ, клеветами на наше духовенство, особенно на меня, снискалъ дружбу и покровительство Воскресенцевъ.

По возвращеніи изъ Рима, Людике явился ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ, разсказывалъ о своихъ аудіенціяхъ у папы (у котораго и не думалъ быть) и будто папа сказалъ ему, что ни одного изъ нынѣ представляемыхъ прелатовъ не возведетъ въ епископскій санъ. Началъ онъ дальше разсказывать о Римѣ, но я наконецъ прервалъ его вопросомъ: привезъ ли онъ обѣщанные документы? Онъ подалъ мнѣ бумагу на бланкѣ кардинала, апостольскаго викарія, и просилъ возвратить ему ее немедленно. Въ этой бумагѣ значилось, что Людике, оставляя 15 л. тому назадъ папскую столицу и боясь потерять въ дорогѣ свои документы, явился съ ними въ апостольскую консисторію, для явки оныхъ. Тутъ тотчасъ открылся обманъ. Подобной явки не бываетъ, да она и не нужна: въ случаѣ потери бумагъ, можно получить копіи отъ тѣхъ мѣстъ, коими онѣ выданы. Кромѣ того, въ бумагѣ упоминались свидѣтельства, по своей неправдоподобности очевидно выдуманныя; метрическое свидѣтельство показывало, что онъ происходитъ изъ Евреевъ, не означая ни мѣста, ни времени, ни даже исповѣданія, въ которое онъ былъ окрещенъ. Онъ утверждалъ, что посвященъ въ духовный санъ въ Дрезденѣ, но удостовѣренія не представилъ. Въ бумагѣ говорилось, что онъ былъ профессоромъ семинаріи въ Италіи, руководилъ тамъ не разъ миссіями и былъ исповѣдникомъ въ одномъ женскомъ монастырѣ; а между тѣмъ онъ вовсе не зналъ Итальянскаго языка. Наконецъ, свидѣтельство о его прекрасномъ поведеніи и благочестивой жизни совсѣмъ не соотвѣтствовало его поведенію и жизни въ Варшавѣ, гдѣ онъ былъ извѣстенъ какъ безстыдный атеистъ и развратникъ. Документъ, врученный мнѣ Людике, я препроводилъ въ Коммиссію и откровенно высказалъ мое объ немъ сужденіе. Вслѣдствіе этого, всѣ иностранныя миссіи приглашены были собрать свѣдѣнія о Людике и доставить ихъ въ Варшаву; а между тѣмъ полиціи приказано было слѣдить за нимъ. По справкамъ оказалось, что родствен-

ники Людике до сихъ поръ Евреи, и что нигдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, что̀ онъ утверждалъ. Намѣстникъ приказалъ изготовить оберъ-полиціймейстеру подробный рапортъ о Людике и представить ему. Вышло, что этого Нѣмца выписалъ графъ Генрихъ Лубенскій въ себѣ въ гувернеры и, желая потомъ отъ него избавиться, рекомендовалъ его администратору Варшавской епархіи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Сей послѣдній, желая понравиться Лубенскому, имѣвшему тогда большой вѣсъ и не спрашивая никакихъ документовъ, принялъ его охотно, поручилъ ему въ управленіе костелъ, оставшійся послѣ Паулиновъ и назначенный для отправленія богослуженія Нѣмецкихъ католиковъ, сдѣлалъ его профессоромъ и совѣтникомъ новоучреждаемой Академіи; наконецъ, получивъ Августовское епископство, возвелъ его въ почетные каноники. Людике скоро вошелъ въ милость къ князю, проникъ въ Совѣтъ просвѣщенія, въ цензуру и наконецъ занялъ еще нарочно для него придуманную должность политическаго агента, котораго назначеніемъ было слѣдить — какимъ образомъ католики вредятъ Православію. Въ этомъ званіи онъ каждую вакацію ѣздилъ за границу, бралъ большія суммы и тамъ предавался самому необузданному распутству. За границей, онъ вездѣ поносилъ Русское правительство, а въ Римѣ связался съ Воскресенцами и помогалъ имъ въ ихъ интригахъ. Какъ цензоръ, онъ давалъ запрещенныя книги для чтенія, и самъ же доносилъ объ этомъ, также вымогалъ взятки: болѣе крупныя бралъ онъ съ дамъ высшаго круга за доставленіе имъ приглашенія въ за̀мокъ на балъ или за какія-нибудь услуги, которыя впрочемъ онъ всегда обѣщалъ, но никогда не исполнялъ. Свѣдѣнія о жизни Людике въ Варшавѣ тоже были неутѣшительныя: не только онъ ходилъ по всѣмъ притонамъ развра̀та, но и у себя дома совсѣмъ не стѣснялся, безсовѣстно пользуясь неопытностью бонъ и гувернантокъ, пріѣзжавшихъ изъ Германіи или Франціи и искавшихъ у него покровительства. Предчувствуя, что ему не сдобровать, подалъ онъ князю прошеніе, коимъ ходатайствовалъ подарить ему одинъ годъ для пополненія 15-ти лѣтъ его службы и назначить ему въ пенсіонъ четверть всѣхъ получаемыхъ окладовъ жалованья. Не получивъ удовлетворенія, осмѣлился онъ жаловаться на князя Государю, бывшему тогда въ Варшавѣ и этимъ погубилъ себя окончательно. Его лишили всѣхъ должностей и оставили при одной Академіи; онъ между тѣмъ поспѣшилъ взыскать деньги съ должниковъ. Прибывъ въ Варшаву безъ копѣйки, онъ успѣлъ собрать капиталъ до 40.000 рублей. Издержки его были весьма незначительныя: онъ обѣдалъ или у князя, или у другихъ знакомыхъ, искавшихъ его милости; вообще, былъ мастеръ пользоваться всѣмъ даромъ. При отставкѣ, ему назначили единовременную выдачу въ тысячу рублей, но на эти деньги былъ кѣмъ-то наложенъ арестъ.

Оставя Польшу, Людике поселился въ герцогствѣ Баденскомъ, принялъ должность гувернера въ одномъ знатномъ домѣ, изнасиловалъ здѣсь дочь хозяина и посаженъ былъ въ тюрьму. Судъ лишилъ его всѣхъ правъ и преимуществъ и присудилъ къ уплатѣ значительнаго штрафа и къ многолѣтнему заключенію. Вслѣдствіе этого

рѣшенія, возвращены были нашему правительству ордена св. Станислава и св. Анны 2-й степени, а въ капитулы Августовскій и Келецкій—эмблемы духовнаго достоинства. Изъ тюрьмы Людике успѣлъ бѣжать и укрылся въ Парижѣ. Здѣсь мѣняетъ онъ постоянно сожительницъ и занимается высшею политикою вмѣстѣ съ Воскресенцами.

ПОЛЬСКІЙ АНЕКДОТЪ О ПУГАЧЕВѢ.

Извѣстный Польскій писатель, покойный графъ Ржевускій превосходно зналъ всю анекдотическую исторію послѣдняго времени Польши въ прошедшемъ столѣтіи. Мицкевичь любилъ слушать его разсказы и уговорилъ его изложить ихъ на бумагѣ. Такимъ образомъ возникла книга: „Воспоминанія стараго шляхтича", занимающая видное мѣсто въ Польской литературѣ. Въ ней сохранилось много разсказовъ о Барской конфедераціи и между прочимъ объ отношеніяхъ Польскихъ конфедератовъ къ Пугачеву. Изъ нея мы заимствуемъ слѣдующій разсказъ.

По занятіи Казани, Пугачевъ узналъ, что въ городѣ находится нѣсколько сотъ Польскихъ конфедератовъ. Онъ сдѣлалъ имъ смотръ и тѣхъ изъ нихъ, которые были большаго роста, бралъ къ себѣ на службу, а малорослыхъ, признавая неспособными къ службѣ, отпускалъ на волю. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ, пользуясь смятеніемъ, бывшимъ тогда по всей Россіи, успѣли пробраться въ отечество. Неизвѣстно, по какой причудѣ Пугачевъ отступилъ отъ правила, выбравъ одного изъ нихъ, шляхтича Заблоцкаго (бывшаго въ послѣдствіи Польскимъ консуломъ въ Кременчугѣ) и приказалъ ему находиться при своей особѣ. Этотъ Заблоцкій былъ такого маленькаго роста, что, глядя на него сзади, можно было принять его за тринадцатилѣтняго мальчика. Заблоцкій вошелъ въ большую силу у Пугачева. Пугачевъ былъ простой, неотесанный казакъ, не зналъ ни читать, ни писать, и когда бывало запьетъ, то приказываетъ все жечь и рѣзать. А такъ какъ Заблоцкій состоялъ при немъ въ званіи дежурнаго генерала, то ему удавалось иногда и не исполнять его приказаній. Когда же Пугачевъ протрезвлялся, припоминалъ, что онъ далъ какое-то приказаніе, которое не было исполнено, и начиналъ сердиться: то Заблоцкій доказывалъ ему въ глаза, что не получалъ отъ него никакого приказанія. Этимъ иногда и оканчивалось дѣло, потому Пугачевъ любилъ его; а любовь эту Заблоцкій заслужилъ у него ничѣмъ инымъ какъ только своею смѣлостью и присутствіемъ духа.

Пугачевъ стыдился, что онъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Онъ желалъ прослыть за грамотнаго. Заблоцкій, будучи у него адъютантомъ, долженъ былъ записывать его приказанія. Однажды, въ началѣ этой службы, Пугачевъ позвалъ Заблоцкаго и, взявши мелъ, началъ имъ чертить что̀ попало, а потомъ подозвалъ находившагося при немъ подъячаго и сказалъ ему, показывая на свое маранье: „Я тебя принялъ на мою службу какъ человѣка грамотнаго. Когда

ты въ самомъ дѣлѣ грамотный, читай громко то, что̀ я здѣсь написалъ".

— Ваше величество изволитъ шутить надо мною, отвѣчалъ подъячій: это не похоже на грамоту.

„Такъ ты смѣешь говорить, что я лгу! вскричалъ Пугачевъ. Я царь, такъ развѣ я не умѣю писать?" И тутъ же приказалъ засѣчь подъячаго до смерти.

Потомъ Пугачева обратился къ Заблоцкому и сказалъ ему: „Ты мой адъютантъ, и говорятъ, что ты грамотный. Сейчасъ мнѣ прочитай что̀ я написалъ".

Заблоцкій находился въ незавидномъ положеніи, изъ котораго однако съумѣлъ ловко вывернуться.

„Пресвѣтлѣйшій царь!" сказалъ онъ. Если бы что̀ написалъ Богъ Отецъ, только Богъ Сынъ или Богъ Духъ святый могли бы прочесть написанное. Чтобы уразумѣть написанное вашимъ императорскимъ величествомъ, надобно, чтобъ здѣсь былъ другой такой же великій царь. Онъ только, можетъ быть, былъ бы такъ мудръ, что понялъ бы ваше писанье. А мы, прахъ земной и подданные вашего величества, мы можемъ читать только то что̀ напишемъ сами, или другіе намъ равные".

Этотъ отвѣтъ такъ понравился Пугачеву, что онъ тотчасъ же произвелъ Заблоцкаго въ дежурные генералы и сталъ самъ читать ему написанное имъ, именно, что онъ, по вступленіи на престолъ, заключитъ союзъ съ Поляками и возметъ въ свое подданство Нѣмцовъ.

Примѣчаніе. Что Пугачевъ, желая прослыть грамотнымъ, упражнялся въ подобнаго рода писаньи, какъ разсказано въ прилагаемомъ отрывкѣ, видно изъ разсказа въ Лѣтописи Рычкова, напечатаннаго Пушкинымъ въ его Исторіи Пугачевскаго Бунта. Однажды, во время осады Оренбурга, были доставлены изъ Пугачевскаго лагеря въ городъ три письма: одно въ видѣ указа губернатору порусски, другое—переводъ этого указа на плохой Нѣмецкій языкъ и третье „ничего незначущее, но въ однихъ только черточкахъ какъ (наподобіе того, незнающія грамотѣ дѣти пишутъ) состоящее, и такимижъ пустыми черточками въ одномъ мѣстѣ подписанное письмо, видно самимъ злодѣемъ, какъ незнающимъ грамотѣ для обмана находящихся при немъ простаковъ, написанное въ томъ видѣ, якобы онъ знаетъ грамотѣ и самъ отъ себя партикулярно къ губернатору писалъ".

X.

Преданность Поляковъ Пугачеву есть такое же явленіе, какъ и позднѣйшая служба ихъ Турецкимъ султанамъ. Во время Пугачевщины было еще обстоятельство, привлекавшее ихъ къ самозванцу. Любовница князя Радзивила, извѣстная княжна Тараканова, была, какъ извѣстно, орудіемъ Поляковъ противъ Екатерины. Она дѣйствовала въ одно время съ Пугачевымъ, т. е. вслѣдъ за первымъ раздѣломъ Польши (къ которому, какъ нынѣ доказано неопровержимо, Екатерина была приневолена Фридрихомъ Великимъ). Любопытно хронологическое сопоставленіе успѣховъ Пугачева и манифестовъ мнимой внуки Петра Великаго, дѣйствовавшей по приказанію Поляковъ. Вѣроятно, что князь Радзивилъ имѣлъ пособниковъ между Поляками въ Россіи. *П. Б.*

НЕИЗДАННЫЕ ДЕСЯТЬ СТИХОВЪ А. С. ПУШКИНА.

На подлинномъ листкѣ, принадлежащемъ Николаю Платоновичу Хвицкому, рукою Пушкина написано неизданное мѣсто, относящееся къ концу 4-й пѣсни Руслана и Людмилы, послѣ стиха: „Уже ли счастливъ будетъ онъ?"

Къ ея плѣнительнымъ устамъ
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ мыслитъ хладными трудами
Сорвать сей юный, нѣжный цвѣтъ,
Хранимый Лелемъ для другаго.
Уже..... но бремя позднихъ лѣтъ
Тягчитъ безстыдника сѣдаго;
Стеная, дряхлый чародѣй
Предъ юной дѣвой упадаетъ.
Въ немъ сердце рвется, плачетъ онъ.

Далѣе слѣдуетъ такъ, какъ во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина: „Чу... вдругъ раздался рога звонъ" и пр.

Н. П. Хвицкій, будучи молодымъ человѣкомъ и служа въ гвардіи, встрѣчался съ Пушкинымъ въ обществѣ и на прогулкахъ и однажды выразился ему, что въ 4-й пѣсни его поэмы долженъ быть пропускъ. —„Какъ-же живо, подхватилъ Пушкинъ. Хотите, я вамъ дамъ этотъ пропускъ? Гдѣ вы живете? Какъ нибудь я зайду къ вамъ и напишу". Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, Пушкинъ пришелъ къ молодому офицеру и написалъ ему вышенапечатанные стихи, нѣкогда исключенные цензурою послѣднихъ годовъ царствованія Александра Павловича, которая даже Жуковскому не пропускала вполнѣ „Смальгольмскаго барона". Встрѣча Пушкина съ Н. П. Хвицкимъ относится уже къ 1836 году, не задолго до кончины поэта. *П. Б.*

*

ЗАПИСОЧКА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Возвращаю тебѣ твои прелестныя пакости: всѣмъ очень доволенъ. Напрасно сердишься на Чуму: она едва ли не лучше Каменскаго Гостя. На Моцарта и Скупаго сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія; кажется, и то и другое еще можно усилить.—Пришли Онѣгина, сказку октавами *), мелочи и прозаическія сказки всѣ, читанныя и нечитанныя. Завтра все возвращу.

Ж.

Александру Сергѣевичу Пушкину.

(Съ подлинника, сообщено покойнымъ Н. А. Елагинымъ).

*) Т. е. Домикъ въ Коломнѣ.

МАТВѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРНІОЛИНЪ-ПИНСКІЙ.

Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій пользовался въ свое время большею извѣстностію въ Сенатѣ, гдѣ онъ прошелъ всѣ ступени чиновной іерархіи, начиная съ должности секретаря. Всѣ лица, которыя въ прежнее время начинали свою служебную карьеру также въ Сенатѣ и съ которыми намъ доводилось говорить о Карніолинѣ-Пинскомъ, хорошо помнятъ его и отзываются о немъ какъ о человѣкѣ дѣловомъ. Въ историческихъ памятникахъ намъ случилось два раза встрѣтить его фамилію: во 1-хъ, въ разсказѣ объ актрисахъ Семеновыхъ на дочери одной изъ которыхъ (бывшей въ замужествѣ за княземъ Гагаринымъ) онъ былъ женатъ, и во 2-хъ, въ извѣстіи о Верховномъ Уголовномъ Судѣ *), изслѣдовавшемъ покушеніе Каракозова: Карніолинъ-Пинскій былъ назначенъ, по Высочайшему указу, однимъ изъ членовъ суда. Но болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ не доводилось намъ встрѣчать. А такъ какъ историческія показанія о такихъ лицахъ всегда являются интересными и поучительными, то кажется, что небезполезно будетъ сообщить тѣ свѣдѣнія объ учительской дѣятельности Карніолина-Пинскаго въ Симбирской гимназіи, которыя намъ удалось извлечь частію изъ дѣлъ Казанскаго университетскаго архива, при составленіи „Историческихъ очерковъ Симбирской гимназіи", частію давелось узнать отъ лицъ хорошо знавшихъ Карниліона-Пинскаго во время пребыванія его въ Симбирскѣ.

Изъ послужныхъ списковъ учителей Симбирской гимназіи, хранящихся въ архивѣ Казанскаго университета, видно, что М. М. Карніолинъ-Пинскій былъ родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Смоленской гимназіи и потомъ кончилъ курсъ наукъ въ С.Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, изъ котораго и былъ назначенъ 30 Августа 1816 года учителемъ Естественной Исторіи, Технологіи и Коммерческихъ наукъ въ Симбирскую гимназію.

Въ Симбирскъ Карніолинъ-Пинскій пріѣхалъ еще очень молодымъ человѣкомъ: ему не было и 20 лѣтъ. По воспоминаніямъ лицъ, близко знакомыхъ съ нимъ въ Симбирскѣ, онъ былъ въ то время красивый молодой человѣкъ, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый. Лицо у него было бѣлое и пріятное, глаза черные, волосы вьющіеся. При этомъ онъ отличался живостью, энергіей и блестящимъ даромъ слова. Обладая такими качествами, Карніолинъ-Пинскій скоро попалъ въ кругъ тогдашняго аристократическаго Симбирскаго общества, тѣмъ болѣе что и самъ онъ по происхожденію принадлежалъ къ дворянскому сословію. Здѣсь въ однихъ домахъ онъ давалъ уроки дѣтямъ, въ другихъ былъ принятъ какъ хорошій декламаторъ и занимательный собесѣдникъ. Живо сочувствуя вопросамъ занимавшимъ тогда умы общества, онъ былъ принятъ въ члены Симбирской франмасонской ложи, называвшейся: „Ключь Добродѣтели", девизомъ которой былъ небольшой, продолговатый мѣдный крестъ (этотъ крестъ хранится и донынѣ въ Симбирской Карамзинской библіотекѣ).

Свою учительскую дѣятельность въ гимназіи Карніолинъ-Пинскій также началъ весьма успѣшно. Возбуждаемый на первыхъ порахъ высокою

*) См. Обозрѣніе царствованія Государя Императора Александра II, стр. 499.

юношескою любовью къ просвѣтительской дѣятельности, онъ съ жаромъ и увлеченіемъ занялся тѣми предметами, преподаваніе которыхъ было на него возложено; но при этомъ онъ отличался не столько познаніями, или какими-нибудь самостоятельными изслѣдованіями, сколько даромъ слова. Предмѣстникъ его, Дометій Васильевичъ Успенскій, также кончившій курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ, собралъ по крайней мѣрѣ для гимназіи гербаріумъ изъ мѣстной флоры, о которомъ съ похвалой отзывался въ своемъ ревизіонномъ журналѣ профессоръ Эрдманъ; о трудахъ же Карніолина-Пинскаго въ такомъ родѣ нигдѣ въ дѣлахъ не упоминается, а только указывается на его даръ слова. Благодаря этой-то способности и своей юношеской энергіи, Карніолинъ-Пинскій пріобрѣлъ сначала извѣстность отличнаго учителя, какъ не одинъ разъ аттестовалъ его передъ Совѣтомъ университета директоръ Гапоновъ *). Въ одной изъ такихъ аттестацій, сдѣланныхъ уже въ то время, когда Карніолинъ-Пинскій началъ ослабѣвать въ своей учительской дѣятельности, говорится, что „онъ первый изъ учителей Симбирской гимназіи вызвался, по просьбѣ чиновниковъ Симбирской губерніи, преподавать имъ публичныя лекціи въ свободное время и, съ 1817 года, обучалъ ихъ Натуральной Исторіи и Статистикѣ, убѣдя къ тому же и другихъ учителей гимназіи своимъ примѣромъ". Не смотря на такую популярность, Карніолинъ-Пинскій оставался не болѣе трехъ лѣтъ учителемъ Естественной Исторіи, Технологіи и Коммерческихъ наукъ. Предметы эти, какъ при нынѣшнемъ классическомъ направленіи въ гимназіяхъ, такъ и тогда, хотя преподавались, но не считались особенно важными въ развитіи юношества и потому были въ числѣ предметовъ второстепенныхъ, какъ нынѣ Исторія, Географія и новые языки въ классическихъ гимназіяхъ. На такіе предметы обыкновенно опредѣлялись учителями люди менѣе даровитые и способные, или считавшіеся таковыми. Такъ по крайней мѣрѣ случилось въ то время. Когда, по отзыву директора Гапонова, было замѣчено, что „учитель Политической Исторіи Чашковъ не имѣетъ дара свободнаго объясненія, и оттого не преподаетъ Всемірную Исторію, а только читаетъ и заставляетъ учениковъ слово въ слово твердить прочитанное наизустъ, то ему предложено было перейди на Естественную Исторію. Чашковъ изъявилъ на это свое согласіе, а Карніолинъ-Пинскій за „свой блестящій даръ слова" былъ перемѣщенъ на классъ Всемірной Исторіи и Географіи. — Какъ Карніолинъ-Пинскій преподавалъ Исторію и Географію, въ дѣлахъ архива не сохранилось объ этомъ никакого отзыва, только преподавателемъ ихъ онъ оставался не болѣе года, и въ 1820 году былъ перемѣщенъ на классъ словесныхъ наукъ: Логики и Риторики, которыя были найдены учебнымъ начальствомъ болѣе соотвѣтствующими его способностямъ. Но начальство ошиблось на этотъ разъ въ своемъ расчетѣ на способности Карніолина-Пинскаго: на классѣ Логики и Риторики вполнѣ обнаружилось, что онъ явно пренебрегаетъ своими учительскими обязанностями, и переводъ его съ одного предмета на другой нисколько не поддержалъ въ немъ прежней энергіи, которая начала ослабѣвать еще въ то время, когда онъ былъ учителемъ Естественной Исторіи и Статистики. Это видно изъ того, что директоръ Гапоновъ, рекомендовавшій прежде Карніолина-Пинскаго, какъ отличнаго учителя, съ 1820 года начинаетъ все чаще и чаще неодобрительно отзываться передъ начальствомъ объ его препода-

*) Александръ Ивановичъ Гапоновъ былъ директоромъ Симбирской гимназіи съ 29 Августа 1816 года и до 1830 года.

ваніи. Такимъ образомъ едва прошло четыре года учительской дѣятельности Карніолина-Пинскаго, какъ онъ, считавшійся прежде отличнымъ учителемъ, быстро начинаетъ падать въ мнѣніи учебнаго начальства. Причины этого паденія отчасти заключались въ самомъ Карніолинѣ-Пинскомъ, отчасти въ незавидномъ учительскомъ положеніи вообще, а въ то время въ особенности, а отчасти и въ неумѣньи начальства поддерживать даровитыхъ учителей въ ихъ дѣятельности.

Выше мы видѣли, что Карніолинъ-Пинскій поступилъ на учительскую службу очень молодымъ. Поступилъ онъ, какъ и всѣ молодые учителя, съ любовію къ труду и съ пылкими надеждами осчастливить Русское юношество, сдѣлавъ его умнѣе и образованнѣе. И вотъ, при его дарѣ слова, онъ тотчасъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе: его съ восторгомъ стали слушать ученики, которые и разнесли славу о немъ по городу; потомъ заявили желаніе его послушать Симбирскіе чиновники; наконецъ его стали приглашать къ себѣ тогдашніе аристократы Симбирскіе, какъ напр. Кротковы, Ивашевы и т. д. Такіе блестящіе успѣхи на учительскомъ поприщѣ сначала возбуждали и поддерживали энергію Карніолина-Пинскаго. Поэтому, въ первые годы его службы, начальство обыкновенно отзывалось съ похвалой объ его дѣятельности. Но извѣстно, что учительская должность въ гимназіи не профессорская; на ней трудно возбуждать постоянный восторгъ и поддерживать вниманіе еще неразвитыхъ слушателей, а необходимо спускаться къ обыкновенной, будничной дѣятельности и вознѣ съ непонятливостію, разсѣянностью и апатіей учениковъ, которыя нерѣдко заставляютъ проклинать свою службу людей, уже свыкшихся съ чернорабочей учительской дѣятельностью. Когда Карніолинъ-Пинскій долженъ былъ перейдти къ такой дѣятельности, энергія его мало по малу стала ослабѣвать, и онъ начинаетъ пропускать уроки, и за это получать выговоры и замѣчанія. Мѣра эта оказала бы свое дѣйствіе на поддержаніе энергіи Карніолина-Пинскаго, если бы онъ только дорожилъ мѣстомъ своей службы. Но дорожить своимъ мѣстомъ онъ не могъ, при томъ незначительномъ жалованьи, какое получали въ то время учителя гимназіи. Жалованье это состояло изъ 549 руб. 99 коп. ассигнаціями. Правда, что въ то время учителя пользовались еще казенными квартирами въ гимназіи, но квартиры эти были тѣсны, сыры и грязны до того, что могли охладить въ молодомъ человѣкѣ всякую энергію къ ученымъ трудамъ, тѣмъ болѣе, что въ домахъ тогдашней аристократіи Симбирской Карніолинъ-Пинскій имѣлъ случаи видѣть довольство и роскошь, которыми пользовались люди не умнѣе и не образованнѣе его. Того нравственнаго утѣшенія сознаніемъ высоты своего учительскаго служенія, того презрѣнія къ внѣшнимъ благамъ, какимъ отличались древніе философы Греціи Антисѳенъ и ученикъ его Діогенъ, невозможно требовать отъ молодаго Карніолина-Пинскаго. Да онъ этими качествами и не отличался. Чтò же могло поддержать его учительскую дѣятельность? Одно начальство учебнаго вѣдомства. Оно и старалось поддерживать его, отмѣчая въ послужномъ спискѣ: „способенъ и по познаніямъ награжденія достоинъ". Но изъ дѣлъ архива не видно, чтобы Карніолинъ-Пинскій получилъ какую-нибудь награду на службѣ въ Симбирской гимназіи, а сохранились одни только выговоры и замѣчанія за небреженіе его къ своимъ обязанностямъ.

Эти выговоры и замѣчанія посыпались на Карніолина-Пинскаго съ 1820 года, когда въ качествѣ визитатора пріѣзжалъ въ Симбирскую гимназію коллежскій ассессоръ Макшеевъ, который первый обратилъ вниманіе на упущеніе уроковъ Карніолинымъ-Пинскимъ, за что по-

слѣднему и былъ присланъ отъ Совѣта университета выговоръ. Но выговоръ этотъ, къ удивленію, не только не побудилъ его посѣщать классы, но произвелъ совершенно обратное дѣйствіе. Вотъ что̀, вскорѣ послѣ этого выговора, доносилъ Совѣту Казанскаго университета о Карніолинѣ-Пинскомъ и объ его сослуживцѣ Чашковѣ директоръ Гапоновъ въ своемъ рапортѣ отъ 30 Апрѣля 1820 года: „Еще до осмотра училищъ Симбирской губерніи коллежскимъ ассесоромъ Макшеевымъ, были мною замѣчены неисправности со стороны гимназическихъ учителей Пинскаго и Чашкова; нынѣ же, послѣ сдѣланнаго имъ замѣчанія, они не только не исправляются, но упущенія со стороны ихъ превышаютъ всякое вѣроятіе. Пинскій о Логикѣ и Риторикѣ, кажется, и не думаетъ. Чашковъ хотя и ходитъ къ должности, но чувствительнаго плода не приноситъ: онъ заставляетъ учениковъ зубрить уроки на память, а самъ только ходитъ молча по классной комнатѣ. Не замѣтилъ я также, чтобы оба сіи учителя когда-либо готовились къ урокамъ. При столь худомъ расположеніи учителей Пинскаго и Чашкова, на коихъ мало дѣйствовали мои кроткія уговариванья, а надлежащія взысканія только усугубляли ихъ нерадѣніе, не можно ожидать впредъ ни самомалѣйшихъ успѣховъ отъ нихъ. Строгость начальства и достоинство Симбирской гимназіи требуютъ лучшихъ наставниковъ для поддержанія того добраго мнѣнія, которое она имѣла въ теченіи предъидущихъ двухъ лѣтъ у начальства Казанскаго университета и у публики Симбирской. Посему прошу на мѣсто ихъ прислать новыхъ учителей". Въ слѣдъ за этимъ донесеніемъ директора послѣдовало въ Совѣтъ Казанскаго университета прошеніе самаго Карніолина-Пинскаго, который, желая предупредить грозившую ему опасность—быть уволеннымъ съ худой аттестаціей, просилъ уволить его по болѣзни. Въ своемъ прошеніи онъ такъ писалъ о своей болѣзни: „Съ 1816 года вступивъ на должность, я въ теченіи трехъ слишкомъ лѣтъ, отъ перемѣны климата и природно-слабаго тѣлосложенія, теряю постепенно жизненныя свои силы. Сильная боль въ груди, вмѣстѣ съ слабымъ зрѣніемъ, препятствуетъ мнѣ продолжать служеніе въ учебномъ заведеніи, а потому я и прошу меня уволить". Но попечитель Казанскаго округа, извѣстный М. Л. Магницкій нашелъ причины, выставленныя К. Пинскимъ недостаточными для его увольненія, тѣмъ болѣе, что онъ еще не выслужилъ всѣхъ лѣтъ, и потому не согласился его уволить, а приказалъ только объявить ему, чтобы онъ рачительнѣе посѣщалъ классы, въ противномъ же случаѣ грозилъ уволить его съ худымъ аттестатомъ.

Едва только кончилось это дѣло, какъ Карніолинъ-Пинскій подвергся снова отвѣтственности за плохое содержаніе имъ физическаго и минералогическаго кабинетовъ въ Симбирской гимназіи, о чемъ довелъ до свѣдѣнія Совѣта университета тотъ же визитаторъ Макшеевъ. Совѣтъ университета предписалъ директору Гапонову озаботиться приведеніемъ въ лучшій порядокъ означенныхъ кабинетовъ, что̀ исполнить возложено было директоромъ на Карніолина-Пинскаго. Но онъ, состоя уже въ это время учителемъ Логики и Риторики, не считалъ этого своею обязанностію и не хотѣлъ приводить въ порядокъ вещей и сдѣлать имъ опись, какъ требовалъ директоръ. Вслѣдствіе этого послѣдній донесъ Совѣту университета, что Карніолинъ-Пинскій, завѣдывая библіотекой, физическимъ и минералогическимъ кабинетами и учебными пособіями, не взирая на многократныя его словесныя и письменныя приказанія, не приводитъ ихъ въ порядокъ и не хочетъ составлять имъ описей. Совѣтъ университета велѣлъ объявить Карніолину-Пинскому, что онъ будетъ преданъ суду, если не исполнитъ приказанія директора. Эта угроза подѣйствовала на

него, и онъ, какъ доносилъ потомъ директоръ, въ двѣ недѣли привелъ въ порядокъ и кабинеты и библіотеку и, составивъ имъ описи, все это сдалъ въ лучшемъ видѣ старшему учителю Телешеву.

Въ 1821 году Карніолинъ-Пинскій, окончивъ срокъ обязательной службы въ гимназіи, подалъ опять прошеніе объ увольненіи. Начальство Казанскаго учебнаго округа на это разъ изъявило согласіе на его желаніе и вскорѣ прислало на его мѣсто кандидата Казанскаго университета Базилева. Но какъ формальнаго приказа на это долго не высылалось, то учительское жалованье получалъ Карніолинъ-Пинскій, а Базилевъ на новомъ мѣстѣ принужденъ былъ довольствоваться однимъ своимъ кандидатскимъ окладомъ. Во время затянувшейся по этому случаю переписки между директоромъ Гапоновымъ и Совѣтомъ Казанскаго университета, Карніолинъ-Пинскій, вѣроятно вслѣдствіе обыкновеннаго учительскаго бездежья, опять заявилъ директору желаніе остаться учителемъ Симбирской гимназіи по философски-словеснымъ наукамъ. Директоръ Гапоновъ, доводя объ этомъ желаніи до свѣдѣнія Совѣта университета, старается зарекомендовать его съ хорошей стороны и между прочимъ пишетъ: „Пинскій за непремѣнное правило себѣ положилъ исправлять сію должность наитщательнѣйшимъ образомъ и можетъ быть тѣмъ болѣе полезенъ, что владѣетъ прекраснѣйшею способностію изъясненія.“ Совѣтъ университета представилъ это ходатайство Гапонова на усмотрѣніе попечителя Магницкаго, который также изъявилъ свое согласіе на оставленіе Карніолина-Пинскаго учителемъ Симбирской гимназіи, но вмѣстѣ съ этимъ приказалъ объявить ему, что при первомъ донесеніи объ его нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ онъ будетъ уволенъ. Въ слѣдующемъ году донесеніе на Карніолина-Пинскаго, хотя не прямое, а косвенное, дѣйствительно опять послѣдовало.

Въ 1822 году попечитель Магницкій находился въ С.Петербургѣ, куда ему высылались изъ Казани вмѣстѣ съ другими дѣлами такъ называемыя меморіи или журналы Училищнаго Комитета. Просматривая одну изъ такихъ меморій за Январьскую треть, Магницкій встрѣтилъ о Карніолинѣ-Пинскомъ замѣтку, что „онъ позволяетъ себѣ въ донесеніяхъ начальству неопредѣленности, похожія на небрежность.“ Вслѣдствіе этого Магницкій потребовалъ отъ Совѣта университета доставить ему свѣдѣнія о томъ, въ чемъ состоитъ небреженіе Пинскаго? Совѣтъ университета сдѣлалъ по этому случаю запросъ какъ Училищному Комитету, такъ и директору Симбирской гимназіи. Училищный Комитетъ отвѣчалъ, что „небреженіе Пинскаго видно изъ показанія пройденнаго имъ. Такъ онъ пишетъ, что ученики 1-го класса занимались цѣлый мѣсяцъ повтореніемъ Логики Карпе, а 4-го класса-Риторики Рижскаго, изъ чего Комитетъ и заключаетъ, что онъ заставляетъ только учениковъ зубрить.“ Въ заключеніи своего донесенія Комитетъ впрочемъ прибавляетъ, что „нѣкоторыя ученическія упражненія, какъ напр. ученика 4-го класса Евграфа Зубова, онъ нашелъ весьма хорошими и прочиталъ съ удовольствіемъ.“ Директоръ Гапоновъ въ своемъ отвѣтѣ Совѣту университета старается на этотъ разъ защитить краснорѣчиваго учителя своей гимназіи и между прочимъ пишетъ, что онъ рекомендовалъ Пинскому пріучать учениковъ своихъ къ выбору логическихъ предложеній изъ лучшихъ образцовыхъ сочиненій, замѣчать тропы и фигуры и заставлять самихъ учениковъ сочинять. Карніолинъ-Пинскій, по отзыву директора, принялъ этотъ методъ съ готовностію, и директоръ не рѣдко видѣлъ предложенія, заданныя имъ ученикамъ для силлогизмовъ, періодовъ, хрій или писемъ. Въ заключеніи своего отвѣта Гапоновъ пишетъ, что „Пинскій употребляетъ

свою опытность въ словесныхъ наукахъ къ пользѣ учащихся, а что Училищный Комитетъ сдѣлалъ свой отзывъ о немъ вѣроятно потому, что принялъ краткія его выраженія о пройденномъ за небрежность“. Этимъ все дѣло и кончилось.

Наконецъ въ 1823 году Карніолинъ-Пинскій, видя, что учительская его репутація сильно пострадала во мнѣніи начальства и убѣдясь, что на службѣ въ гимназіи ожидать ему болѣе нечего, какъ только перемѣщенія съ одного предмета на другой за свою „прекраснѣйшую способность изъясненія“, рѣшился выдти въ отставку и въ концѣ Іюня подалъ прошеніе объ увольненіи, которое вскорѣ и получилъ вмѣстѣ съ чиномъ коллежскаго секретаря, слѣдовавшимъ ему за службу въ гимназіи.

По выходѣ изъ гимназіи, Карніолинъ-Пинскій поселился въ домѣ генеральши Бѣляковой, въ качествѣ домашняго учителя ея дѣтей. Живя здѣсь въ семейномъ кругу, Матвѣй Михайловичъ любилъ по временамъ представлять въ каррикатурномъ видѣ бывшаго своего начальника, директора Гапонова, съ которымъ живалъ часто не въ ладахъ и которому, еще на службѣ въ гимназіи, позволялъ себѣ при ученикахъ дѣлать изъ-подъ-тишка носы, когда тотъ обращался къ нему съ какими-нибудь замѣчаніями. Въ это же время Карніолину-Пинскому довелось испытать страданія первой любви, по сказанію однихъ, къ своей ученицѣ, дочери генеральши Бѣляковой, а по сказанію другихъ, къ г-жѣ Ивашевой. Только любовь бѣднаго учителя въ отставкѣ не нашла сочувствія ни отъ генеральши Бѣляковой, ни отъ г-жи Ивашевой и заставила Карніолина-Пинскаго серьезнѣе взглянуть на жизнь и подумать о томъ, какъ бы ему выбиться изъ своего незавиднаго положенія и выдти, что̀ называется, въ люди. Поэтому, когда онъ узналъ, что помѣщикъ Кротковъ отправляется съ сыномъ за границу, то оставилъ домъ Бѣляковой и перешелъ къ Кроткову въ качествѣ гувернера его сына. Но Кротковъ, пріѣхавъ въ Москву, сдѣлался боленъ и отложилъ поѣздку за границу. Тогда Карніолинъ-Пинскій, не оставляя помѣщенія своего у Кроткова на Тверской, взялся еще преподавать уроки словесности въ Лефортовскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но этимъ онъ нисколько не улучшилъ своего положенія, такъ какъ получаемаго имъ въ это время жалованья ему едва доставало на одежду и обувь. Въ домѣ же у Кроткова Карніолинъ-Пинскій познакомился съ извѣстнымъ въ свое время драмматическимъ писателемъ и директоромъ Московскихъ театровъ, княземъ Шаховскимъ, который, узнавъ объ его декламаторскомъ талантѣ, пригласилъ его къ преподаванію словесности и декламаціи въ театральной школѣ. Эту должность Карніолинъ-Пинскій занималъ недолгое время и при директорѣ Московскихъ театровъ Кокошкинѣ. Наконецъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Карніолинъ-Пинскій рѣшился оставить свою педагогическую дѣятельность и сначала поступилъ на службу въ канцелярію Московскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Сенатъ.

Такъ-то начиналъ свое житейское поприще будущій оберъ-прокуроръ Сената, достигшій впослѣдствіи высокаго служебнаго положенія и громкой извѣстности въ правительственныхъ сферахъ.

Н. Христофоровъ.

ЗАМѢТКА О КАРНІОЛИНѢ-ПИНСКОМЪ.

Карніолинъ-Пинскій былъ умный, весьма даровитый, энциклопедически образованный человѣкъ. Никакихъ ступеней чиновничьей іерархіи въ Сенатѣ онъ не проходилъ. Пріѣхавъ въ Москву, можетъ быть дѣйствительно съ г. Кротковымъ, онъ вскорѣ поступилъ на службу въ канцелярію г. военнаго генералъ-губернатора, тогда князя Дм. Вл. Голицына, и отсюда перешелъ въ вѣдомство Министерства Юстиціи, на должность губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго. Въ этомъ званіи онъ пользовался безукоризненною репутаціею дѣловаго и честнаго чиновника, стоялъ среди сослуживцевъ особнякомъ, обращался преимущественно въ тогдашнемъ обществѣ литераторовъ и самъ въ свободное время занимался съ успѣхомъ литературою. Статей своихъ въ журналахъ онъ не подписывалъ, но кругъ читателей зналъ ихъ автора. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Состоянія Карніолинъ-Пинскій не имѣлъ, жалованье стряпчаго было ничтожно, взятокъ онъ не бралъ; чѣмъ же было жить? Пинскій, стряпчій и литераторъ, давалъ частные уроки.

А вотъ исторія переселенія его на службу въ П.бургъ. По волѣ Государя Николая Павловича прибылъ въ Москву министръ Юстиціи Дм. Вас. Дашковъ и ордеромъ прокурору потребовалъ командировать къ себѣ для занятій чиновника. Выборъ палъ на Пинскаго. Даровитый министръ съ разу замѣтилъ даровитость своего докладчика и предложилъ ему перейти къ себѣ на службу въ П.бургъ. Тамъ Пинскій, съ хорошимъ по тогдашнему окладомъ жалованья, былъ помѣщенъ въ канцелярію министра и вскорѣ назначенъ былъ ея директоромъ, а потомъ и сенаторомъ. Дѣятельность его въ этихъ послѣднихъ званіяхъ общеизвѣстна съ отличной стороны.

Статья г. Христофорова типично свидѣтельствуетъ, что Пинскій въ средѣ Симбирской педагогіи былъ, такъ сказать, пришлецъ изъ другаго міра: его не могли понять директоръ гимназіи и товарищи; не поняло и высшее начальство. Да и самъ онъ, тогда молодой человѣкъ едва двадцати лѣтъ, былъ ли въ состояніи отбыть безъ борьбы эпитимью шестилѣтней обязательной службы, во всемъ положительно несоотвѣтствовавшей природнымъ его наклонностямъ и призванію? Думаемъ, что это было для него невозможно, такъ какъ и намъ теперь было бы странно ставить ему въ укоръ ненаходчивость пылкой молодости. Sapienti sat.

А. Томашевскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ ПО ПОВОДУ „ВОСПОМИНАНІЙ“

г-на Пржецлавскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., томъ XIV, помѣщена статья: „Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго—„Цензура 1830—1865 г.“.

Какъ эти воспоминанія, такъ равно и другія того же автора, напечатанныя въ послѣдніе годы, заключаютъ въ себѣ много занимательнаго, и читаются съ удовольствіемъ.... но намъ, *Русскимъ людямъ*, не слѣдуетъ поддаваться поверхностному впечатлѣнію, производимому разсказами, взглядами и сужденіями автора.

Самъ г. Пржецлавскій говоритъ въ настоящей части своихъ воспоминаній, что онъ издавалъ въ Петербургѣ на Польскомъ языкѣ политико-литературную газету „*Тигодникъ*“ (Еженедѣльникъ) въ теченіи 29 лѣтъ, съ 1829 по 1858 г. и, не смотря на то, что „по возникновеніи Польскаго мятежа, положеніе редакціи, особенно при тогдашней взыскательной цензурѣ, сдѣлалось крайне деликатнымъ“, изданіе продолжалось не только безпрепятственно, но даже „въ наиболѣе щекотливомъ положеніи Польской газеты въ Петербургѣ, не подвергшись ни разу взысканію“ (стр. 136—137). Это обстоятельство дѣйствительно составляетъ замѣчательное явленіе, которое убѣдительно свидѣтельствуетъ о необыкновенной ловкости редактора; но именно по этой самой причинѣ и надлежитъ съ соотвѣтственною осторожностію читать и понимать сочиненія такого искуснаго писателя. На это заключеніе наводитъ даже самъ г. Пржецлавскій, который говоритъ слѣдующее относительно „крайне деликатной“ трудности издавать „*Тигодникъ*“ въ тридцатыхъ годахъ: „Одно, о чемъ я молилъ Провидѣніе, это, чтобы моимъ цензоромъ былъ умный человѣкъ, такой, который понималъ бы все въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано; не искалъ бы, какъ Французы говорятъ, полдня въ четырнадцатомъ часу, и на бѣлой бумагѣ между строкъ не усиливался читать того, чего тамъ нѣтъ“. Согласиться безусловно съ этимъ желаніемъ г. Пржецлавскаго — никакъ нельзя. Не отвергая практическаго смысла приведеннаго здѣсь Французскаго изрѣченія, можно указать на другую пословицу, Русскую, не менѣе вѣрную: „бумага все терпитъ“. Изъ нея вытекаетъ, между прочимъ, то заключеніе, что *умный* цензоръ, какъ вообще и всякій умный человѣкъ, долженъ не только понимать все написанное „въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уразумѣть тотъ затаенный смыслъ, который иногда можетъ скрываться не въ прямомъ значеніи отдѣльныхъ словъ и фразъ, а въ цѣломъ содержаніи и общемъ духѣ сочиненія, ловко направленнаго къ извѣстной цѣли, которая прямо нигдѣ въ немъ не высказывается; это обыкновенно и встрѣчается въ тѣхъ именно случаяхъ, когда о чемъ нибудь высказываться откровенно, въ томъ духѣ и смыслѣ какъ хотѣлось бы, представляется неудобнымъ и даже невозможнымъ.

Такого рода мысли приходятъ на умъ именно относительно литературной дѣятельности г. Пржецлавскаго. Я не знаю Польскаго языка, и къ тому же никогда мнѣ не попадалась на глаза газета „*Тигодникъ*“, а потому никакого собственнаго мнѣнія о ней я имѣть не могу; но самъ г. Пржецлавскій разсказываетъ, что съ конца 1830 года его газета не могла нравиться Польской публикѣ, сдѣлавшись органомъ энергическаго осужденія „преступнаго Варшавскаго *движенія*“ (замѣчу мимоходомъ, что на правильномъ Русскомъ языкѣ, которымъ авторъ отлично владѣетъ, слѣдовало бы здѣсь употребить не слово *движеніе*, а выраженіе *возстаніе* или *возмущеніе)*, вслѣдствіе чего ея редакторъ былъ приговоренъ Парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ къ смерти и казненъ, по портрету, на Батиньольскомъ полѣ (стр. 136). Между тѣмъ, въ настоящее время всѣ мы видимъ, что этотъ самый авторъ пишетъ и печатаетъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ такого рода статьи, за которыя Польская публика могла бы нынѣ возродить изъ пепла сожженный на Батиньольскомъ полѣ его портретъ, для воздапія ему почестей сочувствія и признательности. Сопоставленіе такихъ, по видимому, совершенно противоположныхъ направленій въ произведеніяхъ одного и того же писателя невольно вынуждаетъ относиться къ нимъ съ осмотрительностію. Дѣйствительно, въ произведеніяхъ, или гораздо правильнѣе сказать, въ *сочиненіяхъ*, г. Пржецлавскаго событія и люди изображаются далеко не въ вѣрномъ свѣтѣ.

Вотъ, напримѣръ, въ воспоминаніяхъ о цензурѣ въ 1830—1865 годахъ, авторъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ о дѣятельности главнаго цензурнаго учрежденія и его членовъ; но при этомъ, въ ущербъ полноты своихъ очерковъ, упускаетъ изъ памяти нѣкоторые наиболѣе интересные и характеричные эпизоды для правильной оцѣнки тогдашняго образа дѣйствій цензуры.

Приведу въ доказательство одинъ мнѣ извѣстный примѣръ, относящійся къ указываемому періоду времени. Въ концѣ 1864 года, когда со времени Польскаго возстанія 1863 года „Московскія Вѣдомости" (тогдашнія, а не нынѣшнія) достойно служили всѣмъ Русскимъ интересамъ, однимъ изъ членовъ Совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (замѣнившаго главное управленіе цензуры) было возбуждено обвиненіе противъ направленія, духа, тона и пріемовъ этой газеты, которая, по словамъ обвиненія, будто бы составляла „аномалію въ общемъ строѣ нашего государственнаго склада и вредъ для общества, прямо и косвенно поселяя въ немъ свои собственныя мнѣнія", при чемъ будто дѣятельность газеты не остановилась на точкѣ „популярности естественной", пріобрѣтенной ею по поводу Польскаго мятежа, но, съ подавленіемъ сего послѣдняго, „стала уже переходить въ искусственную", и даже осмѣлилась неуважительно обсуждать дѣйствія нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, между прочимъ, одного изъ нихъ, по случаю изданія брошюры Скедо-Ферроти. Предъявляя эти обвиненія, авторъ ихъ даже не ссылался на цитаты изъ газеты, какъ это всегда дѣлается, но объявилъ, что онъ находитъ это излишнимъ, потому что „пришлось бы сослаться едва-ли не на всѣ нумера за какіе-нибудь полтора года" (т. е. какъ разъ выходитъ, за весь тотъ періодъ времени 1863—1864 гг., когда „Московскія Вѣдомости" твердо и съ успѣхомъ ратовали противъ Польскихъ козней, интригъ и обмановъ). Всѣ прочіе пять членовъ совѣта, каждый въ отдѣльности, протестовали письменно противъ этого подкопа подъ „Московскія Вѣдомости", и въ своемъ заключеніи Совѣтъ постановилъ оставить это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, при чемъ выразилъ справедливую похвалу многими заслугамъ этой газеты, „а всего болѣе по Польскому вопросу". Такимъ образомъ, подкопъ не достигнулъ своей цѣли.

Правдивость моего разсказа можетъ быть засвидѣтельствована тогдашними членами Совѣта, которые всѣ шесть и понынѣ живы: А. В. Никитенко, И. А. Гончаровъ, Н. В. Варадиновъ, М. Н. Туруновъ, А. Н. Тихомандритскій и самъ О. А. Пржецлавскій. Только скончался одинъ А. Г. Тройницкій, который, по званію предсѣдателя Совѣта, не подавалъ своего отдѣльнаго мнѣнія, но согласился и подписался вмѣстѣ со всѣми прочими членами подъ общимъ заключеніемъ Совѣта.

Я, впрочемъ, не имѣю намѣренія входить въ разборъ и оцѣнку общаго направленія, духа и значенія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ воспоминаній г. Пржецлавскаго,—читатель съумѣетъ самъ оцѣнить ихъ по достоинству и сдѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы. Но такъ какъ въ своихъ воспоминаніяхъ о „цензурѣ", авторъ, между прочимъ, коснулся одного предмета священнаго и въ высшей степени важнаго для членовъ православной церкви, то я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ собственно по одному этому предмету. Вотъ что написалъ г. Пржецлавскій:

„Когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и булла о немъ была напечатана, то возникъ въ комитетѣ цензуры иностранной вопросъ: можетъ-ли она быть пропущена? Въ главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили моего мнѣнія, и я отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра

въ Россійской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его вошелъ въ число статей этой вѣры (article de foi), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось, и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать, въ чемъ заключается новый догматъ. Я объяснилъ, что, по сущности его, въ зачатіи Богородицы не признается никакого различія отъ обыкновеннаго физіологическаго процесса, но въ виду назначенія Пресвятой Дѣвы быть Матерью Сына Божія, церковь вѣруетъ, что для нея сдѣлано было исключеніе и снята та скверна первороднаго грѣха, съ которою родятся всѣ человѣки. До послѣдняго собора позволялось не раздѣлять этого вѣрованія, хотя оно было личнымъ убѣжденіемъ всѣхъ папъ, и поэтому Пій IX пожелалъ рѣшить единожды и этотъ сомнительный пунктъ; теперь же, когда вопросъ о непорочности рѣшенъ соборомъ утвердительно, то прежнее вѣрованіе обращено въ канонически-обязательное. Члены благодарили меня за ясное опредѣленіе предмета и прибавили, что до того имѣли о немъ темное и даже ошибочное понятіе. Я же, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— „Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ поучиться: вѣдь вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія".

— „Какъ такъ?" спросили они, крайне удивленные.

Тутъ я объяснилъ, что такое было первоначальное названіе ордена „Бѣлаго Орла", учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать, и каждый давалъ присягу, что вѣруетъ, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣрованіе это защищать до послѣдней капли крови. Никто изъ нашихъ кавалеровъ Бѣлаго Орла не зналъ о такомъ происхожденіи ордена; со временемъ онъ и перемѣнилъ форму, и утратилъ первоначальное значеніе" (стр. 156—157).

Вполнѣ правдоподобно и понятно, что гг. Норовъ, Митусовъ, Дубельтъ и прочіе члены главнаго управленія цензуры согласились съ мнѣніемъ г. Пржецлавскаго относительно необходимости пропустить буллу съ новымъ догматомъ, въ видахъ соблюденія вѣротерпимости въ ея полнотѣ, и всякій благоразумный человѣкъ поступилъ бы точно также. Но правдоподобность дальнѣйшаго разсказа представляется весьма сомнительною: трудно повѣрить, чтобы члены управленія могли убѣдиться вышеприведеннымъ богословскимъ толкованіемъ г. Пржецлавскаго и, въ добавокъ, до такой степени, что даже благодарили его „за ясное опредѣленіе предмета, о которомъ до того они имѣли темное и ошибочное понятіе". Названныя три лица, а равно и другіе тогдашніе члены управленія, въ числѣ коихъ г. Пржецлавскій называетъ (стр. 147) К. С. Сербиновича и А. Г. Тройницкаго, къ сожалѣнію, всѣ уже скончались, и расспросить ихъ объ описываемомъ здѣсь обстоятельствѣ — сдѣлалось невозможнымъ; но, во всякомъ случаѣ, я никогда не повѣрю, чтобы такіе люди, какъ А. С. Норовъ, К. С. Сербиновичъ и А. Г. Тройницкій, извѣстные своимъ умомъ и высокою образованностью, могли поддаться подобнаго рода легкому и полному явныхъ противорѣчій толкованію, а тѣмъ болѣе, чтобы А. С. Норовъ и К. С. Сербиновичъ, которые, сверхъ того, отличались глубокою, твердою привязанностію къ православной вѣрѣ, могли признать ошибочнымъ то ученіе, которое излагаетъ православная церковь о зачатіи Пресвятой Дѣвы.

Основанія къ столь рѣшительному съ моей стороны утвержденію заключаются въ слѣдующемъ.

Церковь апостольская, каѳолическая и единая истинная, въ послѣдствіи времени присоединившая къ этимъ наименованіямъ еще и названіе православной (для отличія отъ церкви Римской, неправильно про-

должавшей именоваться католическою и апостольскою, послѣ своего отпаденія въ схизму, т. е. отдѣленія ея отъ вѣры апостольской), приняла залогъ вѣры Христовой и все догматическое ученіе непосредственно отъ самихъ св. апостоловъ, по завѣщанію которыхъ она никогда, до самого скончанія вѣка, не можетъ прибавить никакого новаго догмата къ этому залогу божественнаго откровенія, преданному ей для неприкосновеннаго храненія. Всѣмъ православнымъ хорошо извѣстны наставленія св. апостола Павла по этому предмету: „храни преданное тебѣ, отвращаясь пустословія и прекословій ложнаго знанія, которому предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры" (1-е посл. къ Тимоѳ., VI, 20—21) „Есть люди, смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что̀ мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема" (Галат., I, 7—8). Твердо стоя на непоколебимомъ основаніи этого священнаго завѣта, каждый изъ знакомыхъ съ Св. Писаніемъ членовъ православной церкви, которому будутъ говорить, что въ Римѣ „состоялся новый догматъ", прямо его отвергнетъ, даже не входя въ разсмотрѣніе его содержанія, а по одному тому, что онъ „новый". Норовъ и Сербиновичъ поступить не могли иначе—я это говорю съ твердою увѣренностью и въ защиту ихъ памяти *). Затѣмъ, въ новомъ благовѣствованіи г. Пржецлавскаго самое наивное противорѣчіе и отсутствіе логики. Съ одной стороны, онъ объясняетъ, что, „по сущности" новаго догмата, въ зачатіи Богородицы „не признается никакого различія отъ обыкновеннаго физіологическаго процесса", т. е., говоря словами болѣе опредѣлительными, отъ обыкновеннаго естественнаго и для всего человѣчества общаго порядка плотскаго зачатія; но, съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что для Пресвятой Дѣвы было сдѣлано исключеніе и бы-

*) Вообще, въ своихъ „Воспоминаніяхъ" г. Пржецлавскій имѣетъ обыкновеніе говорить лишь о тѣхъ Русскихъ дѣятеляхъ, которые уже скончались и ничего возразить ему не могутъ; но его невѣрные и большею частью всегда оскорбительные отзывы о нихъ почти постоянно вызываютъ опроверженія и обличенія въ неправдѣ со стороны Русскаго общества. Такъ, напримѣръ, въ защиту Пушкина было напечатано нѣсколько статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ защиту графа Н. Н. Новосильцова написалъ статью П. В. Кукольникъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 года; здѣсь же въ 1873 г. была помѣщена статья издателя о Воспоминаніяхъ г. Пржецлавскаго; въ № 3 настоящаго 1876 года этого же изданія, появилась статья графа Д. Н. Толстаго въ защиту покойнаго Скрипицына. Хотя графъ Дмитрій Николаевичъ отнесся чрезвычайно мягко къ повѣствованію г. Пржецлавскаго, однако это ему не воспрепятствовало высказать слѣдующія общія заключенія о направленіи и духѣ воспоминаній сего писателя о Русскихъ людяхъ: „Г. Пржецлавскій невѣрно характеризуетъ тѣ личности, къ которымъ онъ не чувствуетъ расположенія; дѣлаемыя ему въ печати возраженія онъ оставляетъ безъ отвѣта. Не считая себя въ правѣ обвинять его въ вымыслахъ, можно думать, что въ извѣстныхъ случаяхъ ему измѣняетъ память или что разсказы его не вполнѣ точны; дѣйствія Русскихъ дѣятелей въ интересахъ и на пользу Русскаго государства раздражаютъ тѣхъ изъ иноплеменныхъ Русскихъ подданныхъ, которые руководствуются иными тенденціями и стремятся къ другимъ цѣлямъ".— Къ этой хотя и мягко выраженной, но тѣмъ не менѣе для каждаго читателя вполнѣ ясной и притомъ совершенно справедливой оцѣнкѣ произведеній г. Пржецлавскаго, я съ своей стороны присовокуплю, что если бы В. В. Скрипицынъ былъ живъ, никогда г. Пржецлавскій не рискнулъ бы затронуть его не только въ печати, но даже на словахъ въ такомъ кружкѣ общества, изъ котораго его рѣчи могли бы дойти до Валерія Валеріевича.

ла снята съ нея „та скверна первороднаго грѣха, съ которою родятся всѣ человѣки". Вотъ, послѣ этого, и извольте доискиваться смысла въ этихъ двухъ противоположныхъ понятіяхъ, совершенно исключающихъ одно другое! Въ одномъ изъ нихъ говорится, что не было сдѣлано никакого различія, т. е. исключенія, а въ другомъ, что было сдѣлано исключеніе. Совмѣстить эти два утвержденія невозможно. И выходитъ въ этомъ новомъ благовѣствованіи — путаница полнѣйшая, безъисходная.

Употребленное здѣсь выраженіе, на которомъ построена вся система объясненія новоизобрѣтеннаго Римскаго догмата, а именно, что скверна первороднаго грѣха была „снята", заключаетъ въ себѣ прямое изобличеніе несостоятельности этого ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и полное его опроверженіе. Снять можно только то, что̀ есть; слѣдовательно, это выраженіе составляетъ признаніе, что въ зачатіи Пресвятой Дѣвы и къ ней перешло, преемственно отъ Ея родителей, общее наслѣдіе грѣха первороднаго.

Сочинители и поборники этого новаго Римскаго догмата сами хорошо чувствуютъ слабость и шаткость своихъ ложныхъ мудрствованій: никто изъ нихъ не рѣшается сказать, что при зачатіи Пресвятой Дѣвы могъ быть и былъ отмѣненъ общій законъ природы о передачѣ скверны первороднаго грѣха, т. е. высказать именно то единственное утвержденіе, которое составляетъ безусловную необходимость для поддержанія логичности ихъ тезиса. Нѣтъ, они не осмѣливаются этого сказать; но вмѣсто того, они придумали употребленіе уклончиваго и ровно ничего не опредѣляющаго выраженія—снята, а затѣмъ, далѣе, для поддержанія хотя какъ-нибудь своего „негоднаго пустословія" (по выраженію св. апостола Павла), они вдаются въ излюбленную ими и обычную у нихъ казуистику, самую утонченную, самую безсмысленную, усиливаясь истолковать свое измышленіе посредствомъ соединенія почти въ одинъ нераздѣльный моментъ двухъ совершенно между собою разнородныхъ, отдѣльныхъ и несовмѣстимыхъ дѣйствій—естественнаго зачатія и снятія свойственной поврежденному естеству скверны грѣховной. Они объясняютъ, будто бы эти два разновременныя дѣйствія, изъ которыхъ одно, очевидно, должно предшествовать другому, могли почти слиться въ одинъ моментъ и совершиться почти вмѣстѣ. Жалкое покушеніе лжи и безумія! Жалкое тѣмъ болѣе, что оно направлено къ разрушенію ученія Божественнаго откровенія.

Римское лжеученіе о непогрѣшимомъ зачатіи Пресвятой Богородицы составляетъ заблужденіе существенное.

Божественное искупленіе и возрожденіе рода человѣческаго утверждается на двухъ основныхъ началахъ.

Во первыхъ, искупленіе грѣхопаденія человѣка требовало принесенія Богу жертвы чистой, непорочной. Но въ родѣ Адама не могло родиться ни единаго человѣка непорочнаго, потому что послѣ оскверненія грѣхомъ естества первыхъ двухъ человѣковъ, по преемству отъ нихъ, уже всѣ человѣки родятся въ скверне первороднаго грѣха. Измѣнить этотъ законъ природы было невозможно, ибо всѣ Богомъ созданные законы совершенны и вѣчны.

Во вторыхъ, требовалось принесеніе искупительной жертвы не за грѣхи только людей, жившихъ до времени принесенія жертвы, но вообще всѣхъ людей, которые будутъ жить на землѣ до самаго скончанія вѣка; а для выполненія сего условія было нужно, чтобы этотъ человѣкъ-иску-

питель не подлежалъ закону смерти, но обладалъ бы плотскою жизнію вѣчною, какъ и Самъ Богъ вѣчный, которому онъ приносилъ себя въ жертву для удовлетворенія Его правосудія за грѣхи цѣлаго рода человѣческаго. Но отъ Адама не могъ родиться человѣкъ плотью безсмертный, ибо вмѣстѣ съ грѣхомъ вошла въ человѣчество и смерть.

И вотъ, при этихъ условіяхъ, не измѣняя того вѣчнаго закона, по которому „Ева стала матерью всѣхъ живущихъ“ (Быт. III, 20), всемогущій Богъ, по Своей неизреченной благости и любви къ человѣку, предопредѣлилъ воплотить Своего единороднаго сына отъ Духа Святаго во чревѣ дѣвственной дщери человѣческой, дабы могъ родиться въ цѣломъ родѣ человѣческомъ одинъ человѣкъ непорочный и плотію безсмертный, въ условіи непорочнаго зачатія, для принесенія себя въ жертву искупленія за грѣхи всего человѣчества.

Объ этомъ предвѣчномъ опредѣленіи милосердой премудрости Божіей было сказано змѣю тотчасъ же послѣ грѣхопаденія соблазненныхъ имъ первыхъ двухъ человѣковъ: „и сказалъ Господь Богъ змѣю: вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея; оно будетъ поражать тебя въ голову“ (Быт., III. 14—15). Это сѣмя жены, которое должно было поразить змѣя, т. е. уничтожить дѣйствіе имъ порожденнаго въ мірѣ зла, есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, вочеловѣчившійся отъ Пресвятой Дѣвы Маріи.

О причинѣ и цѣли воплощенія Сына Божіяго мы имѣемъ въ Св. Писаніи множество самыхъ ясныхъ и положительныхъ указаній, изъ которыхъ приведемъ слѣдующія:

Св. апостолъ Павелъ говоритъ: „Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ. Ибо незнавшаго грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ (2-е Коринѳ., V, 19—21). Какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ. Первый человѣкъ изъ земли перстный, второй человѣкъ Господь съ неба. Кровь и плоть не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія (1-е Коринѳ., XV, 20, 22, 47 и 50). Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его (Быт. XXII, 17). Не сказано: и потомкамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ, и сѣмени твоему, которое есть Христосъ“ (Галат., III, 16).

Св. апостолъ Петръ говоритъ, что искупленіе рода человѣческаго совершилось „драгоцѣнною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца“, и что наше возрожденіе совершилось „не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго“, отъ Слова Божія, „живаго и пребывающаго во вѣкъ“ (1-е Посл., I, 19 и 23).

Св. апостолъ Іоаннъ говоритъ: „Іисусъ Христосъ, праведникъ, есть умилостивленіе за грѣхи всего міра“ (1-е посл., II, 1—2). Онъ явился для того, чтобы взять грѣхи наши, и въ Немъ нѣтъ грѣха (III, 5).

Тотъ же апостолъ, говоря о людяхъ, которые чрезъ вѣру во Христа сдѣлались чадами Божіими, уподобляетъ это ихъ духовное возрожденіе—плотскому непорочному рожденію Сына Божія и объясняетъ, что они „не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились“ (Еванг. I, 12—13).

Изъ соединенія приведенныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія мы получаемъ самое точное и полное Божественное откровеніе по разсматриваемому на-

ми предмету. Какъ смерть вошла въ міръ чрезъ одного человѣка, такъ и воскресеніе мертвыхъ совершилось также чрезъ одного человѣка; въ Адамѣ всѣ умираютъ, во Христѣ всѣ оживутъ. Искупленіе рода человѣческаго должно было совершиться принесеніемъ Богу въ жертву агнца непорочнаго, чистаго, въ которомъ нѣтъ грѣха. Рожденіе этого агнца не могло совершиться отъ сѣмени тлѣннаго, ни отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, ибо тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія, но это рожденіе совершилось отъ Самого Бога. Аврааму было дано обѣтованіе о рожденіи въ его родѣ сего непорочнаго Искупителя, при чемъ обѣтованіе объ этомъ безгрѣшномъ рожденіи относилось не до многихъ лицъ, но исключительно только до одного, которое есть Христосъ. Первый человѣкъ, Адамъ, былъ изъ земли перстный, а второй человѣкъ Господь съ неба—Бого-человѣкъ, живой и пребывающій во вѣкъ. Іисусъ Христосъ для того явился на землю, чтобы взять на себя грѣхи наши и быть умилостивленіемъ предъ Богомъ за грѣхи всего міра: потому что только одинъ Онъ праведникъ, въ Немъ нѣтъ грѣха, и въ Немъ мы можемъ сдѣлаться праведными предъ Богомъ.

Такимъ образомъ, въ подлинныхъ словахъ Св. Писанія мы имѣемъ прямое разъясненіе, что въ родѣ Адама, отъ плоти и крови, отъ сѣмени мужа, никогда не могло произойти рожденіе человѣка непорочнаго и что именно по этой причинѣ Богъ предопредѣлилъ воплотить Своего Сына непосредственно отъ Духа Святаго. Изъ сего вытекаетъ, что въ цѣломъ родѣ человѣческомъ должно было совершиться безгрѣшное зачатіе только одного человѣка, т. е. не отъ тлѣннаго сѣмени, оскверненнаго грѣхомъ и зараженнаго смертію, но, сверхъестественнымъ образомъ, составлявшимъ исключеніе изъ общаго для всего человѣчества закона природы. Это сверхъестественное явленіе не могло совершиться иначе, какъ непосредственнымъ дѣйствіемъ естества Божія, а потому и воплощенный Духомъ Святымъ человѣкъ долженъ былъ, по своему зачатію, совмѣстить въ себѣ оба естества Бога и человѣка: Бога — потому что Сынъ Божій, по божеству, принялъ бытіе отъ Бога Отца, и человѣка—по зачатію, потому что Духъ Святый произвелъ человѣческую природу Іисуса Христа въ утробѣ Маріи. Это и возвѣстилъ Маріи ангелъ Гавріилъ: „Духъ Святый найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя; посему и рожденное Святое наречется Сыномъ Божіимъ“ (Луки, I, 35).

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаютъ слѣдующія основныя, совершенно ясныя и твердыя положенія:

По происхожденію отъ Адама и Евы, всѣ ихъ потомки, безъ всякаго исключенія, родятся въ скверпѣ грѣха первороднаго и смертными.

Преемство грѣховнаго оскверненія и смерти, передаваемое въ плоти и крови, изъ которыхъ производится человѣкъ, происходитъ въ самомъ зачатіи его плоти, отъ плоти родителей.

Безгрѣшное зачатіе человѣка, въ смыслѣ его зачатія непорочнымъ, освобожденнымъ отъ первороднаго грѣха и не подверженнымъ смерти—есть явленіе невозможное.

Грѣховное оскверненіе и смерть вошли и входятъ въ плоть человѣка *вмѣстѣ*, *одновременно*, *между собою нераздѣльно и неразрывно*.

На этихъ для всего человѣчества общихъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ, зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи, отъ плоти ея отца и матери, не могло составлять и не составило никакого исключенія. Мы даже имѣ-

емъ тому слѣдующія фактическія удостовѣренія: во-первыхъ, Пресвятая Богоматерь, какъ и всѣ прочіе люди, „умерла въ Адамѣ“, своею естественною смертію; во-вторыхъ, если по свидѣтельству Св. Писанія, Матерь Господа дѣйствительно была одарена благодатью Духа Святаго, то мы знаемъ изъ тогоже Св. Писанія, что и нѣкоторые избранники Божіи были освящены особою благодатью Духа Святаго прежде ихъ рожденія и еще во время ихъ нахожденія во чревѣ матери; но это совершалось не иначе, какъ послѣ ихъ зачатія, послѣ того, какъ они получили бытіе и, притомъ, это освященіе не равнялось освобожденію ихъ ни отъ первороднаго грѣха, ни отъ смерти, унаслѣдуемыхъ всѣми людьми отъ Адама.

Такъ были освящены прежде ихъ рожденія пророкъ Іеремія и Іоаннъ Креститель. Первому изъ нихъ Господь сказалъ: „прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя“ (Іер. I, 5). Объ Іоаннѣ Крестителѣ возвѣстилъ ангелъ Гавріилъ отцу его, Захарію, что Іоаннъ „исполнится Духа Святаго еще отъ чрева матери“, и это совершилось, когда младенцу было шесть мѣсяцевъ, при входѣ въ домъ Захаріи Пресвятой Дѣвы: „когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, взыгрался младенецъ во чревѣ ея, и Елисавета исполнилась Святаго Духа“ (Луки, I, 15, 26, 41).

Въ виду этихъ примѣровъ, церковь вѣруетъ, что Св. Дѣва Марія удостоилась быть освященною еще во чревѣ Ея матери особенною, великою, благодатью, но только послѣ Ея зачатія, и что Она родилась чистою. Величіе Божіей Матери, этого избраннаго, святѣйшаго и чистѣйшаго сосуда, носившаго въ себѣ девять мѣсяцевъ Самого Бога—превышаетъ всякое понятіе разума и не можетъ быть выражено на языкѣ человѣческомъ. Она сама, при всемъ смиреніи Своемъ, сказала, по вдохновенію Святаго Духа, въ отвѣтъ на привѣтствіе Елисаветы: „отнынѣ будутъ ублажать Меня всѣ роды“ (Луки, I, 47—48).

Но далѣе этихъ предѣловъ не можетъ идти прославленіе и ублаженіе Пресвятой Дѣвы. Приравнивать же самое Ея зачатіе къ божественному и непорочному зачатію Сына Божія—составляетъ верхъ безумія и самое богохульное дерзновеніе. Установленіе Римскою церковью новаго догмата о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы — является разрушеніемъ всѣхъ основъ христіанскаго вѣроученія объ искупленіи рода человѣческаго. Если Пресвятая Дѣва была зачата непорочною, то, значитъ, что скверна первороднаго грѣха передается не всѣмъ потомкамъ Адама и, слѣдовательно, свидѣтельство Св. Писанія о томъ, что въ Адамѣ осквернились грѣхомъ и умерли всѣ люди—не вѣрно, ошибочно, ложно; значитъ, что изобрѣтатели новаго Римскаго догмата заслуживаютъ болѣе вѣры, нежели всѣ святые пророки, евангелисты и апостолы, начертавшіе завѣтъ Божественнаго откровенія по непосредственному вдохновенію Духа Святаго.

На этомъ я окончу мое возраженіе г. Пржецлавскому противъ значенія и сущности имъ распространяемой ереси. Но такъ какъ, кромѣ того, онъ рѣшился еще утверждать, будто бы это заблужденіе было личнымъ убѣжденіемъ „всѣхъ папъ“, иначе сказать, всѣхъ главныхъ предстоятелей, учителей и богослововъ Римской церкви во всѣ времена, съ самаго начала ея существованія, то и эта смѣлая, крупная неправда вызываетъ опроверженіе. Я это сдѣлаю съ особенною охотою, потому что при этомъ случаѣ выразится совершенное согласіе, по разсматриваемому предмету, между ученіемъ и вѣрованіемъ православной церкви, выше

мною изложенными, и ученіемъ и вѣрованіемъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ св. отцовъ западной церкви.

Въ „Исторіи Христіанства“ аббата Флери, этой всѣмъ извѣстной, замѣчательной и по своей полнотѣ, учености и добросовѣстному изложенію, лучшей изъ всѣхъ церковныхъ исторій, вышедшихъ изъ подъ пера западныхъ писателей, достоуважаемый ея авторъ повѣствуетъ въ книгѣ 68-й, главѣ LXX, слѣдующее:

„Ко времени около 1140 года относятся знаменитое письмо св. Бернарда къ каноникамъ Ліонскаго капитула касательно новоустановленнаго у нихъ празднованія Зачатія Пресвятой Дѣвы.

„Удивляюсь—говоритъ онъ—о чемъ думаютъ нѣкоторые между вами, предпринимая установленіе новаго праздника, невѣдомаго церкви и недопускаемаго ни разсудкомъ, ни преданіемъ. Но, скажете вы, Матерь Божія достойна великихъ почестей. Вы правы, однако слѣдуетъ воздавать почесть съ разсужденіемъ: Матерь Божія не нуждается въ ложной почести, будучи прославлена въ высшей степени величаніями и достоинствами истинными. Я научился отъ церкви чтить день Ея успенія и день Ея рожденія, твердо вѣруя съ церковью, что Она воспріяла во чревѣ своей матери благодать родиться чистою“. Далѣе, св. Бернардъ приводитъ изъ Священнаго Писанія тѣ мѣста, въ которыхъ говорится, что пророкъ Іеремія и Іоаннъ Креститель были освящены прежде ихъ рожденія, а за тѣмъ присовокупляетъ: „Я не хотѣлъ бы легкомысленно рѣшать, какое было въ этихъ двухъ пророкахъ дѣйствіе сего освященія противъ скверны грѣха первороднаго; но я не опасаюсь сказать, что воспринятое ими оскверненіе, при зачатіи, не могло ихъ лишить при рожденіи той благодати, которую уже они получили. Какъ бы то ни было, совершенно справедливо, что церковь чествуетъ рожденіе св. Іоанна, и недозволительно мыслить, чтобы Богъ отказалъ Пресвятой Дѣвѣ въ томъ, что̀ Онъ даровалъ нѣкоторымъ смертнымъ. Она получила даже то особенное преимущество, что провела свою жизнь безъ всякаго грѣха. Что̀ же можемъ мы еще присовокупить къ этимъ почестямъ? Говорятъ: должно чествовать даже самое зачатіе, которое предшествовало столь достославному рожденію и было его источникомъ. Но гдѣ же тутъ послѣдовательность мысли: зачатіе предшествовало святому рожденію, а потому и оно должно быть святое. Можно съ достовѣрностью сдѣлать заключеніе, что, будучи освящена послѣ своего зачатія, Марія была святою при рожденіи; но это освященіе не могло имѣть дѣйствія обратнаго.—Откуда же происходитъ святость Ея зачатія? Марія не могла быть освящена прежде, нежели получила бытіе, и Она не имѣла бытія прежде, нежели была зачата. Не скажутъ ли, что Она была освящена въ самую минуту Ея зачатія? Но разумъ этого не допускаетъ, потому что Святой Духъ несовмѣстенъ съ грѣхомъ, т. е. съ похотью плотскою, нераздѣльною съ этимъ дѣйствіемъ. Развѣ захотятъ сказать, что Марія была зачата отъ Святаго Духа безъ содѣйствія мужа: это было неслыхано до настоящаго времени. У Іисуса Христа отнимается исключительное Его преимущество, чрезъ предоставленіе онаго также и Его матери, слѣдовательно, этимъ умаляется слава Пресвятой Дѣвы, ничего къ ней не прибавляя. Преимущество безгрѣшнаго зачатія было предоставлено только одному Тому, Кто долженъ былъ освободить всѣхъ прочихъ, то есть Іисусу Христу, Который одинъ былъ святъ даже прежде Своего зачатія.—Для Пресвятой Дѣвы не можетъ быть пріятнымъ нововведеніе, установленное противно обычаю церкви; нововведеніе—мать дерзновенія, сестра суевѣрія, дочь легкомыслія. Я уже имѣлъ случай замѣтить это

заблужденіе у нѣкоторыхъ, но притворился, будто не замѣчаю, извиняя чувство благочестія, происходившее отъ простоты сердца и отъ любви къ Пресвятой Дѣвѣ; но, найдя это самое суевѣріе у людей разумныхъ и въ церкви столь знаменитой, которой я состою сыномъ *), я не могъ бы промолчать, не впадая въ большой проступокъ, даже предъ вами самими".

Аббатъ Флери разсказываетъ, что „церковь чтитъ память св. Бернарда въ день его кончины, а за ученіе, рвеніе и благочестіе, которыми отличаются его богословскія творенія, онъ почитается послѣднимъ изъ отцовъ западной церкви" (кн. 69, гл. LXVII). Онъ былъ погребенъ въ церкви монастыря (въ 1153 г.), въ предѣлѣ Пресвятой Дѣвы, „къ которой онъ всегда питалъ большое благоговѣніе".

И такъ, въ словахъ св. Бернарда, этого послѣдняго изъ отцовъ западной церкви и къ тому же всегда питавшаго особенное благоговѣніе къ Матери Божіей, мы находимъ самое ясное, подробное и рѣшительное осужденіе ереси, заключающейся въ Римскомъ новомъ догматѣ о безгрѣшномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ содержится полное опроверженіе легкомысленныхъ и неосновательныхъ толкованій аматёра-богослова г. Пржецлавскаго. Этотъ послѣдній смѣло заявляетъ, что вѣрованіе въ непогрѣшимое зачатіе Богоматери составляло убѣжденіе „всѣхъ папъ"; а св. Бернардъ свидѣтельствуетъ, что до его времени, т. е. до половины XII-го вѣка, такое ученіе было невѣдомо церкви и не допускалось ея преданіемъ. Г. Пржецлавскій находитъ это вѣрованіе правильнымъ, а свое собственное объясненіе о немъ весьма яснымъ и понятнымъ; а св. Бернардъ называетъ это вѣрованіе заблужденіемъ и суевѣріемъ, котораго разумъ допустить не можетъ. Г. Пржецлавскій не замѣчаетъ никакого противорѣчія, никакого отсутствія логики въ своихъ разсужденіяхъ; а св. Бернардъ объявляетъ, что въ подобнаго рода разсужденіяхъ нѣтъ никакой послѣдовательности мысли. Г. Пржецлавскій учительски внушаетъ, что установленіемъ этого новаго догмата воздается надлежащая почесть Матери Божіей; а св. Бернардъ, который въ продолженіе цѣлой своей жизни питалъ особенное благоговѣніе къ Пресвятой Дѣвѣ и пожелалъ быть погребеннымъ у подножія престола въ предѣлѣ, посвященномъ Ея имени, утверждаетъ, что такое ложное чествованіе не можетъ быть пріятнымъ Богоматери, потому что отнимаетъ у Ея Сына исключительно Ему одному принадлежащее преимущество, и что этимъ не увеличивается, но умаляется слава Матери Божіей, которая не нуждается въ ложныхъ почестяхъ, будучи въ высшей степени прославлена величаніями и достоинствами истинными.

Вотъ совершенно противоположныя одно другому ученія, которыя мы слышимъ изъ устъ двухъ учителей—древняго и новѣйшаго, признаннаго и непризнаннаго. Отъ собственнаго выбора каждаго читателя будетъ зависѣть сдѣлать заключеніе, который изъ этихъ двухъ оппонентовъ заслуживаетъ болѣе довѣрія, на сторонѣ котораго изъ нихъ находится истина и логика и на долю котораго остается одно легкомысленное пустословіе и непростительная самоувѣренность говорить поучительно о предметахъ ему совершенно незнакомыхъ.

Въ заключеніе мы поставимъ вопросъ: что̀ можетъ и обязанъ отвѣтить православный христіанинъ тѣмъ защитникамъ ереси о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, которые покушаются на совращеніе и другихъ

*) Мѣсто рожденія св. Бернарда и монастырь Клерво, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, находились въ епархіи Ліонской.

въ свое пагубное заблужденіе? Если св. Павелъ завѣщаетъ предавать анаѳемѣ, т. е. отлучать отъ церкви даже апостола, или ангела съ неба, который сталъ бы извращать благовѣствованіе Христово, преданное апостолами, то, конечно, ни составитель новаго догмата, Римскій папа Пій IX, съ его соборомъ раболѣпныхъ епископовъ, отрекшихся въ угожденіе ему отъ истиннаго ученія вѣры, ни тѣмъ менѣе новый благовѣститель, г. Пржецлавскій не могутъ имѣть притязанія на признаніе за ними достоинства и авторитета выше апостоловъ или самихъ ангеловъ. Поэтому, каждый православный христіанинъ скажетъ имъ въ отвѣтъ одно: вы отреклись отъ истинной вѣры; но мы не желаемъ быть вмѣстѣ съ вами отлученными отъ истинной церкви, утвержденной на томъ камнѣ вѣры, который вы отвергли.

Сергѣй Сушковъ.

ПОПРАВКА.

Къ письму графини Разумовской на имя В. А. Жуковскаго, напечатанному въ 11-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1875 года, на страницѣ 331-й, гдѣ говорится о графѣ Орловѣ, сдѣлано подстрочное примѣчаніе: „Вѣроятно, проживавшій за границею графъ Григорій Владиміровичъ. П. Б.“

Считаю долгомъ сообщить, что предположеніе это опровергается слѣдующими, вполнѣ достовѣрными данными.

Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ возвратился изъ за границы въ Петербургъ между 9 и 13 Сентября 1825 года (о чемъ было напечатано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“); затѣмъ, 23-го Іюня 1826 года, графъ, состоявшій присутствующимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, умеръ скоропостижно во время самаго засѣданія въ Сенатѣ *).

Такъ какъ вышеприведенное письмо графини Разумовской писано изъ Парижа отъ 27-го Августа 1827 года, т. е. слишкомъ черезъ годъ послѣ кончины графа Григорья Владиміровича, то обстоятельства, упоминаемыя въ письмѣ графини, не могли относиться къ нему.

Григорьевъ.

*

Петрозаводскъ.
27 Апрѣля 1876 г.

Надо думать, что графиня Генріета Разумовская по ошибкѣ назвала *графомъ* Григорія Ѳедоровича Орлова, проживавшаго въ Парижѣ въ помянутое время. *П. Б.*

---

*) Говорили, будто смертный ударъ постигъ графа Орлова вслѣдъ за тѣмъ, какъ ему сообщили о тяжкой карѣ, которая присуждена была наполнявшимъ въ то время Петропавловскую крѣпость декабристамъ. *П. Б.*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ДЕВЯТАЯ КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(Письма графа С. Р. Воронцова).

СЪ ГРАВИРОВАННЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ.

БОЛЬШОЙ ТОМЪ ВЪ 528 СТР.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1876 ГОДА.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Записки *князя Θедора Николаевича Голицына.*— Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.— Записки *Ильи Θедоровича Тимковскаго.*—Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера.—Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Θ. Одоевскаго.

1874 ГОДЪ. *Книга вторая.* Кончина и духовное завѣщаніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.—Два письма *Д. В. Волкова* къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Секретные рескрипты *Екатерины Второй* князю Потемкину. — Предположенія *князя Потемкина* о Польскихъ дѣлахъ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Планъ *князя Потемкина* о наборѣ національныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками *Екатерины Второй.*—Канцлеръ князь Безбородко (Опытъ разработки матеріаловъ для его біографіи) *Н. И. Григоровича.* — Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо *императора Павла* къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма *графа Н. И. Панина* къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ *графа С. Р. Воронцова* къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Изъ Записокъ *Н. И. Лорера* (Декабристы на Кавказѣ). Съ приложеніями стиховъ *А. С. Пушкина, князя А. И. Одоевскаго* и письма *А. Θ. фонъ-деръ Бриггена* о Минихѣ въ Сибири.—Статья *И. В. Кирѣевскаго* о Баратынскомъ съ предисл. *Н. А. Елагина.* — Семь шуточныхъ стихотвореній *С. А. Соболевскаго.*—Неизданные стихи *Θ. И. Тютчева.*—Еще стихи *Θ. И. Тютчева* (Какъ ни бѣсилося злорѣчье).—Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья *И. С. Аксакова.* Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Лица, подписавшіяся до Февраля мѣсяца сего года на Русскій Архивъ въ книжномъ магазинѣ Базунова въ Петербургѣ, благоволятъ доставить въ Контору Русскаго Архива подписныя квитанціи вмѣстѣ съ своими адресами.

Въ С.-Петербургѣ можно подписываться на Русскій Архивъ въ Гостиномъ Дворѣ, въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя годовыя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 годовъ. Прежніе годы Русскаго Архива (1864—1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Отдѣльныя тетради Русскаго Архива 1876 г. не продаются, но отдѣльные томы (въ каждомъ по четыре тетради) можно получать, платя по **три** рубля за каждый томъ.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Контора Русскаго Архива отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку изданія городскимъ подписчикамъ и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали или доставили подписную сумму въ Контору Русскаго Архива (Москва, Никитскій бульваръ, домъ Дюгамеля), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ или станція.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается—64 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ. За перемѣну городскаго адреса на городской или иногородняго на иногородный платится 10 коп. Иначе адресы не мѣняются.

Жалобы высылаются исключительно въ Контору, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанномъ мѣстѣ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей тетради изданія.